

ИСТОРИЯ
МАРКСИСТСКОЙ
ДИАЛЕКТИКИ

ЛЕНИНСКИЙ
ЭТАП

ИСТОРИЯ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

ЛЕНИНСКИЙ
ЭТАП

Издательство «Мысль»
Москва 1973

1 М
И 90

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт философии**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Авторский коллектив:

Г. А. КУРСАНОВ — Предисловие редактора; гл. I (соавтор); § 9 гл. VI; Вместо заключения; **М. М. РОЗЕНТАЛЬ** — гл. I (соавтор); **А. Х. КАСЫМЖАНОВ** и **В. А. ЛЕКТОРСКИЙ** — гл. II; **Л. Н. СУВОРОВ** — гл. III; **В. Е. КОЗЛОВСКИЙ** — гл. IV; **Г. М. ШТРАКС** — гл. V; **С. П. ДУДЕЛЬ** — § 1—8 гл. VI; **В. И. СТОЛЯРОВ** — гл. VII; **А. С. БОГОМОЛОВ** — § 1 гл. VIII; **В. А. МАЛИНИН** — § 2 гл. VIII; **И. Т. ЯКУШЕВСКИЙ** — § 3 гл. VIII.

Ответственный редактор Г. А. КУРСАНОВ

И $\frac{0151-101}{004(01)-73}$ 18-73

© Издательство «Мысль», 1973 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Данная работа подготовлена в Институте философии АН СССР в серии книг по *истории диалектики*.

Главной целью своей работы авторский коллектив ставил показать содержание *ленинского этапа в развитии материалистической диалектики*, раскрыть богатство ленинских идей, их значение для анализа закономерностей современной эпохи, анализа проблем научной революции XX в. Разработка диалектики советскими философами рассматривается в органической связи с революционной практикой, с борьбой Коммунистической партии Советского Союза за построение социалистического и коммунистического общества. Авторы специально анализируют документы и решения XXIV съезда нашей партии, в которых раскрываются объективная диалектика современной эпохи, многообразие ее противоречий в их конкретных исторических проявлениях, определяющие закономерности развития и реальные движущие силы времени, развитие мирового революционного процесса, динамика всех сторон общественной жизни. В документах съезда дается ленинский анализ диалектических закономерностей развитого социалистического общества в СССР, многообразных диалектических связей всех сторон жизни нового общества, реальных путей и перспектив перерастания социализма в коммунизм. Все это имеет решающее практическое и вместе с тем теоретическое и общеметодологическое значение.

Анализируя содержание проблем ленинского этапа, авторы стремились показать громадный вклад Ленина в развитие материалистической диалектики как подлинно научного и революционно-критического метода марксизма. Это относится к постановке и разработке Лениным вопроса о предмете и задачах *диалектики в новую историческую эпоху*, к анализу великой ленинской идеи единства диалектики, логики и теории познания, к анализу Лениным диалектики империализма, диалектик стратегии и тактики революционной борьбы, к его исследованиям диалектики переходного периода и становления социалистического общества. Ленинская теория социалистической революции имеет глубоко диалектический характер. Она всецело основана на научном анализе сущности новой исторической эпохи, на познании ее опре-

деляющих противоречий, главных тенденций и закономерностей мирового революционного процесса. В ленинской теории социалистической революции материалистическая диалектика раскрывает свою сущность как мощное теоретическое оружие революционно-практического изменения мира. Все это означает одновременно глубокое и всестороннее развитие Лениным *теории материалистической диалектики*.

В соответствующих главах рассматривается процесс реализации советскими философами *ленинской программы разработки материалистической диалектики*. Авторы характеризуют труды по разнообразным проблемам диалектики, созданные советскими философами за истекшие годы. На пути реализации ленинской программы в советской философской мысли было немало трудностей, противоречий, велись многочисленные дискуссии, споры. В течение ряда лет, в особенности в 20-е и 30-е годы, философы-ленинцы вели последовательную борьбу с методологией механицизма, с гегельянскими тенденциями, формализацией диалектики, разоблачали троцкистскую фальсификацию марксистской диалектики. Споры и дискуссии велись и в последующие годы, но они носили и носят в настоящее время иной характер, когда с принципиальных позиций марксизма-ленинизма творчески обсуждаются проблемы диалектики, требующие нового и всестороннего подхода в связи с новыми явлениями и процессами и в социальной жизни, и в научном познании. Естественно, это получило отражение в материалах данной книги.

Ленинская идея творческого развития диалектики на базе всего многообразия конкретных наук реализуется в нашей работе несколько иначе, чем это часто имеет место. Мы ставили задачу дать *обобщающее* изложение идей, трудов, результатов, достигнутых в этом отношении в советской философской мысли. В работе дается анализ трудов советских философов и логиков, различных мнений и постановок вопросов о методологических функциях диалектики, о соотношении формальной логики и диалектики, соотношении специальных научных методов и диалектики как всеобщей методологии, отмечается вклад советских ученых-специалистов, представителей общественных и естественных наук, в разработку методологических проблем диалектики. Рассмотрение же та-

ких, например, вопросов, как «диалектика и физика», «диалектика и химия», «диалектика и кибернетика», представляет задачу специального характера, выходящую за рамки данной книги.

Известное внимание в работе уделено проблемам диалектики мирового общественного развития. В документах коммунистических и рабочих партий воплощена диалектическая теория развития современной эпохи, дается анализ движущих сил современного мирового развития, закономерностей революционно-освободительной борьбы нашего времени, развития мирового социализма. Это означает вместе с тем конкретизацию и обогащение диалектики как науки, как глубокого и всестороннего *учения о развитии*. На этой основе дается критика ревизионистских, в том числе маоистских, извращений материалистической диалектики.

В особой главе показана несостоятельность различных «интерпретаций» марксистской диалектики в современной буржуазной философии, означающих по существу искажение ее принципов, ее научного и революционного смысла.

Книга завершается постановкой некоторых общих проблем теории материалистической диалектики, включая вопрос о разработке систем идей и принципов, имеющих всеобщее методологическое значение для научного познания мира в целях его революционного преобразования.

В построении логической структуры книги мы стремились, рассматривая постановку и развитие проблем диалектики в *историческом плане*, давать их *логическое обобщение*.

Поскольку в предлагаемой работе теоретические проблемы диалектики рассматриваются в их историческом развитии, то, естественно, возникает вопрос о периодизации истории диалектики в рамках ленинского этапа. Логика развития философских идей отнюдь не является зеркальным отражением исторических событий, явлений и фактов. Отражение здесь носит сложный, противоречивый, относительно автономный характер. Вместе с тем именно логика движения философских понятий призвана выразить логику эволюции общественного бытия — в обобщенных, концентрированных формах. Поэтому решающие исторические этапы в целом определяют и соот-

ветствующую периодизацию в развитии философских идей.

В связи с этим мы выделяем период до Октябрьской революции, переходный период от капитализма к социализму и период развитого социалистического общества — постепенного перехода к коммунизму. Диалектические идеи и принципы получают в данные исторические периоды соответствующее выражение и раскрывают конкретное содержание общих диалектических закономерностей.

Последнее замечание. Исследованием проблем марксистско-ленинской диалектики плодотворно занимаются многие философы и логики зарубежных стран — и в странах социализма, и в капиталистических государствах, и в последние годы — марксисты освободившихся стран мира. Их исследования имеют большое практическое значение, отличаются оригинальным, конкретным содержанием, анализом специфики и большого разнообразия проявлений общих диалектических закономерностей в соответствующих странах и группах стран. Но все это требует специальных работ в целях углубленной и всесторонней оценки таких исследований.

Глава первая

ПОСТАНОВКА И РАЗРАБОТКА ЛЕНИНЫМ ВОПРОСА О ПРЕДМЕТЕ ДИАЛЕКТИКИ КАК НАУКИ

1. ЭПОХА И ОБЩИЕ ЗАДАЧИ ДИАЛЕКТИКИ

XX век — век триумфа ленинизма, идей бессмертного гения современной революционной эпохи — идей В. И. Ленина. Это эпоха крушения капитализма и победы социализма, небывалой остроты противоречий мирового масштаба, исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и капитализма. Ареной борьбы противоположных сил современности является весь мир, все основные сферы социальной жизни — экономика, политика, идеология, культура. Никогда еще за всю многовековую историю человечества не раскрывалась с такой силой и остротой *диалектика реальной жизни*, как в наше время.

Поэтому анализ сущности и закономерностей такой эпохи мог быть проведен только с позиций диалектического метода в его единстве с материалистическим мировоззрением. Такой анализ был осуществлен Лениным в целом комплексе работ, составивших эпоху в развитии марксизма. Сила и глубина ленинской мысли, ее непреходящее значение для мирового революционного движения объясняются тем, что она формировалась на прочной базе подлинно научной философии и сама всегда служила ее творческому развитию. Внутренней, глубинной основой ленинской теоретической мысли была и остается *материалистическая диалектика*.

Хорошо известны те высокие оценки значения и места диалектики в марксизме, которые неоднократно давал Ленин. Он характеризовал диалектику как решающее в марксизме, его коренное теоретическое основание, стремясь всячески подчеркнуть ее выдающуюся роль в марксистской системе взглядов на мир и в революционно-практической деятельности партии рабочего класса.

Творчески развивая материалистическую диалектику, Ленин прочно опирался на идеи Маркса и Энгельса — основоположников научного диалектического метода. Он высоко ценил все сделанное ими в этой области, как и в

разработке диалектико-материалистического мировоззрения в целом. В статьях «Карл Маркс», «Три источника и три составных части марксизма», в «Материализме и эмпириокритицизме», «Философских тетрадах», в статье «О значении воинствующего материализма» и других своих произведениях Ленин дает всестороннюю характеристику метода Маркса и Энгельса, их неоценимого вклада в историю диалектики.

Критически переработав все ценное, содержавшееся в идеалистической диалектике Гегеля, основоположники марксизма, согласно Ленину, создали единственно научную форму диалектического понимания объективного мира и законов его отражения в человеческом мышлении. Величайшую заслугу Маркса и Энгельса Ленин видел в том, что они органически связали диалектику с материализмом, ибо только материалистическая диалектика служит верным аналогом действительности, а следовательно, и орудием ее познания.

Ленин широко использует в своих работах диалектические идеи и принципы, законы и категории диалектики, опираясь на труды Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и многие другие. Особенно важное значение в этом плане Ленин придавал «Капиталу» Маркса, который он считал энциклопедией материалистической диалектики, неисчерпаемой сокровищницей марксистской науки логики, требуя от современных марксистов максимального ее использования для дальнейшей разработки теории диалектики. По его знаменитому определению, в «Капитале», этом основном труде научного социализма, даны в применении к исследованию капитализма диалектика, логика и теория познания в их неразрывном единстве.

Маркс и Энгельс, как подчеркивал Ленин, дали великие образцы конкретного приложения материалистической диалектики к самым разнообразным областям науки, а также к борьбе пролетариата и его партии за революционное преобразование мира. Значение этой стороны их теоретической и практической деятельности глубоко раскрыто в ленинской статье о переписке между Марксом и Энгельсом.

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — писал он в этой статье, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть

высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (2, т. 24, стр. 264).

Это не просто историческая или историко-философская оценка работы, проделанной основоположниками марксизма. Так оценить роль диалектики мог лишь тот, кто сам глубочайшим образом осознал ее значение для собственной теоретической и практической деятельности.

Приведенные выше строки были написаны накануне первой мировой войны, которая, как буря на своем пути, захватила почти все народы земного шара. Война коренным образом изменила историческую обстановку, со всей беспощадностью обнажила сущность той новой по сравнению с эпохой Маркса и Энгельса стадии, в которую вступил капитализм с конца XIX в., стадии империализма, небывалого обострения противоречий буржуазного общества, последней стадии его существования. Война вызвала к жизни процессы, закономерно завершившиеся рядом революций. Победоносная Октябрьская социалистическая революция в России означала величайший перелом в многовековой истории человеческого общества. В лице этой революции история совершила поворот от капитализма к социализму.

Именно этим в огромной степени объясняется творческий характер уже первых выступлений Ленина, его умение применить марксизм по-новому к своеобразным условиям России и русского революционного движения, по-новому определить некоторые общие процессы и законы общественного развития в условиях наступившей с конца XIX в. империалистической стадии капитализма. Применение диалектики к исторической обстановке, в которой протекала первая русская революция, всесторонний анализ этих условий дали возможность Ленину сформулировать ряд новых положений о закономерностях и движущих силах буржуазно-демократических революций в период империализма, о гегемонии пролетариата в этих революциях, о союзе рабочего класса и кре-

стьянства, о перерастании буржуазной революции в социалистическую, о роли партии рабочего класса в революции, ее стратегии и тактике и т. д. Все эти положения вошли в арсенал современной марксистской теории, без них нет и не может быть современного марксизма.

В бурные годы первой мировой войны мысль Ленина переживает необычайно интенсивный творческий подъем. Он исследует сущность империализма как новой, высшей стадии капитализма и создает труд, составляющий прямое продолжение и развитие «Капитала» Маркса. Его «Империализм, как высшая стадия капитализма» стал тем теоретическим прожектором, который осветил и прояснил закономерности экономического и политического развития в новую эпоху, задачи борьбы рабочего класса. В ряде работ Ленин раскрывает специфический характер войн, ведущихся капиталистами в этот период, теоретически обосновывает их отличие от войн прошлой эпохи, когда капитализм находился в стадии становления и развития, сопоставляет империалистические войны с войнами национально-освободительными, характеризует реакционную сущность первых и прогрессивный характер вторых. Он дает всестороннюю, многогранную характеристику новой исторической эпохи, ее экономических, политических, идеологических и других особенностей, показывая, как все эти особенности необходимо подводят к социалистической революции. В эти годы Ленин в результате своего теоретического анализа сущности новой исторической эпохи делает смелый и мужественный вывод о новой закономерности развития социалистической революции, заключающейся в том, что последняя первоначально побеждает в одной или немногих странах, а не сразу во всех или большинстве стран, как полагали соответственно прошлым условиям основоположники марксизма. В эти же годы Ленин в своих работах дает глубокую характеристику сущности оппортунизма и реформизма как одного из идеологических проявлений эпохи империализма в рабочем движении, противопоставляет оппортунистической стратегии и тактике, основанной на метафизических представлениях, революционную стратегию и тактику, творчески разрабатывает ее законы в новых условиях.

Ленин был архитектором и строителем нового, социалистического общества. Научный ленинский план по-

строения социализма, преобразований во всех сферах социальных отношений людей является органической составной частью созданной им теории социалистической революции.

Ленинская теория революционного преобразования мира имеет глубоко диалектический характер. Она зиждется на диалектико-материалистическом понимании объективных законов развития общества, на исследовании внутренне противоречивой сущности социальных явлений, на раскрытии связи и взаимодействия объективных и субъективных факторов революционного процесса. Диалектический анализ есть альфа и омега ленинской методологии исследования сложнейших теоретических и практических проблем борьбы революционных сил эпохи империализма как кануна социалистической революции и новой эпохи — перехода человечества к социализму и коммунизму.

Глубоко, всесторонне, систематически на различных этапах и поворотах революционной борьбы Ленин исследует проблемы диалектики. В особенности в периоды острых политических и военных конфликтов и потрясений, крутой революционной ломки социальных устоев жизни миллионов людей, высочайшего творческого напряжения Ленин изучает, развивает и последовательно и гибко применяет оружие диалектики во всей теоретической и практической борьбе. Все произведения Ленина, все его труды и выступления глубоко пронизаны идеями и принципами революционной диалектики. Он исследует все важнейшие проблемы диалектики, не жалеет сил и времени для подробнейшего конспектирования разнообразных работ по диалектике начиная с ее древних источников и особенно работ Гегеля, делает из них подробные выписки, сопровождая их своими замечаниями, оценками, переводя ряд положений гегелевской идеалистической диалектики на язык материалистической диалектики. Эта работа Ленина получила свое специальное воплощение в его «Философских тетрадах» и далее в его философском завещании «О значении воинствующего материализма», где он со всей силой поставил задачу всестороннего исследования диалектики.

С исключительным вниманием Ленин изучает диалектические процессы в развитии научной мысли, связанные с новейшей революцией в естествознании. Его основ-

ное философское произведение, написанное после революции 1905 г., — «Материализм и эмпириокритицизм» до сих пор остается классическим образцом анализа с позиции материалистической диалектики новых достижений естествознания, глубочайшего проникновения в их сущность и беспощадной критики безуспешных попыток идеалистической философии ввести эти достижения в русло чуждых науке философских концепций. С гениальной прозорливостью Ленин в этом произведении доказал, что современная физика в муках рождает диалектический материализм, материалистическую диалектику — предвидение, полностью подтверждаемое современной наукой.

Вместе с тем это ленинское произведение дает яркий пример того, как следует использовать развитие науки для творческого совершенствования самой диалектики, диалектического материализма, их категориального аппарата. В нем глубоко разработана применительно к новому уровню естествознания материалистическая теория отражения, исследованы диалектический характер отражения в человеческом сознании внешнего мира, диалектический процесс познания объективной истины, понимание научных истин как единства относительного и абсолютного. Непреходящее значение имеет уточнение Лениным в связи с новыми данными науки ряда категорий диалектического материализма, таких, как материя, движение, пространство и время, причинность, необходимость и свобода, сущность и явление и др.

Глубокая связь разработки теории марксизма применительно к новым историческим условиям и исследованиям диалектики не была у Ленина случайной, внешней связью. Некоторые буржуазные критики ленинизма, отмечая огромное внимание Ленина к вопросам диалектики, объясняют это тем, что он был преимущественно «человеком действия», «инженером», видевшим главную цель в творении, в созидании. Диалектика с этой точки зрения рассматривается как некое искусственно созданное орудие вроде пилы или молота, служащее в руках плотника или кузнеца средством выделки новых предметов. «Этому столь ярко выраженному человеку действия, — пишет, например, о Ленине неотомист Ю. Бохеньский, — диалектика давала основания для приоритета действия и открывала ему для этого действия безграничную область». Отсюда-де проистекает отноше-

ние Ленина к диалектике, поэтому она «душа марксизма», его «религия» (410, стр. 98). То же самое фактически проповедуют австрийские ревизионисты Э. Фишер и Ф. Марек, утверждающие, что Ленин отнюдь не был философом-теоретиком, а только практиком, агитатором и пропагандистом, вождем действующей партии. Поэтому он на все теории и идеи, в особенности на диалектику, смотрел-де чисто прагматически, утилитарно.

Конечно, критики Ленина ничего не поняли ни в марксизме, ни в диалектике как его коренном теоретическом основании. Им кажется или они делают вид, что им кажется, будто диалектика произвольно создана людьми для оправдания своих действий. Она не имеет, по их мнению, никаких корней в объективном мире, ее корни исключительно в умах «людей действия», т. е. коммунистов. Бесспорно, Ленин, как и Маркс и Энгельс, высшую свою цель видел в практической реализации идеалов коммунизма. Но как эти идеалы, так и их философские основания, в том числе и диалектика, понимались и разрабатывались им как отражение объективных, реальных условий и законов развития общества (и природы). Силу материалистической диалектики Ленин видел именно в том, что она позволяет человеческой мысли наиболее точно отражать и воспроизводить реальный, необычайно сложный и противоречивый процесс развития самой действительности.

✓ Ленин это сам прекрасно выразил в своем фрагменте «К вопросу о диалектике» словами, что диалектика есть «*живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности» (2, т. 29, стр. 321).

Диалектика, по Ленину, дает возможность находить все новые и новые оттенки, грани, способы, пути подхода к развивающейся действительности и тем самым правильно ее познавать и преобразовывать. Ленин занимался исследованием новых сторон, «моментов» диалектики для того, чтобы правильно подойти к тем вопросам, какие еще никогда не стояли перед человечеством, но которые встали и на которые нужно было дать ответ с позиций науки. Именно такое понимание диалектики позволило Ленину дать адекватные требованиям эпохи научные ответы на важнейшие вопросы бытия и позна-

ния, вскрыть объективную логику общественного бытия, что он считал одной из важнейших задач революционной науки и практики.

Слова о диалектике как способе познания «с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности» показывают, что Ленин видел в ней то начало, которое позволяет марксизму быть живым и творческим учением, вечно развивающимся и обогащающимся новым историческим опытом, новыми данными науки. Он ставил творческий характер марксизма в прямую связь с его методом, революционно-критическим в его сущности.

Приводя в своей статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» слова Энгельса о том, что марксизм не догма, а руководство к действию, Ленин писал: «В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» (2, т. 20, стр. 84).

Следовательно, диалектика, по Ленину, выступает в качестве фактора, стимулирующего марксизм к непрерывному развитию и совершенствованию, толкающего его вперед, способствующего связи теории с практическими задачами, неизбежно меняющимися от одной исторической эпохи к другой. Она, в его понимании, не должна и не может терпеть ничего мертвого и окостенелого, ничего, что дает право на «успокоенность» и неподвижность теоретической мысли. Ленин показывает, что в принципах, какими оперирует диалектика, нет и не может быть никаких ограничений в способах подхода к действительности, она содержит в себе возможность подходить каждый раз перед лицом новых фактов и поворотов действительности по-новому, гибко и всесторонне, чтобы максимально полно и глубоко уловить, «схватить», выразить ее движение и развитие.

Поэтому к марксизму в целом, как и ко всякой подлинной науке, неприменимо слово «стареть», он постоян-

но развивается, впитывая в себя все новый и новый опыт непрерывного развития мира. Это тем более необходимо подчеркнуть, что один из распространенных ныне приемов борьбы против марксизма заключается в противопоставлении марксистского *метода* марксизму как *системе* экономических, политических, идеологических взглядов, как *теории* научного коммунизма. На том основании, что метод марксизма требует учета новых условий, делается вывод, будто марксизм уже не отвечает современным потребностям, ибо представляет собой «жесткую» систему «устаревших» догм.

В действительности роль диалектического метода Ленин видит именно в том, что он позволил марксизму выработать стройную, глубоко научную систему взглядов на развитие общества, в которой органически невозможно отделить метод марксизма от его политической экономики и теории научного коммунизма.

Как причудливо развивается история! Бернштейн — «отец ревизионизма» — видел и понимал связь метода марксизма и его учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. И потому, будучи реформистом, он стремился устранить диалектику, называя ее «предательским элементом» в марксизме, чтобы тем легче было истолковать марксизм в духе буржуазного либерализма и эволюционизма.

Современные же буржуазные и реформистские идеологи обвиняют в догматизме марксизм как систему, искусственно противопоставляя его диалектике как методу. Они называют догматическим и метод диалектического анализа, применяемый «ортодоксальным марксизмом». Весьма характерным явилось в этом плане выступление К. Поппера с известной книгой «Предположения и опровержения», в которой содержатся типичные для многих современных критиков марксизма аргументы. Прежде всего он называет «крайне догматическим утверждение», что «физическая реальность развивается диалектически». И хотя, как он говорит, его критицизм не направлен против материализма, но именно «соединение диалектики и материализма представляется несравненно худшим, чем диалектический идеализм» (479, стр. 331). Отсюда у него следуют опровергнутые самой жизнью заявления, что реальная история якобы отнюдь не развивается диалектически, т. е. революционно и прогрессивно, как это опи-

бочно, по его мнению, утверждает марксизм исходя из «догматических устремлений».

Точно так же несостоятельны заявления Поппера о якобы несовместимости марксистской диалектики и критицизма. Он говорит, что антидогматические и критические намерения молодого Маркса были отброшены его последователями, которые «не терпели критицизм» и превратили марксизм в догматическую систему. Более того, сама диалектика оказывается повинной в том, что из марксизма исчезли все первоначальные антидогматические моменты. «Благодаря диалектике, — утверждает Поппер, — марксизм вырос в догматизм, который достаточно гибок, чтобы, применяя диалектический метод, пытаться уйти от дальнейшей критики. Тем самым он стал тем, что я называю *усиленным догматизмом*» (479, стр. 334. Курсив наш. — *Авторы*). Это «оригинальное», но совершенно несостоятельное утверждение.

Не следует забывать, что история развития марксизма — сложный и противоречивый процесс. Почти с первых лет его создания и вплоть до наших дней необходимо было вести последовательную и непримиримую борьбу против всех его искажений, вульгаризации, опошления его оппортунистами. В истории марксизма действительно имела место его догматизация со стороны Каутского и других теоретиков II Интернационала, а в настоящее время — у китайских теоретиков с их культом «абсолютной непогрешимости» Мао Цзэ-дуна, с их прямолинейностью и примитивизмом (при всем ее различии во всех этих случаях). Но именно сила и эффективность марксизма-ленинизма раскрылись в решительном преодолении и опровержении всех и всяких догм, в разоблачении всех форм его догматизации.

Ленин необычайно высоко оценивал значение диалектики, которая, *будучи учением о развитии*, позволяет марксизму творчески развиваться, наполнять свои положения конкретным историческим содержанием и, следовательно, не подвергать их опасному воздействию процесса ржавления.

С другой стороны, сама диалектика, соприкасаясь с новой исторической практикой, с новыми открытиями наук о природе, развивается, конкретизируется, становится богаче. Эту сторону вопроса со всей настойчивостью подчеркивал Ленин, требуя и к методу марксизма подхо-

дить не как к неизменному канону. Достаточно напомнить его мысль, высказанную в «Философских тетрадах», что нельзя догматизировать диалектику капитализма, исследованную Марксом в учении о буржуазном способе производства, превращать ее в некую абсолютную форму развития. Ленин называл эту диалектику лишь «частным случаем» диалектики вообще, вполне понимая, что в социалистическом обществе диалектика развития необходимо будет иметь новый вид, новую форму, наполненную новым содержанием.

Конечно, в отличие от других наук, изучающих те или иные конкретные явления природы и общества и их законы, философия имеет дело с наиболее общими законами действительности. Поэтому кажется, что ее понятия и категории имеют неизменный характер. Но на деле самые общие законы природы, человеческого общества и мышления, которые исследует марксистская философия, не проявляются и не могут проявляться одинаково в любых исторических условиях. Великие переломы в развитии общества, новейшие достижения науки и результаты научно-технического прогресса вызывают необходимость в конкретизации, развитии самих категорий, понятий философской науки, наполнении их новым, богатым содержанием.

Сила и мощь марксистского метода познания сказываются не только в том, что он помогает правильно подходить к действительности и, следовательно, правильно решать научные и практические вопросы, но и в том, что в живом взаимодействии с практикой он сам непрерывно обогащается, конкретизируется, раскрывает новые стороны и оттенки, делающие его еще более отточенным орудием познания и практической деятельности.

Этим объясняется тот факт, что Ленин требовал от марксистов непрестанного внимания к вопросам диалектики, разработки ее теории, комментирования ее «образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много» (2, т. 45, стр. 30). И сам он сделал для ее развития необыкновенно много, с ним по праву связана новая эпоха в развитии марксизма в целом, марксистского метода в частности.

2. ПОСТАНОВКА В. И. ЛЕНИНЫМ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Исходя из известного, ставшего классическим определения Энгельса диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, Ленин рассматривает ее как *универсальную теорию развития*.

В статье «Три источника и три составных части марксизма» он дает следующее определение диалектики: это «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» (2, т. 23, стр. 43—44).

В этих словах обращает на себя внимание полемическое подчеркивание того момента, что диалектика дает наиболее полное и «свободное от односторонности» учение о развитии. Мы далее специально остановимся на этой важной стороне вопроса, — Ленин не просто излагал диалектику, а развивал ее в борьбе против поверхностных и односторонних, по существу метафизических концепций развития, столь характерных для современных буржуазных и ревизионистских философских, социологических и исторических воззрений.

Определив место и роль диалектики в марксизме и в науке вообще, Ленин раскрывает богатейшее содержание, различные стороны и грани ее как философской науки, как всеобщей теории развития. В этой связи важное значение имеет его критика плехановского понимания диалектики. Ленин, как известно, очень высоко оценивал философские произведения Плеханова, указывая, что нельзя стать сознательным марксистом, не изучив всего того, что сделано Плехановым в этой области. И вместе с тем Ленин сделал ряд серьезных критических замечаний по его адресу, по поводу его подхода к проблемам материалистической диалектики.

Эти замечания существенны потому, что они показывают понимание самим Лениным содержания диалектики как науки. Они идут по двум основным линиям: (1) сводя, по выражению Ленина, диалектику к сумме примеров, Плеханов не исследовал ее как науку, теорию, как систему законов и категорий, связанных воедино общими принципами отражения в мышлении диалектики объективного мира и обобщенном огромной многовеко-

вой практики исторического развития человеческой мысли; (2) Ленин упрекает Плеханова за то, что тот не разрабатывал диалектику как логику и теорию познания, что имеет исключительное значение для ее правильного понимания.

Рассмотрим каждую из этих двух линий, которые Ленин рассматривает критически, раскрывая одновременно богатство содержания материалистической диалектики.

Выступая против сведения диалектики к «сумме примеров», Ленин, разумеется, не был против того, чтобы иллюстрировать и подтверждать принципы и положения диалектики примерами и фактами из различных областей объективного мира. Ленин имел в виду другое, прямо относящееся к его постановке вопроса о разработке диалектики как науки, теории. Примером из области природы, общественной жизни, мышления можно только облегчить понимание сущности диалектики, подтвердить правоту ее принципов, но невозможно раскрыть ее значение как науки о всеобщих законах развития. Если данный пример подтверждает и хорошо иллюстрирует то или иное диалектическое положение, то нельзя ли подобрать примеры иного рода, которые бы опровергали или по меньшей мере не подтверждали его? Именно по этому пути идут многие противники материалистической диалектики из лагеря буржуазной философии. Они с лупой в руках ищут факты, которые хотя бы в малейшей степени служили примером против диалектики. Конечно, подобных примеров найти невозможно, но не так уж трудно любой факт повернуть таким образом, чтобы констатировать: в нем нет отрицания отрицания или борьбы противоположностей. Известен случай с Сиднеем Хуком, который привел следующий пример: если зерно уничтожить, то не получится никакого «отрицания отрицания», т. е. развития с возвратом к исходному началу, но на высшей основе. Пример этот, однако, совершенно неуместен, поскольку закон отрицания отрицания обобщает процессы развития, а при уничтожении зерна бессмысленно говорить о каком бы то ни было развитии.

Сведение диалектики к сумме примеров содержит в себе возможность чисто позитивистского к ней подхода, для которого типичным является следующее рассуждение: хорошо, вы приводите тысячу примеров истинности диалектических принципов, но вдруг обнаружится 1001-й

пример, который опрокинет эти принципы или станет одним из исключений из них, и тогда все ваше здание рухнет. Ярким выражением именно такого позитивистского подхода к диалектике, не признающего ее наукой, научной теорией, может служить статья А. Дж. Айера «Философия и наука», написанная для журнала «Вопросы философии».

Айер выступает против материалистической диалектики с чисто позитивистских позиций. Он отрицает в принципе возможность такой философии, которая бы дала «целостную доктрину» и позволила бы в обобщенном виде описывать явления мира. Отрицая материалистическую диалектику как подобную доктрину, он действует путем сведения ее к примерам, из которых одни, на его взгляд, подтверждают, а другие опровергают ее. Отсюда он делает вывод о локальном, ограниченном, а не о всеобщем значении ее принципов. Он пишет, что основной недостаток всевозможных попыток создания философии как «целостной доктрины» состоит в том, что «предложения, возникавшие в их результате, были лишены фактического содержания» (22, стр. 97). Под «фактическим содержанием» он понимает конкретное частное содержание, какое, например, заключается в любом физическом, биологическом или другом предложении. Так, согласно его мнению, положение о том, что каждое явление имеет свою причину, лишено фактического содержания. Если же ему придать тот смысл, который вкладывает в него старый, механический материализм, т. е. что при условии знания исходных данных (положения и скорости) каждой материальной частицы можно определить в любой отрезок времени дальнейшее положение этой частицы, то тогда принцип причинности приобретает фактическое содержание. Но тогда этот принцип утрачивает свое всеобщее значение, поскольку в квантовой механике, например, подобная форма детерминизма не имеет места. Дилемма поэтому такова: либо философские принципы имеют всеобщее значение, но это последнее оплачивается тяжелой ценой утраты фактического содержания, либо они имеют фактическое содержание, но тогда они становятся ограниченными и нефилософскими.

Эту аргументацию Айер направляет против диалектики, против признания ее всеобщего значения. Подходя к

диалектике и ее принципам с позиций отрицания общего, Айер утверждает: в области общественной жизни диалектика находит свое применение и оправдание (такое признание само по себе уже ценно), а в области физики и других естественных наук не находит. Ему кажется, что принцип диалектических противоречий, если его сформулировать как конфликт «экономических интересов разных классов», из неопределенного становится определенным, т. е. приобретает фактическое содержание. «В этом случае, — заявляет он, — неопределенная идея о естественных противоположностях получает конкретное содержание» (22, стр. 99). В действительности, конечно, в этом случае не «неопределенная» идея о противоположностях получает содержание, а совершенно определенная и содержательная идея конкретизируется, проявляется в одном из многих частных выражений. Айер хочет отождествить одно из таких частных выражений с сущностью самого закона и тем самым лишить его всеобщего значения. Но общее в качестве такового в силу своей общей природы и не может иметь всюду одинакового выражения. Более того, если даже в применении к общественному развитию свести всеобщий закон противоречий к примеру с конфликтом «экономических интересов разных классов», то он утратил бы и в этой, т. е. общественной, сфере свое всеобщее значение, ибо при социализме и коммунизме нет места для такого рода конфликтов. Это отнюдь не означает, как утверждают некоторые наши критики, «смерть» диалектики и диалектического закона противоречий. Это лишь еще раз говорит о неправильности сведения законов диалектики к тому или иному частному примеру их проявления.

Смысл ленинского требования не сводить диалектику к «сумме примеров» и заключается в том, чтобы раскрыть и исследовать всеобщий характер ее принципов, имеющих силу законов. Примеры сами по себе этого не дают, этого можно достигнуть только посредством анализа реальной действительности, анализа развития самих вещей, обобщения их существенных связей и отношений. Дать теорию диалектики, подойти к ней как к науке, по Ленину, означает исследовать принципы диалектики как законы, имеющие всеобщее значение, ставящие определенные требования подхода к действительности и ее познанию. Если этих функций те или иные фило-

софские принципы не выполняют, то они не составляют научной теории. Именно эту сторону главным образом и подчеркивает Ленин, требуя разработки теории диалектики. Он видит недостаток плехановского подхода к диалектике в том, что такой, например, ее существенный принцип, как единство противоположностей, «берется как сумма *примеров*... а не как *закон познания* (и закон объективного мира)» (2, т. 29, стр. 316).

Но что это значит — брать это положение как закон? Ленин дает ясный ответ: это значит признавать противоречивые, *взаимоисключающие*, противоположные тенденции «во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)». И из того, что это всеобщий закон, вытекает определенное требование для нашего познания: «Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни, — пишет Ленин, — есть познание их как единства противоположностей» (2, т. 29, стр. 317).

Айер считает, что если теория имеет всеобщее значение, то она якобы вследствие этого теряет свою «объяснительную силу». Но дело обстоит как раз наоборот. Именно потому, что теория диалектики имеет всеобщее значение, поскольку она обобщает то существенное, что свойственно всем явлениям, она обладает огромной объяснительной силой и предъявляет определенные требования к познанию фактов. Конечно, позитивист может сказать: вы воюете против сведения диалектики к сумме примеров, но сами заявляете, что ваша диалектика имеет претензии на обобщение всех явлений; но если это так, то не вводите ли вы задним числом необходимость рассмотрения еще и еще одних примеров, в противном случае невозможно доказать ее всеобщий характер и всеобщее значение. Но тут мы уже сталкиваемся с ненаучным, именно позитивистским пониманием закона. Наука никогда не исчерпает суммы фактов, обобщением и выражением сущности которых служит закон. Если научный анализ правильно вскрывает сущность действительности, то не имеет значения, какое количество фактов исследовано — сто или сто один. Если же встать на путь бесконечного исследования фактов и примеров, объяснением которых является данный закон, то последний не будет открыт никогда.

Ленинское требование исследовать диалектику как

науку, теорию означает рассмотрение ее в качестве «целостной доктрины», дающей нам объяснение законов, которым подчиняются факты действительности и принципы ее отражения в человеческом мышлении. В таком подходе к диалектике содержится понимание ее неопределенного эвристического значения.

Отсюда вытекает и следующий чрезвычайно важный момент. Всякая научная теория есть обобщение явлений и процессов действительности. Обобщение в свою очередь есть отражение сущности, существенно общего в массе явлений. Чтобы выразить эту сущность, научная теория создает законы, понятия, категории, формулирует определенные суждения, предложения и т. д. Особенно важное значение во всякой научной теории имеют законы и понятия, в которых резюмируется самое важное и существенное из результатов, добытых в процессе познания объективного мира.

Философия не составляет исключения. Подобно всякой науке результаты своего обобщения она резюмирует в форме законов, понятий, категорий и т. д. При этом первостепенное значение в философии приобретают законы и категории как такие формы отражения действительности, которые позволяют охватить и выразить предельно широкие обобщения. Таковы, например, наиболее общие законы развития, формулируемые диалектикой, или общие законы общественного развития, даваемые теорией исторического материализма, таковы категории бытия, мышления, пространства, времени, движения, содержания, формы, необходимости, случайности, общественно-экономической формации, способа производства, базиса, структуры, надстройки и многие другие.

Постановка Лениным вопроса о разработке диалектики как науки включает в себя в качестве одного из важнейших требований исследование ее в форме законов и категорий, в совокупности своей охватывающих все ее стороны и положения. Не случайно в целом ряде своих работ Ленин огромное внимание уделяет проблеме законов и категорий. Он дает общие определения понятий и категорий, объясняет их значение как ступеней, узловых пунктов познания мира, как выражения существенных связей диалектических категорий, подчеркивает их гибкость, связь, взаимопереходы, противоречивость и т. д.

Если законы и категории вообще суть «узловые пунк-

ты» познания мира, то в самой диалектике как теории развития законы и категории должны, согласно Ленину, составлять ее костяк, скелет, поскольку в них и посредством их выражаются различные стороны всеобщего процесса развития объективного мира и его познания. Диалектика поэтому лишь тогда может быть исследована как научная теория, когда она берется как связная совокупность законов и категорий. В качестве замечательного примера такого подлинного теоретического подхода к исследованию Ленин приводит «Капитал» Маркса, представляющий связную и цельную систему экономических законов и категорий.

Он видит положительную сторону «Науки логики» Гегеля помимо прочего именно в том, что в ней развитие мира выражено в категориальной форме. Каждая отдельная категория учитывает какую-то отдельную сторону, отдельные связи и отношения целого (т. е. мира), и все они в своем взаимодействии и взаимопереходах выражают целое. Ленин дает чрезвычайно поучительный образ этой логической картины мира, позволяющей понять все значение категорий для диалектики как философской науки.

«Река и *капли* в этой реке. Положение *каждой* капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения — прямая, кривая, круглая etc. — вверх, вниз. Сумма движения. Понятия как *учеты* отдельных сторон движения, отдельных капель (= „вещей“), отдельных „*струй*“ etc. Вот à peu près* картина мира по Логике Гегеля, — конечно, минус боженька и абсолют» (2, т. 29, стр. 131—132).

Материалистическая диалектика в этом отношении, согласно Ленину, продолжает и развивает лучшие традиции всей прошлой философии, начиная с Аристотеля, в которой категориям придавалось большое значение как орудию философского постижения и объяснения мира в противовес современному позитивизму, всячески принижающему их и опустошающему их реальное объективное содержание**. При этом Ленин далек от мысли о том,

* Приблизительно. — *Прим. ред.*

** Р. Гароди в книге «Марксизм XX века» под флагом критики догматизма фактически ревизует важнейшие ленинские идеи о диалектике. Для него не существует ни ее принципов, ни законов, ни категорий. Идя за Сартром, он говорит вообще о «диалектическом

что число философских категорий должно быть строго определенным и раз навсегда данным. Поскольку мир бесконечен в своем развитии и столь же безгранично познание его, движение человеческой мысли в глубь материи, постольку и количество категорий и понятий не имеет какой-то определенной границы. Новые данные, новые условия порождают новые философские понятия и категории. Конечно, по сравнению с специальными науками, где в силу большей конкретности содержания и самого предмета исследования быстрее изменяется и развивается познание и поэтому быстрее растет число новых понятий, философская наука со своими категориями более, так сказать, устойчива. Но и здесь система категорий и понятий при всей их предельной общности не находится в замкнутом состоянии.

В подлинной науке проблема взаимосвязи, координации и субординации законов, понятий, категорий — одна из труднейших и вместе с тем важнейших проблем, без решения которой нет и не может быть науки. Ленин закономерно поставил этот вопрос в отношении к науке диалектики, диалектической логике в «Философских тетрадах», и не только поставил, но и указал пути и принципы подхода к его решению. Наряду с отмеченными выше чертами, характеризующими диалектику как теорию, как науку, эта ее особенность, т. е. то, что она должна быть исследована как система законов и категорий, безусловно, составляет, по Ленину, одну из важнейших и существенных черт. Между тем некоторые исследователи марксистской философии испытывают страх перед самим понятием системы материалистической диалектики. Им мерещится идеалистическая система логики Гегеля, в которой они видят только присущие ей недостатки, искусственность и натянутость ряда переходов и т. д., затушевывая то глубоко рациональное и положительное, что в ней содержится и что всегда подчеркивалось Лениным. У ряда авторов отрицательное отношение к самой поста-

разуме», его «некоторых чертах» и требованиях, выступающих лишь в качестве «рабочих гипотез». Вся диалектика получает у него значение «проекта», «модели» и все еще находится «в состоянии становления» (см. 432, стр. 58—66). Объективно-истинный смысл законов и категорий диалектики, их громадное познавательное значение по существу игнорируются Гароди — они трактуются им с позиций релятивизма, столь характерного для ревизионистских воззрений.

повке данного вопроса вызвано, видимо, боязнью декретирования какой-то жесткой системы, которой будто бы нужно при всяком изложении диалектики полностью придерживаться и т. п. В действительности, конечно, речь идет вовсе не об этом, и, как мы знаем, сам Ленин, излагая вопросы диалектики и диалектической логики, выдвигал на первый план в зависимости от преследуемых целей то одни, то другие ее стороны. И тем не менее он же ставил вопрос о связи, порядке, последовательности категорий диалектики, придавая этому важное методологическое значение. При этом Ленин имел в виду не какую-то жесткую систему, а разработку общих принципов подхода к этому вопросу, которые указали бы руководящую идею и исключили произвол и субъективизм, определили общие рамки правильной постановки и решения этой задачи.

В самом деле, что бы мы сказали, если бы политическая экономия капитализма излагалась начиная, скажем, с понятия цены производства, затем от нее переходила к категории прибавочной стоимости и от последней — непосредственно к земельной ренте? Или если бы химия при изложении и исследовании периодической таблицы химических элементов шла от элемента урана к водороду, от водорода непосредственно к азоту и т. п.? При такой «системе» понятий невозможны были бы сами эти науки.

В этом смысле проблема *структуры диалектики* имеет первостепенное значение. С научной точки зрения необходимо решить вопрос о последовательности и месте каждой категории в общей системе диалектических законов и категорий. Но значение научной структуры, системы понятий диалектики, как и всякой иной науки, не подчинено, разумеется, одной лишь цели правильного изложения научного материала. В действительности значение системы, структуры понятий в каждой науке значительно глубже; она указывает путь исследования конкретного содержания изучаемой области объективного мира, устанавливает такое соотношение, такую внутреннюю связь между понятиями, которая выражает реальную взаимосвязь и переходы самих объективных явлений и процессов.

Таким образом, требование Ленина исследовать диалектику как цельную теорию содержит, на наш взгляд,

три наиболее важных момента: не сводить диалектику к сумме примеров, а раскрыть всеобщий характер ее законов как законов развития объективного мира и познания; разрабатывать ее как совокупность определенных законов и категорий, через посредство которых выражается ее содержание; законы и категории должны рассматриваться в единой структуре диалектики как связной научной системы, непрерывно развивающейся на основе новых данных науки и нового практического опыта человечества.

3. МНОГОГРАННОСТЬ ДИАЛЕКТИКИ КАК НАУКИ. ЕЕ СТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТЫ

На основе постановки принципиальных проблем теории диалектики Ленин развивает идею многогранности ее содержания и форм и выдвигает проблему структуры диалектики как научной системы, что имеет в свете современного уровня и характера научного познания исключительно важное значение.

Раскрывая богатое и многогранное содержание диалектики, Ленин выдвинул свое знаменитое положение о ней как логике и теории познания, подчеркивая единство этих органически связанных компонентов. Мы не ошибемся, если скажем, что Ленин первый среди марксистов поставил этот вопрос в полном его объеме и тем самым раскрыл новую важнейшую сторону предмета, содержания и характера диалектики.

Этот вопрос будет специально рассмотрен в следующей главе. В плане общепринципиальной постановки отметим, что ленинское положение о единстве диалектики, логики и теории познания, развивающее взгляды на этот вопрос Гегеля, Маркса и Энгельса, раскрывает предмет диалектики как органическое единство учения о развитии бытия и мышления, особый упор делает на разработку диалектики как логики и теории познания. Диалектика должна быть понята и исследована как учение о развитии познания, о движении и изменении самих познавательных форм, как отношение, переходы, противоречия понятий, выражающие объективные связи, отношения, противоречия окружающего мира.

Многогранность диалектики раскрывается в богатстве

и неисчерпаемости ее содержания как полного, всестороннего, глубокого учения о развитии всех вещей, отражающего бесконечно сложное и противоречивое движение окружающего мира. Это закономерно получает свое выражение в *многообразии диалектических форм*, составляющих в их совокупности конкретное содержание субъективной диалектики, воспроизводящее в мышлении, в абстрактных теоретических категориях соответствующее содержание диалектики объективного мира.

Исходя из такого понимания диалектики, Ленин высказал ряд глубоких идей и проделал большую работу по выявлению и анализу конкретных законов, элементов, категорий материалистической диалектики, поставил важный и сложный вопрос об их структуре, системе.

Думается, что Ленин — об этом свидетельствуют прежде всего его «Философские тетради» — готовил специальную работу о диалектике. Но начавшаяся вскоре революция не дала ему возможности выполнить свое намерение. Изучение и анализ его законченных произведений, а также подготовленных им материалов, набросков, записей для себя позволяют дать ответ на вопрос, как представлял себе Ленин конкретное содержание диалектики, из каких законов, элементов, понятий оно складывается. Конечно, всякая попытка такого анализа может дать ответ на этот вопрос лишь приблизительно. Тем не менее положительное значение такого даже приблизительного ответа бесспорно.

В ряде своих работ, определяя сущность диалектики, Ленин указывает конкретное ее содержание. Это он делает в статье «Карл Маркс», в работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина» и в других. Особенно подробно рассматривает он этот вопрос в «Философских тетрадях», где имеется специальный набросок элементов диалектики. Было бы, конечно, неправильно к каждому из этих высказываний Ленина по поводу конкретного содержания диалектики подходить как к законченному и окончательному. В действительности те или иные высказывания Ленина связаны с определенными целями, преследуемыми им в разных работах. Когда, например, он характеризует отдельные стороны диалектической логики в брошюре «Еще раз о профсоюзах...», то, разумеется, выделяются и подчеркиваются те, которые наиболее важны

в данном случае, т. е. для освещения спорных вопросов, обсуждавшихся в дискуссии о профсоюзах. Ленин сам указывает на это. Перечислив четыре особенности диалектической логики, он замечает: «Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики» (2, т. 42, стр. 290).

Первой работой, в которой Ленин предпринимает попытку более или менее полно раскрыть содержание и определить «некоторые черты диалектики», была его статья «Карл Маркс». Этими «некоторыми чертами», по-видимому наиболее важными и существенными, Ленин считает: (1) «отрицание отрицания», обуславливающее развитие «по спирали», с повторением пройденных ступеней, но повторением на новой, «более высокой базе»; (2) переход количества в качество, развитие с «перерывами постепенности», со скачками, развитие «революционное», «скачкообразное»; (3) противоречия как источник, как «внутренние импульсы к развитию»; (4) взаимозависимость и неразрывная связь явлений, «связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения» (2, т. 26, стр. 55).

В «Философских тетрадах» Ленин делает попытку представить детальнее элементы диалектики. Здесь наряду с теми чертами и элементами, которые он отмечал в статье «Карл Маркс», вводится ряд новых сторон. Исходным элементом Ленин считает «*объективность* рассмотрения» (2, т. 29, стр. 202) вещи самой по себе, подчеркивая тем самым материалистический характер диалектики. Особенное значение он придает в общей картине диалектического развития моменту взаимозависимости явлений, выделяя в этой связи такие элементы диалектики, как необходимость рассматривать всю совокупность «многообразных *отношений*» (2, т. 29, стр. 202) одной вещи к другим, как всеобщность и универсальность отношения вещей.

Ленин далее выделяет в качестве отдельного элемента развития вещи самодвижение и особенно конкретизирует вопрос о движущей силе развития — учение диалектики о противоречиях. Категорию диалектических противоречий он раскрывает как совокупность четырех определяющих элементов: (1) вещь как сумма и единство противоположностей; (2) внутренне противоречивые тенденции вещи; (3) борьба и соответственно развертывание проти-

воположностей, противоречивых стремлений и (4) не только единство противоположностей, но и «*переходы каждого*» определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое» (2, т. 29, стр. 203). Такое строгое и тонкое расчленение проблемы противоречий в «таблице» элементов диалектики демонстрирует аналитическую остроту ленинской мысли.

Примечательно, что Ленин целую группу элементов диалектики посвящает вопросу о логике движения мысли, о закономерностях развития познания на пути все более глубокого проникновения в объективный мир. Элементы диалектики, как они даны в «Философских тетрадах», реализуют ленинскую идею о диалектике как логике и теории познания, о неразрывном единстве объективной и субъективной диалектики, т. е. диалектики объективного развития и диалектики отражения этого развития в голове человека. Наряду с отмеченным выше моментом развития познания от одних форм связи к другим, более глубоким, Ленин сюда также относит: (1) анализ и синтез, их связь и взаимодействие; (2) «бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений» вещей; (3) бесконечный процесс углубления познания «от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности» (2, т. 29, стр. 203).

В таблице элементов диалектики, однако, отсутствует ряд важных диалектических категорий, о которых Ленин говорит в других местах тех же «Философских тетрадей» и в других своих работах. Так, в фрагменте «К вопросу о диалектике», указывая, что в любом предложении можно и должно вскрыть «зачатки всех элементов диалектики», Ленин говорит о таких ее элементах, как общее и единичное, случайное и необходимое. Разумеется, эти категории также играют важную роль в диалектическом понимании развития и должны быть, по Ленину, включены в содержание диалектики. Это же относится к таким категориям, как абстрактное и конкретное, о которых Ленин много говорит в ряде мест «Философских тетрадей», подчеркивая, в частности, огромное значение этих категорий для диалектики познания, для понимания одной из закономерностей развития познания — движения мысли от абстрактного к конкретному. Например, говоря о соотношении между абстрактным (общим) и конкретным в процессе познания, он показывает, что хотя

общее, абстрактное неполно, «мертво», но оно есть *«ступень к познанию конкретного»* (2, т. 29, стр. 252).

Как уже указывалось, Ленин особо обратил внимание марксистов на философское значение «Капитала» Маркса, указав на него как на образец диалектики, раскрыв его величайшее логическое, теоретико-познавательное богатство. Ленин охарактеризовал «Капитал» как марксистскую диалектику в действии и указал на ряд важных элементов, приемов диалектического подхода к действительности, разработанных в этом произведении.

В частности, в «Плане диалектики (логики) Гегеля» Ленин обращает внимание на значение двойного анализа товарного производства у Маркса — «анализ *двойкий*, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический» (2, т. 29, стр. 302). Несомненно, что диалектика в понимании Ленина включает в себя и эти важные категории.

Мы не ставим здесь перед собой задачи перечислить все категории и понятия, каких касается Ленин и которые, безусловно, должны найти свое место в системе законов и категорий материалистической диалектики. В «Философских тетрадах» Ленин конспектирует «Науку логики» Гегеля и так или иначе затрагивает все категории гегелевской диалектики, выявляя их рациональное содержание. Так, Ленин придает важное значение категориям тождества, различия, противоречия, считая их моментами углубления познания, раскрытия противоречивой сущности вещей. В этой связи большой интерес представляет ленинское отношение к различным понятиям и категориям гегелевской логики вообще, его стремление переработать ряд этих категорий в материалистическом духе и обогатить тем самым содержание материалистической диалектики. Свой принципиальный подход к диалектике Гегеля Ленин со всей силой и ясностью подчеркнул и в статье «О значении воинствующего материализма».

Для глубокого понимания сущности науки о диалектике особое значение имеет многократно высказываемая в «Философских тетрадах» мысль о противоречиях как «ядре» диалектики. Ленин не только всесторонне анализирует многообразные стороны и формы диалектического мышления. Он находит и выделяет их сущность, основу, тот решающий «элемент», который пронизывает так или

иначе все остальные элементы диалектики. Не случайно Ленин сразу же после перечисления элементов диалектики делает программное замечание: «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики» (2, т. 29, стр. 203).

Развивая взгляды основоположников марксизма, Ленин показал, что учение о противоречиях есть ключ ко всем остальным сторонам философского учения о развитии: развития как объективного мира, так и человеческого познания. Время, в которое жил Ленин, выдвинуло вопрос о противоречиях на первый план. Это было начало великой эпохи разрешения противоречий буржуазного общества, десятилетиями накапливавшихся и подготовивших предпосылки для революционного скачка человечества к новому социальному строю. Сама жизнь обнажила движущую пружину развития. В ленинском положении о ядре диалектики нашло свое глубокое обобщение движение человечества через все и всяческие противоречия путем их преодоления вперед, к новым формам жизни. Вместе с тем начавшаяся революция в естествознании все более раскрывала противоречивую сущность строения материи, сложность и противоречивость многообразных процессов природного мира.

Эта конкретизация сущности диалектики, рассмотрение учения о противоречиях как основы основ научной теории развития дают опорный пункт для понимания подлинной диалектики в ее отличии от всевозможных квазидиалектических схем и представлений, весьма распространенных в современной буржуазной философии.

Через несколько лет после работы над «Философскими тетрадами» Ленин в связи с внутрипартийной борьбой по вопросу о роли профсоюзов в социалистическом строительстве еще раз несколькими крупными штрихами набрасывает картину диалектики главным образом под углом зрения субъективной диалектики, диалектической логики. В работе «Еще раз о профсоюзах...» Ленин наряду с такими сторонами диалектики, как необходимость изучать «все связи и «опосредствования» предмета, и требованием «брать предмет в его развитии, «самодвижении»» добавляет новые стороны, отсутствующие в его схеме элементов диалектики в «Философских тетрадах»: (α) «...вся человеческая практика должна войти в пол-

ное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку», и (β) конкретность истины, противопоставляемая абстрактным, оторванным от конкретных исторических условий и обстоятельств, истинам (2, т. 42, стр. 290).

Значение этих положений для диалектического подхода к действительности трудно переоценить. Определение предмета, осознание его сущности (особенно это относится к общественным «предметам» и процессам) немыслимо вне учета практической деятельности человека, уровня исторической практики, имеющей не статичный, а глубоко динамический характер. Когда Ленин говорит, что понять предмет правильно, диалектически можно лишь тогда, когда учитывается «практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку», то в этом, разумеется, нет ни грана субъективизма. Напротив, то, «что нужно человеку», обусловлено не его субъективными желаниями, а развивающейся практикой, имеющей всегда, в любой период свои определенные и конкретные «исторические координаты». В этом смысле практика входит как важнейший элемент в диалектику и диалектическую логику, теорию познания. Отсюда же проистекает и диалектичность, т. е. историчность, конкретность истины. Принципу историзма, исторической конкретности истины Ленин придавал первостепенное значение. Он неоднократно указывал, что любой вопрос можно правильно решать, лишь поставив его в определенные исторические рамки. Поэтому конкретность истины и практика в качестве критерия истины и «определителя» связи между предметами и историческими потребностями составляют необходимые черты, стороны, элементы диалектики.

Проделанная Лениным работа в деле анализа и постановки проблемы многообразия форм и категорий диалектики была в дальнейшем в трудах и советских, и зарубежных марксистов широко использована в более полных и систематических построениях, раскрывающих конкретное содержание диалектики как науки.

В этом плане особо важное значение имели и имеют идеи Ленина относительно научной структуры, системы элементов, категорий диалектики, диалектической логики. Как выше уже было сказано, разработку структуры

диалектики, исследование всех ее элементов как связной системы Ленин считал одной из важнейших задач теории диалектики. В этом он видел существенную сторону диалектики как науки, как «большой логики». Хотя Ленин и не знал «Диалектики природы» Энгельса, в которой был поставлен вопрос о необходимости не просто перечислять различные формы движения мышления, а рассматривать и исследовать их в порядке «субординации», он идет в том же направлении, углубляя, конкретизируя этот методологически исключительно важный аспект теории диалектики.

В «Философских тетрадах» он делает ряд программных замечаний по *структуре диалектической логики*. Он внимательно изучает план «Логики» Гегеля, отделяет то ценное, что содержится в нем, от налета идеалистической мистики и искусственных построений, исследует логическую структуру «Капитала», записывает свои мысли по поводу соотношения и последовательности развития некоторых конкретных категорий диалектики и т. д. И самое главное, в «Философских тетрадах» он указывает путь решения большого трудного вопроса о характере структуры диалектической логики. Этот путь, по Ленину, определен самой сущностью диалектики как логики и теории познания, историческим характером познания, совпадением в общем и целом логического и исторического. Отсюда вытекает тот основной угол зрения, которым нужно руководствоваться при решении этой задачи. Вот два высказывания Ленина, которые, нам кажется, не оставляют сомнения относительно его понимания этого вопроса: «В логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления» и: «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики — voilà ce qu'il faut! *» (2, т. 29, стр. 298, 159).

Закономерно, что если в основе логического развития мысли лежит многовековая историческая практика человеческого познания, обобщенная в ее основных чертах, освобожденная от исторических случайностей и зигзагов, то принцип совпадения, единства логического и исторического должен быть руководящим при разработке логической системы диалектики как науки, как теории.

* Вот, что нужно! — *Прим. ред.*

Ленин не ограничивается здесь выдвижением общей идеи, он ее конкретизирует, наполняет реальным содержанием. В этом отношении особенный интерес представляет его набросок «План диалектики (логики) Гегеля». Ленин видит ценность структуры гегелевской логики в том, что здесь понятия и категории берутся и исследуются в порядке восхождения от простых и абстрактных к сложным и конкретным, от понятий, фиксирующих менее сложные и существенные связи и отношения, к понятиям, углубляющим познание. Отвлекаясь в данном случае от подробностей и деталей этой структуры, от многих натяжек и искусственных переходов, обусловленных идеалистическим схематизмом гегелевской философии, он выделяет главное и рациональное в ней: выведение и развитие более сложных категорий и понятий из простых, восхождение от абстрактного к конкретному, в чем он видит диалектическое обобщение истории мысли, закономерное совпадение логического и исторического.

«Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях), — пишет он, — открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономики* [и истории]» (2, т. 29, стр. 298).

Это основополагающее для рассматриваемого вопроса положение подтверждается всем опытом исторического развития познания.

Иногда высказывалось мнение, что в своем наброске элементов диалектики Ленин пытался наметить систему, структуру материалистической диалектики. С этим, конечно, нельзя согласиться: самый поверхностный анализ этого наброска показывает, что Ленин не преследовал эту цель и в нем не выводятся друг из друга категории соответственно вышеприведенному ленинскому же указанию. И дело не только в этом. Ленин понимал, что создание структуры материалистической диалектики — задача чрезвычайной трудности, требующая многих и многих специальных исследований. Он сам отмечает, что указанную логику развития человеческого познания, его «общий ход» нужно проследить «конкретнее», «подробнее» на «истории отдельных наук», на истории умственного развития ребенка, животных, психологии и физиоло-

гии чувств и т. д. Мы здесь хотим отметить лишь некоторые ленинские идеи, имеющие важнейшее значение для решения этой задачи.

Совершенно очевидно, что в противовес гегелевской логике структура материалистической диалектики в качестве своей основы и исходного пункта имеет не идею и не чистую мысль, а объективный материальный мир, природу, материю, существующую в пространстве и времени, находящуюся в состоянии непрерывного движения. По поводу гегелевских слов о том, что движение сознания покоится на „натуре чистых сущностей“, Ленин замечает: «Перевернуть: логика и теория познания должна быть выведена из „развития всей жизни природы и духа“» (2, т. 29, стр. 80). Материя, природа, объективный мир не только исходный пункт, но и тот объект, на который направлены человеческое познание и практика с целью обнаружения их законов и подчинения их власти людей.

Но материя, объективный мир — сложное целое, единство столь многообразных явлений и процессов, неисчерпаемых по своей сложности, по «многоэтажности» своих уровней, что путь приближения субъекта к объекту может пролегать лишь через определенные стадии и ступени. Познание, как и реальный мир, который оно исследует, имеет свои «уровни» и «этажи», и невозможно подняться на вышние этажи, не пройдя низшие. Естественно, что реальность предстает перед нами первоначально не во всей своей сложности, не со стороны своих глубоких «уровней», а непосредственной своей стороной, которую Гегель называл «бытием», а Ленин определял как «непосредственное». Поэтому и первый, низший «уровень» системы диалектики, очевидно, должны составить те категории и понятия, которые фиксируют действительность, вещи и явления в их непосредственности. Таковы категории качества, количества, свойства, меры, непрерывности, прерывности, скачка, перехода количества в качество и др. «Непосредственное» есть стадия, уровень познания, которые нужно преодолеть, чтобы подняться на более высокие ступени и за непосредственным вскрыть его сущность, закон. Так развивается (схематично) познание, скажем, материальных частиц, когда от более доступных сторон и свойств познание идет все глубже, открывая новые элементарные частицы, проникая в их

внутреннюю сущность, в их структуру, раскрывая их тончайшие взаимодействия и взаимопереходы, приближаясь к познанию всеобщего фундаментального закона (или законов), лежащего в их основе, определяющего все их «поведение». Это наиболее сложная стадия в развитии познания, реализующая свои задачи посредством целой серии соответствующих категорий. Такими категориями Ленин считает тождество, различие, основание, сущность, явление, причинность, а также ряд других категорий: противоречие, борьба противоположностей, содержание и форма, возможность и действительность, вероятность, случайность и необходимость, взаимодействие, всеобщая связь явлений, отрицание и «отрицание отрицания» и др. Благодаря этим и подобным категориям познание реализует движение мысли от внешнего к внутреннему, от явлений к сущности, проникая во все более глубокие пласты неисчерпаемой сущности явлений.

У Гегеля, как известно, высшим отделом «Науки логики» является учение о понятии, суждениях, умозаключениях и других логических формах, с помощью которых мысль приходит к высшей своей цели — абсолютной идее или истине. В этом имеется глубокий рациональный смысл, ибо действительно на первых двух уровнях познание оперирует категориями, отражающими различные стороны вещей. Эти категории, будучи категориями объективного мира, одновременно выступают и в качестве категорий мышления. Но познание оперирует еще целым рядом других категорий, являющихся специфическими категориями познания, обозначающими те методы и приемы, которыми мышление реализует свои задачи, такие, как понятие, суждение, умозаключение, индукция и дедукция, анализ и синтез и др. Логические формы — понятия, суждения и т. п. — представляют собой идеализированные формы реальных связей и отношений вещей. В этом смысле переход к исследованию этих форм как высшего уровня логической системы является закономерным и необходимым. Главное место на этом уровне должны занимать категории истины — движение от относительных истин к абсолютной, всеобщность, конкретность истины и т. п. Глубоко верной, творческой, смелой идеей Ленина является введение им категории практики как центральной категории материалистической диалектики. Эта ее роль в особенности и прежде всего раскрывается

через понятие истины. Если действительно практическая деятельность человечества служит определяющей основой процесса познания, то, только испытывая действие критерия практики, познание восходит к истине. Или, как говорит Ленин, давая характеристику всего процесса познания: «Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине» (2, т. 29, стр. 301).

Процесс познания богат и многообразен. Будучи «слепок», сжатым, сокращенным воспроизведением исторического процесса развития познания, логический процесс полон движения, развития, переходов, имеет свои этапы, ступени, связан с разрешением ряда противоречий, включает в себя целый комплекс различных форм и категорий. Начиная с определения общего диалектического пути познания истины, который выступает как движение от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике, и кончая отдельными многочисленными сторонами и аспектами этого пути, Ленин разрабатывает и исследует различные моменты движения, развития познания: движение от субъективного представления о вещи к объективной истине, от внешности явления к «субстанции», к сущности, от абстрактного к конкретному, от ощущения к мысли, от случайного к необходимому, от явления к закону, от гипотезы, догадки к научной теории, от теории к практике и от практики к новым теориям и т. д. и т. п. И всюду он требует видеть движение, переходы, связь, без чего нет познания, а следовательно, и научной теории познания.

Это определяет *новый аспект системы диалектики* как логики и теории познания: она отнюдь не замкнута, завершена, закончена, а является *развивающимся* комплексом динамических элементов, содержание которых непрерывно изменяется, обогащается новыми процессами бытия и познания.

Бесспорно, всесторонняя разработка системы материалистической диалектики требует огромной исследовательской работы. На этом пути философы-марксисты имеют в своем распоряжении целый комплекс ленинских идей и положений, которые должны быть максимально использованы и обогащены новейшими данными науки и результатами современного исторического опыта.

И в этом отношении ленинские идеи получили значение творческой программы деятельности философов-марксистов.

4. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ КРИТИКИ ЛЕНИНЫМ «НОВОМЕТАФИЗИЧЕСКОГО» МЕТОДА

Называя диалектику самым глубоким и всесторонним учением о развитии, Ленин предостерегал против всяких подделок под диалектику и отождествления ее с другими концепциями развития, далекими от науки. С этим связана его постановка вопроса о двух концепциях развития, приобретающая особенно большое значение в наши дни. Сейчас невозможно рассуждать о диалектике, не принимая во внимание ленинское различие и противопоставление двух противоположных в своей сущности концепций развития.

Дело в том, как указывает Ленин, что в XX в. (да и в конце XIX в.) с принципом развития „согласны все“. Эти слова проливают свет на новые условия, в которых марксистам пришлось развивать диалектику после Маркса и Энгельса.

Философия диалектического материализма показала всю несостоятельность метафизического способа мышления. Развитие естествознания решительно опрокинуло и дискредитировало представления о природе как неподвижной и застывшей сущности. К такому же пониманию неумолимо приводил реальный ход человеческой истории, доказывающей, что нет и не может быть неизменных, окостеневших форм общественной жизни. К концу XIX в. и началу XX в., таким образом, создалось положение, которое Ленин справедливо охарактеризовал вышеприведенными словами о всеобщем согласии с принципом развития.

Но именно потому, что в наступившее время невозможно уже открыто выступать с защитой метафизического понимания действительности и так или иначе приходится соглашаться с точкой зрения развития, нужно осторожно оценивать всякого рода такое «согласие». Это и имел в виду Ленин, когда отмечал: да, все сейчас признают развитие, но нередко это «поверхностное, непроду-

манное, случайное, филистерское „согласие“ есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину» (2, т. 29, стр. 229).

Не только сама диалектика — как и диалектический материализм в целом — с новыми открытиями науки, с изменением общественных условий приобретает новый, более развитый и конкретный вид. Антинаучные теории и взгляды также в новых условиях получают «новый вид» с той лишь разницей, что этот «новый вид» означает попытку приспособиться к свежим веяниям, «закамуфлировать» себя с целью сохранить ядро старых, отживших взглядов. Так, в конце XIX в. и в XX в. возник «новометафизический» способ мышления и подхода к действительности. Его характерная черта — «согласие» с принципом развития, но согласие, как говорил Ленин, ради удушения и опошления истины.

Сущность этого «новометафизического» метода состоит в том, что развитие понимается как чисто эволюционный процесс, без качественных скачков и переходов; «революционные» скачки признаются как изолированные, неподготовленные, случайные моменты в истории, причем полностью искажается смысл социальных революций; внутренние противоречия сводятся к внешним механическим взаимодействиям различных сторон и отрицается главное: решающая роль внутренних противоречий как источника и движущей силы развития.

Выше были приведены слова Ленина о диалектике как учении о развитии в «свободном от односторонности виде». Теперь мы можем подчеркнуть, что эти слова были направлены против «новометафизического» признания и понимания развития.

В свое время большое влияние на распространение подобных теорий развития оказала философия Г. Спенсера, точку зрения которого П. Лафарг метко охарактеризовал как «лавочный эволюционизм». Революцию Спенсер называл «дезинтеграцией» общества, естественным разрывом общественных связей. Но особенно широкое развитие они получили с конца XIX в. и начала XX в.

Необходимо отметить, что наряду с теориями, изображающими развитие как чисто количественный процесс изменения каких-то готовых и неизменных элементов, в течение XX в. возникали и другие взгляды на процесс

развития, не отрицающие его скачкообразности, качественных изменений состояния существующего. Но и эти взгляды (скажем, концепция эмерджентной эволюции) не выходят за пределы метафизических представлений, поскольку они не могут быть выражением объективной закономерности процесса качественных изменений, взаимосвязи количественных и качественных компонентов развития. Это же можно сказать и о различных теориях, характерных для представителей философии жизни. В их основе лежит идеалистическое представление о развитии как «творческой эволюции», порождаемой особым мистическим «жизненным порывом» (*élan vital* Бергсона), не поддающимся рациональному познанию и постигаемым иррациональной способностью к интуиции.

Одно из характерных проявлений «новометафизической» концепции развития в современном естествознании состоит в возрождении элементов механицизма. Гносеологически это в значительной степени объясняется успехами науки. Как часто бывает, достижения науки имеют и свою теневую сторону. Так, достижения физики, этой ведущей отрасли современного естествознания, имеют огромное значение для исследования высших форм движения, таких, как жизнь, материальная структура клеток, наследственность и т. п. Сейчас без физико-химических, биохимических, а также и математических методов изучения живого невозможно двигаться вперед в этой области. Но успехи на этом пути порождают мысль, что жизнь есть, собственно, не что иное, как чисто физико-химический процесс, который может быть без остатка сведен к низшим формам движения. В развитии природы тем самым отрицается переход в высшее качество, скачки и т. д. Такие же представления рождаются и из успехов кибернетики, также играющей выдающуюся роль в исследовании живого, физиологической структуры высшей нервной деятельности и ряде других сфер современного научного познания.

Особенно метко охватывает ленинская характеристика «новометафизической» концепции развития господствующую тенденцию буржуазной философии в ее попытках объяснить современные процессы общественной жизни. Она имеет актуальное значение и для оценки новейших реформистских, ревизионистских и других псевдосоциалистических теорий.

Собственно сама постановка вопроса Лениным о двух концепциях развития и коренном отличии диалектического понимания от метафизического явилась в значительной мере результатом его борьбы против извращений марксистской теории общественного развития. Начиная с первых шагов своей деятельности в борьбе против либерального народничества, «легального марксизма», «экономизма», затем против меньшевиков, каутскианцев и прочих ревизионистов, Ленин развенчивал метафизическое понимание развития и разрабатывал диалектическую концепцию*.

В первых своих выступлениях, направленных против либерального народничества, Ленин подвергает критике мелкий буржуазный реформизм его представителей, их боязнь видеть реальные противоречия развития, «настаивание на мелких, мелканских реформах в связи с абсолютным непониманием классовой борьбы» (2, т. 1, стр. 378).

Критикуя «критика» народников Струве и его «легальный марксизм», Ленин показывает, что нельзя говорить о развитии вообще (в данном случае развитии капитализма в России), не вскрывая внутренних противоречий и антагонизмов этого развития, не выявляя, из борьбы каких классов складывается это развитие, и т. д.

Позже, когда народники и «легальные марксисты» были разбиты, Ленин ведет борьбу против реформистских теорий внутри рабочего движения, против мелкобуржуазного понимания развития общества как плавного, плоскостепенного процесса, без решительной борьбы, без революционных потрясений. В философском аспекте политическая программа «экономизма», а затем меньшевизма была воплощением метафизической кон-

* В этой связи необходимо решительно отвергнуть попытку Р. Гароди, утверждающего в своей книге «Ленин» (Париж, 1970), будто до 1914 г. Ленин разделял эволюционистскую концепцию Каутского и лишь после ознакомления с «Логикой» Гегеля встал на позиции иного, неэволюционистского понимания развития. Трудно вообразить более искаженную картину развития ленинских диалектических идей. Никогда, ни в первый, ни в последующие периоды своей жизни и деятельности, Ленин не был эволюционистом (мы уже не говорим о том, что и Каутский в лучшие свои времена не был сторонником подобных взглядов на развитие). Об этом свидетельствует любое произведение Ленина с первых шагов его революционной и научной деятельности. Но логика «развития» ревизионизма и ренегатства заставляет Гароди искажать одну истину за другой.

цепции развития. В 1908 г. Ленин пишет свою известную статью «Марксизм и ревизионизм», в которой дает характеристику ревизионистским и реформистским концепциям развития; ревизионисты, писал он, заменяют ««хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»» (2, т. 17, стр. 19).

В период первой мировой войны и после нее Ленин критикует оппортунизм К. Каутского и других вождей II Интернационала, их реформистскую мелкотравчатость, боязнь революционных скачков в развитии общества, задушевание и сглаживание вопиющих противоречий буржуазного общества, замену классовой борьбы проповедью классового мира и т. д.

Не может быть сомнения, что, когда Ленин в 1914 г. писал свою статью «Карл Маркс», он дал философское обобщение борьбы революционного марксизма против ходячих идей развития, опять-таки акцентируя внимание на отличии диалектического понимания развития от «нометафизического».

«В наше время, — писал он, — идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции» (2, т. 26, стр. 55).

Ленин дает в этой статье в концентрированной форме хорошо известную с тех пор характеристику научной, диалектической теории развития в отличие от метафизической. С этой характеристикой перекликаются известные мысли Ленина по этому же вопросу, высказанные в фрагменте «К вопросу о диалектике», написанном примерно в тот же период. Здесь, конкретизируя сущность диалектической концепции развития, Ленин выделяет два наиболее важных момента: (1) развитие включает в себя момент скачка, скачкообразного перехода из старого качественного состояния в новое и (2) источник развития, изменения находится во внутренних противоречиях вещей, явлений. Определяющее значение при этом придается, как известно, последнему моменту.

Эти ленинские положения имеют исключительно важное значение для понимания истинного смысла материалистической диалектики. Они дают безошибочный крите-

рий, с помощью которого можно и нужно отличать действительно научную теорию развития от плоскоэволюционных и различных мнимодialeктических взглядов на развитие.

Насколько актуален этот ленинский подход к вопросу о развитии, свидетельствует современная идейно-философская борьба в мире.

Динамизм нашей эпохи не имеет precedентов в человеческой истории. Современный мир меняется все нарастающими темпами. Более одной трети земного шара освободилось из-под власти капитализма и строит жизнь на новых, социалистических и коммунистических началах. словно под воздействием могучих подземных толчков разваливаются остатки колониальной системы империализма, открылись новые перспективы развития угнетенных ранее народов. В самих капиталистических странах разворачивается борьба пролетариата и всех прогрессивных сил общества против владычества монополий и всех сил реакции. Наступило колоссальное ускорение исторического процесса, которое предвидел Ленин.

В этих условиях не признавать развитие невозможно. И идеологи буржуазии, приспособляясь к велениям времени, вынуждены говорить, что современное общество находится в состоянии развития, перехода к каким-то «новым» формам. Но не требуется особого труда, чтобы понять, что развитие они стремятся трактовать в конечном счете в духе «совершенствования» капиталистического строя, его движения к более «высоким» формам, к «постиндустриальному обществу», в котором не будет никаких социальных конфликтов. Такая тенденция является в целом господствующей среди буржуазных идеологов, выступающих с различными концепциями развития и социальных изменений. В этом же русле находятся реформистские и ревизионистские концепции, фальсифицирующие диалектическую теорию развития, подменяющие диалектику вульгарно-эволюционистской теорией развития без скачков, без революций, без борьбы противоположностей.

В целях обоснования подобных концепций их авторы используют — и далее абсолютизируют — некоторые новые черты и процессы, действительно свойственные современному капитализму. Нынешний этап в истории капитализма характеризуется небывалым усилением тех про-

цессов, которые теоретически предвидели еще Маркс и Энгельс и в конкретной форме глубоко обобщил Ленин в своих трудах об империализме. Это процессы интенсивной концентрации капитала, роста монополий и возникновения их новых форм, «огосударствления» капитала, т. е. его развитие в сторону государственно-монополистического капитализма, сосредоточения в руках буржуазного государства могущественных экономических ресурсов, позволяющих осуществлять в широких масштабах государственное регулирование экономики. Все это происходит на базе грандиозной революции в технике производства с использованием высших достижений современной науки.

Объективно все эти процессы представляют дальнейший рост материальных предпосылок для возникновения нового, социалистического строя, ибо в возрастании общественного характера производства находит свое выражение историческая необходимость уничтожения отношений, основанных на частной собственности. Даже некоторые далекие от коммунизма философы вынуждены признать, что социализм — основная черта нашего века.

✓ Но, будучи вынуждены признавать социализм как знамение времени, буржуазные философы всеми силами воюют против научного социализма. Все их усилия направлены на то, чтобы примирить объективные тенденции современного развития с основными устоями капиталистического строя, реформировать его, приспособить к новым условиям. Этим определяется и неизбежность возникновения различных новых и подновленных теорий и концепций развития и вместе с тем их ненаучный, метафизический характер.

Это общее метафизическое понимание развития проявляется в самых различных формах и представлениях. Оно выступает, например, в замене понятия *прогресса* неопределенным и абстрактным понятием развития вообще; некоторые социологи даже само понятие «развитие» заменяют категорией *изменения* с еще более аморфным и неясным смыслом, включая сюда любые случайные и незначительные изменения. В социальном отношении подобные взгляды выражают тенденцию примирить традиционные концепции «вечности» и неизменности буржуазного строя и основных буржуазных институтов с

признанием «динамизма» современной жизни, с «принципом развития» в его соответствующей трактовке.

Метафизический характер носит и весьма модная в настоящее время, претендующая на оригинальность и новизну теория конвергенции. Она оценивает динамизм современной эпохи как сложный процесс, ведущий в своем развитии к соединению капитализма и социализма в «высшем синтезе» и созданию тем самым нового общества, некоего социального гибрида, включающего «хорошие стороны» того и другого. Эта теория возникла в самом конце 50-х годов и получила значительное распространение среди буржуазных и реформистских идеологов в 60-е годы.

Теория конвергенции исходит из признания ряда общих черт капиталистического и социалистического обществ, утверждает возрастание сходств между обеими социально-экономическими системами, что якобы ведет к их сближению и превращению в единое общество «смешанного типа». Основой и определяющим фактором этого процесса считается современная научно-техническая революция.

Многие сторонники теории конвергенции видят в этом процессе наступление *новой исторической стадии развития человечества вообще*. Так, американские социологи (К. Керр, Ф. Г. Хэрбинсон и др.), делая прозрачный намек на «Манифест Коммунистической партии», заявляют, что «в настоящее время не призрак коммунизма бродит по Европе, а индустриализация стоит перед миром. Гигант индустриализации гордо шагает по земле, преобразуя почти все черты старых и традиционных обществ... Мир вступает в новую эпоху — эпоху тотальной индустриализации... К ней идет Восток и Запад» (445, стр. 19—28). В одной из своих последних книг «Разочарование в прогрессе» Р. Арон говорит о «единой индустриальной цивилизации, представленной в двух модальностях» — США и СССР (407, стр. 13, 22—23). П. Сорокин, рисуя широкую социологическую перспективу конвергенции двух систем, уверяет, что «господствующий тип возникающего общества и культуры, вероятно, не окажется ни капиталистическим, ни коммунистическим, но будет своеобразным типом, который мы можем обозначить как интегральный» (484, стр. 78).

И Р. Арон, и П. Сорокин, и Дж. Гэлбрейт, и фактиче-

ски все приверженцы теории конвергенции рассматривают научно-технический прогресс в качестве решающего фактора сближения и последующего слияния двух социально-экономических систем, для которых он является общим будто бы и по характеру, и по значению. Американский социолог У. Фоунс исходит при этом из решающей роли автоматизации производства, которая в *едином* постиндустриальном обществе позволит осуществить «централизованно контролируемую интегрированную систему производства» (431, стр. 44—45). Американские футурологи Г. Кан и Э. Винер, авторы нашумевшей книги «2000-й год», считают, что высшая техника — электронные устройства, кибернетика, химическая индустрия и т. п. — сможет стать средством предупреждения социальных конфликтов и привести общество к «нормальному» состоянию. Такое новое, «постиндустриальное» общество и является, согласно этой концепции, новым общественным строем, к которому идет развитие и современного капитализма, и социализма.

Нельзя сказать, что теория конвергенции не признаёт качественных изменений — интегральный тип общества существенно отличен от всех известных истории обществ. Это может создать видимость диалектичности в понимании авторами этой теории процесса социального развития. Но даже признание некоторых частных компонентов диалектики явлений еще не означает, что перед нами диалектическая *концепция* развития. Теория конвергенции в целом пронизана метафизической методологией и являет собой характерный для современной буржуазной идеологии пример прикрытого внешней диалектичностью метафизического понимания развития. Это определяется следующими моментами.

Во-первых, выделение научно-технического прогресса в качестве решающего фактора социальных изменений означает односторонний *технологический подход*. Он абстрактен и метафизичен, игнорирует конкретное содержание общественных процессов, коренное различие капитализма и социализма как противоположных социально-экономических систем.

Во-вторых, односторонность и несостоятельность такого подхода со всей ясностью раскрываются перед лицом реальной диалектики развития: значение научно-технической революции и ее социальные последствия в

условиях капитализма и социализма все более показывают противоположный характер обеих систем и в корне различные линии их *исторического развития*, а отнюдь не движение к искусственной «интегральной системе».

В-третьих, вопреки метафизическим представлениям авторов теории конвергенции действительный ход исторического процесса подтверждает справедливость марксистско-ленинского учения о неизбежности перехода от капитализма к коммунизму — к *высшей форме социальной организации и социальных отношений человечества*.

Этот переход не мирная конвергенция и «трансформация», а сложный, противоречивый, длительный путь революционной борьбы масс во главе с рабочим классом как самой организованной и мощной революционной силой современности. Весь многовековой опыт человечества показывает, что революции, это — локомотивы истории, по выражению Маркса. Революционный, подлинно диалектический характер развития ведет к неизбежному и закономерному крушению капитализма и победе социализма и коммунизма. Теория конвергенции чужда именно такому пониманию реального диалектического процесса человеческой истории.

Одной из характерных тенденций в понимании процессов современного развития является распространение новых и «новейших» концепций и теорий, создаваемых буржуазными социологами, специалистами по прогнозам, в особенности «по 2000-му году». Сюда входят не только квазиоптимистические теории «высшего типа» общества, «трансформированного» капитализма, «интегрального синтеза» и пр., но и различные пессимистические концепции, эсхатологические прогнозы приближения «конца мира», «крушения цивилизации», «12-го часа», причем неминуемая гибель капитализма и разложение буржуазной культуры выдаются за гибель всего человечества и культуры вообще. Все это также разновидности метафизического понимания процессов развития, игнорирующего радикальные революционные изменения в мире и отрицающего общую линию исторического прогресса. Но среди подобных и близких к ним концепций выделяются те, которые формально признают диалектику истории, специально говорят о ней, извращая, однако, ее сущность, ее действительное содержание и смысл, воз-

вращаясь в конце концов к метафизическим представлениям об историческом процессе.

Весьма заметное место среди подобных представлений занимают взгляды Р. Арона, развитые им в книге «Разочарование в прогрессе», вышедшей в конце 1969 г. и имеющей характерный подзаголовок: «Опыт о диалектике современности». Автор поставил перед собой задачу раскрыть диалектику современной эпохи — ни больше ни меньше. Так меняется тактика буржуазных идеологов. Вспомним, ведь не так давно они смотрели на марксистскую диалектику как на *quantité négligeable* — величину, не стоящую внимания.

Главное в диалектике современности Р. Арон видит в следующем. С одной стороны, перед нами громадные успехи экономики, рост промышленного производства, гигантский научный и технический прогресс, развитие новейших форм коммуникаций, что привело к возникновению важнейшего, по его мнению, феномена современности — «индустриального общества» и даже «индустриальной цивилизации». Это общество «стремится производить максимум, всемерно обновляя орудия и организацию труда в соответствии с научным прогрессом» (407, стр. 154).

«Современное индустриальное» общество олицетворяет мощный экономический, технологический и научный прогресс, оно стремится реализовать «прометееву цель» — обеспечить господство над силами природы с помощью науки и разума во имя интересов людей (см. 407, стр. 21). Но это один, оптимистический аспект мировой диалектики.

Другой имеет противоположный смысл и характер. Экономический и научно-технический прогресс не обеспечивает подлинных интересов индивидов; господство над природой означает вместе с тем разрыв непосредственных контактов с ней, с «естественной» жизнью; подъем техники, науки, экономики ведет к упадку нравов, к культурной и моральной деградации, обострению конфликтов между государствами, нациями, классами, различными слоями и группами людей. Прогресс теряет смысл, свой *raison d'être* и во многом превращается в свою противоположность.

Мы готовы отдать должное критическому перу Р. Арона, когда он описывает картины кризиса, деградации,

конфликтов и катаклизмов современного индустриального общества *западного капиталистического типа*. Эти «картины» находятся не в Лувре или музее восковых фигур, а в реальной действительности развитых стран капитализма, в том числе во Франции. «Какова цена экономического прогресса?» — спрашивает он. И отвечает: «Неустойчивость условий существования, требования, поощряемые нетерпеливыми желаниями и завистливыми сравнениями, — разве это не создает атмосферу неудовлетворенности? И разве не растет число неврастеников, психопатов, преступников, лиц, отброшенных обществом, там, в Соединенных Штатах, где индустриальная цивилизация наиболее развита?» (407, стр. 161).

Современное общество, по его мнению, в том числе социализм, в особенности в его советском варианте, оказалось неспособным решить острые проблемы жизни, осуществить прометееву цель, покорить силы природы и использовать прогресс в интересах человека. Все великие надежды XX в. не сбылись, и его последняя треть не несет никаких светлых перспектив. Отсюда пессимизм и разочарование в прогрессе.

Зеркалом пессимизма Р. Арона является его «трагическая диалектика». Человечество оказывается не в состоянии решить проблемы диалектики социальных явлений — ни диалектики равенства и неравенства, ни диалектики личности и общественности, ни диалектики универсальности. Перед лицом реальных противоречий и антагонизмов терпят фиаско все социальные проекты. При этом политическим острием пессимизм и «трагическая диалектика» Р. Арона направлены против социализма, против его идеалов, против марксизма как якобы тоже не дающего эффективных решений социальных проблем.

Несмотря на «диалектические претензии» Р. Арона и наличие в его оценках антагонизмов современного капитализма ряда бесспорно рациональных моментов, в целом, в широком плане его понимание процессов современного развития не выходит за рамки метафизических представлений.

Прежде всего метафизичность его рассуждений проявляется в абстрактном подходе к понятию «единой индустриальной цивилизации», в которой стираются коренные различия «западного и советского» ее вариантов. Не-

которые общие черты экономического и научно-технического развития, действительно имеющие место в США и СССР, абсолютизируются, а противоположность социально-экономической и классовой сущности обоих «режимов» отходит на второй план.

С этим связано у Р. Арона и отождествление характера противоречий в условиях капитализма и социализма. Как отмечено, он во многом прав, показывая многочисленные антагонизмы и противоречия «западной цивилизации» и крушение различного рода проектов ее спасения и улучшения. Но, игнорируя коренные различия противоречий обеих социальных систем, Р. Арон находится в плену абстрактно-метафизического метода, не позволяющего объективно верно раскрыть действительную диалектику противоречий капитализма и социализма.

Далее, метафизичность его концепции заключается и в самой проповеди социального пессимизма, «разочарования в прогрессе», что ничего общего не имеет с диалектическим пониманием общественного развития — при всей его сложности, противоречивости, с временными поворотами, отступлениями назад — по восходящей линии, по линии всестороннего прогресса. Его «диалектика пессимизма» — мнимая диалектика, она противоречит действительно диалектическому развитию человеческого общества. Она противоречит не только диалектике прогресса вообще, но в особенности диалектике революционного развития и перехода общества к социализму и коммунизму. Вся концепция Р. Арона в корне противоречит диалектике революционного развития — отсюда его пессимизм и бессилие перед будущим. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, писал Ленин, оно свойственно тем, «кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться» (2, т. 20, стр. 41).

Метафизическое понимание развития лежит в основе правосоциалистических идей и политических программ. Следует отметить одну важную и новую особенность идеологов современного реформистского социал-демократизма по сравнению со старым реформизмом. Стремясь доказать, что переход от капитализма к социализму должен совершаться путем реформ, без революции, т. е. чисто эволюционным путем, старые реформисты все же еще утверждали, что этот переход связан с таким крупным социальным преобразованием, как ликвидация част-

ной собственности на средства производства, с уничтожением классов и пр.

Современные реформисты отказались от этих преобразований. Капитализм невозможно преобразовать в социализм «штопаньем дыр» буржуазного общества, как предлагают всякого рода реформисты. Переход от капитализма к социализму означает коренное качественное изменение существующих отношений и потому возможен лишь путем социальной революции. Эта революция и есть тот скачок из одного качественного состояния в другое, который, согласно диалектической концепции развития, составляет неотъемлемую черту всякого объективного развития, черту, отличающую научное понимание развития от ненаучного, метафизического. И конечно, марксисты не потому революционеры, что этого «требует» диалектика. Они революционеры и выступают за революционные способы преобразования капиталистического строя по той причине, что объективные законы развития таковы, что в развитии самой действительности каждый переход от одного качества к другому происходит скачкообразно. В истории человеческого общества при переходе от одной социальной формации к другой эта скачкообразность выступает как коренной революционный переворот. Революционные процессы — это закономерность исторического развития. Диалектика обобщает и правильно отражает реальное развитие, не навязывая каких-либо произвольных требований, не вытекающих из самой действительности.

Как известно, скачок не содержит в себе ничего таинственного и необъяснимого. Сущность процесса, который завершается скачком, можно свести к трем определенным положениям: (1) качественное изменение всякой вещи происходит в результате предварительных количественных изменений, без чего не может возникнуть новое качество; (2) источник этого процесса, подготовляющего коренное качественное изменение вещи, находится во внутренних противоречиях, в борьбе между противоположными тенденциями, возникающими в процессе развития всякой вещи, всякого явления; (3) коренное качественное изменение означает не количественное прибавление к существующему или убавление от него, а его коренное преобразование, в результате которого старое исчезает и возникает новое.

В этом смысле Ленин употреблял понятие скачка, когда говорил, что без него невозможен никакой переход от капитализма к социализму. Напомним его слова: «Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала» (2, т. 20, стр. 65—66).

В переводе на конкретный язык экономических и политических отношений содержание скачка в данном случае выражается в переходе политической власти в руки рабочего класса в союзе с другими слоями трудящихся и преобразовании с помощью этой власти социальных отношений между людьми: обобществление средств производства, ликвидация эксплуатации человека человеком и т. д.

Когда реформисты прошлого пытались достичь социалистических преобразований без такого революционного скачка, чисто реформистскими способами, не затрагивающими господства капитала, то средства находились в вопиющем противоречии с целью. Плоскоэволюционное понимание развития было философской основой их политики приспособления к капиталистическому строю. Такое понимание развития невозможно было соединить с борьбой за достижение социализма. Отсюда и происходили те трудности и противоречия, в которые попадали старые реформисты, выступавшие — по крайней мере на словах — за социализм и предлагавшие пути, ведущие не к социализму, а к минимально реформированному капитализму.

Современным правым социалистам несравненно легче применять к своим социальным идеям метафизическую теорию развития. Это объясняется простой причиной: их фактическим, а в последнее время и официальным отказом от принципов социализма. Достаточно взять какую-нибудь из недавно принятых программ социал-демократических партий, чтобы в этом убедиться. Возьмем, например, программу западногерманской социал-демократической партии, утвержденную в 1959 г. на съезде в Гедесберге и действующую в настоящее время.

Даже еще в старой, гейдельбергской социал-демократической программе, принятой в 1925 г., — программе, безусловно, реформистской, — содержатся такие пункты,

которые с точки зрения сегодняшних позиций правые социалисты отвергают как «коммунистические» (слово «коммунизм» стало у них синонимом всего неприемлемого). В этой программе содержались еще такие положения: «Цель рабочего класса может быть осуществлена только путем превращения капиталистической собственности на орудия производства в общественную собственность». Только тогда, говорилось в старой программе, производительные силы смогут свободно развиваться, а общество сможет «освободиться от подчинения слепой стихии хозяйства». Там говорилось также, что рабочий класс без овладения политической властью «не сможет осуществить обобществления средств производства», а социал-демократическая партия борется «за уничтожение всякого классового господства и самих классов».

В новой программе под видом «творческого» подхода к современным условиям все эти и подобные им положения, в какой-то мере близкие к марксизму, выветрены без остатка. Вместо программы превращения капиталистической собственности в общественную утверждается, что частная собственность на средства производства имеет право на защиту и поддержку, если она не мешает (!) «справедливому общественному порядку». Об общественной собственности говорится, что она наряду с частной собственностью законная форма общественного контроля, от которого ни одно современное государство не отказывается. При этом под общественной собственностью на средства производства понимается государственно-капиталистическая собственность. В новой программе уже ничего не говорится о «слепой стихии» капиталистического хозяйства. Напротив, всячески превозносится «свободный рынок». Социал-демократическая партия, говорится в программе, выступает за свободный рынок, где господствует действительно свободное соревнование. Планирование определяется лишь как подсобное средство по сравнению с рыночным «свободным соревнованием». «Соревнование, сколь возможно — планирование, сколь необходимо» — так формулируется соотношение между ними.

Об уничтожении классовых различий совершенно не идет речь. Напротив, современные правые социалисты считают бесклассовое общество мифом. Программа даже не отвергает права на существование крупных монопо-

лий. В ней только говорится, что государство и общество не должны быть добычей интересов мощных групп.

Для всей современной правой социал-демократии характерно полное забвение идей революционного марксизма, подлинно диалектического понимания закономерностей общественного развития. Еще на I конгрессе воссозданного Социалистического интернационала М. Филиппс, избранный его председателем, провозгласил: «Никакого материализма. Никакого марксизма. Никакой классовой борьбы!» В последние годы западногерманские и австрийские социал-демократы объявили официальный отказ от социализма. Они заменяют его понятием народного общества, снимают «проблему собственности» и говорят лишь о простой «перемене власти».

Выступая с подобной социальной программой, в которой не осталось ничего социалистического, идеологи правой социал-демократии не выходят за рамки метафизической концепции развития; она оказывается вполне достаточной для обоснования подобного рода программы «движения вперед».

С этим логически связано и провозглашение западногерманской социал-демократией *мировоззренческого нейтралитета*. Ее лидеры заявляют, что она больше «не партия определенного мировоззрения». Партии социал-демократии должны быть открыты для всех мировоззрений. Следовательно, ни о каком научном понимании диалектики общественного развития не может быть и речи при такой мировоззренческой нейтральности, при таком идейно-философском безразличии.

Но дело не только в понимании или непонимании, не только в гносеологическом аспекте мировоззренческого нейтралитета. Отказ от социалистической перспективы, органически связанный с таким «нейтралитетом», имеет ясно выраженный социально-политический смысл, раскрывающийся в двух аспектах: (1) отрицание необходимости для рабочего класса политической борьбы за социализм; поскольку рабочий класс все более «интегрируется» в современное общество, постольку речь должна идти только о реформировании последнего, точнее, о модернизации государственно-монополистического строя, но отнюдь не о его свержении или радикальном изменении; (2) из этого логично следует и фактическое отрицание законности и необходимости реально существующего

социализма; под флагом требований его «демократизации», «либерализации», «гуманизации» речь идет об отказе от фундаментальных социалистических принципов, об отрицании реального воплощения их в жизнь, отрицании научного социализма как подлинного социализма и в теории, и в практике. История должна, согласно логике современной правой социал-демократии, повернуть свое развитие в сторону от социализма, фактически начать «обратное движение» к «модернизированным» формам капиталистических отношений.

Во всех случаях, во всех концепциях и воззрениях социал-реформистов имеет место отрицание *закономерности* революционного развития общества, неизбежно и необходимо приводящего к действительному социализму. Так, один из теоретиков современного реформизма, В. Таймер, в книге «Марксизм» превозносит эволюционистские идеи Э. Бернштейна, всячески стремится их актуализировать и заявляет, что Бернштейн был прав. Но метафизическую бернштейнианскую концепцию развития он отстаивает под модным ныне флагом «диалектики». Маркс выразил не единственную возможную диалектику будущего развития, как он думал, считает Таймер, а лишь одну из возможных, история же дала преимущество другой диалектике. Эта «другая диалектика» есть диалектика без скачков, без революционного разрешения социальных антагонизмов. С точки зрения Таймера, Бернштейн оказался прав, ибо, по его утверждению, рабочие в нынешнем буржуазном обществе якобы перестали быть эксплуатируемыми без революции, они равноправны со всеми другими гражданами, «интегрированы» в современном обществе «всеобщего благоденствия». Таков «естественный» ход социального развития согласно реформистской, «другой диалектике».

Современный реформизм в понимании характера социальных процессов и перспектив стоит на общих с ревизионизмом идейно-теоретических позициях. При всех отличиях и особенностях того и другого общим для них является отрицание коренных принципов марксистско-ленинского мировоззрения, отрицание закономерности революционного развития общества, борьба против ленинской революционной диалектики. Современный ревизионизм, учитывая новую историческую ситуацию, не выступает под лозунгом «назад к Канту» и не повторяет берн-

штейнианский «отход от Маркса», а призывает вернуться к «истинному Марксу», который якобы был искажен «радикальным ленинизмом» как специфически русским явлением. Более того, ревизионистская группа, объединившаяся вокруг журнала «Праксис», заявила словами Г. Петровича, что она также отвергает взгляды Энгельса и Ленина.

Прикрываясь девизом «возвращения к Марксу», современные ревизионисты претендуют на обновление «искаженного» социализма и выступают с требованием его новой, «лучшей модели», сочетающей социализм с демократией и свободой. В этих целях они откровенно призывают преобразовать существующую «политическую систему социализма» в СССР и других государствах. Это преобразование должно быть проведено в духе буржуазного плюралистического демократизма, типично реформистских моделей «демократического» или «гуманного» социализма, за счет отказа от подлинно социалистических принципов, отказа от ленинских идей, от руководящей роли коммунистической партии и т. п.

Такова эта «новая», фактически ретроградная, «диалектика» современных ревизионистов, проповедующих, точно так же как и социал-реформисты, движение вспять от реального социализма к абстрактно-демократическим, т. е. фактически к буржуазным, идеалам.

И реформистское, и ревизионистское понимание закономерностей развития при всех ссылках на «истинного Маркса», претензиях на подновленную и «другую диалектику», признании различных диалектических категорий и терминов было и остается в рамках метафизической концепции: оно противоположно ленинскому пониманию развития как сложного, противоречивого, революционного, т. е. подлинно диалектического, процесса.

Целую систему извращений диалектики представляют концепции современных китайских теоретиков, поставивших целью заменить марксизм маоизмом, прикрыть революционной фразой свою измену революционному учению марксизма-ленинизма, оправдать свои мелкобуржуазные, националистические и шовинистические позиции. Возникла новая форма фальсификации диалектики — так называемая *китаизированная диалектика* маоистов, преподносимая ими как «развитие марксизма в современных условиях». В действительности эта «диалектика», исполь-

зующая весь арсенал диалектической терминологии, понятия и термины материалистической диалектики — именно в этом состоит ее основная особенность как новой формы извращения диалектики марксизма-ленинизма, — глубоко враждебна в своей сущности последней.

В центре этой «китаизированной диалектики» стоит «учение» Мао Цзэ-дуна о противоречиях и путях их разрешения, учение, в котором одно антиленинское положение нагромождается на другое. На место глубокого, богатого, всестороннего ленинского учения о диалектике как теории развития маоисты выдвигают упрощенную и примитивную схему: равновесие — нарушение равновесия — новое равновесие. В области *теории* здесь диалектика подменяется антинаучной концепцией равновесия, *политически* такая схема служит оправданию всей раскольнической линии маоистов. Они утверждают, что повсюду и везде, в том числе в международном рабочем движении, налицо «тенденция к распаду надвое». Отсюда диалектика состоит в формуле: сплочение — раскол — сплочение... Именно раскол в революционном движении, прикрываемый бессодержательной псевдодиалектической схемой, становится целью и идеалом их деятельности. Тем самым великую диалектику Маркса и Ленина из орудия борьбы против капитализма они пытаются превратить в средство оправдания всей своей раскольнической практики.

Исходя из субъективистского и волюнтаристического подхода к реальной действительности, маоистские «диалектики» искусственно и произвольно конструируют различные «большие» и «малые» противоречия, искажая и извращая реальное положение вещей. Так, в качестве основного противоречия эпохи они выдвигают противоречие между «мировой деревней» и «мировым городом», ставят его на место действительно решающего противоречия эпохи — противоречия между социализмом и империализмом. Более того, это противоречие у них выступает еще в одной форме: как противоречие между борющимися за свободу народами и «двумя сверхдержавами» — США и СССР. Подобное понимание диалектики современной эпохи является ложным, антинаучным в своей основе, оно игнорирует классовую природу мировых антагонизмов, ничего общего не имеет с ленинским диалектическим подходом к анализу движущих сил ка-

ждой исторической эпохи. Диалектика здесь явно подмечается софистикой.

Рассматривая диалектику мирового исторического процесса, сам Мао и его приверженцы, исходя из своего понимания «теории насилия», считают войны главным средством разрешения всех социальных противоречий. Так, Мао Цзэ-дун говорит: «Войны начались с момента возникновения частной собственности и классов и являются высшей формой борьбы — формой, к которой прибегают для разрешения противоречий между классами, нациями, государствами, политическими блоками на определенном этапе развития этих противоречий» (224, т. 1, стр. 307—308). Следовательно, не законы классовой борьбы, а законы войн решают ход истории, в то время как марксизм-ленинизм исходит из социально-классовой природы самих войн и рассматривает войну как одну из форм борьбы различных классовых сил. Все многообразие форм, видов, проявлений противоречий и соответствующих методов их разрешения китайские теоретики сводят к одному, прямолинейно и односторонне изображая реальную диалектику истории.

В таком же упрощенно-вульгаризаторском духе они проповедуют тезис о перемещении противоположностей, согласно которому в ходе движения одна противоположность становится на место другой, и наоборот. В применении к революционному процессу их «диалектика» выглядит так: «...через революцию пролетариат из подчиненного класса превращается в господствующий, а господствовавшая до этого буржуазия превращается в подчиненный класс, переходит на положение, которое занимал ее антипод» (224, т. 2, стр. 453). В действительности все происходит совершенно по-другому: ни буржуазия никогда не становится на место пролетариата, ни последний не превращается в буржуазию. Прямолинейно-примитивная диалектика «китаизированных марксистов» игнорирует здесь качественные изменения в процессе развития, движение по восходящей линии к новым социальным формам и классовым отношениям.

Точно так же упрощением и вульгаризацией марксистско-ленинской диалектики являются утверждения маоистов о «вечности антагонизмов» в общественном развитии. Исходя из этого, они ищут и «находят» антагонизмы повсюду, в том числе в развитии социалистическом обще-

стве, игнорируя известное ленинское положение о различии антагонизмов и противоречий. Этот «тезис» служит у них для «обоснования» клеветнических утверждений об «антагонистических противоречиях» и «непримиримой классовой борьбе» в СССР, где якобы господствуют «новые классы», интересы которых противоположны интересам народа, и пр. Все это полностью опровергается самой жизнью, самой действительностью социализма, где сложились качественно новые социальные отношения между людьми.

Характеризуя идейно-политическую сущность маоизма, академик П. Н. Федосеев правильно отмечает, что в нем налицо эклектическая смесь самых различных доктрин, взглядов, теорий, концепций. Их «диалектика» питается примитивными псевдодиалектическими представлениями, взятыми из феодальной китайской философии, из прудонизма с его вульгаризацией идеалистической диалектики Гегеля, из анархистских и троцкистских воззрений. Подобная диалектика не только ничего общего в своей сущности не имеет с диалектикой марксизма-ленинизма, но в конечном счете представляет ее прямую противоположность.

Сила и влияние идей марксистско-ленинской диалектики оказываются настолько значительными, что буржуазные и мелкобуржуазные идеологи готовы порой «признать» справедливость «критического» и даже революционного — с позиций диалектики — отрицания действительности. Наиболее типичное и вместе с тем своеобразное выражение это получило в концепции *негативной диалектики* представителей франкфуртской школы, весьма влиятельной в Западной Германии и частично в США. Это тем более представляется целесообразным отметить, что идеи франкфуртской школы являются одним из теоретических источников современного ревизионизма и неоанархизма.

Органически «вписывается» в общую систему социально-критической теории этой школы негативная диалектика Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и их последователей, поставивших одной из своих целей извратить марксизм в духе «западных традиций», сделать его, как они говорят, «критической теорией» (в отличие от «восточной тенденции» его «догматизации»). Таким «критицизмом» пронизана вся негативная диалек-

тика, что является определяющим для соответствующего понимания философами и социологами франкфуртской школы характера развития в настоящем и будущем.

Негативная диалектика говорит «нет» всякой объективности, общим закономерностям, всему существующему. Ее «радикализм» включает тотальное отрицание реальности, ее действительного смысла, ее «разумности», науки, техники, истории, будущего. Как правильно отмечает венгерский философ А. Гедё, эта диалектика ориентирована прежде всего на Ницше и Кьеркегора, а не на Гегеля и Маркса. Сам Адорно рассматривает свою критику системы мышления как перевод на язык негативной диалектики критицизма Ницше в отношении логики и всякой систематизации идей (405, стр. 40). Разумеется, критическая направленность негативной диалектики против различных сторон современной буржуазной действительности имеет определенное значение, так же как и выступление ее авторов против различных форм буржуазного мышления, философских и социологических концепций и т. п. Но эта критика носит абстрактно-негативный характер, часто ведется с субъективистских и волюнтаристических позиций, не имеет научно обоснованной позитивной программы, а сама негативная диалектика дает ложное понимание реальных процессов развития и приводит в конечном счете к отрицанию действительной диалектики.

Отрицание общих закономерностей в негативной диалектике приводит к абсолютизированию единичного и особенного, к отрыву прерывного от непрерывного, к противопоставлению количественных и качественных изменений, к искажению реальной связи реформы и революции. Последняя выступает как «катастрофический акт», как иррациональный, волевой порыв субъекта, неонархистский «великий отказ», но отнюдь не как закономерный результат исторического развития. Для революции не нужны никакие объективные условия, не требуется никакого революционного кризиса, никакой подготовленной и организованной борьбы. Последнее также получает свое объяснение в концепции диалектики, утверждающей, что внутри системы не существует движущих сил развития, необходимых «сил отрицания», которые, как специально это подчеркивает и пытается обосновать Маркузе, должны найтись и воздействовать на систему извне. От-

сюда и призыв к революционному потенциалу «третьих сил» — студентов, населения цветных гетто, деклассированных элементов и в широком масштабе — к населению «третьего мира». Так, во всякой метафизической концепции, пусть прикрытой формой «диалектики», отрицание внутренне противоречивых сил как источника развития приводит к обращению к внешним факторам, отнюдь не имеющим в действительности определяющего значения.

Диалектика тотального отрицания, и прежде всего общих связей и закономерностей, фактически означает, как справедливо подчеркивает западногерманский философ-марксист Р. Штайгервальд, *ликвидацию истории*. Отрицание непрерывности, преемственности, причинно-следственных отношений есть непосредственное выражение в негативной диалектике отрицания истории именно как процесса, как движения, как реального развития человеческого общества. На такой негативной методологической основе авторы данной концепции приходят к отрицанию действительной перспективы революционного развития, отрицанию закономерности революционных процессов, их решающих движущих сил, их объективных причин и условий. Вся их революционность становится эфемерной и беспредметной при таком разрыве проблемы революции и проблемы закономерностей исторического развития.

Логическим завершением тотального отрицания является здесь отказ от идеи реального социального прогресса, основанного на закономерном развитии объективных социально-экономических факторов, на подъеме революционных движений, на всестороннем развитии всех материальных и духовных процессов, развитии самой человеческой личности. Происходит фактически «разрушение» самой концепции прогресса. Таков венец всех ультрареволюционных отрицаний негативной диалектики, демонстрирующий еще раз ее метафизический смысл, метафизическое отрицание подлинно диалектического понимания реального развития.

Все сказанное свидетельствует об исключительно актуальном значении ленинского требования строго различать противоположные концепции развития, в каких бы внешне диалектических формах ни выступали метафизические в своей сущности воззрения.

Диалектическая концепция в ее ленинском понима-

нии является глубокой, богатой, многообразной теорией реального, бесконечно сложного, как говорил Ленин, развития мира, бытия и его познания. Вместе с тем по самой своей сущности диалектическая концепция сама непрерывно развивается, углубляется, наполняется новыми идеями и новым содержанием непрерывно развивающегося действительного мира.

✓ Рассматривая диалектику как универсальную теорию развития, Ленин сам в течение трех десятилетий продолжал всесторонне ее развивать и обогащать на основе глубоких теоретических обобщений новых социальных процессов и их противоречий, невиданных ранее революционных изменений мира, закономерностей мощного прогресса научного познания нашего века. Ленинские труды, его глубокие идеи и концепции, его всесторонний анализ проблем материалистической диалектики в органической связи с задачами политической борьбы — все это имело и имеет программное значение для Коммунистической партии Советского Союза, дающей в своих решениях и документах научный диалектический анализ социальных процессов и новых задач революционного преобразования общества, для всех братских коммунистических и рабочих партий, для философов-марксистов всех стран, работающих над сложными проблемами диалектики.

РАЗРАБОТКА ЛЕНИНЫМ ДИАЛЕКТИКИ КАК ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Внутренняя логика развития теории диалектики объясняется движением теоретической системы марксизма в целом, органически связанной как теория освободительного движения пролетариата с его революционной практикой. В развитии материалистической диалектики исключительное значение имеет важнейшее ленинское положение о единстве (совпадении) диалектики, логики и теории познания, что находит свое обоснование прежде всего в исторических судьбах марксизма.

Общий тезис о том, что Маркс и Энгельс обращали — в силу исторических обстоятельств — основное внимание в философии на диалектико-материалистическое понимание истории, а Ленину — в определенный период его деятельности — пришлось в значительной мере сконцентрировать свое внимание на теории познания, имеет прямое отношение к проблеме совпадения диалектики, логики и теории познания. Для того чтобы вполне понять, почему Ленин с такой силой и определенностью развил в «Философских тетрадах» указанный принцип совпадения, следует учитывать ту конкретную атмосферу, в которой пришлось работать Ленину над этими вопросами.

Вскрывая порочность общих теоретических устоев, обусловивших постановку проблем философии в период после смерти Энгельса теоретиками II Интернационала, Ленин называет эклектику и софистику. Эклектичность состояла в искусственном отрыве одних положений марксизма от других, принятии его отдельных выводов вне освоения марксизма как целостной теоретической системы. В частности, принимались концепция материалистического понимания истории и экономическая теория. Но поразительным было то единодушие, с которым была отвергнута диалектика, т. е. дух, стиль, способ мышления марксизма, его революционно-критическая ориентация, среди самых различных кругов, принявших всеу марксизм. Может быть, с наибольшей откровенностью внутри социал-демократического движения высказался

Э. Бернштейн, квалифицировав диалектику как «предательский элемент» в марксизме (44, стр. 38). Вполне понятно также, почему он считал необходимым дополнить марксизм «философским», «гносеологическим» обоснованием. Одновременно им выдвигается положение о том, что диалектика годится лишь для философии, признающей идеальность пространства и времени. Бернштейн прямо писал, что материалистическое понимание истории есть экономическое, «а не материалистическое в философском смысле этого слова» (45, стр. 14).

Материалистическое понимание истории, связанное с признанием решающей роли «экономической струны», якобы обнаруживало свою недостаточность при объяснении внешних идеальных побуждений и их роли в истории. Но суть дела состоит как раз в том, что материалистическое понимание истории, как это специально обосновано Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм», связано с определенной гносеологией, разрешающей вопрос об отношении мышления и бытия в диалектическом духе, и является неполным, ограниченным без этой гносеологии. А с другой стороны, гносеология сама должна строиться историко-материалистически, а именно познание и все так называемые высшие идеальные побуждения следует понимать как имеющие общественно-исторический характер.

Материалистический подход к истории, отказ от морализирования, стремление выявить действительные закономерности исторического процесса, его объективный ход трактуются вульгаризаторами марксизма как фатализм, натурализм, превращение исторической науки в разновидность естественнаучного знания. Но марксизм, являя *материальное* основание общественной жизни, настаивает на конкретности ее как определенной системы, являющейся результатом деятельности общественного человека. Раскрытие объективных закономерностей в ходе развития истории вовсе не означает отрицания роли человеческой деятельности, не означает теории «железной необходимости», понимания экономических законов в качестве действующих якобы помимо людей, их воли и сознания, в духе Зомбарта.

Вульгаризированное представление о роли «экономического фактора» необходимо дополнялось, например Бернштейном, тезисом о «самостоятельности» политиче-

ских и идеологических «факторов», о роли этического «долженствования».

Цели и смысл той критики, которой подвергалось учение Маркса, обнажаются при анализе практически-политической позиции его «критиков». Выводам Маркса об исторической тенденции капиталистического способа производства, о концентрации капитала, разложении мелко-товарного производства и т. д. были противопоставлены «эмпирический материал» из практики акционерных компаний, ссылка на те особенности, которые капитализм начал приобретать в начале XX в., как якобы доказательство несостоятельности самого марксистского способа подхода к общественным явлениям. Ревизионисты в силу эклектичности и неспособности справиться с фактами новейшей стадии в развитии капитализма все больше скатывались к отказу от революционных принципов марксизма.

К. Каутский, бывший в известный период своей деятельности марксистом, выступал против кантианства Э. Бернштейна, но не смог понять гносеологической основы материалистического понимания истории — диалектики. В своей работе «О материалистическом понимании истории», правильно отстаивая основные положения этого понимания, он в то же время обнаруживает ограниченность, которая вытекает из указанного выше обстоятельства. Теория марксизма, по его мнению, претендует лишь на анализ тех изменений, которые происходят в сфере духовных влияний, показывая их *соответствие*, параллелизм изменениям, происходящим в экономических отношениях (см. 170, стр. 11, 53). Но форма и способ воспроизводства общественно-исторической действительности в том или ином явлении «духа» принципиально остаются-де вне компетенции марксистской методологии. * Для Ленина же решающим является не доказательство того, что известное духовное явление отражает действительность, а его конкретное своеобразие, диалектика процесса отражения. Игнорирование этой диалектики ведет к тому, что общественная жизнь сама понимается не диалектически. Это отчетливо проявляется в методе объяснения исторических явлений, который состоит, по мнению Каутского, в *сведёнии* всех сторон общественной жизни к *экономическим условиям*, в то время как на самом деле метод Маркса раскрывает диалектику взаимосвязи и раз-

вития целого, выведения всех его сторон из единого основания в их своеобразии и противоречивости. Но именно сведение, не позволяя понять роли идей в общественном развитии, подводит к тезису о равноценной роли человеческого духа и экономических условий в общественном развитии, умаляя значение чувственно-предметной деятельности.

Критика теории Маркса к концу XIX в. претерпела существенные изменения. Характер этих изменений Ленин рельефно выразил в положении: диалектика истории такова, что заставляет врагов марксизма — под влиянием его растущего авторитета — надевать на себя одежду марксистов. Опасность состояла в том, что эта буржуазная критика дополнялась критикой ревизионистского течения внутри социал-демократического движения. Вслед за буржуазными профессорами, провозгласившими лозунг «назад к Канту», ревизионисты требовали «дополнения» марксизма неокантианством. Именно конечные выводы кантианства, его вульгарная сторона — преклонение перед непосредственной очевидностью — как нельзя лучше отвечали «позитивному» утверждению существующего.

В той форме, в которой учение марксизма «принималось» образованной публикой и в которой оно подвергалось критике, выделились две особенности, касающиеся и сути диалектики Маркса. Первая из них состояла в игнорировании теоретической системы как целого, определяя ложное понимание или незнание как тех частей теории, которые отбрасываются, так и тех, которые принимаются. И второе: смешение содержания теории марксизма с другими теориями и направлениями, получившими распространение во второй половине XIX в., в частности с эволюционизмом в духе не только Дарвина, но и Спенсера и т. д. Тем самым отрицалась революционная природа теории марксизма*.

* Представляет известный интерес в связи с этим замечание Б. Чичерина: «...та диалектика, которая извращает или «ставит на голову» истинные отношения вещей, раскрывает положительную сторону существующего и выступает как его защитница; а та диалектика, которая существующее берет за основание, становится к нему в отрицательное отношение, указывает на необходимость гибели „каждой окрепшей формы в потоке движения“, — одним словом, является по существу своему „критическою и революционною“» (цит. по: 270, стр. 11).

В России после выхода в свет первого тома «Капитала» экономическое учение Маркса проникло на профессорскую кафедру. Но даже такой экономист, как Н. И. Зибер, глубоко освоивший «Капитал», негативно отнесся к диалектике, считая ее приемлемой лишь в качестве своеобразной формы метода теории эволюции.

Представители «легального» марксизма (П. Струве, Туган-Барановский), на первых порах ограничившиеся утверждением об отсутствии в марксизме философского обоснования, по мере роста рабочего движения перешли прямо на позиции идеализма. И для них постепенность, отсутствие взаимного превращения противоположностей есть незыблемый теоретико-познавательный постулат, нарушаемый марксизмом.

В пропаганде, обосновании и изложении всех сторон теории марксизма, в том числе и его философии, большую роль сыграл Г. В. Плеханов, внесший немалый вклад в развитие ряда вопросов марксистской философии. Но в теории диалектики им было сделано крайне мало.

Такова кратко совокупность обстоятельств, определивших глубокий интерес именно к диалектике, в разработке которой и применении к политической экономии, к учению социализма, к определению стратегии и тактики рабочего класса Ленин видел важнейшее приобретение марксизма.

С самого начала своей теоретической и практической деятельности в качестве марксиста Ленин обращал особенное внимание на дух, суть марксизма, на «драгоценные приемы» исследования, диалектику. «Среди теоретиков II Интернационала было хорошим тоном противопоставлять серьезность, основательность занятий Маркса в области политической экономии «легковесности» и «самообману», «недостаточной критичности» его мышления в философии, теории познания. Но действительно критическое и революционное содержание «Капитала» не может быть правильно понято вне его мировоззренческих и методологических предпосылок, вне диалектики, связанной преемственно с «Логикой» Гегеля. В этом свете ясной становится категоричность ленинского афоризма: «Нельзя вполне понять „Капитала“ Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» (2, т. 29, стр. 162).

• В своем главном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин определил своеобразие тех задач, которые поставила новая историческая эпоха перед марксистами в области философии. Если Маркс и Энгельс, как уже отмечалось, в силу полемики с историческим идеализмом и необходимостью освоения для материализма новой сферы главное внимание обратили на проблемы диалектико-материалистического понимания истории, то в новых исторических условиях борьбы буржуазной философии против марксизма, в условиях начавшейся научной революции особую важность приобрели проблемы теории познания. Углубленная разработка вопросов диалектики, применение диалектики к пониманию процесса отражения нашли специальное выражение в «Философских тетрадах», представляющих собой в этом плане развитие идей, данных Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

• Если Ленин говорит об особой важности разработки проблем гносеологии в начале XX в., то это не значит, что марксистская философия исчерпывается постановкой глубоко теоретико-познавательных вопросов в кантовском духе. Марксизм категорически отвергает кантовское понимание гносеологии как узкое, одностороннее, ложное, поскольку оно рассматривает познание как нечто замкнутое в сфере субъективного сознания. С марксистской точки зрения теория познания открыта в универсальную сферу объективного мира, законы которого и воспроизводятся в теории познания. В свете этого становится понятным, почему Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» *все* основные проблемы и понятия философии диалектического материализма рассматривал также как *гносеологические*. Лишь завзятый догматик мог бы обвинить Ленина на этом основании в гносеологизме, ибо весь комплекс гносеологических проблем Ленин рассматривает в неразрывном единстве с диалектико-материалистическим пониманием всех проблем бытия, всего окружающего нас материального мира.

• Теорией познания в специально научном смысле является и психологическое учение об умственном развитии индивида, и физиология органов чувств, и даже лингвистика. К теории познания в широком смысле слова эти дисциплины, несомненно, относятся. Но теория, раскрывающая, каким образом, при каких условиях достигается

объективно-истинное познание, соответствующее объективным закономерностям действительности, какова логика процесса познания, т. е. теория, изучающая универсальные законы развития действительности и воспроизводящего его мышления, является философской теорией познания, совпадающей в марксизме с диалектикой.

Развитие естествознания, существенно изменившее теоретическое отношение человека к природе, и развитие капиталистического общества, в котором произошли существенные изменения в отношениях людей друг к другу, требовали углубленной разработки, развития, уточнения понятий марксизма, дабы они стали адекватными изменившейся общественно-исторической действительности, ибо «жизнь» понятий состоит лишь в их изменчивости; пытаться сохранить их аутентичность вне развития, вне соприкосновения с действительностью — значит изменить диалектике и следовать лишь догматически усвоенным схемам, под которые можно подогнать «все что угодно», т. е. впасть в произвол и субъективизм.

Развитие и совершенствование диалектического метода мышления проводились Лениным в связи с применением теории диалектики к анализу развития науки, закономерностей познания и революционного преобразования действительности. Теория диалектики сама является моментом совокупного движения теоретической системы марксизма в целом, в свою очередь как бы «подключенной» к практике революционного движения.

Большое место в теоретических исследованиях проблем диалектики в этот период занимает у Ленина изучение наследия Гегеля, к которому он обращался неоднократно и в других своих трудах, таких, как «Три источника и три составных части марксизма», «Карл Маркс», «О значении воинствующего материализма» и т. п. В «Философских тетрадах» Ленин находит возможным вновь — и для более глубокого освоения диалектики Маркса, и для дальнейшей разработки ее теории — обратиться к наследию Гегеля, к его «Лекциям по истории философии», к «Науке логики».

• Напомним важное ленинское положение: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма... (это... суть дела)» (2, т. 29, стр. 321). Смысл ленинской концепции совпадения диалектики, логики и теории познания выявляется лишь при учете того, что она являет-

ся обобщением истории диалектики с позиций марксизма и обогащением теории марксизма в свете итогов истории научного познания.

Принципы, определяющие достижения гегелевской диалектики, включают идеи общественно-исторической природы субъекта познания, «идеи добра, действия», т. е. практики, историзма, основанного на этой практике. Эти принципы в той или иной мере были проанализированы уже Марксом. Ленин обращает внимание на их значение для теории познания, для изучения логики развития человеческого значения, для Логики с большой буквы.

Специфической формой, в которой в «Науке логики» проявляется обнаруженная Гегелем связь логики и диалектики, является взаимосвязь метода и содержания логической науки. Философия, по мнению Гегеля, должна иметь собственный, имманентный ее содержанию метод. Попытку теоретической разработки особого метода философии, отличного от методов частных наук и имеющего значение всеобщего метода научного познания, Ленин оценивал как заслугу Гегеля. Логика, в представлении Гегеля, есть не что иное, как изображение метода во всей его всеобщности, как абсолютного и универсального.

Специфика подлинной логики, по мнению Гегеля, состоит в том, что обоснование ее предпосылок и метода должно протекать внутри нее или, вернее, логика должна быть по своему содержанию познанием своих предпосылок и их обоснованием. То, что входит в состав обычной логики, с точки зрения Гегеля, является лишь частью содержания логической науки и получает обоснование в ее пределах: так называемые законы мышления — в объективной логике, все остальное — в субъективной логике. «Если логика, — верно замечает Гегель, — должна требовать, чтобы давались доказательства, и если она хочет нас научить, как доказывать, то она ведь прежде всего должна быть способной доказывать свое особое, ей лишь присущее содержание, должна была бы быть способной усмотреть необходимость этого содержания» (87, т. I, стр. 88). Категории и формы мышления должны быть выведены, раскрыты в их переходах, взаимосвязи, развитии. В логике, по мнению Гегеля, объект и способ его исследования не отличны друг от друга; способ исследования есть развитие и развертывание самой природы

объекта. Недостаток прежней логики, в том числе и кантовской, Гегель усматривает в том, что она ограничивалась описанием и внешней связью обнаруживаемых в речи форм мышления, поэтому-то она и проходила мимо предметного содержания мышления. Надо вдохнуть жизнь в мертвые формы. А это можно сделать только посредством диалектики.

В диалектике как ритме и методе логического поступательного движения содержание логики развертывается в объективно-доказательную систему, а не просто совокупность уверений. Важен путь, движение; по Ленину, «гвоздь» в этом, а не в конечном итоге, данном заранее в начале. Развитие логики как содержательной науки достигается благодаря осознанию диалектической природы процесса мышления, его объективной структуры. Именно совпадение диалектики и логики лишает последнюю формального характера. И ее предметом оказываются не пустые формы мысли без предмета и не вещи сами по себе, а их суть, всеобщее в них. Но всеобщее в вещах не есть понятие, являющееся чем-то первичным. Если, например, роза определяется как растение, то «быть растением» равносильно для Гегеля понятию растения. Отбрасывая идеалистические наслоения, Ленин расшифровывает правильную мысль, скрытую в фундаменте гегелевских рассуждений. «Не вещи, а суть вещей», пишет Гегель, составляет содержание логики. Ленин поясняет: это значит, что логика изучает всеобщее в вещах, закономерности их движения, образующие содержание логики мышления. Для правильного понимания позиции Гегеля в вопросе о предмете и содержании логики и ее разумного смысла определяющее значение имеют два указания Ленина. Выписывая гегелевское определение логики как содержательной науки, Ленин отмечает: «Гегель... требует логики, в коей формы были бы *gehaltvolle Formen* *, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» (2, т. 29, стр. 84). Не останавливаясь на этом, Ленин продолжает мысль, высказывая развернутое суждение о логике как науке, которое должно быть ведущим в понимании уже самого Ленина, а не Гегеля. Освоение диалектики Гегеля лишь как отправного пункта построения теории диалектики

* Содержательными формами. — *Ред.*

составляет суть ленинского подхода, который, как говорилось в начале главы, и является темой нашего исследования. «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, — пишет Ленин, добавляя ко взятым в кавычки словам, воспроизводящим слова Гегеля, чисто марксистское пояснение, — т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» (2, т. 29, стр. 84). Акцент делается на резюмирование в логике истории познания.

✓ Гегелевское положение о логике как теории процесса познания истины было новым словом в истории логики. Оно неразрывно связано с признанием в философии Гегеля тождества учения о бытии и учения о познании, одинаково диалектических по своему содержанию. Настаивание на действительности, объективности мышления подчас вплотную подводит Гегеля к диалектическому материализму: надо только отсечь «идеалистическую косу», говорил Ленин еще в «Материализме и эмпириокритицизме», т. е. представление о мышлении вне, помимо и до реальной действительности. Но идеализм не остается лишь простой добавкой к «рациональному зерну», он, проникая в содержание логики, искажает, деформирует его. В особенности это сказывается на полностью противоречащем принципу развития признании некоей раз навсегда данной божественной истины, временной реализацией которой оказывается действительный процесс развития человечества, завершающийся с ее познанием. Идеализм определяет схематизм, условность, мистику и (иногда) просто игру слов в обосновании связи понятий, их переходов. Именно мистика и чисто словесные объяснения возмущали противников Гегеля. Но отбрасывать его логику на этом основании нельзя. «Логика Гегеля, — говорит Ленин, — нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik*: это еще большая работа» (2, т. 29, стр. 238). Принципиальное извращение соотношения бытия и познания не позволило Гегелю развить диалектику адекватно, научным образом. Поэтому Ленин говорит: «Гегель гениально *угадал* в смене, взаимозависимости *всех* понятий, в *тождестве их противоположностей*, в *перехо-*

дах одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий **ИМЕННО ТАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ВЕЩЕЙ, ПРИРОДЫ**». Но «именно *угадал*, не больше» (2, т. 29, стр. 179).

Для Гегеля диалектика мышления есть единственная и подлинная диалектика. Марксизм же раскрыл существо диалектики мышления, увидел в ней отражение действительности. Объективность логического состоит в том, что оно адекватно объекту. По Гегелю, истинность не есть характеристика воспроизведения конкретной структуры объекта в познании, а характеристика самого знания до и помимо материальной реальности.

Отсюда то смещение перспективы, благодаря которому читатель гегелевской логики чувствует себя сдвинутым в какое-то новое измерение, в мир теней, притягивающих на полноправную реальность. Гегель сам сознается в одном месте, что его логика есть мистика. Его интерпретация логики связана действительно с мистификацией реальных отношений материальных и духовных форм, присущей всякому идеализму.

Поскольку все реальные области для Гегеля являются лишь приложениями логики, постольку он отрицает реальные содержания. Материальный мир для него лишь видимость. Понятие логического и весь ход его развертывания, по мнению Гегеля, убеждает в том, что всякое содержание имеет истину в абсолютно чистой форме — в чистой мысли. «...Вместо того, чтобы можно было считать, что некоторый данный объект есть основа, по отношению к которой абсолютная форма занимает положение только внешнего и случайного определения, последняя, напротив, оказалась абсолютной основой и окончательной истиной» (87, т. VI, стр. 298). Содержание замещается мертвой, пустой формой, которая и выдается за полное конкретности содержание. С гегелевских позиций формализм в логике непреодолим, так как отрицается источник содержательного научного знания — конкретность и диалектическая природа предметной реальности.

У Гегеля Ленин отмечает «дань» формальной логике, непосредственно связывая это обстоятельство с присущим философии Гегеля мистицизмом, идеализмом. И это глубоко верно подмечено. Именно в силу идеализма Гегель исходит из «чистого» мышления, как такового, вне переработки данных чувственного созерцания и наблюдения,

вне чувственно-предметного соприкосновения с действительностью. Мышление как общественно-историческая способность, развивающаяся в суровом опыте истории, классовой борьбы и т. д., понимается лишь как «воплощение» другого, «абсолютного» мышления, о котором Маркс совершенно определенно сказал, что оно является не чем иным, как пустой абстракцией. По сути дела мышление вырывается из связей с жизнью, с практикой, с природным целым, внутри которого оно вызревает и формой самосознания которого является. Естественно, при таком подходе Гегель невольно — в силу раз принятой и проводимой точки зрения — должен отдавать дань формализму.

Вопреки его собственной борьбе против формалистического понимания логики мертвый идеализм цепко захватил живое стремление к конкретному. Предмет для него не есть конкретно-чувственный предмет, а лишь мысль о предмете, из которой сам предмет элиминируется, так что остается лишь одна форма.

Подлинно научная диалектика по самой своей сути конкретна и потому совместима лишь с материализмом. В той позитивной разработке, которую получила теория диалектики в «Философских тетрадах», Ленин постоянно обращается к логике «Капитала», рассматривая ее как базу для создания Логики марксизма с большой буквы. «Если Магх не оставил „Логики“ (с большой буквы), то он оставил логику „Капитала“, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу» (2, т. 29, стр. 301).

Отмечая, что диалектика буржуазного общества, конечно, есть частный случай диалектики, Ленин в то же время расценивает метод изучения Маркса как образец для понимания диалектики вообще, воплощение черт всеобщей диалектики.

Второй аспект, в котором выделяется значение логики «Капитала», состоит в сопоставлении диалектики Гегеля с диалектикой Маркса, в выделении той роли, которую сыграла «Логика» Гегеля в выработке логики «Капитала», в подчеркивании той принципиальной противоположности, которая существует между идеалистической диалектикой Гегеля и материалистической диалектикой Маркса.

И наконец, третье, Ленин дает конкретные указания для прослеживания логики «Капитала», истории капита-

лизма и анализа «*понятий*», резюмирующих ее» (2, т. 29, стр. 301), в которых рассматривается общий ход всего человеческого познания, впервые в какой-то мере уловленный в последовательности категорий «Логики» Гегеля. Симптоматично, что указание на логическую, категориальную структуру познания дается в связи с «Планом диалектики (логики) Гегеля». Здесь же Ленин отмечает те конкретные пути, по которым должно идти изучение логики «Капитала»: выделение исходного «начала», непосредственного «бытия», товара: «Анализ его как отношения социального», дедукция и индукция, логическое и историческое как средства анализа; привлечение практики «в *каждом* шаге анализа» (2, т. 29, стр. 301—302); выявление категорий сущности и явления в сопротивлении стоимости и цены, заработной платы и цены рабочей силы и т. д.

Ход изложения Марксовой мысли, по форме строго дедуктивный, дал в свое время повод к обвинению Маркса в «метафизике», в «спекуляциях». Неосновательность этого упрека доказал еще один из первых русских ученых, понявших глубоко «Капитал», Н. И. Зибер, обративший чуть ли не впервые внимание на методологические приемы научных построений Маркса. Он доказывает, что все научное построение Маркса развивается путем имманентного рассмотрения данной общественной организации, в которой реальные феномены отличаются от фиктивных, от фетишизированных форм представлений. Это можно продемонстрировать и на анализе форм развития обмена и возникновения денежного обмена, который Маркс раскрывает как постепенный и бессознательный исторический процесс развития, не только никем не вводимый, но и непонятый до последнего времени в своем истинном смысле. Или возьмем кредит. Ранее пытались объяснить его чисто субъективными мотивами — «доверием», «расположением», «надежностью». Маркс же показывает, как данное явление вплетено в ткань общественных форм, ни разу не прибегая к субъективному объяснению. И в этой области, как и в других, он поэтому «дает гораздо более, чем все другие экономисты настоящего столетия, взятые вместе» (137, стр. 408).

Превосходство метода Маркса состоит в систематическом проведении позиции общественного целого как конкретной системы. Это уже четко обозначается в «кле-

точке» системы — анализе товарного обмена. Принятый Марксом порядок изложения и изучения капиталистической формации с анализа товара и простого товарного обмена раскрывает соединение разрозненных хозяйств в общественное целое, благодаря чему обеспечивается «наиболее ясное понимание народнохозяйственного целого и взаимной зависимости частей его» (137, стр. 3).

Для того чтобы вполне оценить значение логики «Капитала», надо четко представить связь конкретно-научного и философского знаний в их построении, структуре и сущности. Не только политэкономическое понимание труда как субстанции стоимости, т. е. вещных отношений людей, но и философское понимание труда как практики, как утверждения и самоутверждения человека, развертывания всех его способностей, точка зрения общественного, т. е. коммунистически ориентированного, человека на человеческую культуру и природу составляют направляющие принципы мышления автора «Капитала».

Последовательно материалистическая и вместе с тем диалектическая точка зрения Маркса состоит в рассмотрении общественного целого как развивающейся системы. Этим определяется и логика его мысли, способ ее расчленения и развертывания при рассмотрении им капиталистической общественно-экономической формации.

В отличие от Фейербаха, для которого важно аналитическое сведение различных явлений к общей основе, единству, Маркс устремляет свой интерес на изучение того, как в ходе действительного процесса развития «выводятся» одни явления из других. Общее выступает как характеристика черт, свойственных всем стадиям процесса развития, как сохраняющаяся субстанция и в то же время как характеристика вполне конкретного, частного, генетически исходного состояния, которое усложняется, преобразуется в дальнейшем и к которому несводимы последующие фазы развития. В этом свете восхождение от абстрактного, одностороннего к конкретному, целому представляется как восхождение от простого к сложному, как логическое воспроизведение исторического генезиса форм данного явления, но только освобожденное от зигзагов и случайностей исторического развития. Метод Маркса позволяет представить ту или иную общественно-экономическую формацию как живой, функциональный организм.

Из понимания общественного целого как органической системы вытекает методология, в корне противоположная механистическому способу мышления, вырывающему отдельные факты из их живой связи и единства.

Маркс ставит своей задачей раскрыть капиталистический способ производства в его функционировании, в собственном разворачивании его через внутренние противоречия, т. е. как нечто развивающееся и, следовательно, преходящее. Поэтому исследование должно начинаться с освоения материала и затем давать идеальное изображение действительного движения.

Исследование не может ограничиться чувственно-данной нерасчлененной конкретностью, которая выступает лишь как непонятное, неосмысленное целое. Маркс в «Капитале» исходит из того всеобщего, основного отношения, которое образует предпосылку капитала и воспроизводится в дальнейшем как всеобщее отношение капиталистического производства, его экономическая клеточка — из товара. Товарное производство — историческая предпосылка и исходный пункт капитала. Это — гениальное решение задачи: найти, вычленив исходное отношение, из которого «выводится» вся система положений данной науки.

Ленин подчеркивает значение принципа противоречия как источника развития в «Капитале», и особенно в первой его главе: «У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ^* его отдельных частей, от его начала до его конца» (2, т. 29, стр. 318).

Ленин постоянно сопоставляет абстрактно-спекулятивный ход мысли и развития категорий Гегеля и конкретно-диалектический, вскрывающий закономерности развития капиталистической формации ход мысли Мар-

* В сумме. — *Ред.*

кса. Конкретность есть прежде всего конкретность предмета и затем уже логическая характеристика знания о нем. Явление и сущность — характеристики объекта и ступеньки его познания. Качество, количество, мера, тождество, различие и т. д. есть характеристики реального объекта — товара, стоимости, прибавочной стоимости, капитала. Маркс раскрыл на примере политической экономии рациональный смысл гегелевской субординации категорий, заключающийся в том, что она (субординация) обобщает ход человеческого познания, совпадающий с законами мышления. Но если для Гегеля развитие от бытия к сущности есть «самодвижение понятия», то для Маркса это познание исторического, действительно совершающегося процесса. Притом на каждом шагу в исследование включаются в переработанном виде данные наглядного созерцания, факты. Каждый шаг исследования проверяется практически осуществлявшимся движением.

♦ Понимание диалектики как логики и теории познания было по сути дела позицией Маркса и Энгельса, но Ленин развернул и теоретически раскрыл это понимание. Поэтому положение о совпадении диалектики, логики и теории познания составляет вывод из *всей истории диалектики* и в то же время вывод из развития ее в *самой марксистской философии*.

✓ Смысл этого положения заключается в преодолении обособления учения о бытии от учения о познании и логики, в утверждении диалектики как единой философской науки, которая изучает выявляемую в ходе исторического развития знания объективную диалектику вещей, составляющую содержание логики мышления.

Этим определяются единство и совпадение по содержанию законов объективного мира и законов познающего мышления. В законах науки нет никакого иного содержания, кроме содержания реальной действительности, содержания ее объективных законов, выражающих ее сущность. Законы мышления, формулируемые в активной деятельности познающего субъекта, есть не что иное, как переработанные в человеческой голове законы самого материального мира. Но вместе с тем совпадение содержания законов мышления и бытия есть их глубокое, внутреннее единство, но не тождество. В законах мышления отражаются закономерности бытия, матери-

ального мира, всегда остающиеся первичными по отношению к мышлению и всем его формам.

Подмена понятия *единство* понятием *тождество* было подвергнуто решительной критике Лениным. Вскрывая смещение этих понятий Богдановым, он отмечал: «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, — совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию» (2, т. 18, стр. 343).

Возникновение и все последующее развитие мыслительных форм происходит на основе общественно-трудовой деятельности человека. Специфика труда и всей чувственно-предметной деятельности, возникающей на его базе, состоит в том, что в нем процесс обмена веществ с природой совершается опосредованно, через торможение непосредственных, инстинктивно-эмоциональных реакций, через подчинение способа деятельности природе объекта. В труде осуществляется единство практического и теоретического отношения человека к действительности, переход «логики» бытия в логику познания. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее самов-себе и само-для-себя сущей (=объективно истинной)» (2, т. 29, стр. 199).

В противовес созерцательному материализму, понимавшему познание как пассивный, зеркально-мертвый акт, Ленин показывает, что знание детерминируется не только решающим воздействием объективных социально-исторических факторов, но и в значительной мере внутренними, имманентными, собственными закономерностями. Последние представляют «накопленный опыт», воспроизведение сущности и закономерностей развития объективного мира, освоения их в ходе чувственно-предметного преобразования мира. При этом человеческое познание определяется данными причинами не только по содержанию, но и по форме, по логической структуре и организации процесса познания.

♦ Исходным для понимания внутренней диалектики процесса познания, его активности, производной от практики, является раскрытие взаимоотношения субъекта и объекта, занимающее принципиально важное место в системе ленинской разработки диалектики как логики и теории познания.

Ленин подчеркивает, что активность познающего субъекта выражается не только в том, что само воздействие объекта на субъект осуществляется в процессе общественно-исторической практики, но и в том, что отражение, идеальное воспроизведение объекта является творческой познавательной деятельностью. Объект дан познающему человеку уже в его ощущениях (см. 2, т. 18, стр. 130—131). Вместе с тем он выступает на этой стадии познания как бы в скрытой невыявленной, непроанализированной форме. Поэтому адекватное воспроизведение объекта в мышлении предполагает преобразование исходных данных познания, а идеальное воссоздание объекта выступает как результат применения субъектом определенных способов познавательной деятельности, логических операций.

«Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, — писал Ленин, — не отходит — если оно *правильное*... от истины, а подходит к ней» (2, т. 29, стр. 152).

Важно подчеркнуть, что использование субъектом логических операций не означает творения, «построения» объекта, как считали кантианцы, содержание познавательных операций черпается не из глубин субъекта, а определяется объектом. Вырабатываемое субъектом знание постоянно соотносится с объектом, проверяется через материальную практическую деятельность (опыт, эксперимент). Движение познания от исходных чувственных данных к идеальному воссозданию объекта в виде системы понятий, от эмпирического уровня знания к теоретическому уровню не означает «отхода» от объекта, а выступает как движение по «слоям» самого объекта — от поверхностных к более глубоким.

Процесс познания с самых начальных этапов «нацелен» на объект, подчеркивает Ленин. Вместе с тем движение познания в глубь объекта можно трактовать как движение от субъективной идеи к объективной истине: «От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* „практику“ (и технику)» (2, т. 29, стр. 183).

Под субъективной идеей, субъективным знанием Ленин понимает в данном случае не «чистое самосознание», оторванное от реального мира, и не плод капризной фантазии субъекта, которая проецируется на реальный мир. Раскрывая диалектику субъективного и объективного, их взаимопереходы, Ленин под субъективной идеей имеет в виду такое знание, содержание которого определено объектом, но в котором объективные отношения между элементами содержания не выявлены достаточно полно, всесторонне. Все более всестороннее познание отношений объекта является бесконечным процессом. Движение познания характеризуется повышением степени объективности знания.

В то время как метафизическая мысль абсолютно противопоставляет субъект и объект, субъективное и объективное, Ленин раскрывает диалектическую относительность этой противоположности. Диалектика и в данном случае выступает как самая гибкая и точная теория познания. «Различие субъективного от объективного есть, — указывает В. И. Ленин, — **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ**» (2, т. 29, стр. 90).

«Логические понятия субъективны, пока остаются „абстрактными“, в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе... Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» (2, т. 29, стр. 190).

Развитие познания сопровождается обнаружением субъективных моментов в тех представлениях, которые до определенного времени могли приниматься в качестве абсолютно адекватных объекту (и содержание которых могло отождествляться с содержанием самого объекта). Реакция метафизического мышления на такого рода явления нередко выражается в догматическом отождествлении нового понимания с сущностью объекта самого по себе и низведении старого, менее адекватного представления об объекте на положение чистой субъективности. Ленинское понимание диалектики субъективного и объективного обнаруживает сегодня исключительную методологическую значимость, особенно в связи с теми дискуссиями, которые ведутся за рубежом вокруг логического позитивизма, который, являясь прямым наследником махизма, претендовал на роль философии современ-

ной науки. Ленинское понимание этой диалектики имеет прямое отношение и к спорам вокруг философского истолкования квантовой механики. Как известно, в квантовой механике показано, что описание изучаемых этой наукой процессов при помощи понятий классической физики не раскрывает специфику ее объекта, в частности не позволяет отделить изучаемый объект от прибора, посредством которого он исследуется (при применении классических понятий экспериментальная ситуация в микромире характеризуется в целом посредством так называемых „дополнительных“ описаний). Данный факт был истолкован идеалистически настроенными физиками и философами как обнаружение принципиального субъективизма квантомеханического описания, как невозможность познать объект квантовой механики сам по себе.

Подобное толкование исходит из двух ошибочных предпосылок: во-первых, оно неправомерно отождествляет макроприбор с познающим субъектом, в то время как прибор является физическим телом и результаты его воздействия с другими телами носят объективный характер; во-вторых, это толкование недооценивает значение того факта, что описание изученных квантовой механикой процессов на более глубоком теоретическом уровне, при помощи волновой функции, дает возможность выделить изучаемый объект из его окружения и детерминистически описать изменения его состояния. Разумеется, описание квантовомеханических процессов при помощи классических понятий менее адекватно, чем их описание на более глубоком познавательном уровне. Однако в данном случае речь идет не о порождении субъектом познавательного содержания, а об относительных, диалектических характеристиках знания, которое все более точно воспроизводит объект.

История диалектики, о необходимости анализа достижений которой как конструктивным способом построения теории диалектики постоянно говорил Ленин, дает как бы «пробные системы», модели, варианты диалектического подхода к действительности, которые имеют аналогии в современной науке. Так что обращение к методологическим вопросам современной науки вытекает из самого духа ленинских рассуждений о *теоретическом значении истории диалектики*.

Весьма важное значение для дальнейшего раскрытия

диалектики субъективного и объективного имеет ленинское понимание взаимоотношения вещи и разнообразных форм ее проявления. Как известно, объект выступает перед познающим субъектом теми или иными своими сторонами, аспектами, под тем или иным «углом зрения». Вместе с тем перед научным познанием стоит задача воспроизведения свойств объекта «самого по себе», а не в его отношении к той или иной «точке зрения» субъекта.

Формулируя в «Философских тетрадах» элементы научной диалектики, В. И. Ленин в качестве первого, исходного элемента выделяет *«объективность»* рассмотрения, поясняя свою мысль словами: «не примеры, не отступления, а вещь сама в себе» (2, т. 29, стр. 202).

По мысли Ленина, тенденция познания осмыслить реальный объект как «вещь саму в себе», независимо от той или иной субъективной перспективы выражается в стремлении понять объект как некоторое единое системное целое, как диалектическую конкретность, в стремлении связать все познанные «фрагменты» действительности (разные системы отношений, в которых выступает объект) в единую объективную систему, выступающую разными сторонами перед познающим субъектом. Осуществление указанной тенденции предполагает изучение форм взаимодействия каждого предмета с другими предметами (последнее выступает в данном случае как «условия познания» первого предмета), в том числе и с самим познающим субъектом, в той мере, в какой субъект выступает как предметное тело. Поэтому необходимым условием объективности знания становится осмысление роли субъекта в производстве знаний. Диалектика субъекта и объекта выражается, в частности, в том, что субъект вообще способен осознать себя лишь в системе объектов, т. е. либо в системе объективной взаимосвязи и взаимодействия природных физических тел, либо в системе объективированных, опредмеченных результатов своей деятельности (приборы, орудия, знаки языка и т. д.). Развитие знания, таким образом, предполагает умение субъекта рассматривать себя в качестве объекта, т. е. умение объяснить ту или иную субъективную «точку зрения» посредством «проекции» объекта на субъект; причем это объяснение дается в рамках объективной системы отношений реальности как единого системного целого, т. е. «вещи самой в себе». Таким образом, чем

глубже постигается объект, чем более объективный характер носит знание, тем выше степень самосознания, т. е. осознания субъектом своего места в объективной структуре реальности.

В этой связи важно подчеркнуть, что, согласно Ленину, различные цели субъекта не творят те или иные характеристики объекта, а лишь выявляют разнообразные присущие ему аспекты. При этом субъект не только открывает разнообразные стороны объекта в практике оперирования с ним, но и относит все эти стороны к одному и тому же объекту, осознавая тем самым их внутреннюю связанность друг с другом в единой структуре.

Мышление эклектика, отмечает Ленин, не способно проанализировать связь различных аспектов друг с другом и с той системой отношений, в которые включен объект. Диалектическое, научное мышление осознает возможность различных форм выявления «ракурсов» объекта в зависимости от той или иной системы отношений. При этом, чем в большей степени в знании фиксируется не только существующая форма объекта, но и его возможные «проекции» в других ситуациях, тем полнее, объективнее знание. В науке увязывание различных «проекций» объекта в единую структуру осуществляется, как правило, путем выявления внутреннего механизма (сущности), взаимодействие которого с внешними условиями выражается в виде той или иной «проекции».

В свете этих положений диалектической логики представляет интерес анализ основных постулатов распространенного до недавнего времени за рубежом идеалистического философско-методологического направления операционализма, разработанного американским физиком-экспериментатором П. Бриджменом. Согласно операционализму, содержание теоретического понятия тождественно множеству операций измерения. Настойчиво подчеркивая, что каждому понятию соответствует только *одно* множество операций, что каждый новый способ измерения дает новое понятие, фиксируя внимание на связи процедуры измерения с определенной уникальной системой отсчета, П. Бриджмен совершенно логично приходит к выводу о недопустимости с этих позиций говорить о разных способах измерения одних и тех же величин или о разных способах экспериментального выявления одних и тех же величин или одних и тех же теоре-

тических понятий. Вполне понятно, что с точки зрения операционализма нельзя говорить об объекте самом по себе, вне той или иной используемой субъектом измерительной процедуры.

Между тем современная наука вопреки операционалистским рецептам все в большей степени признает огромное значение таких теоретических понятий, которые позволяют переходить от одного множества операций изменения к другому множеству. Виднейшие представители современного естествознания все более подчеркивают логическую функцию инвариантных (т. е. устойчивых, относительно независимых) характеристик и так называемых понятий сохранения в качестве критерия распознавания объективного знания (знания, которому соответствуют реально существующие объекты) и отличия его, с одной стороны, от субъективных иллюзий и заблуждений и, с другой — от таких логических построений, которые не носят содержательного характера, а представляют собой формы записи, условные сокращения.

Известный немецкий физик М. Борн, решительно выступая против субъективно-идеалистической философии операционализма, подчеркивая, что наука должна воспроизводить объективную реальность, существующую независимо от сознания, считает, что ключом к понятию реальности не только в физике, но и в любой сфере познания является понятие инварианта группы преобразования. «...Инварианты — суть понятия, о которых естествознание говорит так же, как на обыкновенном языке говорят о «вещах», и которым оно присваивает названия тех же, как если бы это были обычные вещи» (54, стр. 283). Большинство измерений в физике, считает М. Борн, относится не к самим предметам, а к их проекциям на другие предметы.

Следует, однако, заметить, что попытка отождествлять построение объективного знания с выявлением инвариантных характеристик объекта наталкивается на серьезные философские затруднения, и в рассуждениях М. Борна о «критерии реальности» характер этих затруднений становится очевидным. Создается впечатление, что, несмотря на намерение М. Борна противостоять субъективизму, произведенное им отождествление совокупности инвариантов с воспроизводимой в знании ре-

альностью заставляет его рассматривать «проекции» в качестве чего-то нереального, существующего лишь в отношении физика с его измерительными приспособлениями. Но дело в том, что приборы являются вполне реальными физическими телами. Результаты их взаимодействия с другими телами (так же как и вообще свойства, возникающие в процессе взаимоотношения вещей), т. е. «проекции», должны существовать объективно-реально. К тому же инвариантность не является абсолютной характеристикой того или иного свойства, а выявляется лишь в определенной системе отношений: то, что инвариантно в одной системе, не обязано быть инвариантным в другой, а тем более во всех возможных системах. Иходя из этого, справедливо указывалось на логическую уязвимость «критерия реальности», предложенного М. Борном. В физическую картину мира входят как инвариантные, так и неинвариантные величины. И те и другие имеют реальный смысл и выражают определенные стороны объекта.

Отмеченные трудности преодолеваются, если принять разработанное Лениным диалектико-логическое понимание отношения «вещи самой в себе» и ее аспектов, ее «проекций» в разных ситуациях, если устранить метафизическое противопоставление инвариантного и неинвариантного, меняющегося, если признать, что сохраняющиеся характеристики выявляются лишь через изменчивость и существуют не рядом с изменчивыми, а выступают как *связь* разнообразных изменчивых аспектов предмета, его «проекций», как система различных способов взаимодействия предметов с другими предметами. Вместе с тем развитое теоретическое познание характеризуется поисками таких способов перехода от одной системы к другой, которые давали бы возможность формулировать всеобщие законы. Обнаружение какой-либо новой системы, в которой законы и отношения, до сих пор считавшиеся всеобщими, инвариантными, не действуют, является стимулом для поиска новых сохраняющихся характеристик и т. д.

При этом необходимым условием объективности знания становится осмысление роли измерительных операций, используемых субъектом приборов, его системы отсчета, способов кодирования знания в той или иной системе знаков и отличения кода от содержания знания,

т. е. осмысление роли субъекта в производстве знания, места деятельности субъекта в объективной системе «вещи самой в себе».

В непосредственной связи с проблемой диалектики субъекта и объекта, субъективного и объективного в познании находится ленинское понимание *истины как диалектического процесса*. Важно подчеркнуть, что проблема истины, согласно Ленину, это проблема именно диалектической логики. «*Не психология, не феноменология духа, а логика = вопрос об истине*» (2, т. 29, стр. 156). Уже в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин развивает учение об объективной истине, о диалектике относительной и абсолютной истины, о невозможности механически-метафизического противопоставления истины и заблуждения.

В «Философских тетрадах» Ленин углубляет и конкретизирует это учение. Истина есть процесс, подчеркивает он, «совпадение мысли с объектом есть **процесс**» (2, т. 29, стр. 176). Познание, говорит он далее, есть отражение человеком природы. «Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий... каковы понятия... *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (2, т. 29, стр. 163—164).

Познание неизбежно выходит за пределы непосредственно данного содержания чувственности при любой попытке объективно воспроизвести внешнюю действительность и выразить идеальное знание общественно-значимым образом, т. е. в системе языка, логических категорий и т. д. Уже обычный язык содержит в себе известные логические формы интерпретации действительности, формы, которые, как правило, не осознаются теми, кто пользуется языком, но которые тем не менее самым существенным образом влияют на характер выделения вещей и их свойств в самом акте восприятия мира. «В языке есть только *общее*», — указывает Ленин, поясняя свою мысль словами: «Кто это? Я. Все люди я. *Das Sinnliche?* Это есть *общее* etc. etc. „Этот“?? Всякий есть „Этот“» (2, т. 29, стр. 249). Воспринимает, наблюдает действительность не гносеологический «робинзон», а социально обусловленный человек, и сам акт его видения несет в себе опыт общественного познания в

виде системы языка, сложившихся логических категорий (с определенной степенью точности отражающих реальность).

У В этой связи, однако, важно отметить и то, что на- личный опыт общественного познания, выражающийся, в частности, в виде системы языка, той или иной суммы эмпирических понятий, на определенной ступени стано- вится ограниченным, а в некоторых случаях начинает и мешать дальнейшему продвижению познания. То, что представляется на первый взгляд самоочевидным, непо- средством даным, в действительности оказывается результатом такой обработки чувственных данных, кото- рая иногда может производиться с узкой точки зрения, быть односторонним, неполным знанием, включать в себя элемент заблуждения. «Самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, **всегда** неполна, ибо опыт всегда незакончен», — подчеркивает Ленин (2, т. 29, стр. 162).

Но если даже представления здравого смысла выхо- дят за пределы чувственной данности, то тем более наука не существует без обобщений, без гипотез, без выхода за рамки непосредственно данного, выхода, который имеет место даже там, где он некоторое время не осо- знается. Это значит, что отказ от теоретических утвер- ждений неизбежно влечет за собой паралич науки. Лю-бая научно плодотворная теоретическая система предпо- лагает экстраполяцию результатов, полученных в узких экспериментальных рамках, иными словами, допускает определенный риск. Лишь в результате подобного экстра- полирования и выявляются подлинные рамки примени- мости теоретических утверждений. Но поэтому наука не только движется вперед исходя из достигнутого уровня знаний и сформулированных понятий и утверждений, но и возвращается назад, к своим основаниям, перепровер- яя, исправляя и уточняя их в свете нового уровня прак- тики.

Именно поэтому научные понятия, даже те, кото- рые представляются простой констатацией некоторых самоочевидных фактов, не могут не изменяться, уточ- няться, развиваться. Ленин отмечает: «...если *все* раз-вивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика по-

ятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» (2, т. 29, стр. 229).

«*Отражение природы в мысли человека надо понимать не „мертво“, не „абстрактно“, не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их*» (2, т. 29, стр. 177). «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» (2, т. 29, стр. 226—227).

В связи с этим Ленин развивает свое знаменитое положение о воспроизведении в познании разных уровней сущности. То, что на определенном этапе развития познания выглядит как самая глубокая сущность, на основе всего познанного многообразия эмпирических фактов на следующем этапе обнаруживает свою логическую производность от другой, более глубокой сущности: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*... не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также» (2, т. 29, стр. 227). Те утверждения, которые на определенном этапе, в определенной теоретической системе выступали как исходные и обосновывающие, на другом, более высоком уровне научного познания, в другой, более широкой теоретической системе сами выступают как производные от иных, общих понятий (постулаты классической механики как частный случай теории относительности), а то, что казалось описанием данных опыта, обнаруживает свою зависимость от некоторых теоретических допущений (понятие одновременности в классической и современной физике). Фундамент научного здания, теоретические и эмпирические основания науки — это не такой исходный пункт, который может быть отыскан раз и навсегда, а то, что выявляется, уточняется, все более явно вырисовывается по мере непрерывного, бесконечного развития научного знания. Лишь в этом бесконечном движении достигается истина. Существующая независимо от сознания вещь «сама в себе» усваивается лишь через бесконечный процесс выхода теоретического познания за рамки непосредственно данного.

Развитие науки состоит вообще не в метафизическом

отрицании наличного теоретического содержания, а прежде всего в уточнении его места в научной системе в целом, в выявлении границ действия определенных допущений и обобщений. Именно в сохранении того, что достигнуто, путем включения его в более широкий синтез и состоит действие диалектического отрицания в познании.

Именно поэтому в развитии познания имеет место постоянное диалектическое переворачивание исторически предшествующего и логически последующего.

✦ Наука развивается не линейным образом от некоторой наперед заданной точки отсчета, а углубляясь в собственное основание, двигаясь спиралеобразно, описывая своеобразные «круги» в познании. «Познание человека, — отмечает Ленин, — не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали» (2, т. 29, стр. 322).

Ленин выписывает в «Философских тетрадах» следующую даваемую Гегелем общую характеристику диалектики познания: «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому... На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя». По этому поводу Ленин замечает: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика» (2, т. 29, стр. 212). Подчеркивая высказывание Гегеля: «Вследствие вышеуказанной природы метода наука представляется некоторым замкнутым в себя *кругом*, в начало которого, простое основание, вплетается путем опосредствования конец; притом этот круг есть *круг из кругов*...», Ленин формулирует положение: «Наука есть *круг кругов*» (2, т. 29, стр. 214).

Ленинское понимание диалектики процесса постижения истины обнаруживает исключительную значимость в связи с теми дискуссиями, которые ведутся в настоящее время в зарубежной методологической литературе вокруг логического позитивизма.

Дело в том, что позитивистский тезис, согласно которому наука занимается не раскрытием сущности, а всего лишь особым способом описания чувственных данных, получил известное распространение среди западных естествоиспытателей в первой половине нашего столетия как определенная неадекватная реакция на коренную ломку понятий, имевшую место в физике, математике и других науках на рубеже XIX и XX вв., и которая получила всесторонний анализ с позиций диалектического материализма в работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Революционная смена понятийных представлений, происшедшая в это время, по существу была не чем иным, как обнаружением за явлениями, казавшимися самоочевидными, непосредственными, а иногда и просто эмпирическими констатациями, сложной системы опосредствований. В связи с этим и происходило исправление, уточнение, углубление основных исходных понятий науки. Подвиг А. Эйнштейна состоял в том, что он сумел за мнимой очевидностью смысла понятия одновременности раскрыть сложную систему теоретических предложений и допущений. Действительный смысл перехода от классического естествознания к современному был, однако, совершенно ложно интерпретирован теоретиками неопозитивизма, выступившими с претензиями на разработку методологии современного научного знания.

Критика классических представлений в физике и других науках была изображена как отказ от объяснения мира в пользу его описания. В системе так называемых протокольных предложений, считавшихся простой регистрацией чувственных данных, логические позитивисты рассчитывали найти тот «твердый фундамент», ту непоколебимую основу, на которой якобы можно прочно воздвигнуть научное здание.

Поиски «непосредственно данной» основы в качестве сущности знания выступали в неопозитивизме как попытки предотвратить дальнейшие революционные перевороты в науке, обеспечить «стабильность» и неизменность ее исходных понятий. Эти поиски предполагали ме-

тафизическое понимание развития научной теории как простого приложения принятой системы теоретических постулатов к новому эмпирическому материалу, линейного движения вперед от некоторой фиксированной точки. Это основное методологическое предположение особенно ясно выступает в операционализме, оказавшем влияние на западных ученых не только в области физики, но и в социологии и психологии.

Формулируя существо своих методологических предписаний, Бриджмен поставил задачу разработки такой методологии, которая гарантировала бы науку от повторения в будущем революционного изменения содержания ее основных понятий: «Мы должны столь глубоко понять характер нашего постоянного сознательного отношения к природе, чтобы никакое другое изменение этого отношения, подобное тому, которое произвел Эйнштейн, было бы впредь невозможно» (415, стр. 2).

Операционализм обещает тем ученым, которые примут его рекомендации, гарантировать стабильность понятий ценой запрета теоретических обобщений. Однако как только достигнуто понимание того обстоятельства, раскрываемого диалектико-материалистической логикой, что без обобщений не существуют даже и эмпирические констатации, что само выделение определенного множества операций скрытым образом предполагает гипотезу об их подобии, позитивизм вообще и операционализм в частности явно обнаруживают свою несостоятельность в качестве методологии. Один из участников проводившейся в 50-е годы в США дискуссии о современном положении операционализма, заметил, что в том случае, если бы классическая физика руководствовалась рецептами операционализма, действительно невозможно было бы сформулировать положения об абсолютной одновременности разных событий и о независимости массы от скорости (положения классической механики, отвергнутые теорией относительности). Однако за этот «выигрыш» пришлось бы заплатить слишком дорогую цену: не могли бы быть сформулированы ни закон всемирного тяготения, ни третий закон механики, поскольку они предполагают мгновенное действие на расстояние, ни второй закон механики, исходящий из того, что тело может двигаться с бесконечно большой скоростью, причем масса считается не зависящей от скорости (см. 435, стр. 230). Все это никак

«не вписывается» в ограниченные рамки операционалистской методологии.

Следует заметить, что в настоящее время ряд западных ученых, подвергнув критике методологию позитивизма, начинает стихийно подходить к признанию некоторых особенностей диалектического понимания развития теоретического познания. Такой смысл, например, имеют определенные моменты методологической концепции, развиваемой в последнее время на страницах журнала «Диалектика» швейцарским математиком Ф. Гонсетом и группирующимися вокруг него учеными. Гонсет подчеркивает не линейный, а спиралеобразный характер развития научного познания, указывает, что в науке имеет место постоянный возврат к исходным пунктам и уточнению их содержания на новом уровне («круги» и «круги кругов»).

Ряд исследователей истории науки все более отчетливо начинают осознавать, что пересмотр понятий классической физики — это не единичный эпизод в движении познания, вызванный незнанием техники операционального анализа, и что революционные изменения концептуальной структуры теории являются необходимой формой ее развития.

То понимание отношения законов мышления к законам объективного мира, которое развивает Ленин вслед за Марксом и Энгельсом, связано с признанием логических структур как общественно выработанных и апробированных средств отражения и поэтому несовместимо с натуралистическим толкованием познания как взаимодействия индивида, его мозга с окружающим миром.

Логика (и ее категории) формируется по мере практического освоения мира, по мере выделения человека из природы. Категории, составляющие ступеньки выделения, «узловые пункты» в сети овладения природой и ее познания, с одной стороны, характеризуют свойства и стороны реальности, а с другой — являются логическими формами, в которых фиксируется знание об объективном мире.

Система категорий образует логику познания, отражает последовательность, закономерность познания. Вся предшествующая история познания какого-либо предмета рассматривается как то русло, по которому развивает-

ся наша мысль, вынужденная всегда исходить из идейных предпосылок, накопленных предшествующими поколениями. Следовательно, логическое предполагает историческое. Теория познания опирается на исторически разившуюся «практику» познания.

Ключом к пониманию формирования логики — здесь фактически везде речь идет о логике диалектической — является следующее положение: «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (2, т. 29, стр. 85).

Логика (и ее категории) формируется в истории познания по мере выделения человека из природы, выступая как внутренняя закономерность человеческого мышления, благодаря чему создается возможность сознательного контроля над процессом отражения и организации его на основе законов самого объективного мира. В так называемом мифологическом (или первобытном) мышлении категории присутствуют в нерасчлененном виде. Поскольку практика не давала базы для заключения об однозначной связи вещей, постольку человек смешивал реальные факторы и причины с нереальными, считая, что любая причина может вызвать любое следствие даже в порядке обратимого отношения. Причиной смерти человека признается, например, не удар копьём, а предзнаменование, дурное поведение и т. п. По мере вовлечения все новых и новых объектов в сферу отношения человека к действительности достигается более глубокое понимание связанных с трудом объективных процессов, категории расчленяются, развиваются, наполняются новым содержанием. «Моменты познания (= „идеи“) человеком природы — вот что такое категории логики» (2, т. 29, стр. 180).

Первобытное мышление неоднородно. Оно вырывало качества, свойства предметов, сами предметы, хотя и не в отвлеченной общности, из их конкретной связи и окружения, создавая почву для относительно свободного оперирования этими «конструктами» в сфере мысли, идеального действия. Таким образом, первобытное мышление является этапом формирования и вычленения категорий логики и выхода из сферы непосредственного опыта к

познанию внутренней сущности вещей посредством мышления. Но в то же время в нем содержатся зачатки религиозных представлений о «сверхъестественных» силах, духовных сущностях и т. д. Так, в пифагорейском представлении о душе Ленин отмечал «связь зачатков научного мышления и фантазии à la религии, мифологии» (2, т. 29, стр. 225).

Если сопоставить историю умственного развития человеческого рода и отдельного индивида, можно констатировать наличие общих черт, сводящихся к тому, что логические структуры не даны готовыми. Если бы верно было обратное, то эти структуры должны были бы проявиться во всей полноте с момента рождения ребенка. Мышление ребенка (и его речь) социально по своему происхождению и функции. Через речь ребенок овладевает сложившейся логической структурой мышления и воспринимает мир соответственно достигнутой обществом ступени практического и духовного освоения мира. Усвоение общечеловеческого опыта, отложившегося в логическом строе мышления, осуществляется активно. Мышление по самой сути своей процессуально, оно является динамической структурой. В каждом акте образования нового понятия или переосмысления старого как бы заново происходит акт рождения мысли, воспроизводится вся история познания, но, разумеется, не в осложненном случайными обстоятельствами, а закономерном виде. Практически у взрослого мышление не всегда протекает на самом высшем уровне — на уровне понятий. Чаще оно совершается на уровне представлений. Если же мы будем брать явления распада, патологии мышления, то как характерную особенность заметим соскальзывание мышления на более примитивную ступень, распад функции образования понятия.

Основной или общий ход развития человеческого знания Ленин характеризует как движение от непосредственной действительности, от того, как вещи выступают на поверхности, к сущности, к познанию законов и от познания закона к объяснению данного явления, к анализу форм его проявления, к анализу единичных предметов в их многообразных связях в мире. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого позна-

ния (всей науки) вообще» (2, т. 29, стр. 298) *. Эту характеристику он конкретизирует: «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется *нечто*, — потом развиваются понятия *качества* (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности *versus* явления, — причинности *etc.*» (2, т. 29, стр. 301). В ходе движения, перехода от одной категории к другой ни одна из них не утрачивается, а сохраняется в более высокой категории. Предмет всех категорий один — объективный мир. Различные категории позволяют увидеть мир каждый раз с новой стороны, это срезы, по которым мы все глубже проникаем в него, никогда не исчерпывая до конца.

Категории выявляют свою методологическую роль в ходе последовательного анализа изучаемых объектов. Анализируя их, мы вынуждены оперировать с определенными логическими категориями. Их изучение как итогов процесса познания, являющихся в то же время логическими условиями и законами теоретического познания, должно опираться на реальное функционирование категорий в истории отдельных наук и в их современном виде.

Знание объективных, исторически сложившихся механизмов, по которым развивается мышление, знание теории диалектики является субъективным условием критического мышления каждого ученого. И в области мышления свобода, т. е. способность критически мыслить, свобода владения знаниями заключается в подчинении необходимости, которая свойственна движению человеческого знания.

В диалектике как обобщении истории познания преодолен тот недостаток логики Гегеля, который заключается в абсолютизации выработанной им системы категорий. Диалектическая логика есть гениальный эскиз скелета человеческого понимания, т. е. теоретического освоения мира, но именно скелет, остов, формирующийся в живом и развивающемся теле знания. Ленин выступает против абсолютизации логической теории, ибо она

* Поскольку в схеме категорий гегелевской логики Ленин в известной мере видит обобщение истории мысли, следует сравнить изложение последовательности категорий в «Науке логики» с этой формулой о всеобщих моментах движения человеческого знания.

не затвердевшая кора, а воспроизведение гибкой, подвижной структуры человеческого знания с изменяющимся удельным весом его составных частей (категорий), их обогащением и расширением и т. д. Признание способности к развитию, опирающееся на действительную и подлинную науку, делает диалектическую логику неподатливой и даже «непонятной» для ума, стремящегося действовать в соответствии со «строгим», т. е. формально, заданными схемами.

История диалектики, вся история научного познания свидетельствует о том, что самым глубоким основанием диалектической концепции развития, отличающим ее от метафизической концепции, является закон единства и борьбы противоположностей. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей „Метафизике“ постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом *respective* с гераклитовскими идеями)» (2, т. 29, стр. 316).

Поскольку движение и развитие всеобщи, то метафизик не может избежать какого-то изображения развития. Не нашлось ни одного теоретика, за исключением, пожалуй, представителей элейской школы, которые бы осмелились отрицать движение. Поэтому венцом метафизически ориентированного мышления является признание механического движения как универсальной формы движения. В его пределах развитие понимается плоско эволюционистски, как увеличение и уменьшение, но не как процесс новообразования. Из понятия развития исключается необходимость возникновения и уничтожения, превращения одного явления в другое.

В диалектической концепции «главное внимание устремляется именно на познание *источника „с а м о“* движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая... дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового» (2, т. 29, стр. 317).

Весьма трудным пунктом для понимания закона единства и борьбы противоположностей является то, что это не только закон развития реальности, но и закон познания. Это важный пункт потому, что, признавая развитие,

но не доходя до признания противоречия в познании, которое отражает это развитие, мы не решим всей проблемы. Что движение существует, это наглядно дано каждому. «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий» (2, т. 29, стр. 230).

Всеобщность противоречия обнаруживается в любом акте познания, в любом предложении. Здесь важно подчеркнуть познавательную роль закона единства и борьбы противоположностей. Объективная реальность есть предпосылка, основа познания. Познание есть отражение бытия. Но если не ограничиваться лишь абстрактным признанием существования мира как вещи в себе, о которой мы первоначально ничего не можем знать, кроме факта ее объективности, а перейти к *конкретным* суждениям о мире и его закономерностях, то неизбежно приходится выявлять тот конкретный логический познавательный способ, посредством которого эти суждения производятся. С познавательной точки зрения без уяснения способов конструктивного постижения вещей объективного мира, вне реальных познавательных средств мы лишаемся права делать конкретные утверждения о мире. Мы можем тогда вместе с Кратилом (опошлившим диалектику Гераклита) только показывать пальцем или вместе с Горгием сказать: то, что невыразимо в речи или какими-либо другими средствами, то непознаваемо, то, что непознаваемо, не существует. Постигание, понимание невозможно вне процесса познания, а в этом процессе движение, развитие раскрывается лишь благодаря принципу совпадения противоположностей или — иначе — закону единства и борьбы противоположностей. «И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» (2, т. 29, стр. 233).

Очень важно отметить то обстоятельство, что, как указывает Ленин, категория противоречия выступает в научном исследовании на ступени познания сущности предмета, которая достижима в составе научной теории предмета, в рамках общего хода движения человеческого знания от абстрактного к конкретному. При этом следует иметь в виду, что сущность вещей тоже относительна, подвижна как в объективном смысле, так и в том субъективном смысле, что не «ухватывается» человеческим умом раз и навсегда, а постигается в *переходе* от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.

Подчеркивание объективности противоречий, воспроизводимых в логике понятий, отличает диалектику от софистики и эклектики. Ленин еще в книге «Материализм и эмпириокритицизм» писал, что признавать объективность истины — значит так или иначе признавать ее абсолютность, направляя этот довод против релятивизма. Развивая эту мысль во фрагменте «К вопросу о диалектике», он объединяет скептицизм, релятивизм, софистику как родственные направления одним определением — *субъективизм*. Общим для этих направлений является то, что относительность противоположения истины и заблуждения трактуется ими как вообще отсутствие различий. Подвижность всех граней в действительности отождествляется с их неразличимостью. Такая позиция может быть или изощренным способом оправдания чего угодно, или смущением перед сложностью действительности, неумением выработать собственную линию ориентации. Какая конкретно грань переходит в другую, при каких конкретных условиях — такова диалектико-материалистическая постановка вопроса. В качестве второго важного критерия противоположности диалектики софистике Ленин выделяет, таким образом, вопрос о связи относительного и абсолютного в процессе познания. «Отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (2, т. 29, стр. 317).

Софистика и эклектика со свойственным им внешним соединением различных определений предмета, со ссылками на подвижность граней вообще, без конкретного анализа конкретной ситуации, как показал Ленин в ряде своих работ, являются «теоретической основой» непоследовательности, эквилибристики на политическом канате. Диалектические противоречия в корне отличны от тех противоречий, которые возникают из произвола и путаницы, составляющей так называемое адвокатское искусство изображать черное белым.

В капиталистическом обществе, с тех пор как было поставлено под угрозу господство буржуазии, диалектика внушает ужас буржуазии и ее доктринерам-идеологам.

Животный инстинкт буржуазии, страшащейся потери своего господства, является причиной того табу, которое накладывается на диалектику Маркса. Осознание трудящимися противоречий капиталистического общества было бы недвусмысленным указанием на цели, на выход из тисков капиталистической эксплуатации. Вопреки филистерскому морализированию жизнь движется через противоречия, и, как говорил Ленин, живые противоречия гораздо богаче, разнообразнее, чем это представляется человеческому уму. Современная общественная практика доказывает справедливость этих ленинских мыслей и не может быть правильно понята без анализа ее основных противоречий.

Ленин неоднократно употребляет термины «жизнь», «живая жизнь», «жизненность», считая их синонимами выражения действительности как текучей, находящейся в «самодвижении», в противоположность «мертвому», «омертвленному» образу бытия, который характерен для метафизической концепции развития. Закон единства и борьбы противоположностей выделяется как существеннейшая черта диалектики потому, что в нем раскрывается «корень» жизненности, что он является условием познания всех процессов мира «в их живой жизни». Это означает, что он является ключевым моментом к пониманию всеобщих форм движения. Но одновременно Ленин поясняет, что «ядром» диалектики лишь «кратко» охватывается ее суть, что раскрытие этой сути требует конкретизации, разъяснения и развития. В этом смысле второй части ленинского определения — многосторонность диалектики.

В выделенных Лениным элементах диалектики предстает всесторонность богатства диалектического учения о развитии в целостности всех сторон и моментов этого учения. Не вдаваясь в более детальный анализ, который уже был проделан в нашей литературе (см. 205), следует подчеркнуть их значение для характеристики диалектики как философской науки.

В качестве первого элемента диалектики Ленин выделяет *объективность* рассмотрения. Критерий объективности есть то, чем отличается диалектика от софистики как *субъективистской* псевдодиалектики. Познать действительность такой, какова она есть, означает познать ее как диалектическую действительность. Совпадение

диалектики с логикой в том и состоит, что логика человеческого познания определяется объективным миром, его саморазвитием, находящим продолжение и воспроизведение в человеке, в его практике и познании.

Рассмотрение вещи в ее внутреннем саморазвитии и включение ее в универсальную зависимость всех явлений, принцип развития и принцип единства мира органически связаны друг с другом. Ядро диалектики конкретизируется и «поясняется» в следующих моментах: наличие противоположных сторон, тенденций в каждом явлении; борьба между ними; диалектика формы и содержания; качественные превращения и их связь с количественными изменениями; движение с возвратами и повторениями; единство анализа и синтеза и т. д.

Ленинские положения о бесконечном процессе раскрытия новых сторон, об углублении познания в сущность вещей раскрывают новую сторону диалектики как логики. Благодаря им диалектика предстает как исторически развивающаяся теория, развернутая во времени. Логический строй мышления, воспроизводимый в диалектике через обобщение истории познания, есть нечто развивающееся не только по линии расширения, прибавления новых категорий, но и по пути углубления, перехода от одного уровня к другому, основанному на практическом освоении мира. Иными словами, движение категориального строя идет наподобие расширяющегося круга кругов. Развитие логики мышления совершается не путем суммирования, а путем переинтеграции каждого предшествующего уровня на последующем, путем конкретизации и обогащения.

Ленинское определение диалектики как живого, многостороннего познания в тексте фрагмента «К вопросу о диалектике» следует прямо за наметками «кругов» в философии и мыслью о развитии познания вообще «в виде ряда кругов». По сути дела история диалектики, характеризующаяся как «круг кругов», и определение диалектики как *живого*, многостороннего познания выступают в качестве исторического и логического аспектов одной и той же диалектики как философской науки.

Здесь мы сталкиваемся с коренным отличием диалектики Маркса от гегелевской. Последняя, как неоднократно отмечает Ленин, характеризуется в конечном счете изменой принципу развития. Философия Гегеля

развертывается в *систему*, которая по истари установившейся традиции мыслится как раз навсегда завершенная истина. По отношению к логике это оборачивается ее трактовкой как твердо зафиксированной и не подлежащей изменению системы категорий. Ленин же развивает положение о подвижности сущности, о передвижке, переходе от сущности первого порядка к сущности второго и так далее порядков. Тем самым диалектика выступает не только как учение о «живой жизни», но и как жизненная концепция, сознающая свою историчность. Признание способности к развитию, обусловленному развитием практики и сознания, делает диалектическую логику в высшей степени самокритичной. Жизненность диалектики проявляется в том, что она развивается через анализ конкретных вопросов, через логику конкретного «дела». Ленинские выводы из истории диалектики о содержании теории диалектики предстают в действии и в развитии в ходе анализа конкретных проблем империализма, мировой войны, социалистической революции, диктатуры пролетариата и социалистического строительства.

В своих работах «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» Ленин всесторонне обосновал, а в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» воплотил в конкретном экономическом исследовании, имеющем большое и историческое и политическое значение, как неоспоримый факт, что только материалистическая диалектика адекватно выражает требования науки XX в. в подходе к выяснению сущности империализма, без чего не могло быть и речи о конкретно-исторической оценке империалистической войны и всех острых политических вопросов эпохи.

Теоретический анализ империализма производится Лениным в ходе критики неокантианской методологии, которую проводили в области изучения империализма Пленгс, Гильфердинг, Шульц-Гевеверниц, Адлер. В то же время он показывает, что буржуазные представления о «справедливости» в мире получения прибыли направляют мышление узких буржуазных специалистов-экономистов или «приват-спекулянтов», вообще игнорирующих роль философии и методологии, по стезе кантианской методологии: преклонение перед видимостью, явлением, принижение объективной истинности результатов

теоретического мышления. Именно потому, что задачей «науки как таковой» признается лишь описание, за пределами науки считается возможным утверждать и освящать что угодно. В этом причина соединения низкопробных теоретических рассуждений с непереваренным, сырым материалом, характерного для *всей* буржуазной литературы о «новейшей стадии» в развитии капитализма.

Переход от свободной конкуренции к монополии Ленин рассматривает как процесс качественный, но отнюдь не снимающий, а, наоборот, обостряющий все противоречия капитализма. В этой связи он характеризует как прудонизм («взять хорошее, отбросить дурное») «теорию» Каутского о возможности ультраимпериализма, перспектива которого якобы определяется снятием случайных наростов капитализма, устранением его противоречий и созданием организованного мирового хозяйства.

Один из коренных пороков теоретических построений ревизионистов Ленин усматривал в сведении ими диалектики к пустой схеме, в неумении применять ее как теорию познания и логику, в разрыве теории и практики. Поэтому теоретики II Интернационала не смогли понять характера новой эпохи, дать правильной оценки империалистической войне, остались метафизиками в вопросах стратегии и тактики пролетариата. «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики» (2, т. 45, стр. 378).

Ленинская стратегия и тактика классовой борьбы — яркий образец применения диалектики к политике, умения в сложном переплетении событий схватывать картину политической жизни в целом, извлекать из опыта революции и даже поражений «урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу» (2, т. 41, стр. 10).

Фундаментальное положение о включении практики в теорию познания решающим образом определило политические и практические ленинские выводы применительно к тактике пролетариата. Теоретическое изучение не может предвосхитить все детали практической борьбы, так что исполнителям придется только выполнить

«запрограммированное действие». Ее исход прежде всего определяется решительностью, организованностью борющихся масс.

Ленин, как никто, умел опираться на весь предшествующий опыт и науку и обогащать их. При этом он всегда настаивал на коренном, принципиальном различии революционной диалектики исторического творчества, которой руководствуется марксизм, от архиреволюционности, исходящей из пафоса уничтожения, разрушения. Против последней решительно выступал Ленин, считая ее в корне несовместимой со всей системой мышления марксизма. Указанная сторона имеет в своей основе, говорит Ленин, психологию взбесившегося мелкого буржуа, переходящего от стремления «выбиться в люди» к ультрареволюционности.

Ленинский завет о *гибкости* понятий как средстве достичь максимальной гибкости тактики при неуклонном проведении революционных принципов марксизма имеет актуальнейшее значение как в борьбе против право-оппортунистического соглашательства, так и левого мелкобуржуазного революционаризма. В особенности последний в лице маоистов искажает диалектику, превращая ее положения в схемы, которыми оправдываются попытки залатать провалы и просчеты авантюристической политики.

Ленинское понимание диалектики органически связано с признанием ее как метода *конкретного* исследования. Она способна выполнять эту роль, поскольку впитала в себя основные итоги развития человеческого знания. Сама сущность диалектики как философской науки, как логики и теории познания объясняется всей логикой историко-философского развития, высшим «кругом» которой является развитие материалистической диалектики. Это тот *вывод*, который вытекает из истории диалектики. Но диалектика в ленинском понимании нацелена на будущее, поэтому задача освоения истории знания и задача разработки диалектики как философской науки сливаются воедино. «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (2, т. 29, стр. 131).

Ленинское понимание диалектической логики как логики конкретного мышления глубоко соответствует по-

требности коммунистического преобразования общества и противоположно антигуманистическим, формалистическим тенденциям в понимании мышления. Оно дает ответ на вопросы, касающиеся внутренних задач самой диалектики, и направлено своим острием против позитивистского отрицания философии. Продуктивность диалектики как методологии объясняется также и тем, что она является незаменимым средством развития способности оперировать понятиями, теоретически мыслить.

Ленин везде ставит вопрос о методе изучения (соответственно изложения) диалектики, т. е. не просто о содержании диалектики, а о способе развертывания этого содержания. Это имеет принципиальное значение для диалектики как логики. Если всякая наука есть *система* знания, то тем более системность и следование законам логики является обязательным для диалектики. Это касается, конечно, не внешнего расположения материала. Но исследование, изучение может, вообще говоря, иметь началом нечто случайное, т. е. что в силу тех или иных причин попало в поле зрения. Расчленение предмета сообразно его внутреннему строению достигается не сразу. Поэтому-то Ленин говорит не просто и не только о методе изучения, но и о методе изложения.

Последнее потому представляется не только и не столько способом выражения уже заготовленного набора знания, а прежде всего систематическим построением знания, *теории предмета*. Для достижения такой цели необходимо именно диалектико-логическое обобщение самого хода развития знания. Выписывая план логики Гегеля, Ленин считал, что этот общий ход знания в целом был угадан Гегелем. Дальнейшая задача состоит, следовательно, в развитии, проверке и конкретизации общей закономерности познания путем привлечения и обработки истории знания с материалистической точки зрения. Конечно, это требует предварительного отсеечения мистики и идеализма. Несостоятельна точка зрения Гегеля о том, что мышление способно построить свое «тело» как организм, выбивающиеся из зерна корни, ствол, ветки и всю живую массу. Но это не означает, что вехи освоения человеком мира могут быть представлены как груда несвязанных принципов, готовых ответов вне изложения тех проблем, из систематического решения и трансформации которых и возникли эти ответы. Кроме

того, Гегель изменял принципы развития, считая логическую структуру знания раз навсегда данной. У него не хватает, как говорит Ленин, момента «передвижки» сущности, т. е. перехода от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Логическая структура знания претерпевает трансформации, является гибкой, исторически подвижной.

В работе «Философские тетради», развивая и конкретизируя идеи своих предшествующих трудов, Ленин раскрывает необычайное богатство и многогранное содержание логических, методологических, гносеологических проблем, имеющих непреходящее значение и в настоящее время.

«Философские тетради» и соответственно другие работы Ленина, анализирующие проблемы диалектики, представляют собой широкую программу для марксистов всех стран творческой разработки важнейших вопросов диалектики, логики и теории познания, имеющих громадное и теоретическое, и практическое значение. Практика в ее широком ленинском понимании стоит в начале и в каждом звене теории материалистической диалектики, сила и эффективность которой и обусловлены ее органическим единством с практикой, со всей деятельностью и борьбой рабочего класса и всех трудящихся за новое, светлое будущее.

Глава третья

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕНИНЫМ ДИАЛЕКТИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА. ДИАЛЕКТИКА СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Начало новой исторической эпохи ознаменовалось крайним обострением всех социальных противоречий, с особой силой выступивших в период первой мировой войны. Это неизбежно потребовало от международного рабочего движения четкого определения идейно-политических позиций, научной разработки стратегии и тактики борьбы за социалистическую революцию в новых исторических условиях.

К концу XIX в. многим буржуазным исследователям и теоретикам II Интернационала стало ясно, что капитализм вступил в какой-то новый этап своего развития, что социальные процессы, происходящие в обществе, приобрели какие-то новые черты. Ряд буржуазных ученых, равно как и теоретиков международной социал-демократии, предприняли попытки дать научный анализ и истолкование этих процессов.

Среди громадного множества книг и статей по вопросам социально-экономического развития капитализма в конце XIX — начале XX в. выделяются две группы авторов. Одна из них — это буржуазные исследователи, претендовавшие на научность и объективность, но стремившиеся оценить империализм, не ставя под сомнение общий характер капиталистического общественного строя. В ряде случаев, как указывает Ленин, эти авторы давали «очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма» (2, т. 27, стр. 309), однако только описание. Другая состояла из тех, кто называл себя учениками Маркса и Энгельса, — лидеров II Интернационала, претендовавших на «обогащение» марксистской теории анализом новых фактов общественного развития.

Наиболее видным представителем первой группы был Дж. А. Гобсон. В книге Гобсона «Империализм» (см. 440) делается попытка дать толкование новым явлениям капитализма с точки зрения их апологета и защитника. Прием автора сравнительно несложен. Гобсон

производит понятие «империализм» от понятия «империя». На этом основании он утверждает, что империализм равно характерен для Древнего Рима, государства Карла Великого, империи Наполеона I и пр. Основой этого «империализма» было стремление *одной* империи подчинить себе весь мир. «Новое в современном империализме, — писал Гобсон, — если брать его политически, заключается главным образом в том, что он воспринят несколькими народами» (440, стр. 6). Следовательно, империализм XX в. в отличие от прошлых времен есть соперничество нескольких империй в борьбе за мировое господство. Экономическая же основа такого соперничества заключается в стремлении «крупных заправил промышленности расширить русло для потока своих избыточных богатств путем изыскания иностранных рынков и иностранных инвестиций, чтобы разместить товары и капиталы, которые они не могут продать и использовать у себя дома» (440, стр. 91). Отсюда Гобсон выводит идею, что экономическая экспансия — это следствие плохой организации распределения и потребления внутри страны, лежащей на совести правительств тех или иных стран. Как видим, у Гобсона буржуазная экономика никак не определяет политического лица империализма. Более того, все беды, приносимые им, проистекают от «плохих организаторов», т. е. от тех или иных личностей — владельцев монополий и их ставленников — руководителей государственного аппарата.

Ленин оценил книгу Гобсона как попытку социал-либерала вскрыть некоторые действительные противоречия империализма без учета исторической роли революционного пролетариата и закономерного изменения самой природы общественных отношений людей путем социальной революции (см. 2, т. 30, стр. 166, 168).

Несколько иной была позиция другого буржуазного социолога и экономиста Дж. М. Кейнса. Кейнс выступил на историческую арену несколько позднее — в конце первой мировой войны. Тем не менее его взгляды чрезвычайно характерны для общей оценки позиций идейных защитников капитализма. Как и Гобсон, Кейнс подметил и подверг рассмотрению некоторые действительные противоречия империализма. В ряде его выступлений, и это отметил Ленин (см. 2, т. 41, стр. 219), содержатся выводы о грядущем банкротстве капитализма, если не прибег-

нуть к неким «спасительным» для него средствам. Что же предлагал Кейнс? В книге «Общая теория занятости, процента и денег» (см. 178), где суммированы его идеи, высказывавшиеся начиная с 1915 г., он утверждал, что государство должно взять на себя обеспечение занятости населения. При этом состояние экономики Кейнс выводил из неких неизменных свойств человеческой психики, сформулировав «общий психологический закон», согласно которому люди стремятся увеличить свое потребление с ростом доходов, но в более быстром темпе, чем темп роста доходов. Поэтому, по мнению Кейнса, следует воспитывать людей, тормозя их «изобретательский» инстинкт и стимулируя стремление к сбережению доходов и их инвестированию в производство*.

Буржуазные социологи, философы и экономисты, подмечая некоторые существенные особенности империализма, были бессильны раскрыть его подлинную сущность, динамику и перспективы. Не обладая научным методом, они сводили все либо к воле отдельных руководителей, либо к извечным инстинктам человеческой психики, либо, наконец, к социальному насилию, проистекающему из чисто механического соотношения сил тех или иных стран, «вынужденных» к войнам и захватам чужих тер-

* Можно привести еще целый ряд попыток буржуазных авторов объяснить, что такое империализм. Так, например, Г. Ф. Стеффен, определяя империализм как стремление к завоеванию или мирному политическому объединению уже существующих государств, выводил это стремление из «более глубоких знаний» одного народа о других, заявляя: «Социальная фантазия — мать империализма» (485, стр. 5). По Стеффену, империализм — политическая стадия, через которую проходит каждый великий народ с «большими внутренними силами и большими общечеловеческими задачами» (485, стр. 56—57).

Еще один буржуазный автор, Э. Ульбрихт, в книге «Мировая держава и национальное государство» доказывал, что империализм есть «мирное соревнование» народов за «прогресс человечества» путем колониальной экспансии, охраны своих интересов с помощью оружия и т. д. (490, стр. 667—668). Наконец, стоит упомянуть еще одного автора, Г. Брейлсфорда, выступившего в 1914 г. с книгой «Война стали и золота». Этот буржуазно-либеральный деятель так характеризует империализм: «Он ищет новых стран «для эксплуатации», многообещающих областей с нетронутыми рудниками, невозделанными полями, городами без банков, дорогами без рельсов. Вот возможности, которых он жаждет. Он рад получить их без завоевания, он не желает войны. Его идеал — огородить их как сферу экономических интересов, внутри которой он может помешать свой капитал на основе национальной монополии» (414, стр. 164).

риторий ввиду сопротивления их коренного населения. Ненаучность и буржуазная сущность таких концепций очевидны.

Недалеко ушли от буржуазных мыслителей и правые социал-демократы из II Интернационала. Применительно к проблеме империализма особенно показательны позиции Р. Гильфердинга и его учителя К. Каутского.

В 1910 г. в Вене была опубликована объемистая книга Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». Автор явно претендовал на то, что его труд продолжает «Капитал» Маркса, обобщая и анализируя новые факты капиталистического развития конца XIX — начала XX в. Ленин, оценивая книгу Гильфердинга, указал, что в ней верно подмечен ряд характерных черт капитализма, вступившего в империализм. В частности, Ленин отметил дальнейшее развитие экономических идей Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни (см. 2, т. 27, стр. 250, 307, 309, 343 и др.). Вместе с тем Ленин указал, что для Гильфердинга характерны такие отступления от марксизма, как непонимание места и роли теории стоимости в новых условиях, недооценка экономических и политических теорий и последствий раздела мира между империалистическими державами, игнорирование паразитической роли финансового капитала, экономических корней оппортунизма в империалистическую эпоху (см. 2, т. 28, стр. 308, 309; т. 27, стр. 396; т. 30, стр. 105, 166, 387 и др.).

Краткое содержание взглядов Гильфердинга на империализм можно свести к нескольким общим положениям. Он считает, что конкурентная борьба старого капитализма в новейших условиях «все более превращается в игру политических сил», которая выражается в том, что «национальная идея превратилась в идею возвышения собственной нации над всеми остальными» (92, стр. 433) *. Во имя этого превращения капитализм порывает с идеалами мира, гуманности и равноправия наций. На место этих идеалов приходят идеи национального величия и силы государства, причем политика неограниченной силы становится требованием финансового капитала, выступающего как объединение руководства бан-

* Это положение Гильфердинга является пересказом утверждения Отто Бауэра.

ками и промышленностью при определяющей роли банковского капитала по отношению к промышленному. В силу того что наибольшую прибыль в этих условиях дает военная промышленность, общество становится все более милитаризованным. Так возникает особая идеология — идеология империализма, сменяющая характерную для прежнего капитализма либеральную идеологию. Суть ее — стремление к господству над миром. Но «империализм ничего не хочет для себя. Он не принадлежит к числу... фантазеров и мечтателей... Твердым, ясным взором окидывает он смешение народов и над всеми ними видит свою собственную нацию» (92, стр. 435). А далее Гильфердинг делает и совсем удивительный вывод: «Классовые противоречия исчезли и уничтожены, поглощенные службой интересам целого. На место чреватой для собственников неведомыми последствиями опасной борьбы между классами выступили общие действия нации, объединенной единой целью — стремлением к национальному величию» (92, стр. 435).

Идеи Гильфердинга еще более отчетливо расшифровывает его учитель и идейный наставник К. Каутский. В статье «Империализм» он определяет это понятие как «особый вид политических стремлений» промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие *аграрные* области без отношения к тому, какими нациями они населены (см. 451, стр. 909). Здесь нужно сделать одно пояснение. По Каутскому, промышленными нациями являются те, у которых развита обрабатывающая промышленность. Нации же, имеющие в своем распоряжении добывающую промышленность, являются аграрными. Тем самым Каутский одним приемом отсекает от международного рабочего движения пролетариат колоний и зависимых стран, где главным образом развивалась именно добывающая промышленность. Выходило, таким образом, что международный рабочий класс сосредоточивался, по Каутскому, в странах-метрополиях, т. е. в империалистических державах. Экономический строй этих держав (финансовый капитализм) якобы не нес в себе ничего специфического для империализма и, более того, вел к некоей «мирной» фазе «ультраимпериализма», или мирового объединенного финансового капитала, который сам собой, без революции трансформируется в будущем в социализм. Им-

империализм же есть не что иное, как «особый вид капиталистической политики» (453, стр. 111), как особый метод насилия (см. 452, стр. 851), который надо отличать от экономики.

Наконец, следует кратко упомянуть взгляды еще одного социал-демократического теоретика империализма — Г. Кунова. Исходя из спенсеровского эволюционизма, смешанного с вульгарным экономическим материализмом, Кунов считал, что империалистическое государство в начале XX в. все более приобретает черты надклассового явления. Это якобы характерная черта всего новейшего капитализма. А поскольку это новая черта, следовательно, она прогрессивна. Следовательно, империализм, будто бы являющийся снятием проблемы борьбы классов и политической революции, прогрессивен (см. 2, т. 27, стр. 390—391)*. Взгляды буржуазных экономистов и теоретиков II Интернационала на империализм демонстрировали их неспособность дать действительно научную и вместе с тем партийную оценку импе-

* Нужно отметить также важное значение критики Лениным ошибочных взглядов на империализм, высказанных в 1913—1917 гг. Розой Люксембург. Р. Люксембург, видный революционный марксист, лидер польской и немецкой левой социал-демократии, ставшая в 1918 г. одним из вождей германской революции, опубликовала в 1913 г. книгу «Накопление капитала» (см. 465). Ленин, ознакомившийся с этой книгой, отметил в одном из писем: «Читал новую книгу Розы «Die Akkumulation des Kapitals». Наврала жестоко! Переврала Маркса» (2, т. 48, стр. 173). В другом письме Ленин заметил по этому же поводу: ««Диалектика» Люксембург мне кажется (также по статье в «Leipziger Volkszeitung») *эклeктикой*» (2, т. 48, стр. 149). Ошибка Р. Люксембург заключалась в том, что она считала регулятором товарного хозяйства при капитализме не закон стоимости, а обмен, осуществляемый капиталистическим городом в ходе эксплуатации «некапиталистической среды», состоящей из крестьянства и народов колоний и зависимых стран. Империализм же, согласно этой концепции, выступал как политика борьбы капиталистических государств за обладание «мировой некапиталистической средой», постепенное исчезновение которой с ростом капитализма якобы должно было повести к автоматическому краху всего здания капитализма.

Позднее, уже в 1916 г., Р. Люксембург в брошюре «Кризис социал-демократии» (см. 466) явно недооценивала революционную роль и возможности национально-освободительных движений. Эта ошибка также была раскритикована Лениным в его работе «О брошюре Юниуса». В целом Ленин приветствовал брошюру Люксембург (2, т. 30, стр. 2). Вместе с тем он раскритиковал ошибки этой брошюры, показав недиалектический характер подхода автора к ряду вопросов, отсутствие конкретного анализа конкретной ситуации и т. п.

риализма как новейшей стадии капитализма. Этим в значительной мере определялись их стратегические позиции в отношении целей и задач рабочего движения в новую эпоху.

Ленин определил теоретические позиции оппортунистических лидеров II Интернационала как подмену революционной материалистической диалектики эклектикой и софистикой. В непримиримой борьбе с их порочной методологией Ленин восстановил подлинную сущность диалектики Маркса, внес громадный вклад в ее содержание, подняв ее на новую, более высокую ступень.

1. ЛЕНИНСКИЙ АНАЛИЗ ДИАЛЕКТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Часто задают вопрос, чем объяснить, что в острейший период социального развития — годы мировой империалистической войны — Ленин столь большое внимание отдал разработке общетеоретических проблем диалектики, работе над трудами Гегеля и другими философскими исследованиями, конспекты которых составили его знаменитые «Философские тетради». Эта проблема подробно рассмотрена в предшествующих главах. Однако к тому, что уже было сказано выше, необходимо добавить еще одно важное положение. Дело в том, что труды Ленина по вопросам диалектики периода первой мировой войны выступали необходимым элементом решения одной из наиболее важных задач тех лет. Этой задачей был марксистский анализ диалектического развития общества на стадии империализма и пролетарских революций.

Основные ленинские идеи по вопросам исследования объективной диалектики в данный период сконцентрированы в «Философских тетрадях», а также в таких работах, как «Карл Маркс», «Крах II Интернационала», «О праве наций на самоопределение», «Социализм и война», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др. Суммируя эти идеи, можно выделить следующие моменты.

Первое — требование всестороннего, целостного под-

хода к изучаемому явлению. Ленин пишет: «*Совокупность всех* сторон явления, действительности и их (взаимо)*отношения* — вот из чего складывается истина» (2, т. 29, стр. 178), — и далее: «...вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим» (2, т. 29, стр. 202). Если оценить это ленинское положение с позиций современных дискуссий о познании и науке, то важно подчеркнуть, что в отличие от многих современных авторов Ленин не «дополняет» Марксову диалектику требованием анализировать объект как целостное, структурное образование, а выявляет тот факт, что целостность и всесторонность рассмотрения еще у Гегеля и Маркса были необходимыми и внутренне присущими научному познанию *элементами* диалектики. С этой точки зрения ленинское требование рассматривать вещи, явления как сумму и единство внутренних противоположностей, т. е. как систему противоречивых элементов, есть раскрытие сути закона единства и борьбы противоположностей как единственно научной базы системно-структурного анализа вещей и явлений объективного мира.

Второе общее положение, выдвинутое Лениным на основе разработки вопроса о диалектическом исследовании объективного развития, гласит: «... *развитие* этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь» (2, т. 29, стр. 202). И далее: «...внутренне противоречивые *тенденции* (и стороны) в этой вещи», «*б о рь б а* respective развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc.», «(раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними)... Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (2, т. 29, стр. 202, 317).

Это положение Ленина раскрывает проблему внутреннего источника самодвижения любого процесса или явления, обосновывает необходимость раскрытия этого источника в любом исследуемом явлении.

Третье положение, сформулированное Лениным, гласит: «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его проти-

воречивом движении an und für sich*. Но человеческое понятие эту объективную истину познания „окончательно“ ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится „для себя бытием“ в смысле практики» (2, т. 29, стр. 193). При этом Ленин специально подчеркивает, что переход от познания к практике совершается через полезное, т. е. через осознание ценности познанного для практики. Именно отсюда Ленин выводит свою знаменитую оценку диалектической идеи Гегеля: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»**.

Материалистически разъясняя вторую часть этого утверждения, Ленин пишет: «...мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» (2, т. 29, стр. 194, 195). При этом в реализации объективных данных познания на практике «добро, благо, благие стремления остаются **СУБЪЕКТИВНЫМ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕМ**...» (2, т. 29, стр. 196). А само «„добро“ есть „требование внешней действительности“, т. е. под „добрым“ разумеется *практика* человека=требование (1) и *внешней* действительности (2)» (2, т. 29, стр. 195). Здесь Ленин прямо продолжает линию диалектического исследования единства познания и практики, начатую Марксом (вспомним «Тезисы о Фейербахе»). Существо ленинской идеи заключается в том, что логическое познание всегда выступает в единстве с оценкой, истолкованием познанного, т. е. в классовом обществе в единстве с идеологическим, партийным подходом к исследуемому объекту.

Наконец, четвертое обобщающее положение, выделяемое Лениным, цитирующим Гегеля в «Философских тетрадах», заключается в том, что познание дает «„не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного“» (2, т. 29, стр. 90). «Значение *общего*, — пишет Ленин, — противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем

* В себе и для себя. — *Прим. ред.*

** Сам Гегель выразил эту идею так: «Та уверенность в себе, которой субъект обладает в своей в-себе-и-для-себя-определенности, есть уверенность в своей действительности и в *недействительности* мира» (87, т. VI, стр. 289).

конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте» (2, т. 29, стр. 252). Эти ленинские положения выявляют еще одну важнейшую сторону диалектического познания — движение от конкретного в действительности к воссозданию его путем научной абстракции в сознании. Тем самым Ленин продолжает и развивает Марксову (и гегелевскую) теорию научного познания как восхождения от абстрактного к конкретному, сформулированную им позднее как требование конкретности истины в диалектическом познании мира.

Эти общие теоретические положения легли в основу ленинского анализа нового этапа в развитии мирового капитализма. Они послужили той логической, методологической и мировоззренческой базой, на которой была создана общая теория империализма, новая теория социалистической революции, основные положения стратегии и тактики партии пролетариата в новых исторических условиях. Эта линия была прямым продолжением дела, начатого Марксом в его «Капитале».

Еще в самом начале своей теоретической деятельности Ленин в ряде своих работ отметил, что капитализм в конце XIX — начале XX в. характеризуется рядом новых черт. Так, в «Развитии капитализма в России» он писал, что высшую стадию капитализма в сравнении с прежней характеризует «быстрое преобразование способов производства и громадная концентрация его, отпадение всяческих форм личной зависимости и патриархальности в отношениях, подвижность населения, влияние крупных индустриальных центров и т. д.» (2, т. 3, стр. 600—601). Позднее, уже в годы первой мировой войны, Ленин создает развернутую диалектическую картину империализма как высшей и последней стадии капитализма, полной материально-технической подготовки перехода человеческого общества к социализму, непосредственного кануна социалистической революции. Вместе с тем все это означает глубокую конкретизацию самой диалектики как науки, как теории развития на основе анализа новых явлений и закономерностей эпохи.

Ленин дает глубокий, целостный и всесторонний анализ понятия «империализм», подвергает острой критике теоретически несостоятельные оппортунистические трактовки его.

Ленинская теория империализма основана на глубоком раскрытии диалектики новых черт и фактов общественного развития капитализма. Ленин указывал, что исторически понятие империализма возникло задолго до капиталистической эпохи. Первоначально оно обозначало вообще всякое стремление того или иного государства к территориальной экспансии и завоеваниям. Однако к началу XX в. понятие «империализм» приобрело совершенно определенное социально-экономическое содержание, которое нельзя смешивать с ранее существовавшим смыслом этого термина. Ленин отмечал: «Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм» (2, т. 27, стр. 379). Но это не делает правильными попытки иных буржуазных ученых говорить об особенностях империализма вообще, безотносительно к анализу конкретной общественно-экономической формации. Такие попытки «превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство» (2, т. 27, стр. 379). В качестве иллюстрации этой бессодержательной и ненаучной тенденции Ленин приводит сочинения Ч. П. Люкаса «Великий Рим и Великая Британия» (см. 464) и Э. Б. Кромера «Древний и современный империализм» (см. 424), характеризуя их как мало содержательную, претенциозную националистическую болтовню, направленную на восхваление и оправдание новейшего британского колониализма (см. 2, т. 28, стр. 540—541, 551). Особенно острой критике Ленин подвергает аналогичные взгляды К. Каутского (см. 451). Сущность реакционной теории «ультраимпериализма» Каутского Ленин оценил как однобокое и уродливо искаженное рассмотрение предмета, как подмену революционной диалектики Маркса самой низменной софистикой.

Буржуазным и реформистским взглядам на империализм Ленин противопоставил всесторонний объективный анализ диалектики развития капитализма на его новейшей стадии. Он глубоко исследовал все многообразие общественного развития в конце XIX — начале XX в., его противоречия, связи, отношения. Для капитализма на высокой стадии его развития, указал Ленин, характерен «громадный рост промышленности и замечательно быст-

рый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях» (2, т. 27, стр. 310). При этом свободная капиталистическая конкуренция приводит к возникновению монополий, которые все более очевидно становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Происходит гигантский процесс обобществления производства, т. е. человеческое общество на этой стадии вплотную подходит вопреки воле самих монополистов к какому-то новому общественному порядку. Однако пока еще, несмотря на обобществление производства, присвоение остается частным, что является причиной крайнего обострения противоречия между трудом и капиталом, между двумя основными классами буржуазного общества — пролетариатом и капиталистами. «Гнет немногих монополистов над остальным населением, — указывает Ленин, — становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее» (2, т. 27, стр. 321).

Важной чертой нового, монополистического этапа капитализма является сращивание промышленного капитала с банками, ведущее к возникновению нового типа капитала — финансового капитала. Если при домонополистическом капитализме реакционная, консервативная сторона противоречия труда и капитала персонифицировалась для рабочих в личности капиталиста — владельца того или иного предприятия или фирмы, то в новых условиях капитал принимает все более безличный, анонимный характер. Это делает его господство все более бесчеловечным и деспотичным. Происходит интенсивный рост отчуждения человека.

Усиление эксплуатации и угнетения ведет к колоссальному развитию антагонизмов между классами, вплотную приближает революционное ниспровержение власти капитала. Это находит свое выражение, с одной стороны, в росте политической реакционности капитализма, а с другой — в громадном росте революционных настроений и движений среди трудящихся классов, в первую очередь у пролетариата. Правда, одновременно идет и другой процесс. Он выражается в том, что империалистическая буржуазия, используя свои сверхприбыли, получаемые за счет эксплуатации угнетенных народов, подкупает политически неустойчивую верхушку рабочего класса в странах-метрополиях и превращает ее в так называемую рабочую бюрократию, служащую наемной

агентурой капитализма в рабочем движении. Эта верхушка становится рассадником оппортунизма и ревизионизма в рабочем движении и, опираясь на наиболее высокооплачиваемые слои рабочих («рабочую аристократию»), стремится приостановить или замедлить развитие революционных тенденций среди рабочей массы. Известно, что в ряде стран Запада (Англия, США, Скандинавские страны) эти попытки иногда имеют некоторый успех. Однако объективная диалектика углубления противоречия между трудом и капиталом является на стадии империализма главной и определяющей тенденцией развития, в то время как частичные успехи буржуазии и ее оппортунистических прислужников в их стремлении сгладить это противоречие имеют весьма относительный и временный характер.

Следующий главнейший признак эпохи империализма, как это показал Ленин, — все более интенсивная замена вывоза товаров вывозом капитала. Монополии, стремящиеся распространить свое господство на весь мир, ищут и используют каждую возможность вложить свой капитал в экономику других стран, в особенности слабо развитых или находящихся в колониальной зависимости от империалистической метрополии.

Последнее особенно наглядно свидетельствует о превращении капитализма на империалистической стадии развития в паразитический, загнивающий общественный строй. На массовых фактах Ленин проследил превращение Англии, США и других развитых капиталистических стран в государства-рантье, получающие баснословные прибыли не за производительное участие в той или иной экономической деятельности, а за ростовщичество. Возникновение вывоза капитала на стадии империализма не означало, разумеется, что внутри самих стран-метрополий уже некуда стало вкладывать деньги. Ленин отметил, что капитализм мог бы развить земледелие, которое даже в весьма высокоразвитых странах отстало от промышленности. Капитал мог бы быть обращен и на подъем жизненного уровня беднейших масс населения, численность которых непрерывно возрастает. Но такое приложение капитала значительно снизило бы уровень прибылей, получаемых его хозяевами. А борьба за повышение прибыли — главное, что интересует капиталистов. Именно поэтому в начале XX в. вывоз капитала в отста-

лые страны, дающий высокий процент прибыли, достиг гигантского развития.

Экономическое порабощение слаборазвитых стран и колоний привело к громадному обострению другого противоречия капитализма — противоречия между монополиями и колониями. Развитие этого противоречия имеет три важных следствия. Во-первых, «вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его» (2, т. 27, стр. 362). Во-вторых, в связи с развитием капиталистических отношений растет политическое и общественное самосознание угнетенных наций, чья территория служит местом приложения финансового капитала монополий. В этих нациях возникает и развивается класс пролетариата с его авангардом — политическими партиями, ставящими своей задачей экономическое, политическое и духовное высвобождение своих народов из-под власти империализма. И наконец, в-третьих, отдельные потоки национально-освободительной борьбы угнетенных народов все больше сливаются в единое общемировое движение против империализма, а последнее объективно, по мере его развития и все более сознательно становится союзником и резервом мирового рабочего движения в его борьбе за уничтожение власти капитала.

Тем самым мировой пролетариат как решающая сила противоречия между трудом и капиталом объединяется с национально-освободительными движениями как стороной противоречия между метрополиями и колониями в единый фронт антиимпериалистической борьбы международного пролетариата и угнетенных народов колоний и слаборазвитых стран.

Империализм предпринимает попытку за попыткой замедлить, сгладить или вовсе устранить развитие этого противоречия. С этой целью он использует такое испытанное орудие буржуазии, как идеология национализма, национальной розни и вражды. Характерным в этой связи является то, что «левый» оппортунизм и ревизионизм — и в крайней форме маоизм, фактически объявивший противоречие между империализмом и народами слаборазвитых стран главным противоречием современной эпохи и отрицающий всемирно-историческую миссию пролетариата, — также скатились на позиции буржуазного национализма и шовинизма, предав тем са-

мым один из основополагающих принципов марксизма-ленинизма — пролетарский интернационализм.

Далее, Ленин выделил и систематизировал ряд признаков, характерных для эпохи империализма и раскрывающих внутреннее глубокое и непримиримое противоречие между самими группами империалистических монополий и империалистическими державами. Эти признаки заключаются в том, что заменивший анархическую буржуазную конкуренцию гнет империалистических монополий приводит к бесконтрольному господству рантье-монополий и целых государств, завершивших территориальный раздел мира и борющихся за его экономический передел. Это приводит к возникновению и крайнему обострению антагонистических противоречий между монополиями и империалистическими державами. Страны, опередившие других в империалистических захватах (Англия, Франция, Бельгия, Голландия и др.), стремятся всеми силами удержать награбленное. «Обделенные» (Германия, Япония и др.) быстрыми темпами развиваются и стремятся любыми средствами отнять колонии, рынки сбыта и источники сырья у более удачливых партнеров. Создаются экономические и политические союзы монополий и государств, находящихся между собой в непримиримой борьбе за экономический передел мира, что неизбежно приводит к захватническим войнам.

В ленинских работах, раскрывающих существо империализма как последней перед всеобщим крахом капитализма его фазы, выявляется и подвергается всестороннему анализу все многообразие форм и конкретных видов социальных противоречий этой эпохи. Среди этого многообразия Ленин выделяет центральное, решающее звено всего исторического процесса в XX в. — противоречие между трудом и капиталом. Одновременно он раскрывает и обосновывает место и роль всех других социальных противоречий, прямо подходя к положению, которое будет им окончательно сформулировано позднее, — вопросу о соотношении и взаимодействии антагонистических и неантагонистических противоречий.

Ленин на основе глубокого анализа специфики противоречий империалистических монополий и держав пришел к выводу о том, что капитализм на стадии империализма есть капитализм паразитический, умирающий. Загнивание империализма выражается прежде всего в его

паразитическом характере. Целые страны, такие, в частности, как Англия, США и другие, начинают существовать преимущественно за счет эксплуатации угнетенных народов и колоний.

Это положение Ленин характеризует как организованное насильственным путем ограбление всего населения земли горсткой империалистических государств (см. 2, т. 26, стр. 353). Внутренние противоречия в стане империализма делают неизбежным спутником такого ограбления кризисы и войны. «При капитализме, — пишет Ленин, — невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике» (2, т. 26, стр. 353).

Исходя из этого, Ленин приходил к выводу, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма» (2, т. 26, стр. 354). А это значит, что диалектическое противоречие между группами монополий и империалистических держав и порождаемая им неравномерность развития новейшего капитализма имеют важнейшее значение для стратегии и тактики мирового рабочего движения, борьбы пролетариата за мировую социалистическую революцию.

Следует особо отметить, что Ленин, характеризуя империализм как загнивающий капитализм, отнюдь не связывает это загнивание с замедлением роста производительных сил общества. Он пишет: «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма... В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран» (2, т. 27, стр. 422—423). Это последнее и позволяет сделать общий вывод о диалектике развития общества на стадии империализма: «...его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм» (2, т. 27, стр. 424). Гибель же капитализма есть не что иное, как революционный переход общества к новой экономической формации — социализму.

Особое значение и интерес представляют идеи Ленина о диалектике научно-технического прогресса и мирового революционного движения в XX в. Эта проблема пока еще мало исследована в нашей литературе. Между тем ленинские положения о диалектической связи, единстве и взаимовлиянии развития науки, техники и классовой борьбы при капитализме, представлявшие собой громадную теоретическую ценность для периода, когда они были выдвинуты, сохраняют всю свою актуальность и для наших дней, когда научно-техническая революция стала одним из наиболее мощных факторов всего социального прогресса человеческого общества.

Одна из важнейших задач, стоящих ныне перед теорией марксизма-ленинизма, заключается в том, чтобы раскрыть единство и органическую связь всех этих революционных процессов, показать их общую природу как целостного перехода человеческого общества на наиболее высокую стадию его развития, основанную на подлинно научных и в то же время наиболее гуманных, действительно человеческих, отвечающих самым заветным чаяниям трудящихся масс основах. Существенной частью такой задачи является раскрытие связи и единства совершающейся ныне научно-технической революции с общим мировым революционным процессом перехода общества от капитализма к социализму.

Развитие производительных сил необычайно сблизилось со все ускоряющимся прогрессом науки, особенно ее технических отраслей. Можно сказать, что это наблюдается на стадии империализма еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России. Факт сращивания технического прогресса общества с развитием технического знания стал бесспорным.

В связи с такими процессами Ленин высказал важнейшее положение о том, что на стадии империализма происходит непосредственная техническая подготовка перехода общества от капитализма к социализму. Ленин прямо называет империализм умирающим капитализмом, началом перехода общества к социализму (см. 2, т. 30, стр. 165). Особенно важна мысль Ленина о том, что техника капитализма на стадии империализма есть не

что иное, как технический прогресс при капитализме, подготавливающий социализм (см. 2, т. 28, стр. 134). Ленин, таким образом, прямо связывает научно-технический прогресс начала XX в. с судьбами мирового революционного процесса.

Очень важны ленинские замечания об отношении капитализма к научно-техническому прогрессу. В «Тетрадах по империализму» он писал: «К понятию империализма + искусственная приостановка прогресса (скупка патентов трестами: напр., в этой же тетради пример германских фабрикантов бутылок)» (2, т. 28, стр. 91).

Пример, приведенный Лениным, взят им из статьи буржуазного немецкого экономиста Альфреда Лансбурга «Возбудители кризисов» (1914), в которой говорилось, что империалистический трест либо подавляет сознательно всякие изобретения и улучшения, либо их скупает.

Ленин оценивает этот и другие многочисленные аналогичные факты как прямое превращение капитализма в явление паразитического, регрессивного характера. Капитализм несет на стадии империализма застой и загнивание отнюдь не только в политической и идеологической сфере. «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, — пишет Ленин, — постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс» (2, т. 27, стр. 397). Разумеется, технический (равно как и научный) прогресс в эпоху империализма продолжается постольку, поскольку борьба между монополиями толкает их на поиски и использование новейших изобретений и открытий в целях повышения прибыли. Постольку, отмечает Ленин, «возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений» (2, т. 27, стр. 397).

Но этот «прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот» (2, т. 23, стр. 19), т. е. направлен против интересов трудящихся. Используя новейшие открытия науки, капиталисты «выжимают из рабочего втрое больше труда, гыматывают безжалостно все его силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускуль-

ной энергии наемного раба. Умрет раньше? — Много других за воротами!...» (2, т. 23, стр. 18—19).

И вместе с этим «прогрессом» в условиях империализма действует тенденция к застою, загниванию, свойственная монополиям, т. е. стремление в целом затормозить научно-технический прогресс, объективно подрывающий социальные основы капитализма, готовящий его конечную гибель. Наиболее дальновидные теоретики капиталистического общества в той или иной степени понимали это.

Однако ни один буржуазный мыслитель, равно как ни один оппортунистический деятель II Интернационала, не сумел увидеть того, что раскрыл в своих работах по империализму Ленин. Его теоретические обобщения служат на протяжении всего последующего развития мирового революционного процесса основой для выработки научной стратегии и тактики международного коммунизма в борьбе за ниспровержение власти капитала. Ленин пришел к выводу, что совершающаяся в XX в. научно-техническая революция есть элемент мировой социалистической революции, одновременно ее необходимая предпосылка, составная часть и следствие. В применении к современным условиям данная мысль нашла свое развитие в Отчетном докладе ЦК КПСС, сделанном тов. Л. И. Брежневым на XXIV съезде КПСС. Там говорится: «Ныне резко усилилась роль такой сферы классовой борьбы между социализмом и капитализмом, как экономическое и научно-техническое соревнование двух мировых систем» (13, стр. 48). Тем самым в докладе ЦК КПСС раскрывается, что научно-техническое развитие в странах социализма и капитализма есть существенное поле классовой борьбы между мировым трудом и капиталом. Капитализм стремится использовать науку и технику в своих корыстных целях, противоположных интересам и потребностям подавляющего большинства людей (вспомним гитлеровский фашизм, атомные взрывы в Хиросиме и Нагасаки, агрессию США в Индокитае, расправу полиции, вооруженной новейшими техническими средствами, с безоружной молодежью в Чикаго, Нью-Йорке, Северной Ирландии и др.). В противоположность этому социалистические страны используют современную научно-техническую революцию в целях подлинно гуманистических и прогрессивных — во имя человека и для блага человека.

Так, вывод, сделанный Лениным еще тогда, когда империализм был всеохватывающей мировой системой, является в наши дни идейным орудием строительства развитого социалистического общества в СССР и братских странах социализма, борьбы за дальнейший социальный прогресс в развивающихся странах, за свержение власти капитала во всех странах.

* *
*

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в ленинских трудах рассматриваемого периода была всесторонне раскрыта диалектика империализма как новой, высшей и вместе с тем последней стадии в развитии капитализма. Ленин раскрыл качественные особенности этой стадии, новое, что ей присуще, и одновременно показал историческую, закономерную связь с домонополистическим капитализмом, выражающуюся в сохранении всех главных устоев капитализма при всех новых особенностях его. Ленин показал, что империализм включает в себя неизмеримо более интенсивный, чем в условиях домонополистического капитализма, рост производительных сил. Но этот рост, это усиление экономических позиций капитализма есть вместе с тем и его ослабление: он происходит крайне неравномерно в силу резкого обострения всех противоречий капитализма. А это имеет своим следствием процессы загнивания капитализма, превращение самых сильных капиталистических стран в государства, паразитирующие на эксплуатации большинства угнетенных и зависимых наций. Поэтому Ленин определяет империализм как умирающий капитализм, как непосредственный канун пролетарских революций. Ленин показал всю несостоятельность теорий Каутского о некоем «мирном» перерастании капитализма в социализм. Он раскрыл необходимость революционного переустройства мира как объективную закономерность эпохи империализма, ее реальную диалектику.

2. ДИАЛЕКТИКА СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс в XIX в., применительно к стадии домонополистического капитализма, сделал вывод о том, что победа социалистической революции должна произойти либо во

всех странах мира одновременно, либо по крайней мере в крупнейших и наиболее экономически развитых странах. Анализируя возможность революционного ниспровержения власти капитала в XX в., Ленин пришел к выводу, что неравномерность развития капитализма в империалистическую эпоху и порождаемые ею кризисы и войны настолько ослабляют империализм, что становится возможным разрыв его общей цепи в одном из ее слабых звеньев, т. е. первоначальная победа социалистической революции, а затем и построение социализма в одной, отдельно взятой, стране (см. 2, т. 26, стр. 354). С ленинской теорией социалистической революции неразрывно связан его анализ диалектики стратегии и тактики пролетариата в новых исторических условиях.

В отличие от общих абстрактных, часто схоластических рассуждений оппортунистических лидеров II Интернационала ленинская теория чрезвычайно конкретна. Все ее содержание и идейный пафос направлены на решение задач социалистической революции. Именно поэтому одним из центральных вопросов развития Лениным марксистской диалектики в рассматриваемый период выступает диалектический анализ проблем стратегии и тактики социалистической революции. Современное значение этого анализа огромно, ибо Ленин дает не просто социально-политическую оценку путей и перспектив борьбы русских коммунистов за революционное ниспровержение капитализма в начале нашего века. Он формулирует общетеоретические положения, раскрывающие общеполитический смысл и диалектическое содержание пролетарской стратегии и тактики революционной борьбы, их общности и специфических моментов на конкретных этапах исторического развития человечества в эпоху империализма и пролетарских революций.

Прежде всего необходимо выделить ленинский анализ содержания понятий «стратегия» и «тактика» применительно к революционному движению рабочего класса. Общее значение понятия социальной стратегии, как известно, включает в себя два основных аспекта. Это, во-первых, подготовка, планирование и определение путей реализации той или иной центральной задачи, выполняемой некоей социальной силой (например, политической партией). Во-вторых, под социальной стратегией часто понимается в целом искусство руководства политической,

общественной борьбой на том или ином этапе ее развития*.

Эти определения подчеркивают одну и ту же наиболее существенную черту социальной стратегии. Ленин определяет ее, указывая, что она ставит вопросы, имеющие наиболее серьезное политическое значение и вытекающие из объективного хода общественного развития (см. 2, т. 11, стр. 12).

На основе определения общих стратегических задач, говорил Ленин, вырабатывается конкретная тактика их выполнения. Он писал, что «под тактикой партии разумеется ее политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности» (2, т. 11, стр. 9). Таким образом, Ленин подчеркивает диалектическое единство стратегии и тактики пролетариата, единство, выявляющееся именно в их революционном характере. Революционная тактика коммунистической партии может реализоваться в самых многообразных формах. Однако, несмотря на это многообразие тактических приемов, стратегия, которой они служат и которую выражают, остается единой — революционной устремленностью коммунистов к победе над капитализмом. Исходя из этого, отношение к революции, революционной борьбе, непримиримость к буржуазии выступают как критерий подлинно коммунистической, партийной тактики. Не случайно все без исключения оппортунистические и ревизионистские группировки так или иначе выступали и выступают либо против революции вообще (правый оппортунизм), либо против единого партийного руководства спаянных сознательной классовой дисциплиной отрядов международного пролетариата («левый» оппортунизм, троцкизм).

Стратегической задачей партии пролетариата в условиях империализма было всемирное использование основного противоречия эпохи — противоречия между трудом и капиталом вплоть до полного его преодоления — победы социалистической революции. Однако стратегия, определяющая главное направление борьбы, включает в

* В математической теории под понятием стратегии разумеют умение «выработать оптимальную последовательность решений для какого-либо *многошагового процесса*» (211, стр. 154).

себя ряд тактических задач, содействующих решению основной задачи и позволяющих использовать для этого все имеющиеся резервы.

Конкретная история революции в России подтвердила эти ленинские идеи. Содержание революционного процесса от Февраля к Октябрю 1917 г. доказывает великую силу ленинского диалектического предвидения. Если Февральскую революцию 1917 г. большевики встретили, будучи сравнительно небольшой политической силой, то развитие революционной борьбы весной и летом, особенно после подавления корниловского мятежа, привлекло к большевикам не только широкие массы рабочих на всей территории России, но и громадные силы крестьянства и трудящихся национальных меньшинств в Средней Азии, на Кавказе, в Прибалтике и т. д. К Октябрю 1917 г. диалектика революционного процесса сделала партию большевиков силой, объединяющей вокруг себя все основные слои революционных масс и привлекающей все новых союзников, все новые резервы социалистической революции.

Ленинская идея стратегии коммунистической партии как сознательного использования основного диалектического противоречия современной эпохи имеет в наше время отнюдь не только историческое значение.

Она была и остается орудием и образцом революционной борьбы коммунизма против империализма. В Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» (июнь 1967 г.) говорится: «Полувековым опытом доказано, что сила коммунистического движения — в верности марксизму-ленинизму. Вне науки о коммунизме нет и не может быть коммунистического движения. Разрабатывая свою стратегию и тактику, коммунистический авангард рабочего класса социалистических государств, стран капитала и освободившихся стран развивает и обогащает наследие Октября» (11, стр. 59—60).

Громадный вклад в развитие теории материалистической диалектики Ленин сделал в связи с разработкой проблемы национально-освободительного движения угнетенных народов. Он показал, что это движение является важнейшим резервом и союзником социалистической революции пролетариата. Отсюда вытекает сформулированная Лениным тактика отношения классовой борьбы

пролетариата к борьбе угнетенных непролетарских масс, в том числе и освободительной борьбе народов колоний и зависимых стран.

Оппортунизм всех оттенков, как правый, так и «левый», не раз пытался отрицать революционную роль такого многочисленного в ряде стран трудящегося класса, как крестьянство. Ленин разоблачал враждебную пролетариату сущность этих попыток. На основе марксистского диалектического анализа положения крестьянства в эпоху империализма Ленин показал, что этот класс несет в себе большой революционный потенциал. При этом он особо отметил, что союз с крестьянством должен осуществляться на основе учета его классовой неоднородности. Пролетариат в этих условиях должен ориентироваться на союз не с крестьянством вообще, а именно с беднейшей его частью, которая в экономическом и политическом отношении наиболее близка к классовому положению самого пролетариата.

Для успеха социалистической революции необходима также опора пролетариата и его партии на все антиимпериалистические силы угнетенных народов, ведущие национально-освободительную борьбу против бесправия и угнетения. «Усиление национального гнета при империализме, — писал Ленин, — обуславливает для социал-демократии не отказ от «утопической», как говорит буржуазия, борьбы за свободу отделения наций, а, напротив, усиленное использование конфликтов, возникающих и на этой почве, как поводов для массового действия и для революционных выступлений против буржуазии» (2, т. 27, стр. 255).

Империалисты различных стран неоднократно использовали борьбу угнетенных народов за национальную свободу в своих реакционных целях (например, разжигание царизмом национального антагонизма армян и азербайджанцев в Закавказье, различных племен в Средней Азии и т. д.). В противовес этой тактике империализма Ленин сформулировал основные принципы пролетарской, интернационалистической тактики революционного марксизма.

Он указал, что пролетариат угнетающей нации ни в коем случае не может ограничиваться, как это делали, например, австро-марксисты, общими, абстрактными лозунгами. Он, будучи классом-интернационалистом, дол-

жен в первую очередь требовать свободы политического отделения колоний и народов, угнетаемых его собственной нацией.

Вместе с тем революционеры угнетенной нации должны последовательно отстаивать и проводить в жизнь полное, в том числе и организационное, единство трудящихся угнетенной нации с пролетариатом нации угнетающей. Это особенно важно в эпоху империализма, когда основным идеологическим оружием буржуазии становится пропаганда национализма и шовинизма в его наиболее откровенных формах. Именно с помощью шовинизма демагогических призывов к «защите отечества» и так далее империалистическая буржуазия развязала мировую войну 1914—1918 гг. Шовинизм и национализм должны получить свою оценку в социалистической печати и пропагандистской работе. Разоблачая их, революционный марксизм показывает угнетенным нациям, что эпоха империализма «необходимо должна породить и питать и политику борьбы против национального угнетения и борьбы пролетариата против буржуазии, а потому и возможность и неизбежность, во-первых, революционных национальных восстаний и войн, во-вторых, войн и восстаний пролетариата *против* буржуазии, в-третьих, объединения обоих видов революционных войн» (2, т. 30, стр. 134—135).

Важнейшей тактической задачей партии пролетариата в борьбе за пролетарскую революцию в эпоху империализма является также использование противоречия между союзами монополий и группами империалистических держав. Исследуя пути использования этого противоречия, Ленин намечает три наиболее важных аспекта этой проблемы.

Первый из них — место и роль политики коммунистов в свете использования объективной диалектики общественного развития. Если с этой точки зрения проанализировать ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране, то можно увидеть, что еще в 1915 г., т. е. до победы Великой Октябрьской социалистической революции, Ленин указал объективную возможность проведения политики мирного сосуществования страны, где победил социализм, с капиталистическими странами. Эта возможность раскрыта им в связи с действием закона неравномерности эконо-

мического и политического развития капитализма на стадии империализма (см. 2, т. 26, стр. 354).

Политика коммунистов в свете этих ленинских положений выступает как сознательное использование партией объективных диалектических законов общественного развития, и прежде всего закона единства противоположностей, в ходе борьбы которых старое революционным путем заменяется новым. Ленинские положения о диалектической природе политики коммунистов быют как по догматическим извращениям марксизма, так и разного рода ревизионистским и открыто буржуазным его фальсификаторам. Ленин разоблачает догматизм ликвидаторов и позднее социал-шовинистов, требовавших в каждом противоречии определить прогрессивную и консервативную стороны. В ответ на эти требования Ленин показал, что могут существовать социальные противоречия, где обе стороны их выступают как консервативные, реакционные (например, противоречия между союзами империалистических держав и монополий). Может существовать и такое противоречие, при котором империалистическая держава выступает как демократия для «своего» пролетариата и в то же время как реакционнейший жандарм для всех угнетаемых наций. Ленин писал об этом: «...империализм есть эксплуатация сотен миллионов зависимых наций малым числом богатейших наций. Отсюда *возможность* полнейшей демократии внутри нации богатейшей *при сохранении* ее господства над нациями зависимыми» (2, т. 30, стр. 386).

Одновременно Ленин раскрывает несостоятельность утверждений правых и «левых» ревизионистов, призывавших, как, например, Троцкий в 1915 г., к борьбе против империалистической войны путем создания «Соединенных Штатов Европы», или, как Бухарин в 1916 г., — к принципиальному отрицанию государства, как такового. Ленин, отвечая Троцкому, указал, что «на современной экономической основе, т. е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции» (2, т. 26, стр. 354). Что касается левоанархистских позиций Бухарина по вопросу о государстве, Ленин отмечал, что у него «не «государственность» столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т. е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулась с рево-

люционной социал-демократической политикой (т. е. с революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения)» (2, т. 30, стр. 228).

Второй важнейший аспект разработки Лениным проблемы внутренних противоречий империализма связан с анализом специфической для империализма формы проведения его политических устремлений — с империалистическими войнами.

Войны, являющиеся особым видом политики, возникают на основе объективного развития того или иного внутреннего противоречия эксплуататорского строя. Поскольку обострение этого противоречия в условиях империализма неизбежно ведет к возникновению войн, необходимо решить вопрос об отношении партии пролетариата к войнам этого типа. В предыдущие исторические эпохи войны, как правило, были справедливыми, прогрессивными для одной из борющихся сторон и несправедливыми, реакционными — с другой. В отношении к таким войнам партия пролетариата всегда выступала в защиту той стороны, которая вела справедливую борьбу (например, Маркс и Энгельс неоднократно выступали в поддержку революционных выступлений угнетенных народов против угнетения их со стороны российской и австро-венгерской монархий (в Польше, Венгрии и т. д.)*. Для новой эпохи — империализма характерен тип войн, являющихся несправедливыми, грабительскими, антинарод-

* Ленин писал об этом: войны конца XVIII и всего XIX в. были «национальные войны, которые сопровождали и содействовали созданию национальных государств» (2, т. 26, стр. 28). И в другом месте: «...то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при *таких* войнах, всегда сочувствовали успеху той страны (т. е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Например, в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами, русским царем и Наполеоном III» (2, т. 26, стр. 312).

ными с обеих сторон. Оппортунисты различных направлений вслед за идеологами буржуазии неоднократно пытались приписать «справедливый» характер той или иной из сторон, боровшихся в империалистической войне. Так, Г. В. Плеханов и К. Каутский (каждый по отношению к «враждебной» стороне) выдвинули так называемую теорию зачинщика. Ленин характеризует ее как наиболее примитивную из всех социал-шовинистических, антидиалектических теорий. «На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира» (цит. по 2, т. 26, стр. 222). Подобное рассуждение, подчеркивает Ленин, есть подмена диалектики софистикой, т. е. выхватывание одного факта из всей совокупности развивающегося целого. «Софист, — пишет Ленин, — выхватывает один из «доводов», и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе» (2, т. 26, стр. 223). А выполнение этого требования диалектики, т. е. подлинно научный анализ причин возникновения войны, неопровержимо доказывает, что ее «зачинщиком» была не та или иная отдельная страна, а мировой империализм в целом.

Другая «марксистская» теория возникновения империалистической войны, выдвинутая в Германии П. Ленчем и Г. Куновым и поддержанная в России Плехановым, гласила: «...социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма» (цит. по: 2, т. 26, стр. 226). Ленин показал, что эта теория взята социал-шовинизмом из буржуазной литературы, проводившей в начале XX в. свои взгляды под прикрытием «легального марксизма», очищенного от революционного, от диалектики. В самом деле: развитие производительных сил в одной стране объявляется главной задачей борьбы за социализм. Ради этой задачи — классовый мир со «своей» империалистической буржуазией, война против других стран, раскол международного пролетарского единства, отказ от революции. Суть этой теории — «убить

марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно научных» сторон и элементов марксизма... отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность» (2, т. 26, стр. 227).

Наконец, третья разновидность социал-шовинистических объяснений причин империалистической войны — это уже упоминавшаяся выше теория «ультраимпериализма», выдвинутая Каутским. Ленин называет ее наиболее искусно подделанной под научность и международность (см. 2, т. 26, стр. 228). Согласно этой теории, возникновение империалистической войны есть случайность, так как новейший капитализм стремится-де к новой, мирной фазе своего развития — интернационально объединенному капиталу — «ультраимпериализму». Отсюда Каутский делает вывод, что тенденцией капитализма в XX в. является не милитаризация, а «стремление к разоружению». Такова, по Каутскому, «чистая» тенденция капитализма. Ленин замечает по этому поводу: ««Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что само понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания» (2, т. 26 стр. 241). Между тем диалектический анализ требует охватить изучаемый предмет в целом, до конца, во всей его сложности. Поэтому утверждение Каутского, что мировая война 1914—1918 гг. не «чисто» империалистическая, есть обман народных масс, в первую очередь пролетариата, в целях защиты классовых интересов империалистической буржуазии. Теоретические основы этого явления — та же подмена марксистской диалектики софистикой и эклектицизмом, та же узость и ограниченность метафизического подхода.

В противовес всем этим антимарксистским теориям Ленин сформулировал глубоко диалектическую оценку империалистической войны как продолжения политики монополистического капитала крупнейших стран мира насильственными средствами. Он выдвинул ряд важнейших идей о тактике пролетариата в этих новых условиях. Долгом рабочего класса, писал он, является во всех воюющих странах борьба за превращение войны империалистической в войну гражданскую, в войну против «своей» буржуазии, за поражение капиталистического строя.

А в этих условиях осуждение войны ни в коем случае не может быть отказом от участия в ней, как к этому призывали иные пацифисты. «Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п., — писал Ленин, — есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией... Пропаганда классовой борьбы и в войске есть долг социалиста» (2, т. 26, стр. 41).

Таким образом, по мысли Ленина, революционный марксизм должен всемерно использовать военный кризис и вооружение народа, одетого в солдатские шинели, для подготовки и укрепления пролетарской революции. История, как известно, подтвердила всю правоту и научность этих идей.

Ленин, анализируя противоречия в среде самой империалистической буржуазии, отметил, что следует использовать порождаемую этими противоречиями неравномерность экономического и политического развития капитализма на империалистической стадии. Как известно, организованный пролетариат той или иной страны мог победить буржуазию и в условиях домонополистического капитализма (это показал опыт Парижской коммуны). Однако, чтобы удержать в своих руках завоеванную власть, тогда нужна была поддержка революции данной стране одновременными революциями в других странах. При империализме условия изменились.

Неравномерность развития капитализма и глубокие antagonистические противоречия между империалистами разных стран сделали возможной устойчивость победы пролетарской революции в одной стране в условиях сохранения капитализма во всех остальных странах мира. Ленин писал об этом: «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными» (2, т. 30, стр. 133). Ленин пишет в данном случае не о победе пролетарской революции, а о победе социализма, т. е. о всем периоде перехода страны, где произошла пролетарская революция, от капитализма к социализму. А это значит, что здесь идет речь о целом

периоде мирного сосуществования страны, где побеждает социализм, с ее капиталистическим окружением, что имеет громадное политико-практическое значение.

Громадную теоретическую важность в характеристике тактики рабочих партий имеет раздел «Тактика классовой борьбы пролетариата» из работы Ленина «Карл Маркс». В этом разделе Ленин обобщает идеи Маркса о тактике пролетарской партии, конкретизирует и развивает их применительно к эпохе империализма. Характеризуя основную задачу тактики пролетариата, Ленин пишет: «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса» (2, т. 26, стр. 77). Далее он показывает, что такая научно обоснованная тактика должна исходить из предвидения тех результатов, которые будут иметь предпринимаемые партией действия, причем «не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически» (2, т. 26, стр. 78). Это значит, что на каждой ступени развития тактика рабочего класса должна использовать и специфику мирного развития рабочего движения, и вместе с тем «ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет»» (2, т. 26, стр. 78).

Диалектический анализ Лениным эпохи империализма, стратегии и тактики пролетарских революций явился новой ступенью в развитии общей теории материалистической диалектики марксизма, и прежде всего ее учения о диалектических противоречиях как движущей силе всякого развития.

3. РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ УЧЕНИЯ О ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ НА ОПЫТЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НАЧАЛА XX В.

В своем конспекте книги Маркса и Энгельса «Святое семейство» Ленин специально отмечает наиболее важные положения из раздела этой работы «Прудон», написан-

ного Марксом и содержащего анализ противоречий социального развития при капитализме. Маркс указывал, что основным противоречием буржуазного общества является антагонистическое противоречие между пролетариатом и буржуазией, находящимися в неразрывном единстве. При этом данный антагонизм имеет положительную или консервативную сторону — капиталистов и отрицательную или разрушительную сторону — пролетариат. От первой стороны исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, тогда как от второй — действие, направленное на его уничтожение (см. 1, т. 2, стр. 38—39; см. также 2, т. 29, стр. 11—13). Эти положения явились на всем последующем пути развития марксизма научной основой его революционной стратегии и тактики.

Развивая и конкретизируя идеи Маркса, Ленин показал, что возникновение империализма привело к появлению ряда принципиально новых исторических явлений и условий развития общества. Капиталистический строй, основным противоречием которого был и остается антагонизм между буржуазией и пролетариатом, стал характеризоваться также противоречиями между метрополиями и колониями, между самими империалистическими державами и союзами монополий. На основе теоретического анализа новых явлений в развитии капитализма Ленин развил далее теорию материалистической диалектики, создав учение о социальных противоречиях эпохи империализма. В его трудах, посвященных вопросам империализма, пролетарской революции, ее резервов и союзников содержится развернутый анализ общих и специфических особенностей в диалектических противоречиях социального развития XX в. Этот анализ имеет громадное значение не только для эпохи империализма и пролетарских революций, завершившейся в 1917 г. победой Великой Октябрьской социалистической революции, но и для современной эпохи перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе.

Ленин показывает, что диалектика общественного развития в эпоху империализма выявляет две основные формы социальных противоречий.

Первая из них, господствующая в классовых до-социалистических формациях, — это антагонистические противоречия. Их особенность заключается в том, что они выступают как единство экономических, политиче-

ских, идеологических и социально-психологических противоположностей, осознаваемое в той или иной мере в ходе их развития обеими сторонами противоречия. Наиболее типичным видом таких противоречий являются противоречия между основными классами досоциалистических общественно-экономических формаций. В этом виде антагонистического противоречия одна сторона является консервативной и реакционной и стремится замедлить его разрешение, в то время как другая — прогрессивная и революционная — стремится максимально обострить и разрешить его. Вышим этапом в развитии этого вида противоречия является антагонизм труда и капитала. Сюда же относится и противоречие между империализмом и национально-освободительной борьбой угнетенных народов.

Специфическая черта разрешения противоречий этого вида состоит в том, что консервативная сторона (в данном случае класс капиталистов в эпоху империализма) не имеет достаточно собственных внутриклассовых сил для защиты своих целей и вынуждена обретать их, используя в классовой борьбе подкуп определенных слоев класса — антагониста. Он имеет возможность делать это до тех пор, пока социальные слои, из которых рекрутируются наемники (так называемая рабочая бюрократия, буржуазная интеллигенция, мелкая буржуазия, крестьянство, люмпен-пролетариат, отдельные народности, находящиеся в колониальной зависимости от империализма, и т. п.), искусственно поддерживаются на стадии политической пассивности и покорности монополиями, т. е. еще не осознали собственного антагонизма по отношению к империализму.

Между тем рабочий класс имеет все необходимые средства и потенциальные возможности для самостоятельного преодоления этого антагонизма. Его силы возрастают с ростом организованности и сознательности его собственных рядов, а также тех слоев и социальных групп, которые, являясь до определенной стадии опорой империализма, начинают осознавать свои собственные интересы, антагонистические интересам их империалистических хозяев.

Способом разрешения этого вида антагонистических противоречий выступает классовая борьба и ее высшая форма — социальная революция. В условиях домонополи-

стического капитализма социалистическая революция могла произойти во всех странах одновременно или по крайней мере в группе наиболее развитых капиталистических стран. Для империализма становится характерной крайняя неравномерность развития различных стран. А это делает возможным прорыв мировой цепи империализма первоначально в одной, отдельной взятой, стране. Отсюда следует, что разрешение этого вида противоречия идет в эпоху империализма по этапам: первоначально — в масштабе одной страны, затем — в группе стран и, наконец, — в масштабе всего человеческого общества.

При этом, что важно отметить, между страной или группой стран, где это противоречие уже разрешено, и странами, еще остающимися под властью капитала, сохраняется состояние сосуществования.

Это обстоятельство Ленин оценивает, анализируя специфику диалектического скачка. Он пишет: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия» (2, т. 29, стр. 256). Это является характерным для всего периода перехода от капитализма к социализму вплоть до полной победы социализма в мировом масштабе.

В эпоху империализма, как показал Ленин, возникают и некоторые новые виды антагонистических противоречий. Одним из них является противоречие внутри самого класса капиталистов — между отдельными монополиями, союзами монополий, группами империалистических держав. Особенностью этого вида антагонизма является то, что обе его стороны по своей природе консервативны и реакционны. Это накладывает свой отпечаток на характер и средства разрешения этого противоречия.

Естественно, что буржуазия только своими силами не может добиться разрешения этого противоречия. Пытаясь разрешить его, она, как и в антагонизме с пролетариатом, стремится опереться на неимущие классы и социальные группы, подкупая их верхушку и стремясь одурманить массы ядом национализма, шовинизма или открыто фашистских теорий. История XX в. показала, что империалистам, разжигавшим национальную рознь, военную истерию и шовинизм, удавалось в различных странах некоторое время вести за собой значительную часть населения, как это было, например, в Германии и

Франции в 1912—1914 гг., в фашистских странах в конце 30-х — начале 40-х годов, отчасти в современных США, Англии и других империалистических державах. Но громадное обострение социальных противоречий, рост бедствий и нищеты трудящихся масс, бессмысленная гибель в двух мировых войнах миллионов рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, быстро приводили к отрезвлению и росту революционных настроений. Итогом первой мировой войны стала победоносная социалистическая революция в России, революция в Германии, Венгрии, Словакии, массовые революционные выступления во Франции, в Австрии и ряде других стран. В результате второй мировой войны возникла целая мировая система социалистических стран, потерпел крушение мировой колониализм.

Таким образом, разрешение этого противоречия неизбежно ведет к ослаблению мировой системы империализма, все большему сужению сферы ее экономического и политического господства.

Основное же средство разрешения таких противоречий — империалистические войны неизбежно влекут за собой сужение сферы господства мирового капитализма и общее его ослабление.

Анализируя антагонистическую форму социальных противоречий при империализме, Ленин приходит к неопровержимому выводу, что она имеет исторически переходящий характер и неизбежно исчезает вместе с гибелью капитализма и всех других форм эксплуатации человека человеком.

Диалектическим источником общественного развития, носящим исторически непреходящий характер, выступает другая основная форма социальных противоречий — неантагонистические противоречия. В дооктябрьских трудах Ленина этот вопрос еще не получил специальной разработки. Оценку и определение неантагонистических противоречий Ленин дал в советский период. Тем не менее многие ленинские работы предоктябрьского времени, и особенно его учение о стратегии и тактике пролетарской революции, основаны на анализе неантагонистических противоречий, в частности противоречия между пролетариатом и его союзниками, выступающими как резерв социалистической революции. Ленин выделяет два вида неантагонистических противоречий при империализме

(до прорыва его общей цепи в одной или нескольких странах, где побеждает социализм). Первый из них — противоречие рабочего класса и крестьянства. Второй — противоречие движения рабочего класса и некоторых тенденций национально-освободительных движений.

Характеризуя положение крестьянства при империализме, Ленин пишет: «Основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным, и в промышленности и в земледелии» (2, т. 27, стр. 193). Из этого следует, что беднейшие слои сельскохозяйственного населения все более нищают, а следовательно, все более революционизируются. В результате беднейшее крестьянство все яснее осознает общность своих классовых интересов с интересами пролетариата. Поэтому, по мнению Ленина, высказанному еще до Великой Октябрьской социалистической революции, «в России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем *лишь* при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства» (2, т. 31, стр. 56).

Развитие диалектического противоречия в данном случае заключается в том, что происходит крах собственных иллюзий в сознании крестьян, ранее шедших за буржуазией и помещиками, и переход их на сторону пролетариата. Однако и в борьбе за революцию, и в последующем переходе от капитализма к социализму крестьянство в силу особых экономических, политических и культурных условий своего существования отстает от рабочего класса. Тем самым сохраняется диалектическое противоречие между ними. Но это противоречие идет к своему разрешению путем укрепления союза между его сторонами, т. е. путем совершенствования и прогресса этих сторон при руководящей и направляющей роли одной из них — пролетариата.

Позднее, в советских условиях, Ленин конкретизирует эти положения в своем учении о диктатуре пролетариата как форме классового союза рабочих и крестьян в новых условиях.

Другое неантагонистическое противоречие, характерное для эпохи империализма, — это противоречивое отношение между революционным движением рабочего класса и некоторыми тенденциями национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Структура и ха-

ракторные черты этого противоречия такие же, как и в противоречии между пролетариатом и крестьянством. Если у пролетариата в его борьбе задачи носят ярко выраженный классовый, антибуржуазный характер, то у борющихся за свою свободу угнетенных народов «есть еще *объективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чужденационального гнета*» (2, т. 30, стр. 111). Революционные движения таких народов определенным образом не совпадают с движением пролетариата, т. е. находятся по отношению к нему в диалектическом противоречии. Но разрешение этого противоречия идет опять-таки по линии выделения общих задач обеих сторон противоречия и совместной борьбы за осуществление этих задач. До победы пролетарской революции в одной или нескольких странах национально-освободительное движение выступает как резерв и естественный союзник такой революции. После же ее победы оно получает объективную возможность, опираясь на силы победившей в одной или ряде стран социалистической революции, вести еще более интенсивную борьбу с империализмом, достигая стадии национально-демократической революции. А победа национально-демократического строя открывает перед этим движением перспективу некапиталистического развития, т. е. диалектического превращения в свою противоположность (хотя и неантагонистическую), т. е. в социализм. При этом в условиях борьбы мировых систем социализма и капитализма, естественно, сохраняется и другая возможность — превратиться из неантагонистической по отношению к пролетариату противоположности в антагонистическую, т. е. в капитализм. Но такое отклонение от главной линии развития всегда является временным, в то время как первая тенденция — главной и определяющей.

Ленинские идеи о характере неантагонистических противоречий являются важной теоретической основой для современного научного анализа диалектики общественного развития и тех ее сторон и элементов, которые выступают как ростки будущего, наиболее прогрессивного развития — подлинный источник развития подлинно свободного человечества.

Ленинское исследование диалектики эпохи империализма, раскрытие им диалектики стратегии и тактики социалистической революции в период, явившийся кануном победы пролетариата нашей страны в Октябре 1917 г., являются важнейшим моментом в общем развитии Лениным теории материалистической диалектики марксизма.

В этот период особенно ярко проявляется сила ленинской диалектической мысли, основанная на живом единстве марксистской теории и революционной практики. Ленинское теоретическое наследие раскрывает величайшее творческое свойство марксизма — непрерывное обогащение теории развивающейся практикой и постоянную, все возрастающую роль теории в решении партией стоящих перед ней практических задач.

Эти важные стороны и свойства марксизма-ленинизма получили свое еще более полное воплощение и развитие после победы Октября — в годы строительства социализма в СССР. Ленинская революционная диалектика явилась сильнейшим теоретическим оружием всей практической деятельности большевистской партии, всесторонне подготовившей и возглавившей первую в мире победоносную социалистическую революцию.

Глава четвертая

РАЗВИТИЕ ЛЕНИНЫМ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД. НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА И ЛЕНИНСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ЕЕ ПОЗНАНИЯ

Победа Октябрьской революции вызвала к жизни новую эпоху — переход от капитализма к социализму, имеющую свои особенности и характерные черты. Это означало формирование такой исторической обстановки, в которой действовали три основные группы объективных закономерностей:

а) всеобщие закономерности, модифицированные в результате изменившихся социальных условий;

б) специфические закономерности капитализма, еще сохраняющиеся определенное время после победы социалистической революции;

в) новые закономерности социального развития, определяемые становлением социалистических общественных отношений.

Все эти закономерности проявлялись в связи, взаимодействии и переплетении друг с другом.

Это была эпоха становления нового мира, рождавшегося в борьбе против старого, социализма против капитализма; эпоха перехода к новому общественному строю, гигантский скачок всемирно-исторического значения, осуществляющийся через ряд этапов, ступеней, в различных формах; эпоха, развитие в которую происходило чрезвычайно быстро, во взаимопроникновении и смене различных сторон и процессов. Она характеризовалась, по определению Ленина, переливчатостью, многоцветностью, мозаикой старого и нового.

Победа социалистической революции вызвала к жизни такие качественно новые явления и процессы, как, например, социалистическое соревнование, творческая инициатива масс, критика и самокритика, и много других. Раз-

вертывание закономерностей переходной эпохи составило новое содержание объективной диалектики. Все это являлось для Ленина той базой, исследование и обобщение которой с позиций науки диалектики составляло важнейшую задачу его теоретической деятельности.

Специфика переходного периода выдвинула на первый план (в смысле познавательного значения) такие принципы, законы, категории диалектики, как закон единства и борьбы противоположностей, категории противоречия, перехода от старого качества к новому, общего и особенного, принципы объективности, историзма и др.

Поэтому в книгах, статьях, письмах и выступлениях Ленина, относящихся к этому периоду, особенно большое место отведено разработке именно этих законов, категорий и принципов. Для победы социалистического строительства был необходим глубокий научный анализ сущности новой эпохи и ее закономерностей.

Развитие теории диалектики Лениным шло по двум главным линиям: по линии выведения из объективной действительности новых диалектических закономерностей и по линии конкретизации и обогащения новым содержанием известных общих закономерностей.

Одним из основных общеметодологических принципов подхода Ленина к изучению новой эпохи было диалектическое положение о соотношении общего, особенного и единичного. Маркс разрабатывал это положение диалектики именно как методологический принцип и применял его для выделения всеобщей экономической категории — стоимости и всеобщей формы прибавочной стоимости при анализе ее особенных, частных форм. Так же как и Маркса, Ленина эти категории интересовали не столько сами по себе, как таковые, сколько в связи с необходимостью осмыслить, обобщить чрезвычайно сложную историческую эпоху, в которой ему предстояло действовать.

Раскрывая диалектическую взаимосвязь отдельного и общего, Ленин рассматривал их как противоположности, объективно существующие в их единстве и во взаимопереходах в самом процессе развития природы и общества и отражаемые сознанием человека. Поэтому отрыв, преувеличение и абсолютизирование одной из этих сторон неизбежно порождает заблуждения и ошибки в теории и политике, ведущие в философии к идеализму

или эмпиризму, а в политике — к ревизионизму или догматизму.

Ленин неоднократно подчеркивал определяющее значение общих закономерностей и вместе с тем указывал на необходимость учета специфики той или иной страны.

История неопровержимо свидетельствует о правильности этого вывода: «Опыт СССР и других социалистических стран полностью подтвердил правильность положения марксистско-ленинской теории о том, что процессы социалистической революции и социалистического строительства основываются на ряде главных закономерностей, присущих всем странам, вступающим на путь социализма. Эти закономерности проявляются всюду при наличии большого разнообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций, которые следует непременно учитывать» (5, стр. 12).

Ленин не раз в своих трудах отмечал, что диалектика буржуазного общества есть частный случай диалектики вообще и всеобщие диалектические законы имеют специфические формы проявления в новых исторических условиях.

Из этого следует, что к диалектике как науке о развитии и его наиболее общих законах необходимо применять ее собственные принципы, согласно которым все развивается и изменяется. Это значит, что всеобщие законы и категории диалектики в применении к различным историческим эпохам сами претерпевают по форме действия некоторые изменения. Без учета этой особенности диалектических законов и категорий невозможна практическая деятельность в новых условиях. Законы диалектики как наиболее общие законы вследствие именно своей всеобщности не могут иметь одинакового проявления в различных исторических условиях. Отсюда единство общего и особенного в действии и проявлении этих законов.

Подводя итоги Октябрьской революции и критикуя взгляды правых ревизионистов (бывших лидеров II Интернационала, меньшевиков, мелкобуржуазных демократов различного рода), обвинявших большевиков в бланкизме, в отходе от марксизма на том основании, что Россия не созрела для революции, Ленин писал: «Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указа-

ния Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты, и даже не замечены... им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития» (2, т. 45, стр. 378—379).

Переходный период от капитализма к социализму отличался быстро текущей сменой исторических событий, возникновением и развитием новых процессов, непрерывным изменением обстановки. Вот почему основной идеей и еще одним общим методологическим принципом, который всесторонне разрабатывал и применял Ленин в ту эпоху, был принцип развития и изменения как принцип диалектической логики, которым следует руководствоваться, чтобы избежать произвола, субъективизма в процессе познания.

В истории диалектики принцип развития был сформулирован Гегелем как «самодвижение» на основе противоречий, как развертывание этих противоречий, Гегель понимал этот процесс как обусловленный внутренней необходимостью и вместе с тем как процесс, имеющий определенную направленность, прогрессивный характер, идущий от низшего к высшему. Однако эта идея самодвижения рассматривалась Гегелем, во-первых, как развитие чистой мысли, понятия, и во-вторых, проводилась им непоследовательно, ограниченно (прусское конституционное государство как венец исторического развития). Маркс и Энгельс разработали принципиально новую, материалистическую диалектику как науку о развитии в ее полном и свободном от односторонности виде. Ленин, обобщая закономерности новой исторической эпохи, обосновал диалектическую концепцию развития, представляющую систему важнейших методологических принципов, дающих ключ к истинному пониманию действительности.

В исторических условиях переходного периода Ленин обогатил и конкретизировал содержание этой концепции, что получило свое выражение как в формулировании новых понятий диалектики, так и в наполнении новым содержанием уже имевшихся понятий, а также и в раскрытии новых форм проявления общих диалектиче-

ских законов и категорий. Главным здесь явился анализ Лениным многообразия противоречий эпохи становления новых, социалистических общественных отношений.

2. РАЗВИТИЕ ЛЕНИНЫМ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ

Ленин всегда разрабатывал марксистское учение о противоречиях в соответствии с новыми условиями эпохи, считая анализ источника общественного развития основой научной политики и тактики партии.

Закономерно, что в переходный период, содержащий противоположности старого и нового, борьбу различных классов и в различных формах, дальнейшая разработка теории противоречий и ее практического применения приобрела первостепенное значение. В этот период, как уже отмечалось, складывались совершенно иные, чем при капитализме, закономерности, обуславливающие направление ленинской мысли. Наряду с различного рода противоречиями уже формировались, возникали зародыши, элементы социального единства и однородности (общность интересов рабочих и крестьян, преодоление антагонистической противоположности города и деревни и т. д.). Поэтому внимание Ленина привлекали и противоречия, и их соотношение с зарождающимся социальным единством.

Этим определялось дальнейшее развитие Лениным марксистского учения о противоречиях, которое проявилось:

во-первых, в разработке им диалектики взаимодействия социального единства общества и противоречий его развития;

во-вторых, в выявлении системы многообразных, в том числе принципиально новых, типов противоречий и форм классовой борьбы переходного периода, определении их взаимодействия и роли в развитии общества;

в-третьих, в раскрытии сущности основного противоречия переходного периода, а также основного противоречия всей новой исторической эпохи;

в-четвертых, в открытии и научном обосновании нового типа противоречий — неантагонистического противоре-

чия как специфического для социализма (в условиях капитализма этот тип противоречий является побочным, второстепенным);

в-пятых, в обогащении марксистского учения о противоречиях новым методом о сознательном соединении противоположностей в целях победы нового над старым.

Рассмотрим более подробно на историческом материале, в чем же конкретно состоит ленинская разработка вопросов закона единства и борьбы противоположностей, теории диалектических противоречий, относящихся к переходному периоду.

Для характеристики значения, которое Ленин придавал противоречивому характеру перехода к социализму, достаточно привести одну из его записей тезисов «О роли и задачах профсоюзов», в которой, отмечая противоречивую функцию профсоюзов в условиях диктатуры пролетариата, Ленин указывал, что это «противоречие живой жизни: в нем весь гвоздь» (2, т. 44, стр. 497). Точно так же он оценивал роль анализа противоречий и во всех других сферах нашего общества в переходный период, обращая внимание на то, что раскрытие подлинных реальных противоречий создает научное понимание действительности и возможность осуществления правильной политики партии.

Руководство, управление процессом перехода от капитализма к социализму, подчеркивал Ленин, немыслимо без анализа противоречий. «Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов... А в этом весь гвоздь вопроса» (2, т. 43, стр. 206—207).

И Ленин называет пять типов общественных экономических укладов: патриархальное крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм, социализм. За каждым из этих укладов стояли определенные классы со своими различными и противоположными целями и интересами. Все это определяло противоречивость развития, сложный, специфический характер действия закона единства и борьбы противоположностей, необходимость

конкретного анализа всей системы противоречий того времени.

Разрабатывая вопрос о противоречиях переходного периода, Ленин, как и Маркс, рассматривал их во взаимодействии и взаимосвязи, как систему противоречий и определил главные и неглавные, общие и специфические, внутренние и внешние противоречия. Ленин внес много нового в эту сторону марксистского учения о противоречиях. Он подверг глубокому анализу действие основного противоречия капитализма в новых исторических условиях, раскрыл основное противоречие переходного периода от капитализма к социализму и основное противоречие эпохи.

Основным противоречием переходного периода, характеризующим саму его сущность, является противоречие между социалистическим и капиталистическим укладами: «...не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом» (2, т. 39, стр. 271).

Ленин определяет как основное то противоречие, которое выражает саму сущность какого-либо явления, процесса и оказывает определяющее воздействие на все другие противоречия.

Называя диктатуру пролетариата сущностью переходного периода, Ленин определил ее в диалектическом плане как многообразную борьбу нового общественного строя против сопротивления сил старого, разбитого, но не уничтоженного общества. Это многообразие отразилось в анализе классов и классовых отношений в переходный период, в котором Ленин выделил пять форм классовой борьбы: гражданская война, подавление сопротивления эксплуататоров, нейтрализация середняка, использование буржуазных специалистов, воспитание новой дисциплины. Все эти формы классовой борьбы, прямо или косвенно проявляясь в сферах экономики, политики и идеологии, представляли собой совокупность многих специфических противоречий, отражавших борьбу капитализма и социализма, и обуславливались основным противоречием между ними.

Ленин дал также определение понятия главного противоречия, показав, что это противоречие, которое приобретает первенствующее значение для явления или процесса на том или ином этапе его развития. После того, как главное противоречие разрешено, в результате объективных условий на новом этапе развития оно становится неглавным, а роль главного начинает играть другое противоречие.

В нашей стране в то время преобладали мелкобуржуазные элементы, мелкотоварное производство, частнохозяйственный капитализм. Именно они представляли наибольшую опасность для Советского государства: надо было обнаружить ошибку тех, кто не видел мелкобуржуазных экономических условий и мелкобуржуазной стихии как главного врага социализма*. Главная борьба, подчеркивает Ленин, разворачивается именно в этой области. Интересы мелкой буржуазии, частного капитализма вступили в глубочайший конфликт с интересами рабочего класса и трудового крестьянства, задачами построения социализма. Мелкая буржуазия сопротивлялась всякому государственному вмешательству, контролю и учету (и социалистическому, и госкапиталистическому), без чего немислим социализм. Ленин дает здесь конкретный анализ явлений объективной действительности.

В дальнейшем указанное противоречие потеряло свою остроту вследствие того, что Советскому государству удалось обуздать мелкобуржуазную стихию и подчинить ее (относительно, разумеется) контролю и учету. В последующие годы Ленин определил возможность обострения противоречия, заключавшегося в противоречии между социалистическим общественным строем и наличием элементов бюрократизма, отсутствием достаточной культуры нашего управленческого аппарата.

Необходимо отметить, что Ленин не ограничился установлением основного противоречия переходного периода, но уже в то время определил основное противоре-

* В отличие от основного главное противоречие может иметь первенствующее значение лишь на определенном, ограниченном участке времени существования какого-либо явления, процесса, тогда как основное связано и сохраняется в течение всего периода развития процесса, формации и т. д. Кроме того, основное противоречие — одно, главных же может быть несколько.

чие эпохи. Показав зависимость исторической эпохи от развития основного противоречия, Ленин вскрыл методологическую основу научного подхода к определению исторических эпох.

Критикуя софистический подход А. Потресова и К. Каутского к вопросу о политике и тактике демократии в период первой мировой войны, приводящий их к коренным ошибкам национально-либерального толка, Ленин писал: «...в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.» (2, т. 26, стр. 142).

И Ленин как диалектик революционного действия тут же связывает это теоретическое положение с политикой и тактикой марксистской партии, указывая, что только учет основных различий разных эпох и знание основных черт данной эпохи может служить выявлению особенностей той или иной страны и в соответствии с этим способствовать выработке правильной политики.

Обращает на себя внимание также и другая отличительная черта ленинского определения эпох, а именно ориентация на восходящий строй, отражение поступательного развития общества. Такой принцип в особенности выдвигается на первое место в послеоктябрьских работах Ленина. Так, в работе «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» подчеркивалось, что в развитии нашей эпохи будет два периода: сначала период национальной диктатуры пролетариата, который связан с развитием диктатуры пролетариата в пределах одной России, затем второй этап в развитии нашей эпохи, который, как предвидел Ленин, начался с периода формирования мировой системы социализма.

Определяя сущность новой эпохи, возникшей после победы Октябрьской революции, Ленин отмечал, что все события мировой политики неизбежно сосредоточиваются вокруг одного центрального пункта, которым была

борьба капиталистической системы против Советского государства: «...взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистских наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах» (2, т. 41, стр. 242).

Эта же мысль проводится в статье «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии», где изложено определение новой эпохи: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории» (2, т. 41, стр. 425).

Противоречие между капиталистической системой и социализмом является основным потому, что в нем выражается сущность эпохи — переход от капитализма к социализму. Это противоречие является основным и потому, что развитие, созревание, обострение всех остальных противоречий в мире в решающей степени зависит от него (например, обострение борьбы общественных классов внутри буржуазного общества, рост национально-освободительного движения и т. д.). Ленин уже в те годы указывал, что монополистический капитализм перерастает в государственно-монополистический не только в результате обострения его внутренних противоречий, но и вследствие влияния социализма на капиталистическую систему.

Таково содержание основного противоречия послеоктябрьской эпохи и его воздействие на все противоречия капитализма*.

Ленин подчеркивал, что нельзя ограничиться только описанием противоречий в их переплетении и взаимодействии. Важно выделить из всей массы противоречий ос-

* Здесь не рассматривается вопрос об обратном воздействии неосновных противоречий на основное, а также влияние основного противоречия эпохи на противоречия нашего общества в переходный период.

новное, определяющее все остальные и проявляющееся в них, ибо, если ограничиться только констатированием факта, что каждая историческая эпоха выступает как некая пестрая, «мозаичная» картина, составленная из различных «кусочков», тенденций и противоречий, это будет эклектика, а не диалектика, поскольку части могут быть поняты только в связи с целым и в подчинении целому.

В своих трудах и политической деятельности Ленин давал прекрасные образцы такого диалектического подхода к раскрытию сущности эпохи перехода от капитализма к социализму. Так, в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» все общественные взаимоотношения классов, все изменения в положении пролетариата, буржуазии и мелкой буржуазии, вся экономика Советской России исследуются им под углом зрения основного противоречия, его учета и анализа. «Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом... На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» (2, т. 39, стр. 272, 274).

Далее Ленин отмечает изменение классов и их взаимоотношений в эпоху диктатуры пролетариата опять-таки в связи с основным противоречием: «Классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы» (2, т. 39, стр. 279). Классовая борьба свергнутых эксплуататоров против победившего авангарда эксплуатируемых, т. е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной, и именно это, подчеркивает Ленин, вызывает колебания, повороты, неуверенность среди мелкой буржуазии и крестьянства, заставляющие рабочий класс применять по отношению к этим классам особую политику и тактику, состоящую в борьбе за влияние и руководство.

Однако, предостерегая от эклектического смешения различных процессов, противоречий и так далее в «единый поток», без выделения основных, решающих черт

эпохи, Ленин вместе с тем вел непрестанную борьбу и с другим не менее опасным и ошибочным подходом, когда люди не видят сложности и многогранности исторической обстановки и сводят все только к основному противоречию, к двум противоборствующим силам. Ленин рассматривал основное противоречие и все многообразие других противоречий как единый, взаимосвязанный процесс.

Выступая на VIII съезде партии о проекте Программы РКП(б), Ленин подверг критике Бухарина за его попытку рассматривать империализм вне связи с капитализмом, без учета среднего крестьянства, мелких товаропроизводителей, различных укладов, а следовательно, и различных противоречий во всей их сложности и многообразии. «Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет... В действительности мы наблюдаем разнородные явления. В каждой земледельческой губернии мы наблюдаем наряду с монополизированной промышленностью свободную конкуренцию... А это означает, что в тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим... Неверна будет программа, составленная иначе, чем она составлена» (2, т. 38, стр. 151—155). Известно, что в современных условиях такой же метафизический подход к пониманию империализма как «чистой» противоположности социализма, без многообразных противоречий и промежуточных звеньев характерен для маоистов в их трактовке отношений социализма и империализма, социальных процессов, происходящих в капиталистических странах.

Ленин разработал диалектическую концепцию перехода от капитализма к социализму, содержащую следующие обязательные всеобщие моменты: систему взаимодействующих противоречий с наличием основного, определяющего противоречия; действие этой системы во взаимоотноисленности с возникновением и укреплением социального единства; наличие ряда промежуточных звеньев-переходов, которые не могут быть обойдены и через которые нельзя перепрыгивать; наличие некоторых специфических форм борьбы старого и нового (проявляющихся прежде всего в классовой борьбе) в каждой стране, совершающей переход к социализму.

Ленин не только раскрыл все многообразие, систему

конкретных противоречий, он выявил их специфику в переходный период, отметив, что некоторые из них, возможно, будут характерны для всякой страны со средним уровнем развития капитализма, совершающей переход к социализму. В этом опять-таки проявился диалектический принцип соотношения общего, особенного, единичного, которым Ленин пользовался постоянно. Например, специфическим было противоречие, имевшее большое значение в жизни нашего общества и бывшее на определенной стадии его развития одним из главных, а именно противоречие между передовой политической властью и отсталой технико-экономической базой непосредственно после победы социалистической революции и установления власти Советов в нашей стране. «...Мы, пролетариат России, — писал Ленин, — *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма» (2, т. 43, стр. 216).

Ленин указал путь преодоления этого противоречия. Это — путь социалистической индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства.

Разработка Лениным проблем взаимодействия основного, главных и специфических противоречий играет исключительно важную роль в методологическом отношении. Последующее развитие истории показало, что такое противоречие переходного периода, как противоречие между передовой политической властью и отсталой технико-экономической базой, проявилось в начальной стадии перехода от капитализма к социализму в некоторых странах социалистической системы, например в Болгарской Народной Республике, в которой установление диктатуры пролетариата в форме народной демократии сочеталось с отсталой экономикой. Аналогичное в основном положение (на определенный период) сложилось и в Социалистической Республике Румынии.

В других странах закономерно имеют место свои особенности проявления противоречий переходного периода.

В соответствующих условиях выявляются новые формы преодоления противоречий между капитализмом и со-

циализмом через создание некоторых промежуточных опосредствующих звеньев, которые, разумеется, не означают примирения капиталистических и социалистических отношений, но являются противоречивым их соединением, внутри которого происходит преодоление противоречий не насильственным, а относительно мирным способом. Одной из таких форм является контакт между народными и капиталистическими предприятиями, другая форма — это участие государства в капиталистических предприятиях.

В марксистском учении о противоречиях Ленин конкретизировал также и вопрос о взаимодействии внутренних и внешних противоречий.

Ленин, продолжая и развивая мысли Маркса, подчеркивает необходимость учета взаимодействия внутренних и внешних противоречий для правильной оценки роли тех и других в развитии явлений и процессов.

Естественно, что в условиях переходного периода, когда Советская республика находилась в окружении капиталистических стран и вела борьбу — военную, политическую, идеологическую — против врагов внутренних и внешних, этот вопрос для нашей партии имел не только теоретическое, но и громадное практическое значение. В особенности этот вывод важен при оценке революционного движения, его характера и перспектив. Ленинское положение о революционной ситуации исходит из необходимости учитывать не только внутренние особенности и внутренние противоречия той или иной страны, но и конкретный анализ внешних факторов, внешних противоречий, совокупности тех и других. Революции могут произойти только при наличии взаимодействия ряда противоречий и их обострения. Они «созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин» (2, т. 36, стр. 531).

Второй момент, подчеркнутый и подытоженный Лениным в проблеме внутренних и внешних противоречий и представляющий конкретизацию диалектики в новых условиях, — это вопрос о значении тех и других в процессе развития. И здесь Ленин, как великий мастер диалектики, верен себе: только конкретный анализ конкретной ситуации позволяет дать ответ на то, какие из противоречий играют в тот или иной момент наиболее

существенную роль. Ленинские труды дают множество примеров, в которых решающее значение отводилось внутренним противоречиям. Такое значение внутренних противоречий Ленин отмечал в первые годы Советской власти в условиях империалистической блокады и войны против интервентов. В докладе о международном положении Советской республики в июле 1918 г. он подчеркнул, что судьба социализма решалась в зависимости от того, сумеют ли Советская власть и партия обеспечить преодоление внутренних противоречий между рабочим классом и крестьянством и наладить союз и соглашение с ним.

Однако это не должно привести к недооценке роли внешних противоречий уже потому, что внешние противоречия нельзя в любых случаях относить только к «явлениям». Они могут быть и противоречиями сущности. Кроме того, сама сущность может быть познана посредством явлений, поскольку развитие и разрешение внутренних противоречий немыслимо вне их связи, взаимодействия и перехода в противоречия внешние. Ленин, поясняя эту мысль, указывает, что всякая конкретная вещь (явление), всякое конкретное нечто стоит в различных и часто в противоречивых отношениях ко всему остальному, бывает самим собой и другим.

Разумеется, ленинское определение внешнего противоречия нельзя понимать как какое-то уравнивание внутренних и внешних противоречий и возведение последних в ранг всеобщего импульса развития. Смысл ленинских положений в том, что необходимо всегда и везде, во всех явлениях и во всех условиях учитывать не только внутренние противоречия как решающий источник и причину их изменения, но и противоречия внешние, оказывающие на процессы развития существенное воздействие.

Ленин не только дал теоретическое решение вопроса о взаимодействии внутренних и внешних противоречий и значении последних для развития, но также разработал и применил к политике партии положение о том, что внешние противоречия в конкретной ситуации могут приобретать первостепенное значение. Эту мысль Ленин высказал на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов при оценке международного положения. Он говорил, что Советская власть удержалась лишь потому,

что шла первая мировая война и международный империализм был расколот на две группы хищников — англичан, американцев и французов, с одной стороны, немцев — с другой, находившихся в смертельной схватке между собой, которым было не до нас.

Взаимоотношение внутренних и внешних противоречий составляет одну из методологических основ ленинской теории социалистической революции. Оно имеет сложный, многосторонний характер, выражая диалектику внешнего и внутреннего, сущности и явления, общего и частного.

Ленину пришлось вести после Октябрьской революции упорную борьбу со сторонниками авантюристической теории, считавшими, что мировой революционный процесс следует подталкивать путем войны. Тогда в партии возникли два стратегических плана. Ленинский план был основан на построении социализма в СССР как базы мировой революции при всемерной поддержке революционного движения в капиталистических странах и национально-освободительной борьбы угнетенных народов колоний. Этот план исходил из признания возможности мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством. Методологической, философской основой этого был учет всех классовых сил в их взаимодействии и борьбе, анализ внутренних и внешних противоречий. Само мирное сосуществование понималось как особая форма классовой борьбы международного рабочего класса против мирового капитала. Совершенно иной план — подталкивания революции в других странах путем войны — выдвигался «левыми коммунистами», троцкистами и другими ультрареволюционными группами, взглядов которых придерживаются в современных условиях различные экстремистские и авантюристические группы в международном революционном движении.

Характерным для этого плана был антидиалектический, метафизический подход к вопросу о перспективах революции, что выражалось, во-первых, в переоценке роли внешнего фактора в историческом процессе столкновения внешних противоположностей как решающего средства осуществления революции и в недооценке внутренних противоречий и, во-вторых, те и другие противоречия и соответственно классовые силы рассматривались

изолированно, вне связи и взаимодействия друг с другом.

Ленин показал несостоятельность такого упрощенного, метафизического понимания проблемы. Он писал: «Было бы, конечно, «приятнее», если бы мы простой войной могли свергнуть и Вильгельма и Вильсона. Но это бредни. Свергнуть их внешней войной мы не можем. А двинуть вперед их *внутреннее* разложение мы можем. Мы достигли этого советской, пролетарской, революцией в *громадных* размерах» (2, т. 37, стр. 109).

Ленин был убежден, что путь к победе социализма ведет не через всеобщую войну, а через многообразие форм классовой борьбы победившего социализма против мировой капиталистической системы и что главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Если мы решим эту задачу, то выиграем в международном масштабе наверняка и окончательно.

По поводу теории подталкивания революции Ленин говорил: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях» (2, т. 35, стр. 403).

Разрабатывая проблему соотношения внутренних и внешних противоречий, Ленин уделял много внимания и оценке теории равновесия, подвергнутой глубокой критике еще Энгельсом в его борьбе против метафизики Дюринга. Известно, что характерными чертами этой теории являются понимание общественного движения как механического столкновения внешних сил, абсолютизация состояния равновесия противоположностей и отрицание их борьбы. В переходный период в нашей стране теория равновесия стала философской основой антидиалектических, оппортунистических взглядов (Бухарин и др.), утверждавших возможность «классового мира»,

«гармонии», «затухания» классовой борьбы и «врастания» кулака в социализм.

Ленин, продолжая борьбу против теории равновесия в новых исторических условиях, углубил и конкретизировал марксистское понимание равновесия. Ленин подчеркнул, что момент равновесия может возникать не только в явлениях природы, но и в процессах общественного развития. Под равновесием противоположностей следует понимать определенное соотношение сторон противоречия, при котором новое еще не в состоянии преодолеть старое, а старое уже не может подавить новое. Это такое относительное состояние, такая стадия в развитии противоречий, за которой последует их обострение и усиление борьбы. Подобное состояние равновесия или равновесия имело место в первой русской революции 1905 г., когда силы царизма и революции уравнились и ни одна из них не была способна победить другую. Так же оценивал Ленин и наличие двух противостоящих друг другу властей, возникших после Февральской революции: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго продержаться такой «переплет» *не в состоянии*. Двух властей в государстве *быть не может*... Двоевластие выражает лишь *переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще* до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства» (2, т. 31, стр. 155).

Следовательно, различие между диалектическим и метафизическим пониманием равновесия состоит, во-первых, в том, что диалектика считает равновесие временным, относительным, нарушающимся в результате борьбы противоположностей, в то время как метафизика считает его абсолютным, постоянным, и, во-вторых, само состояние равновесия выражает борьбу противоположностей, а не их примирение и нейтрализацию, как это утверждают представители теории равновесия, в особенности ее современные истолкователи — теоретики «китаизированного марксизма», маоисты.

Ленин подвергал глубокой критике и раскрывал не научное и антиреволюционное содержание «теории равновесия» и в последующее время. Он отмечал, что «теория равновесия» «приоткрывает дверь философск[им] шатаниям в сторону от мат[ериали]зма к идеализму» (3,

т. XI, стр. 385). К этому ныне скатываются маоистские «диалектики».

Итак, можно сделать вывод, что Ленин, осуществляя руководство нашей партией и страной в процессе перехода от капитализма к социализму, разработал и применил диалектику противоречий, исследовал противоречия внутренние и внешние, основные, главные и второстепенные, общие и специфические в их развитии, переходах, связи и взаимодействии.

Ленин обогатил марксистскую диалектику выводами о двух типах социальных противоречий, что имеет исключительное значение для стратегии и тактики рабочего класса.

Известно, что сущность социальных антагонизмов была глубоко раскрыта Марксом на базе изучения капиталистического общества. Ленин, продолжая марксистское учение в новых исторических условиях, отмечает те же характерные черты антагонистических противоречий. Ленин, определяя антагонизм, говорит о «полярной противоположности» тенденций его сторон. В ленинских трудах подчеркивается и другая важная особенность антагонистического противоречия, заключающаяся в невозможности его разрешения на основе того социального строя, в котором оно существует.

Выясняя специфику антагонизмов, Ленин выводит еще одну их особенность, свойственную всяким противоречиям такого рода, а именно тенденцию к насильственной форме их разрешения.

Однако Ленин, как подлинный мастер диалектики, всегда предостерегал партию от односторонности и шаблона в подходе к действительности, учил уметь видеть, находить различные формы одинакового содержания.

Подчеркивая, что сущность противоречий определяет и формы их разрешения и поэтому для антагонистических противоречий типичными формами их разрешения будут революции и гражданские войны, Ленин вместе с тем отмечает, что в жизни общества, в его развитии могут быть также периоды, когда преодоление этих противоречий возможно принципиально иными, относительно мирными средствами. Ленинские высказывания по этому вопросу, как это неоднократно было показано, имеют чрезвычайно важное значение и для современных условий.

Когда речь идет о некоторых ненасильственных, мирных формах преодоления антагонистических противоречий, то имеется в виду, что это относительно мирные формы, которые включают в себя не только элементы убеждения, но и элементы принуждения, но только особыми средствами и методами, при которых представители эксплуататорских классов вынуждены уступить свои позиции в обществе без вооруженных столкновений и конфликтов, понимая бессмысленность такой борьбы. Переход от капитализма к социализму — это всегда революционный переход. Поэтому возможность разрешения некоторых антагонистических противоречий в относительно мирной форме (без гражданской войны), которую отстаивают марксисты, прямо противоположна реформистскому пониманию мирного перехода от капитализма к социализму.

Но антагонизм, учит Ленин, это лишь одна из форм единства и борьбы противоположностей. Ленину принадлежит историческая заслуга в том, что он в новой, чрезвычайно сложной обстановке строительства социализма в отсталой стране, руководя партией и правительством, смог разработать теорию неантагонистических противоречий как особом типе противоречий, присущем социализму. «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же, — указывал Ленин. — Первое исчезнет, второе останется при социализме» (3, т. XI, стр. 357).

Если оценивать ленинский вклад в марксистское учение о противоречиях в этом вопросе, то можно без преувеличения сказать, что Ленин раскрыл и всесторонне обосновал закономерность перехода от капитализма к социализму как историческое развитие от антагонистических противоречий к неантагонистическим и дал анализ всех форм и видов противоречий в переходный период. Для того чтобы в полной мере оценить научно-теоретическое и политическое значение этой открытой Лениным новой закономерности, следует учесть, что в современных условиях, когда возникает неотложная потребность в конкретном определении путей и форм закономерностей перехода к социализму в различных странах, объективная диалектика жизни требует глубокого изучения неантагонистических противоречий как нового источника и движущей силы общественного развития.

Конечно, неантагонистические противоречия как тип

диалектических противоречий существуют и в условиях капитализма. Это — противоречия между рабочими и крестьянством, между различными группами рабочего класса и крестьянства и т. д. Однако все эти противоречия не являются ни основными, ни главными и не оказывают решающего воздействия на процесс развития капиталистического общества. Вот почему Ленину пришлось впервые в истории марксистской диалектики заниматься коренным решением этой проблемы на основе анализа переходного периода в нашей стране.

После победы социалистической революции у нас в народном хозяйстве сохранилась многоукладная экономика, выражавшая интересы различных классов. Это определяло острую классовую борьбу в новых формах.

В плане брошюры «О диктатуре пролетариата» Ленин исследует содержание, качественные особенности и взаимодействие этих форм. Первые две формы — подавление сопротивления эксплуататоров и гражданская война — выражают социальные антагонизмы как результат борьбы буржуазии (русской и международной) против строительства социализма. Три другие формы классовой борьбы — нейтрализация мелкой буржуазии, особенно крестьянства, использование буржуазии, воспитание новой дисциплины — заключали элементы нового характера борьбы противоположностей, новых по своему типу противоречий*.

Решающей из этих новых трех форм классовой борьбы Ленин считал взаимоотношение рабочего класса и мелкой буржуазии, в первую очередь крестьянства.

Крестьянство как класс имеет двойственную природу. С одной стороны, крестьянин — труженик, работник, трудящийся, с другой — спекулянт, собственник, торгаш. Разграничение этих противоположных сторон крестьянства очень трудно, отмечал Ленин, ибо в живой жизни все свойства крестьянина, как они ни различны, слиты в одно целое. Но все же такое разграничение возможно, более того, оно неизбежно, поскольку обусловлено объективной основой — совпадением коренных классовых интересов, перекрывающим расхождение, т. е. как раз

* Разумеется, все эти формы классовой борьбы были тесно связаны между собой и находились в диалектическом взаимодействии.

тем важнейшим элементом, отличительной чертой, которая входит в понятие «неантагонистическое противоречие».

Крестьянин-труженик впитал в себя ненависть и вражду к эксплуататорам в течение веков, и это заставляет его искать союза с рабочим против капиталиста, торговца и спекулянта. Но в то же время экономическая обстановка в нашей стране делает самого крестьянина торговцем и спекулянтом. Поэтому «крестьянство как трудящиеся = союзник; как собственники и спекулянты = враг» (2, т. 39, стр. 457)*.

Противоречие между рабочим классом и крестьянством выражалось прежде всего в наличии противоположных тенденций: социалистической тенденции, присущей рабочему классу, и товарно-капиталистической тенденции, присущей единоличному крестьянству. Отсюда и политика победившего пролетариата по отношению к крестьянству, сформулированная Лениным: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-работника, труженика от крестьянина-собственника, спекулянта.

В этом разграничении вся суть социализма, подчеркивал Ленин, обращая внимание на решающее значение неантагонистических противоречий между рабочим классом и крестьянством. В методологическом отношении (в плане диалектики) Ленин под сущью социализма понимал отличие неантагонистических противоречий от антагонизмов, что единственно давало возможность партии и государству проводить правильную политику в этой самой трудной и главной проблеме переходного периода.

Итак, по Ленину, неантагонистические противоречия — это, во-первых, такие противоречия, в которых наряду с противоречивыми тенденциями содержатся коренные общие интересы, перекрывающие расхождение между сторонами противоречия в некоторых вопросах.

Во-вторых, неантагонистические противоречия, так же как и антагонистические, развиваются и разрешаются путем борьбы, столкновения противоположных тенден-

* Так же в целом складывалась обстановка и в ряде других стран, идущих к социализму, похожих на нашу в экономическом отношении.

ций, но характер самой борьбы и формы преодоления противоречий принципиально меняются. Ленин с гениальной ясностью и глубиной раскрыл все огромное значение этого рода борьбы и все ее отличие от антагонизма в набросках и плане брошюры «О диктатуре пролетариата»: «Две основные задачи (и, соответственно, две новые формы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата:

(1) подавление сопротивления эксплуататоров (и всякого рецидива, возврата к капитализму и к капиталистическим традициям).

(2) систематическое руководящее *воздействие* (то же = борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на *всех* трудящихся кроме пролетариев» (2, т. 39, стр. 454—455). В плане резолюции о содержании понятия «диктатура пролетариата» и о борьбе против «модного» искажения этого лозунга конкретные задачи диктатуры пролетариата отражены в трех формах классовой борьбы, из которых две являются новыми, не встречавшимися в истории формами: а) разбить, б) увлечь, с) нейтрализовать. Эта же мысль содержится и в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». По отношению к классу крестьян и мелкой буржуазии задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него.

В-третьих, неантагонистические противоречия отличаются особыми формами их разрешения. В отличие от антагонистических противоречий, преодоление которых, как правило, происходит в форме открытой, резкой борьбы, разрешение неантагонистических противоречий осуществляется постепенно, главным образом в формах воспитательной работы, убеждения, хотя, разумеется, и включает в себя некоторые элементы принуждения и даже насилия. В проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях диктатуры пролетариата Ленин, отмечая противоречивость положения профсоюзов, которые должны сочетать методы убеждения (как главное) с некоторым принуждением, подчеркивает неустранимость этих противоречий в течение ряда десятилетий. Здесь доказывается невозможность преодоления старых привычек, традиций самого рабочего класса и воспитание новой дисциплины в короткие сроки, преодоления этого противоречия в ка-

кой-либо быстрой и резкой форме. Это — длительный, сложный, постепенный процесс.

В-четвертых, специфической чертой неантагонистических противоречий является в отличие от антагонистических падение их остроты (или резкости) в процессе развития *. Это происходит потому, что здесь налицо общая основа. Ленин не раз указывал, например, на то, что расхождения между рабочими и крестьянами по ряду второстепенных вопросов будут стираться и исчезать по мере приближения к социализму. Этот же процесс стирания, падения остроты неантагонистических противоречий в развитии происходит и в ходе строительства коммунизма в нашей стране, например в ходе преодоления существенных различий между городом и деревней, между трудом физическим и умственным. Отсюда вытекает полная возможность преодоления неантагонистических противоречий на основе того строя, в котором они существуют (при условии диктатуры пролетариата или общенародного социалистического государства).

Раскрывая сущность неантагонистических противоречий на базе анализа конкретной обстановки того времени, Ленин выявил новые формы и методы их разрешения, новую систему мер и средств специально экономического и политического характера, применение которых могло обеспечить своевременное преодоление этих противоречий.

В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин высказывает мысль о том, что социализм порождает собственные средства своего развития. Так, новой, очень важной формой преодоления противоречий была планирующая деятельность Советского государства, которая в известной мере вскрывала или предотвращала различного рода диспропорции, возникавшие в процессе развития народного хозяйства нашей страны (в частности, отставание топливной базы или железнодорожного транспорта). Ленин не раз подчеркивал значение этой стороны работы Госплана и ГОЭЛРО, указывая при этом, что только общество, строящее социализм, в отличие от капитализма может и должно использовать эти огром-

* Это не исключает на определенной стадии созревания некоторого временного нарастания остроты, без чего не может сформироваться ни одно противоречие.

ные преимущества, содержащиеся в новом общественном строе. Однако главным средством разрешения новых, неантагонистических противоречий (в области экономики в первую очередь) был созидательный героический труд советского народа, основанный на сознательной дисциплине, понимании своих интересов и задач.

Одной из очень важных и действенных форм выявления и разрешения противоречий, особой формой борьбы нового против старого является критика и самокритика. Значение критики и самокритики определяется в социалистическом обществе объективными причинами. В активный процесс строительства социализма вовлекаются миллионы людей, поскольку объективные законы, оставаясь основой поступков людей, становятся познанными. В отличие от капитализма, где развитие общества осуществляется благодаря игре стихийных сил, при социализме оно — результат сознательной и планомерной деятельности людей.

Социалистическое общество с его планированием всего народного хозяйства коренным образом усилило участие людей в историческом процессе общественного развития, раскрыло их творческую инициативу, их свободную деятельность как осознанную необходимость.

Уже первые годы переходного периода показали, что назревшие неантагонистические противоречия и трудности разрешаются не стихийно и слепо, а разумно-сознательно и планомерно, путем развертывания деловой, принципиальной массовой критики и самокритики. Ленин отмечал, что вся «работа настоящего строительства — это есть применение критики и ее содержание», но если это так, то в первую очередь «нужно подумать о содержании критики» (2, т. 42, стр. 37).

Отличительной чертой критики и самокритики в условиях строительства социализма является то, что здесь объективные тенденции органически совпадают и переплетаются с субъективной деятельностью людей. Это совпадение и единство объективного и субъективного обусловлены природой новых, социалистических производственных отношений и вытекают из единства целей в борьбе за социализм основных классов: рабочих и трудового крестьянства. Ленин рассматривал критику как средство утверждения нового путем творческого труда. Критика и самокритика в диалектическом понимании со-

держит в себе не голое и зряшное отрицание, а выступает как момент связи и развития. В новых исторических условиях перехода общества к социализму она содействует непрерывному росту и поступательному движению вперед *.

Ленин не ограничился определением неантагонистических противоречий. Он обосновал диалектику их взаимодействия с противоречиями антагонистическими, показал возможность превращения одних противоречий в другие. Превращение антагонистических противоречий в неантагонистические — это, как предвидел Ленин, путь относительно мирных, постепенных преобразований. Подобное превращение совершалось в определенной мере в процессе перехода старой, буржуазной интеллигенции на позиции служения народу. Известно, что это происходило в результате большой воспитательной работы, проведенной нашей партией и государством.

Но Ленин прекрасно понимал, что существует и другая возможность — обострения неантагонистических противоречий и перерастания их в антагонистические. Он учил партию своевременно преодолевать противоречия между рабочим классом и крестьянином-середняком и проводить правильную политику в деревне, предотвращать конфликт и раскол между ними.

Формирование новых, неантагонистических противоречий связано с *возникновением и становлением социального единства и социальной однородности общества*. В своих трудах, посвященных переходному периоду, Ленин вскрывает сущность, формы и значение этих процессов, отражая их в соответствующих научных категориях. Он подчеркивает, что коренные изменения, происшедшие после Октябрьской революции: установление общественной собственности, ликвидация эксплуатации, формирование новых производственных отношений — создали объективную основу для единства стремлений, воли, деятельности людей — членов общества, строящих социализм.

* Все это свидетельствует о том, что Ленин рассматривал критику и самокритику и как объективную диалектическую закономерность нового общества, и как большевистский метод воспитания кадров, т. е. всесторонне, но и в том и в другом аспекте видел в них форму разрешения неантагонистических противоречий.

Ленин говорил, что единство воли не может быть фразой, символом, и требовал, чтобы оно осуществлялось на практике. Вопрос о единстве приобретал особое значение в связи с необходимостью повышать дисциплину и производительность труда в промышленности, вовлекать крестьянство в строительство социализма, добиваться централизованного управления экономикой страны. Ставя эти конкретные задачи, Ленин видел в единстве новую, могучую движущую силу общества, способную обеспечить победу социализма.

Ленин отмечал, что формирование такого социального единства — процесс долгий и трудный, основанный на разрешении противоречий, вырастающий из противоречий: «Советская конституция не писалась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта Конституция *вырастала* из хода развития *классовой борьбы*, по мере созревания *классовых противоречий*» (2, т. 37, стр. 312). В этом выводе показано диалектическое соотношение социального единства и противоречий в развитии социалистического общества, заключающееся в том, что разрешение противоречий укрепляет единство, а наличие единства способствует этому разрешению. Такая взаимозависимость представляет собой новую диалектическую закономерность и приобретает все большее значение по мере строительства социализма.

3. ЛЕНИН О СОЕДИНЕНИИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В анализе диалектических закономерностей переходного периода особо важное место принадлежит ленинской формуле о соединении противоположностей. Пожалуй, ни в каком другом вопросе, как в этом, не сказались с такой силой гибкость и мощь ленинской мысли, проникновение в самую глубину сложнейших процессов, позволивших партии смело идти по неизведанному пути.

Существует несколько аспектов понятия «соединение противоположностей». Прежде всего соединение противоположностей — неперемнное условие всякого диалектического процесса мышления, рассматривающего явление как единство противоположностей, отражающего противоположности, имеющиеся в реальной действитель-

ности, и объединяющего противоположности в синтез противоположных определений, в результате которого возникает новое понятие.

Другой аспект заключается в том, что соединение противоположностей означает определенную политику или тактику действий партии и государства, направленную на то, чтобы сблизить, соединить объективно существующие противоположности, как бы создать единство противоположностей, которое можно использовать для победы нового над старым.

Объективной основой такого соединения противоположностей, по Ленину, является наличие в противоположностях некоторых общих тенденций, позволяющих в определенных условиях осуществить такое соединение. В действительности не существует одной какой-либо противоположности, связанной только с другой и полностью изолированной от других противоположностей. Всякое противоречие связано, переплетается, взаимодействует с другими противоречиями, опосредовано другими противоположностями. Кроме того, каждая противоположность неоднородна, в ней есть различные элементы, тенденции, и, хотя в целом она является противоположностью, наличие в ней разнообразных элементов представляет объективную возможность соединения для совместной борьбы (или для использования ее) против всей противоположной стороны.

Этот особый вид единства противоположностей, конечно, не означает, что данные противоположности, сознательно соединенные политикой партии, перестают быть взаимоисключающими и утрачивают тенденции к борьбе. Все дело в том, что в каких-то определенных конкретных обстоятельствах момент общности становится доминирующим, а момент отрицания отступает на второй план, не исчезая полностью.

Ленин не только теоретически обосновал принципиальную возможность соединения противоположностей как особой формы их единства и борьбы в интересах победы нового над старым, но и, применяя его на практике, доказал необходимость такого соединения в стратегии и тактике партии. Так, в своей речи на дискуссии о профсоюзах в 1920 г. Ленин говорил, что в процессе перехода от капитализма к социализму приходится так или иначе соединять противоположности: «Но мы все-таки марксизму не-

множко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности» (2, т. 42, стр. 211). И Ленин называет примеры такого соединения: ударничество и равное распределение, принуждение и убеждение и др.

Изучение ленинских трудов показывает, что Ленин практически применял соединение противоположностей в течение всей истории борьбы нашей партии. Так, в частности, в вопросе использования противоречий между капиталистическими странами важнейшим явилось положение о соединении противоположностей. В письме к американским рабочим Ленин, разоблачая лицемерие англо-французских империалистов, обвинявших большевиков в соглашении с немецким империализмом, писал, что они притворяются, будто не понимают разницы между соглашением «социалистов» с буржуазией (своей и чужой) против рабочих, против трудящихся и соглашением для охраны победивших свою буржуазию рабочих с буржуазией одного цвета, против буржуазии другого национального цвета, ради использования пролетариатом противоположности между разными группами буржуазии.

И Ленин привел пример соглашения в феврале 1918 г. с французскими империалистами в лице их представителей Садуля и де Люберсака для организации взрыва железнодорожных путей, по которым наступали немецкие войска: «Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев мы использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контринтересы *других* империалистов» (2, т. 37, стр. 55—56).

Возможность использовать разногласия между теми или иными отрядами буржуазии Ленин видит в неоднородности, различном составе буржуазии как класса, т. е. опять-таки с позиций диалектики он предостерегает партию от ошибочности рассмотрения буржуазии как «чистой», равной самой себе противоположности и подчер-

кивает необходимость тщательного учета возможных расходов внутри нее. Эту мысль Ленин настойчиво проводит в своих трудах, и в частности в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где он говорит о необходимости для пролетариата использовать противоречия не только между разными группами буржуазии, но также и между теми или другими буржуазными политическими деятелями, например между Черчиллем и Ллойд-Джорджем.

Ленин придавал огромное значение вопросу об использовании противоречий в лагере капитализма. Он отмечал необходимость умелого использования малейшей «трещины», тем более противоположности интересов между буржуазией разных стран и считал, что тот, кто этого не понял, не понял ни грана в марксизме и научном, современном социализме.

Новая экономическая политика, сменившая период военного коммунизма, также основана на методе соединения противоположностей. Эта политика была рассчитана на допущение в известных рамках капитализма и свободы торговли, что при наличии крупного производства и транспорта в руках государства было единственным средством подвести мелкокрестьянскую страну к социализму: «Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму» (2, т. 44, стр. 152).

Метод соединения противоположностей был применен Лениным при составлении стратегического плана перехода от капитализма к социализму при помощи госкапитализма. Главным врагом социализма тогда был частнохозяйственный капитал, мелкобуржуазная стихия, угрожавшая Советской республике. Госкапитализм в условиях диктатуры пролетариата представлял собой переходную форму, ступень на пути к социализму, поскольку государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма.

Объективное совпадение интересов социализма и госкапитализма позволило соединить их в борьбе против мелкобуржуазной стихии. Однако соединение противоположностей не означало прекращения борьбы этих проти-

воположностей. Ленин неоднократно подчеркивал, что допущение сектора государственного капитализма является специфической формой классовой борьбы. Он писал по поводу концессий как одной из разновидностей госкапитализма, что определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и неопасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо сохранение концессий тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром.

Ленин отмечает еще один очень важный принцип, который необходимо соблюдать при соединении противоположностей. Именно потому, что противоположности в объективной действительности имеют различное значение для развития, различные тенденции и перспективы, необходимо помнить об этом и подчинить одну из противоположностей — неглавную другой — главной. Только в этом случае создаются возможности для победы нового, прогрессивного в общественной жизни.

Ленин учил партию проявлять максимум осторожности при решении вопроса о соединении противоположностей. Важно соединить их таким образом, чтобы получить гармоническое единство не в смысле полного отсутствия противоположных тенденций, а в том смысле, чтобы их совпадающие общие моменты действовали в направлении наибольшего эффекта в интересах строительства коммунизма. Не всякие противоположности можно соединить, при их сочетании должны быть строго учтены объективные возможности этого процесса. Противоположности должны быть однопорядковыми, существовать в одной сфере, иметь очень сходные объективные черты, интересы и т. д. Кроме того, метод сочетания должен соответствовать природе самих противоположностей. Ленин говорил по поводу сочетания некоторых противоположностей: «...можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония» (2, т. 42, стр. 211).

Ленинское положение о соединении противоположностей имеет большое международное значение. В современных условиях оно с успехом используется в странах, строящих социализм (установление особых отношений между государством и некоторой частью мелких и средних предпринимателей, представляющее собой соедине-

ние противоположностей). Компартии в капиталистических странах используют этот метод для создания общего антимонополистического фронта.

4. РАЗРАБОТКА ЛЕНИНЫМ ПУТЕЙ И ФОРМ ПЕРЕХОДА ОТ СТАРОГО К НОВОМУ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

В своей теоретической и практической деятельности в переходный период Ленин применял и разрабатывал диалектическое положение о преемственности в развитии в процессе перехода от старого к новому, конкретизируя и обогащая закон отрицания отрицания.

Рассматривая весь переход от капитализма к социализму как радикальное отрицание старого новым, как объективный закономерный процесс, выражающий прогрессивный, поступательный характер развития и включающий в себя временные отступления от нового, лавирование, соглашения со старым и так далее, Ленин во многих трудах, посвященных теоретическим и политическим вопросам переходного периода, особо подчеркивает ту сторону отрицания, которая выражает связь и взаимодействие нового со старым, сохранение всего позитивного в старом и использование его в интересах нового. В конкретных условиях того времени это означало, что в строительстве социализма советское общество должно было опираться на старую, буржуазную культуру, науку и технику, максимально использовать знания и опыт старой интеллигенции, специалистов в различных отраслях знания.

Ленин вместе с тем отмечает, что в процессе этого перехода неизбежны и закономерны повторения на высшей стадии определенных черт, свойств, форм низшей стадии развития, сохранение этих элементов или отношений, способных играть известную положительную роль в развитии. Ленин детально разработал и много раз на практике применял это диалектическое положение как выражающее не случайный, а необходимый момент развития, обусловленный его объективными закономерностями.

Однако было бы ошибкой, предостерегал Ленин, счи-

тать, что старые формы и отношения существуют в новом в неизменном виде. Они преобразуются, изменяются в соответствии с характером новой, высшей стадии развития. Так, анализируя природу госкапитализма в нашей стране, он писал: «Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы» (2, т. 45, стр. 85).

Придавая этой закономерности развития огромное значение и раскрывая ее действие в условиях построения социализма, Ленин вел неустанную борьбу против левых ошибок, имевших место в партии по вопросу об отношении к буржуазной культуре, буржуазным специалистам.

Ленин подчеркивал, что классики марксизма не дали и не могли дать решение этого вопроса и что его теоретическая разработка и практическое осуществление составляют несомненную заслугу большевистской партии. Он говорил: «У нас есть закаленность в борьбе, есть силы, единство, и мы должны идти путем организационной работы, используя знания и опыт этих специалистов. Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя. Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм» (2, т. 38, стр. 142). И далее: «Когда мы в революционной программе нашей партии писали по вопросу о специалистах, мы подытоживали практический опыт нашей партии по одному из самых крупных вопросов. Я не помню, чтобы прежние учителя социализма, которые очень многое предвидели в грядущей социалистической революции и очень многое наметили в ней, — я не помню, чтобы они высказывались по этому вопросу. Он для них не существовал, потому что он встал только тогда, когда мы взялись за строительство» (2, т. 38, стр. 139—140). Разработка вопроса об использовании культуры, оставшейся от капитализма, и буржуазных специалистов, явилась ленинским теоретическим вкладом в марксистскую диалектику и важнейшим методологическим принципом, имеющим международное значение, как об этом свидетельствует опыт многих коммунистических партий.

Переходный период от капитализма к социализму был насыщен сменой различных, часто противоположных явлений, переходом одних явлений, процессов в другие. В связи с такой обстановкой *решающее значение приобретает вопрос о стадиях, путях и формах этого перехода*. Ленин всегда уделял большое внимание — и в теоретическом, и в политическом аспектах — диалектическому положению *о переходах от старого качества к новому, закону перехода количественных изменений в качественные*. Существует логическая связь понятий развития и перехода, поскольку всякое развитие ведет к переходу, а каждый переход есть результат развития.

Анализируя понятие «переход» в органической связи с принципом диалектики, требующим рассматривать явления в развитии, Ленин вел борьбу против метафизики и софистики лидеров II Интернационала и «левых коммунистов». По вопросу о переходе от капитализма к коммунизму Каутский не задавался мыслью о том, каковы должны быть *переходы* от капитализма к коммунизму в таких-то *особых* условиях. Вандервельде приводил общее абстрактное рассуждение о том, что между государством капиталистическим и государством пролетарским существует много «переходных ступеней», понимая под ними реформы, заменяющие пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата, не разграничивая перехода от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата и далее — перехода от общества с государством к обществу без государства.

В этом и состояла, отмечал Ленин, подмена диалектики эклектикой и софистикой. Диалектика конкретна и революционна. Переход от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от «перехода» демократического пролетарского государства к негосударству («отмирание государства»). «Эклектика и софистика Каутских и Вандервельдов, в угоду буржуазии, смазывают все конкретное и точное в классовой борьбе, подставляя общее понятие «перехода», куда можно запрятать (и куда *девять десятых* официальных *социал-демократов* нашей эпохи *прячет*) отречение от революции!» (2, т. 37, стр. 336—337).

Признать, что в общественной жизни происходят переходы, — еще не значит быть марксистом. Недостаточно было абстрактных рассуждений вообще «левых коммуни-

стов» о том, что капитализм и социализм — противоположности и переход от одного к другому есть скачок. Необходимо было внести живое содержание в эти понятия, найти, распознать, разработать такие ступени, формы, звенья перехода от капитализма к социализму, которые бы наиболее соответствовали обстановке и полностью использовали преимущества нового общественного строя.

Ленин придавал решению этой проблемы первостепенное значение. В его трудах того времени мы находим множество мыслей, сосредоточенных на поисках, нахождении и утверждении путей, форм, средств, обеспечивающих правильное разрешение многих сложных политических и практических задач, связанных с переходом к социализму.

Разработка Лениным этой стороны диалектики заключалась в следующем: 1) в нахождении новых, неизвестных истории ступеней и форм перехода, выявлении своеобразия форм качественных изменений, скачков при социализме, 2) в разработке многообразия этих ступеней и форм, 3) в использовании старых форм, их подчинении новому содержанию.

Переход от политики военного коммунизма к нэпу, от войны к миру, от мелкого крестьянского хозяйства к кооперации, от старой разбитой машины буржуазного государственного аппарата к новому, советскому государству — все эти переходы, их формы и звенья были найдены Лениным и реализованы в политике партии в процессе строительства социализма.

Ленин раскрыл, учитывая особенности нашей страны, промежуточные звенья или конкретные формы перехода к социализму, исходя из анализа места в производстве, взаимоотношений интересов двух основных классов Советской России — рабочего класса и трудового крестьянства. В достижении союза, соглашения этих классов, в умении обнаружить, доказать, использовать то общее в интересах, что объективно существует, заложено в них и перекрывает их различия, Ленин видел главную задачу нэпа. Исследуя, открывая пути, способы, средства перехода, Ленин обогатил диалектику новыми положениями об особенностях качественных изменений и форм скачков при социализме. Эти особенности были обусловлены новой исторической обстановкой, и прежде всего новым характером противоречий при социализме, являющихся

источником количественных и качественных изменений. Главное, в чем заключалось своеобразие качественных изменений, обобщено Лениным в постановке вопроса о *двух различных формах скачков в условиях переходного периода*. Одна из них характеризуется быстрым (взрывным, разовым, в виде одного удара) переходом от старого к новому, таким, который связан с ликвидацией существующей государственной власти, с радикальным переворотом в экономике и политике. Отличительным признаком другой формы является постепенность качественных изменений, занимающих более длительное время и не сопровождающихся уничтожением существующего государственного строя.

Скачок в форме революционного удара — это решающая ликвидация буржуазного государственного аппарата, экспроприация частнокапиталистической собственности на средства производства и переход ее из владения буржуазии во владение рабочего класса. Примером такого рода качественных изменений были первые месяцы существования Советской власти, когда удалось осуществить максимум возможного в отношении экспроприации крупного капитала, когда сразу, одним революционным ударом было сделано то, что вообще можно сделать сразу. Например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г. (8 ноября), отменена частная собственность на землю без вознаграждения крупных собственников, экспроприированы крупные собственники земли. В несколько месяцев были экспроприированы почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков и железных дорог.

Скачок в форме постепенности — это тоже качественное преобразование, которое может (в условиях социальной жизни) означать революционный переворот, как, например, процесс коллективизации в СССР, но скачок этого типа не связан с ликвидацией существующего господствующего способа производства и политического строя.

Следует отметить, что эта форма качественных изменений (или тип скачка) переходного периода выходит далеко за пределы нашей страны и имеет международное значение как общая закономерность (на определенном этапе развития) для всех стран, идущих к социализму.

Раскрывая основные закономерности перехода Рос-

сии от капитализма к социализму, Ленин обращает особое внимание на два момента: *во-первых*, на необходимость учета опыта нашей страны в социалистической революции и строительстве социализма: «...русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего» (2, т. 41, стр. 4). И далее: «Наука требует... учета опыта других стран, особенно, если другие, тоже капиталистические, страны переживают или недавно переживали весьма сходный опыт» (2, т. 41, стр. 65); *во-вторых*, на обязательность уметь применить этот опыт в соответствии с конкретными историческими условиями своей страны, обеспечить такое применение *основных* принципов коммунизма, которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы в *частностях*, правильно приспосабливало, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Ленин далее определяет главную задачу для всех передовых (и не только передовых) стран, состоящую в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить» (2, т. 41, стр. 77).

Исследуя и применяя новые, особые формы перехода от капитализма к социализму, Ленин в своих трудах творчески разрабатывает такие важные категории диалектики, как форму и содержание и их взаимодействие. Анализируя характер этих категорий в условиях переходного периода, Ленин открыл новую сторону их взаимодействия, показав, что в общественном развитии может сложиться такая ситуация, когда новое, прогрессивное содержание не только ломает старые формы и заменяет их новыми, но при определенных обстоятельствах использует некоторые из старых форм, подчиняя их своим интересам.

Диалектика такого соотношения содержания и формы раскрыта Лениным в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где им убедительно доказывается возможность использования старых форм новым содержанием.

Ленин считал, что реализация этого положения на практике есть одно из решающих условий успешного раз-

вития международного коммунистического и рабочего движения. Правильное решение этого вопроса отличает марксизм от всякого доктринерства: «Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене» (2, т. 41, стр. 89).

В переходный период, характеризующийся острой борьбой старого и нового, сменой старых форм и стадий развития новыми, особое значение приобретали и такие категории диалектики, как возможность и действительность.

Еще в «Философских тетрадах», давая определение возможности, Ленин подчеркнул, что ее реализация зависит от развертывания всей совокупности моментов действительности и что это развертывание составляет сущность диалектического познания (см. 2, т. 29, стр. 141). В статье «О брошюре Юниуса» Ленин, возвращаясь к этим категориям диалектики, выделяет в их взаимодействии значение субъективных факторов, от которых в немалой степени зависит превращение национальных войн в империалистические и обратно.

Но особенно большое внимание категориям возможности и действительности Ленин уделял в годы переходного периода. Сама историческая обстановка того времени обуславливала необходимость дальнейшей разработки и применения этих категорий. Судьба социализма определялась многими факторами, представлявшими собой на определенной стадии лишь возможности. От правильной политики партии, героического труда народа, мужества и боеспособности Красной Армии зависело превращение таких, например, реальных возможностей в действительность, как установление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством (середняком), кооперирование крестьянства, разгром интервентов и белогвардейцев и т. д. Вместе с тем важно отметить, что Ленин подчеркивал необходимость при выработке и проведении политики партии в жизнь исходить из существую-

щего, из действительного, учитывая смену одних явлений другими. В одном из писем И. Арманд (еще в 1916 г.) он писал: «Марксизм опирает политику на *действительное*, а не на «возможное»» (2, т. 49, стр. 348).

Следовательно, для превращения возможности в действительность нужно строго учитывать реально существующую действительность, настоящее, для того чтобы сделать таким же реальным будущее. Таков диалектический путь развития: от возможности к действительности и от нее к новым возможностям.

Говоря в связи с этим о кооперации, Ленин подчеркивает, что в прежних исторических условиях, в мечтаниях старых кооператоров она выглядела фантазией и представляла абстрактную возможность. Но в условиях государственной власти в руках рабочего класса, обладающего всеми средствами производства, главной задачей становится кооперирование населения, которое превращается из абстрактной возможности в реальную возможность. Власть государства на все крупные средства производства, союз пролетариата со многими миллионами мелких крестьян и обеспечение руководства пролетариата по отношению к крестьянству — это то, что необходимо и достаточно для построения полного социалистического общества, подчеркивал Ленин.

Таким образом, обобщая закономерности переходного периода, Ленин конкретизировал содержание и смысл диалектических категорий возможности и действительности, раскрыл соотношение абстрактной и реальной возможностей, пути перехода возможности в действительность, показал особенность действия этих категорий в новых условиях, проявляющуюся прежде всего в возрастании роли субъективного фактора.

В. КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОЗНАНИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В переходный период, характеризующийся переплетением различных процессов и явлений, находящихся в непрерывном движении и развитии, особое значение приобретал диалектический принцип исторического подхода, всестороннего анализа объекта, взятого в его самодвижении и связи, т. е. то, что в диалектической логике опре-

деляется как конкретно-исторический подход к познанию действительности.

Исторический подход к действительности включает в себя учет условий, связей, отношений, в которых находится данный предмет, явление в настоящий момент и рассмотрение его прошлого и будущего. Этот принцип Ленин разрабатывал и применял на всех важнейших этапах революционного движения, подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции и переходного периода, неустанно борясь против всяких отступлений от его диалектического понимания.

В этом отношении весьма поучительным является одно из писем Ленина И. Арманд, которая, ссылаясь на известное марксистское положение о том, что рабочие не имеют отечества, отрицала возможность национальных войн в новую историческую эпоху империализма.

Ленин отмечает: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (2, т. 49, стр. 329).

Приведем еще одно высказывание Ленина, имеющее в данном отношении особое значение: «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики» (2, т. 31, стр. 132).

Первое неперемнное условие диалектической логики, которое выдвигает Ленин, — это всесторонний охват предмета или явления: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления» (2, т. 42, стр. 290).

Ленин разрабатывает методологический принцип всесторонности анализа, раскрывает его значение на конкретном и содержательном материале, решительно выступает против всех форм субъективизма, софистики и эклектики.

Конкретно-исторический подход к анализу явлений действительности позволил Ленину на основе всестороннего рассмотрения обстановки раскрыть новые закономер-

ности, возникающие после победы революции, новые связи, конкретизировать и наполнить новым содержанием старые известные понятия. В частности, это можно увидеть на примере ленинского анализа вопроса о соотношении революции и реформы: «Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, причем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата. Для всего капиталистического мира это отношение является фундаментом революционной тактики пролетариата... После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма» (2, т. 44, стр. 228). Ленин раскрыл это новое, состоявшее в том, что пролетарская революция означала продвижение вперед во всех сферах жизни с такой быстротой, что все временные отступления (Брестский мир, госкапитализм, нэп) оставляли все же за Советским государством и партией вполне достаточные позиции, чтобы воспользоваться «передышкой» и победоносно двинуться вперед.

Учет всех сторон, их соотношения и связей в явлениях и процессах необходим, но еще недостаточен для истинного понимания действительности, подчеркивал Ленин. Это видно и в определении реформы как «побочного продукта революции», из которого ясно, что в их соотношении революция является главной, а реформа подчиненной, второстепенной стороной при всем ее значении на отдельных этапах переходного периода. Именно такой подход — конкретный анализ всех сторон с выделением главного — отличает диалектику от эклектики, поскольку эклектическая погоня за полным перечнем всех признаков и отдельных «факторов» (без выяснения их связи, взаимодействия и определения решающей стороны) есть бессмысленная попытка «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений», это «попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что

такое наука, — приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса» (2, т. 5, стр. 142).

В условиях переходного периода было особенно важно не только не упустить какой-либо стороны, грани «многоцветной» действительности, но и определить главную из них, от чего зависел успех политики партии. Не случайно поэтому Ленин именно в этот период много внимания уделял разработке и практическому применению этого принципа диалектики, противопоставляя его эклектике и показывая неспособность последней раскрыть сущность явлений.

Ленин раскрывает противоположность диалектики и эклектики в своей знаменитой речи на дискуссии о профсоюзах в 1921 г., опубликованной затем в печати под заголовком: «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина».

Ленин показал противоположность диалектического и эклектического понимания предмета. Например, стакан — это не только стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Он имеет бесконечное количество других свойств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. При этом в зависимости от назначения предмета решающее значение приобретает та или другая его сторона или свойство. Поэтому, «если... берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только» (2, т. 42, стр. 290). Диалектическая логика идет дальше. Для действительного познания предмета, указывает Ленин, надо конкретно изучить данный предмет *во всех его сторонах и связях. Тогда станет возможным выделение главной стороны или связи, и это будет диалектическим определением.* Этого не понял Бухарин: «Вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка тов. Бухарина, подмен диалектики марксизма эклектицизмом (особенно распространенным у авторов разных «модных» и реакционных философских систем)» (2, т. 42, стр. 288).

В дискуссии о профсоюзах и в ряде последующих работ и выступлений Ленин выдвинул чрезвычайно важное положение, являющееся дальнейшим углублением и развитием принципов диалектики. Он показал, что методоло-

гической основой политики партии является умение найти *решающую сторону*, решающее «звено» многосторонней связи отношений и сторон. «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще, — отмечал Ленин в «Очередных задачах Советской власти». — Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену» (2, т. 44, стр. 225).

Применяя метод конкретного анализа, Ленин безошибочно находил такие звенья и на основе этого строил стратегию и тактику партии. Таким звеном в 1918 г. являлась необходимость для нашей страны выйти из империалистической войны и в связи с этим проблема Брестского мира, в 1919 г. — вопрос о союзе с середняком, в 1921 г. — новая экономическая политика, и в ней особенно торговля.

Ведя борьбу против правых и «левых» по острому и важному вопросу о соотношении политики и экономики, Ленин и здесь выделял главное, решающее (для того периода) — политику. Он писал: «Политика есть концентрированное выражение экономики. . . Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма» (2, т. 42, стр. 278). Все это говорит о конкретно-диалектическом подходе Ленина к определению путей и направлений деятельности партии и государства и имеет непреходящее значение для правильного понимания и развития идей и принципов диалектики как науки.

6. ЛЕНИН О ДИАЛЕКТИКЕ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЙ

Разрабатывая диалектику переходного периода и критикуя ее законы и категории, Ленин отмечает, что не только развитие объективных явлений и процессов, но и развитие самих понятий происходит путем развертывания противоречий, путем познания их противоположных сторон, тенденций, перехода старых понятий в новые, наполнения новым содержанием старых понятий. Это раскрывает важный аспект развития Лениным диалектики в данный период.

Рассмотрим в этом плане развитие им важнейшего понятия общественного класса.

В марксистской теории, отмечает Ленин, бесконечно разнообразные действия людей были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собой по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, т. е. к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества.

Полная и развернутая формулировка понятия классов дается Лениным, как известно, в статье «Великий почин». На примере анализа и определения классов видна диалектика движения этого понятия, развитие взглядов самого Ленина. Если в первом определении, данном Лениным в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», внимание обращается главным образом на общественное положение тех или иных классов, то в последующих работах выделяются другие аспекты этого понятия, в частности изменения, происходящие в классе, его дифференциация связывается с формами собственности и характером ренты. Так, в работе «Аграрная программа русской социал-демократии» расслоение крестьянства рассматривается как процесс, обусловленный наличием различных форм собственности и общественных отношений. Само слово «крестьянство» ставится Лениным в кавычки, чтобы отметить наличие в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия. «...В современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. *Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию... *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, — *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть... классом не буржуазного, а крепостного общества» (2, т. 6, стр. 312).

На объединительном съезде РСДРП Ленин, выступая по аграрному вопросу против Плеханова, пытавшегося защитить муниципализацию как один из видов землевла-

дения, отмечал, что главным признаком класса является отношение к средствам производства, которое не меняется от форм землевладения. В речи на III Всероссийском съезде профсоюзов Ленин специально говорит об изменениях в понятии «класс», зависящих от конкретно-исторической обстановки: «Класс есть понятие, которое складывается в борьбе и развитии» (2, т. 40, стр. 309—310). И наконец, в определении, сформулированном в статье «Великий почин», подчеркивается главное — противоположность, антагонизм эксплуататоров и эксплуатируемых; антагонистические классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой вследствие различия места в системе общественного производства и отношения к средствам производства, противоположности положения, которое они занимают в этой системе.

Развитие капитализма и превращение его в империализм, обострение классовой борьбы на определенных этапах переходного периода — все это явилось объективной основой дальнейшей разработки и углубления Лениным понятия класса.

После победы Октябрьской революции и установления новых общественных отношений изменилось содержание многих явлений и процессов. Это требовало изменения содержания и конкретизации определений старых понятий. Исходя из этого, Ленин показал, что, например, понятия свободы, равенства, демократии сохраняются и в эпоху диктатуры пролетариата, но их смысл и значение коренным образом изменяются, поднимаясь на более высокую ступень.

Разоблачая софистику Каутского и Вандервельде в определении существа и исторической роли буржуазной демократии, доказывавших существование «чистой демократии», Ленин видит главный порок их рассуждений в том, что они оперируют старыми понятиями в новых условиях, сложившихся после победы пролетарской революции в России, не желая видеть и понимать тех качественных изменений, которые произошли в ходе истории и, следовательно, должны были найти свое отражение в понятиях. «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем

для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных. Вот этой истины, составляющей существеннейшую составную часть марксистского учения, «марксист» Каутский не понял» (2, т. 37, стр. 252). Всецело оставаясь на метафизических позициях, Каутский в угоду буржуазии рассматривал демократию вообще как «чистую» демократию, вне ее исторического развития. В действительности же понятие демократии может иногда выражать диктатуру буржуазии, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре, и т. д. Философской основой такого подхода снова явилась подмена диалектики софистикой и эклектикой.

Теоретический анализ Лениным этих вопросов наглядно показывает его подход к разработке понятий с позиций диалектической логики: а) старые понятия наполняются новым конкретным содержанием, отражающим жизненные процессы; б) понятия рассматриваются в развитии, в координации и субординации; в) понятия в новых условиях переходят в свою противоположность; г) основой преобразования понятий является борьба противоречивых тенденций.

В процессе политической борьбы против эклектических взглядов Бухарина, софистических воззрений Каутского и Вандервельде и других Ленин развил и конкретизировал марксистское понимание соотношения диалектической логики и логики формальной. Еще в «Философских тетрадах» он подчеркивал в целом верное понимание Гегелем места и роли формальной логики в познании, ее специфики и ограниченности. Ленин отмечал одновременно, что категории формальной логики ««в познании имеют свою область, где они должны сохранять значение». Но как „безразличные формы“ они могут быть „орудиями ошибки и софистики“» (2, т. 29, стр. 85). Именно такой формально-логический подход был характерен и для Бухарина, и для Каутского в оценке ими многих важнейших процессов и явлений переходного периода (профсоюзы, демократия, государство и др.). Рассматривать какое бы то ни было явление вне его развития, в отрыве от истории — это и есть механическое, произвольное употребление категорий, понятий, а не выведение их из объективной действительности, как этого требует диалектическая логика.

Рассмотрение теоретической и политической деятельности Ленина в области разработки и применения им диалектики в послеоктябрьский период позволяет сделать следующие краткие выводы.

1. Ленинская разработка диалектики переходного периода — это целостная система законов, принципов, категорий, определенных методологических положений, дающих истинное познание явлений и процессов новой эпохи. Разработав основные положения диалектики переходного периода, *Ленин открыл новую страницу в теории материалистической диалектики.*

Ленин развил следующие методологические принципы марксистской философии, конкретизировал их содержание и значение на основе анализа закономерностей переходного периода:

а) *Объективность подхода* к вещи, процессу, явлению. Без выполнения этого требования невозможно познание сущности явлений, а следовательно, нельзя разработать правильную, научно обоснованную политику и тактику партии. Вот почему Ленин настойчиво проводил эту идею в жизнь на всем протяжении переходного периода, подчеркивая обязательность момента объективности в анализе всей сложности, противоречивости и новизны процессов начавшейся исторической эпохи.

б) *Принцип развития.* Этот принцип, по Ленину, является отражением объективно-диалектического закона самодвижения и саморазвития явлений и процессов в результате борьбы внутренних противоположностей, определяющей изменение содержания и формы, количества и качества, целого и частей. Этот принцип представляет собой конкретизацию принципа объективности, предполагающего рассмотрение собственного движения явлений окружающего мира.

в) *Принцип историзма.* Без применения этого принципа, без знания, чем была вещь (явление) раньше, какие изменения претерпела, какова тенденция ее развития, без конкретно-исторического подхода к ней всякая попытка разобратся в том или ином вопросе переходного периода обречена на неудачу. Этот принцип рассматривается Лениным в органической связи с более общим принципом диалектического развития.

г) *Принцип классового анализа.* Для того чтобы не скользить по поверхности явлений, а проникать в их суть, необходим анализ классовых источников, классовой структуры, соотношения и борьбы классов, без чего не может быть сколько-нибудь прочных, истинных знаний той или иной эпохи. Ленин разрабатывал и обогащал этот принцип, используя его при решении любого вопроса переходного периода. Брестский мир, нэп, задачи индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства, национальный вопрос — все это рассматривалось с позиций классового анализа, выяснялись интересы того или другого класса, где и в чем они сталкивались или совпадали, каково объективное положение класса в обществе и т. д.

Принцип классового анализа у Ленина имеет глубоко диалектический смысл — он органически связан с законом единства и борьбы противоположностей, проблемой противоречий, с понятием «ядро» диалектики.

2. Основная идея Ленина, которой он руководствовался в разработке проблем диалектики переходного периода, — это идея саморазвития *как развития многообразия и разрешения противоречий.*

Ленин развил и конкретизировал марксистские положения по этому вопросу, и в частности мысль Энгельса, высказанную им в одном из писем Даниэльсону, о том, что всякий переходный период полон противоречий, которые развиваются вместе с развитием общества. Ленинская идея многообразия противоречий нашла свое отражение и реализацию в обосновании двух типов социальных противоречий, в определении специфических противоречий переходного периода, главных и основного противоречий, в выдвижении и анализе нового положения о соединении противоположностей.

3. Ленину принадлежит заслуга в раскрытии сущности *новых закономерностей развития в переходном периоде*, таких, как новое отношение к труду (коммунистические субботники), к общественной собственности, отношения дружественных классов (рабочий класс и трудовое крестьянство), характеризующих в философском, методологическом аспекте *взаимодействие* социального единства и противоречий.

4. Ленин развил марксистское положение о переходе от старого качества к новому, открыв присущие переход-

ному периоду закономерности, такие, как многообразие различных форм перехода в процессе движения общества к социализму, использование старых форм новым содержанием, постепенность как особая форма скачка в сложном процессе перехода от капитализма к социализму, и ряд других.

Все это говорит, хотя отнюдь не исчерпываяще, об огромном вкладе Ленина в разработку диалектики переходного периода, означающего новую ступень в развитии диалектического метода.

Глава пятая

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ДИАЛЕКТИКИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ В СССР

В предыдущей главе рассматривался вклад Ленина в теорию диалектики на основе обобщения им опыта первых лет создания нового общественного строя. Историческая эпоха перехода от капитализма к социализму ознаменовалась рождением новых диалектических закономерностей, глубоко раскрытых гением Ленина.

Ленин явился создателем теории диалектики социализма, и все, что дальше делалось и делается в этой области, уходит своими корнями в почву, подготовленную Лениным, является развитием, продолжением, конкретизацией ленинской теории диалектики социализма.

В 1925 г. был опубликован ленинский фрагмент «К вопросу о диалектике». В 1928—1929 гг. в IX и XI Ленинских сборниках были обнародованы «Философские тетради» Ленина. Эти публикации вслед за появлением в свет «Диалектики природы» Энгельса в 1925 г. дали новый стимул творческой разработке марксистской философии, ленинского этапа ее развития, и в первую очередь теории материалистической диалектики.

В разработке теории диалектики социализма в рассматриваемый период важнейшее значение имела теоретическая и практическая деятельность Коммунистической партии, возглавлявшей и направлявшей строительство социализма в СССР. В документах КПСС, опиравшихся на идеи Ленина, глубоко отражена диалектика становления социализма. Теория диалектики социализма разрабатывалась в трудах советских философов, социологов, экономистов того времени.

1. ЗАЩИТА ДИАЛЕКТИКИ, БОРЬБА ПРОТИВ ЕЕ ПОДМЕНЫ АНТИНАУЧНЫМИ МЕТОДАМИ

В первые годы Советской власти Коммунистической партии, ее кадрам пришлось вести борьбу против ряда представителей реакционных философских теорий (нео-

кантианства, интуитивизма, персонализма), которые продолжали свою деятельность в высших учебных заведениях, в различных антинаучных философских обществах вроде «Академии духовной культуры» в Москве, продолжали издавать антимарксистские журналы.

Ленин отмечал недопустимость того, что подобным людям дают возможность развращать молодежь. В работах ряда марксистов была дана критика идеалистически-метафизических воззрений. Так, В. Невский опубликовал статью «Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией», в которой резко критиковался ряд работ за протаскивание буржуазных, сменовеховских, идеалистических взглядов (см. 259, стр. 117—131).

Одной из начальных глав истории диалектики в переходный период от капитализма к социализму в СССР следует считать защиту диалектики от различных наскоков на нее. Это был один из важнейших участков идеологического фронта того времени.

Походы против материалистической диалектики велись с разных сторон, различными средствами и под разными предложениями. Однако любые попытки такого рода были отражением буржуазного идейного давления на рабочий класс и на Коммунистическую партию, часто прикрытого псевдонаучной и псевдореволюционной фразеологией.

Одна из таких попыток имела откровенно ликвидаторский характер. Она была предпринята С. Мининым и Э. Енчменом. Сейчас их выступления воспринимаются совершенно иначе, но в ту пору, когда марксистская философия в качестве господствующего мировоззрения делала свои первые шаги и в головах многих людей, тянувшихся к ней, бывало нередко много путаницы, с подобными акциями приходилось вести настойчивую и упорную борьбу.

Журнал «Под знаменем марксизма» в 1922 г. опубликовал статьи С. Минина «Философию за борт» и «Коммунизм и философия». В них утверждалось, что религия — орудие помещиков, философия — орудие буржуазии, а наука — орудие пролетариата. «Философия — это духовный отпечаток буржуазии, квинтэссенция ее классового «духа». Философия — это скорбь и чаяния души класса буржуазии, собственников капитала, сторонников парламентской монархии или монархической республики» (237,

стр. 123). Автор называл себя материалистом-диалектиком, заявляя при этом, что диалектический материализм, диалектика — это наука, но не философия.

Другой вульгаризатор и «ниспровергатель» философии, Э. Енчмен, шел еще дальше. В своей книге «Теория новой биологии и марксизм» он заявлял, что мировоззрение — это эксплуататорская выдумка, что с наступлением эпохи диктатуры пролетариата «мы против мировоззрения», что «эксплуататорский» диалектический материализм одурачивает-де невинные головы передовых революционных рабочих, что некое философское мировоззрение, именуемое диалектическим материализмом, будет повержено в прах и т. д. и т. п.

В рецензиях на эти писания, опубликованных в журнале «Под знаменем марксизма», были раскрыты их грубейшие вульгаризаторские ошибки и фальсификации, показано, что они в корне враждебны марксизму, его философии, теории научного коммунизма.

Идейный разгром попыток опошления философии марксизма и ее «ниспровержения» был неразрывно связан с борьбой и против богдановско-бухаринской ревизии марксистской философии вообще, материалистической диалектики в частности.

В 1918 г. выходит сборник статей А. Богданова «Вопросы социализма». В нем он отрицает способность пролетариата совершить социалистическую революцию, извращает труды Ленина, оценивает парламентскую буржуазную республику выше Республики Советов (см. 49, стр. 69, 100—101).

В своей книге «Философия живого опыта» Богданов свысока третировал диалектику Гегеля и Маркса, противопоставляя ей свою трактовку диалектики, не имеющую ничего общего с наукой. «Основное понятие диалектики у Маркса, как и у Гегеля, — писал Богданов, — не достигло полной ясности и законченности, а благодаря этому самое применение диалектического метода делается неточным и расплывчатым» (51, стр. 189).

В противовес Марксу Богданов выдвигал свое определение диалектики, трактуя ее как *«организационный процесс, идущий путем борьбы противоположных тенденций»*: «От равновесия через нарушающую его борьбу двух сил к новому равновесию» (51, стр. 189, 197). Вульгаризаторская теория равновесия выдвигалась в проти-

ровес основному закону материалистической диалектики — закону единства и борьбы противоположностей.

Вслед за вульгаризаторами вроде Минина и Енчмена линию на дискредитацию философии марксизма, ее категорий вел Богданов. Так, в одном из своих выступлений в Коммунистической академии он следующим образом «расправлялся» с философскими категориями: «Надо заметить, это вообще судьба философских терминов, что они из философских, все-таки в некотором роде научных, превращаются потом в обывательские. Эта судьба постигла и термин «качество». Это безусловно обывательский термин, который никакой научной ценности, никакого научного значения не имеет» (50, стр. 253).

Такие утверждения выдвигались в то самое время, когда в стране совершался коренной переход в новое качественное состояние, переход к социализму, когда категория «качество», как и другие философские и социологические категории, наполнялась новым содержанием, исследование которого представляло первостепенный практически-революционный и научный интерес.

В предисловии ко второму изданию своей работы «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин указывал, что Богдановым под видом «пролетарской культуры» проводятся буржуазные и реакционные воззрения (см. 2, т. 18, стр. 12). К этому изданию в виде приложения была дана статья В. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции», в которой критикуются работы А. Богданова «Тектология» и «Философия живого опыта».

Теория равновесия, как и все основанные на ней взгляды, была разновидностью метафизики. Она отрицала самодвижение материи, усматривая источник движения в воздействии внешней силы и для общества считала такой силой природу. Многие советские философы уже с первых лет Советской власти подвергали эту теорию справедливой критике. После появления в свет книги Н. Бухарина «Теория исторического материализма», методологической основой которой является теория равновесия, она была подвергнута критике в рецензии В. Сарабьянова и С. Гоникина. Как ответ на эту рецензию появилась статья Ал. Кона, написанная в духе бухаринской концепции, безоговорочно защищающая теорию равновесия, усматривающая главные причины развития общества в отноше-

нии общества с природой и т. д. Автор этой статьи сомневается, можно ли обойтись без чертовщины, считая развитие имманентным явлению. Он задает «ядовитый» вопрос: «Не потрудитесь ли вы разъяснить нам, кто это вложил в каждое явление такую полезную способность к развитию?» (183, стр. 121).

Конечно, сама постановка такого вопроса обнаруживает исходные метафизические позиции автора, не видящего, что самодвижение материи есть выражение ее внутренней противоречивости и в силу этого представляет собой ее важнейший атрибут.

Острая нехватка марксистских философских кадров, деятельность буржуазных философов затрудняли развитие материалистической диалектики особенно в начале переходного периода.

С введением нэпа философская реакция активизировалась, рассчитывая на укрепление своих позиций, но Коммунистическая партия принимала меры к тому, чтобы советская философия могла успешно развиваться. В 1921 г. было основано философское отделение Института красной профессуры, в 1922 г. стал выходить журнал «Под знаменем марксизма», во втором номере которого была опубликована статья Ленина «О значении воинствующего материализма». В этом труде Ленина содержалась целая программа работы философов-марксистов на многие годы.

В молодой Советской республике возникали возможности не только для защиты, пропаганды, но также и для развития диалектического материализма теоретическими кадрами партии.

Вскоре после опубликования статьи Ленина «О значении воинствующего материализма», где говорилось о необходимости материалистической переработки гегелевской диалектики, было создано Общество воинствующих материалистов-диалектиков. Оно поставило перед собой задачи разработки основ диалектического метода в области естественных наук, борьбу с извращением и упрощением диалектического материализма (см. 361, стр. 406—407). Были созданы отделения общества в различных городах и его республиканские филиалы, а также группы содействия обществу. Собрания Общества воинствующих материалистов-диалектиков, как правило, представляли собой оживленные дискуссии по наиболее актуальным

в то время проблемам диалектики. Работы наиболее активных членов общества регулярно публиковались в журналах, газетах, выходили отдельными изданиями.

В книгах и статьях советских философов была дана обстоятельная критика богдановской и бухаринской ревизии марксистской философии, ее диалектики (см. 160, 338, 95, 62, 133). Философские взгляды Богданова и Бухарина — при всем их различии — были одним из источников механицизма, для которого характерно сведение более сложных форм движения материи к простым, отрицание объективности качества, скачка, случайности, сведение философии к последним выводам естествознания, т. е. отрицание своеобразия философского знания, и ряд других ошибочных моментов. Все это по существу означало отрицание диалектики как науки.

Сторонники механистической концепции критиковали Ф. Энгельса за то, что он отрицательно относился к стремлению найти единую материю, как таковую, свести качественные различия к чисто количественным различиям тождественных мельчайших частиц. Они утверждали, что материя, как таковая, чувственно существует для человека как отрицательные электроны и положительные ядра (см. 336, стр. 39—40) *.

Отрицая качественные различия форм материи, сводя их к количественным различиям, механисты приходили к выводу, что «термин «качество» устарел» (314, стр. 187). Такая трактовка закрывала путь к правильному пониманию категорий количества и качества, конкретных количественных и качественных состояний, их соотношений, переходов и т. п.

Правильное понимание диалектики вообще, диалектики общественного развития в частности предполагало строгий учет того, что в ней является главным, определяющим. Ленин решил этот вопрос, указав на закон диалектического противоречия как на ядро диалектики. Механицизм был несовместим с этой позицией. Механисты видели основную характеристику диалектики «в признании непрерывности единого универсального движения, в раскрытии непрерывности его превращений из одной

* Представитель механистического направления В. Сарабьянов писал: «В основном материализм отличается от других учений признанием, что все действия живого организма есть действия машины, механизма» (313, стр. 14).

формы в другую» (336, стр. 106). С этой точки зрения «категория перехода, перерастание — это сердце диалектики» (66, стр. 123). Но само по себе признание перехода, перерастания еще не свидетельствует о диалектической позиции и вполне совместимо с метафизической концепцией развития. Только признание внутренней противоречивости процесса как источника развития ведет к правильному пониманию перехода, перерастания.

Сторонники механистической концепции весьма превратно толковали суть закона единства и борьбы противоположностей. Так, Л. Аксельрод писала: «Диалектика проявляет себя различно — в одном и том же процессе на различных стадиях развития. Исходный пункт — единство, следующий — единство противоположностей, третья фаза — борьба противоречий, разрушающая единство, причем появляется новая форма, представляющая собою результат победы одной из борющихся противоположностей над другой» (23, стр. 215). Нетрудно видеть, что при таком подходе противоречия и борьба противоположностей характеризуют только отдельные фазы процесса развития и лишаются значения импульса развития в целом.

Механисты придавали универсальное значение некоторым законам природы, распространяя их и на общественную жизнь (см. 336, стр. 158), считали, например, что закон сохранения энергии подчиняет себе и всю область общественной жизни, выступая здесь в виде специфических законов стоимости, цены, прибыли и т. д. (см. 336, стр. 115).

Такая позиция не оставляла места для философии как самостоятельной науки. Механицизм сводил диалектику к выводам самого естествознания и полагал, что фактов эмпирического естествознания достаточно, чтобы понять общую связь процессов природы. В соответствии с таким пониманием соотношения философии и естествознания отвергалось наличие самостоятельной области философствования, существование специфически философских методов исследования (см. 336, стр. 94—95). Механицизм был по существу направлен на ликвидацию диалектики как науки.

Дискуссия о механистических направлениях в философии началась в 1924 г. и была завершена к началу 30-х годов. В решениях 2-й Всесоюзной конференции марксист-

стско-ленинских учреждений 1929 г. механицизм был охарактеризован как ревизионистское направление, которое отходит от марксистской философии к позитивизму и вульгарному эволюционизму. В течение 1929—1933 гг. большинство сторонников механицизма в философии открыто порвало с ним. Многие из них были, бесспорно, людьми, преданными Коммунистической партии, социализму. Это, однако, не исключало того, что некоторые положения, высказанные сторонниками механицизма, были использованы как правыми уклонистами, так и троцкистами в их борьбе против линии партии, строительства социализма в СССР.

Борьба против любых попыток «ликвидировать» материалистическую диалектику, подорвать ее значение для науки и практической деятельности была в то время необходимым условием дальнейшего развития диалектики как науки.

2. БОРЬБА ЗА ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

В середине 20-х годов развернулась философская дискуссия, в ходе которой была убедительно вскрыта несостоятельность механицизма. В борьбе с механицизмом заметную роль сыграла группа советских философов во главе с А. Дебориным.

А. Деборин критиковал механистическую трактовку материи, ее сведение к конечным неделимым частицам, отрицание качественных различий между формами движения материи и самой категории качества, показывая, что это отрицание неизбежно ведет к реформизму.

В противовес абсолютизации непрерывности сторонниками механицизма А. Деборин подчеркивал, что марксистская диалектика «синтезирует» принцип непрерывности с принципом «перерыва непрерывности», «эволюцию с революцией» (108, стр. 93). Он выделял особое значение закона единства и борьбы противоположностей для марксистской философии и естествознания: «Современное естествознание нуждается во всеобъемлющем едином принципе, который лег бы в основание всего здания науки. И этим принципом является принцип единства противоположностей» (108, стр. 228).

Деборин и его последователи сыграли также большую роль в том, что советские философы обратились к диалектике Гегеля и ее материалистической переработке, следуя в этом отношении установкам Ленина, данным в его работе «О значении воинствующего материализма» и в опубликованных позднее «Философских тетрадах». Деборин был прав, говоря, что в центре спора с механистами стоял вопрос о теоретической роли и ценности диалектики и что первое место в теоретической работе в ту эпоху принадлежало проблемам методологии (см. 108, стр. 290, 350).

Остается, однако, фактом, что, нанося серьезные удары по механицизму, Деборин и его последователи не сумели разглядеть в должной степени то новое, что несла с собой марксистская философия на ленинском этапе ее развития.

В своей работе «Ленин как мыслитель» Деборин провозгласил, что Ленин был главным образом философом-практиком (см. 109, стр. 6). Он не видел, что Ленина отделяет от Плеханова целая историческая эпоха, и продолжал утверждать, что Ленин в философии является учеником Плеханова и что «оба эти мыслителя в известном смысле дополняют друг друга. Плеханов, прежде всего — теоретик, Ленин же, прежде всего — практик, политик, вождь» (109, стр. 26).

Эти утверждения принижали роль Ленина — величайшего революционера-ученого, который, развивая марксизм, проложил новые пути во всех областях общественных наук. Такой подход к Ленину как философу исключал возможность выявления ленинского этапа в философии и правильного подхода к диалектике новой эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму.

Деборин в свое время выдвинул три основные задачи советской философии. Одна из них — создание теории материалистической диалектики на основе трудов Гегеля, Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. Другая — подведение под естествознание фундамента материалистической диалектики. «Третья задача нашей эпохи сводится к применению материалистической диалектики ко всем жгучим проблемам современности в области общественной жизни, которая ставит перед нами новые задачи... проблемам революции, диктатуры пролетариата, к нашему хозяйственному строительству, к

политике и тактике рабочего класса вообще» (108, стр. 293).

Сама постановка первой из этих задач означала необоснованное отрицание того, что Маркс, Энгельс и Ленин действительно создали и разработали теорию материалистической диалектики. Здесь Деборин поддерживал совершенно несостоятельный тезис, будто Маркс и Энгельс лишь осуществили синтез диалектики Гегеля и материализма Фейербаха. В выступлениях Деборина давали себя знать гегельянские тенденции в подходе к анализу проблем диалектики как науки. Вторая задача была поставлена, очевидно, верно, в соответствии с ленинским пониманием этого вопроса.

Что касается третьей из названных задач, то дело не могло свестись к применению материалистической диалектики к проблемам современной общественной жизни. Само это применение предполагало как необходимое условие дальнейшее развитие материалистической диалектики на основе философского обобщения нового исторического опыта строительства социализма. Но в работах А. Деборина и его последователей не встречается такой постановки вопроса. Они не сумели найти моста от осуществлявшейся ими разработки материалистической диалектики к актуальным проблемам практики строительства социализма. Все это обусловило во многом формалистический характер изысканий А. Деборина и его последователей.

Ошибки и недостатки во взглядах сторонников данной группы, безусловно, играли отрицательную роль в идеологической борьбе того времени, тормозили развитие марксистской философии, тесно связанной с решением практических задач строительства социализма в СССР. Это относится в первую очередь к непониманию ими ленинского этапа в развитии философии марксизма, к тенденции отрыва марксистской диалектики от потребностей социалистического строительства.

Критика ошибочных взглядов А. Деборина и его группы началась с конца 1929 г. выступлениями В. Адоратского, Е. Ярославского, П. Скрыпника, М. Митина, П. Юдина, В. Ральцевича, а также ряда других философов. Основным направлением дискуссий на данном этапе стала борьба за признание и разработку проблем ленинского этапа в философии марксизма, за тесную связь

философии вообще и диалектики в частности с практикой социалистического строительства. Вместе с тем продолжалась борьба с проявлениями механицизма.

С обоснованием ленинского этапа в развитии марксистской философии и необходимости его разработки в ходе дискуссии выступили в тот период и Ф. В. Константинов, Б. А. Чагин, П. С. Черемных, А. Ф. Окулов, М. А. Дынник и другие советские философы. Дискуссия на этом этапе длилась примерно до середины 1931 г.

Сжатое изложение существа данной дискуссии и ее результатов мы находим в резолюции Бюро ячейки ВКП(б) Института Красной профессуры от 14 октября 1930 г. (см. 133, стр. 203—223). В этом документе была дана объективная оценка достижений философской мысли в СССР за предшествующий период, основной упор был сделан на анализ допущенных ошибок и недостатков, прежде всего подвергнуто критике непонимание того, что ленинская философия представляет собой новую, высшую ступень в развитии диалектического и исторического материализма *.

В работах советских философов того времени велись поиски правильного определения антагонистического противоречия. Это было важно для практического решения многих задач коммунистического строительства, для обеспечения правильных отношений между рабочим классом и крестьянством, для борьбы с правым и «левым» оппортунизмом. Однако эти поиски далеко не всегда приводили к цели. В них часто не учитывалось, что антагонизм как всякое противоречие развивается и поэтому нельзя характеристику определенного состояния антагонизма относить к нему в целом.

В одной из статей Н. Карева говорилось: «Антагонизм является вообще таким типом противоречия, когда противоположные его стороны совершенно обособились друг от друга и внешне противостоят друг другу» (161, стр. 44). Схожее определение антагонизма было дано в учебнике по диалектическому материализму (см. 122, стр. 149).

Как видно, в таком определении не учтено скрытое состояние, когда стороны, будучи по своей природе вра-

* Дискуссия 20—30-х годов освещена в ряде работ советских философов (см. 397, 256, 156, 345, 151, 184, 269, 241, 240).

ждебными друг другу, тем не менее еще не обособились или обособились не настолько, чтобы противостоять друг другу как внешние силы. Так обстоит дело в период раннего капитализма, а также и в национально-освободительных движениях, где пролетариат и буржуазия еще не приходят в столкновение как внешние силы. Столкновение сторон антагонизма как внешних сил представляет собой лишь одно из состояний антагонизма и не может поэтому рассматриваться как его всеобщий признак.

Давало себя знать в философской литературе, под влиянием позиции Бухарина, отождествление антагонизма с противоречием*. «Единое целое, — писал А. Варьяш, — развивается в силу своих противоречивых, антагонистических моментов» (65, стр. 96). В книге В. Фингерта и М. Ширвиндта читаем: «Маркс различает четыре типа антагонистических (основанных на противоречиях) способов производства» (369, стр. 100). Отождествление антагонизма с противоречием здесь приводило к выводу, что только антагонистическим способам производства присущи противоречия.

Иной подход к трактовке антагонизма встречается у О. Трахтенберга. Он писал: «Антагонизмы отличны от простых противоречий своим доведением противоположностей до конца, доведением их до непримиримых, абсолютно взаимоисключающих друг друга крайностей» (353, стр. 38).

В этом положении учитывается момент развития антагонизма, в ходе которого противоположности становятся абсолютно исключаящими друг друга крайностями. Но и до этого состояния они остаются антагонистическими противоположностями. Здесь имеется, однако, и неточность: непримиримость сторон рассматривается как свойство антагонистического противоречия, что приводит к ошибочному выводу, будто неантагонистические противоречия примиримы.

В книге М. Розенталя «Материалистическая диалектика», написанной несколько позднее, в этот вопрос внеслась ясность. В ней выявляются коренные различия между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями и путями их разрешения. При этом подчер-

* «Борьба противоречий», т. е. антагонизм различно направленных сил, и обуславливает развитие» (60, стр. 75).

живается, что и разрешение противоречий между рабочим классом и крестьянством «ничего общего не имеет с *примирением* противоположностей. *Примирение противоречий вообще не может быть источником развития.* Наоборот, оно может означать в лучшем случае топтание на месте, как правило — движение назад» (306, стр. 65).

Отождествление антагонизма с противоречием препятствовало распознаванию подлинной природы противоречий переходного периода от капитализма к социализму. С другой стороны, некоторых философов такая позиция вела к отрицанию противоречий этого периода вообще. Характерна в этом отношении позиция Г. Тымянского (см. 357, стр. 414).

Он отвергает внутренние противоречия между производительными силами и производственными отношениями в условиях переходного периода от капитализма к социализму на том основании, что их признание ведет якобы к заключению о наличии антагонизмов между рабочим классом и крестьянством и неизбежности новой революции. Смещение антагонизма с противоречием помешало автору разглядеть и качественно новые, особые противоречия, присущие переходному периоду.

Непонимание специфики антагонистических противоречий в переходный период проявилось в коллективной работе «Материалистическая диалектика», где говорится: «Антагонистическими являются такие противоречия, раскрытые Марксом и Лениным на анализе сложных форм развития классового общества, в которых борьба неразрывно связанных противоположностей проходит в форме внешних их столкновений, направленных со стороны господствующей противоположности на сохранение подчиненной противоположности и самого типа противоречия, со стороны подчиненной — на уничтожение господствующей противоположности и вместе с ней и самого противоречия» (227, стр. 210).

Приведенное определение антагонизма характеризует отношения его сторон в условиях капитализма и докапиталистических классовых формаций. Для антагонизмов переходного периода оно не характерно. Здесь именно господствующая сторона (рабочий класс, пришедший к власти) стремится ликвидировать другую сторону (капитализм), а тем самым и данное противоречие в целом. Что касается подчиненной стороны, то она как минимум

стремится сохранить существующее положение, а как максимум — восстановить капиталистический строй, т. е. то положение, при котором она является господствующей стороной в данном антагонизме.

Как видим, адекватное определение антагонизма с учетом специфики антагонизмов переходного периода представляло немалые теоретические трудности, которые не сразу преодолевались в философских работах того времени.

В некоторых работах содержательно освещаются проблемы закона перехода количественных изменений в качественные и обратно, специфика его действия в условиях строительства социализма. В них дается критика механистической трактовки качества, сводившейся по существу к его отрицанию, а также упрощенного понимания связи количественных и качественных изменений. В уже цитированной выше книге «Материалистическая диалектика» делается акцент на взаимопроникновение количественных и качественных изменений, что было важно для понимания диалектики строительства социалистического общества, учета количественной стороны его качественных изменений и постепенности осуществления многих скачков в этих новых исторических условиях.

В книге конкретизируется ленинская идея о переходном периоде, содержащем в себе ряд скачков от этапа к этапу — переход от военного коммунизма к нэпу, переход от восстановительного периода к реконструктивному, «великий перелом» в деревне в сторону коллективизации, вступление в период социализма (см. 227, стр. 316).

Запросы практики обусловили большой интерес к категориям содержания и формы, в том числе к вопросам о соотношении нового содержания и старой формы, новой и старой форм. В книге С. Гоникмана «Исторический материализм» по этому вопросу говорилось: «Старая форма может сохранить свое существование и в новом явлении, но она играет уже второстепенную роль. *Решающие, определяющие развитие закономерности принадлежат новой форме, в которой старая сохраняется как снятый, несамостоятельный момент.* Так общество переходного периода сохраняет не только производительные силы старого общества, но и некоторые формы применения производительных сил: рыночная форма обмена, зарплата и т. д. Однако эти старые формы в обществе переходного

периода лишены старого содержания и определяются новой специфической для общества переходного периода формой применения производительных сил общества» (95, стр. 71).

Автор связывает диалектику содержания и формы с законом отрицания отрицания, что представляет определенный интерес, однако допускает при этом ошибку. Он утверждает, что «снятие означает и отрицание (формы) и сохранение (содержания)» (95, стр. 71), не учитывая, что отрицание и сохранение осуществляются как в отношении формы, так и в отношении содержания.

Одним из важнейших результатов философских дискуссий 20-х и начала 30-х годов было усиление внимания советских философов к проблемам ленинского этапа развития марксистской философии, к вопросам разработки Лениным диалектического метода, а также и к вопросам диалектики строительства социализма.

Говоря о развитии теории диалектики в переходный период от капитализма к социализму, следует остановиться на той роли, которую в этом отношении сыграли некоторые работы И. Сталина.

Как известно, в жизни и деятельности Сталина были периоды, когда он занимался общими вопросами диалектики. Так было в 1905—1907 гг., когда им была написана работа «Анархизм или социализм?». Так было в 1938 г., когда он написал «Диалектический и исторический материализм». Обе работы представляют собой популярное изложение, в котором автор стремился показать значение марксистской философии для практической деятельности пролетариата и его партии. Наряду с правильными положениями, раскрывающими те или иные стороны марксистской философии, они содержали и определенные ее упрощения и неточности.

Во время переходного периода от капитализма к социализму в СССР Сталин, как известно, специально философскими вопросами не занимался. Он обращался к тем или иным вопросам диалектики в связи с анализом строительства социализма, борьбы с различными антиленинскими уклонами.

В работе «Об основах ленинизма» (1924 г.) Сталин выдвинул правильное положение о том, что метод Ленина является конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материа-

листической диалектики. Здесь содержался подход к выводу о ленинском этапе в развитии философии марксизма, что, безусловно, имело большое значение. Однако характеристика метода ленинизма, «основы и сущности этого метода», данная в этой работе, страдает неполнотой, односторонностью.

Основа и сущность метода ленинизма усматривается здесь в ряде особых требований. Они сводятся к проверке теоретических догм II Интернационала в революционной борьбе масс, в живой практике, т. е. к восстановлению нарушенного у социал-реформистов единства между теорией и практикой, к проверке политики партий II Интернационала по их действиям. Эти требования, далее, включали перестройку всей партийной работы на новый, революционный лад, в духе воспитания и подготовки масс к решительной борьбе, к самокритике пролетарских партий, ибо только так можно подготовить массы к пролетарской революции и воспитать действительные кадры, действительных лидеров партии (см. 19, т. 6, стр. 81—87).

Упомянутые требования имели большое значение в борьбе с троцкизмом, в создании и практической деятельности марксистско-ленинских партий. При всей их значимости нельзя, однако, не видеть, что они далеко не исчерпывают ни основы, ни сущности метода ленинизма. В них идет речь исключительно о некоторых выводах из этого метода применительно к решению определенных задач революционной борьбы, деятельности коммунистических партий в определенный период. Раскрыть метод Ленина означало показать, как Ленин развил материалистическую диалектику, показать, как он пользовался методом диалектики для решения новых проблем теории и революционной борьбы. В данной работе Сталина мы не находим такой постановки вопроса. К ней советская философская мысль пришла позже, откликаясь на выдвинутые Коммунистической партией задачи строительства социализма и идеологической борьбы в этих условиях.

Следует, однако, сказать, что сам Сталин в своих последующих теоретических выступлениях не ограничивался только данными требованиями и выдвигал ряд положений, вытекающих из метода материалистической диалектики и выходящих за их рамки.

Суммируя высказывания Сталина в переходный период по вопросам диалектики, можно сказать, что почти

все они связаны так или иначе с законом единства и борьбы противоположностей. Борьба Советской России против капиталистического окружения, борьба социализма против капитализма внутри страны, критика антиленинских группировок — все это постоянно требовало анализа диалектической природы происходящих процессов, было обязательным условием практического решения задач, стоявших перед партией.

В советской философской литературе 20-х — начала 30-х годов были сделаны первые шаги в разработке проблем ленинского этапа материалистической диалектики. Это относится прежде всего к общей оценке роли Ленина в развитии метода Маркса. Так, в одной из своих ранних работ В. Асмус писал: «В конце прошлого и в начале нынешнего века Ленин заново открыл и разработал действительную, практическую, революционную сторону метода Маркса. Но Ленин не только восстановил истинный смысл тезисов Маркса о Фейербахе. Он их претворил в действительность. В 1917 году тезисы Маркса о Фейербахе воплотились в Апрельских тезисах Владимира Ильича о задачах пролетариата в русской революции. В Октябре они превратились в создание новой действительности. В этом своем значении они движут нами в наших практических задачах нынешнего дня» (33, стр. 217).

В книге В. Быстрянского «Ленин как материалист-диалектик», выпущенной в свет вскоре после смерти Ленина и представлявшей собой свод формулировок из сочинений Ленина с краткими комментариями составителя, говорилось, что «вся тактика Ленина на всех этапах истории большевистской партии глубоко диалектична... На делах и сочинениях Ленина не одно поколение людей будет учиться диалектике... Целые исследования будут написаны на тему о диалектике у Ленина в различных его работах» (61, стр. 184).

Обоснование сущности и значения ленинского этапа в марксистской философии было дано в ряде выступлений М. Митина, объединенных в книгу «Боевые вопросы материалистической диалектики». В докладе М. Митина «К итогам философской дискуссии» (1931 г.) подчеркивалось, что «разработка Лениным материалистической диалектики как философской науки представляет собой *новую эпоху* в развитии диалектического материализма» (239, стр. 52). М. Митин с полным основанием писал тогда

в работе «Наши философские разногласия», что «в развитии философской коммунистической мысли в качестве важнейшего составного элемента входит и то мастерское применение диалектики, которое проводит наша партия» (239, стр. 25).

Ф. Горохов охарактеризовал вышедшие к тому времени «Философские тетради» как философскую энциклопедию материалистической диалектики (см. 100, стр. 14).

Авторы того времени обращают внимание на то, что не существует резкой грани между собственно философскими и другими работами Ленина, что диалектика характерна для всех его трудов, всей его практической деятельности. Так, в книге И. Луппола «Ленин и философия», вышедшей тремя изданиями в 1926, 1928 и 1930 гг., отвергается мнение, что философия Ленина заключена только в специальных работах: «Материалистическая диалектика пронизывает всю его жизнь, все работы, все книги, статьи, речи» (219, стр. 79). Б. Быховский в одной из своих книг того времени подчеркивал, что «диалектике следует учиться не по одним лишь теоретическим, но и по практически-политическим работам Ленина» (62, стр. 241).

Ленинская тактика характеризуется в упомянутой работе И. Луппола как «прикладная диалектика». Этот вопрос рассматривается на примерах ленинской оценки движущих сил революции 1905 г., книги Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и др. В книге И. Луппола рассматриваются некоторые моменты диалектики диктатуры пролетариата, проблемы культуры.

Особое внимание в работах советских философов того времени уделяется проблеме диалектического противоречия в работах Ленина. И. Луппол отмечал, что именно Ленин вскрыл в противоречиях, в разделении единого и познании противоречивых частей его сущность диалектики (см. 62, стр. 150).

В работе М. Митина «Материалистическая диалектика — философия пролетариата» автор анализирует положения Ленина по вопросу о диалектике как науке, значение ленинского положения о единстве диалектики, логики, теории познания, ленинскую трактовку ядра диалектики. В связи с последним выдвигается проблема конкретного анализа противоречий и различных типов противоречий, рассматриваются противоречия между проле-

тариатом и буржуазией, между империалистическими государствами, между метрополиями и колониями, между рабочим классом и крестьянством до и после победы социалистической революции. Автор отмечал, что все это было базой для дальнейшего теоретического развития вопроса о материалистической диалектике и законе единства противоположностей (см. 239, стр. 332).

В книге, однако, недостаточно показано, в чем именно состояло дальнейшее развитие материалистической диалектики Лениным на основе обобщения новейших данных общественно-исторической практики и естественных наук.

Заметным явлением в философской литературе середины 30-х годов была книга Ф. Горохова «Ленин и исторический материализм». Она открывается главой «Ленин и материалистическая философия» и трактует взгляды Ленина по вопросам о взаимодействии политики и экономики в эпоху диктатуры пролетариата, об организационной задаче пролетарской революции, об отношении к старой культуре и специалистам.

Автор отмечает величайшее значение ленинской разработки диалектики для построения нового, социалистического общества. Он справедливо говорит, что в теории материалистической диалектики Ленин «все силы своего гениального ума направляет на разработку того, что является в ней главным и коренным и что служит всем своим существом объяснению и пониманию процессов *возникновения нового и законов его борьбы за свое существование, укрепление и победу*» (100, стр. 14).

Исходя из ленинского положения о ядре диалектики, автор на первый план выдвигает проблему диалектического противоречия. «Острейшим оружием в борьбе диалектика является именно потому, что она всем своим существом требует безусловного, открытого и смелого признания противоречий, существующих в самой действительности» (100, стр. 14).

Однако основной упор автор делает на анализ диалектики борьбы с капитализмом, не рассматривая специально вопросов теории диалектики строительства социализма.

Некоторые авторы, подчеркивая роль Ленина в развитии материалистической диалектики, не выявляли все же конкретно то новое, что внес Ленин в теорию диалектики (см. 338, 95, 282).

Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О журнале «Под знаменем марксизма»» подвело итог философским исканиям, дискуссиям 20-х и начала 30-х годов, дало критическую оценку механицизму и формалистическим ошибкам сторонников группы А. Деборина, определило пути дальнейшего развития материалистической диалектики.

Недостатки, присущие работе этого единственного тогда советского философского журнала, были характерны для многих философских изданий того времени.

В постановлении ЦК ВКП(б) отмечалось: «Несмотря на известные достижения, которые были в работе «Под знаменем марксизма», в особенности по борьбе с механицизмом, представляющим попытку своеобразной ревизии марксизма, журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма», не стал боевым органом марксизма-ленинизма. Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения. Ни одна из проблем переходного периода, теоретически разрабатываемых и практически разрешаемых партией, журналом не была поставлена» (280, стр. 1). И далее отмечалось следующее: «Журнал должен разрабатывать теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции» (280, стр. 2).

Партия направляла внимание советских философов на углубленную разработку и использование диалектики как методологии, на методологическое обоснование решения практических задач строительства социализма, на дальнейшее развитие теории диалектики в новых исторических условиях. Справиться с такой задачей можно было только на основе всестороннего изучения, учета и дальнейшего углубления ленинского этапа в развитии материалистической диалектики, что имело жизненно важное значение для всей идеологической деятельности партии, для победы социализма в СССР.

Коллективный разум Коммунистической партии напряженно работал над дальнейшим развитием ленинского этапа в марксизме вообще, в философии в частности. Эта колоссальная работа выразилась в особенности в

анализе объективной диалектики социализма в решениях партии.

Мы кратко охарактеризовали некоторые этапы борьбы вокруг вопросов материалистической диалектики в условиях переходного периода от капитализма к социализму в СССР. Эта борьба была опосредованным, сложным отражением процесса строительства социализма, ожесточенной классовой борьбы как внутри страны, первой приступившей к строительству социализма, так и за ее пределами. Труды советских философов переходного периода, популяризовавших и развивавших диалектику, при всех ошибках и недостатках, имевшихся во многих из них, заслуживают признательности как их современников, так и последующих поколений. Достоинно признания и высокого уважения то обстоятельство, что в тяжелых условиях капиталистического окружения в стране активно работала философская мысль. Это было одним из проявлений духовной мощи социалистической революции.

Если попытаться охарактеризовать основные направления исканий советской философии в области диалектики в переходный период от капитализма к социализму, то в основном они могут быть представлены следующим образом:

- разоблачение идеалистических и метафизических концепций представителей различных реакционных философско-богословских школ;

- борьба против вульгаризаторских попыток отвергнуть марксистскую философию вообще под предлогом, что философия есть «пережиток капитализма»;

- отстаивание в борьбе против механицизма объективного характера категорий диалектики и их разработка на общественно-историческом и естественнонаучном материале;

- разработка философского наследия Маркса и Энгельса, их вклада в развитие мировой диалектической мысли;

- работа над реализацией ленинского указания о материалистической переработке гегелевской диалектики;

- борьба против отрицания и недооценки ленинского этапа в развитии философии марксизма и на этой основе стремление раскрыть его содержание и значение;

— разоблачение богдановско-бухаринской и троцкистской фальсификации марксистской диалектики, попыток ее замены софистикой;

— борьба против формализации материалистической диалектики, против ее отрыва от практики социалистического строительства и разработка в связи с этим ряда важных вопросов диалектики социализма.

Рассмотрим специально основные из этих проблем, имеющие большое значение для истории диалектики, для понимания ее места в познании исторических закономерностей, ее роли в строительстве нового общества.

3. РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ДИАЛЕКТИКИ СОЦИАЛИЗМА. АНАЛИЗ НОВЫХ ВИДОВ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Важнейшим источником развития материалистической диалектики в переходный период явилось исследование объективных диалектических закономерностей строительства социалистического общества. Теория диалектики социализма представляет собой отражение этих закономерностей в научном философском знании.

Диалектические законы имеют всеобщий характер, но в новых исторических условиях происходит наполнение их новым содержанием и в связи с этим всесторонняя конкретизация их значения и смысла. Такого мнения придерживались и придерживаются многие советские философы, исследующие эти вопросы (см. 95, 357, 302, 266, 393, 180, 118).

Обогащение всеобщего происходит в форме развития общего, особенного и единичного. Выявляя общие моменты, присущие особенному в качественно различных явлениях, мы тем самым находим то, чем обогащается всеобщее. Это значит, что развитие объективной диалектики социализма можно раскрыть, лишь выявляя новые социальные категории, которые порождаются социализмом. Теория диалектики социализма обогащается этими категориями, и ее история есть вместе с тем история развития данных категорий, взятых в их общеполитическом содержании.

Представляется важным, на наш взгляд, отметить следующую особенность теории диалектики социализма,

обусловленную новым характером социализма как общественного строя. Социалистические общественные отношения складываются не стихийно, а в процессе сознательного творчества людей, реализации научного плана построения социализма, на основе активной и направляющей деятельности социалистического государства и Коммунистической партии. Этим определяется чрезвычайно важный момент: теория диалектики неизбежно в связи с этим включает необходимость предвидения определенных сторон и характера развития нового общества.

Соответственно особенностям становления социалистического общества как сознательно осуществляемого процесса, носящего вместе с тем в своей определяющей основе объективный характер, теория диалектики социализма включает следующие логические компоненты:

а) Предвидение будущей диалектики социалистического (и коммунистического) общества. Еще Маркс в «Критике Готской программы» предвидел качественные изменения общества при переходе от социализма к коммунизму, противоречия, выраженные в принципе распределения по труду, и некоторые другие моменты диалектики будущего коммунистического общества. Напомним также предвидение Лениным особенностей диалектики зрелого социализма и коммунизма. В решениях КПСС мы находим многочисленные предвидения диалектики ближайшего или более отдаленного будущего социалистического общества.

б) Анализ, выявление, отражение диалектики процессов, совершающихся на определенном отрезке становления и развития социалистического общества, что можно назвать отображением возникающей объективной диалектики социализма. Освещению этого вопроса и посвящено в основном дальнейшее изложение данной главы.

в) Отражение уже относительно сложившейся диалектики социализма, тех или иных ее элементов или звеньев. Так, можно сказать, что диалектика социального единства социалистического общества находилась в процессе становления в период перехода от капитализма к социализму и стала вполне сформировавшимся звеном диалектики развитого социалистического общества.

В условиях развитого социализма находятся в процессе своего становления те или иные элементы диалектики будущего коммунистического общества. Это отно-

сится, например, к диалектике социальной однородности, которая зарождается в условиях победившего социализма и сформируется полностью лишь в будущем, в условиях зрелого коммунистического общества.

Прежде всего мы должны отметить, что развитие теории диалектики на основе обобщения опыта строительства социализма в СССР было связано с анализом новых видов противоречий и их переплетений в условиях переходного периода; с конкретизацией категорий несоответствия — соответствия; с вопросами качественных изменений и исторической преемственности; с разработкой проблемы субъективного фактора. Теоретическая деятельность КПСС, отраженная в партийных документах, является, вслед за работами В. И. Ленина, основным источником для изучения этой области развития диалектики.

Переходный период от капитализма к социализму, как уже отмечалось в предыдущей главе, отличается многоукладной, крайне противоречивой экономикой. Слово «переход» в применении к экономике означает, говорил Ленин, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма (см. 2, т. 36, стр. 295).

Переходный период от капитализма к социализму, рассмотренный в философском плане, характеризуется становлением диалектики социализма, которая в этих условиях во всех отношениях носит на себе печать переходной эпохи.

В процессе становления диалектики социализма объективно выдвигаются на первый план и приобретают особое значение определенные ее стороны, звенья. Соответственно этому *и в теории диалектики социализма*, отражающей этот объективный процесс, разрабатываются и выясняются именно те проблемы, решение которых было необходимо в первую очередь.

Решающее значение для понимания всей диалектики каждой исторической эпохи имеет характер присущих ей противоречий. Это в полной мере присуще эпохе переходного периода.

Ленин указывал, что с введением новой экономической политики противоречий в нашей экономической политике стало больше, а не меньше.

Развитие объективной диалектики с началом переход-

ного периода от капитализма к социализму выразилось прежде всего в том, что в рамках основных типов противоречий — антагонистических и неантагонистических — возникли качественно новые виды данных противоречий.

В партийных документах и в специальной философской литературе выявляется качественно особая природа как антагонистических, так и неантагонистических противоречий переходного периода.

Из партийных документов для истории диалектики особенно важен анализ того, чем антагонизмы переходного периода существенно отличаются от антагонизмов капиталистического общества.

Антагонизмы переходного периода — это взаимообусловленность и враждебность социалистического и капиталистического экономического укладов, борьба социализма и капитализма во всех сферах общественной жизни. В истории до этого не было вообще социализма как особого экономического уклада, не было и антагонизма между социалистическим и капиталистическим укладами.

Значительный интерес для понимания развития теории диалектики имеет конкретный анализ каждой из сторон антагонистических противоречий на различных этапах переходного периода. Здесь особенно важен точный и трезвый учет состояния и временного возрастания сил капиталистического уклада и капиталистических классов, их влияния на силы социализма и связанных с этим трудностей и опасностей для дела социализма, с одной стороны, и возрастания сил социализма, не исключая известного повороты и зигзаги на этом пути, — с другой.

Анализируя первые итоги новой экономической политики, партия в своих решениях и практической деятельности учитывала не только усиление позиций социализма в результате этой политики, но и известное усиление позиций капитализма.

XII съезд партии в своей резолюции «О работе РКП в деревне» обращал на это обстоятельство особое внимание. В резолюции говорится:

«Созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения, затрудняя развитие значительной части маломощных крестьян и вызывая обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают поднимать-

ся преимущественно средние и зажиточные хозяйства... удельный вес кулачества все более и более растет» (8, ч. I, стр. 746).

В решениях XIII партийной конференции обращалось внимание на те отрицательные тенденции, которые дают себя знать в партии, в Советском государстве в результате влияния нэпманской буржуазии, буржуазной интеллигенции и т. п.

«Объективные противоречия данной стадии переходного периода, вытекающие из одновременного существования самых различных хозяйственных форм, из наличности рыночных отношений, из необходимости для государственных учреждений применять капиталистические формы и методы практической работы, из необходимости опираться в этой работе на еще чуждый пролетариату персональный состав работников и т. д., — эти объективные противоречия сказываются в целом ряде отрицательных тенденций, борьба с которыми должна быть поставлена в порядок дня» (8, ч. I, стр. 771—772).

К числу этих тенденций относились рост связи с буржуазными элементами, опасность «нэповского» перерождения части работников, наблюдавшаяся бюрократизация части партийного и советского аппаратов и т. д.

XIII съезд партии отметил начавшийся в стране хозяйственный подъем и обратил при этом особое внимание на то, что укрепление рабочего класса и его позиций в экономике, усиление диктатуры пролетариата сопровождалось известным усилением позиций буржуазии.

В решениях XIII съезда партии говорилось: «На основе этого хозяйственного подъема неизбежно восстановление соответствующих основных социальных слоев, а именно прекращение деклассирования и восстановление пролетариата в промышленности, с одной стороны, социальное укрепление буржуазных (и в первую очередь мелкобуржуазных) слоев страны — с другой» (8, ч. II, стр. 15).

Конкретный анализ состояния противоречий переходного периода, степени их развития, учет сил борющихся сторон, изменение их соотношения — все это имело жизненно важное значение для дела социализма. Это обстоятельство особенно выпукло выражено в решениях XIV съезда партии, который положил ленинскую идею о возможности победы социализма первоначально в од-

ной, отдельно взятой, стране в основу генеральной линии партии и обосновал курс на социалистическую индустриализацию страны.

Съезд констатировал *экономическое наступление* пролетариата на базе нэпа и продвижение экономики СССР в сторону социализма. В связи с этим резолюция съезда отмечает: «Одновременно развиваются, однако, и особые *противоречия* этого роста и специфические *опасности и трудности*, этим ростом определяемые» (8, ч. II, стр. 196).

Правильная оценка противоречий переходного периода предполагала обязательный учет не только внутренних, но и внешних противоречий строящегося социализма.

В резолюции XV съезда ВКП(б) по отчету ЦК подчеркивается, что сделан новый шаг в сторону социализма. Это «не означает, однако, устранения трудностей, опасностей и противоречий, связанных с особенностями нашего роста, с технико-экономической отсталостью страны и с напором враждебных пролетариату социально-классовых сил» (8, ч. II, стр. 438).

Партия не только учитывала наличное состояние противоречий, соотношение борющихся сторон, но также предвидела тенденции его последующего изменения и в соответствии с этим предвидением вела свою работу. Яркий пример подобного предвидения зафиксирован в решениях XVII партийной конференции, где говорилось, что «и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что, вместе с тем, подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию» (8, ч. III, стр. 155). Из такой ситуации для партии вытекала необходимость укрепления диктатуры пролетариата и борьбы с оппортунизмом, особенно с правым уклоном.

Как видно из приведенного положения, вопрос об обострении классовой борьбы партия решала, учитывая конкретные условия, соотношение сил не только в масштабе всей страны, но и в рамках того или иного района или участка социалистической стройки.

В соответствии с тем, как партия подходила к оценке

соотношения сил в классовой борьбе в условиях переходного периода, Сталин выявил в этот период один из элементов диалектики строительства социализма, состоящий в том, что ослабление эксплуататорских классов и элементов ведет к усилению их сопротивления. «Именно потому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чувствуют смертельную опасность и усиливают свое сопротивление... Отживающие классы сопротивляются не потому, что они стали сильнее, чем мы, а потому, что социализм растет быстрее, чем они, и они становятся слабее, чем мы» (19, т. 12, стр. 34, 38). Рост сопротивления как выражение растущей слабости — такова была диалектика поведения капиталистических элементов в переходный период накануне их полной ликвидации.

Отметив этот момент диалектики строительства социализма, Сталин, однако, в дальнейшем стал трактовать его чересчур расширительно, придя к совершенно необоснованному выводу о неизбежности усиления классовой борьбы и в условиях победившего социализма.

Неантагонистические противоречия переходного периода также качественно отличаются как от неантагонистических противоречий в условиях капитализма, так и от неантагонистических противоречий периода победившего социализма.

В трудах Ленина и в партийных документах показано, что неантагонистические противоречия переходного периода различны по своему социальному содержанию. К их числу относятся:

а) противоречия между рабочим классом и трудящимся некооперированным крестьянством;

б) противоречия между различными слоями трудящегося крестьянства, прежде всего между беднотой и середняками;

в) противоречия в рамках социалистического сектора, которые также представляли собой сложную взаимосвязь. К ним относились:

— противоречия между постоянно взаимосвязанными сторонами в рамках социалистических отношений (между демократией и централизмом и т. д.);

— противоречия между новыми и устаревающими явлениями в рамках этих отношений.

Таким образом, неантагонистические противоречия

отличались в свою очередь «переходным характером». Все они отражали становление нового социального строя. Но одни из них были связаны с существованием преодолеваемых общественных отношений, другие олицетворяли возникавшие социалистические общественные отношения.

Партия обращала особое внимание на качественно новую природу противоречий между рабочим классом и трудящимся крестьянством в условиях, когда первый стал господствующим классом, а второе продолжало развиваться на основе мелкотоварного хозяйства. Новые по природе своей противоречия диктовали и новые формы борьбы за их преодоление.

Еще в речи на I съезде земледельческих коммун Ленин подчеркивал, что воздействовать на массы мелких крестьян «можно только постепенно, осторожно, лишь удачным практическим примером, ибо крестьяне — люди слишком практичные, слишком крепко связанные со старым земельным хозяйством, чтобы пойти на какие-либо серьезные изменения только на основании советов и указаний книжки» (см. 2, т. 39, стр. 373).

Этот диалектический подход был ясно выражен в Программе РКП(б), где в соответствии с ленинским подходом к крестьянству указаны новые формы борьбы Советского государства в связи с переходом от политики нейтрализации к политике союза со средним крестьянством: опора на пролетарские и полупролетарские слои деревни, решительная борьба с кулачеством, подавление его сопротивления советской политике, отделение середняков от кулаков, привлечение середняков на сторону рабочего класса внимательным отношением к их нуждам, борьба с их отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, практические соглашения, уступки в определении способов социалистических преобразований (см. 8, ч. I, стр. 425).

На каждом новом этапе строительства социализма партия взвешивала, оценивала состояние неантагонистических противоречий между рабочим классом и трудящимся крестьянством и определяла задачи, вытекающие из этой оценки. В соответствии с конкретным анализом характера противоречий между рабочим классом и крестьянством партия разрабатывала необходимые меры их преодоления, укрепления союза между этими классами.

В документах партии можно проследить анализ динамики неантагонистических противоречий переходного периода от капитализма к социализму вообще, противоречий между рабочим классом и трудящимся крестьянством, в особенности вплоть до момента их преодоления или преобразования в неантагонистические противоречия социализма.

В выступлениях Сталина середины 20-х годов было обращено внимание на одну из особенностей диалектики строительства социализма, а именно на то, что преодоление определенных противоречий в этих условиях может и должно осуществляться не через их непереносимое обострение, а через их постепенное ослабление, сглаживание. Такой путь преодоления противоречий оказывается возможным, когда между его сторонами имеются общие коренные интересы.

Критикуя установки троцкистско-зиновьевского блока, с точки зрения которого индустриализация оказывалась возможной только путем эксплуатации крестьянства, обострения противоречий между индустриализацией и сельским хозяйством, между рабочим классом и крестьянством, Сталин подчеркивал, что социалистический метод индустриализации «ведет к единству интересов индустриализации и интересов основных масс трудящихся слоев населения... не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и преодолению» (19, т. 8, стр. 287).

Особое значение имело выявление природы противоречий между социалистическим укладом и мелкотоварным производством как весьма сложного социального явления.

Мелкотоварный уклад представлял собой нечто двойственное. Ему была присуща товарно-капиталистическая тенденция. Ленин писал о товарно-капиталистической тенденции крестьянства в противоположность социалистической тенденции пролетариата (см. 3, т. XI, стр. 368). Мелкотоварный уклад порождал капитализм.

С другой стороны, именно мелкотоварному укладу в условиях диктатуры пролетариата предстояло преобразование в социалистическую форму хозяйства.

Товарно-капиталистическая тенденция мелкотоварного уклада есть тенденция антагонизма в отношении к социалистическому укладу. И в то же время мелкотоварное

хозяйство, поскольку оно основывалось на личном труде крестьянина, находилось в неантагонистическом отношении к социализму. Коренные интересы крестьянина-труженика диктовали ему союз с рабочим классом и под его руководством переход на позиции социализма.

Ленин подчеркивал, что жизнь заставляет крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, спекулянта, торгаша и в то же самое время обстановка товарного хозяйства в громадном большинстве случаев делает крестьянина торгашом и спекулянтом (см. 2, т. 39, стр. 278).

Правильный учет двойственной природы мелкотоварного хозяйства и единоличного крестьянина имел решающее значение для установления и укрепления союза между рабочим классом и крестьянством, для предупреждения подрыва этого союза.

Ленин писал в 1923 г., что в социальном строе Советской республики не заложены с необходимостью основания для раскола между рабочими и крестьянами, но что, если возникнут существенные классовые разногласия между ними, тогда раскол будет неизбежен. В связи с этим Ленин видел главную задачу ЦК и ЦКК, как и партии в целом, в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может возникнуть раскол, и предупреждать их, «ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики» (2, т. 45, стр. 387—388).

В работах некоторых философов того времени было известное непонимание специфики и сложности нового вида противоречия, которое проявилось в отношениях между рабочим классом и крестьянством в переходный период, не учитывалась ленинская трактовка этой проблемы. Такая позиция, сводившаяся по существу к отрицанию противоречий между рабочим классом и крестьянством, вызывала критику со стороны других философов.

Так, в одной из работ А. Деборина отношения между рабочим классом и крестьянством характеризовались

следующим образом: «Различными общественными классами являются также пролетариат и крестьянство. Правда, это еще ни в малейшей мере не говорит о том, что они противоположные классы в смысле противоположности их интересов» (110, стр. 231).

Критикуя эту точку зрения, О. Трахтенберг правильно писал: «Ведь Ленин показал, что «природа» середняка двусторонняя — одно лицо его (как труженика) обращено к пролетариату, второе (как мелкого собственника-товаропроизводителя) — к капитализму... Здесь же вторая сторона начисто смазывается» (353, стр. 94).

Автор отмечает, что если бы этой противоположности не было, «то вопрос о построении социализма разрешался бы не на путях переделки крестьянского единоличного хозяйства и перевода его на рельсы обобществления, а путем примитивного самотека» (353, стр. 95).

Отрицание противоречий между рабочим классом и крестьянством имело место и у И. Луппола. В одной из работ он писал: «Отношение между пролетариатом и крестьянством есть отношение различия, а не противоположности, или тем менее, противоречия» (219, стр. 221).

В этом утверждении, которое справедливо критиковалось в свое время в литературе, содержится не одна ошибка. Оно грешит прежде всего тем, что выносит различие вообще за рамки противоречия, тогда как определенные, а именно имманентные различия представляют собой одно из состояний, одну из фаз развития противоречия.

Данная формула по замыслу автора призвана обосновать прочность союза рабочего класса и крестьянства. Автор не учел известных ленинских положений о двойственной природе крестьянина-единоличника, не учел того, что имеется противоположность интересов пролетариата и крестьянина-собственника и определенное противоречие между пролетариатом и крестьянином-тружеником, поскольку его труд еще не основывается на общественной собственности на средства производства. Союз этих классов и был рассчитан на такое сочетание противоположностей, при котором было бы в конце концов достигнуто правильное разрешение данного противоречия, т. е. переход середняка к социалистической форме производства.

Выявление и правильный учет диалектики отношений между рабочим классом и крестьянством иногда затруднялись непониманием природы крестьянства как класса в условиях переходного периода. Так, Н. Карев высказывал мнение, что крестьянство в этих условиях не является одним из основных классов общества, что в переходный период есть лишь один *основной* класс — пролетариат, который, «уничтожая и перерабатывая все остальные классы, перерабатывает и уничтожает самого себя, как пролетариат» (160, стр. 62).

Что касается остальных классов, то «отношение к ним пролетариата есть отношение классовой борьбы, формы этой борьбы меняются и различны по отношению к различным классам. В эти формы входят, наряду с насилием, и такие формы, как убеждение, пример, помощь в переходе к новому типу хозяйства» (160, стр. 63).

При такой постановке вопроса скрадывалось коренное отличие между отношением пролетариата к крестьянству и его отношением к буржуазии, поскольку крестьянство и буржуазия рассматривались как «остальные классы». Не учитывалось, что дело не только в формах борьбы, а главным образом в ее содержании и целях.

Коммунистическая партия в своей теоретической деятельности и на практике исходила из ленинского анализа диалектики противоречий переходного периода, в том числе противоречий между рабочим классом и крестьянством.

В постановлении XIII съезда партии «О работе в деревне» отмечалось, что в деревне происходит расслоение. Начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои крестьянства. Наряду с этим растет беднота.

«В хозяйственном развитии деревни намечаются две линии развития: одна линия развития — капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом — наемный труд, нищета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации — к социализму» (8, ч. II, стр. 44).

Исходя из особенностей этого противоречия, партия и намечала соответствующие ему пути его разрешения. Крупное социалистическое хозяйство выступало не как

сила, враждебная мелким и мельчайшим крестьянским хозяйствам, разоряющая и уничтожающая их, а как сила, помогающая им подняться до своего уровня. На это специально указывалось в резолюции XVI партийной конференции «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка» (8, ч. II, стр. 578).

Для переходного периода характерной была и двойственность старой интеллигенции, той ее части, которая не связала свою судьбу с разгромленными социалистической революцией классами помещиков и крупных капиталистов.

Эта часть интеллигенции в значительной мере была носителем буржуазных взглядов и нравов, враждебных социализму. Здесь было налицо антагонистическое противоречие. Вместе с тем она оказалась поставленной в условия, когда должна была перевоспитываться и зарабатывать свой хлеб, трудясь в интересах народных масс, Советского государства. Тем самым в отношениях между этой частью интеллигенции и Советским государством давало себя знать и неантагонистическое отношение. В связи с этим в решениях XIII партийной конференции говорилось: «Поворот в сторону Советской власти широких слоев интеллигенции, будучи в своей основе глубоко положительным явлением, может иметь и отрицательные последствия, ибо увеличивает опасность идеологического окружения коммунистов. Борьба за идеологическую чистоту партии против мелкобуржуазного и сменовеховского обволакивания является поэтому точно так же одной из очередных задач партии» (8, ч. I, стр. 773).

Обогащение теории диалектики социализма в работах Ленина и в документах КПСС выразилось здесь в открытии и в учете на практике того важнейшего для строительства социализма факта, что в переходный период от капитализма к социализму возникает особый вид противоречий, в котором тесно переплетены черты как неантагонистических отношений, так и антагонизма или тенденции к антагонизму.

Для судеб социализма в СССР первостепенное значение имело и решение проблемы соотношения внешних и внутренних противоречий. Партия при этом опиралась на гениальное ленинское открытие возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой,

стране или нескольких странах и невозможности одновременной победы социализма во всех странах.

Троцкистская, антиленинская, метафизическая концепция в этом вопросе заключалась в утверждении, что пролетариат, придя к власти, якобы не в состоянии обеспечить разрешение внутренних противоречий в условиях капиталистического окружения, что социалистическая революция в одной стране обречена на поражение, если она не будет поддержана международной пролетарской революцией. Наличие внешнего противоречия для отдельной страны, строящей социализм, исключает возможность преодоления ее внутренних противоречий — таково метафизическое существо этой троцкистской концепции.

В противовес ей в соответствии с ленинской позицией XIV съезд партии обосновал, что наличие внешнего противоречия между страной, строящей социализм, и капиталистическим окружением не исключает возможности разрешения ее внутренних противоречий: как антагонистических между социалистическим и капиталистическим укладами, так и неантагонистических между рабочим классом и единоличным крестьянством на путях социалистической индустриализации и кооперирования сельского хозяйства. То новое, что внес XIV съезд партии в решение этой проблемы в плане ее диалектического содержания, состояло в выяснении степени влияния внешних противоречий на разрешение внутренних противоречий. Капиталистическое окружение, безусловно, тормозило строительство социализма, но не могло при правильной политике партии воспрепятствовать полной победе социализма. В то же время наличие капиталистического окружения исключало возможность окончательной победы социализма в одной, отдельно взятой, стране. Решение этой задачи предполагало победу социалистической революции в большинстве или в ряде стран.

Полная и окончательная победа социализма в СССР, победа социалистической революции в ряде стран, возникновение мировой системы социализма — все это подтвердило правильность ленинского предвидения, правильность подхода XIV съезда партии к проблеме соотношения внешних и внутренних противоречий в строительстве социализма.

Важнейшим элементом диалектики переходного пе-

риода является взаимопереплетение названных выше противоречий. Эта диалектическая закономерность характеризует все сферы общественных отношений в период перехода от капитализма к социализму.

Так, новая экономическая политика состояла в допущении и использовании такого взаимопереплетения и взаимодействия неантагонистических и антагонистических противоречий, в ходе которых становится неизбежным устранение последних, качественное преобразование первых и их превращение в единственный вид противоречий общественной жизни. В решениях съездов партии, начиная с десятого съезда, это положение проходит красной нитью.

Борьба социализма против капитализма, имевшая целью его вытеснение и последующую ликвидацию, включала прямое использование капитализма в интересах укрепления позиций социализма. С другой стороны, капитализм стремился укрепить свои позиции, используя слабые звенья социалистического общества и захватывая функции, которые были необходимы для общества, но которые социализм не мог сразу в полном объеме взять на себя. Так, в резолюции XIII съезда РКП(б) «О кооперации» отмечалось: «Создается противоречие, — когда промышленность находится в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступает частная торговля. Вот почему задача развития кооперации есть прежде всего задача вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью» (8, ч. II, стр. 37).

Налицо картина многостороннего переплетения противоречий. С противоречием между социалистической промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством переплетается противоречие между ней и частной торговлей, а также между последней и крестьянским хозяйством.

Использование буржуазных специалистов пролетарским государством было выражением противоречия между ролью пролетариата как господствующего класса и отсутствием у него на первых порах знаний и навыков для управления производством и государством, а также собственной интеллигенции. Ленин отмечал, что подобное противоречие характеризует не только пролетариат,

но и всякий передовой класс, приходящий к власти. В свое время буржуазия в период подъема капитализма брала выходцев из феодального класса и использовала весь государственный аппарат для подготовки администраторов из своего класса. Пролетариат приходит к власти, ломая буржуазный государственный аппарат. Но он должен использовать для государственного управления людей из предшествующего господствующего класса, т. е. из буржуазии (см. 2, т. 40, стр. 253—254). Советское государство разрешило это противоречие путем использования буржуазных специалистов и создания затем своей собственной многочисленной интеллигенции.

В среде самого рабочего класса, пришедшего к власти, также возникло новое противоречие, носившее на себе черты как своеобразного антагонизма, так и неантагонистических противоречий. Это было противоречие между основной массой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру и строящего новое общество, и его отсталыми группами с буржуазными и мелкобуржуазными настроениями и взглядами, которые еще не возвысились до понимания этой всемирно-исторической задачи и под влиянием традиций капитализма действовали вразрез с ней. Ленин требовал вести войну против этих «хранителей традиций капитализма» в рабочем классе. «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму, — спрашивал Ленин, — не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше» (2, т. 37, стр. 90).

Диалектика ленинского анализа форм классовой борьбы в переходный период выражена в ряде партийных решений того времени. Это хорошо видно на примере характеристики противоречий в деятельности профсоюзов, данной в резолюции XI съезда РКП(б): «С одной стороны, их главный метод действия — убеждение, воспитание, с другой — они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача — защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова. С другой — они не могут отказаться от

нажима, как участники госвласти и строители всего народного хозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов. С другой — именно к профсоюзам всего менее применимы специфически военные методы работы. С одной стороны, они должны уметь приспособиться к массе, к ее данному уровню, с другой — они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий, и т. д., и т. д. Эти противоречия не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий. Ибо пока есть остаток капитализма и мелкого производства, неизбежны противоречия во всем общественном строе между этими остатками и ростками социализма» (8, ч. I, стр. 610).

Сопоставим с этим анализом противоречий в работе профсоюзов анализ другой группы противоречий в другой сфере — среди молодежи, содержащийся в резолюции XIII съезда партии «О работе среди молодежи»: «В городе вместе с подъемом госпромышленности, тем не менее, развивается безработица, особенно тяжело бьющая по рабочей молодежи, что при общем росте симпатий к коммунизму не может не вызвать и противоположных уклонов; общее укрепление СССР и улучшение положения интеллигенции сопровождается тягой интеллигентской молодежи к РКСМ, но одновременно усиливаются и элементы сменовеховского «притятия» Октябрьской революции: в деревне, с одной стороны, дифференциация крестьянства вызывает обеднение маломощных крестьян и опасность отхода от нас бедняцкой деревенской молодежи при общем росте ее активности, с другой — повышает активность более зажиточных слоев крестьянства и продвигает их к культурной, а следовательно, и политической гегемонии над деревней» (8, ч. II, стр. 78).

Отсюда вытекали практические задачи по линии экономически-правовой, повышения общекультурного и технического уровня, партийного просвещения.

В обеих группах противоречий выражено нечто общее: наличие их объективной основы — борьбы ростков социализма и остатков капитализма и мелкого производства. Все это — новые противоречия, неизвестные ранее в истории, порожденные социализмом, его поступатель-

ным движением, борьбой против капитализма и анархии мелкого производства, и вместе с тем все это противоречия, характерные лишь для определенного этапа становления социализма.

Переходный характер диалектических отношений новой эпохи выражался в возникновении во всех сферах жизни новых противоречий, обязанных своим появлением победе социалистической революции и установлению диктатуры пролетариата. Их выявление и анализ имели большое значение для теории диалектики социализма.

К общим противоречиям строительства социализма, эпохи переходного периода относится прежде всего то, что социализм создается в условиях, когда капитализм свергнут, но еще не ликвидирован.

Ленин отмечал: «Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого» (2, т. 37, стр. 61). Глубокое противоречие состоит в том, что в этой обстановке, когда мертвое хватает живое, и только в этой обстановке необходимо было строить новое, социалистическое общество.

Другим общим противоречием, неразрывно связанным с первым, явилось то, что социализм должны были строить люди, хотя и закаленные в борьбе в условиях капитализма, но нередко и развращенные им.

Ленин придавал особое значение учету этого противоречия. Он заявлял: «Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно. Это было бы утопией, которая на практике только отодвинула бы царство социализма на небеса» (2, т. 37, стр. 449).

Общим противоречием переходного периода, в котором суммируются оба названных выше противоречия, является борьба между новым, зарождающимся и старым, обреченным на гибель, но еще сильным и цепким.

Ленин требовательно спрашивал, достаточно ли заботливо относимся мы к росткам нового, росткам коммунизма, уже теперь имеющимся, подчеркивал, что при поддержке пролетарской государственной власти ростки

коммунизма не зачахнут, а разрастутся в полный коммунизм (см. 2, т. 39, стр. 24).

По мере укрепления сил социализма противоречия между ним и всеми проявлениями буржуазного и мелкобуржуазного отношения к жизни приобретали все большее значение и их преодоление становилось все более жизненно важным. С. Киров, выступая в начале 30-х годов в Ленинградском отделении Коммунистической академии с докладом о задачах партии на теоретическом фронте, уделил данному противоречию первостепенное внимание. Он привел в своем докладе такой пример. На одном из крупных заводов под Москвой 60 процентов рабочих не желали стать членами профсоюза. С другой стороны, было много примеров, когда люди работали сверхурочно для выполнения промфинплана, отказываясь от оплаты.

«Тут нечему удивляться, это противоречие, обусловленное характером той эпохи, которую мы с вами переживаем. С одной стороны — полнейший расчет, все более усиливающийся расчет с остатками капиталистической системы, но эти остатки еще сохраняются, и, с другой стороны, — нарастающие элементы нового коммунистического отношения к работе» (17, стр. 11).

Одним из общих противоречий периода строительства социализма, специфически проявляющимся в различных конкретно-исторических условиях, выступает противоречие между провозглашенным правовым равенством людей в различных сферах общественной жизни и сохраняющимся до поры до времени фактическим неравенством между ними. Так, унаследованные от старого строя широко распространенная неграмотность, низкий уровень культуры значительной части рабочих и крестьян препятствовали тому, чтобы они реализовали свои права в управлении государством, в руководстве обществом в условиях диктатуры пролетариата.

К общим противоречиям переходного периода относится также противоречие между новым (новыми запросами экономики, культурной жизни и т. д.) и тем, что перестало быть новым, уже сыграло свою роль и устарело в связи с изменившимися условиями. Это было противоречие между новым и старым в рамках процесса становления социалистических общественных отношений. Так, переход к нэпу означал глубокие изменения в эко-

номике, которые оказались в противоречии с рядом звеньев сложившейся до нэпа надстройки. Это противоречие отмечал в одном из своих выступлений М. Калинин, говоря о необходимости изменить советское право в связи с переходом к нэпу. Он подчеркивал, что тот закон хорош, который сумел уловить пульс общественной жизни, который не мешает отваливаться отмирающим отношениям и способствует здоровому росту возникающих (см. 16, стр. 79—80).

И. Сталин в выступлениях того времени также отмечал наличие различных противоречий, в том числе и в деятельности партии, говорил о необходимости анализа роли и значения противоречий в строительстве социализма. «Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий.

...Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело.

Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а питает, кричит, отстаивая свое право на существование...

Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития» (19, т. 10, стр. 331).

В популярной форме здесь был выражен вывод о том, что строительство социализма совершается в соответствии с законами диалектики. Давно известное положение марксизма о роли противоречий в развитии приобрело здесь характер новизны, поскольку распространилось на новую, невиданную дотоле в истории область явлений — на строительство социализма.

Для развития теории диалектики социализма очень важен анализ тех противоречий, которые не имели общего характера и были вызваны к жизни специфическими условиями строительства социализма в СССР.

Ленин предвидел неизбежность таких противоречий еще до победы Октябрьской революции. В преддверии этой победы он выдвинул дилемму: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически. Тем самым Ленин указал на противоречие, перед которым должна была очутиться наша страна на

второй же день после завоевания диктатуры пролетариата — противоречие между самым передовым политическим строем диктатуры пролетариата и экономической отсталостью страны. Это противоречие характерно для стран, начинающих переход к социализму при условиях большей или меньшей экономической отсталости. Оно не является общим для всех стран, совершающих такой переход. Оно было порождено теми характерными для России условиями, при которых она приступила к строительству социализма.

Это противоречие очень ярко охарактеризовал в своих выступлениях М. Калинин.

Выступая на второй сессии ВЦИК X созыва 5 декабря 1923 г., он отстаивал форсированные темпы окончания «Волховстроя» и критиковал тех, кто предлагал средства, отпущенные на это строительство, передать на дело народного образования. Вы хотите, обращался он к этим людям, голодному, холодному, раздетому, разутому, сидящему без света говорить об образовании. «Народное образование покойтся только на материальной базе; вне материальной базы народного образования быть не может, и поэтому, если мы стремимся к народному образованию, нужно снять последний пиджак и построить Волховстрой» (16, стр. 104).

Новый характер приобретают, на базе строящегося социализма, и противоречия в национальной сфере. Они, естественно, возникают в странах многонациональных, где национальный гнет в условиях эксплуататорского строя неизбежно приводит к отставанию развития угнетенных наций и народностей во всех сферах общественной жизни. Преодоление этого отставания социалистической революцией и диктатурой пролетариата связано с возникновением и преодолением новых противоречий в национальной сфере. В документах КПСС, особенно X и XII съездов партии, уделяется большое внимание выявлению этих противоречий и их преодолению.

Одним из первых достижений молодой Советской власти явилось провозглашение правового равенства всех наций страны. Тем самым возникло противоречие между правовым равенством и фактическим неравенством наций, национальностей, народностей, унаследованным от помещичье-буржуазного строя страны.

X съезд РКП(б) указал, что «уничтожение фактиче-

ского национального неравенства... есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства» (8, ч. I, стр. 559).

Преодоление этого противоречия между правовым равенством наций и их фактическим неравенством осуществлялось в ходе практического решения национального вопроса в СССР. Как подчеркнул Л. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью, окончательно и бесповоротно.

Переpleтение различных типов и видов противоречий в переходный период не означает, что все они равнозначны и преодоление любого из них в каждый данный момент имеет одинаковое значение. В этих чрезвычайно сложных условиях приобретала особое значение проблема главного противоречия. Ее решение в трудах Ленина и в документах КПСС также имело большое значение для развития теории диалектики. Ленин считал обязанностью подлинного пролетарского революционера видеть в сложной сети противоречий именно то, которое объективным положением дел выдвигается на первый план при данных обстоятельствах, в данный момент времени.

Теоретический анализ исключительно сложной картины противоречий переходного периода, обогативший теорию диалектики, естественно, не был самоцелью. Вся эта огромная теоретическая работа партии была направлена на то, чтобы практически преодолеть — целиком или в известной степени — все эти противоречия, преодолеть несоответствия между различными сторонами общественной жизни, характерные для переходного периода, и добиться того соответствия между ними, которое составляет качественную особенность зрелого социалистического общества.

Анализ категорий несоответствия — соответствия в их применении к практическим задачам строительства социализма составляет поэтому логически следующий существенный момент развития теории диалектики.

4. КАТЕГОРИИ НЕСООТВЕТСТВИЯ — СООТВЕТСТВИЯ В ТЕОРИИ ДИАЛЕКТИКИ СОЦИАЛИЗМА

В переходный период от капитализма к социализму преодолеваются многие из тех несоответствий, которые порождены капитализмом. В процессе строительства нового общества неизбежно возникает ряд новых несоответствий между различными сторонами общественных отношений. В ходе преодоления тех и других несоответствий складывается то соответствие в общественных отношениях, которое характерно для социализма как первой фазы коммунизма.

Социалистическая революция, как известно, включает разрушительный момент: она разрушает все то в общественных отношениях, что устарело и стало тормозом на пути дальнейшего развития общества. Однако главным содержанием социалистической революции является созидание новых общественных отношений. Эта задача решается путем преодоления определенных наличных несоответствий и достижения соответствия между взаимосвязанными сторонами общественной жизни.

Закономерно, что достигнутое соответствие в любой период остается относительным, ибо полное, абсолютное соответствие было бы равносильно прекращению дальнейшего развития. В ряде философских работ того периода (в отличие от некоторых работ последующего времени, в которых абсолютизировалось соответствие между производительными силами и производственными отношениями при социализме) правильно освещалась проблема соотношения соответствия — несоответствия. Приведем один пример: «Соответствие никогда не осуществляется полностью, оно всегда бывает лишь одной из противоречивых тенденций» (227, ч. I, стр. 270).

Несоответствие есть вид противоречия, то его состояние, когда одна сторона в силу своего отставания препятствует развитию другой или когда каждая из взаимосвязанных сторон в том или ином отношении оказывает такое же влияние на другую сторону, хотя в иных отношениях они могут и содействовать друг другу.

Вовсе не обязательно, чтобы это было новое и старое. Обе стороны могут быть новыми, но оказаться в таком состоянии, при котором одна из них в том или ином отношении не соответствует другой.

Переходный период от капитализма к социализму имел дело с множеством несоответствий того или другого рода. Например, несоответствия существовали между социалистической промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством, внутри самой промышленности, между передовым политическим строем и отсталой экономикой и культурой страны и т. д.

Отыскание путей для выработки соответствия между взаимосвязанными сторонами общественной жизни, создание такого соответствия в ходе преодоления различных противоречий составляют центральное звено диалектики строительства социализма.

Ленинская теория социалистической индустриализации, кооперативный план Ленина, его учение о культурной революции имели своим диалектическим ядром идею о выработке того соответствия в общественных отношениях, которое необходимо для победы социализма.

Осуществление социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции в течение переходного периода, взятых со стороны их диалектического содержания, и явилось практическим решением задачи обеспечения необходимого соответствия в общественных отношениях.

Проблема соответствия требовала качественного и количественного подхода и строгого учета особенностей момента. Качественный подход выражался в учете требований, предъявляемых интересами социализма на том или ином участке его строительства, количественный подход — прежде всего в установлении темпов развития в той или иной области. Единство количественного и качественного подхода при учете конкретно-исторических условий, своеобразия данного момента обеспечивало оптимальное сочетание взаимосвязанных сторон.

Поиски и нахождение оптимального сочетания взаимосвязанных звеньев хозяйства — один из особо поучительных моментов диалектики строительства социализма. Он отражен в ряде решений партии. Одним из характерных фактов такого рода могут служить решения XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». В этом документе рассматривался вопрос о соотношении между производством и потреблением. «В области соотношения между *производством и потреблением* необходимо иметь в виду,

что нельзя исходить из *одновременно* максимальной цифры того и другого (как этого требует оппозиция теперь), ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего *интереса накопления* в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходить из одностороннего *интереса потребления*. Принимая во внимание и относительную противоположность этих моментов и их взаимодействие и связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти, в общем, совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов» (8, ч. II, стр. 453).

В решениях XXIV съезда КПСС, в сформулированной съездом главной задаче девятой пятилетки содержится дальнейшее развитие идеи оптимального сочетания производства и потребления в условиях развитого социализма, формирования гармонических общественных отношений.

Одним из важнейших направлений поиска путей выработки соответствия между взаимосвязанными сторонами общественной жизни в условиях строящегося социализма является нахождение правильного соотношения между содержанием и формой общественных процессов.

Диалектика формы и содержания была конкретизирована и развита в решениях КПСС на основе обобщения опыта строительства социализма и руководства им.

Особое значение в тех условиях приобретали проблемы:

1) использования старых форм, их развития или переделки применительно к новому содержанию, 2) выдвижения новых форм и их совершенствования, 3) сочетания старой и новой форм, 4) возврата к формам, в свое время устаревшим и ставшим вновь полезными и необходимыми в связи с вновь изменившимся содержанием работы и т. д.

Чрезвычайно сложной оказалась проблема использования старых форм. Ленин еще до Октябрьской революции предсказывал необходимость использования таких старых форм, как банки, почта, старый учетно-регистрационный аппарат в интересах социализма.

«Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и ко-

торый мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых *социалистического* аппарата... Это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества.

Этот «государственный аппарат» (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем «взять» и «привести в движение» одним ударом, одним указом» (2, т. 34, стр. 307).

Вставал вопрос о необходимости сочетания старых и новых форм при наполнении тех и других новым содержанием. При такой ситуации давало себя знать не только противоречие между старой формой и новым содержанием, но также и между новой и старой формами, обслуживающими общее для них содержание. В этом отношении интересны поиски партией решения вопроса о формах управления промышленностью в первые годы Советской власти.

Национализовав капиталистические тресты, Советское государство пополнило их отдельными предприятиями данной отрасли промышленности. По этому же принципу были объединены и те предприятия, которые до революции не были организованы в тресты. Это означало использование старой формы организации промышленности и управления ею. В результате возник ряд объединений, друг от друга изолированных и связанных только через ВСНХ.

Старая форма — тресты и новая форма — ВСНХ далеко не соответствовали друг другу и оказались в известной коллизии. И дело тут было не только в недостатках старой формы, которые нельзя было молниеносно устранить. Дело было также и в неразвитости новой формы, которая была не в состоянии оказать воздействие на старую форму в целях устранения или значительной нейтрализации ее недостатков.

При тогдашних условиях развития промышленности (распыленный транспорт, крайне слабые средства связи, чрезвычайная неточность приемов и результатов хозяй-

ственного учета), при наличии огромной территории страны, крайней неопределенности и изменчивости основных факторов производства унаследованные методы централизма привели к разобщенности предприятий на местах и огромной волоките, что принесло большой ущерб народному хозяйству.

Ф. Дзержинский, выступая в конце 1923 г. на Втором съезде работников транспорта в качестве наркома путей сообщения, говорил, что сложившийся тогда всепроникающий централизм привел к тому, что управлять из центра стало невозможно (см. 15, т. 1, стр. 347—348).

Партия искала пути выработки правильного взаимоотношения между центральными и местными хозяйственными органами, пути перехода «от нынешних форм централизма, носящего на себе еще следы капиталистических трестов, к подлинному социалистическому централизму, охватывающему единым планом хозяйство во всех его отраслях и во всех частях страны» (8, ч. I, стр. 482).

Учитывая недостатки как старой, унаследованной от капитализма формы, так и связанной с ней новой, возникающей формы, решения партии указывают возможные в тех условиях пути совершенствования тех и других, делая главный упор на пути перехода от прежних форм централизма к подлинно социалистическому централизму, т. е. на создание формы управления, адекватной природе социалистического хозяйства.

Для развития теории диалектики социализма важны решения X съезда партии «По вопросам партийного строительства».

Проблема правильного сочетания содержания и форм партийной работы, выбора новых форм приобрела тогда весьма острое значение. Партия переходила от условий военного времени к мирному строительству. Начинался новый этап переходного периода от капитализма к социализму — этап новой экономической политики. Все это безотлагательно требовало практического решения вопроса как о содержании, так и формах работы в этих новых условиях, что в свою очередь предполагало правильное теоретическое, философское решение проблемы.

Это мы и находим в решениях X съезда партии. В них обращают на себя внимание в особенности следующие моменты относительно форм партийной организации и методов работы.

Во-первых, отрицание формы, пригодной для любых условий, требование гибкости в подходе к оценке роли формы в данных конкретных условиях.

Во-вторых, учет того, что с изменением объективных условий форма по выполняемой ею в отношении содержания функции может перейти в свою противоположность: из формы развития содержания — стать тормозом для него, и наоборот. Так, съезд констатировал: «Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы. . .» И далее: «Всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития революции превратиться из форм развития партийной организации в оковы этого развития; и обратно, сделавшаяся негодной организационная форма может снова стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих условий» (8, ч. I, стр. 516).

В-третьих, важность учета степени соответствия данной формы содержанию или, что то же самое, степени устаревания формы. Если форма начинает устаревать, это вовсе не значит, что она уже устарела; в ней могут скрываться определенные потенциальные возможности, развертывание и использование которых существенно для дальнейшего развития содержания.

В-четвертых, возможность извращения формы под влиянием как объективных, так и субъективных условий, что неизбежно вызовет отрицательные последствия для содержания. Иначе говоря, обратное воздействие формы на содержание не сводится к двум случаям: положительному или отрицательному, ускорения или торможения развития. Сама форма может претерпеть негативные изменения и по мере их нарастания, продолжая играть в целом прогрессивную роль, вместе с тем может в ином отношении начать оказывать отрицательное влияние. Ее действие тем самым само оказывается внутренне противоречивым.

Подобная метаморфоза произошла с формами партийной работы при переходе от гражданской войны к мирному строительству. Глубокий анализ этой метаморфозы и дан в резолюции X съезда партии по вопросам партийного строительства.

Все это показывает, что теоретическое решение проблемы преодоления несоответствия и выработки необходимого соответствия в общественных отношениях явилось существенным вкладом в теорию диалектики социализма. Изучение документов КПСС, относящихся к переходном периоде, приводит к выводу, что при решении этой задачи главное значение приобретало выявление наличных несоответствий, как доставшихся от старого строя, так и возникших в ходе строительства социализма, определение исходного пункта, с которого следует начать преодоление существующих несоответствий, и путей достижения соответствия в общественных отношениях, которое требуется для победы социализма.

Преодоление наличных и возникавших несоответствий, постепенная выработка необходимого соответствия в общественных отношениях означали коренные качественные изменения во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной и духовной. В связи с этим приобретал животрепещущее значение и вопрос о качественных изменениях, преемственности, об особенностях диалектического отрицания в процессе становления нового общества. Все это требовало конкретизации категорий качества, преемственности, диалектического отрицания применительно к условиям переходного периода.

5. ВОПРОСЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ

Проблема качественных изменений имеет исключительно важное значение и в теоретическом, и в практическом отношении.

Как известно, XIV съезд партии вошел в историю как съезд индустриализации страны, XV съезд — съезд коллективизации сельского хозяйства и подготовки наступления социализма по всему фронту, XVI съезд — съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. В этих определениях точно отражен тот факт, что такие глубокие качественные преобразования, как социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, создание фундамента социалистической экономики, оказалось возможным заранее запланировать и в соответствии с планом успешно реализовать.

Методологическую основу осуществления этих и других качественных изменений общества и связанных с ними теоретических вопросов представляли известные положения Маркса о необходимости переходного периода от капитализма к социализму и о диктатуре пролетариата как его исторической форме, Энгельса — о переходе от капитализма к социализму как скачке из царства необходимости в царство свободы, Ленина — о переходном периоде как эпохе большого скачка, включающего ряд различных скачков и этапов перехода к социализму. Все эти положения были конкретизированы Коммунистической партией применительно к конкретным задачам переходного периода в СССР.

Новое для теории диалектики здесь состояло в том, что была выявлена *новая сфера действия законов диалектики*, а именно такая сфера, в которой оказывается возможным и необходимым их сознательное использование в интересах общества. Объективные коренные качественные изменения планировались, готовились и осуществлялись как в обществе в целом, так и в отдельных областях общественной жизни в различных отношениях (экономических, социальных, политических, духовных). То были качественные изменения, которые по природе своей не только оказывались доступными для сознательного воздействия и управления со стороны партии и государства диктатуры пролетариата, но и требовали его. Научное отражение их в теории означало новое слово в развитии диалектики как науки и имело большое значение для практики строительства социализма.

С этим тесно связан вопрос о преемственности в развитии в условиях переходного периода. Характер диалектики той эпохи, когда еще решался вопрос «кто — кого?», тесное переплетение в ней антагонистических и неантагонистических противоречий — все это определило своеобразие преемственности в развитии как момента диалектического отрицания.

Проблема преемственности была выдвинута практикой строительства социализма и отразилась в теории в двояком плане.

Прежде всего это была проблема преемственности социализма в отношении капитализма. Вслед за ней и рядом с ней стала выдвигаться проблема преемственности в развитии самого социалистического общества — преем-

ственность в развитии его экономических и политических форм, культурных ценностей, поколений и т. п.

Уже в ранний период существования Советской власти в работах Ленина и в документах партии было выдвинуто положение о том, что невозможно преодолеть капитализм и построить социализм, не учась у капитализма многому в области организации производства и управления, не используя опыт буржуазных специалистов и достижения прошлой культуры.

Так, в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в 1919 г., содержался пункт, в котором говорилось: «Беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними» (8, ч. I, стр. 423).

Новое в теории диалектики социализма здесь состояло в выявлении своеобразного характера борьбы противоположностей в новых исторических условиях, в своеобразии процесса отрицания старого новым. Новое не в состоянии было одержать победу над старым, отжившим, обреченным на гибель, не используя и не перерабатывая многое из него, необходимое для дальнейшего развития общества. Прогресс в отрицании и достигнутая степень полноты последнего зависела от умения и степени использования новым необходимых для дальнейшего развития элементов старого.

Переходный характер эпохи сказывался не только в экономике и политике, но и в духовной сфере, в области идеологии. Борьба между социализмом и капитализмом шла и за умы людей, прежде всего за умы подрастающих поколений, которые включались в активную деятельность в различных сферах общественной жизни. В этих условиях правильный классовый подход требовал, чтобы каждое новое поколение проходило школу социалистического воспитания соответственно новым историческим условиям.

В резолюции XIII партийного съезда «О работе среди молодежи» отмечалось, что стоит «вопрос о том, победит ли социалистическая экономика или культурное превосходство и навыки квалифицированных функционеров капиталистического общества (интеллигенции со старыми

взглядами, торговцев, частных капиталистов и т. д.) заставит нас последовательно отступить и внутренне перерождаться...». Это зависит от того, «удастся ли пролетарскому государству в достаточной мере расширять круг кадрового коммунистического состава и обеспечить в прогрессивно возрастающей мере коммунистическую переделку подрастающих поколений» (8, ч. II, стр. 76).

Если преемственность социализма в отношении капитализма была фактором, рассчитанным на то, чтобы соответственным образом обеспечить перерыв исторической постепенности, осуществить скачок от капитализма к социализму, полное отрицание в конечном счете первого вторым, то существовала и преемственность второго рода, призванная обеспечить развитие социализма как процесс его постепенного качественного изменения на его собственной основе.

В своеобразном переплетении обоих видов преемственности ярко выразился переходный характер эпохи и присущей ей диалектики. С одной стороны, антагонизм между социализмом и капитализмом и обусловленная им необходимость скачка, включающего неизбежность уничтожения старого новым при условии критического использования и переработки всего ценного, что содержалось в старом. С другой стороны, взаимопереплетение антагонистических и неантагонистических противоречий, связанных с вступлением в активную жизнь, в производственную, политическую и духовную деятельность новых поколений людей, борьба за них между силами социализма и силами капитализма. Отсюда необходимость скачка как постепенного процесса, в ходе которого эти новые поколения проходят социалистическое воспитание, становятся борцами за социализм в новых условиях борьбы за него. В настоящее время проблема преемственности социализма в отношении капитализма полностью сохраняет свое значение в плане борьбы двух систем в постановке и решении вопроса «кто — кого?» на международной арене.

Социализм как мировая система кровно заинтересован в использовании всего ценного, что создано и создается при капитализме. Использование достижений науки и техники, определенных форм организации производства и управления в капиталистических странах, экспорт из этих стран различных средств производства и предметов

потребления на выгодных для социализма условиях и т. д. — все это реальные формы использования социалистическим обществом закономерности преемственности.

Вместе с тем исторический опыт свидетельствует, что не только социализм борется с капитализмом, используя достижения последнего в области производства, науки, управления, но и современный капитализм стремится в борьбе с социализмом опереться на его опыт, чего не было, когда социализм был еще слаб и капитализм свысока глядел на него.

Одним из свидетельств возросшей силы социализма, раскрытия его исторических преимуществ перед капитализмом является то, что ныне капитализм даже пытается использовать с определенных сторон опыт социализма, и прежде всего опыт планирования хозяйства в национальном масштабе и в отношениях между социалистическими государствами. Это находит свое выражение в стремлении программирования и планирования экономики в США, Японии, ФРГ, Франции и других капиталистических странах, а также в их политике интеграции.

В связи с таким своеобразным поворотом борьба двух противоположных систем в настоящее время включает и такой момент, как использование одной стороной достижений другой стороны. При этом важно отметить, что именно социализм является историческим наследником всего лучшего, что создано человеческим обществом ранее, в том числе капитализмом и при капитализме, и он действительно в состоянии все это использовать в интересах прогресса всего человечества.

Преемственность второго рода полностью сохраняет свое значение в современных условиях с тем отличием, что борьба за умы подрастающих поколений, их социалистическое воспитание ведется не между социализмом и капиталистическими классами и элементами внутри страны, а между социализмом и влиянием мировой капиталистической системы.

Вскрытая в трудах Ленина и решениях партии диалектическая закономерность, выраженная в наличии обоих названных видов преемственности, со времени возникновения мировой системы социализма имеет ареной своего действия отношения двух противоположных социальных систем и через эти отношения оказывает влияние на ход развития в каждой из этих систем.

6. РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА

Развитие теории диалектики социализма включает анализ качественно нового содержания и возрастания роли субъективного фактора. С этим неразрывно связана борьба и за правильное понимание объективной диалектики социализма. Поэтому закономерно, что в развитии диалектики социализма и ее теории значительное место занимает борьба партии против различных антиленинских, антипартийных групп. Взятая в общеполитическом, методологическом аспекте, она представляла собой борьбу за научный, ленинский подход к объективной диалектике социализма, за ее правильное понимание в теории и использование на практике.

Имея в виду, что во всех проявлениях диалектики становления социализма сказывалась борьба различных и противоположных социальных сил, было важно в интересах социализма правильно определить характер этих сил и в соответствии с этим обеспечивать нарастание сил социализма и вытеснение, а затем и ликвидацию сил капитализма.

Методологической основой теории и практики различных оппозиционных групп в переходный период были эклектика и софистика. Развитие теории диалектики социализма требовало поэтому разоблачения ее эклектических и софистических извращений*.

Одним из типичных проявлений эклектического подхода к противоречиям переходного периода была платформа «рабочей оппозиции» с ее требованием созыва «съезда производителей» для руководства всем народным хозяйством. Тем самым затушевывалась классовая природа отношений между рабочим классом и всеми трудящимися массами, перечеркивалась его руководящая роль в строительстве социализма. В решениях X съезда партии по этому вопросу говорилось: «Понятие «производитель» объединяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая, таким образом, в корне от основного понятия классовой борьбы и от

* В статье М. Каммари о сущности и классовых корнях эклектики было показано, что эклектизм наиболее характерен для природы мелкой буржуазии и присущ преимущественно ее идеологам (см. 159, стр. 115).

основного требования точно различать классы» (8, ч. I, стр. 530).

Помимо эклектического подхода к общественным процессам, к противоречиям социализма партии приходилось вести борьбу и против софистики. Как эклектика, так и софистика были отражением позиции и интересов мелкобуржуазной стихии, ее давления на партию и рабочий класс.

Если эклектика сказывалась в затушевывании противоречий, то софистика давала себя знать в преувеличении противоречий, в их нагнетании. Так, «методология» оппозиции 1923 г., охарактеризованная партией как мелкобуржуазный уклон, представляла собой софистическую спекуляцию на противоречиях.

Оппозиция спекулировала на противоречиях, вела линию на их искусственное обострение, что представляло опасность для партии, для диктатуры пролетариата.

Краеугольной проблемой переходного периода была проблема правильного отношения рабочего класса к крестьянству. Требовалось правильное определение характера противоречий между рабочим классом и трудящимся крестьянством как противоречий неантагонистических, а также противоречий внутри крестьянства, прежде всего между трудящимся крестьянством и кулачеством, как противоречий антагонистических. Решение этих вопросов осуществлялось партией в борьбе с оппортунизмом как справа, так и «слева».

Троцкизм, оценивая крестьянство как сплошную реакционную силу, усматривал в отношениях рабочего класса с ним одно-единственное противоречие — антагонизм. Этим по существу снимался вопрос о возможности социалистической переделки единоличного крестьянства.

Правый оппортунизм не признавал никакой дифференциации крестьянства, усматривая в нем однородную массу. Тем самым зачеркивался антагонизм между рабочим классом и кулачеством, между трудящимися деревни и деревенской буржуазией. Политика, основанная на таком понимании противоречий, как и троцкистская политика, исключала возможность социалистического переустройства деревни, предполагавшего ликвидацию кулачества, т. е. преодоление вышеназванных антагонизмов.

В философской литературе переходного периода выявлялось не только политическое родство троцкизма и

правого уклона, но также и общность их философской платформы, прежде всего метафизическая абсолютизация ими роли внешней среды (см. 274). В теории равновесия Бухарина решающее значение отводится воздействию внешней среды на систему. Согласно взглядам Троцкого, судьбы Советского Союза целиком зависели от внешнего фактора, мировой социалистической революции. Мировой капиталистический рынок будто бы подчиняет себе хозяйство СССР и поэтому социализм можно строить, но его нельзя построить, находясь в капиталистическом окружении. Находясь в мелкобуржуазной среде, пролетариат и его партия якобы неизбежно перерождаются.

В зависимости от конкретных условий и от степени готовности партии и Советского государства к решению возникающих задач особое значение приобретало то одно, то другое звено всей этой чрезвычайно сложной системы противоречий переходного периода. Партия вела борьбу против попыток оппозиционных групп представить эту картину противоречий в извращенном виде и тем самым увести партию и трудящиеся массы в сторону от тех противоречий, которые объективно требовали в первую очередь внимания в данных условиях.

Из правильного подхода партии к диалектике социализма вытекало ее отношение к трудностям строительства социализма, которые были особенно значительны в стране, начавшей это строительство с разрушенных производительных сил и в условиях капиталистического окружения.

Трудности и противоречия — понятия отнюдь не совпадающие. Но поскольку речь идет о противоречиях общественной жизни, то их нельзя теоретически раскрыть и практически преодолеть без учета неизбежных и закономерных трудностей.

Трудности концентрированно выражают соотношение сил борющихся сторон, степень напряжения борьбы между новым и старым, влияние сил внешней среды на ту и другую сторону, степень правильности понимания объективных противоречий и тенденций их развития субъективным фактором, его готовности и умения направить процесс развития и преодоления противоречия в соответствии с интересами передовых сил общества.

В объективных трудностях строительства социализма

концентрированным образом выразились особенности его диалектики. Некоторые из этих трудностей отражали специфические особенности строительства социализма в СССР. Другие же были связаны с закономерностями строительства социализма вообще и неотделимы от него.

В борьбе партии как против «левого», так и правого уклона вопрос об отношении к трудностям приобрел особое значение. Оба уклона означали капитуляцию перед трудностями строительства социализма, в которой выразилась позиция мелкобуржуазной стихии и капиталистических элементов. Коммунистическая партия противопоставила капитулянтской позиции линию мобилизации масс на преодоление трудностей.

Отношение КПСС к трудностям, которые неизбежно давали себя знать на каждом этапе социалистического строительства, было одним из выражений динамичности и гибкости ее политики, подлинно диалектического подхода к теоретическим проблемам и решению труднейших задач на практике. В исключительно напряженной и сложной обстановке требовалось трезво взвесить трудности, обусловленные объективным положением дел внутри и на международной арене (а также недостатками субъективного характера), не допустить их недооценки, что грозило демобилизацией сил партии, государства, рабочего класса, но также и их переоценки, что было чревато другой опасностью, а именно опасностью ослабления натиска на капиталистические классы и элементы, на капиталистический уклад. Здесь требовался точный учет состояния противоречий, соотношения сил борющихся сторон, который был возможен только с ленинских классовых позиций, на основе конкретно-исторического подхода.

Критерий такого диалектического подхода к оценке трудностей строительства социализма точно выражен в одном из постановлений Пленума ЦК ВКП(б) 16—24 ноября 1928 г. Этот критерий — «трезвый большевистский анализ всего положения, одинаково исключаящий как замазывание трудностей и бюрократическое приукрашивание действительности, так и паническое преувеличение опасностей, анализ, одинаково чуждый как беспринципному хвостистскому практицизму, упускающему из виду генеральную линию развития и принципиальные цели и задачи партии, так и утопической якобы «принципиаль-

ности», которая забывает о специфических задачах момента и нарушает тем самым основное правило ленинской тактики — сочетание принципиальной линии с учетом данных конкретных условий момента» (8, ч. II, стр. 540).

Можно без преувеличения сказать, что этот диалектический критерий имеет всеобщее значение для коммунистической партии любой страны, строящей социализм. В этом критерии в концентрированном виде выражено мастерское применение принципов, законов диалектики к сложнейшим проблемам создания нового общества, органическое единство диалектики и политики. Выдвижение данного критерия обогатило материалистическую диалектику выявлением внутренней связи между субъективным фактором и объективными диалектическими процессами строительства социализма.

Решение вопроса об отношении субъективного фактора к объективной диалектике социализма было одним из важных моментов развития теории диалектики социализма в документах КПСС. Правильное определение роли субъективного фактора, его отношения к объективной диалектике строительства социализма, ее сознательное использование Коммунистической партией — все это явилось важнейшим условием построения социализма в СССР.

* *
*

Таким образом, развитие теории диалектики социализма на основе опыта строительства социализма в СССР, если брать его в самых главных чертах, выразилось в ряде основных моментов, к которым относится:

во-первых, выявление и анализ новых видов противоречий, выражающих собой сущность переходного периода от капитализма к социализму, их переплетения и взаимодействия;

во-вторых, разработка проблемы соответствия (и несоответствия) между различными сторонами общественной жизни на базе строительства социализма;

в-третьих, конкретизация категории качественного изменения, преемственности, определение тех видов преемственности, с использованием которых неразрывно связан переход от капитализма к социализму;

в-четвертых, определение места субъективного фактора в диалектике строительства социализма.

Главные черты диалектики строительства социализма в СССР, раскрытые в решениях Коммунистической партии и проанализированные в ряде работ советских философов, не представляют специфики одной страны. Разумеется, в каждой стране, строящей социализм, эти черты воплощаются своеобразно, но в своем главном содержании, в своей сущности они характерны для всех стран, совершающих переход от капитализма к социализму. Поэтому анализ диалектики строительства социализма в СССР и на этой основе дальнейшее развитие теории диалектики в решениях КПСС помогает всем коммунистическим и рабочим партиям, возглавляющим строительство социализма в своих странах, успешнее осуществлять свою деятельность.

Чем дальше уходит время, когда социализм в Советской стране делал свои первые шаги, чем шире становится круг народов, идущих по пути социализма, тем яснее выступает мировое значение опыта Коммунистической партии Советского Союза по руководству строительством социализма, значение ее теоретической деятельности, разработки проблем диалектики строительства социализма и тем самым развития материалистической диалектики как науки, как теоретической дисциплины.

Глава шестая

ДИАЛЕКТИКА В СССР В ПЕРИОД ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА И ПОСТЕПЕННОГО ПЕРЕХОДА К КОММУНИЗМУ

Развитие марксистско-ленинской диалектики в СССР в период победившего социализма — это прежде всего дальнейшая творческая разработка и конкретизация идей, принципов, законов и категорий материалистической диалектики на основе обобщения нового исторического опыта социализма, коммунистического строительства, развития наук, мирового революционного процесса, закономерностей современной исторической эпохи.

Применение материалистической диалектики к новым явлениям жизни дает возможность в неразрывном единстве теоретической и практической деятельности выявлять в особенном всеобщее и в то же время исследовать новые грани самого всеобщего, конкретизировать, двигать далее диалектику как философскую науку о всеобщих законах бытия и мышления, как логику и теорию познания марксизма-ленинизма, всеобщую методологию революционного мышления и революционного действия, коммунистического преобразования мира.

1. РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ КАК ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ, ЗАКОНОВ, КАТЕГОРИЙ В УСЛОВИЯХ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА

Можно отметить некоторые особенности общего направления исследований проблем материалистической диалектики в данный период, носящих широкий и многообразный характер.

История творческого развития материалистической диалектики в СССР в период победившего социалистического общества неразрывно связана со всей практикой и теоретической деятельностью Коммунистической партии, с живым творчеством трудящихся масс нашей страны.

В данных условиях полностью и окончательно победившего социализма в СССР, сложившегося социального единства советского общества имеют особо актуальное методологическое значение для диалектики социализма прежде всего те выводы, приемы анализа, подходы Ленина к диалектике развития советского общества, которые относятся уже не к взаимоотношениям между различными укладами, о чем было сказано в предыдущих главах, а к внутренним закономерностям развития самого социалистического сектора. Ведь именно этот социалистический сектор после победы социализма стал единственной экономической основой социализма.

Коренное изменение условий развития общества, построение развитого социалистического общества и постепенный переход к коммунизму, исчезновение социальных антагонизмов, укрепление социального единства общества, сближение классов, движение по пути к полному социальному равенству, возникновение новой исторической общности — советского народа — все эти новые черты социального развития враги материалистической диалектики из лагеря антикоммунизма истолковали как отказ советских философов от диалектики (см. 495, 419, 475, 416 и др.).

В действительности философское обобщение и анализ этих новых черт ведет к дальнейшей конкретизации и творческому развитию материалистической диалектики на основе обобщения нового опыта коммунистического строительства. Предпосылкой для успешного развития диалектики как науки является аргументированная, принципиальная, бескомпромиссная критика современных антидиалектиков* с ленинских позиций.

Сама жизнь предоставила возможность практической проверки истинности материалистической диалектики как философской науки. В то же время исследование ленинского анализа диалектики развития в целом, и особенно ядра диалектики — учения о противоречиях, применительно к только что возникшим явлениям социализма и росткам коммунизма дает возможность правильно по-

* За последние годы в СССР были опубликованы работы советских философов с обстоятельной критикой концепций современных буржуазных и ревизионистских антидиалектиков (см. 129, 194, 403, 244, 203, 199).

нять характер и направление преодоления тех трудностей, которые возникали в процессе разработки диалектики как философской науки в условиях непрерывно развивающегося социалистического общества.

Итак, *первой особенностью* дальнейшей разработки материалистической диалектики является всестороннее исследование и использование ленинского анализа диалектики первых лет развития социалистического сектора в многоукладной экономике молодого социалистического государства, диалектики развития общественных и государственных организаций молодой Советской республики.

Этот ленинский анализ творчески развит применительно к новым условиям Коммунистической партией Советского Союза, что является *второй характерной особенностью* разработки диалектики социализма и перехода к коммунизму. Как это было и в предшествующие периоды, в важнейших партийных решениях получили дальнейшее развитие коренные вопросы диалектики коммунистического строительства и определены направления научных исследований во всех отраслях наук, как естественных, так и общественных. Разработка проблем материалистической диалектики неуклонно идет в направлении реализации указаний партии, ее съездов, ее Центрального Комитета.

Третьей особенностью развития материалистической диалектики явилась большая работа, проведенная советскими философами по преодолению последствий культа личности Сталина, таких, как тенденции схематизма, простого комментирования канонизированных положений его работы «О диалектическом и историческом материализме», отрыв диалектического метода от материалистической теории, отсутствие в течение многих лет исследований по категориям материалистической диалектики.

Характерным моментом развития материалистической диалектики в период победившего социализма в СССР, постепенного перехода к коммунизму является атмосфера научного поиска, творческих дискуссий, наличие различных точек зрения по отдельным проблемам в самой советской философской литературе, стремление к выработке оптимальных единых решений в ходе таких дискуссий.

Плодотворность творческих поисков, их результативность были положительно оценены в решении ЦК КПСС от 20 августа 1967 г. о дальнейших задачах развития общественных наук и повышения их роли в коммунистическом строительстве. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в специальном документе высоко оценил вклад работников общественных наук, в том числе советских философов, в коммунистическое строительство и поставил задачу дальнейшего обобщения опыта коммунистического строительства, подъема общественных наук, играющих все возрастающую роль в совершенствовании процессов научного управления социалистическим обществом.

Реализация этих важных указаний предполагает создание творческой атмосферы исследований. Поэтому вполне закономерно в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС и в решении съезда выдвинуто требование, «чтобы в каждом научном коллективе существовали подлинно творческая обстановка, атмосфера смелого поиска, плодотворных дискуссий, товарищеской ответственности» (9, стр. 87).

Об успехах и задачах дальнейшего развития марксистско-ленинской теории в целом и философии в частности говорилось на научной конференции «XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории»* и в докладах на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (см. 362, стр. 20).

В то же время во всех этих документах и в нашей специальной литературе справедливо отмечалось, что уровень разработки материалистической диалектики в плане обобщения опыта коммунистического строительства еще отстает от выдвигаемых жизнью задач. На это обстоятельство было обращено внимание президиума АН СССР при обсуждении задач и перспектив работы журнала «Вопросы философии». Там было сказано, что в основном философском журнале СССР «методологические вопросы гуманитарных наук, к сожалению, сосре-

* Материалы научной конференции Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук, Высшей партийной школы при ЦК КПСС и секции общественных наук АН СССР, посвященной проблеме «XXIV съезд и развитие марксистско-ленинской теории», публиковались в журнале «Коммунист», 1971, № 14, 15, и вышли отдельной книгой.

щаются хуже, чем методологические проблемы естествознания» (77, № 5, стр. 151). Это относится к деятельности не только журнала, но и других философских организаций. Вместе с тем советские философы всегда стремились и стремятся творчески разрабатывать вопросы диалектики на основе современной общественной жизни и новейших данных гуманитарных и естественных наук.

Разрабатывая *проблему структуры материалистической диалектики*, советские философы руководствовались прежде всего ленинской теорией отражения, ленинскими идеями о единстве логики, диалектики и теории познания, ленинским анализом элементов диалектики.

В исследовательской и учебно-педагогической литературе по философии все более утверждалось структурное различие такого вида: принципы материалистической диалектики — принцип объективности рассмотрения, принцип взаимосвязи, принцип развития; главные законы — закон единства и борьбы противоположностей, закон взаимного перехода количественных изменений в качественные и обратно, закон отрицания отрицания; система взаимосвязанных категорий — единичное, особенное и всеобщее, причинность, необходимость и случайность, возможность и действительность, содержание и форма (и тесно связанные с ними категории части и целого, элементов и структуры), сущность и явление.

Опыт развития философии и науки показал, что па­литра философских категорий обогащается и диалектика как философская наука остается открытой, а не замкнутой системой. Вопрос о научных дискуссиях относительно структуры диалектики как науки, соотношения законов, классификации категорий, разработки системы категорий материалистической диалектики будет рассмотрен в заключительной части этого раздела и в следующей главе, специально посвященной проблемам логики и методологии развития современной науки.

Начиная исследование современного развития диалектики как науки, необходимо показать прежде всего огромное значение применения марксистско-ленинских принципов материалистической диалектики к ней самой.

Это необходимо также и потому, что в советской философской литературе за последние годы выявилось два направления дальнейшей разработки теории диалектики. Одно из них, на наш взгляд, безусловно, правильное и

плодотворное, исходит из необходимости «применять марксистский диалектический метод к изложению и изучению самой диалектики» (172, стр. 19). Другое утверждает необходимость разрабатывать проблемы единственно научной философской методологии — материалистической диалектики на основе специальных методов современной науки, в частности на основе системно-структурного анализа (см. 331) *.

В тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина материалистическая диалектика охарактеризована как единственно научная «методология революционного мышления и революционного действия» (7, стр. 5).

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС говорится также и о том, что «наука серьезно обогатила теоретический арсенал планирования, разработав методы экономико-математического моделирования, системного анализа и другие. Необходимо шире использовать эти методы» (9, стр. 67).

Как видим, сама жизнь поставила вопрос о соотношении всеобщей научной методологии и широко применяемых методов современных наук, вытекающий из процесса их интеграции и дифференциации. Это отношение всеобщего и особенного.

Одним из приемов борьбы современных позитивистов против материалистической диалектики являются попытки превратить методы специальных наук в общую методологию и тем самым устранить из сферы научного исследования марксистско-ленинскую философию как всеобщую научную методологию.

Поэтому, отнюдь не отвергая плодотворности дальнейшей разработки широких методов современного научного исследования, таких, как формализация, моделирование, системно-структурный анализ (конкретизирующий принцип целостности и взаимосвязи) и другие, необходимо исходить все же не из задач *структурализации или формализации самой диалектики*, а из необходимости дальнейшей ее разработки на собственной основе в свете требований ленинской теории отражения, единства диалек-

* В аннотации к книге «Современные проблемы материалистической диалектики» указано, что «элементно-структурный подход к положениям диалектики» положен в основу работы (см. 331, стр. 365; см. также 135, 136).

тики, логики, теории познания, обобщения достижений науки и общественной практики.

Поэтому мы и рассмотрим вначале *принципы* материалистической диалектики и вытекающие из них задачи ее дальнейшей разработки в современных условиях.

2. ПРИНЦИПЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ, ВЗАИМОСВЯЗИ, РАЗВИТИЯ

Принцип *объективности* рассмотрения был, как не раз отмечалось, сформулирован Лениным как первый из шестнадцати элементов диалектики в «Философских тетрадах». Он неразрывно связан с ленинской теорией отражения и противоположен гегелевскому идеалистическому принципу тождества мышления и бытия, также выступавшему в форме объективности.

Сама ленинская формулировка первого элемента диалектики, ее первого принципа подчеркивает единство онтологического и гносеологического моментов в материалистической диалектике. Она говорит об объективном содержании нашего познания, отражающего материю, которая дана человеку в его ощущениях, копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них.

Подчеркивание объективного содержания всех законов и категорий материалистической диалектики на основе материалистического решения основного вопроса философии особенно важно для учета специфики материалистической диалектики в отличие от специальных наук. В последних результат исследования как бы отчуждается от самого процесса познания и фиксируется в конце концов в чистом виде как объективный закон природы. А философское исследование анализирует не просто объект сам по себе, но и путь познания объекта, органически сочетает онтологическое и гносеологическое рассмотрение (см. 367, стр. 82, 83). Однако эта взаимосвязь ничего общего не имеет с разоблаченной В. И. Лениным субъективно-идеалистической теорией принципиальной координации, которая извращенно толкует органическую связь субъекта и объекта в процессе познания как существование объекта будто бы лишь в сознании субъекта по принципу «*не-Я* нет без *Я*».

Этот выдвинутый еще Авенариусом тезис ныне широко используется в различных вариантах современной буржуазной философии: у неогегельянцев, прагматистов-инструменталистов (Дьюи и др.), операционалистов, представителей общей семантики, феноменологии, экзистенциализма (см. 329).

Ленинский принцип объективности рассмотрения помогает в разработке проблем материалистической диалектики избежать двух опасных крайностей: «чистого» онтологизма и «чистого» гносеологизма.

Сведение диалектики и всей марксистско-ленинской философии лишь к онтологии означало бы возврат к онтологическим системам, характерным для старой метафизики (понимаемой как учение о «чистом бытии» самом по себе). Это было бы равнозначно исключению теории познания из философского рассмотрения, отрыву диалектики от теории познания. Признание «чистого бытия» как предмета философского рассмотрения означает возврат к пониманию философии как «науки наук», стоящей над другими науками.

Реставрация на «современной основе» чисто умозрительных систем бытия «самого по себе» — типа «критической онтологии» Н. Гартмана или оказывающихся в конечном счете несостоятельными, безнадежными поисков «истинного бытия» (у М. Хайдеггера) — характерна для определенных направлений современной буржуазной философии. Попытки такого понимания диалектики и философии в целом были подвергнуты убедительной критике в работах советских исследователей. В этой связи серьезные критические замечания были высказаны по поводу предложений отдельных советских философов о разработке современной «диалектики природы» как особой философской науки. Эти предложения рассматривались оппонентами как возрождение старой натурфилософии, как разновидность чистого онтологизма.

Другой крайностью является попытка рассматривать диалектику как науку лишь о мышлении, полностью исключая онтологическую ее сторону, прерогативу будто бы только специальных наук. Это означает неправомерное сужение содержания законов материалистической диалектики, являющихся наиболее общими законами развития природы, общества и мышления.

В свете ленинского принципа объективности рассмотрения советскими философами было выяснено правильное понимание значения указаний Энгельса, о роли диалектики и формальной логики для философии (после преодоления натурфилософского подхода к самому предмету философии).

Принцип объективности рассмотрения способствует освобождению формальной логики от метафизических и идеалистических наслоений, выявляет значение диалектической логики как высшего уровня логики научного исследования, отображающего диалектическое развитие глубинных, сущностных процессов объективного мира и самого процесса познания.

Все эти вопросы стали особенно интенсивно разрабатываться советскими философами в 60-е годы. Главный позитивный итог — всестороннее обоснование в борьбе с идеалистическими, неометафизическими и агностическими концепциями объективного содержания и познавательной роли принципов, законов и категорий материалистической диалектики и специальных наук.

Выше уже была отмечена специфика философского рассмотрения объективного мира и его познания в их неразрывной взаимосвязи. Но исходным пунктом материалистической диалектики является признание первичности материального мира, его существования вне и независимо от сознания, его познаваемости.

Здесь мы видим, какое большое значение наряду с принципом объективности рассмотрения для дальнейшего творческого развития материалистической диалектики имеет исследование применительно к ней самой *принципа взаимосвязи*.

Ленинская теория отражения подчеркивает не только вторичность по происхождению, но и активность познавательного процесса, обратное воздействие сознания на материю через производственно-практическую, преобразующую мир деятельность субъекта, общественного человека. Здесь играет огромную роль принцип взаимосвязи.

Он реализуется в единстве теории и практики, воплощается в единстве диалектического и исторического материализма.

Большое значение для дальнейшего творческого развития материалистической диалектики как науки имела

критика отдельных попыток отрыва исторического материализма от диалектического, попыток рассматривать исторический материализм в качестве лишь специальной науки за пределами системы марксистско-ленинской философии в целом. В литературе отмечалось, что естественный процесс дифференциации философской науки в ходе ее развития не разрушает целостности научного коммунистического мировоззрения, органическую взаимосвязь его элементов.

Единство диалектического и исторического материализма с учетом специфики общих законов развития общества, новый опыт диалектического развития современного капитализма и особенно диалектика строительства социализма и коммунизма открыли новые перспективы, новые стороны и грани действия всеобщих законов и категорий диалектики.

Условием дальнейшего развития материалистической диалектики как философской науки является и всесторонняя взаимная связь философии и специальных естественных, технических и общественных наук.

В этом направлении за последние годы успешно разрабатывались вопросы о методах, приемах и формах научного познания, о соотношении материалистической диалектики как всеобщей научной методологии и совокупности особенных методов науки: анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии и гипотезы, формализации и моделирования, системно-структурного подхода, наблюдения и эксперимента, интуиции и других (см. 228, 242, 28, 296, 297, 326, 192, 322, 392, 391, 243, 291, 48, 162, 273).

Здесь была выявлена опасность двух крайностей: недооценки значения и роли специальных методов и уже отмеченной выше абсолютизации некоторых из них в качестве всеобщей методологии, якобы заменяющей метод материалистической диалектики.

В работах советских философов были подвергнуты критике неопозитивистские тенденции абсолютизации методов математики, кибернетики, системно-структурного анализа, в то же время было показано положительное значение этих методов в развитии современной науки на основе единства всеобщего метода материалистической диалектики и специальных методов научного исследования.

Советские философы подвергли критике наметившиеся на Западе попытки представить материалистическую диалектику как один из возможных частных методов научного исследования наряду со многими другими, т. е. отрицать значение материалистической диалектики как единственно научной всеобщей методологии познания, ее мировоззренческое, идеологическое значение.

И наконец, необходимо рассмотреть значение принципа *развития*, третьего принципа материалистической диалектики, применительно к ней самой.

Мы здесь лишь в самой общей форме назовем связанные с этим научные дискуссии и выводы, которые более подробно будут раскрыты в последующих разделах книги.

За последние годы в литературе, посвященной разработке материалистической диалектики как философской науки, обсуждались и обсуждаются вопросы о соотношении самих категорий движения и развития*. Каковы основные выявившиеся в литературе точки зрения, по которым и сейчас идет дискуссия? Одна из них рассматривает движение как категорию более широкую, чем категория развития. Движение трактуется как такое изменение, в котором нет направленности, усложнения, необратимости, тогда как развитие (с этим согласны сторонники обеих точек зрения) предполагает именно определенную направленность движения, усложнение объекта, необратимость. В частности, механическое движение рассматривается как такое, которое не является развитием, так же как факты круговой смены агрегатных состояний (вода — пар — вода). Сторонники такого подхода утверждают, что в неорганической природе нет подлинного развития, которое появляется лишь в процессе перехода от неживого к живому и присутствует далее в изменениях живой материи и общества. Отсюда делаются выводы о том, что движение является более широким по объему понятием, чем развитие, поскольку оно охватывает все те изменения, которые не являются развитием, а также и само развитие. Понятие развития как направленного движения признается применимым лишь к конечным систе-

* Отметим лишь книги, в которых эти проблемы были рассмотрены и проанализированы за 10 лет — 1958—1968 гг. (293, 93, 233, 263, 52, 131, 205, 318, 341, 231, 387, 56, 177, 128, 225, 285, 34).

мам, а не к бесконечной Вселенной. Положение Энгельса о вечном круговороте материи рассматривается как подтверждающее более широкий объем понятий «движение», «изменение», чем понятие «развитие».

Сторонники противоположной точки зрения исходят из определения материалистической диалектики Энгельсом как науки о всеобщих законах движения и развития природы, общества, мышления, считая, что Энгельс понимал категории движения и развития как совпадающие в пределе, т. е. по отношению ко всей бесконечной материальной Вселенной. С этой точки зрения положение Энгельса о вечном круговороте материи не отрицает развития Вселенной в целом, а лишь утверждает несотворимость и неразрушимость материи. Энгельс подчеркивал, что и природа переживает действительную историю, не отделяя неорганическую природу от органической, или живой (см. 1, т. 20, стр. 526, 666; т. 21, стр. 302, 305). Мысль Энгельса, естественно, относится к пониманию природы в предельно широком смысле, который совпадает с понятием Вселенной и всей материи.

Принцип несводимости качественно высших форм к низшим также показывает, по мнению этих авторов, что любое реальное движение содержит в себе момент развития или является частью процесса развития и включает в себя момент необратимости, несводимости и т. д. Только в абстрактной бесконечности, оторванной от конечных систем, теряет силу понятие направления процесса развития, а в отношении реальной Вселенной, представляющей диалектическое единство конечного и бесконечного, конкретное рассмотрение этого единства всегда должно учитывать направление развития.

Любой пример «чистого» движения, рассматриваемого не как развитие, есть не что иное, как определенная степень абстракции от реальности. В реальном процессе любое такое движение есть часть общего процесса развития. Механическое движение противоречиво как единство прерывности и непрерывности пространства и времени, потому что оно является внешней стороной внутренних процессов изменения материи, звеном в цепи развивающихся явлений материальной Вселенной. Не случайно в современной классификации форм движения материи подчеркивается, что любая форма движения связана с пространственно-временным изменением.

Неотъемлемым признаком развития является прежде всего его необратимость, а уже затем такие более конкретные признаки, как направленность в смысле прогрессивного (восходящего) или регрессивного (нисходящего) характера развития. Эти последние признаки всецело зависят от действительной истории объектов. Поэтому с этой точки зрения не следует рассматривать понятие движения как более общую категорию, чем развитие (в отношении конечных систем и всей материи). Объем понятия «движение» беднее признаками, чем объем понятия «развитие», поскольку в первом случае не принимаются во внимание признаки необратимости, направленности, поступательности и т. д. Но чем меньше признаков, тем шире объем понятия. Так говорит формальная логика. Это аргумент в пользу сторонников первой точки зрения. Однако с позиций диалектической логики понятие «развитие» более общее, широкое и, следовательно, более богатое, содержательное, конкретное, включающее в себя и то, что характеризует обычное движение-перемещение, и его необратимость, направленность, поступательность, спиралеобразность, цикличность, внутреннюю противоречивость, качественную преобразуемость и т. д.

Сейчас еще нельзя говорить о наличии единой позиции по этим вопросам в нашей специальной философской литературе, творческие поиски и уточнение позиций продолжаются.

Имеется еще один аспект применения принципа развития к самой материалистической диалектике как философской науке. За последние годы в философской литературе, посвященной проблематике материалистической диалектики, дискутировались различные точки зрения по вопросу о том, развиваются ли сами законы диалектики, или они лишь модифицируются в новых условиях, а также являются ли все законы диалектики наиболее общими законами развития природы, общества и познания, или необходимо сделать исключение для закона отрицания отрицания, обладающего якобы меньшей сферой действия. Обсуждался также вопрос о том, развивается или остается замкнутой система категорий диалектики после упорядочения ее в гегелевской философии, имеют ли место превращения категорий специальных наук в философские категории в ходе современного науч-

но-технического прогресса. Все эти вопросы будут рассмотрены ниже в соответствующей последовательности.

Принципы материалистической диалектики в их совокупности помогают глубже понять направление и итоги исследований к настоящему времени коренных проблем материалистической диалектики, и в первую очередь ее ядра — закона единства и борьбы противоположностей, вопроса о противоречиях как движущей силе развития.

3. АНАЛИЗ ЗАКОНОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ. ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

С первых лет после победы Октябрьской революции резко обнаружилась принципиальная противоположность ленинского понимания диалектики строительства социализма и коммунизма всем видам правого и левого оппортунизма. Это особенно ярко проявилось в борьбе партии против троцкизма и правого оппортунизма. Центральным в этой связи явился вопрос о противоречиях социализма.

Как уже показано в предыдущей главе, троцкистская концепция абсолютизировала лишь один вид социальных противоречий — антагонизм, рассматривала противоречия двух основных классов советского общества (рабочих и крестьян) как антагонистические, отвергала ленинскую идею союза рабочего класса и трудящегося крестьянства при руководящей роли рабочего класса, а также возможность социалистической переделки середняков. В силу этого троцкизм принципиально отвергал возможность построения социализма в СССР и тем самым возможность достижения социального единства советского общества.

С другой стороны, идеолог правого оппортунизма Бухарин игнорировал имевшиеся в переходный период в советском обществе внутренние классовые антагонизмы и выдвигал теорию мирного вращивания капитализма в социализм. Методологической основой этой правооппортунистической теории являлась, как известно, антидиалектическая «теория равновесия».

В непримиримой борьбе против всех этих «лево-» и правооппортунистических концепций огромное общемето-

дологическое значение для выяснения истинной диалектики строительства социализма имело программное замечание Ленина, сделанное на полях книги Бухарина «Экономика переходного периода» против его тезиса, который гласил: «Капитализм есть антагонистическая, противоречивая система... Следовательно, структура капитализма есть монистический антагонизм или антагонистический монизм». В связи с этим Ленин отмечает, что при социализме антагонизм исчезает, а противоречие остается (см. 3, т. XI, стр. 357). Это положение Ленина было важным шагом в творческом развитии материалистической диалектики. Этот вывод Ленина как философское обобщение накопленного опыта имел огромное методологическое значение для дифференцированного анализа противоречий как капитализма, так и переходного периода от капитализма к социализму. Но для исследования развития диалектики в период развитого социализма и постепенного перехода к коммунизму особое значение имеет та часть ленинского замечания на полях книги Бухарина, которая относится не к капитализму и не к переходному периоду, а к будущему социализму, тогда еще не построенному. Вывод Ленина, что противоречия останутся и при социализме, был не простой логической дедукцией, а результатом гениального обобщения сущности новых социальных отношений, первых зачатков, крупниц накапливаемого Советской властью, но уже вполне реального опыта создания, укрепления и дальнейшего диалектического развития социалистического сектора в многоукладной тогда еще нашей экономике.

Еще ранее, до замечания на полях книги Бухарина, в работах 1918—1919 гг., Ленин конкретно анализировал различные виды неантагонистических противоречий внутри самого социалистического сектора. Эти же вопросы творчески разрабатывались Лениным и в период 1920—1921 гг. Уже тогда, как и позже, в 1922 г., Ленин показывал пример того, как надо разрабатывать материалистическую диалектику «со всех сторон», раскрывая ее «в области отношений экономических, политических» (2, т. 45, стр. 30).

Если выделить в обобщенном виде те признаки, которые в реальной жизни неразрывно переплетены, можно говорить здесь о ленинском разграничении трех «видов»

неантагонистических противоречий, характеризующих внутреннюю логику развития социалистического сектора.

Во-первых, это противоречия, связанные с наличием пережитков капитализма в самом социалистическом секторе, это остатки старого в новом, поскольку новое общество выходит из недр старого.

Во-вторых, в развитии социализма уже тогда имели место и преодолевались противоречия, возникавшие в связи с новыми задачами дальнейшего развития, когда устаревали, изживали себя те явления, которые сами по себе вовсе не являлись пережитками капитализма, играли уже после Октября прогрессивную роль, но затем превратились в тормоз дальнейшего развития.

Наконец, в-третьих, это такие противоречия развития, которые непосредственно не являются отношением нового и старого, а в самом новом характеризуют противоречивую связь части и целого, особенного и всеобщего, единого и многого, тождества и различия.

Ленин считал необходимым комплексный анализ всех конкретных видов неантагонистических противоречий.

Здесь важно подчеркнуть необходимость раскрытия противоречий в «самом новом», возникших не в связи с наличием «хранителей традиций капитализма», а в связи с конкретными изменениями задач социалистического строительства. Ленин рассматривал социализм как развивающийся социальный организм и характеризовал как бесконечно лживое «обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное» (2, т. 33, стр. 99).

Ленин внимательно анализировал противоречия социалистического сектора, не являющиеся непосредственным отношением нового и старого, а характеризующие сложность и многогранность самого нового. Здесь под новым и старым понимаются лишь стороны противоречий, одна из которых (новое) способствует в данных условиях развитию, а другая (старое) в тех же условиях тормозит его. Критерием нового и старого выступает здесь отношение к процессу развития, и не временные особенности, которые также часто характеризуются в понятиях нового и старого, когда, например, говорят, что если явление появилось позже по времени или моложе по возрасту, то оно «новое», хотя может играть и тормозящую роль в развитии.

Сложность развития социалистического сектора проявлялась уже в первые годы Советской власти в том, что в нем органически переплетались факторы, характерные лишь для низшей фазы коммунизма, с ростками высшей фазы.

Так, например, и энтузиазм коммунистических субботников, и личная материальная заинтересованность трудящихся в оплате своего труда, будучи отличными друг от друга (и тем самым выступая в общефилософском смысле как противоположности), в их сочетании способствовали развитию производительных сил, созданию материально-технической базы социализма, а в дальнейшем и коммунизма, тем самым оба этих стимула в их сочетании являлись новым, прогрессивным.

В статье, посвященной четырехлетней годовщине Советской власти, Ленин развил идею сочетания противоположностей применительно к вопросу о сочетании коммунистического энтузиазма и личного интереса, о сочетании тем самым морального стимула и материального интереса, принципа материальной заинтересованности. И это особенно важно отметить, поскольку Ленин говорил в этой связи о перспективах перехода от социализма к высшей фазе коммунизма.

Примечательно, что уже в начале жизни молодого Советского государства выявились признаки коммунистического энтузиазма (коммунистические субботники), которые Ленин в статье «Великий почин» оценил как ростки коммунизма. Ведь из самого этого факта можно было сделать «левацкий» вывод о необходимости строить коммунизм прежде всего лишь на одном энтузиазме масс.

Однако Ленин еще до Октября писал, что жизнь нередко показывает кусочек эпилога раньше пролога и что сложность процессов жизни не оправдывает путаной постановки вопроса, когда речь идет не о зигзагах, а об основной внутренней направленности и закономерности развития.

Строго следуя требованиям объективной логики жизни, закономерностям перехода к коммунизму через всемерное развитие социализма, использование принципов и резервов социализма, Ленин показал необходимость сохранения принципа распределения по труду как основного, действующего на всем протяжении коммунистического строительства. Он подчеркивал в связи с этим не-

обходимость постепенной, поэтапной подготовки перехода к коммунизму, что весьма характерно для диалектики развития нового общества. Все это говорит о том, что действительно тезис Ленина «противоречия останутся и при социализме» уже в момент его формулирования являлся не чисто логической дедукцией, а результатом обобщения опыта социалистического строительства. Ленинская постановка вопроса о противоречиях социализма, путях их преодоления предопределила дальнейшее творческое развитие проблем диалектики в условиях полной и окончательной победы социализма в СССР и построения развитого социалистического общества.

4. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

С завершением переходного периода и с победой социализма в СССР были ликвидированы внутренние классовые антагонизмы. Исчезла экономическая основа для политической революции в связи с повсеместным утверждением социалистического базиса, общественной собственности на средства производства; исчезла тем самым «неизбежность» смены формаций в дальнейшем развитии, «необходимость» замены общественной собственности ее «отрицанием», т. е. частной собственностью. В ходе реализации ленинского плана построения социализма возникла невиданная ранее в истории человеческого общества новая историческая общность — советский народ, новое качество — социальное единство советского общества. Это — единство коренных интересов всех трудящихся классов и социальных групп при ведущей роли рабочего класса на основе общественной собственности на средства производства и общности конечной цели — построения коммунизма. Это — единство коренных интересов социалистических наций и народностей, великая дружба народов, единство коренных интересов и помыслов старших и младших поколений строителей коммунизма. Это, наконец, — нерушимое единство партии и народа.

Маркс и Энгельс научно предвидели развитие общества в сторону будущего социального единства подобного рода. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» они

писали о том, что крестьянство становится революционным лишь поскольку оно переходит на позиции пролетариата, что лучшие представители господствующих классов, представители буржуазной интеллигенции, возвысившиеся до понимания общего хода исторического развития, также переходят на сторону пролетариата и дают ему знамя борьбы. Таким образом, уже при капитализме складываются известные предпосылки единства всех прогрессивных демократических сил. Но только в условиях полностью и окончательно победившего социализма, развитого социалистического общества социалистические интересы и коммунистические идеалы рабочего класса практически становятся конечными целями как колхозного крестьянства, так и народной интеллигенции.

Ленин неоднократно писал о значении единства воли, единства деятельности, единства стремлений для развития социалистического общества*.

В речи на III Всероссийском съезде профсоюзов 7 апреля 1920 г. Ленин говорил: «...нужна единая воля, по каждому практическому вопросу нужно, чтобы все действовали, как один. Единая воля не может быть фразой, символом. Мы требуем, чтобы это было на практике... Теперь задача — попробовать применить к промышленности, земледелию это единство воли» (2, т. 40, стр. 307—308). Он далее отмечал, что сама материально-техническая база социализма предполагает и требует «безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми, думавшими о социализме, всегда признавалась как его условие» (2, т. 40, стр. 271).

Но только полная и окончательная победа социализма в СССР впервые в истории привела к реализации возможности социального единства, открыла пути постепенного движения к коммунизму без политической революции.

Совместимо ли социальное единство советского общества с действием закона единства и борьбы противоположностей, утверждающего относительность единства и абсолютность борьбы противоположностей?

* Ленинская постановка вопроса о будущем социальном единстве советского общества исследована в книгах советских философов (см. 303, гл. V; 204, гл. XI).

В свое время один из патриархов ревизионизма II Интернационала, Э. Бернштейн, отрицал всеобщность диалектических законов развития как раз потому, что, как он утверждал, всеобщими являются лишь такие законы, какие будут действовать и в условиях будущего социализма. Само по себе это последнее утверждение верно, но неверно, что социальная гармония при социализме (как считал Бернштейн) должна исключать всякие противоречия, всякую диалектику.

Отвечая на статью К. Каутского «Бернштейн и диалектика», Бернштейн писал: ««Движущей силой всякого развития является борьба противоречий», — заявляет Каутский и спрашивает меня, считаю ли я ошибочным это учение или лишь особые его формы в доктринах Гегеля, Маркса и Энгельса. На это я отвечу вопросом: если утверждение Каутского правильно, то что станет с «конечной целью» социализма, с общественным строем, основанным на гармонической совместной жизни его членов? Разве в нем прекратится всякое развитие? Я не придерживаюсь воззрения, что борьба противоречий является движущей силой всякого развития. *Совместное действие родственных сил является также* (курсив наш. — Ред.) *великим двигателем развития*» (43, стр. 329). Это писалось еще в конце XIX в. и в 1902 г. было опубликовано на русском языке.

Таким образом, Бернштейн уже тогда абсолютно противопоставлял будущее социальное единство общества противоречиям его развития и поэтому отрицал действие основного закона материалистической диалектики при социализме. Poleмика Каутского с Бернштейном завершилась в конечном счете капитуляцией Каутского, скатившегося на ревизионистские позиции Бернштейна.

Как видим, еще задолго до победы социализма вопрос о соотношении единства и противоречий в развитии будущего социализма решался реформизмом и ревизионизмом на основе отказа от диалектики, отрицания жизненных противоречий в рамках этого будущего единства. Уже в то время антагонистические противоречия абсолютизировались как якобы единственный вид противоречий, а отсутствие в будущем социальных антагонизмов трактовалось как отсутствие диалектики социалистического развития, как отрицание всеобщего характера диалекти-

ческого развития, как отказ от самой материалистической диалектики.

Идеологи современного антикоммунизма пытаются приписать современной советской философской науке концепции теоретиков II Интернационала, давно разоблаченные ленинизмом и самой жизнью. Эти концепции Бернштейна и Каутского были подвергнуты принципиальной критике в нашей философской и исторической литературе еще в 30-е годы. Сошлемся на журнал «Пролетарская революция», в котором была опубликована статья Я. Бронина (тогда слушателя Института красной профессуры), специально посвященная этим проблемам. Автор опирался в критике лидеров ревизионизма II Интернационала на опубликованные к тому времени IX, X, XI Ленинские сборники и писал: «Со столь свойственным ему самодовольством мещанина Бернштейн, как видим, с ученым видом знатока путает антагонизм с противоречием. Между тем капитализм — последний антагонистический общественный строй, в то время как развитие через противоречие есть универсальный закон движения, сохраняющийся, конечно, и в отношении общественного развития при социализме и коммунизме» (57, стр. 96).

Современные антикоммунисты нашли союзников в лице «левых» ревизионистов, маоистов, которые клеветнически истолковывают успехи коммунистического строительства в СССР как реставрацию капитализма, а социальное единство советского общества — как «забвение» требований диалектики о непримиримости противоречий. Фальсифицируя диалектику, они выдвигают (со ссылками на требования закона единства и борьбы противоположностей) «тезисы» о том, что только раскол является путем к единству, что необходимо будто бы исходить из «диалектического» положения «чем хуже, тем лучше», «чем беднее, тем революционней» и из тезиса о неизбежности якобы обострения классовой борьбы внутри социалистической страны и после ликвидации эксплуататорских классов.

В свете задач борьбы против метафизических позиций лидеров II Интернационала, современных антикоммунистов, правых и «левых» ревизионистов выводы Ленина о диалектике развития социалистического сектора молодого Советского государства стали особенно важны. Еще большее значение они имеют для дальнейшей позн-

тивной разработки проблем диалектики развития социализма и его перерастания в коммунизм.

Дальнейшее развитие марксистско-ленинской диалектики как философской науки в условиях развитого социализма было связано с творческой разработкой прежде всего коренных проблем внутренней диалектики самого этого процесса. Необходимо было показать специфику действия законов диалектики, обогащение ее категорий в условиях крепнущего социального единства общества, укрепления общественной собственности на средства производства, усиления общности интересов всех социальных групп.

Необходимо было раскрыть значение решений партийных съездов, пленумов ЦК КПСС, программных документов международного коммунистического и рабочего движения для дальнейшей творческой разработки материалистической диалектики в этот период. Развитие марксистско-ленинской диалектики было необходимо связано с философским обобщением самого практического опыта социалистического и коммунистического строительства, сочетающего максимальное использование внутренних возможностей и резервов социализма с вызревающими ростками коммунизма, с разработкой диалектики объективного и субъективного факторов, сочетанием материальных и моральных стимулов с диалектикой процессов в области экономических и социальных отношений, с раскрытием диалектического характера постепенности перехода к коммунизму, включающего в себя скачки, «перерывы постепенности» (особенно в условиях современной научно-технической революции), раскрытие и разрешение противоречий, спиральность в развитии *.

* В данной работе прослеживается развитие материалистической диалектики прежде всего как целостной системы всеобщих принципов, законов и категорий, получивших относительно завершенное выражение на современном этапе в монографических исследованиях, коллективных трудах, учебных пособиях, программах вузовских курсов.

Но этим далеко не исчерпывается объем проведенной советскими философами работы по исследованию проблем материалистической диалектики. За эти годы успешно разрабатывались в общеметодологическом аспекте проблемы диалектики личности и общества (в работах Г. Гака, А. Курылева, Э. Струкова и др.), субъективного и объективного (в работах В. А. Лекторского и др.), национального

Неизмеримо возросла и ответственность советских философов, как и всех деятелей науки, в решении этих сложных вопросов в обстановке научно управляемого на основе марксизма-ленинизма социалистического общества.

Ошибки в решении актуальных для практики методологических проблем приобретают здесь уже не абстрактно-теоретический характер издержек лишь научной дискуссии, они могли неверно ориентировать практику социалистического и коммунистического строительства.

С момента возникновения мирового социалистического содружества ответственность за правильное решение проблемы еще более возросла. Ведь в сферу строительства социализма оказались включенными не только внутренние отношения, но и межгосударственные отношения братских социалистических стран.

История и практика социалистического и коммунистического строительства поставили в еще большей степени перед философами задачу изучения диалектики социалистического общества, конкретизации, дальнейшего творческого развития ленинской мысли об особенностях диалектики социализма, и прежде всего о ядре диалектики — о специфике противоречий в условиях отсутствия внутренних социальных антагонизмов, т. е. разработку вопроса о неантагонистических противоречиях в обстановке достигнутого социального единства развитого социалистического общества. В 1940 г. статьей Н. Власова «К вопросу о движущем противоречии социалистического общества», опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» (см. 73), была открыта дискуссия по этим вопросам, которая не привела в то время к положительному результату, поскольку тезис И. Сталина в его работе «О диалектическом и историческом материализме» о «полном соответствии» при социализме производственных отношений производительным силам был многими истолкован как отсутствие каких-либо, даже неан-

и интернационального (в работах М. С. Джунусова, С. Т. Калтахяна, Е. Д. Модржинской и др.), абстрактного и конкретного (в работах Э. В. Ильенкова, М. М. Розенталя и др.).

Разработка этих проблем имела большое значение для понимания диалектики социализма. Обзор этой проблематики дан в соответствующих статьях Философской энциклопедии (см. 368, т. 5, «Советская философская наука в СССР»), а также в других книгах (см. 208, 269, 240).

тагонистических, противоречий в социалистической экономике.

После Великой Отечественной войны интерес советских философов к этой проблеме еще более усилился. Важным стимулом было опубликованное еще в 1944 г. решение ЦК КПСС об ошибках третьего тома «Истории философии», подготовленного Институтом философии Академии наук СССР.

ЦК партии обратил тогда серьезное внимание советских философов на ошибочность стирания принципиальной противоположности между идеалистической диалектикой Гегеля и материалистической диалектикой Маркса. ЦК партии показал в своем решении, что подобные ошибки означают отход от ленинской партийности философии, тенденцию примирения буржуазной и социалистической идеологий.

Не преуменьшая выдающихся заслуг Гегеля в разработке диалектического метода и диалектической логики, постановление ЦК обращало внимание на необходимость критического подхода к идеалистической основе и метафизическому характеру системы гегелевской философии.

Одним из проявлений консервативной стороны учения Гегеля был, как известно, его вывод о примирении противоречий. Своеобразным повторением в новых условиях этого гегелевского тезиса были попытки отдельных советских философов рассматривать развитие советского общества как процесс стирания, примирения противоречий, отрицать роль противоречий как движущей силы развития социализма.

Преодолеть подобные ошибочные взгляды помогла проведенная по инициативе ЦК КПСС дискуссия по книге Г. Александрова «История западно-европейской философии» (1947 г.).

Выступая на этой дискуссии, секретарь ЦК КПСС А. Жданов обратил внимание на то, что наша советская философия должна показать, как действует закон единства и борьбы противоположностей в условиях социалистического общества и в чем своеобразие его применения. А. Жданов отмечал как один из существенных недостатков нашей философской науки, что именно «это широчайшее поле для научного исследования... никем из наших философов не обработано». Выделяя значение критики и самокритики как формы раскрытия и преодоления про-

тиворечий социализма, Жданов говорил на дискуссии, что «эти противоречия имеются и о них философы не хотят писать из трусости» (77, № 1, стр. 270). В ходе дискуссии по книге Г. Александрова был остро поставлен вопрос о соотношении социального единства советского общества и противоречий его развития. Здесь следует отметить ряд выступлений Ц. Степаняна, который одним из первых среди советских философов исследовал проблему диалектики противоречий социализма. В тексте своего выступления на дискуссии он писал: «Есть товарищи, которые утверждают, что при социализме якобы вообще исчезают все противоречия. Правда, есть и другого рода метафизически мыслящие люди, которые не видят то качественно новое, что сложилось с победой социализма в нашей стране. А новое заключается в том, что впервые в истории на базе побед социализма и исчезновения антагонистических противоречий не классовая борьба, а единство и общность интересов всех слоев советского общества выступает как мощная движущая сила общественного развития... Но снимают ли эти новые движущие силы наличие противоречий при социализме? Нет, не снимают... Правильное понимание соотношения между новыми движущими силами развития советского общества и противоречиями при социализме имеет прямое отношение к выяснению закономерностей перехода от социализма к коммунизму» (77, № 1, стр. 438). Тогда же, в 1947 г., в статье в № 2 журнала «Вопросы философии», в статье в газете «Правда» «О противоречиях при социализме» (от 20 августа 1947 г.), в сборнике «Советское социалистическое общество» (1948 г.) Ц. Степанян выделял наряду с другими неантагонистическими противоречиями социализма противоречие между растущими потребностями трудящихся и достигнутым уровнем развития материального производства как основное противоречие социализма.

После дискуссии по книге Г. Александрова стал бурно расти поток работ по вопросам диалектики противоречий социализма. Начиная с 1947 г. ежегодно печаталось несколько таких работ, были представлены к защите кандидатские и докторские диссертации, систематически выходили статьи и монографии. После дискуссии с 1947 г. было опубликовано более 70 работ, посвященных специально анализу диалектики противоречий социа-

лизма в условиях социального единства советского общества*.

В 30-е годы в философско-политических высказываниях И. Сталина верно отмечалась роль морально-политического единства советского общества как новой движущей силы нашего развития, возникшей в результате изменения экономического базиса, классовой структуры советского общества, наличия дружественных классов вместо классов-антагонистов. Сталин анализировал и общее направление развития от бывшей классовой противоположности через существенные к несущественным различиям, движение к бесклассовому обществу.

Однако в работах Сталина, особенно во время культа его личности, уже отчетливо проявились две ошибочные крайности: одна из них имела место в работе «О диалектическом и историческом материализме» (1938 г.), где было абсолютизировано соответствие производственных отношений производительным силам при социализме и фактически отрицались какие бы то ни было противоречия между ними в условиях победившего социализма. Это было выражено в тезисе о так называемом полном соответствии двух сторон социалистического способа производства.

Эту ошибку Сталин по существу сам вынужден был исправить впоследствии, в 1952 г., в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», охарактеризовав аналогичную постановку вопроса как метафизическую. Но в ходе специальной дискуссии, проведенной на страницах журнала «Под знаменем марксизма» по вопросу о противоречиях между производительными силами и производственными отношениями в связи с упомянутой выше статьей Н. Власова, редакция журнала в статье, подводящей итоги этой дискуссии, признала в 1940 г. истинной именно эту ошибочную концепцию об отсутствии противоречий в развитии двух сторон способа производства при социализме.

С другой стороны, в конце 30-х годов Сталин ошибочно прогнозировал неизбежное якобы обострение внутренней классовой борьбы уже после ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране по мере продвижения к социализму и роста его успехов. В действительности

* См. библиографию в конце тома.

положение об обострении классовой борьбы было верно только для определенных этапов переходного периода, когда решался вопрос «кто — кого?» и шла упорная классовая борьба за построение основ социализма.

Только в ходе преодоления культа личности, восстановления ленинских норм партийной жизни, социалистической законности, неуклонного расширения социалистической демократии стало возможным продвинуть вперед философское решение вопроса о соотношении социального единства советского общества и противоречий его развития.

Уже через год после XX съезда КПСС, в период празднования 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в документах партии было подчеркнуто значение неантагонистических противоречий социализма как противоречий роста, указана возможность их своевременного разрешения на базе совершенствования общественной собственности на средства производства, на основе дальнейшего укрепления социального единства общества.

В обстановке творческих дискуссий, преодоления последствий культа личности Сталина и субъективистских извращений, обобщая практику социалистического и коммунистического строительства, советские философы добивались существенных результатов в разработке проблемы соотношения социального единства и диалектических противоречий в развитии советского общества.

Заметную роль в такой коллективной разработке проблемы сыграли специальные дискуссии и обсуждения. В 1955 г. вновь развернулась дискуссия по вопросу о противоречиях социализма в связи с публикацией в «Вопросах философии» (1955, № 2) статьи Ц. Степаняна «Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления». В этой статье была сформулирована точка зрения автора на основное противоречие социализма как противоречие между растущими потребностями трудящихся и достигнутым уровнем развития материального производства.

Отдельные авторы выступили тогда с утверждениями, что неправомерна сама постановка вопроса об основном противоречии коммунистической формации, так как наличие такого противоречия будто бы ставит вопрос о неизбежности замены коммунистической формации какой-

то новой в результате разрешения этого основного противоречия.

Были предложены и другие формулировки основного противоречия социализма и коммунизма: между производительными силами и производственными отношениями, между равным отношением к средствам производства и элементам социального неравенства в связи с действием основного принципа распределения социализма — по труду.

Эти вопросы не получили в то время должного разрешения, и к ним впоследствии еще не раз возвращалась советская философская мысль.

В 1958 г. Институт философии АН СССР организовал широкую дискуссию на научной конференции по теме «Проблема противоречия в свете современной науки и практики» *.

Особенно важной и результативной была дискуссия, развернувшаяся в 1965 г. на Всесоюзном научном совещании по актуальным проблемам материалистической диалектики. Этой дискуссии предшествовало заседание президиума Академии наук СССР 18 сентября 1963 г., специально посвященное методологическим проблемам науки, в котором в обсуждении методологических проблем приняли участие крупнейшие представители естественных и гуманитарных наук. Материалы совещания и дискуссии 1965 г. были опубликованы в четырех томах. Широкий обзор дискуссии был дан в журнале «Вопросы философии» (1965, № 10).

Огромное значение для дальнейшего успешного позитивного решения проблем диалектики развития социалистического общества имел октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС, осудивший субъективистские извращения в политике и экономике. Уже в конце 50-х годов обнаружилось, что в трактовке вопросов диалектики социализма элементы субъективизма вели к замалчиванию проблемы, к уходу от анализа действительных, сущностных противоречий социалистического развития. Проявления таких противоречий, коль скоро они давали о себе знать, нередко трактовались лишь как результат ошибок и просчетов, не характеризующих сущность социалистического

* Обзор этой дискуссии см. в журнале «Вопросы философии», 1958, № 12.

развития. После апрельской дискуссии 1965 г. в 1965—1966 гг. была проведена дискуссия по проблемам диалектики социализма в лекторской группе при МГК КПСС совместно с Академией общественных наук при ЦК КПСС. Было опубликовано несколько статей и монографий, так или иначе освещающих этот вопрос, защищены докторские диссертации по темам социального единства и противоречий социализма.

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции были подготовлены книги, специально рассматривающие диалектику строительства коммунизма в свете соотношения социального единства и противоречий развития. В ходе дискуссии 1965 г. и в последующей работе советских философов выявилось основное направление позитивного решения важнейших проблем диалектики социализма, и прежде всего проблемы противоречий в условиях социального единства социалистического общества.

Эти проблемы будут дальше рассмотрены в позитивном плане. Но прежде отметим те философские вопросы, которые явились предметом наиболее острой борьбы мнений.

В ходе дискуссий появились (в том числе и на страницах журнала «Вопросы философии») высказывания о том, что противоречия в условиях социализма и социального единства советского общества являются якобы не движущей силой, а тормозом развития. Эти высказывания варьировались: одни авторы утверждали, что противоречия в целом тормозят прогрессивное развитие, препятствуют ему, другие различали развертывание и разрешение противоречий, признавая лишь за последним этапом (разрешения) движущую роль, третьи рассматривали несвоевременно разрешенное, «перезревшее» противоречие как тормоз развития.

Отрицание движущей роли диалектических противоречий при социализме пытались обосновать не только существованием крепнущего социального единства советского общества, но и успехами научно-технической революции, развитием математической логики, методов формализации в науке. Эту тенденцию отразила в известной степени статья «Противоречие» в Философской энциклопедии (см. 368, т. 4). В ней говорится об ограниченности функции противоречия как источника разви-

тия и утверждается, будто диалектическому противоречию в целом не всегда, а лишь «во многих случаях» присуща функция «основной движущей силы развития, изменения объекта, которому это противоречие присуще». Выводы такого рода были подвергнуты справедливой критике авторами, которые признают, что жизненные диалектические противоречия всегда так или иначе — движущая сила, импульс развития (конечно, имеются в виду противоречия самой сущности процесса развития, а не искусственные, надуманные противоречия или же формально-логические).

Диалектические противоречия как взаимопроникновение неравноценных противоположностей (например, противоположностей нового и старого в социальном процессе развития) порождают ту внутреннюю напряженность, борьбу, благодаря которой и совершается выход за пределы старого единства к новому, высшему единству новых противоположностей, разрешение старых и возникновение новых противоречий.

В этой связи в литературе обоснованно отмечалась неправильность отождествления одной стороны противоречия (той, которая играет в данных условиях консервативную, тормозящую роль) со всем противоречием, включающим в себя отношение двух сторон. В действительности если это, к примеру, отношение нового и старого, то старое тормозит, а новое способствует процессу развития, которое в целом реализуется лишь в единстве и борьбе нового и старого и завершается в конечном счете победой нового.

Поэтому большинство участников дискуссии справедливо считало, что не противоречие в целом, а лишь одна из его сторон может играть тормозящую роль в общем процессе диалектического развития.

В ходе научного спора была подвергнута критике неверная точка зрения, согласно которой движущая роль противоречия отрицалась в период его развертывания и признавалась лишь при разрешении противоречия. В действительности возникновение, развертывание (обострение) и разрешение противоречия существуют как *этапы единого процесса диалектического развития*. Без определенных форм развертывания нет и не может быть разрешения диалектических противоречий, так же как не может быть скачка без предварительных количественных

изменений. Поэтому на разных этапах противоречие всегда играет роль импульса развития, хотя специфика этих отдельных этапов может быть неодинаковой, различной.

В ходе дискуссий были в этой связи подвергнуты критике неточные утверждения о том, что «перезревшие» противоречия современного империализма тормозят процесс общественного развития. Дело обстоит сложнее. Основное противоречие современного капитализма включает в себя не только силы, стоящие на страже частной собственности, которые действительно носят реакционный характер, но и прогрессивные силы, ведущие борьбу против частной собственности, не только частную собственность на средства производства, но и общественный характер процесса производства, еще более расширяющийся в ходе современной научно-технической революции. Утверждать, что классовые противоречия тормозят развитие, поскольку они еще не разрешены, — значит отходить от диалектической концепции. Конечно, движение капитализма «вперед» есть движение не по восходящей линии, а движение к его гибели (если брать формацию в целом). Но в этом и состоит диалектика современной эпохи с ее основным противоречием борьбы двух систем — умирающего капитализма и восходящего коммунизма. Закат капитализма не есть отрицание общественного прогресса и движущей роли его противоречий, а есть выражение диалектического характера современного общественного развития.

Другим вопросом, по которому развернулись споры, стал вопрос о соотношении общефилософских и общесоциологических категорий, прежде всего таких, как категории «единство» и «противоположность».

Была показана неправомерность двух крайностей: а) отождествления философских и социологических категорий, б) отрыва их друг от друга. Единство и борьба противоположностей как стороны диалектического противоречия имеют место всюду, где происходит развитие, в том числе и при капитализме. А социальное единство общества — социологическая категория, отражающая завоевания победившего социалистического строя. Поэтому отношение этих категорий, их взаимосвязь отображают отношение, диалектику всеобщего и особенного. Ленинская формула об относительности единства и аб-

солютности борьбы противоположностей, выражающая сущность отношений сторон любого диалектического противоречия, вовсе не означает обязательную относительность социального единства советского общества, его якобы временный, преходящий характер, как это получается при отождествлении социологических и общеполитических категорий. Точно так же общеполитическая категория «противоположность» выражает лишь одну из сторон любого диалектического противоречия или же обозначает определенный этап развития диалектического противоречия. Поэтому применение этой категории в общеполитическом плане к противоречиям социализма отнюдь не означает обязательного признания существования внутренних антагонистических классовых противоположностей в условиях победившего социализма.

Маркс отмечал, что «употребление одних и тех же termini technici [технических терминов] в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удастся ни в одной науке» (1, т. 23, стр. 228).

Однако из сказанного отнюдь не вытекает разрыв общеполитических и общесоциологических категорий. Правильным представляется рассматривать их отношение как отношение всеобщего и особенного.

Именно такое решение вопроса о соотношении общеполитических и социологических категорий позволяет верно ответить на вопросы, не отошли ли в прошлое после полной и окончательной победы социализма в СССР применительно к его внутреннему развитию такие положения марксистско-ленинской диалектики, как «борьба противоположностей», «относительность единства и абсолютность борьбы противоположностей»; не являются ли эти сформулированные Лениным еще до Великой Октябрьской революции положения лишь специфическими, особенными формами диалектического развития, имеющими значение только для антагонистического общества и неприменимыми к социализму.

В советской философской литературе 60-х годов делались иногда неверные выводы о неприменимости к существующему социальному единству советского общества ленинского положения об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей, выдвигались предложения переформулировать закон единства и борьбы противоположностей в закон противоречивого разви-

тия исключительно для того, чтобы не упоминать категорию «противоположность», поскольку эта категория означает будто бы не сторону любого диалектического противоречия, а лишь социальную противоположность, т. е. классовый антагонизм. В ходе дискуссии по актуальным проблемам материалистической диалектики отдельными философами была видвинута концепция «двух диалектик»: диалектики антагонизмов и диалектики социализма. Авторы этой концепции рассматривали «две диалектики» как две качественно различные методологии и утверждали неприменимость законов «старой» диалектики к новым условиям строительства социализма и коммунизма. Сторонники этой трактовки отвергали применимость закона единства и борьбы противоположностей к условиям социализма, рассматривали социальное единство советского общества как отсутствие «противоположностей» и предлагали переформулировать закон единства и борьбы противоположностей в закон единства и борьбы различий.

Сторонники противоположной позиции обоснованно подчеркивали, что Ленин рассматривал диалектику капитализма как частный случай диалектики, т. е. как специфическое проявление всеобщих диалектических закономерностей в условиях капитализма. Тем самым социализм выступал как специфическое проявление тех же всеобщих диалектических закономерностей. «Социализм, — пишет П. Федосеев, — это новая ступень в развитии общественной жизни. Но отсюда не следует, будто в анализе диалектики буржуазного общества и диалектики социализма применяются два особых метода. На самом деле это есть конкретно-историческое применение одного и того же метода к анализу качественно различных общественных формаций» (366, стр. 399).

В ходе дискуссии по актуальным проблемам материалистической диалектики, состоявшейся в апреле 1965 г., положение о «двух диалектиках», как и тенденция отождествления общеполитических и социологических категорий, было подвергнуто научной критике и не нашло поддержки. Однако следует отметить важность критики этих взглядов, поскольку их влияние можно проследить в некоторых последующих публикациях.

Коллективная мысль советских философов сумела преодолеть еще одну тенденцию в вопросах диалектики

социализма — резкое противопоставление коммунизма социализму без учета того, что социализм есть фаза коммунистической формации.

Такая трактовка диалектики строительства коммунизма способствовала поспешности, характерной для субъективизма, перепрыгиванию через не изжившие себя этапы развития, отрыву от реальной степени зрелости материально-технической базы общества. Диалектический принцип внутреннего саморазвития предполагает, как известно, не просто отрицание высшим этапом коммунизма низшего, а максимальное использование всех потенций, возможностей, резервов развитого социализма для органического и постепенного перехода на высшую ступень. В отношении перерастания социализма в коммунизм это ленинское методологическое указание означает максимальное использование резервов и возможностей развитого социализма для построения материально-технической базы коммунизма, формирования коммунистических общественных отношений, воспитания нового человека.

В период развитого социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму особенно важно диалектическое сочетание принципов социализма и вызревающих в жизни черт коммунизма, единства всех тех рычагов, которые комплексно способствуют развитию материальных производительных сил.

Решение проблемы тормозилось тем, что еще в 1952 г. в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» наметился отход от этого важного принципа. В ней утверждалось, что колхозно-кооперативная форма собственности якобы уже с конца 40-х годов стала тормозить развитие к коммунизму, препятствуя охвату сельского хозяйства централизованным планированием. В этой же книге принципиально отвергалась возможность для средств производства приобретать товарную форму в условиях перехода к коммунизму.

Расширение использования категорий товарного производства при социализме рассматривалось как отход от коммунизма, а не движение к нему. Прямой продуктообмен метафизически противопоставлялся советской торговле. Таким образом, многие важнейшие и далеко не использованные полностью рычаги социалистического и коммунистического строительства, которые еще являлись

по существу новыми, т. е. способствовали развитию материального производства, преждевременно рассматривались как якобы уже препятствующие, а не содействующие продвижению к высшей фазе коммунизма, как устаревшие, тормозящие, подлежащие преобразованию и устранению. Тем самым неправильно определялся фронт борьбы противоположностей. Такая постановка вопроса ориентировала на перепрыгивание через не исчерпавшие себя этапы развития, на отрыв от степени достигнутой экономической зрелости, поспешность и субъективизм.

С позиции диалектико-материалистической теории развития установившееся, до своего превращения в тормоз развития, еще не является старым (в философском смысле), а его устранение, до превращения в тормоз, фактически означает устранение нового, которое еще необходимо использовать в целях прогрессивного развития к коммунизму.

Для преодоления всех ошибок и трудностей, о которых было сказано выше, решающее значение имели партийные решения, в которых нашла свое выражение дальнейшая творческая разработка Коммунистической партией Советского Союза материалистической диалектики.

Развернутая партией критика субъективистских ошибок, разработка проблем научного руководства обществом создали благоприятные условия для более конкретного анализа диалектики развития социализма и перерастания социализма в коммунизм, для философского обобщения и дальнейшего развития материалистической диалектики в духе применения ленинских принципов к современному этапу строительства коммунизма.

Каковы же главные *позитивные* результаты обсуждения этих важнейших проблем для развития диалектики как науки? Новый этап общественного развития в СССР вовсе не упростил задач исследователей, а потребовал ответить на сложный и новый вопрос: как, каким образом всеобщее (относительность единства противоположностей) проявляется в особенном (укрепляющемся социальном единстве советского общества) и как это особенное (укрепляющееся социальное единство советского общества) конкретизирует, развивает всеобщий принцип развития, выраженный ленинской формулой об относительности единства и абсолютности борьбы противоположно-

стей? Так была поставлена проблема соотношения социального единства и противоречий в развитии советского общества.

Внутренние неантагонистические противоречия, как и предвидел Ленин, имеются и при социализме. Они выражают его сущность, являются стимулом развития экономической, политической и культурной жизни. При этом существенной чертой этих противоречий является необходимость и возможность их своевременного разрешения.

В статье «Великое пятидесятилетие», опубликованной в книге «Великий Октябрь и мировой революционный процесс» член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. М. Суслов подверг критике отрицание диалектических противоречий, характеризующих сущность развития социализма, и попытки отрицать всеобщую закономерность закона развития путем возникновения и преодоления противоречий (см. 72, стр. 27).

В этой работе раскрываются источники возникновения противоречий при социализме, связанные не только с тем, что социализм рождается не на собственной основе, что для социализма характерно отставание в уровне сознания народных масс, наличие пережитков прошлого в сознании трудящихся, что противоречия возникают и в связи с ожесточенной экономической, политической и идейной борьбой социалистического общества с империализмом. В статье подчеркивается, что независимо от влияния капитализма «социализм — это живой организм, у которого есть свое прошлое и будущее, отживающее и нарождающееся» и что «то, что вчера было прогрессивным, передовым, сегодня может перестать быть таковым», что при социализме «противоречия захватывают и сферу производственных отношений и их взаимодействие с производительными силами», что «имеются противоречия, относящиеся и к организационным формам управления в социалистическом обществе» (72, стр. 29, 30).

В статье тов. М. Суслова особо подчеркивается ленинское понимание противоречий как созидательной силы, двигателя общественного прогресса, источника развития. «Примитивная логика, — пишет М. Суслов, — не пригодна для анализа и решения сложных проблем общественного развития... Неантагонистические противоречия при социализме многообразны и неодинаковы по своему ха-

рактеру, формам проявления и средствам их разрешения» (72, стр. 30).

Выступая на V съезде Польской объединенной рабочей партии и характеризуя внутренние процессы, происходящие в социалистических странах, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. Брежнев говорил: «...в живом развивающемся социалистическом обществе не может быть такого положения, когда решены все вопросы, когда не нужно искать лучшего. Строительство социализма и коммунизма имеет свою диалектику: сам ход развития выдвигает все новые задачи; чем более высокий уровень достигнут, тем выше требования, которые предъявляются к партии, к государству, ко всем трудящимся, чтобы обеспечить четкую организованную работу сложного механизма хозяйственной и общественной жизни» (14).

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС тов. Л. Брежнев подчеркнул, что «мир социализма весь в движении, он непрерывно совершенствуется. Его развитие, естественно, идет через борьбу нового со старым, через разрешение внутренних противоречий» (9, стр. 13—14).

В теоретической работе нашей партии коллективно разрабатывались и разрабатываются ныне важнейшие вопросы диалектики развития социализма. XXIV съезд КПСС в резолюции по Отчетному докладу ЦК КПСС специально отметил, что «теоретические силы партии должны быть направлены на дальнейшую разработку актуальных проблем современного общественного развития и прежде всего вопросов коммунистического строительства» (9, стр. 211).

Вопрос о коренных отличиях неантагонистических противоречий роста от социальных антагонизмов детально разработан в философской марксистской литературе, прежде всего в работах советских философов. Убедительно показано, что если антагонистические противоречия капитализма основаны на непримиримой враждебности классовых интересов, то неантагонистические противоречия социализма существуют при коренной общности интересов дружественных классов и социальных групп. Марксисты-ленинцы всегда исходят из того, что социальные антагонизмы капиталистического общества не могут быть полностью разрешены без ликвидации частной соб-

ственности на средства производства. В противоположность этому разрешение неантагонистических противоречий социализма означает не свертывание, а дальнейшее совершенствование общественной собственности на средства производства.

Надстройка капиталистического общества (государство, буржуазные политические партии) стоит на страже частной собственности и препятствует своевременному разрешению антагонистических противоречий капитализма. Совсем иначе обстоит дело при социализме. Вся надстройка социалистического общества (КПСС, социалистическое государство и т. д.) является могучим рычагом прогрессивного коммунистического развития, способствующим своевременному разрешению неантагонистических противоречий.

В социалистическом обществе с помощью всех форм и методов критики и самокритики, путем повышения уровня научного руководства обществом имеется реальная возможность разрешать внутренние противоречия без необходимости доведения их до высшей точки обострения. Это не исключает, однако, возможностей (при наличии определенных условий) обострения отдельных противоречий при сохранении их неантагонистического содержания. Известно также, что и антагонистические по своему содержанию противоречия могут разворачиваться в форме мирного сосуществования государств, относящихся к противоположным социальным системам, и эта форма является не формой примирения этих противоречий, а специфической формой классовой борьбы на международной арене.

В своих трудах советские философы обратили также внимание на необходимость учитывать как содержание, так и форму разворачивания диалектических противоречий, как антагонистических, так и неантагонистических.

Борьба классов с непримиримо враждебными интересами является на протяжении тысячелетий законом движения человечества. Всего двадцать лет из более чем пятидесяти существования Советского государства было затрачено на создание социалистического общества, в котором вместо непримиримо враждебных интересов классов-антагонистов могучим импульсом, побудительной силой, направляющей движение масс, стал общий коренной интерес всех дружественных классов общества — интерес

построения высшей фазы коммунизма. «Коммунистическое строительство поднимает сотрудничество классов и социальных групп нашего общества на новый уровень. В едином строю они создают материальную базу коммунизма, совершенствуют общественные отношения, крепят морально-политическое и идейное единство народа» (11, стр. 37—38). Социальное единство действует сегодня как новая движущая сила уже не только в СССР, но и в ряде братских социалистических стран.

С возникновением социального единства общества обогатилась жизненная диалектика развития, были поставлены новые вопросы, накоплен практический опыт для ответа на них.

Среди этих вопросов один из главных: о внутренних источниках развития в условиях социального единства общества, о соотношении социального единства общества и противоречий его развития, о диалектике противоречий в новых условиях, когда не столкновение в ходе борьбы, а нерушимая дружба и сближение классов характеризуют социальное развитие советского общества.

Для научного решения проблемы соотношения противоречий и социального единства советского общества определяющее методологическое значение имеет анализ Лениным неантагонистических противоречий внутри социалистического сектора молодой Советской республики, о которых речь шла в начале этой главы. Эти внутренние противоречия социалистического общества развертываются и преодолеваются в рамках неуклонно крепнущего социального единства.

Как и предвидел Ленин, для низшей фазы коммунистического общества существенными являются противоречия, порожденные сохранившимися «родимыми пятнами» старого общества.

В советской экономике еще и ныне необходимы серьезные усилия для преодоления таких «родимых пятен», следов былой отсталости. К ним относятся, например, еще имеющийся большой объем ручного, зачастую тяжелого физического труда, когда на современном предприятии нередко сочетаются высокий уровень механизации на одних участках и ручной труд на других, где ведутся вспомогательные работы.

Средством преодоления подобных противоречий являются намеченные в Программе КПСС и в решениях

XXIV съезда КПСС всемерное развитие комплексной (а не частичной) механизации и все более полная автоматизация производства.

Но особенно живучи остатки старого в сознании и поведении людей. В партийных документах, в нашей философской литературе 60-х годов было показано, что нельзя строить коммунизм без борьбы против пережитков частнособственнической психологии, хулиганства, пьянства, тунеядства, аполитичности, безыдейности, религиозных предрассудков, преступности и других пороков, еще не преодоленных полностью в социалистическом обществе. Было обращено внимание на необходимость глубоко изучать причины и условия, сохраняющие и воспроизводящие отрицательные явления этого рода, совершенствовать формы и методы борьбы с подобными антиобщественными, антисоциалистическими явлениями. Понятно, что сам процесс коммунистического воспитания и самовоспитания трудящихся есть процесс борьбы нового со старым, в котором явно недостаточно ограничиваться лишь повторением общих формул об отставании сознания от бытия. Тогда же был остро поставлен вопрос об отрицательном влиянии идей и нравов так называемого свободного, т. е. буржуазного, мира, последствий войны, имеющихся серьезных недостатков в воспитании молодежи, элементов бюрократизма и многих других факторов. Партия остро ставит вопрос о формировании нового человека, его коммунистической морали и мировоззрения путем постоянной и бескомпромиссной борьбы с пережитками прошлого, с проявлениями национализма и шовинизма, национальной ограниченности и кичливости в какой бы то ни было форме, с проявлениями бездушия и волокиты, с преступностью и другими отрицательными явлениями (см. 9, стр. 78, 81, 84).

Непримиримость и принципиальность в борьбе против всех консервативных сил, привычек и традиций прошлого не ослабляет, а укрепляет социальное единство советского общества.

А само социальное единство советского общества создает наилучшие условия для выявления и преодоления этих неантагонистических противоречий между новым и старым, характерных и типичных для низшей фазы коммунизма.

Для современного этапа коммунистического строи-

тельства характерны и такие неантагонистические противоречия, которые сами по себе уже не связаны с наличием «родимых пятен» старого общества. Эти противоречия возникают, как и предвидел Ленин, в связи с постановкой новых, высших задач, связанных с развитием социализма, постепенным переходом от социализма к коммунизму. В процессе коммунистического строительства неизбежно устаревают, изживают себя такие явления, которые сами по себе не являются пережитками капитализма, они были порождены социализмом и еще недавно являлись активным стимулом развития, но на более высоком этапе коммунистического строительства, в условиях развитого социализма, изжили себя, устарели. Так, применительно к вопросам управления на XXIV съезде КПСС отмечалось, что «рост масштабов и качественные сдвиги в нашей экономике... предъявляют новые, более высокие требования к управлению, не позволяют довольствоваться сложившимися формами и методами, даже если они хорошо служили в прошлом» (9, стр. 66).

Здесь в самой жизни возникают, разворачиваются и разрешаются противоречия, которые в принципе не связаны с родимыми пятнами старого общества и, однако, могут быть решены путем не примирения, а преодоления, путем борьбы нового и старого.

Советские философы, исследуя эти противоречия, показали, что их преодоление (а не примирение) не ослабляет, а укрепляет социальное единство социалистического общества. В ходе разрешения подобных противоречий встает много сложных вопросов, требующих знаний объективных законов экономического развития, проведения крупных социальных экспериментов, поисков новых организационных форм, напряженной работы научной мысли, мобилизации инициативы трудящихся, борьбы с проявлениями косности, рутины или с авантюристическими решениями, отрывающимися от достигнутой степени экономической зрелости, технического прогресса и т. п. Поэтому партия воспитывает коммунистов и всех трудящихся «в духе непримиримости к косности и рутине, поддерживает все новое, передовое... придает большое значение разворачиванию деловой и принципиальной критики и самокритики, способствующей улучшению деятельности партийных, государственных и общественных организаций» (11, стр. 43). XXIV съезд КПСС обратил в этой

связи внимание на необходимость воспитывать чувство нового, «видеть перспективу развития, заглядывать в будущее, находить наиболее верные пути к решению возникающих задач» (9, стр. 99).

Важное значение в условиях современного строительства коммунизма имеет развитый Лениным принцип «соединения противоположностей» как метод обогащения нового, прогрессивного, метод укрепления позиций нового в его борьбе со старым, отживающим.

Выше уже говорилось о ленинском требовании максимального использования принципов социализма в сочетании с поддержкой ростков коммунизма. В условиях развитого социализма такое сочетание является методологической основой постепенного перехода к коммунизму, гарантией как от догматических, так и от волюнтаристических ошибок.

Если противоречия нового и старого разрешаются путем преодоления новым старого, то противоречия в самом новом (тождества и различия, единого и многого, части и целого и т. д.) разворачиваются и разрешаются путем оптимального (в границах меры и с учетом специфики явления) сочетания этих противоположностей. Такое сочетание означает укрепление нового, его позиций в борьбе со старым. Нарушение подвижных границ меры такого сочетания ведет к ослаблению самого нового, а в определенных случаях и к превращению его в собственную противоположность, т. е. к временной победе старого, к движению вспять, а не к прогрессивному развитию.

В условиях развитого социализма и постепенного перехода к коммунизму ленинский принцип «сочетания противоположностей» внутри нового как метод укрепления нового, прогрессивного приобрел особенное значение. Этот принцип — решающий противовес ошибочной тенденции резкого противопоставления коммунизма социализму, тенденции свертывания резервов социализма вместо максимального их использования на пути к построению высшей фазы коммунизма. Большое методологическое значение для понимания подлинной диалектики социализма имеет следующее положение, сформулированное в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»: «Коммунизм может быть построен только на основе достижений социализма, на основе дальнейшего развития и совершенствования

его экономики, социальной структуры, политической организации и духовной жизни» (11, стр. 30).

Партия на своем XXIV съезде широко поставила задачу диалектического сочетания интересов всего советского народа с интересами составляющих его классов, социальных групп, социалистических наций, трудовых коллективов. Съезд особо подчеркнул, что в развитом социалистическом обществе закономерно и необходимо диалектическое сочетание директивных указаний центральных органов и экономических рычагов воздействия на производство, моральных и материальных стимулов к труду, сближения и расцвета социалистических наций, сочетание национального и интернационального, интересов личности и коллектива.

Для социализма характерно сочетание демократии и централизма, сочетание доверия и уважения к людям с принципиальной требовательностью к ним, коллективного руководства и персональной ответственности, убеждения и принуждения, отраслевого принципа управления с системой рациональных хозяйственных связей внутри республики, экономических районов и областей.

Имея в виду антиленинские тенденции одностороннего преувеличения как демократии, так и централизма, разрыва их диалектического единства, XXIV съезд КПСС отмечал: «Для марксистско-ленинской партии одинаково вредны как анархическая распушенность, выдаваемая за демократию, так и бюрократическая централизация, сдерживающая развитие инициативы и активности коммунистов» (9, стр. 95).

В философской литературе 60-х и 70-х годов были исследованы эти наиболее типичные виды переплетающихся на современном этапе коммунистического строительства неантагонистических противоречий, связанных с сущностью самого развития социализма.

Раскрытие этих противоречий и их своевременное разрешение требует познания сущности экономических законов социализма, научного руководства обществом на основе ленинской методологии. Материалистическая диалектика помогает находить лучшие формы разрешения этих противоречий, характеризующих не случайные зигзаги, а самую сущность развития социалистического общества к коммунизму во всех сферах жизни нашего общества — экономической, политической и культурно-

идеологической. Специфика каждого из рассмотренных выше видов неантагонистических противоречий требует своих специфических методов разрешения. Метод коммунистического воспитания, осуществляемого всеми организациями и коллективами советского общества, в первую очередь партией, государством, профсоюзами, комсомолом, школой, производством, трудовым коллективом, семьей, — основной метод преодоления неантагонистических противоречий, связанных с наличием пережитков капитализма в сознании и поведении, метод, требующий в зависимости от степени сознательности трудящихся сочетания убеждения и принуждения.

Нахождение новых, лучших форм руководства, планирования, новая ступень организационной работы, прогрессивные реформы, производимые без спешки, с глубоким знанием дела, с учетом требований объективных законов, — метод преодоления неантагонистических противоречий, возникающих в связи с новыми задачами дальнейшего развития социализма, использования высших достижений научно-технической революции.

Нахождение оптимальных, наилучших (в границах объективной меры) способов сочетания противоположностей в интересах укрепления нового, усиления его позиций в борьбе со старым — специфический метод преодоления противоречий, возникающих в самом новом, по мере продвижения к высшей фазе коммунизма.

Сочетание противоположностей во всех этих случаях является процессом не примирения нового и старого, а все более полного выявления и мобилизации резервов и потенций, заложенных в объективных условиях социалистического общества, строящего коммунизм. Используя язык философских категорий, можно сказать, что это сочетание тождественных и различных черт внутри социалистического нового, сочетание единого и многого, выявление все новых граней, сторон, черт развивающегося, становящегося коммунистического общества.

Выделение некоторых видов неантагонистических противоречий, характеризующих сущность развитого социалистического общества, несомненно, является «идеализацией», рассмотрением процесса в «чистом виде». В действительном развитии социалистического общества на ход его оказывают существенное влияние внешние противоречия, связанные с борьбой двух противоположных

социальных систем и носящие антагонистический характер. Этот процесс не застрахован от противоречий, вытекающих из ошибок и просчетов, которых могло бы и не быть.

Главным выводом из анализа развертывания сущностных противоречий социализма является не примирение, не нейтрализация, не равновесие нового и старого, а преодоление, разрешение противоречий, относительность единства и абсолютность борьбы нового и старого, передового и отсталого. Именно так ставился этот вопрос в философской литературе 60-х годов.

Пафос такой постановки вопроса о диалектике борьбы хорошо выражен не только в специальных работах философов, но и в раздумьях лучших представителей советской творческой интеллигенции.

Приведем характерную выдержку из письма писателя К. Симонова: «...борьба за построение коммунистического общества — трудное, очень трудное, больше того — бесконечно трудное дело, и уже само слово «борьба» предполагает, что хорошее борется с плохим, передовое с отсталым и что все это очень трудно, как и всякая принципиальная борьба, заслуживающая этого названия» (323, стр. 216—217).

Социальное единство советского общества — необходимое условие своевременного преодоления диалектических противоречий социализма, потому что в условиях такого единства уже нет в социалистическом обществе организованных социальных сил, заинтересованных в сохранении старого, того, что тормозит наше движение к коммунизму.

Развертывание и своевременное разрешение неантагонистических противоречий социализма в свою очередь укрепляет социальное единство советского общества.

Такое разрешение противоречий означает успешное решение новых задач, преодоление новых трудностей, закономерно возникающих в ходе строительства коммунизма, создание новых условий для дальнейшего успешного коммунистического строительства.

Для раскрытия противоречий социалистического общества и для определения своей позиции, для активной и инициативной поддержки всего прогрессивного и борьбы против того, что в конкретных условиях строительства коммунизма устарело, стало тормозить развитие, необ-

ходимо всестороннее использование метода критики и самокритики, активная борьба против примиренческого отношения к недостаткам (см. 9, стр. 65, 87, 94).

Борьба масс, руководимых Коммунистической партией, за новое в условиях социалистического общенародного государства при сохранении руководящей роли рабочего класса, повышение уровня научного руководства обществом во всех звеньях, развитие деловой критики и самокритики — все это неперемennые условия успешного разрешения неантагонистических противоречий. Коммунистическая партия призывает советских людей не бояться противоречий, отличать жизненные противоречия от путаницы, активно вторгаться в жизнь, мобилизуя все резервы и возможности социализма, так же как и ростки коммунизма, для ускорения социального прогресса.

Повышение уровня научного руководства обществом означает еще большее возрастание роли субъективного фактора в ходе коммунистического строительства, роли сознательного, планового начала, возрастание роли Коммунистической партии Советского Союза, роли социалистического государства и всех общественных организаций. В то же время усиливается мера ответственности каждой организации и каждого трудящегося за свою работу. Развитие критики и самокритики является органическим выражением диалектической закономерности возрастания роли субъективного фактора в условиях социализма.

Этот рост субъективного фактора является объективной закономерностью социализма, одним из проявлений диалектики субъекта и объекта. Сочетание знания объективных законов развития и осознания ответственности каждого перед обществом стимулирует активность и предотвращает проявления субъективизма — такова диалектика развития социализма и строительства коммунизма в СССР.

В процессе укрепления социального единства советского общества происходит сближение дружественных классов и социальных групп при ведущей роли рабочего класса, совершается диалектический процесс сближения и расцвета социалистических наций.

В борьбе со старым, отжившим по мере успехов этой борьбы стираются еще имеющиеся следы былых, в основном уже решенных противоречий между классами, пре-

одолеваются существенные различия между городом и деревней, между физическим и умственным трудом.

Путь к высшей фазе коммунизма — это не путь возврата назад, к былым антагонизмам, а путь вперед, к полной социальной однородности, не разжигание классовой борьбы внутри страны, а сближение классов, преодоление классовых различий.

Имея все это в виду, советские философы решительно опровергли утверждения современных буржуазных и ревизионистских метафизиков о «смерти» диалектики в условиях социального единства. «Единство социалистического общества не означает исчезновения противоречий как источника развития... Диалектика не умирает с возникновением социализма, а закономерно приобретает новые, специфические формы проявления» (303, стр. 257, 261). Характеризуя диалектику развитого социалистического общества, мы должны видеть, как «в ходе развития появляются противоречия между объективными и субъективными факторами, между производством и потреблением, между желаниями и реальными возможностями, между планомерностью и элементами стихийности, между новыми, подчас неожиданно возникающими и быстро возрастающими общественными и индивидуальными потребностями и организацией их удовлетворения. Играть свою роль и такие неантагонистические противоречия, которые могут возникать между необходимой централизацией управления народным хозяйством, с одной стороны, и повышением роли и самостоятельности различных звеньев, отраслей хозяйственного и социально-политического организма, региональных частей нашего общества — с другой. Ясно, что каждый новый крупный этап в развитии нашего общества дает нечто новое в соотношении демократии и централизма, в конкретном проявлении демократического централизма — этого основного принципа управления социальными процессами, отражающего существенные особенности новой общественно-экономической формации» (362, стр. 74).

Таковы выводы, вытекающие для материалистической диалектики как философской науки из анализа социального единства советского общества в свете ленинских мыслей о внутренних противоречиях социализма. Позитивная разработка партий, советскими философами проблемы соотношения противоречий и социального един-

ства советского общества означала дальнейшую конкретизацию материалистической диалектики в условиях развитого социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

5. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И МИРОВОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

До сих пор мы показывали ход исследования вопросов диалектики противоречий внутреннего развития СССР. Но перед философской наукой была поставлена самой жизнью задача обобщения еще одной важной стороны этой же проблемы в рамках уже не одной социалистической страны, а мирового социалистического содружества.

После исправления ошибок, связанных с последствиями культа личности, вопрос о противоречиях внутри единства стран мирового социалистического лагеря рассматривался в связи с критикой линии отходящего от ленинизма руководства отдельных коммунистических партий. Прежде всего это относилось к критике активной раскольнической деятельности группы Мао Цзэ-дуна, которая к тому же пыталась оправдать свою антиленинскую деятельность претенциозными ссылками на требования диалектики, и прежде всего закона единства и борьбы противоположностей.

В работе «Относительно противоречия» (1937 г.) Мао Цзэ-дун рассматривал любое обострение противоречий в неживой, живой природе и в развитии общества как антагонизм. Тем самым им абсолютизировалась наиболее острая форма борьбы противоположностей, связанная с наличием непримиримо враждебных классовых интересов, и уже тогда закладывались методологические основы «левой» концепции — апологии войн, немирных форм борьбы в качестве будто бы единственных форм развертывания и путей окончательного разрешения противоречий.

Мао Цзэ-дун и его группа извратили подлинное содержание тезиса Ленина об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей и в дополнение к левацкому отрицанию возможности укрепления социального единства внутри социалистического общества

выступили с «философским» обоснованием якобы неизбежного раскола как мировой социалистической системы, так и мирового коммунистического движения.

Когда Ленин призывал в период борьбы за создание партии нового типа сперва размежеваться с оппортунистами, для того чтобы объединиться, то это ленинское положение преследовало задачу объединить лучшие революционные элементы на большевистской платформе для создания боевого союза единомышленников. Это была борьба за *партию*. Когда же группа Мао призывает к расколу уже сложившегося на ленинских принципах единства мирового коммунистического и рабочего движения и единства мирового социалистического содружества, т. е. призывает к разрушению единства, являющегося главным оружием борьбы против мирового империализма, то такой раскол лишь усиливает империализм и ослабляет мировой социализм, силы международного рабочего класса. Это — борьба против марксистско-ленинской партии. Поэтому в современных условиях борьба за единство мирового коммунистического движения и против раскола является борьбой против мирового империализма.

Другой «псевдодialeктический» тезис «левого» ревизионизма — «чем хуже, тем лучше» предполагает не устранение трудностей, встающих на пути борьбы за социализм, а гальванизацию и искусственное усиление трудностей, т. е. ослабление позиций социализма и усиление позиций империализма. Необходимо ведь всегда помнить о том, для кого «хуже» и для кого «лучше» складывающиеся перипетии борьбы. Чем хуже для социализма, тем лучше для империализма — таков подлинный объективный смысл этого тезиса.

«Чем беднее, тем революционнее» — это третий выдвигаемый со ссылками на «диалектику» тезис, который является прямой клеветой и на коммунистический идеал, и на практику коммунистического строительства.

Коммунизм, как предсказывал Маркс, предполагает самый высокий жизненный уровень трудящихся на основе общественной собственности на средства производства и высшего развития производительных сил. Апология нищеты — характерная черта мелкобуржуазного, уравнилельного, аскетического «коммунизма», отразившего давно пройденный этап истории коммунистических

идей периода зарождения классовых противоречий на основе еще мелкотоварного производства, когда идея общности имуществ означала на деле «равную бедность» всех.

Этот тезис сознательно противопоставляет условия слабо развитых в экономическом отношении стран условиям классовой борьбы в странах высоко развитых в индустриальном отношении. Он тем самым направлен на отрицание революционности рабочего класса этих стран, который будто бы «обуржуазился». В то же время этот «тезис» абсолютизирует революционность крестьянских масс колониально зависимых и слабо развитых в экономическом отношении стран. И наконец, этот тезис призван замаскировать результаты экономических провалов, ошибочной политики Мао Цзэ-дуна и его группы внутри КНР и оправдать пропаганду антисоветизма, изображая неуклонный подъем жизненного уровня в странах социализма как якобы реставрацию капитализма, как измену революционным идеалам и т. д.

Антидиалектические методологические основы политики «левых» ревизионистов были подвергнуты развернутой критике в выступлениях советских философов, юристов, историков, экономистов на объединенной научной сессии Академии общественных наук при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Высшей партийной школы при ЦК КПСС и гуманитарных институтов Академии наук СССР, состоявшейся в Москве в июне 1964 г.

Серьезным вкладом в разрешение вопросов диалектики развития мирового социалистического содружества явились итоги международной научной сессии, посвященной 100-летию со дня основания I Интернационала, состоявшейся в Берлине в 1964 г. В докладах на этой конференции были проанализированы не только субъективные, но и объективные основы возникновения противоречий внутри единства братских социалистических стран и намечены пути их своевременного разрешения. В докладе секретаря ЦК КПСС тов. Ю. Андропова было подчеркнуто, что «неодинаковые уровни экономического и политического развития, различные исторические и культурные традиции, разное географическое положение — все это, вместе взятое, может приводить в ряде случаев в рамках нашей общей линии к объективному несовпа-

дению интересов социалистических государств при решении тех или иных конкретных вопросов, а стало быть, и к расхождениям во взглядах по этим вопросам... Если проводить правильную марксистско-ленинскую политику, сочетая национальные интересы каждой социалистической страны с интересами всего содружества, с интересами коммунистического и освободительного движения, то разные подходы к тем или иным конкретным вопросам не должны нарушать наше единство... Единство, которого мы добиваемся, основано не на подчинении интересов одной страны интересам другой, а на общности целей, на совпадении коренных, фундаментальных интересов, в рамках которых каждая социалистическая страна имеет свои проблемы, свое понимание тех или иных событий» (29, стр. 20). Там же указывалось, что в случае обнаружения таких несовпадений интересов надо «выработать правильные методы их преодоления». Решающим условием и результатом своевременного раскрытия таких объективных противоречий и выработки правильных методов их преодоления является укрепление, а не ослабление единства в коренных, фундаментальных вопросах общей борьбы за социализм против империализма.

Последующее развитие событий внутри мирового социалистического содружества и мирового коммунистического и рабочего движения полностью подтвердили правильность такого подхода к диалектике развития социалистического содружества.

Излагая позицию ЦК КПСС по этим вопросам, тов. Л. Брежнев в выступлении на V съезде Польской объединенной рабочей партии выделил два важных методологических положения, относящихся к диалектике соотношения субъективного и объективного факторов, имея в виду задачи укрепления единства стран мирового социалистического содружества.

Первое из этих положений связано с возросшей ролью субъективного фактора.

«Опыт говорит о том, что победа социалистического строя в той или иной стране может в нынешних условиях рассматриваться как окончательная, а реставрация капитализма может считаться исключенной только в том случае, если коммунистическая партия, как руководящая сила общества, твердо проводит марксистско-ленинскую политику в развитии всех сфер общественной жизни;

только в том случае, если партия неустанно крепит оборону страны, защиту ее революционных завоеваний, если она сохраняет сама и воспитывает в народе бдительность в отношении классового врага, непримиримость к буржуазной идеологии; только в том случае, если свято соблюдается принцип социалистического интернационализма, укрепляется единство и братская солидарность с другими социалистическими странами» (12, т. 2, стр. 329—330). Второе положение относилось к путям и методам преодоления возникающих противоречий между коммунистическими партиями братских стран (см. 12, т. 2, стр. 326, 333).

Рассмотренным выше вопросам диалектики развития мирового социалистического содружества были посвящены важные научные международные конференции, состоявшиеся в Москве и в ряде социалистических стран в связи с подготовкой и проведением празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Они нашли свое освещение также в ряде книг, выпущенных к юбилею, и в частности в книгах «Великий Октябрь и мировой революционный процесс», «Октябрь и научный прогресс» и др.

Эти же вопросы были освещены и в ряде монографий, подготовленных коллективами советских философов (см. 118 и др.).

Большое внимание вопросу о путях преодоления противоречий, возникающих внутри мирового социалистического содружества, уделило международное Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве 5—17 июня 1969 г.

Таким образом, разработка материалистической диалектики в ее центральном звене — учении о противоречиях шла не только путем анализа соотношения противоречий и социального единства советского общества, но и путем анализа противоречий и методов их преодоления в системе укрепляющегося единства мирового социалистического содружества.

В процессе этой творческой разработки получил дальнейшую конкретизацию и такой вопрос материалистической диалектики, как вопрос о соотношении внутренних и внешних противоречий применительно к социальному развитию.

Если раньше этот вопрос рассматривался лишь на

материале антагонистических противоречий двух мировых систем, то развитие жизни и философской науки потребовало раскрыть специфические особенности противоречий, возникающих между социалистическими государствами внутри мирового социалистического содружества, специфику разрешения этих противоречий путем укрепления единства братских социалистических стран на основе их общей борьбы против империализма, за общие цели коммунизма, против буржуазной и ревизионистской идеологии.

Конкретизация и дальнейшее развитие материалистической диалектики по всем этим проблемам были неразрывно связаны с анализом как мирового революционного процесса, так и внутренней диалектики развития самих социалистических стран. Разработка этих и других проблем материалистической диалектики вызвала дальнейшее оживление и творческий подъем среди философов как СССР, так и других стран социалистического содружества. Интерес к этим вопросам выявился и в трудах марксистов-ленинцев зарубежных капиталистических стран.

Все эти вопросы материалистической диалектики разрабатывались в острейшей идеологической борьбе против антикоммунизма, правого и «левого» ревизионизма.

Философский анализ объективных процессов классовой борьбы на международной арене в условиях сосуществования двух противоположных мировых систем означал дальнейшую разработку не только проблемы внутренних и внешних противоречий, но и соотношения основного и производных противоречий.

Получило также дальнейшее творческое развитие положение о соотношении содержания и формы диалектических противоречий. Антагонистическое по содержанию основное противоречие современной эпохи, как противоречие между социализмом и капитализмом, включает такую форму его развертывания, как мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Это мирное сосуществование является не примирением антагонизмов, а специфической формой классовой борьбы на международной арене.

Вопрос об основном противоречии был и остается предметом научной дискуссии среди философов и экономистов, но уже не в плане основного противоречия эпохи,

а применительно к внутренней диалектике становления коммунистической формации *.

Развертывание этой дискуссии, как уже было сказано, относится еще к 40—50-м годам, когда, в частности, на страницах журнала «Вопросы философии» была опубликована уже упомянутая статья Ц. Степаняна, посвященная проблемам диалектики развития социалистического общества.

В ходе этой длительной дискуссии выявилось большое количество различных точек зрения и оказалось необходимым уточнить содержание самих категорий основного и главного противоречия, поскольку эти категории в ходе дискуссии зачастую полностью отождествлялись. Анализ этих категорий был посвящен ряд работ философов как нашей страны, так и братских социалистических стран (в частности, Венгерской Народной Республики и Монгольской Народной Республики). В них было показано, что отличие главного противоречия от основного является не терминологическим, а категориальным. Дело в том, что диалектическое противоречие развития (внутреннее или внешнее, антагонистическое или неантагонистическое) может оказаться (на определенном, конкретном этапе развития того или иного общества) главным, не будучи в то же время основным противоречием данной формации.

Всякое основное противоречие в конечном счете является главным, но не всякое главное на данном этапе противоречие развития является основным для процесса в целом.

Основное противоречие является таким, которое наиболее глубоко выражает сущность явления на всем протяжении его существования и развития от возникновения до уничтожения и преобразования в новое качество. Основное противоречие накладывает свой определяющий отпечаток на все остальные противоречия развивающегося объекта.

Отдельными экономистами в начальный период дискуссии об основном противоречии коммунистической формации высказывались сомнения относительно самой

* В пятой главе уже говорилось, что еще в 1932 г. в книге «Материалистическая диалектика» (см. 227, ч. 1) был поставлен на обсуждение вопрос об основном противоречии коммунистической формации и его специфическом выражении в условиях социализма.

правомерности постановки этого вопроса, поскольку наличие такого основного противоречия вело будто бы к признанию необходимости в результате его разрешения смены формаций. К тому же сам спор об основном противоречии коммунистической формации приобретал иногда схоластический характер.

В работах отдельных советских философов и в настоящее время подвергается сомнению правомерность постановки и решения этого вопроса (см. *Г. Глезерман. Противоречия при социализме. — «Проблемы мира и социализма», 1972, № 3*, где автор по данному вопросу пишет, что «нельзя найти того, чего нет. Вместо подобного рода поисков надо анализировать реальные противоречия социализма» (стр. 69)).

Сторонники существования основного противоречия коммунистической формации выдвинули две концепции. Одна из них трактует его как неантагонистическое противоречие между непрерывно растущими материальными и духовными потребностями (которые не следует смешивать с потреблением), порожденными общественным производством, с одной стороны, и достигнутым уровнем материального производства — с другой.

Это противоречие не только учитывает отношения двух сторон материального способа производства, но и возрастающую роль субъективного фактора, охватывает в совокупности все общественные отношения как на ступени социализма, так и на высшей фазе коммунизма.

Согласно другой точке зрения, основное противоречие коммунистической формации — противоречие между достигнутым уровнем производительных сил и уровнем производственных отношений, которое рассматривается как основной стимул развития обеих сторон производства и других сфер общественных отношений.

Обе точки зрения в известном смысле дополняют друг друга, и уже наметились пути их сближения в ходе дальнейшей дискуссии. Основой такого сближения и позитивного решения проблемы как раз и является различие основного и главного противоречия.

В ходе научных обсуждений обращалось внимание на то, что сам характер труда на высшей фазе коммунизма качественно меняется в условиях полной автоматизации производства и превращения труда в первую жизненную потребность людей. Поэтому для всей коммунистической

формации (для низшей и высшей ее фаз) основным является противоречие между производством и потребностями. Но это основное противоречие всей формации специфически проявляется в условиях низшей фазы коммунизма через главное противоречие социализма — противоречие между достигнутым уровнем производительных сил и уровнем социалистических производственных отношений. Для низшей фазы коммунизма типичным в самих производственных отношениях является противоречие между равенством всех по отношению к средствам производства и неравенством в распределении (в соответствии с принципом социализма — от каждого по способностям и каждому по труду). На низшей фазе развития коммунистической формации характерной чертой диалектики является то, что производственные отношения в целом опережают достигнутый уровень развития производительных сил, стимулируя их прогрессивное развитие, но в то же время в отдельных звеньях они отстают от развития производительных сил и именно в этих звеньях совершенствуются.

В свете такой постановки вопроса обращалось внимание и на то, что главное противоречие социализма есть проявление основного противоречия всей коммунистической формации, но в условиях, когда принцип распределения по труду стимулирует развитие производительных сил.

Из признания основного противоречия коммунизма как движущего противоречия *всей* формации в целом следует вывод о неизбежности перехода от социализма к коммунизму не путем свертывания, отбрасывания принципов социализма, а путем оптимального использования принципов, резервов, возможностей социализма для построения коммунизма.

Если резюмировать ход дискуссии, имея в виду ее положительные результаты, то можно следующим образом изложить основные методологические соображения, которые выявились как необходимые при исследовании основного противоречия коммунистической формации.

Коммунистическая формация возникает на основе коренного разрешения основного противоречия капитализма путем политической революции и завоевания диктатуры рабочего класса. Однако сама коммунистическая формация благодаря соответствию общественной соб-

ственности на средства производства, общественному характеру производства не имеет внутренних экономических основ для политической революции, замены общественной собственности на средства производства «антиобщественной» (т. е. частной). Поэтому разрешение и воспроизведение основного противоречия коммунистической формации вовсе не означает неизбежность замены этой формации, а лишь требует непрерывного совершенствования общественной собственности и всех общественных отношений, основанных на принципе коллективизма и сотрудничества, социального единства и полного социального равенства.

Необходимо учесть и ту черту коммунистической формации, которая связывает ее прогрессивное развитие не только с высшим уровнем материального производства, но и с всесторонним развитием индивидуумов, с максимальным расцветом материальной и духовной культуры, с возросшей ролью субъективного фактора при коммунизме.

Таковы основные направления конкретизации и развития учения о противоречиях — ядра материалистической диалектики как философской науки — в период победившего социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Здесь выделены главным образом те стороны развития материалистической диалектики по вопросу о противоречиях, которые связаны прежде всего с обобщением опыта коммунистического строительства в СССР. На основе изучения этого опыта, а также на основе обобщения и анализа развития естествознания и техники в советской специальной философской литературе были разработаны и другие грани проблемы диалектических противоречий: место закона единства и борьбы противоположностей как ядра диалектики в системе всех законов диалектики (в книгах «Ленин и диалектика» М. Розенталя, «Ядро диалектики» В. Черткова, «Проблемы диалектических противоречий» В. Горбача и др.), анализ понятия диалектического противоречия как категории диалектической логики (в работе Г. Батищева «Противоречие как категория диалектической логики» и др.), анализ понятий и структуры диалектического противоречия, фаз его развертывания и разрешения, видов противоречий (в работах С. Дуделя, Г. Штракса и др.), специфика развития противоречий в естествознании, в

логике (в работах Б. Кедрова, В. Библера, А. Арсеньева и др.). Анализу ленинского этапа в разработке проблемы противоречия была посвящена специальная монография В. Козловского «Учение В. И. Ленина о противоречиях». Только с 1952 г. по этим вопросам было опубликовано в СССР более 25 работ.

Все это говорит о многогранном подходе советских философов к исследованию центральной проблемы диалектики социализма — проблемы противоречий в условиях социального единства общества. Вместе с тем в их работах получили развитие и другие важные вопросы.

6. ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

Важное место в системе всеобщих законов диалектики занимает закон перехода количественных изменений в качественные и обратно.

В предыдущей главе уже было показано, как в ходе философских дискуссий 30-х годов были отвергнуты попытки представителей механистической ревизии диалектики рассматривать категорию качества лишь в субъективистском плане, а также попытки представителей гегельянской трактовки марксистской диалектики рассматривать закон перехода количественных изменений в качественные как филиацию идей, категорий в отрыве от обобщений нового опыта социалистической жизни, мирового революционного процесса, достижений естествознания и техники.

Еще до Великой Отечественной войны Советского Союза в журнале «Под знаменем марксизма» стали публиковаться работы, в которых закон перехода количественных изменений в качественные разрабатывался как реализация важнейших методологических указаний Ленина о необходимости показать на материале истории естествознания единство исторического и логического, показать качественно-количественные изменения как выражение противоречивой сущности процесса развития, значение этого закона для единства онтологического и гносеологического рассмотрения процесса развития мира и его познания.

По этим вопросам еще в 30-е годы выступили М. Ми-

тин, Е. Ситковский, В. Сарабьянов, А. Столяров и др. Из работ 40-х годов серьезное значение для творческого исследования закона перехода количества в качество имели работы Б. Кедрова: статья «Учение марксистской диалектики о качестве, количестве, мере», опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма» (1941, № 3), статья «Ленин о связи между диалектикой и естествознанием», опубликована в том же журнале (1944, № 1) и, наконец, статья «Историческое и логическое в химии», опубликованная в «Известиях Академии наук СССР», в серии истории и философии (1945, № 6).

На основе этих публикаций и дальнейших исследований в 1946 г. была опубликована монография Б. Кедрова «О количественных и качественных изменениях в природе» — одна из первых, если не первая крупная философская работа по данному закону материалистической диалектики в СССР и за рубежом. В этом труде были исследованы категории диалектики и естествознания в их отношении к закону перехода количества в качество и концепции развития природы в их отношении к этому же всеобщему закону развития.

Позднее Б. Кедров опубликовал работу «Постепенность — как одна из форм перехода от старого качества к новому качеству» («Вопросы философии», 1954, № 2).

В этих работах был использован большой материал из истории естествознания (химии и физики). Автор опирался прежде всего на ленинские методологические высказывания и подчеркивал в то же время те новые стороны разработки этого закона, которые к тому времени уже отмечались в философских высказываниях других авторов.

Разработка закона перехода количественных изменений в качественные была связана не только с обобщением развития естествознания, но и с обобщением опыта социального развития.

В советской философской литературе 50—60-х годов были подвергнуты принципиальной критике утверждения о том, будто отсутствие экономических основ политической революции в условиях полностью и окончательно победившего социализма означает отказ от признания действия закона перехода количества в качество при социализме. Критике подверглись и современные антидиалектические концепции, содержащие мистическую трак-

товку качественных переходов вроде теории «эмерджентной эволюции», а также концепция плоской эволюции в духе трансформации без коренных качественных преобразований, отрицание закономерности революционных скачков.

Было показано большое значение для дальнейшего развития диалектики ленинских мыслей о разнообразии форм качественных преобразований, о скачках как перерывах постепенности в развитии, коренных переломах, охватывающих разные по длительности периоды, о постепенных переходах как выражении не только количественных, но и качественных изменений. Ленин подчеркивал важность различий в политическом отношении между низшей и высшей фазами коммунизма и в то же время постепенный характер перерастания неполного коммунизма в полный коммунизм.

Не меньшее значение имели и ленинские идеи о мирных и немирных формах развития социалистической революции, о значении анализа существенных свойств предметов и явлений для разграничения диалектики от эклектики, об особенностях качественных преобразований с использованием элементов, унаследованных от капиталистической формации, и др.

Был подвергнут критике характерный для времен культа личности схематизм в трактовке этого закона как «третьей черты» марксистского диалектического метода, стиравший грань между законом перехода количественных изменений в качественные и законом отрицания отрицания.

В ходе исследования основных категорий, выражающих сущность закона перехода количественных изменений в качественные, категорий качества, количества, свойства, меры, скачка были поставлены вопросы о необходимости специальной философской разработки категории «фазы развития» в свете ленинских мыслей о превращении ряда существенных свойств в свою противоположность при сохранении коренного качественного состояния (две фазы капитализма — домонополистическая и монополистическая, две фазы коммунизма и т. д.).

Развернулась дискуссия по вопросу об «одноразличности» или «многокачественности» предметов, процессов и явлений и в этой связи об уточнении отношения качества и свойства. Была проанализирована категория

меры, ее особые формы: простая мера системная, субстанциональная мера, особенности меры в процессе развития («ограниченная мера», «развитая мера», «всеобщая мера») — все эти и другие вопросы в той или иной степени были поставлены и позитивно решались в специальных монографиях, статьях, исследующих как закон в целом, так и категории, выражающие закон (см. 155, стр. 172—185; 351, стр. 166—171).

В социальном аспекте закон перехода количественных изменений в качественные исследовался в работах советских философов Г. Лема, А. Ковальчука и других; в логическом плане исследованы проблемы «вещи, свойства и отношения» в работе А. Умова, проблема соотношения количества, качества и структуры в работах В. Аудова, С. Зака, И. Тимофеева, категории меры — в работе В. Кузьмина. Итоги исследований были учтены в работах, посвященных изложению законов диалектики в целом.

Исследованию специфики действия закона перехода количественных изменений в качественные в условиях социализма посвящена монография А. Ковальчука «Становление нового качества в развитии общества». Особое внимание в ней уделено анализу места и роли скачка в развитии классово антагонистических формаций и специфики скачка в развитии социалистического общества. Жизнь показала возможность постепенного образования нового качества, необходимость различения постепенности количественных и постепенности качественных изменений. Последняя означает «способ, особый путь протекания коренных качественных преобразований». Предметом анализа в этой работе является вопрос о соотношении понятий «постепенное образование нового качества» и понятия «скачок». Все эти новые грани и моменты анализа закона перехода количественных изменений в коренные качественные могли получить развитие только на основе обобщения опыта развития социализма и перерастания социализма в коммунизм как процесса постепенного образования нового качества. По всем этим проблемам за последние два десятилетия был опубликован ряд специальных работ советских философов.

Предметом специального анализа, дальнейшей конкретизации явился и закон отрицания отрицания, один из трех главных законов материалистической диалектики.

7. ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

В советской философской литературе особенное внимание было уделено интегральному характеру этого всеобщего закона развития. Суммируя основные идеи работ советских философов, характеризующие содержание закона, можно отметить следующие положения: во-первых, внутренней основой закона является, как указывал Маркс, великий принцип отрицательности, имеющий глубоко диалектический смысл; во-вторых, этот принцип проявляется не в общей и абстрактной форме, а в конкретном виде «отрицания отрицания», составляющем специфику закона; в-третьих, эта специфичность выступает как форма «возврата к старому», причем «старое» является в синтезе вместе с тем как нечто новое; в-четвертых, отрицание отрицания означает одновременно и сохранение определенных элементов прошлого, историческую преемственность в развитии; в-пятых, специфичность проявляется и в спиралевидности диалектического движения, органически связанной с общим характером данного закона.

Такое понимание закона отрицания отрицания, развитое с различных сторон в трудах большинства советских философов, позволяет раскрыть именно его интегральный характер и смысл.

В отличие от закона единства и борьбы противоположностей, имеющего дифференциальный характер и обнаруживающего раздвоение единого в сущности сколь угодно малого объекта развивающейся материи, закон отрицания отрицания интегрален: спиралеобразность и якобы возврат к старому обнаруживаются лишь применительно к относительно законченным циклам развития.

Поэтому необходимо суммирование большого количества данных на сравнительно длительных этапах развития, чтобы обнаружить действие закона отрицания отрицания.

Здесь оказывается недостаточным простое отрицание новым качеством старого; диалектическое отрицание дает возможность дальнейшего развития и последующего отрицания отрицания. Необходимо как минимум исследование не только первого отрицания, но и отрицания этого

отрицания для обнаружения спиральности в развитии. Это и обуславливает интегральный характер закона.

Не случайно поэтому Маркс в 24-й главе первого тома «Капитала», Энгельс в итоговой главе философского раздела «Анти-Дюринга» и Ленин в последнем параграфе работы «Шаг вперед, два шага назад», озаглавленном «Нечто о диалектике. Два переворота», опираясь не на схему «триады», а на анализ действительного процесса развития и его этапов, делали выводы о действии закона отрицания отрицания как одного из всеобщих законов диалектики.

Эта особенность закона позволила опровергнуть обвинения, выдвигаемые в свое время Дюрингом, а затем и Михайловским против Маркса, якобы подгоняющего действительный процесс развития под схему гегелевской триады.

В этой связи советские философы подчеркивали, что еще в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в работах г. Струве» Ленин подверг принципиальной критике попытки отождествления материалистического понимания закона отрицания отрицания с гегелевским пониманием триадичности развития и абсолютизацией схемы триады. В своей работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин опирался на закон отрицания отрицания, анализируя внутренние закономерности и общие тенденции внутрипартийного развития в период борьбы большевиков с меньшевиками. Ленин рассматривал этот закон в непосредственной связи с законом единства и борьбы противоположностей, поскольку «развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий», и подчеркивал интегральный характер закона, требующего рассмотрения всей совокупности развивающихся явлений в их общей тенденции.

Ленин разоблачал врагов марксизма, которые «уцеплялись за способ выражения Маркса, нападали на происхождение теории, думая тем подорвать ее сущность». Ленин уже тогда показывал, что подбор «примеров, доказывающих верность триады, — не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений», что «центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс», что «для триад не остается и дру-

гого места, как роль крышки и шелухи» (2, т. 1, стр. 163, 164, 168).

Закону отрицания отрицания Ленин уделял большое внимание не только в чисто философском плане, расшифровывая его как повторение на высшей ступени черт предыдущих этапов развития, как «якобы возврат» и спиралеобразный характер развития, но и разрабатывая программу социалистического строительства. Последнее специально рассмотрено в предыдущей главе.

Кроме интегрального характера закона отрицания отрицания в процессе исследования была выделена возможность при известных условиях перехода к высшей ступени (синтезу), минуя среднюю (антитезис).

Эта особенность приобрела актуальное значение как методологическая основа возможности некапиталистического пути развития, ставшей одной из характерных черт современного развития, гранью мирового революционного процесса, одной из существенных особенностей современной исторической эпохи.

То, что во времена Н. Г. Чернышевского (см. его «Критику философских предубеждений против общинного владения») служило методологической основой выводов утопического коммунизма применительно к России, хотя и содержало гениальные догадки, отмеченные Энгельсом в его ответе русским народникам, то в новую историческую эпоху реализовалось в процессе некапиталистического развития Монгольской Народной Республики, ряда среднеазиатских советских республик.

Существование мирового социалистического содружества открывает для освободившихся от колониального ига стран реальные возможности некапиталистического развития.

Большое внимание уделяется исследователями закону отрицания отрицания, специфике его действия в условиях социализма и строящегося коммунизма.

Были поставлены вопросы о так называемых малых и больших циклах в действии закона, о новых открытиях науки (освобождение ядерной энергии и прорыв человечества в космос), позволяющих пересмотреть вопрос о будущем якобы неизбежном, нисходящем направлении в развитии человеческого общества. В нашей философской литературе были высказаны соображения о том, что научно-техническая революция в условиях коммунизма

создаст такие возможности преобразования природы (предотвращение охлаждения солнечной системы, заселение человечеством околосолнечного пространства и т. д.), которые не дадут реализоваться прогнозам о неизбежном якобы нисходящем пути в истории человечества. Ведь неизбежность нисходящей линии в развитии человечества, о которой писал и Ф. Энгельс, опиралась лишь на убежденность науки прошлого в неизбежном исчезновении географической арены жизни на Земле, а не на внутреннем закономерном развитии общества. Соответственно позиции, требующей учитывать большие и малые циклы в действии этого закона (см. 359), утверждение коммунизма завершает собой поистине великий цикл в действии закона отрицания отрицания, цикл, охватывающий всю историю человечества, начиная от первобытной общины и кончая нашим настоящим и всем будущим коммунистической общественно-экономической формации.

Процесс постепенного перехода к коммунизму и прогнозирование дальнейших путей развития общества потребовали конкретизации закона отрицания отрицания, поскольку применительно к антагонистическим формациям именно этот закон обосновывал необходимость замены капитализма коммунизмом.

Враги материалистической диалектики утверждали, что признание действия закона отрицания отрицания в условиях социализма и коммунизма неизбежно ведет к будущему отрицанию коммунистической формации какой-то «антикоммунистической» и, следовательно, признание диалектики означает тем самым отказ от коммунизма, а признание коммунизма — отказ от диалектики. Советские философы показали несостоятельность утверждений буржуазных философов о неизбежности будущего отрицания коммунизма «антикоммунизмом» якобы в силу действия закона отрицания отрицания.

Еще Маркс предвидел, что при коммунизме социальные эволюции перестанут быть связаны с политическими революциями, что капитализм является последней антагонистической формой социального прогресса и что только с победой пролетарской революции кончается предыстория и начинается подлинная история человечества.

Эта подлинная история не содержит в себе экономических основ ликвидации общественной собственности на

средства производства и в то же время создает все условия для ускорения социального развития. Таким образом, отсутствие экономических основ для политических революций при коммунизме будет означать начало подлинной истории человечества, в которой смена формаций путем политических революций уже не будет иметь места.

Новые условия общественного развития при коммунизме создадут возможности еще более быстрого и все ускоряющегося развития, в котором цикличность и спиральность будут обязательно иметь место, но не как отрицание коммунизма, а как его совершенствование, как смена эпох, стадий внутри коммунистической формации. Коммунизм будет означать не только завершение ряда витков спирали, начатых еще предысторией человечества (например, слияние наций, национальных языков), но и, возможно, начало таких новых грандиозных этапов, как те, что будут связаны с контактами землян с внеземными цивилизациями далеких миров.

Закон отрицания отрицания, как и всякий другой закон диалектики, проявляется не только в большом, но и в малом, и в этом плане развитие нашего общества знает свои «малые» циклы, в которых также обнаруживается спиралеобразность развития.

В резолюции X съезда РКП(б) об общих принципах организационной работы партии, написанной при ближайшем участии Ленина, подчеркивалась возможность повторяемости тех организационных форм, которые были отброшены на определенном этапе партийного развития, но затем в соответствующих новых условиях вновь обнаруживали свою жизненную силу.

Черты повторяемости в «малых циклах» развития были образно обрисованы в выступлении писателя Л. Соболева на первом съезде писателей Российской Федерации: «По спирали исторического развития мы проходим теперь над собственными достижениями, с каждым витком повторяя их в неузнаваемом совершенстве: Волховская и Братская ГЭС, АНТ-4 и ТУ-114, палатка четверых на полярной льдине и поселок Мирный в Антарктиде, первый совхоз-гигант и гигантские целинные земли, стратостат и спутник... подумать только, что произошло за эти несколько коротких лет, которые венчают собой наш сорокалетний путь» (327, стр. 143).

История исследования и применения закона отрицания отрицания в новейший период развития материалистической диалектики имеет свои особенности. В период распространения культа личности этот закон как бы выпал из научного обихода, поскольку в работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме» об этом законе специально не упоминалось, а развитие «по восходящей линии» фигурировало как характеристика третьей черты марксистского диалектического метода. Затем, когда богатство философских трудов классиков марксизма-ленинизма стало полностью использоваться в научно-исследовательской и пропагандистской работе, возродился интерес к этому закону и стали появляться работы, ему посвященные. С 1956 по 1965 г. было опубликовано более десяти таких работ.

В ходе этой исследовательской работы возникли научные споры о сущности этого закона, о его всеобщности. Эти споры были полезны, потребовали более глубокого продумывания коренных вопросов материалистической диалектики.

К этому времени выявилось различие в истолковании вопроса о соотношении развития и движения, о чем уже говорилось в начале главы. Те авторы, которые трактовали движение как более широкую категорию, чем развитие, рассматривали и закон отрицания отрицания как закон, характеризующий только прогрессивное развитие, но не любое движение. Эта позиция представлена, в частности, в книге М. Руткевича «Диалектический материализм».

В этой книге справедливо критиковались попытки истолковать закон отрицания отрицания просто как последовательный ряд отрицающих друг друга качественно различных ступеней развития. Автор критиковал также отождествление закона отрицания отрицания с поступательным развитием, поскольку все законы материалистической диалектики, а не один какой-либо из них есть законы поступательного развития (см. 310, стр. 410, 412).

Но в то же время автор книги выступил против признания всеобщности этого закона, понимая его только как чрезвычайно общий, но не всеобщий закон, относящийся (в отличие от первых двух законов диалектики) лишь к прогрессивному развитию, а не к развитию вообще.

Сторонники такой трактовки, нашедшей отражение в учебной литературе, ссылались на слова Энгельса о чрезвычайно общем (но не всеобщем) характере закона, подчеркивая, что имеется множество сфер и областей, в которых закон якобы не действует или не проявляется. Они выдвигали и другие аргументы, в частности указывали, что развитие в условиях коммунизма носит характер все более выпрямляющейся спирали. Эти аргументы были подвергнуты критическому обсуждению. Мы уже отмечали точку зрения тех авторов, которые рассматривали понятие «движение» как более узкое по объему, чем понятие «развитие». Они утверждали, что «чистое» движение есть лишь абстрактно взятый момент всеобщего развития и движения природы, которая переживает действительную историю. С этих позиций нет нужды ограничивать всеобщность закона отрицания отрицания только потому, что это будто бы закон развития, а не движения. В письме к дочери Маркса Лауре Лафарг Энгельс совершенно определенно подчеркнул, что «форма всякого бессознательного развития есть отрицание отрицания» (1, т. 37, стр. 98).

Трудность обнаружения закона и особенности его проявления в ряде областей и явлений мира вовсе не свидетельствует о его ограниченности.

Закон всегда является выражением существенной связи. А сущность не тождественна с явлением. Сущность «любит скрываться», «лежит в глубине». Если закон заметно проявляет свое действие в итоге длительного процесса развития, только при протекшем ряде явлений в их совокупности, на определенных этапах, то это является лишь свидетельством его подспудного действия во всех остальных явлениях. Иначе мы встанем на точку зрения своеобразного «дальнодействия», которая давно уже опровергнута даже в области понимания механических процессов.

История науки свидетельствует, что не только в области законов, изучаемых материалистической диалектикой, но и в сфере законов, действующих в отдельных областях природы или общества, действие закона нельзя отождествлять с его проявлением. Возьмем, например, особенности действия статистических законов хотя бы в области квантовой механики. Действие этих законов обнаруживается при наличии большой совокупности явле-

ний. Если же взять небольшое количество событий, то имеющиеся связи и отношения этих событий могут быть направлены прямо противоположно действию закона (флуктуации, отклонения). Но из этого не следует, что статистический закон вообще не действует, не существует в каждом из двух событий. Закон — это вместе с тем тенденция, статистический закон действует и тогда, когда он не обнаруживается явно.

Ленин отмечал в «Философских тетрадах», что и пена является выражением сущности, глубинного течения реки, хотя всплески пены могут быть направлены, как и всеческие круговороты, против основного направления глубинного течения.

Спиралевидный характер развития предполагает не только генеральную тенденцию прогресса, но и временные движения вспять, возможность зигзагов в процессе развития, сочетания прогресса и регресса. Но такие попятные движения, как регрессивное развитие частей некоторого целого при прогрессивном развитии всего этого целого, регресс в организации одних видов, вызванный прогрессом в развитии других видов, наличие дегенерации и чрезмерной специализации, убывающей пластичности, и даже возможность временных общих попятных движений, — это не уравнивает прогресса и регресса и не отменяет общей направленности развития как поступательного.

Сказанное свидетельствует о всеобщности действия закона отрицания отрицания в масштабе всей материи, что нисколько не исключает анализа его специфики, характера проявления его всеобщности в различных процессах и явлениях.

Закон перехода количественных изменений в качественные тоже обнаруживается наиболее ярко лишь в периоды нарушения границы меры, однако действует он постоянно, так же как и закон отрицания отрицания. Трудность обнаружения действия закона, как уже было показано, связана с его интегральным характером и требует наблюдения цепи явлений за очень широкие и большие циклы времени. Всеобщность закона отрицания отрицания доказывается самой историей науки: в неорганической природе — периодическим законом Менделеева, который отображает спиралевидную картину развития химических элементов, закономерно повторяющих в более

сложных по строению элементах определенные общие черты, характерные для всей группы металлов, всей группы галогенов, всей группы инертных газов.

Выступая на XX съезде КПСС, академик И. Курчатов образно показал, что в земных условиях можно провести цепную ядерную реакцию таким образом, что «новое ядерное топливо образуется в больших количествах, чем количество сгоревшего в цепном процессе исходного ядерного топлива... Получается как бы так, что сожжешь в топке уголь, а выгребешь вместе с золой еще больше угля» (4, т. I, стр. 596).

Ядерные реакции происходят и без человека, например в недрах звезд, и, следовательно, в определенных участках неживой природы происходит прогрессивное спиралевидное развитие, отображением которого является периодический закон.

В настоящее время физикой элементарных частиц решается задача открытия закономерности развития элементарных частиц, в какой-то степени, возможно, аналогичной той, что связана с открытием закона Менделеева. Весьма вероятно, что открытие такой закономерности обнаружит и в мире элементарных частиц черты спиралевидного развития.

В мире живой природы закон отрицания отрицания проявляется в виде фундаментального, основного биогенетического закона, открытого зоологами Ф. Мюллером и Э. Геккелем и до них еще отмеченного и Ч. Дарвином.

Э. Геккель в 1866 г. в работе «Генеральная морфология» писал о зародыше: «В течение быстрого и краткого хода своего индивидуального развития особь повторяет важнейшие из тех изменений формы, через которые прошли ее предки в течение медленного и длительного хода их палеонтологического развития по законам наследственности и приспособляемости» (251, стр. 192).

Ф. Мюллер в работе «За Дарвина» писал о том же: «...историческое развитие вида будет отражаться в истории его индивидуального развития. В короткий промежуток времени нескольких недель или месяцев сменяющиеся формы зародышей и личинок дают нам более или менее верную картину тех изменений, благодаря которым в течение многих тысячелетий вид достиг своего настоящего состояния» (251, стр. 149). Так, например, внутриутробное развитие зародыша млекопитающих, включая человека,

показывает, что сперва зародыш напоминает простейшие одноклеточные существа, затем — червеобразные, далее рыбообразные (известно, что у зародыша человека имеются на этом этапе жаберные щели) и т. д.

Такое сокращенное воспроизведение в онтогенезе филогенеза дает возможность проследить спиралеобразную историю развития живой природы, длящуюся тысячелетия в истории вида.

Замечательным подтверждением объективной диалектики является и спиралевидное строение молекулы нуклеиновой кислоты (ДНК), играющей важнейшую роль в развитии жизни.

В отношении истории человеческого общества марксизм давно показал спиралеобразный характер развития сменяющегося ряда общественных формаций. Это убедительно доказал Энгельс в «Анти-Дюринге» на примере воспроизведения на высшей фазе коммунистического общества известных черт первобытнообщинного строя (отсутствие частной собственности и классового деления). Однако, как известно, развитие производительных сил первобытнообщинного строя неизбежно вело к возникновению частной собственности и к расколу на классы, в то время как развитие коммунизма не имеет внутренних основ и причин для возврата к расколу общества на классы и к частной собственности.

Первобытнообщинный строй был основан на низшей ступени развития производства, в то время как коммунистическая формация подготовлена всем развитием производительных сил в условиях классовых эксплуататорских формаций.

Таким образом, и здесь речь идет не о возвращении вспять, а о якобы возврате, о повторяемости некоторых черт старого на высшем этапе развития.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» дает чрезвычайно широкую картину спиралеобразного развития всей истории философского мышления от наивного материалистического мышления через периоды господства идеалистического мировоззрения и метафизики вплоть до возникновения и развития диалектического и исторического материализма. Энгельс показал, как «старый материализм подвергся... отрицанию со стороны идеализма. Но в дальнейшем развитии философии идеализм тоже оказался несостоятельным и подвергся отрицанию со стороны совре-

менного материализма. Современный материализм — отрицание отрицания — представляет собой не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории» (1, т. 20, стр. 142).

В известном фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин весь ход развития философской мысли рассматривал как чередование кругов, приближающихся к спирали, выделяя не хронологический принцип изложения, а внутреннюю логику борьбы материализма против идеализма в каждой общественной формации, узловые пункты развития, которые сочетали в себе как высший философский синтез эпохи черты диалектики и материализма (Гераклит — Спиноза — Маркс). Таким образом, закон отрицания отрицания, как и другие законы диалектики, является наиболее общим законом развития природы, общества и мышления. Из интегрального характера закона отрицания отрицания, так же как и из всеобщего диалектического принципа взаимосвязи, вытекает важное методологическое требование *комплексного* подхода к явлениям развивающейся действительности, рассмотрение систем и структур в их *генетическом* развитии.

Эта сторона диалектики ярко проявилась за последние годы в развитии системно-структурного и системно-генетического анализа, в требовании комплексного изучения проблем социального развития.

В развитии материалистической диалектики как философской науки всеобщие законы диалектики исследовались в их органической взаимосвязанности, единстве, на основе такого ядра всей диалектики, каким является закон единства и борьбы противоположностей. Целостному изложению взаимосвязанных законов диалектики были посвящены многочисленные работы советских философов.

Суммированный обзор развития исследований, связанных с разработкой законов материалистической диалектики как философской науки на основе обобщения опыта коммунистического строительства, позволяет сделать общий вывод, что коренное, специфическое отличие действия всех законов диалектики в условиях социализма и строящегося коммунизма состоит в том, что они не разрушают

уже утвердившиеся основы общественного прогресса, а требуют постоянного их совершенствования.

За последние годы в литературе, посвященной законам диалектики, вновь был поднят ставившийся еще Плехановым вопрос, развиваются ли сами эти законы (см. 393, 311 и др.). Материалистическая диалектика как творческая наука, несомненно, развивается на базе развития научного познания в целом. Могут быть открыты новые, ранее неизвестные законы и категории, имеющие всеобщее значение. Не исключена (и подтверждается, как увидим дальше, развитием современной науки) возможность приобретения некоторыми категориями, ранее изучавшимися специальными науками, значения всеобщих философских категорий. Развитие философской науки является, естественно, развитием нашего человеческого познания.

Развитие объективных законов самой действительности носит иной характер. Всеобщие законы природы в процессе непрерывного движения наполняются новым содержанием самого материального мира, модифицируются в новых и многообразных формах движения истории, всегда выражая динамическое единство всеобщего и особенного.

Вместе с тем всеобщий закон, как таковой, как всеобщий принцип всегда остается в своей сущности законом (и принципом). Еще Гегель говорил, что принципы не меняются. Непрерывно развиваются материя и сознание по этим законам, не переставая оставаться материей и сознанием, а движение не перестает быть способом существования материи. В этой связи будет уместно напомнить мысль Маркса о том, что в жизни все изменяется и движется, неподвижной остается лишь абстракция движения. Это в какой-то мере относится и к рассматриваемому сейчас вопросу об изменении и развитии самих законов материалистической диалектики. Противоречия во всех своих модификациях остаются импульсом развития, так же как неизменным остается факт перехода количественных изменений в качественные в случае нарушения границ меры.

Завершая изложение истории разработки законов диалектики в современных условиях развития советского общества, отметим еще вопрос о порядке изложения законов материалистической диалектики, что должно выра-

жать определенную их связь и взаимозависимость. Тем самым вопрос приобретает и методологическое значение.

До сих пор изложение законов материалистической диалектики начинается либо с закона перехода количественных изменений в качественные, либо с закона единства и борьбы противоположностей.

Мы считаем, что нельзя понять действие закона перехода количественных изменений в качественные без выяснения того, что внутренним содержанием этого перехода, ключом к нему является назревание, а затем разрешение внутренних противоречий развития. Нельзя также понять сущность закона отрицания отрицания без предварительного выяснения противоречивого характера развития, перехода в противоположность в ходе самого развития, единства противоположностей, преемственности и отрицания в развитии.

В «Науке логики» Гегеля процесс познания сущности явлений совпадал с процессом создания самой этой сущности, поскольку Гегель исходил из тождества бытия и мышления, из самопознания, самотворения идеей себя. Поэтому не случайно Гегель сперва излагал в разделе «Бытие» закон перехода количественных изменений в качественные, а затем уже в разделе «Сущность» переходил к закону единства и борьбы противоположностей.

В работе, еще не предназначавшейся для печати, в «Диалектике природы» Энгельс перечисляет законы диалектики в том же порядке, в каком они даны у Гегеля. Но далее, в «Анти-Дюринге», главу «Диалектика. Количество и качество» Энгельс начинает с изложения закона единства и борьбы противоположностей и, показав роль противоречий, как импульса развития в простейших и более сложных формах движения материи, лишь затем переходит к освещению закона перехода количественных изменений в качественные.

Ленин в «Философских тетрадах», перечисляя элементы диалектики, пишет о противоречивости явлений еще до изложения характеристики качественных изменений, определяет учение о противоречиях как ядро диалектики и указывает, что только познание противоречий в их развитии и разрешении дает «ключ» к пониманию скачков, к перерыву постепенности. Маркс, работая над «Капиталом», методологическое значение которого всегда подчеркивал Ленин, начинал исследование капиталисти-

ческого общества с его явлений и пришел к раскрытию его глубокой сущности. Однако, когда надо было изложить результаты исследований, Маркс пошел путем единства логического и исторического, т. е. показал движение самой сущности, взятой в освобожденной от случайностей форме. Поэтому Маркс начал изложение «Капитала» с анализа противоречий товара и показал далее развертывание и разрешение всех этих противоречий. Характеризуя именно эту последовательность развития логики «Капитала», Ленин писал: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще» (2, т. 29, стр. 318).

В этом изменении порядка изложения законов проявилась также противоположность материалистической диалектики Маркса идеалистической диалектике Гегеля.

8. РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Картина истории диалектики как философской науки была бы неполной без рассмотрения проблем разработки в условиях победившего социализма категорий материалистической диалектики, являющихся органической частью целостной системы принципов, законов и категорий.

Для подлинно научного рассмотрения и творческого развития проблемы категорий необходимо было решительно преодолеть последствия как механистической, так и гегельянской ревизии марксистской философии, а впоследствии и культа личности.

Достаточно напомнить, что еще в 20-х годах нашего столетия в специальных и популярных философских работах многие категории, имеющие принципиально важное значение для науки и практики, освещались в духе механистического естествознания и метафизической философии *.

* В качестве примера можно привести освещение категорий причинности, необходимости и случайности. В работах Н. Бухарина, Л. Аксельрод и других представителей механистической ревизии марксизма категория причинности рассматривалась как важнейшая категория, подменяющая основной вопрос философии и якобы определяющая разделение философов на два лагеря — материалистов и идеалистов. К тому же причинность полностью отождествлялась с

Представители школы А. Деборина справедливо критиковали механистические толкования категорий. Однако критика эта велась, как было выявлено в ходе дискуссий 30-х годов, с позиций не диалектико-материалистического, а преимущественно гегелевского подхода к категориям, которые в трудах представителей школы Деборина рассматривались в отрыве от науки и общественной практики.

Связь и взаимопереходы категорий освещались ими в духе преимущественно имманентного, логического развития, филиации идей из них самих.

Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г., осудившее гегельянскую ревизию марксизма, определило решительное изменение направления научных исследований советских философов в духе единства теории и практики, философии и политики, в духе последовательного проведения ленинского принципа партийности философии, глубокого использования ленинского философского наследства, обобщения опыта строительства социализма в СССР, борьбы против буржуазной философии.

Обобщенным выражением проделанной в этом направлении большой работы по всем проблемам материалистической диалектики, включая и категории, стал опубликованный в 1934 г. учебник диалектического и исторического материализма, предназначенный для комвузов и втузов и составленный коллективом Института философии Коммунистической академии (см. 122).

Этот учебник положил в основу разработки вопросов диалектики ленинские идеи, ленинское философское наследство. Он явился по существу первым изложением той структуры курса марксистско-ленинской философии как науки, которая сложилась в живом процессе преподавания ее в вузах уже в советский период и затем получила дальнейшее развитие после преодоления последствий культа личности Сталина. В данном учебнике категории материалистической диалектики (сущность, явление, содержание, форма, закон, причина, цель, необходимость

необходимостью, а случайность — с беспричинностью, и тем самым случайность исключалась из палитры категорий, имеющих объективное содержание. Н. Бухарин писал в «Теории исторического материализма»: «Строго говоря, никаких случайных, т. е. беспричинных, явлений нет. Явления могут представляться нам «случайными», поскольку мы недостаточно знаем их причины» (60, стр. 42).

и случайность, возможность и действительность) рассматривались наряду с законами диалектики в одной общей главе — «Законы материалистической диалектики» и трактовались главным образом как категории, выражающие основные законы диалектики.

Через семь лет после выхода этого учебника, в 1941 г., Е. Ситковский опубликовал специальную работу «Категории марксистской диалектики». В этой работе автор предлагал рассматривать категории материалистической диалектики уже не только как понятия, выражающие основные законы диалектики, но и как пусть не главные, но *всеобщие* законы диалектики как науки.

Автор анализировал следующие категории: сущность и явление, закон и явление, общее и единичное, закон причинности, причинность и телеология, внутреннее и внешнее, необходимость и случайность, необходимость и свобода, возможность и действительность, содержание и форма (см. 324).

Таким образом, в это время советские философы приступили к разработке с марксистско-ленинских позиций проблем философских категорий диалектики. Однако уже в конце 30-х годов все более заметно стало проявляться влияние культа личности, когда работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме» стала канонизироваться как энциклопедия марксистско-ленинской философии. Как известно, в этой популярной работе категории материалистической диалектики вообще не рассматривались, и поэтому в научной философской проблематике того времени вопрос о категориях, так же как и вопрос о законе отрицания отрицания, временно оказался снятым.

В результате преодоления последствий культа личности Сталина советские философы вновь возвращаются к интенсивной разработке системы категорий материалистической диалектики.

Одним из пионеров здесь явилась кафедра философии Ярославского государственного пединститута имени Ушинского, где в течение ряда лет велась коллективная работа над исследованием категорий диалектики. Итоги этой работы были опубликованы в 1954 г. Ярославским книжным издательством в виде специального тома ученых записок института (см. 168).

В 1955 г. вышла в свет книга М. Розенталя «Вопросы

диалектики в «Капитале» Маркса», где специально рассматривался вопрос о категориях не только в плане диалектико-материалистического анализа экономических понятий и категорий, но и более общих — вопрос о соотношении категорий диалектической логики.

После XX съезда партии и последовавшего подъема всей идеологической, научной деятельности стал быстро расти поток научной литературы, посвященной категориям материалистической диалектики. Этому способствовало интенсивное развитие естествознания, техники, а также все более настоятельная потребность всестороннего обобщения опыта социалистического и коммунистического строительства, развития мирового революционного процесса. За период с 1956 по 1971 г., т. е. за 15 лет, было издано по вопросам о категориях материалистической диалектики более 50 работ.

Можно отметить ряд направлений в этой литературе о категориях. Прежде всего появились монографии, статьи, диссертации, посвященные разработке самих категорий по их содержанию. Это работы о категориях единичного, особенного, всеобщего (см. 385); причинности (см. 316, 317); необходимости и случайности (см. 279 и др.); возможности и действительности; содержания и формы (см. 238); сущности и явления. Специально исследовались в отдельных работах и такие категории, как тождество; абстрактное и конкретное (см. 144); материя (см. 31); пространство и время (см. 32); целостность (см. 35, 47); симметрия и асимметрия (см. 104); элементы и структуры (см. 319); часть и целое. Здесь названы лишь некоторые из опубликованных за эти годы работ советских философов по категориям материалистической диалектики. В этих работах раскрывалось объективное содержание категорий, их диалектическая взаимосвязь и их познавательное, методологическое значение с широким использованием естественнонаучного и общественно-политического материала. Авторы исследовали категории в тесном единстве исторического и логического, в единстве онтологического и гносеологического их содержания, подчеркивали необходимость рассматривать категории, не отрывая метод от теории (в системе *материалистической диалектики*).

Далее следует отметить постановку вопроса о необходимости разработки системы категорий, о материалисти-

ческой диалектике как философской науке, выраженной такой целостной системой категории. Предпосылкой для постановки этого вопроса явилось опубликование ряда работ, излагающих проблему категорий в целом.

К таким работам относятся книги Ф. Георгиева и А. Шептулина (см. 89, 388) и ряд других.

В них категории материалистической диалектики излагаются в определенной связи, иногда значительно отличающейся от принятой в учебных курсах по философии.

Возникла потребность в научной систематизации категорий материалистической диалектики как науки.

Сама правомерность такой постановки вопроса стала предметом научной дискуссии, поскольку наряду с философами, утверждавшими необходимость разработки такой системы категорий, выступили и противники этого направления. Так, один из них, Р. Гропп, в статье «К вопросу о марксистской диалектической логике как системе категорий» необоснованно критиковал сторонников рассмотрения категорий в их взаимосвязи, как якобы новую форму гегелевской интерпретации диалектического материализма.

Критика этой критики дана в работе советского философа А. Шептулина «Система категорий диалектики» (см. 388).

В общей литературе о категориях выделяются работы, в которых делается практическая попытка выработки основных принципов такой системы категорий материалистической диалектики и попытка разработки самой этой системы. Так, В. Тугаринов в работе «Соотношение категорий диалектического материализма» (см. 356) в качестве определяющих отношений берет взаимосвязь таких моментов, как «вещь — свойство — отношение», и распределяет все категории на субстратные, отражающие предметы, атрибутивные, отражающие свойства предметов, и релятивные, отражающие отношения. Некоторые авторы в качестве исходного начала построения системы законов и категорий диалектического материализма выдвигают категорию «материя», материалистическое решение основного вопроса философии. П. Сеитов в книге «Об объективной основе систематизации категорий» считает целесообразным при построении системы категорий исходить из последовательности появления отражаемых эти-

ми категориями всеобщих сторон у отдельных материальных образований (см. 320).

В. Библер исходит из того, что система категорий должна быть обобщением истории познания и выражать движение мысли от абстрактного к конкретному. Он берет мир как целое, затем переходит к предмету и его отношениям с окружающим миром, после этого рассматривает мир как процесс объективизации человеческих целей и понятий в ходе практической деятельности. В работе «О системе категорий диалектической логики» (см. 46) он делит все категории на четыре группы: в первый круг (группу) входят категории, отражающие бытие объективного мира как целого (мир, движение, пространство, время, отражение); во второй круг — категории, раскрывающие определенность предмета в отношении с окружающими его предметами (причина, следствие, свойство, признак, качество, количество, условие); в третий круг — категории, характеризующие мир как процесс (сущность, существование, явление, случайность, необходимость и др.); в четвертый — категории, характеризующие процесс объективизации целей (возможность, действительность, средство, свобода, необходимость). Некоторые категории (движение, закон, закономерность) пронизывают все круги.

П. Копнин предлагает строить систему категорий исходя из выделенных Лениным трех компонентов, связанных с познанием, а именно с природой, познанием человека и формой отражения природы в познании. Он делит категории на три раздела: 1) категории, возникающие в связи с решением основного вопроса философии; 2) категории, отражающие наиболее общие законы движения природы и мышления; 3) категории, отражающие непосредственно процесс познания (см. 186 и другие его работы).

Е. Ситковский рассматривает в числе исходных принципов разработки системы категорий единство логического и исторического и тождество диалектики, логики и теории познания (см. 325).

А. Шептулин в названной книге «Система категорий диалектики» отмечает, что развитие общественной практики позволяет найти принцип, определяющий закономерный переход категорий в процессе построения взаимосвязанной системы категорий, что исходными в исследовании законов и категорий диалектического материализма дол-

жны быть категории материи, сознания и практики. Руководящими же принципами построения системы должны быть положение о категориях как ступенях развития познания, выражающие единство логического и исторического, и принцип тождества диалектики, логики и теории познания. А. Шептулин предлагает рассматривать категории в последовательности: материя и сознание, отдельное — взаимосвязь — движение; единичное — особенное — общее; качество и количество; причина и следствие; необходимое и случайное; содержание и форма; сущность и явление; действительность и возможность.

На современном этапе развития материалистической диалектики мы еще не можем говорить о единой точке зрения и о завершении научной дискуссии по вопросу о развитии системы категорий. Однако сама коллективная работа в этой области, несомненно, способствовала конкретизации вопросов о содержании самих категорий и анализу их взаимоотношений, развития, способствовала продвижению вперед в разработке вопросов диалектической логики.

В работах, связанных с проблематикой категорий материалистической диалектики, обозначилось еще одно очень важное направление, связанное с выяснением перспектив дальнейшего развития и обогащения палитры категорий — исследование взаимоотношения категорий философии с категориями естественных и общественных специальных наук.

И здесь также обозначились различные подходы. Одни авторы рассматривают созданную Гегелем систему категорий как полностью завершенную, которую можно с позиций диалектического материализма целиком использовать для построения новой системы категорий, как своего рода замкнутую систему, не подлежащую в близком будущем дальнейшему обновлению и развитию. Другие авторы подчеркивают необходимость при составлении системы категорий учитывать то новое, что внес опыт развития научной мысли. Они рассматривают систему философских категорий как открытую систему и выдвигают мысль о том, что обновление категориального запаса в специальных науках идет значительно быстрее, чем в развитии философского мышления. Тем не менее и система категорий, накопленных развитием философского мышления, не остается неизменной и обогащается

за счет тех категорий, которые, возникнув как категории специальных наук, могут предельно расширить свой объем и приобрести категориальное значение в специфически философском смысле. Одной из таких категорий, по мнению этих авторов, является категория структуры. В этой же связи подчеркивалось и все большее проникновение в философию родившейся с развитием кибернетики категории информации (в связи с открытым Лениным свойством отражения как свойством всей материи) (см. 360).

В философской литературе последних лет подчеркивается сложность проблемы взаимообогащения категорий философии и естествознания и несостоятельность упрощенческого к ней подхода. Включение этих категорий в философию не должно быть механическим. Важно прежде всего не включение их в состав философских категорий, а материалистическое истолкование в сотрудничестве с естествоиспытателями. Важнейшее значение имеет философское истолкование тех новых данных и понятий, которые дает естествознание, даже если они и не могут быть включены в систему всеобщих категорий диалектики, а являются специфическими для частной науки.

Говоря в этой связи о понятии структуры, П. Федосеев в работе «Идеи Ленина и методология современной науки» пишет: «Конечно, можно было бы просто прибавить эту категорию к другим философским категориям и ограничиться таким «развитием» диалектического материализма. Или можно было бы объявить эту категорию только естественнонаучной, не имеющей отношения к философии и вести по-прежнему перечень философских категорий вне зависимости от того, что появилась такая категория. Однако опыт истории философии показывает, что развитие материализма шло не таким образом — и не путем механического включения естественнонаучных категорий в философию, и не путем их игнорирования» (364, стр. 14—15). Он отметил, что понятие структуры было уже давно и удачно применено Марксом для анализа социальных явлений (экономическая и классовая структура общества). Поэтому несостоятельны претензии на приоритет открытия этого понятия буржуазными авторами — представителями структурализма.

В наши дни диалектико-материалистическое исследование понятия структуры продолжено совместными уси-

лиями естествоиспытателей и философов (см. 342 и др.). Следует не противопоставлять философские категории специальным, естественнонаучным, вновь возникшим с развитием науки, а совместными усилиями философов и естествоиспытателей их исследовать. Философы должны учитывать при анализе законов и категорий развитие современного знания. Естествоиспытатели же должны видеть и исследовать связь категорий той или иной специальной науки с философскими категориями (см. 364, стр. 16).

Эта взаимосвязь и взаимообогащение философии и специальных наук выражается и в том, что некоторые философские категории, которые в механистический период развития естествознания были полностью исключены из арсенала точных наук, стали проникать в самые глубокие процессы современных естественных наук. Это относится прежде всего к категории случайности, которая является (в неразрывной связи с категорией необходимости) методологической основой разработки современных статистических, вероятностных методов науки. То же относится и к другим философским категориям, не говоря уже о понятиях пространства и времени, в которых философское и естественнонаучное содержание тесно переплетаются. Подобные связи категорий подлежат специальному и всестороннему исследованию (см. 364).

Мы отметили лишь самые общие направления постановки и решения задач, связанных с исследованием категорий материалистической диалектики и построением системы категорий на современном этапе развития материалистической диалектики. Главными из них являются вопросы структуры материалистической диалектики как целостной системы принципов, законов и категорий и проблемы ее обогащения и конкретизации на основе обобщающего анализа объективной диалектики социального развития, закономерностей процесса научного познания мира.

* *
*

Философский анализ охватывает все проблемы бытия и познания в их обобщенно-теоретическом виде. Марксистско-ленинская философия закономерно включает в анализ в качестве высшей сферы действия всеобщих законов и общественную форму движения материи, анализ ее глу-

боких диалектических закономерностей. Это определяет важность и необходимость всесторонней разработки материалистической диалектики как философской науки не только на основе высших достижений научного познания мира, природы, но и на базе обобщения закономерностей социальных процессов, закономерностей развитого социализма, что определяет ее историческое значение как научной методологии решения проблем строительства коммунистического общества.

В октябре 1972 г. состоялась всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы материалистической диалектики», которая подвела итоги и наметила пути дальнейшей разработки материалистической диалектики как философской науки. На конференции работали секции: проблема взаимосвязи законов и категорий материалистической диалектики; диалектика процесса познания; проблемы диалектической логики; диалектический материализм и конкретные науки; материалистическая диалектика как методология социального познания.

В докладах на пленарном заседании Б. Кедрова «О реализации ленинского плана разработки теории материалистической диалектики», М. Митина «Основные проблемы разработки теории материалистической диалектики», А. Шептулина «Проблема разработки системы категорий материалистической диалектики», П. Анохина «Актуальные вопросы современной физиологии мозга и материалистическая диалектика» и В. Готта «Проблема становления новых категорий познания», а также в докладах и сообщениях, сделанных на секциях, широко анализировались основные направления, по которым необходимо в ближайшие годы разрабатывать общую теорию материалистической диалектики, имея в виду всю совокупность ее принципов, законов и категорий.

Важнейшим условием плодотворности творческой разработки диалектики является глубокое исследование ленинских идей, верность методу ленинизма. «Ленинизм, как вечно живое, развивающееся учение, — говорится в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, — был, есть и будет в центре идейной жизни партии, основой всей ее революционно-преобразующей деятельности. Обращаясь к идейному наследию В. И. Ленина, партия видит свою важнейшую задачу в том, чтобы на основе

ленинских мыслей, ленинской методологии находить решение актуальных проблем коммунистического строительства» (9, стр. 102).

На основе ленинской методологии советские философы сделали немало в разработке проблем материалистической диалектики, обобщая закономерности развитого социалистического общества в нашей стране. Перед ними новые творческие задачи, решение которых имеет большое и теоретическое, и практическое значение.

9. ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИКИ МИРОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Одним из плодотворных теоретических заветов Ленина является его указание о необходимости развития науки диалектики на основе анализа закономерностей и содержания исторических процессов, происходящих в человеческом обществе в целом. Исходя из общего понимания диалектики как подлинно научной и универсальной теории развития, он определяет ее вместе с тем как *учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии*. В связи с этим Ленин неоднократно отмечал необходимость анализа мировых экономических, политических, военных событий и явлений для правильного понимания объективных диалектических закономерностей, для применения, конкретизации, дальнейшего развития понятий и категорий диалектики.

Глубокий диалектический анализ социально-исторических процессов современности дается в программных документах мирового коммунистического движения, важнейших решениях и документах Коммунистической партии Советского Союза, в докладах, трудах и выступлениях руководящих деятелей и теоретиков коммунистических и рабочих партий. Это прежде всего документы международных совещаний коммунистических партий 1957, 1960 и 1969 гг., Программа КПСС, решения и материалы последних съездов нашей партии, трехтомное издание речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева «Ленинским курсом». Вопросы диалектики современной эпохи в связи с закономерностями мирового революционного процесса рассматриваются в ма-

териалах международных сессий и научных конференций, в особенности в докладах и выступлениях на них секретарей ЦК КПСС Б. Пономарёва и М. Суслова.

В ряде трудов советских философов точно так же имеет место постановка и анализ проблем диалектики мирового общественного развития, связанных в первую очередь с исследованием сущности и закономерностей современной исторической эпохи. Здесь в особенности должны быть отмечены работы П. Федосеева «Диалектика современной эпохи» (см. 363) и «Коммунизм и философия» (см. 365), показывающие значение в указанном плане важнейших партийных документов и конкретизирующие целый ряд соответствующих идей и положений. В целом, однако, эти исключительно важные проблемы диалектики мирового развития не получили еще необходимой и всесторонней разработки в специальной философской литературе. Мы здесь вполне согласны с мнением П. Федосеева, что разработка *самой диалектики* на основе фактов современной общественной жизни, анализа закономерностей всемирной истории на современном этапе еще только разворачивается*.

Анализ проблем диалектики мирового общественного развития в важнейших партийных документах и работах советских философов выступает как исследование *объективной диалектики современной исторической эпохи*. Такой анализ является фундаментом субъективной диалектики, диалектики как теоретической дисциплины. Этим определяется важность подобного анализа как необходимого условия разработки проблем диалектики как науки, адекватной объективным закономерностям развития человеческой истории на ее современном, исключительно сложном и противоречивом этапе.

В названных документах можно выделить в обобщенном плане следующие главные линии анализа вопросов диалектики мирового развития.

* Кроме упомянутых трудов П. Федосеева имеется всего несколько специальных работ советских философов (см. 86, 118, 129, 207, 113, 208, 117, 226). В качестве неудачного примера следует назвать сборник «Ленинизм и диалектика общественного развития» (М., 1970), подвергнутый справедливой критике со стороны философской общественности. Фактически никаких реальных проблем диалектики мирового общественного развития книга не раскрывает.

Противоречивая сущность современной исторической эпохи

В определении сущности современной эпохи все партийные документы исходят из важнейших ленинских положений, требующих раскрытия ее диалектического характера, ее внутреннего революционного динамизма. Ленин считал это необходимым условием для выработки правильной стратегии и тактики борьбы рабочего класса и его партии. Он писал: «Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса)» (2, т. 26, стр. 77).

Действительно, яркую картину диалектики представляет, как отмечает П. Федосеев, всестороннее переплетение и взаимодействие различных движущих сил и потоков современной освободительной борьбы — революционное рабочее движение, национально-освободительное движение против колониализма, за мир между народами, связь различных движений с успехами мировой социалистической системы (см. 365, стр. 41). Все эти процессы в их сложном взаимодействии происходят на фоне резкого ускорения и крайней неравномерности современного исторического развития, что также предвидел Ленин.

Глубоко диалектическое понимание сущности современной эпохи и вытекающее отсюда ее научное определение было дано в документах международного коммунистического движения и в Программе нашей партии. Современная эпоха — это эпоха борьбы двух противоположных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, перехода на

путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. Борьба мировых систем социализма и капитализма ныне имеет *глобальный характер* и охватывает все стороны жизни современного общества. «Человечество вступило в последнюю треть нашего столетия, — говорится в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., — в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Ареной этого противоборства является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура» (10, стр. 286). Поскольку борьба социализма и капитализма есть *сущность* современной эпохи, постольку все стороны, сферы, закономерности общественного развития определяются в конечном счете характером борьбы этих мировых исторических сил.

В связи с этим в работах советских философов раскрываются не только различные виды и противоречия социализма и капитализма на мировой арене, но и воздействие этого определяющего противоречия эпохи на развитие самих социалистических и капиталистических государств. В масштабе мирового развития, в глобальном плане, основное противоречие эпохи выступает как ее внутреннее противоречие, но в отношении отдельных стран оно должно рассматриваться как внешнее, притом играющее не второстепенную и побочную роль, но приобретающее в определенных конкретно-исторических условиях решающее значение, например для судеб революции (после победы) в той или иной стране.

Противоречивая сущность эпохи раскрывается в связи и на основе борьбы противоположных мировых систем. Основное противоречие эпохи не снимает специфики закономерностей вообще, противоречивости развития в особенности, которые характерны для капитализма и для социализма. Последнее проявляется в двойном плане (с точки зрения логики анализа): в виде противоречий развития внутри всех капиталистических и социалистических стран и противоречий в мировых социальных системах — капитализма и социализма. Это дает новые аспекты рассмотрения взаимосвязи внутренних и внешних противоречий: внутри каждой страны, в мировых системах, в общемировом масштабе.

Характер противоречий современного капитализма — и во внутреннем плане для каждой страны, и в системе капиталистических государств — раскрывается в их анализе, данном в важнейших документах мирового коммунистического движения, Программе КПСС, материалах XXIV съезда нашей партии. Эта сторона объективной диалектики современной эпохи разработана на уровне всех необходимых требований марксистско-ленинской теории, что получило в нашей литературе — и в исследовательских работах, и в популярных изданиях — широкое освещение.

Точно так же — и в партийных документах, и в многочисленных работах советских исследователей — дается всесторонний анализ и противоречий самого социалистического общества, и переходного периода от капитализма к социализму, и развитого социализма. IV—V главы и все предшествующее содержание данной главы посвящены характеристике и оценке всех этих работ и материалов. Здесь же необходимо специально отметить, что анализ диалектических закономерностей, характера соответствующих противоречий внутри социалистических и капиталистических стран, а также внутренних противоречий обеих социальных систем является необходимым и исключительно важным *логическим звеном в общей системе анализа проблем объективной диалектики современной исторической эпохи.*

Поскольку, как уже сказано, в философской, а также в экономической и исторической литературе анализ современных противоречий капиталистической системы дан достаточно полно, здесь будут отмечены некоторые работы советских исследователей, в которых анализируются противоречия мировой социалистической системы, а также противоречия социализма вообще в связи с основным противоречием современной эпохи. Советские философы при этом исходят из важнейших партийных решений и документов, отмеченных в предыдущем параграфе.

Специально анализу закономерностей развития мировой системы социализма посвящен раздел в работе «Ленинизм и философские проблемы современности». Автор А. Бутенко исходит из ленинских положений, представляющих блестящие образцы научного предвидения новых закономерностей, присущих миру социализма, что

получило убедительное подтверждение в практике мировой социалистической системы. В работе рассматриваются два основных круга вопросов, относящихся к общедialeктическим закономерностям: (1) процесс становления социалистического мира и (2) характер взаимоотношений социалистических стран в общей системе мирового социализма. Анализируя эти закономерности, автор рассматривает и соответствующий характер противоречий социалистической системы, хотя далеко не всегда специально говорит именно о противоречиях.

В документах международных совещаний коммунистических и рабочих партий подчеркивается, что становление нового типа международных отношений, развитие союза социалистических государств — это сложный исторический процесс. Становление мирового социализма, говорит А. Бутенко, носит неравномерный характер, ибо «революционное преобразование капитализма в социализм осуществляется не одновременно во всей мировой системе капитализма, а одновременно в разных странах и неравномерно в мировом масштабе» (208, стр. 264). Отсюда закономерно, что система мирового социализма создается в определенный исторический период как объединение стран и народов, достигших разных ступеней в своем экономическом и политическом развитии. Это явственно ведет к выделению двух, *во многом противоречивых тенденций процесса становления и развития мирового социализма*: тенденции неравномерности развития отдельных стран и тенденции к сближению и выравниванию уровней всех стран, образующих социалистическую систему.

Характерной чертой этой *новой диалектики* социализма в сравнении с диалектикой капитализма является доминирующий процесс выравнивания уровней, ведущий путем разрешения неантагонистических противоречий как следствия неравномерности в предшествующем развитии к созданию новой, коммунистической формы человеческого общежития, которая не будет знать государственных границ, к коммунистическому кооперативу народов, по характеристике Ленина.

Новый диалектический характер устанавливается во взаимоотношениях стран внутри социалистической системы. Они определяются единством интернационального и национального, выступающего вместе с тем как

общее и специфическое. Принципиально новое проявляется в том, что «при возникновении противоречия между ними в реальной политике *национальное* как специфическое, как часть единого процесса должно быть, по мысли Ленина, подчинено *интернациональному* как выражающему суть процесса» (208, стр. 280).

Две объективные, противоречивые тенденции, присущие мировой системе социализма, — тенденция к развитию национальной экономики, государственности и культуры и тенденция к всестороннему сближению народов, к расширению и углублению их связей и взаимных отношений — представляют собой новую диалектическую закономерность, неизвестную ранее человеческой истории.

Необходимо отметить постановку вопроса о диалектических противоречиях внутри международного сотрудничества социалистических стран на теоретической конференции, организованной редколлегией журнала «Проблемы мира и социализма» в апреле 1972 г. на тему: «Диалектика интернационального и национального в мировой социалистической системе».

На конференции выступали и философы, и экономисты, и историки, стремившиеся с различных сторон осветить дискутируемую проблему. Большинство участников конференции отметило наличие трех групп противоречий общедиалектического характера внутри мировой системы социализма. В наиболее систематичной форме они были сформулированы в выступлении советского философа А. Соболева.

Это, во-первых, внутренние противоречия, порожденные естественноисторическим процессом развития и укрепления социалистической системы. Они носят неантагонистический характер, их ведущим началом является единство, определяемое природой социалистических отношений. Разрешение этих противоречий осуществляется на основе целенаправленной, сознательной деятельности коммунистических партий социалистических государств.

Во-вторых, это противоречия, возникающие вследствие нарушения диалектики объективного и субъективного факторов, незнания, просчетов и ошибок со стороны руководящих инстанций. Эти противоречия также не являются сами по себе антагонистическими, но при известных условиях могут привести к конфликтным ситуа-

циям. Путь их быстрого разрешения — своевременное познание и объяснение их причин и характера как основы необходимых практических мер.

В-третьих, противоречия, порождаемые деформацией социалистического строя, социалистических законов развития, происходящей в той или иной стране под давлением мирового империализма и внутренних социальных сил (на ранних стадиях), отходом руководящих политических сил от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Сам по себе социализм не порождает антагонизмов, но противоречия, возникающие в результате деформации социалистических принципов и отношений, могут перерасти в экстремальных случаях в антагонизмы.

Все это говорит о необходимости строго научного анализа различных типов противоречий в мировой системе социализма в целях выработки правильных и эффективных путей их практического разрешения в интересах прогрессивных социалистических сил. Выше, в параграфе пятом данной главы, было показано, когда впервые в партийных документах и трудах советских ученых все эти вопросы получили необходимое освещение. Здесь мы оцениваем некоторые новые постановки, имеющие специальное значение для характеристики объективных диалектических процессов мирового общественного развития.

Важнейшей стороной объективной диалектики развития социалистической системы в современных условиях является то, что это развитие, весь этот процесс становления и утверждения нового мира происходит в непрерывной борьбе социализма с капитализмом на мировой арене. Силы мирового капитализма стремятся повернуть вспять ход истории, использовать все методы и средства, чтобы «разрешить» противоречие с социализмом в своих интересах, воздействовать на развитие социалистических государств в нужном для них направлении. Давление мирового капитализма может вести к обострению и некоторых внутренних противоречий как в отдельных социалистических странах, так и в социалистической системе в целом.

Путь разрешения противоречий в развитии мирового социализма — это путь все более эффективного сотрудничества, непрерывного укрепления единства стран социализма на основе принципов пролетарского интерна-

ционализма, принципов марксизма-ленинизма. При всех трудностях и противоречиях, неизбежных в конкретно-исторических условиях, общность социально-экономического строя и совпадение коренных интересов народов всех социалистических стран обеспечивают в конечном счете их прочное содружество в единой социалистической системе.

Заслуживает внимания рассмотрение диалектических закономерностей перехода к коммунизму в связи с основным противоречием эпохи, проведенное Н. Пономарёвым в статье «Строительство коммунизма и основное противоречие современной эпохи». Исходя из основной идеи, что борьба социализма с капитализмом — это закономерность становления и развития коммунистической формации, он отмечает ряд особенностей диалектики современной эпохи. В отличие от других переломных эпох, например при переходе от феодализма к капитализму, переход от капитализма к социализму характеризуется крайней остротой социальных конфликтов и противоречий, небывалой поляризацией сил прогресса и реакции, противоречиями между исключительными возможностями для человеческого прогресса и политикой милитаризма капиталистических монополий, угрозой трагедии для человечества термоядерной войны (см. 118, стр. 348—351).

Говоря о специфике действия диалектических закономерностей в современную эпоху, Н. Пономарёв правильно подчеркивает, что «не только возросла взаимосвязь всех локальных проявлений всеобщих законов, но и развилась непосредственно глобальная форма их действия... Действие законов диалектики в социальной сфере на современном этапе интегрируется не только «по горизонтالي», но и «по вертикали», становится все более глубоким и сущностным» (118, стр. 352). С этим связана сложность и динамика социального диалектики современного исторического развития в целом.

Борьба двух систем развертывается в настоящее время в различных формах, что оказывает свое неизбежное воздействие на развитие и капитализма, и социализма. Она выступает как в форме непосредственных отношений между государствами с различным общественным строем, так и в форме борьбы на почве внутренней социальной жизни, внутреннего развития стран и систем.

Этим определяется и новое соотношение между внешними и внутренними противоречиями. Автор здесь правильно выступает против стандартного, «жесткого» противопоставления этих видов противоречий.

Диалектическая природа взаимодействия двух противоположных социальных систем раскрывается не только в том, что обе они развиваются по своим внутренним законам, но и в том, что каждая из них испытывает на себе влияние законов развития противоположной системы. Отсюда и острота их мировой борьбы, усиление и углубление социальных конфликтов капиталистической системы перед лицом успехов и восходящего развития мирового социализма, усиление роли и влияния на весь ход мировой истории успехов и борьбы за коммунизм народов СССР. Утверждение коммунизма как новой исторической формации происходит в условиях упорной, трудной, многосторонней борьбы со всеми силами старого мира.

В работах П. Федосеева важным с точки зрения *теории диалектики* вообще является комплексное рассмотрение всего многообразия противоречий современной исторической эпохи, их органической связи с основным противоречием современного мира, их сложного и специфического характера в качественно различных социальных процессах современности. Отмечая значение научного определения эпохи, данного в документах международного коммунистического движения, П. Федосеев специально подчеркивает, что «это определение служит методологической основой философского осмысления различных *новых* форм проявления объективной диалектики в современную эпоху, которые обогащают и конкретизируют метод материалистической диалектики» (363, стр. 99). Здесь следует сказать, что именно в его работах дается наиболее полная картина современных противоречий социального мира, хотя (неизбежно) далеко не все из них получили достаточно основательное освещение.

В главном своем исследовании этих проблем — работе «Диалектика современной эпохи» — П. Федосеев дает характеристику различных типов специфического проявления общих закономерностей общественного развития, выражающих диалектику современной эпохи применительно к основным группам стран, где определились различные формы протекания социальных процессов и, сле-

довательно, налицо многообразие самых различных и по характеру, и содержанию, и путям разрешения соответствующих противоречий. Автор выделяет три основных типа, три основные сферы проявления общих диалектических закономерностей в развитии современного мира.

Во-первых, это страны, строящие социализм и коммунизм, и мировая социалистическая система в целом. Здесь автором выделяются противоречия: (1) в странах, только совершающих переход к социализму, где еще имеются классово враждебные элементы и, следовательно, антагонистические противоречия; (2) в странах победившего социализма, где главным источником прогресса выступает преодоление неантагонистических противоречий путем планомерного регулирования социального процесса на научной основе; (3) в мировой системе социализма, развитие которой также происходит через преодоление различных противоречий (в том числе принимающих в отдельных случаях форму острых конфликтов) на базе социализма, на его собственной основе. «Это главная диалектическая закономерность социалистической системы, ведущая к упрочению ее единства и могущества» (365, стр. 172) *.

Во-вторых, это капиталистические страны и капиталистическая система в целом. Источником прогресса выступает здесь борьба за разрешение антагонистических противоречий в способе производства, непримиримых классовых противоречий через социалистическую революцию, в процессе подготовки которой важнейшее значение приобретает создание единого анtimoнополистического фронта всех прогрессивных и демократических сил, возглавляемых рабочим классом. Закон неравномерности капитализма обостряет все внутренние противоречия каждой страны и всей системы капиталистических государств.

В ряде работ советских философов, посвященных вопросам общественного развития, рассматривается проблема противоречий в развитых капиталистических

* Специфика, формы и пути разрешения противоречий социалистического общества раскрываются в книге П. Федосеева «Диалектика современной эпохи» (см. 363, стр. 137—172). Специально о закономерностях развитого социалистического общества см. в его книге «Марксизм в XX веке» (365а, стр. 566—579). Эти вопросы рассмотрены в предшествующих параграфах.

странах в связи с процессами современной научно-технической революции. Общепринципиальная оценка ее роли и значения, ее социальных последствий в связи с развитием противоречий капитализма дана в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. Ниже приводится наиболее важное определение: «Не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией» (10, стр. 298).

Рассмотрению социальных последствий научно-технической революции и тем самым противоречий капитализма, углубляющихся под ее воздействием, посвящена весьма значительная литература советских экономистов, социологов, философов, представителей естественных наук. В ней содержится богатый материал, в том числе и обобщающего характера, показывающий процессы обострения различных противоречий современного капитализма, что объективно тем самым означает выявление диалектики его социальных конфликтов и антагонизмов. В работах последних лет авторы максимально исходят из материалов XXIV съезда КПСС, в которых содержится ряд важнейших положений, раскрывающих противоположный характер социальных последствий научно-технической революции в условиях капитализма и социализма, что представляет собой важную сторону объективной диалектики современной эпохи.

В специальном плане анализа диалектических противоречий капитализма в связи с научно-технической революцией мы должны выделить работу П. Федосеева «Марксизм в XX веке». Подвергая критике буржуазные и ревизионистские концепции трансформации капитали-

стического общества на основе научно-технического прогресса, автор показывает, что последний сам по себе не устраняет органических пороков и социальных антагонизмов, присущих капиталистической формации, не изменяет объективной противоречивой сущности капитализма. Автоматизация превращается «в средство устранения трудящихся из производственного процесса»; научно-технический прогресс выступает как «рычаг усиления эксплуатации трудящихся масс»; усиливаются классовые противоположности, ведущие к «социальному расколу нации»; обостряется действие закона неравномерности развития капиталистического общества, его отдельных районов; углубляется пропасть между империалистическими державами и странами так называемого третьего мира; все плоды и результаты научно-технического прогресса в условиях капиталистической конкуренции и погони за максимальной прибылью становятся «объектом ожесточенной борьбы монополий» (365а, стр. 158—165). Такова картина этой трагической диалектики без кавычек, присущей капитализму.

В-третьих, страны, находящиеся на той или иной фазе национального освобождения. В целом развитие этих стран определяется борьбой двух противоречивых тенденций: прогрессивной тенденции некапиталистического пути развития, ведущего к социализму, и реакционной тенденции насаждения и укрепления капитализма под эгидой империалистических держав (см. 363, стр. 114).

С действием этих тенденций связан весь комплекс и внутренних противоречий этих стран, и внешних, отражающих в различных формах и в тесном переплетении с внутренними основное противоречие эпохи. Все это получает самые различные проявления в экономической, политической, идеологической, военной областях жизни и борьбы освободившихся государств, к тому же находящихся на самых различных стадиях и уровнях своего исторического развития, что усиливает остроту противоречий, присущих «третьему миру».

Общая картина противоречий современного мира охватывает и целый ряд других видов и форм их проявления — противоречие между империалистическими государствами и резкую неравномерность их развития; между различными группами монополий и внутри капиталистических стран, и в международной сфере; проти-

воречия между империалистическими державами и народами освободившихся стран; между государствами самого «третьего мира», находящимися на различных стадиях развития и связанных с разными группами других государств, прежде всего со странами капитализма или социализма, и т. п. Точно так же полнота диалектической картины мира требует включения в нее всего многообразия противоречий всех сфер жизни современного общества, начиная с многообразия экономических противоречий и кончая высшими идеологическими формами.

Эти многообразные противоречия получили, как уже сказано, отражение в соответствующей литературе, но специальный их анализ, с позиций именно теории диалектики, еще не соответствует тому значению, которое они имеют для ее дальнейшего углубления и развития. Тем не менее в целом, в особенности в рассмотренных нами кратко работах советских философов, налицо общая картина реальных противоречий эпохи, раскрывающая ее внутреннюю диалектическую сущность.

Динамизм современной эпохи и диалектика мирового революционного процесса

Глубоко диалектический характер нашей эпохи получает свое не менее яркое (чем в остроте и многообразии противоречий) выражение в ее невиданном ранее динамизме. Наступило то громадное ускорение мирового исторического процесса, которое предвидел Ленин. Главное в этом динамизме — революционный характер и смысл исторического перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. В этом вместе с тем выражается классовая сущность революционного динамизма современной эпохи, в центре которой стоит международный рабочий класс и его главное завоевание — мировая социалистическая система, определяющая магистральный путь развития человеческого общества. «Образование и укрепление мировой социалистической системы, — говорит Л. И. Брежнев, — явилось мощным ускорителем исторического прогресса, начало которому положил Великий Октябрь» (9, стр. 5). Все это раскрывает *новую диалектическую закономерность*, рожденную

эпохой и выражающую неодолимость победы подлинно прогрессивных сил человеческого общества.

В основополагающих документах КПСС и международного коммунистического движения, в выступлениях руководителей партии, в специальных работах советских и зарубежных философов и социологов дается всестороннее обоснование этой определяющей диалектической закономерности эпохи, раскрывающей реальный процесс, полный противоречий, конфликтов и борьбы, становления и победы новой, коммунистической общественно-экономической формации. Одновременно в этих документах и трудах дается аргументированная критика различных буржуазных, ревизионистских, догматических идей и концепций, выражающих историческую обреченность буржуазии как общественного класса в современную эпоху, страх и враждебность ее идеологов, всех врагов марксизма перед неодолимостью революционного пути развития общества к социализму, перед мощью революционных процессов в мире, перед силой марксизма-ленинизма, раскрывается антинаучный, метафизический и идеалистический характер всех подобных концепций и взглядов.

В понимании и оценке всех этих материалов и работ с точки зрения проблем теории диалектики главным является не конкретное содержание всего сложного и многогранного процесса революционного обновления мира (требующее всестороннего исследования в специальных трудах), а диалектические идеи и категории, отражающие главные диалектические закономерности движения человеческого общества к социализму и коммунизму, закономерности мирового революционного процесса, воплощающие в практической деятельности и борьбе трудящихся масс это историческое движение, его реальную, объективную диалектику. Определяющим и руководящим методом здесь был и остается метод ленинизма. В тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», сказано: «...для марксистов-ленинцев, для всех подлинных революционеров ленинизм — это методология революционного мышления и революционного действия» (7, стр. 5). Эта последняя и есть *ленинская революционная диалектика*, выражающая сущность и закономерности исторического процесса революционного изменения мира. Мы здесь полностью согласны с определением диалектики, данным П. Федосеевым, в ко-

тором выделяется именно это ее значение: «Материалистическая диалектика — это, можно сказать, философская теория революционного обновления общества, философская теория социальной революции» (365, стр. 171).

В статьях и выступлениях М. Суслова специально подчеркивается исключительное значение *ленинской методологии анализа общественных процессов, закономерностей мирового революционного движения*. В связи с этим в статье «Ленинизм и революционное преобразование мира» М. Суслов раскрывает интернациональный характер ленинизма как теории революционного действия и метода научного революционного мышления. Интернациональный характер ленинизма определяется рядом объективных социально-исторических факторов и условий развития революционного процесса в современную эпоху. Вместе с тем в ленинизме получили обобщение новейшие данные мировой науки и культуры. Отсюда — общезначимость идей и принципов ленинизма, их общемировое значение, их всеобщий методологический характер.

Объективная диалектика мирового развития, ее революционное содержание закономерно получают отражение в глубоко диалектическом подходе к анализу путей развития мирового революционного процесса как в целом, так и для всех зон, регионов и отдельных стран, где разворачиваются революционные движения. Именно Ленин прежде всего требовал такого диалектического подхода в определении стратегии и тактики революционной борьбы. С одной стороны, раскрывая международное значение Октября, Ленин указывал, что в ряде существенных вопросов пролетарской революции *всем* странам предстоит неизбежно проделать то, что проделала Россия; с другой — Ленин отмечал необходимость конкретного применения общих принципов и положений к своеобразным условиям борьбы за социалистическую революцию в различных странах и различных исторических условиях.

Этот руководящий диалектический принцип лежит в основе всей практики мирового революционного и коммунистического движения и получил, как известно, отражение во всех его важнейших теоретических документах. Исходя из этого ленинского принципа, коммунистические партии ведут систематическую борьбу против ревизиони-

стов и догматиков, метафизически противопоставляющих общие закономерности и особые пути и методы борьбы за социализм.

С последовательно диалектических позиций раскрывается в партийных документах нашего времени сложный, динамичный, противоречивый характер мирового революционного процесса. Суть ленинской стратегии борьбы рабочего класса и его партий состоит в укреплении единства и усилении взаимодействия всех главных потоков мирового революционного процесса. Это вытекает из его объективной диалектической природы, из факта его глубокого динамизма. При этом решающей силой в общей революционной и антиимпериалистической борьбе является мировая система социализма, оказывающая наиболее глубокое и многостороннее воздействие на все революционно-освободительные движения в мире. Такое определение роли мировой социалистической системы также говорит о диалектическом, конкретно-историческом подходе к анализу современных революционных процессов.

Одновременно анализ, проводимый на основе такого подлинно ленинского, глубоко диалектического подхода к природе современного мирового революционного процесса, говорит о полной несостоятельности утверждений китайских теоретиков, идеологов маоизма, о главной роли «Востока», «мировой деревни». Приведем в связи с этим только одно важнейшее ленинское положение, опровергающее все подобные антимарксистские заявления маоистов. В статье «Демократия и народничество в Китае», высоко оценивая роль народов Востока в революционном движении нашего века, Ленин писал: «Что же? Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые *сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад» (2, т. 21, стр. 402). Такова блестящая, гибкая, диалектическая, подлинно ленинская постановка этого практически важного и глубоко принципиального вопроса о путях и направлениях мирового революционного движения.

Объективный диалектический характер мирового революционного процесса обуславливает необходимость

его соответствующего диалектического анализа в программных и теоретических документах коммунистического движения, что и осуществляется в деятельности коммунистических и рабочих партий. Принципиальной основой такого анализа являются важнейшие идеи и положения *ленинской теории социалистической революции*, представляющей собой глубокое обобщение закономерностей всего гигантского процесса революционного перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

В докладе на международной теоретической конференции «Ленинизм и мировой революционный процесс», состоявшейся в феврале 1970 г. в Москве, Б. Пономарёв дал всестороннюю оценку ленинской теории социалистической революции и ее актуального значения для наших дней. Мы подчеркнем в его анализе именно диалектический характер ленинской теории, адекватный характеру и закономерностям мировых революционных движений современной эпохи.

Ленинская теория, отмечает Б. Пономарёв, выросла из опыта российского и международного рабочего движения, она вскрывает объективные закономерности социалистического переворота, внутренние и внешние, объективные и субъективные его факторы: «...это стройная и целостная теория социалистической революции, это научная концепция социального прогресса человечества, всех стран и народов» (206, стр. 23). Ленинская теория исходит из анализа противоречивой сущности капитализма, ибо революция вырастает из противоречий капиталистического общества, отсюда необходимым явился анализ противоречий и новых явлений империализма, объективных предпосылок социалистической революции; далее, необходимы анализ движущих сил революции, точный учет их объективного положения в системе классовых взаимоотношений; всестороннее обоснование роли рабочего класса как главного носителя исторического прогресса, вождя революции, путей формирования политической армии революции во главе с рабочим классом и его партийей, его революционным, боевым авангардом, анализ путей и методов достижения союза рабочего класса с непролетарскими массами трудящихся; раскрытие диалектических связей борьбы за демократию и социализм; овладение партией и рабочим классом всеми

формами борьбы за политическую власть, конкретное применение их в непрерывно меняющейся обстановке. Важнейшее значение имеет ленинское положение о революционной ситуации как диалектическом единстве объективных и субъективных факторов.

Все это говорит о глубоко диалектическом смысле ленинской теории революции, ее истинности, ее адекватности объективным законам развития мировой социалистической революции. Именно поэтому, говорит Б. Пономарёв, ленинское учение «служит надежным компасом, помогая находить верный путь, «не затеряться», как говорил Ленин, в «зигзагах, изломах истории», сохранить общую перспективу» (206, стр. 24), видеть *красную нить* движения человечества от капитализма к социализму.

Ленинизм как подлинно научная теория революционного преобразования мира является идейной основой единства мирового революционного и коммунистического движения, основой преодоления всех возникающих разногласий и противоречий.

Жизнь показала — и это закономерно, — что весь реальный ход мирового революционного процесса полностью подтверждает ленинскую теорию социалистической революции, и «можно даже сказать, что в основном и главным он является реализацией ленинской теории на практике» (206, стр. 24—25). Развитие мирового революционного движения, исторические победы социализма привели к тому, что империализм утратил историческую инициативу и не в состоянии повернуть вспять развитие современного мира. Восходящая линия мирового развития воплощена в поступательном движении революционного процесса, ведущего к социализму и коммунизму, нисходящая — в неизбежном и закономерном процессе крушения капиталистических отношений, в исторической обреченности буржуазии как общественного класса. Диалектика взаимодействия восходящей и нисходящей линий мирового развития, каждая из которых в свою очередь диалектична, противоречива, в современную эпоху имеет качественно новое содержание, обусловленное борьбой мировых систем социализма и капитализма во всей ее остроте, противоречивости, многообразии форм и проявлений. Закономерно, что все это связано с проблематикой социального прогресса, имеющей вместе с тем специальное, конкретное значение.

Проблемы диалектики мирового революционного процесса рассматриваются в ряде специальных работ советских философов, которые в своих принципиальных моментах базируются на документах мирового коммунистического движения, на материалах съездов нашей Коммунистической партии. Кратко мы можем отметить следующие из них.

В вышеназванных работах П. Федосеева кроме уже отмеченных пунктов анализируются вопросы единства революционных сил, единства рядов коммунистических партий; конкретные пути и многообразные формы революционного перехода к социализму; вопросы диалектики перерастания демократических и национально-освободительных революций в социалистические; взаимосвязь проблем революции, войн и мирного сосуществования; неравномерности исторического процесса и диалектики восходящей и нисходящей линий мирового развития, и некоторые другие.

В монографии Ю. Красина «Ленин, революция, современность» и его статье «Диалектика революционного процесса» (см. 208) рассматриваются вопросы многообразия путей и форм мировой социалистической революции; противоречивость революционного процесса; диалектика общего и особенного, интернационального и национального, реформы и революции; исторической закономерности и революционной инициативы; соотношение объективного и субъективного факторов в революционной борьбе; динамизм мирового революционного процесса, в частности указанная Лениным тенденция превращения диктатуры пролетариата из национальной в интернациональную. Существенным для наших целей является выделение автором ряда специальных методологических вопросов ленинской теории социалистической революции: ее целостность как научной концепции, ее генезис, историзм и ее непреходящее значение для современности.

В статьях Ф. Захарова «О диалектике революционного процесса в современную эпоху» и «Проблемы национально-освободительных движений и развития национальных отношений» рассмотрены как некоторые общие вопросы диалектики революционного процесса, его мировой, интернациональный характер, так и ряд проблем национально-освободительной борьбы, ее особенности в

современных условиях, ее перспективы, связь с другими революционными движениями в мире (см. 207, 208).

В связи с этим необходимо отметить появление, в особенности в последние годы, целого ряда и коллективных, и индивидуальных работ, где весьма широко анализируются сложные и многообразные проблемы национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки. В целом они носят характер исторических исследований, в которых, разумеется, раскрываются объективные закономерности происходящих здесь исторических процессов, но без специального выделения и анализа проблем диалектики, тем более диалектики как науки.

Такова кратко общая картина рассмотрения в основных партийных документах и некоторых наиболее существенных, на наш взгляд, трудах советских философов ряда проблем диалектики мирового общественного развития.

* *
*

Краткий обзор проблем диалектики мирового общественного развития, поставленных в рассмотренных документах и специальных работах, показывает глубоко противоречивый характер современной исторической эпохи как эпохи революционного перехода общества от капитализма к социализму в мировом масштабе. Тем самым раскрывается объективная диалектика развития современного мира как в целом, так и во всем многообразии ее сторон и проявлений. Разработка реального содержания диалектики общественного развития имеет исключительное и практическое, и теоретическое значение. Без такой разработки и анализа объективных диалектических процессов социальной действительности *невозможно дальнейшее творческое развитие науки диалектики.*

Но этот необходимый *фундамент* диалектики как учения о всестороннем и противоречивом историческом развитии должен стать основой для обогащения самой *теории диалектики*. Новое содержание и закономерности новой исторической эпохи, качественно отличные от всех предшествующих, определяют новое содержание идей и принципов диалектики как науки, ее законов, понятий и категорий. Новая эпоха неизбежно и закономерно должна получить и соответствующее выражение в категори-

альной форме, быть «схвачена» в системе адекватных ей понятий.

Это задача большой теоретической важности. Она требует специальных исследований и всесторонней конкретной разработки. Субъективная диалектика отнюдь не является простым зеркальным отражением объективных диалектических закономерностей, а представляет *систему понятийных и соответствующих терминологических форм*, в которых объективные законы бытия трансформируются и кристаллизуются, получают свое идеальное выражение в процессе активной творческой деятельности познающего субъекта. Мы здесь можем только в самом схематичном виде выделить наиболее существенные моменты, что имеет скорее программное значение.

I. Получает новое содержание и обогащение основополагающий диалектический принцип всеобщего развития и изменения мира.

II. Новым и многообразным содержанием наполняется принцип всеобщности связей, выражающий не только самый факт универсального единства материального мира, но и бесконечно сложное переплетение и взаимозависимость явлений и процессов действительности современной эпохи.

III. Новое содержание раскрывается в ленинском положении о ядре диалектики, выступающем в его глубоко, сущностном и вместе с тем в широком и многостороннем значении. Его центральная идея раздвоения единого приобретает глобальный, общемировой характер.

IV. Связанное с этим положение о многообразии форм и видов противоречий получает исключительно богатое, конкретное и новое содержание и, следовательно, должно занять соответствующее место в диалектике как системе логических понятий и форм.

V. Новое содержание диалектики прогресса и регресса, восходящей и нисходящей линий исторического развития конкретизирует логическое содержание законов диалектики как науки, прежде всего закона отрицания отрицания.

VI. В целом новое содержание исторических процессов и закономерностей современной эпохи раскрывается в идее всеобщности и конкретности законов и категорий диалектики, их специфичности, противоречивости, динамичности.

РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ КАК ЛОГИКИ, ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Одной из важнейших идей марксистской философии, выдвинутых и обоснованных Лениным, является идея о том, что материалистическая диалектика, понимаемая прежде всего как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, как наука о связях, общих законах всякого движения, вместе с тем представляет собой логику и теорию познания.

Стремясь реализовать эту ленинскую идею, советские философы всегда уделяли серьезное внимание развитию материалистической диалектики как логики (диалектической логики) *, гносеологии и методологии науки. Такое направление разработки диалектики диктовалось потребностями теоретического осмысления сложных общественных процессов и новых данных естествознания, внутренними потребностями развития самой марксистской философии, идеологической борьбой с противниками марксизма и т. д. Важность разработки диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функциях особенно возросла в настоящее время — в период осуществления научно-технической революции, когда, как отмечается в решениях XXIV съезда КПСС, на повестку дня встал вопрос о повышении эффективности научного исследования, о его сознательном, целенаправленном управлении и осуществлении.

При разработке диалектики как логики, теории познания и методологии науки советским философам необходимо было решить целый ряд сложных проблем.

Прежде всего нужно было обосновать правомерность рассмотрения и разработки диалектики в логико-методологической и гносеологической функциях. Это важно было сделать, ибо противники материалистической диалектики пытались доказать, что она не имеет никакого

* В тех случаях, когда это особо не оговаривается, выражения «диалектика как логика» и «диалектическая логика» рассматриваются как равнозначные.

отношения к науке о познании, о формах и методах мышления, т. е. к логике, гносеологии и методологии науки, и что единственно возможной, всеобщей и универсальной наукой о человеческом мышлении, его формах и законах является якобы лишь формальная логика. Некоторые из них, например, утверждают, что «диалектика есть логика... которую можно открывать лишь в вещах, в действительности, но не в нашей голове» (438, стр. 135). Другие, как, например, Г. Штейнберг, ссылаются на то, что «диалектическим может быть лишь процесс развития познания, но никогда таковой не может быть сама теория познания» (487, стр. 44). По его мнению, Ленин ошибочно «смешивает теорию познания и диалектику», недостаточно четко различает «диалектику мышления» и «диалектику бытия» (487, стр. 44). Нередко указывают и на то, что диалектика как наука о законах, которые являются общими для внешнего мира и человеческого мышления, не может быть логикой, теорией познания и методологией науки, поскольку в качестве таковых всегда выступали науки, занимавшиеся изучением специфических закономерностей познания и методов мышления.

Для опровержения этих взглядов и обоснования правомерности трактовки диалектики как логики, гносеологии и методологии необходимо было раскрыть природу познания и мышления, четко поставить и решить вопрос о взаимоотношении законов познания, форм, методов мышления и законов бытия.

При разработке диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функциях необходимо было, далее, выяснить ее специфические цели и задачи, ее предмет в изучении познания, а также рассмотреть отношение предмета, сферы действия, принципов и требований диалектики как науки о познании и других наук, так или иначе касающихся его, — формальной логики, психологии и др.

Важнейшая задача состояла, наконец, в том, чтобы рассмотреть на основе принципов диалектики различные особенности и закономерности познания, формы и методы мышления, познавательные процедуры, т. е. весь комплекс конкретных логико-методологических и гносеологических проблем диалектики.

Таковы те основные проблемы, которые предстояло решить советским философам и логикам на пути разра-

ботки материалистической диалектики в ее функции логики, гносеологии и методологии науки, всецело исходя из ленинского понимания ее роли и значения.

Постановке и анализу этих проблем посвящено огромное множество статей, брошюр, книг советских философов и логиков. Мы не ставим своей задачей специально рассмотреть все эти работы (один только их список мог бы составить книгу), дать полную характеристику и оценку, проследить точную хронологическую последовательность их появления. Прежде всего мы стремимся выяснить, каким образом по мере развития советской философии менялся и конкретизировался подход к разработке материалистической диалектики в функции логики, гносеологии и методологии науки, рассмотреть те основные направления, по которым советские философы осуществляли эту разработку, выявить конкретные логико-методологические проблемы диалектики, вызывавшие дискуссии, обмен мнений, и охарактеризовать результаты, достигнутые в их решении. При этом мы стремимся показать, что поиски путей разработки диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функции и связанные с ними дискуссии советских философов (по вопросу о взаимоотношении формальной и диалектической логики, о соотношении диалектики, логики и теории познания, об отношении диалектики к закону противоречия формальной логики, о соотношении законов мышления и законов бытия и др.) не были бесплодными. В ходе дискуссий и споров рождалась истина, складывалось все более полное и глубокое представление о материалистической диалектике как науке, о ее логико-методологической и гносеологической функции, осуществлялась все более полная и глубокая разработка ее в самых различных аспектах и направлениях.

1. ПЕРВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ДИАЛЕКТИКИ КАК ЛОГИКИ, ГНОСЕОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Анализ работ, выпущенных советскими философами в период с 1917 г. до второй половины 50-х годов, показывает, что преимущественное внимание в этот период в них уделяется рассмотрению многочисленных проблем,

касающихся толкования тех или иных категорий и законов диалектики как науки о всеобщих свойствах, связях и отношениях явлений действительности.

Нельзя понять данной особенности разработки материалистической диалектики в рассматриваемый период, если не учитывать тех сложных исторических условий, в которых советским философам приходилось действовать в это время, и тех задач, которые выдвигались на первый план перед ними в этот период.

Прежде всего необходимо принять во внимание, что в первые годы Советской власти широкие слои интеллигенции, ученых-естествоиспытателей были почти совершенно незнакомы с марксизмом вообще с материалистической диалектикой в частности. Долгое время в СССР чувствовался острый недостаток в квалифицированных кадрах марксистов-философов. Философы старой школы, как правило, стояли на немарксистских позициях.

В рассматриваемый период материалистическая диалектика, как и вся марксистская философия, подвергалась ожесточенным нападкам со стороны буржуазных идеологов Запада. Советским философам-марксистам, стоящим на позициях материалистической диалектики, приходилось вести и внутреннюю борьбу с теми, кто пытался отрицать марксистскую философию, оспаривать правомерность существования и разработки диалектики как науки о наиболее общих законах всякого движения и развития.

В этих условиях важно было прежде всего подвергнуть критике нигилистическое отношение к материалистической диалектике, отстоять ее понимание как науки о всеобщих законах развития мира и, создав квалифицированные кадры философов-марксистов, развернуть широкую работу по ее пропаганде среди советской интеллигенции, ученых-естествоиспытателей.

Имелись и иные причины, о которых будет сказано ниже, в силу которых в период до 50-х годов при разработке материалистической диалектики в советской философии на первый план выдвигались многочисленные проблемы, касающиеся толкования тех или иных категорий и законов диалектики как науки о всеобщих законах.

Это не означает, что в данный период в работах по материалистической диалектике вообще ничего не говорилось о диалектике как логике, теории познания и ме-

тодологии. Правда, многие философы и логики, особенно в 20—30-е годы, придерживались мнения, что диалектика, логика и гносеология — разные науки или по крайней мере совершенно разные части, из которых складывается марксистская философия. Однако в большинстве работ советских философов и логиков уже в этот период высказывается положение о том, что сама диалектика является логикой, теорией познания и методологией.

Во многом это было связано с тем, что в 1925 г. на страницах журнала «Большевик», № 5—6, впервые был опубликован замечательный ленинский фрагмент «К вопросу о диалектике», в котором четко была сформулирована идея о диалектике как теории познания и логики. «Диалектика, — писал В. И. Ленин, — *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (2, т. 29, стр. 321). В 1929—1930 гг. вышли в свет IX и XII Ленинские сборники, в которых были опубликованы «Философские тетради» Ленина. В этой работе положение о диалектике как логике и теории познания проводится последовательно, развернуто и настойчиво. Внимательный анализ других ленинских работ (например, таких, как «Три источника и три составных части марксизма» (1913 г.), «Карл Маркс» (1914 г.), «Еще раз о профсоюзах...» (1921 г.) и др.) показывает, что и в этих работах Ленин проводит и отстаивает данное положение.

Советские философы, знакомясь с этими работами Ленина, а также с работами Маркса и Энгельса, в которых неоднократно говорилось о формальной логике и диалектике как о «науках, исследующих законы человеческого мышления» (см. 1, т. 20, стр. 91), не могли, естественно, и в рассматриваемый период не затрагивать в своих работах вопросы, касающиеся диалектики как логики и теории познания и ее взаимоотношений с формальной логикой.

Эти вопросы рассматривались, например, в работах В. Асмуса. Так, в книге «Диалектический материализм и логика» (1924 г.), а также в вышедшей позднее книге «Диалектика Канта» (1929 г.) он специально анализирует соотношение материалистической диалектики и логики. В. Асмус придерживается точки зрения, согласно

которой формальная логика есть «наука о формах мышления, рассматриваемых независимо от его предметного содержания», а диалектика изучает «законы движения в бытии и мышлении» (33, стр. 7). Диалектическую логику он считает высшей логикой, ибо существуют «границы области, для которой формальная логика оказывается уже недостаточной и нуждается в дополнении со стороны высшей — диалектической — логики» (33, стр. 36—37). «...Формальная логика, — пишет В. Асмус, — неспособна охватить явления движения и развития. Законы формальной логики справедливы постольку, поскольку относятся к сравнительно неподвижным, замкнутым, обособленным явлениям. И они становятся недостаточными, как только пытаются охватить ими явления изменения, роста, движения, истории» (33, стр. 203).

В 20-х и начале 30-х годов проблемой отношения диалектики, логики и теории познания довольно много занимался А. Деборин и группа его сторонников, игравших значительную роль в области философии до 1930 г. Они рассматривали и некоторые частные вопросы диалектической логики, например проблему соотношения абстрактного и конкретного (Я. Стэн), взаимоотношения аналитического и синтетического методов познания (А. Деборин, С. Генес, Н. Гредескул) и др. А. Деборин подвергал критике понимание логики как лишь логики формальной, стремясь обосновать положение о том, что и материалистическая диалектика является логикой. Однако исходя из того, что «метафизический метод... опирается на так называемую формальную логику» (108, стр. 29), он нередко рассматривал диалектическую логику как единственную логику научного мышления, отрицая всякое значение формальной логики для науки. Последняя, по его мнению, «должна быть заменена диалектической логикой» (107, т. I, стр. XVI). Не всегда последовательно А. Деборин проводил и точку зрения, согласно которой диалектика является логикой, теорией познания и методологией. Так, в сборнике «Философия и марксизм» (1930 г.) у него встречается попытка противопоставить диалектику как методологию теории познания, причем он приписывает это и классикам марксизма-ленинизма. «Значение диалектики как методологии, противопоставляемой теории познания, — писал здесь

А. Деборин, — сознавалось в полной мере основоположниками марксизма и наиболее крупными его представителями» (110, стр. 234).

Некоторые вопросы диалектической логики затрагивались также в первых учебниках по диалектическому материализму (С. Семковского, С. Вольфсона, Л. Спокойного и др.), хотя сам термин «диалектическая логика» в них почти не употреблялся.

В 20-е годы было опубликовано много теоретических статей, в которых рассматривалось взаимоотношение диалектической логики Гегеля и диалектической логики Маркса, построение диалектической логики методом восхождения от абстрактного к конкретному, вопрос об исходном пункте такого построения и др.

Первая специальная книга по диалектической логике вышла в Москве в 1927 г. Ее автор А. Топорков употребляет термины «диалектическая логика» и «диалектика» как равнозначные, рассматривая диалектическую логику как диалектику в ее функции логики. На основе этого в книге излагаются следующие вопросы: противоречие (законы мышления, тождество и движение), понятие (учение о понятии в формальной логике, в логике Гегеля и в материалистической диалектике), умозаключение (вывод в формальной логике, индукции, Гегель о выводе, вывод и историзм); историзм (реакционный историзм Гегеля, революционный историзм); конкретность мысли (анализ и отвлечение); диалектика и практика (см. 352). А. Топорков схематично рассматривает указанные вопросы, не указывая определенно задачи диалектики как логики, не очень четко употребляет понятия.

Те же недостатки присущи и двум другим работам — «Логика и диалектика» и «Диалектика у Ленина», которые в 1928 г. выпустил А. Варьяш. В них рассматривалось диалектическое учение о понятии, суждении, умозаключении, индукции и индуктивном методе, о вероятности, законы формальной и диалектической логики. Автор исходил при этом из того, что именно «диалектика представляет собой логику всего естествознания, математики и обществознания» (66, стр. 24). «...Диалектическая логика, — писал он, — является первой в истории науки логикой, ставящей себе целью дать действительно универсальную методологию, т. е.

логику, удовлетворяющую, поскольку это осуществимо в нынешней фазе истории человечества, в с е м научным потребностям» (66, стр. 24).

На фундаментальное значение ленинского положения о диалектике как логике и теории познания неоднократно обращали внимание в своих работах М. Митин и П. Юдин, возглавлявшие философский фронт после решения ЦК партии о журнале «Под знаменем марксизма» (январь 1931 г.). «Лениным дано дальнейшее развитие материалистической диалектики как «философской науки», — писал, например, М. Митин. — В основном то новое, что внесено Лениным в понимание материалистической диалектики как «философской науки», состоит в дальнейшем развитии теории материалистической диалектики как логики, как теории познания. Тождество диалектики, логики, теории познания — вот то важнейшее звено в понимании диалектического материализма, что дальше развито, конкретизировано Лениным по сравнению с Марксом и Энгельсом» (239, стр. 161).

Во многих работах советских философов в рассматриваемый период подход к разработке диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функциях намечается на основе критического анализа гегелевской концепции. В этой связи следует указать прежде всего на небольшую книгу Б. Чернышева «О логике Гегеля» (М., 1941). Опираясь на основополагающие идеи Маркса и Энгельса, используя «Философские тетради» Ленина, автор показал неоспоримые достоинства и недостатки диалектической логики Гегеля.

В 40—50-е годы в связи с введением преподавания формальной логики в школах усиленное внимание советских философов привлекли вопросы, касающиеся соотношения формальной и диалектической логики. Особенно острая дискуссия по этим вопросам проходила в 1950—1951 гг. Ход и итоги данной дискуссии широко освещались в печати на страницах центральных журналов («Вопросы философии», 1950, 1951; «Коммунист», 1952, № 11).

В рассматриваемый период советские философы, отстаивавшие понимание материалистической диалектики как логики, гносеологии и методологии, в большинстве своем исходили из положения (которое не всегда формулировалось в явной форме и нередко признавалось молчаливо) о том, что само по себе раскрытие всеобщих за-

конов уже обеспечивает разработку диалектики как логики, теории познания и методологии. Предполагалось, что развитие диалектики в данном направлении полностью совпадает с ее разработкой как науки о всеобщих законах и не требует ничего другого. Поэтому все законы и проблемы диалектики как науки о всеобщих связях, свойствах и отношениях рассматривались в качестве законов и проблем диалектики как логики, гносеологии и методологии науки. Так, например, А. Варьяш к числу «элементарнейших истин диалектической логики» относил 1) переход количества в качество, 2) скачки и непрерывность развития, 3) постоянство законов и изменения, т. е. определенные положения диалектики, устанавливаемые при изучении всеобщих законов изменения и развития (см. 67, стр. 221).

Такой подход к разработке материалистической диалектики, к ее развитию как логики, теории познания и методологии, особенно характерный для работ до второй половины 50-х годов, встречается и в более поздний период, а также в настоящее время. Так, по мнению Е. Ситковского, «материалистическая диалектика, или, что то же самое, диалектический материализм, диалектико-материалистическая логика, есть наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления» (289, стр. 5). В качестве примера аналогичного подхода к пониманию и разработке диалектической логики может служить и книга Г. Габриэльяна «Основы марксистской логики» (Ереван, 1968). В этой книге в качестве проблем диалектической логики рассматриваются по сути дела все вопросы диалектики как науки о всеобщих законах: вопрос о материи и ее атрибутах, о пространстве и времени, о видах движения и т. д. В качестве законов диалектической («марксистской») логики он указывает такие законы, как «всеобщая связь», «закон единства и борьбы противоположностей», «закон взаимоперехода количества и качества», «закон отрицания отрицания», т. е. законы диалектики как науки о всеобщих свойствах, связях и отношениях действительности, и только.

В «Философской энциклопедии» диалектической логикой также называется «наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления» (368, т. 3, стр. 209).

На каком же основании раскрытие всеобщих законов в диалектике истолковывается как разработка ее в функции логики, гносеологии и методологии науки?

Нередко таким основанием служит то, что термины «диалектика как логика (диалектическая логика)», «диалектика как гносеология» и «диалектика как методология» рассматриваются просто как другие обозначения науки о всеобщих законах. Так, А. Деборин, отстаивая положение о том, что должна существовать не только формальная, но и диалектическая логика, предупреждал, что под логикой в данном случае следует понимать нечто совсем иное, чем это обычно делается в учебниках логики. В этом особом понимании «логика имеет своим предметом основные законы бытия и мышления» (107, т. I, стр. XIX).

Конечно, проще всего трактовать положение о том, что диалектика является логикой и теорией познания, так что «диалектика», «логика» и «теория познания» это просто три различных термина для обозначения одной и той же науки, допустим науки о наиболее общих законах. Но не менее очевидно, что при такой трактовке действительная проблема, касающаяся отношения науки о познании (гносеология), науки о формах и методах мышления (логика и методология) и диалектики как науки о наиболее общих законах природы, общества и мышления, не решается, а просто обходится.

Весь вопрос в том, является ли (и в каком смысле) диалектика как наука о всеобщих законах наукой о формах и методах мышления, о познании в целом.

При ответе на данный вопрос сторонники упомянутого понимания диалектической логики наиболее часто указывают на то, что всеобщие свойства, связи и отношения явлений действительности, будучи познаны в диалектике и отражены в соответствующих категориях и законах, сознательно используются в дальнейшем процессе познания как метод изучения явлений, как важные формы мышления: «...всеобщие закономерности объективного мира осваиваются и становятся субъективным достоянием, специфическими закономерностями самого процесса познания» (165, стр. 197). Эту мысль выражают иногда иначе, отмечая, что «диалектико-материалистическая теория развития выполняет конструктивную методологическую функцию в космогонии, космологии, биоло-

гин, социологии и других науках, исследующих конкретные формы проявления развития в мире» (232, стр. 65). На основе таких рассуждений делается вывод о том, что разработка материалистической диалектики как методологии научного познания, а также как логики совпадает с ее разработкой как науки о всеобщих законах (см. 335, стр. 229).

Указанная выше аргументация в определенной степени оправдана, поскольку опирается на реальный факт: материалистическая диалектика как наука о всеобщих законах имеет важное методологическое значение в процессе познания. Поэтому если формы и методы мышления понимать в широком смысле слова, как любые теоретические принципы, положения, законы, сознательно используемые для правильной организации познавательной деятельности, то диалектика как наука о всеобщих законах оказывается одновременно логикой, гносеологией и методологией. Вообще любые науки — физика, химия, биология и другие, отнюдь не изучающие специально мышление, познание, могут быть истолкованы в этом широком смысле как некая «частная» логика, гносеология и методология, поскольку законы, принципы, теоретические положения любой из них имеют определенное методологическое значение.

Однако в логико-методологической литературе под методом познания чаще всего имеют в виду вовсе не теоретические положения, используемые для соответствующей организации познавательной деятельности (говорят просто о методологической функции данных теоретических положений), а нечто иное, например правила познавательной деятельности или способ (структуру) ее, некоторую совокупность операций, применяемых для решения определенной задачи.

Поэтому, если задачи диалектики ограничивать анализом всеобщих законов, выявляются трудности в истолковании ее как логики, гносеологии и методологии в том строгом смысле, в каком об этих науках обычно говорится в логико-методологической литературе. Кстати говоря, спекулируя на этом, материалистической диалектике нередко вообще отказывают в праве быть теорией научного метода. «Если утверждать, — пишет, например, один из «критиков» материалистической диалектики, Сидней Хук, — что диалектика является теорией научного мето-

да, тогда ее «законы» были бы не законами природы, но правилами действительно научной процедуры» (443, стр. 24). В ответ на это обычно подчеркивают, что «правила действительно научной процедуры» нельзя отрывать от тех теоретических принципов, положений (и, в частности, «законов природы»), из которых они выводятся, и тем самым нельзя трактовать метод как совокупность чисто субъективных, произвольных, устанавливаемых исследователем «правил научной процедуры». Такое возражение справедливо. Однако в полной мере опровергнуть «аргумент» С. Хука против трактовки диалектики как «теории научного метода» можно лишь путем доказательства того, что диалектика не только раскрывает всеобщие законы природы, общества и мышления (и уже на основе этого выполняет методологическую функцию), но вместе с тем специально анализирует процесс познания, выясняет тот правильный способ познавательной деятельности, который можно назвать диалектическим методом, и формулирует на основе этого «правила действительно научной процедуры», т. е. в полном смысле этого слова является «теорией научного метода».

При обосновании положения о том, что диалектика как наука о всеобщих законах сама по себе, «автоматически», без дополнительной разработки выступает в функции логики, гносеологии и методологии науки, довольно часто ссылаются и на то, что «наиболее общие законы развития природы и общества — законы диалектики — являются одновременно и законами познания», «выступают как всеобщие логические законы мышления». Другими словами, используется тот факт, что «познание совершается диалектически, по законам диалектики» (см. 69, стр. 82; 53, стр. 67; 81, стр. 35).

Мы хотим отметить, что такая аргументация, довольно часто встречающаяся в работах советских философов, если ограничиваться только ею, довольно уязвима. При ее последовательном осуществлении она приводит к явно ошибочному выводу о том, что и другие науки не существуют самостоятельно, а сводятся к материалистической диалектике. Действительно, всеобщие законы диалектики именно в силу их всеобщности суть не только законы мышления, познания в целом, но и законы физических и химических явлений, законы, присущие живым организмам, и т. д. Не только познание, но и любые другие явле-

ния действительности совершаются диалектически, по законам диалектики. Поэтому, если следовать логике приведенных выше рассуждений, придется признать, что материалистическая диалектика выступает и как физика, химия, биология и т. д., поскольку она изучает законы, которым подчиняются физические и химические явления, живые организмы и пр.

Немалую роль в сведении всех аспектов разработки материалистической диалектики в рассматриваемый период к разработке ее лишь в аспекте науки о всеобщих законах сыграли работы И. Сталина, и прежде всего его статья «О диалектическом и историческом материализме», которая была написана им в 1938 г. для «Краткого курса истории ВКП(б)». В ней не только не упоминается о диалектической логике, но отсутствует и фактический анализ тех проблем, которые специфичны для диалектики как логики и теории познания. В некоторой степени это оправданно, поскольку цель статьи состояла в том, чтобы дать возможно более краткий и предельно популярный ответ на вопрос о том, что такое диалектический материализм, диалектика как наука. Однако основные положения этой статьи в период культа личности превратились в некоторый шаблон, по которому строились курсы и программы преподавания диалектического материализма, составлялись учебники и учебные пособия, читались лекции и доклады, писались статьи, книги и диссертации.

Сведение разработки диалектики к раскрытию всеобщих законов бытия, отказ от анализа специфических проблем диалектики как логики, гносеологии и методологии науки не только обедняло теорию диалектики, но и отрицательно сказывалось на выполнении ею методологической функции в научном исследовании. Это порождало настроение известной неудовлетворенности философией и философами в среде представителей специальных наук, поскольку им требовалась действенная помощь материалистической диалектики в решении насущных методологических проблем научного познания, а не простое повторение хотя и справедливых, но давно усвоенных общих формулировок и положений.

Рассмотренные выше теоретические и практические трудности в разработке диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функциях можно было

преодолеть лишь путем дальнейшего развития и реализации ленинских идей о диалектике как логике и гносеологии. Это и было сделано в многочисленных работах советских философов и логиков, вышедших в период после второй половины 50-х годов.

2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ О ДИАЛЕКТИКЕ КАК ЛОГИКЕ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Период развития советской философии, начинающийся примерно со второй половины 50-х годов и продолжающийся до настоящего времени, характеризуется прежде всего тем, что логико-методологические и гносеологические проблемы диалектики приобретают все более важное значение (наряду с проблемами диалектики общественного развития). Если в первый период развития диалектики работы, специально посвященные рассмотрению проблем диалектики в ее функции логики, теории познания и методологии, составляли редкое исключение в ряду других работ по диалектике, то начиная с указанного времени исследования такого рода перестают быть редкостью. Более того, совершенно четко прослеживается тенденция ко все большему увеличению удельного веса работ по логико-методологическим и гносеологическим проблемам материалистической диалектики.

Это связано прежде всего с повышением интереса в рассматриваемый период к ленинскому философскому наследию и с попытками его полного и всестороннего осмысления. В 50—60-е годы, особенно после решений XX съезда КПСС, в которых был осужден культ личности Сталина и подчеркнута необходимость усиления внимания к работам Ленина, глубокого изучения ленинского философского наследия, внимание многих советских философов и логиков вновь привлекает ленинская идея о диалектике как логике и теории познания. По данной теме защищаются докторские и кандидатские диссертации, выпускаются статьи, брошюры, сборники, выходит ряд монографий, в которых делается попытка выяснить действительный смысл и конкретное содержание ленинской идеи (см. 186, 165, 171, 198, 271, 299, 355, 379).

Возрастание интереса в рассматриваемый период к

вопросам разработки диалектики в ее логико-методологическом и гносеологическом аспектах связано и с той идеологической борьбой, которая происходит в настоящее время, когда, в частности, современные буржуазные философы, и в первую очередь неопозитивисты, стремятся установить монополию на разработку «логики современной науки». «Можно сказать, не рискуя впасть в преувеличение, — совершенно справедливо отмечают М. Розенталь и Э. Ильенков, — что именно столкновение материализма и идеализма в трактовке природы мышления и соответственно характера науки о мышлении (то есть логики) в последние десятилетия сделалось одним из главных полей сражения философских систем — тем плацдармом, который прежде всего старается отвоевать у марксистско-ленинского мировоззрения современный идеализм» (308, стр. 24).

Интерес к логико-методологическим и гносеологическим проблемам диалектики в рассматриваемый период отражает и ту реальную потребность в глубокой и всесторонней разработке диалектики в ее функциях логики, теории познания и методологии науки, которая особенно остро стала ощущаться в это время. Дело в том, что в данный период — в связи с ускоренным развитием науки, коренной ломкой научных понятий и всего строя мышления, усложнением процесса познания, происходящим в современную эпоху, исключительно быстрым научно-техническим прогрессом — предметом пристального внимания специалистов всех областей науки становятся логические, гносеологические и методологические проблемы. Исследования этих проблем показали, что их принципиальные решения могут быть достигнуты только на основе разработки диалектики как логики, теории познания и методологии науки. Необходимость такой разработки диалектики диктовалась тем самым потребностью эффективного выполнения ею методологической функции в современной науке.

Таковы основные причины, в силу которых проблемы диалектики как логики, теории познания и методологии приобрели важнейшее значение в рассматриваемый период и стали интенсивно изучаться советскими философами.

Однако в данный период наблюдается не только более интенсивная разработка материалистической диалектики

как логики, теории познания и методологии, но изменение и самого подхода к этой разработке. Предпринимаются попытки дополнить прежние пути и способы разработки ее в этом аспекте иными путями и способами. Исходным становится положение, согласно которому данная проблема является относительно самостоятельным аспектом материалистической диалектики, в котором она должна разрабатываться специально. А именно при развитии ее в этом направлении речь должна идти не просто о раскрытии всеобщих законов в диалектике, но и о таком исследовании форм, методов мышления, процесса познания, в ходе которого используются и используются (а вместе с тем и уточняются) эти всеобщие диалектические законы. Как отмечает в этой связи Д. Горский, «диалектическая логика опирается на законы материалистической диалектики, имея своим предметом закономерности познания, мышления» (101, стр. 5). По мнению Б. Кедрова, марксистская диалектическая логика «есть применение материалистической диалектики к учению о законах и формах мышления» (114, стр. 63). П. Копнин в книге «Диалектика как логика» говорит, что, «применяя законы диалектики к изучению мышления и его форм, диалектическая логика показывает нам, каким путем и в каких формах мышление схватывает объективную истину» (186, стр. 86—87).

Указанное положение не всегда высказывается в явной форме, но по существу оно признается в рассматриваемый период большинством философов и логиков, занимающихся разработкой проблем диалектики как логики, гносеологии и методологии*.

* Некоторые советские философы придерживаются в этом вопросе своеобразной и во многом характерной позиции, которая наиболее последовательно выражена Э. Ильенковым. Прежде всего он подчеркивает, и это совершенно справедливо, что проблема соотношения логики, теории познания и диалектики всегда остается у Ленина стержневой проблемой всех его специально философских размышлений. Анализируя ленинские положения, что диалектика есть логика и теория познания марксизма, Э. Ильенков акцентирует внимание на понимании диалектики как науки, в составе которой находят свое разрешение проблемы, по традиции обособлявшиеся от нее в виде логики и теории познания. При этом ленинское положение, что не надо трех слов, потому что это одно и то же, он трактует как *тождество* диалектики, логики и теории познания.

Понимание ленинских определений, и в частности термина «совпадение» как тождества, оспаривается теми философами, которые это

По сути дела всеми советскими философами и логиками в этот период признается и положение о том, что полное и всестороннее исследование научного познания возможно лишь усилиями представителей целого ряда наук, а не только диалектики. В частности, длительные споры по вопросу о соотношении диалектической и формальной логики привели почти к единодушному мнению о том, что они не исключают друг друга и что последняя также играет важную роль в изучении определенных сторон, аспектов научного познания. Среди советских философов и логиков складывается довольно широкое направление, представители которого занимаются применением методов и понятий, всего аппарата современной формальной логики для решения соответствующих проблем логико-методологического анализа науки. Представителями этого направления был создан ряд специальных научных исследований, среди которых можно отметить, в частности, работы А. Зиновьева, Е. Войшвилло, Ю. Петрова, а также некоторые коллективные труды (см. 214, 284, 290, 213). Следует отметить, что в большинстве этих работ в отличие от неопозитивистских трудов, в которых, как правило, абсолютизируется формально-логический подход к логике науки, признается, что методы современной формальной логики не являются универсальным средством разработки логики научного познания, что логико-методологические исследования могут осуществляться иными средствами и с иных точек зрения. В результате широкого исследования логико-методологических проблем научного познания все в большей степени осознается тот факт, что при анализе мышления, познания в целом необходимо учитывать не только данные таких дисциплин, как диалектика, формальная логика, психология, физиология, история науки, но и результаты новых, только появившихся и бурно развивающихся наук: кибернетики, одной из важнейших задач которой является моделирование психических функций человека, в том числе и мышления; семиотики — науки, изучающей

совпадение рассматривают как выражение *единства* диалектики, логики и теории познания, как его соответствующее проявление. Проблема является исключительно сложной и требует ее углубленного и всестороннего решения на современном уровне развития научного познания и практики. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

общие свойства знаковых систем; эвристики — «науки о творческом мышлении» и др. *

В связи с обнаружением возможности изучения познания в самых различных науках особую остроту приобрел вопрос о специфике изучения мышления, познания в целом, при разработке диалектики как логики, теории познания и методологии, а также вопрос об отношении диалектики, выступающей в этих функциях, к другим наукам, изучающим познание. Эти вопросы рассматриваются в многочисленных статьях, брошюрах, индивидуальных и коллективных монографиях советских философов и логиков. В них делается попытка сформулировать основные цели и задачи диалектики как логики (диалектической логики), теории познания и методологии, уточнить понятийный аппарат и методы, пригодные для разработки ее в этих направлениях, а также подвергаются критике взгляды таких «ниспровергателей» диалектической логики, как Ю. Бохеньский, Г. Веттер, Г. Огирман, К. Поппер, С. Хук, утверждающих, будто признание диалектической логики ведет к ликвидации формальной логики, к софистике, путанице, эклектике в рассуждениях.

Значительное внимание советские философы уделяют анализу проблем диалектической логики и методологии в связи с теми или иными работами классиков марксизма-ленинизма. Особенный интерес проявляется к «Капиталу» К. Маркса. В экономических трудах К. Маркса — в «Капитале», «К критике политической экономии», «Теории прибавочной стоимости» — и других работах не только сам ход исследования сознательно организован на основе принципов и положений диалектической логики и методологии, но нередко анализируются и сами эти принципы и положения. С работами К. Маркса неразрывно связаны работы Ф. Энгельса — рецензия на труд «К критике политической экономии» К. Маркса, предисловие ко второму и третьему томам «Капитала», связанные с «Капиталом» письма, конспект «Капитала», а также «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», в которых анализируются важные проблемы диалектики в ее логико-мето-

* О возможности и необходимости различных направлений логико-методологического анализа науки см. работы П. Таванца и В. Швырева (349, 384).

дологической и гносеологической функциях. Работы В. И. Ленина, прежде всего «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «О значении воинствующего материализма», «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», не только представляют собой образец конкретного применения в практике познания диалектической логики и диалектического метода, но вместе с тем содержат ценнейшие указания относительно их разработки.

Анализу логико-методологических и гносеологических проблем диалектики на основе рассмотрения работ Маркса, Энгельса и Ленина посвящен ряд монографий (см. 64, 257, 272, 301).

Эффективная разработка диалектики как логики, теории познания и методологии предполагает, как кратко уже отмечалось, решение проблем двоякого рода, неразрывно связанных между собой: 1) общих и принципиальных вопросов, касающихся специфического предмета диалектики в изучении познания, ее отношения к другим наукам, обоснования ее как логики, гносеологии и методологии и др.; 2) различных конкретных логико-методологических проблем диалектики. Важной особенностью второго периода в этом отношении является то, что советские философы уже не ограничиваются дискуссиями общего характера о предмете диалектической логики, о ее отношении к формальной логике, о взаимоотношении диалектики как общей методологии и методов частных наук и т. д., а начинают интенсивно разрабатывать, исходя из реальной практики научного познания, конкретные и специальные проблемы диалектики в ее функции логики, теории познания и методологии. Выходят, многочисленные работы, посвященные анализу законов диалектики как законов познания, рассмотрению с позиций диалектики процесса развития познания, особенностей познания изменяющихся и развивающихся объектов, их противоречий, причинных связей, метода восхождения от абстрактного к конкретному, проблемы логического и исторического, учению диалектики о понятии и т. д.

Все отмеченные выше вопросы, связанные с разработкой диалектики как логики, теории познания и методологии, неоднократно обсуждались на специальных симпозиумах, совещаниях. Так, в апреле 1965 г. проходило

Всесоюзное совещание по современным проблемам материалистической диалектики. Самое серьезное внимание на этом совещании было уделено проблемам диалектики как логики, теории познания и методологии (см. 115, 209). Эти проблемы обсуждались и на московском симпозиуме «Диалектика и современное естествознание», который проходил в 1966 г. (см. 116), а также на расширенном заседании президиума Академии наук СССР от 18 октября 1963 г., на котором выступили философы и крупнейшие ученые-специалисты (см. 234). В 1968 г. в Алма-Ате специальный симпозиум был посвящен обсуждению проблем диалектической логики (см. 289).

Нельзя не отметить и ту большую роль, которую в развитии диалектики как логики, теории познания и методологии сыграл и играет в настоящее время журнал «Вопросы философии», на страницах которого постоянно обсуждаются все связанные с этим вопросы.

Но каким образом, под каким углом зрения формы и методы мышления, процесс познания в целом должны рассматриваться в диалектике? Для чего и как должно использоваться при этом диалектико-материалистическое учение о всеобщих законах? На эти вопросы в литературе даются различные ответы, на основе чего складываются различные подходы к разработке диалектики как логики, гносеологии и методологии. Каковы же эти подходы?

Рассмотрим сначала такой подход к разработке диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функциях, который связывают с анализом действия всеобщих законов диалектики в познании.

Анализ действия всеобщих законов диалектики в познании

При таком подходе к разработке диалектической логики исходят из того, что она рассматривает мышление не со всех сторон, «а только с той, которая характеризует действие в нем законов диалектики» (25, стр. 17). Другими словами, согласно этой концепции, диалектическая логика выясняет, как всеобщие законы диалектики действуют в сфере познания — «диалектическая логика есть особенная форма диалектики (ибо последняя пронизы-

вает собой все: и природу, и общество, и познание), есть проявление ее в идеальной сфере» (271, стр. 239). Положение о том, что при разработке диалектики как логики и гносеологии необходимо выяснять действие ее категорий и законов в сфере познания, иногда выражают иначе, говоря о необходимости анализа «диалектики познания».

Анализ проявления законов диалектики в сфере мышления, познания в целом — это, несомненно, важная задача разработки диалектики, о которой не следует забывать и которую нельзя смешивать с другими задачами и аспектами разработки диалектики. В последнее время в советской философской литературе появляется все большее число работ, в которых данная задача решается применительно к тем или иным категориям и законам диалектики. Проявление всеобщих законов диалектики в сфере познания рассматривается, например, И. Андреевым (см. 28). Специально этот вопрос рассматривается Н. Вахтоминым (см. 69). В коллективном труде «Диалектическая логика», изданном под редакцией А. Минасяна (см. 120), анализируется проявление и действие в познании таких законов и категорий диалектики, как единство и борьба противоположностей, количество и качество, отрицание отрицания, общее и единичное, сущность и явление, необходимость и случайность и др. Рассмотрению законов диалектики как законов познания посвящен целый раздел и другого коллективного труда: «Диалектика — теория познания. Проблемы научного метода» (см. 119). Детальный анализ действия основного закона материалистической диалектики — ее ядра — закона единства и борьбы противоположностей в процессе истории научного познания дан в работе «Противоречия в развитии естествознания», написанной коллективом авторов под общей редакцией Б. Кедрова (см. 295). Всеобщие законы диалектики как законы познания анализируются также Д. Горским (см. 102), М. Розенталем (см. 307) и в других работах советских философов.

В этих работах большое внимание уделяется преодолению тех недостатков, которые допускались ранее многими советскими философами при рассмотрении всеобщих законов диалектики как законов познания. Действительно, во многих работах (особенно в период до 50-х годов) задача рассмотрения всеобщих законов диалектики как законов познания довольно часто решалась слишком

упрощенно. А именно тот или иной закон диалектики, та или иная категория просто иллюстрировались примерами, взятыми из области явлений, относящихся к познанию. Тем самым допускалась та ошибка, на которую обращал внимание еще Ленин. Он указывал, что нельзя сводить диалектику к сумме примеров, законы диалектики должны быть показаны как законы познания (см. 2, т. 29, стр. 317—318). В целях реализации этого ленинского указания советские философы в работах последних лет значительное внимание обращают на теоретическое обоснование необходимости действия законов диалектики в познании, а не просто иллюстрируют их примерами из сферы познания.

Другая ошибка, которая часто допускалась при анализе рассматриваемой проблемы, состоит в том, что она решалась «еще в довольно общем виде, когда ее содержание сводится к рассмотрению положения о том, что законы диалектики, которые действуют в природе и обществе, распространяют свою силу и на познание, что они одновременно являются и законами познания. При этом обычно не рассматриваются те конкретные формы познания, в которых законы диалектики находят свое проявление» (69, стр. 3—4). Вот почему в работах советских философов последнего времени акцент делается на рассмотрение именно различных форм проявления и особенностей действия всеобщих законов диалектики в сфере познания. Необходимость решения этой задачи связана с тем, что хотя законы диалектики как всеобщие законы действуют во всех областях действительности, но в каждой из них они имеют различные формы проявления.

На основе этого в ряде работ советских философов выдвигается и обосновывается точка зрения, согласно которой задача диалектики как логики и гносеологии состоит в анализе именно специфической формы проявления всеобщих законов диалектики в сфере познания. «Материалистическая диалектика, — пишет, например, А. Востриков, — раскрывает и изучает общие законы развития как объективного мира, так и мышления и познания. Но эта же диалектика, изучая те же общие законы в их специфическом выражении в области мышления, выступает уже как учение о мышлении и его законах, как диалектическая логика» (81, стр. 37). Данное поло-

жение отстаивается и во многих других работах советских философов.

Имеют место, однако, существенные расхождения относительно того, что следует понимать под «спецификой, особой формой проявления» всеобщих законов диалектики в сфере познания. Иногда под этим имеют в виду просто тот факт, что всеобщие законы диалектики действуют и в такой специфической области действительности, как мышление, познание в целом, что им подчиняются такие специфические явления, как знания, теории, процесс познания, суждения, умозаключения и т. д. В других случаях, говоря о специфике проявления законов диалектики в сфере познания, имеют в виду некоторые особенности их действия здесь (например, особый характер противоречий, имеющих в познании, особенности «скачков», т. е. перехода количественных изменений в качественные, которые происходят в развитии познания, и т. д.).

Наконец, в некоторых работах при раскрытии специфической формы проявления законов диалектики в сфере познания указывают на специфический путь познания тех явлений, которые в логически обобщенном виде отражаются в категориях и законах диалектики (см., например, 171, 235). Так, Б. Кедров обращает внимание в своей книге «Единство диалектики, логики и теории познания» на то, что *«при всей своей общности законы диалектики имеют специфическое выражение и действие в области мышления* (т. е. в процессе отражения объекта субъектом)» и что задача диалектической логики *«заключается именно в раскрытии этой специфики, но не в простом констатировании общности законов познания с законами внешнего мира»* (171, стр. 168—169). В связи с этим он стремится раскрыть в указанной работе «специфику действия закона единства и «борьбы» противоположностей, когда он выступает в роли закона познания», специфику действия закона перехода количественных изменений в качественные в сфере познания и т. д. Он показывает, в частности, что «путь познания» закона перехода количественных изменений в качественные (применительно к его действию в том или ином изучаемом явлении) «отличается от его действия в объективном мире» (171, стр. 199), что познание противоречия как единства противоположностей «идет весьма своеобразным путем» и не совпадает

с самым реально существующим противоречием и т. д. На основе этого соответствующим образом истолковываются и задачи диалектики в ее функции логики и гносеологии, к чему мы вернемся ниже.

Несмотря на важность данного направления разработки материалистической диалектики, было бы ошибочно сводить все только к этому при определении основных направлений и аспектов ее разработки и рассматривать данное направление как специфически характеризующее разработку диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функции.

Во-первых, при этом возникает опасность своеобразного сведения материалистической диалектики к «сумме примеров», взятых из различных областей действительности, в том числе и из сферы познания. Как отмечает И. Нарский, раскрытие действия всеобщих законов диалектики в сфере познания, в частности разработка диалектики формально-логических элементов мышления, — это «не бесполезное дело, но она почти не выходит за рамки изложения диалектики как «суммы примеров» и в функции диалектической логики потребностей современного научного знания удовлетворить не может» (255, стр. 141).

Во-вторых, возникают трудности в обосновании правомерности характеристики диалектики как логики и гносеологии. Тот факт, что в диалектике как науке о всеобщих законах рассматривается действие этих законов в различных областях действительности, например в сфере химических и физических явлений, в области живых организмов и т. д., не служит достаточным основанием для того, чтобы говорить о разработке диалектики как химии, физики, биологии и т. д. Но тем самым и анализ действия всеобщих законов диалектики в сфере познания не позволяет еще в полной мере говорить о диалектике как логике и гносеологии.

Отмеченные выше трудности в разработке диалектики как логики и гносеологии удалось бы преодолеть, если считать, что диалектика не ограничивается анализом действия всеобщих законов в сфере познания, а специально рассматривает формы и методы мышления, познавательные процедуры, процесс познания в целом. Но как, под каким углом зрения она должна их рассматривать?

При ответе на этот вопрос нередко исходят из того, что она имеет важное методологическое значение в любой области исследования и должна быть использована как метод изучения познания.

Изучение познания на основе диалектического метода

В соответствии с таким подходом полагают, что при разработке диалектики как логики и гносеологии речь должна идти об анализе познания с позиций диалектического метода, т. е. о раскрытии диалектики познания. Причем под этим понимают не изучение действия всеобщих законов диалектики в сфере познания (о таком понимании задачи раскрытия «диалектики познания» говорилось выше), а именно анализ познания с позиций диалектики, диалектического метода, и в частности изучение его как относительно устойчивой структуры, подвергающейся процессу изменения и развития, выяснение его формы и содержания в их взаимосвязи, раскрытие его многообразных, диалектически противоречивых свойств и связей и т. д. В таком аспекте должны изучаться, согласно данной концепции, и различные формы мышления (в том числе понятие, суждение, умозаключение и др.).

Насколько правомерна постановка такой задачи?

В настоящее время невозможно привести ни одного действительно серьезного научного аргумента в пользу той довольно-таки редко высказываемой точки зрения, согласно которой мышление в отличие от самого бытия, отражаемого в нем, является антидиалектическим, как это утверждал в свое время «легальный марксист» П. Струве.

Многочисленные факты истории науки и анализ этих фактов в марксистской философии, а также в других науках показывают, что познание, как и все другие явления действительности, носит ярко выраженный диалектический характер. «...Если *все* развивается, — писал в этой связи Ленин, — то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» (2, т. 29, стр. 229). «...Всему по-

знанию человека вообще, — добавляет он, — свойственна диалектика» (2, т. 29, стр. 321).

Нет поэтому никакого сомнения в том, что анализ «диалектики познания», в том числе и диалектики форм мышления, — это действительно важная задача современной науки о познании.

Эволюция различных наук, изучающих познание, неизбежно приводит к представлению о том, что неправомерно подходить к познанию с позиций метафизического метода и что только на основе соблюдения требований диалектического метода можно добиться позитивных результатов и избежать существенных ошибок при его анализе. Один из основных недостатков старого метафизического материализма Ленин усматривал в неумении применить диалектический метод к изучению познания.

Бесспорно, что изучение познания в диалектике должно основываться на использовании диалектического метода. Однако рассмотрение познания с позиций диалектического метода не составляет специфической особенности одной диалектики. Если полагать, что только диалектика рассматривает познание диалектически, а другие науки — формальная логика, психология, кибернетика, педагогика, физиология высшей нервной деятельности — рассматривают его не так, как того требует диалектический метод, то это неизбежно приведет либо к отрицанию диалектического метода как всеобщего метода познания, либо к оценке упомянутых научных дисциплин как метафизических, антинаучных по своему методу.

Как известно, в советской философской и логической литературе — особенно в 20—30-е годы — допускались различные ошибки в трактовке отношения современной формальной логики и диалектики, когда они противопоставлялись друг другу именно по своему методу, подходу к познанию, причем формальная логика отождествлялась с метафизикой. Однако эти взгляды никогда не выражали точки зрения большинства советских философов и логиков. В настоящее же время такого рода взгляды на отношение формальной логики и диалектики составляют совсем редкое исключение *. Подавляющее большинство

* Так, например, В. Черкесов продолжает и в настоящее время отстаивать ту точку зрения, что формальная логика «была и остается теорией метафизического способа мышления и познания». По его

советских философов и логиков разделяет ту точку зрения, что современная формальная логика не является метафизической по своему методу, подходу к мышлению и в этом отношении отнюдь не противостоит диалектике.

Обвинение в метафизичности обычно выдвигалось в адрес формальной логики на том основании, что эта наука не изучает изменение и развитие форм, методов мышления, познавательных процедур, ограничиваясь изучением лишь относительно устойчивых моментов мышления. Даже если согласиться с таким пониманием предмета современной формальной логики (хотя само по себе оно не является бесспорным), то и в этом случае нельзя делать вывод о ее неизбежной метафизичности. Такая метафизичность имеет место лишь в том случае, когда в ходе абстрагирования от изменения и развития мышления не осознаются достаточно определенно смысл и значение проделываемой абстракции, что действительно характерно для некоторых представителей этой науки, но вовсе не для всей современной формальной логики как науки в целом. В современной же формальной логике, как правило (особенно если речь идет о работах советских логиков), при абстрагировании от изменения и развития познания осознается смысл данной абстракции, т. е. учитывается факт изменения и развития познания и обосновывается положение о том, что для тех целей, которые ставятся в ходе формально-логического исследования структуры научного знания, вовсе не обязательно изучать данный процесс изменения и развития.

Сказанное выше относительно формальной логики применимо в полной мере и к таким современным наукам, как психология, педагогика, эвристика, кибернетика, семиотика и др. По своему методу, подходу к мышлению, познанию в целом материалистическая диалектика противостоит старой, традиционной гносеологии, формальной логике, психологии и другим наукам XVII—XVIII вв., которые метафизически, антидиалектически подходили к познанию. Но это ни в коей мере не относится к современным наукам о познании.

В ходе любого изучения познания, идет ли речь о рассмотрении определенных аспектов его в кибернетике,

мнению, она «учит человека тому способу мышления, который Ф. Энгельс называл метафизическим» (см. 289, стр. 163, 168).

семиотике, психологии, педагогике, эвристике, формальной логике и т. д., необходимо диалектически рассматривать его, соблюдать те методологические требования, которые формулируются в материалистической диалектике. Диалектический подход к познанию не составляет поэтому специфической особенности какой-либо одной современной науки о познании, в том числе и диалектики как логики, гносеологии и методологии. Об этом не следует забывать при определении специфических задач диалектики в изучении познания, форм и методов мышления.

Многие авторы полагают, что отмеченных выше трудностей в определении специфики диалектики как науки о мышлении, о познании в целом, т. е. как логики и гносеологии, и в обосновании правомерности характеристики ее как таковой удастся избежать, если предположить, что специфический подход диалектики к изучению познания состоит в раскрытии его изменения и развития.

Такая точка зрения на предмет материалистической диалектики как логики и гносеологии нередко высказывалась еще в первый период развития материалистической диалектики в СССР (см., например, упомянутые работы В. Асмуса). Но особенно широкое распространение она получила после 50-х годов. Д. Горский, Б. Кедров, М. Розенталь и многие другие советские философы рассматривают диалектическую логику как науку «о закономерностях формирования, изменения и развития наших знаний (понятий, законов, гипотез, научных теорий)» (см. 102, 295, 304 и др.). Вообще это, пожалуй, одна из наиболее широко распространенных и в явном виде формулируемых концепций предмета материалистической диалектики как логики и теории познания.

Это не является случайностью. Ведь сама материалистическая диалектика выступает прежде всего как наука о всеобщих законах изменения и развития. Требование рассматривать изменение и развитие любого изучаемого явления в процессе его познания (по крайней мере на определенном этапе) — одно из важнейших требований диалектического метода. В анализе изменения и развития познания, форм мышления наиболее ярко проявляется диалектический характер современной теории познания и логики в противоположность старой гносеологии (исключая Гегеля) и традиционной формальной логике. Современные позитивисты, претендующие на создание уни-

версальной «логики науки», как правило, отказываются от анализа механизма образования новых научных идей, теоретических понятий, новых способов теоретического воспроизведения объекта, полагая, что изучение развития научных знаний, новых идей вообще находится вне сферы логического анализа и должно быть полностью отдано на откуп психологии. Такая позиция является следствием абсолютизации формально-логического подхода к научным знаниям, в рамках которого действительно трудно анализировать процесс развития научного познания (по крайней мере многие важные его аспекты), поскольку этот процесс не может быть сведен к формально-логическому выводу новых знаний из уже имеющихся знаний, к простому накоплению эмпирических данных с последующей их обработкой, суммированием, выведением общего, к развитию одних лишь знаковых средств упорядочения знаний.

Нет никакого сомнения, что одна из важнейших задач, возникающих при разработке материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии, состоит в анализе процессов изменения и развития познания, форм и методов мышления, познавательных процедур, в силу чего она выступает как *генетическая* логика, теория познания и методология. Отмечая это обстоятельство, Ленин писал: «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *незнания* к познанию» (2, т. 26, стр. 54—55). Он неоднократно подчеркивал, что «*продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (2, т. 29, стр. 131).

В советской философской и логической литературе проделана значительная работа по реализации данного указания Ленина о разработке материалистической диалектики как генетической логики и гносеологии и о необходимости диалектической обработки истории научного познания. Советскими философами написан ряд оригинальных работ по этой теме. Анализу общих закономерностей развития научных понятий, законов, гипотез, научных теорий посвящена, например, книга Д. Горского

(см. 102). В работе Г. Курсанова (см. 198) раскрывается диалектически противоречивая сущность понятия, общие гносеологические закономерности его формирования и развития на основе обобщения данных и естественных, и математических, и общественных наук. За последние годы вышел в свет целый ряд коллективных трудов под общей редакцией Б. Кедрова, в которых специально, в систематической форме, на основе тщательного анализа истории самых различных наук с позиций диалектики рассматриваются закономерности развития понятий, научных теорий, общие закономерности развития научного познания (см. 119, 295, 27, 275 и др.).

Однако при разработке материалистической диалектики в данном направлении и при обосновании в связи с этим положения о том, что диалектика является логикой, гносеологией и методологией, не всегда учитывается, что изменение и развитие познания изучается не только в материалистической диалектике и что поэтому не всякое рассмотрение изменения и развития познания есть разработка диалектики как логики и гносеологии.

Например, такое рассмотрение истории физики, химии, биологии, формальной логики и других наук, отдельных понятий, теорий, гипотез этих наук, при котором исследователя в первую очередь интересуют не общие диалектические закономерности развития научных теорий, понятий, гипотез, а эволюция именно данной науки, теории, гипотезы, является делом таких наук, как история физики, история химии, история формальной логики, которые скорее «включаются» в физику, химию, формальную логику, нежели в диалектику как логику и гносеологию. Трудно обосновать также, почему исследование изменения и развития знаковых средств выражения научных знаний, возникновения и развития формальных методов исследования (например, аксиоматического метода) должно осуществляться именно в диалектике. Скорее это составляет задачу формальной логики, семиотики и вообще логики научного исследования, поскольку именно в этих науках данные методы и средства подвергаются специальному исследованию. Большую роль в исследовании процессов развития науки призвана сыграть, как отмечается в ряде работ, психология, точнее, психология научного творчества (см. 58). Определенные аспекты эволюции научных теорий можно выявить и при подходе

к познанию с позиций кибернетики, теории информации, рассматривая его как процесс получения, хранения и переработки информации (см., например, 191).

Поэтому во избежание неясности и недоразумений необходимо четко выяснить тот угол зрения, тот аспект, под которым диалектика анализирует изменение и развитие познания, определить, что и как она рассматривает при изучении процесса развития познания. Некоторая работа в этом направлении уже проделана советскими философами и логиками, о чем речь пойдет ниже.

Одного лишь указания на то, что диалектика как логика и гносеология изучает развитие познания, недостаточно и потому, что она, как показано в ряде работ советских философов и логиков, наряду с изучением изменения и развития познания рассматривает (должна рассматривать) также и относительно устойчивые, инвариантные моменты познания, процессы его функционирования, элементы структуры познания, имеющие место на том или ином этапе его развития, их связи друг с другом и т. д. Вот почему нельзя ограничивать задачи диалектики как логики и гносеологии изучением только *развития* познания, форм и методов мышления.

Таким образом, и рассмотренный подход к разработке и обоснованию материалистической диалектики как логики, гносеологии и методологии, содержащий ряд плодотворных идей, тем не менее не позволяет в полной мере преодолеть возникающие при этом трудности.

Рассмотрим в этой связи еще один подход к разработке диалектики как логики, гносеологии и методологии науки.

Содержательно-генетическое исследование познания в диалектике

При обсуждении вопроса о предмете диалектической логики в литературе неоднократно ставился и дискутировался вопрос о том, не является ли специфическим для диалектики *содержательный* подход к познанию.

Такая постановка вопроса во многом была связана с гегелевской критикой традиционной логики, которая, по его мнению, абстрагировалась от содержания познания при его изучении. «Если в общем логику признают

наукой о мышлении, — писал, в частности, Гегель, — то под этим понимают, что это мышление представляет собой лишь *голую форму* некоторого познания, что логика абстрагируется от всякого *содержания*, и так называемая вторая *составная часть* всякого познания, *материя*, должна быть дана откуда-то извне, что, следовательно, логика, от каковой эта материя всецело независима, может только указать формальные условия истинного познания но не может содержать в себе самой реальной истины, не может даже быть *путем* к реальной истине, так как именно существенное в истине, содержание, лежит вне ее» (87, т. V, стр. 20). В противоположность такому представлению о целях и задачах логики Гегель считал, что логика не может совершенно абстрагироваться от анализа содержания познания. «Неполнота этого способа рассмотрения мышления, оставляющего в стороне истину, — указывал он, — может быть устранена лишь привлечением к мыслительному рассмотрению не только того, что обыкновенно причисляется к внешней форме, но вместе с тем также и содержания» (87, т. V, стр. 14). Исходя из этих соображений, Гегель пытался развить концепцию «содержательной логики». Отмечая эту заслугу Гегеля, Маркс обращал внимание на то, что до Гегеля логики по профессии упускали из виду содержание форм различных типов суждений и умозаключений.

Опираясь на гегелевскую критику традиционной логики, некоторые советские философы и логики пытались и современную формальную логику упрекать в «формализме», «отрыве формы от содержания» и т. д. Однако, как было показано в целом ряде статей и монографических исследований советских логиков и философов, например в книге П. Копнина «Диалектика как логика» (см. 186), в статье А. Горского и Ю. Петрова «Об определениях формальной и диалектической логики и их взаимосвязи» (см. 103), в статье В. Кураева «Специфика отражения действительности в формализованных системах логики» (см. 210), такие упреки в адрес современной формальной логики вряд ли оправданы. В этих работах отмечается, в частности, что многие основные понятия современной формальной логики (такие, как функция истинности, функция-предикат, закон логики, логическое следование и др.) определяются через понятие истины и зависят от различных подходов к пониманию самих истин-

ностных значений, что связь между истинностью и правильностью была установлена — в соответствующем виде — именно современной формальной логикой, на основе чего при применении логики в той или другой отрасли науки строятся различные логические системы (конструктивная логика, многозначные логики, вероятностная логика и т. д.), что синтаксические методы анализа, как бы они ни были развиты, не могут исчерпать всего арсенала логических средств теории и т. д. Уже в силу этого неверно утверждать, что содержательный подход совершенно чужд современной формальной логике. Об этом свидетельствует и тот факт, что в последнее время в этой науке проводятся интенсивные исследования по выяснению особенностей структуры высказываний, выражающих закон, связи предметов, описывающих изучаемый объект как систему, и т. д. (см. работы А. Зиновьева, Ю. Солодухина, А. Уёмова и др.).

К сожалению, во многих работах в пылу критической полемики с теми, кто обвиняет современную формальную логику в «формализме», в «отрыве» содержания от формы, упускается из виду тот факт, что содержательный подход к исследованию познания в формальной логике не охватывает всех аспектов содержательного исследования познания и в этом смысле ограничен.

Попытка выявить ограниченность «содержательного» исследования познания в формальной логике была принята, в частности, в работах В. Садовского, В. Швырева и Г. Щедровицкого. В этих работах показано, что формально-логический подход к анализу знаний состоит в изображении научного знания как системы связанных по значениям истинности высказываний и, будучи основан на выявлении отношений между высказываниями по «условиям истинности», предполагает данность «условий истинности». Поскольку «условия истинности» высказывания это по сути дела действительность, выражаемая в содержании высказывания, постольку «формальнологический подход основан на данности готовых содержаний знания и отвлекается от процессов выработки нового мысленного содержания» (383, стр. 71). На основе формально-логического подхода рассматривается получение новых высказываний, которое сводится либо к синтезу знаний в составное, сложное знание (индукция, сочетание операций конъюнкции и дизъюнкции), либо к анализу

составного знания на его компоненты, либо к соединению знания по общим элементам его состава и последующему исключению опосредствующих элементов (дедукция). «Во всех этих случаях понятийный состав знания, а тем самым и его мысленное содержание, воплощенное в абстракциях и связях между ними, во-первых, предполагается заранее данным, во-вторых, остается неизменным по отношению к формально-логическим преобразованиям» (383, стр. 72). В формально-логической концепции определений введение новых терминов рассматривается как передача вновь вводимому термину старых терминов. Такая концепция точно так же предполагает «значение» терминов, т. е. вычлененное в абстракции мысленное содержание, заранее данным и отвлекается от процессов их выявления, отмечает В. Швырев.

На основе обнаружения этой ограниченности, односторонности подхода современной формальной логики к анализу познания в упомянутых работах указывается на необходимость анализа в логике «процессов выработки нового мысленного содержания», «процессов новых абстракций», «исследования процессов мыслительной деятельности, направленной на выработку мысленных содержаний». К сожалению, в них не разъясняется достаточно четко, что следует понимать под этими процессами, какую роль в их исследовании может сыграть диалектика, и не формулируются специально, в систематической форме те понятия, с помощью которых такое исследование может быть проделано в диалектике.

Возможность более четкого определения задач содержательно-генетического исследования познания в диалектике открывается в том случае, если учесть, что материалистическая диалектика выступает как теория, выясняющая на основе анализа данных всех современных наук, а также истории познания некоторые важные особенности и закономерности тех предметов и явлений, которые изучаются в различных науках и составляя объект современного научного познания. А именно в категориях и законах диалектики как науки о всеобщих свойствах, связях и отношениях фиксируются такие особенности объекта познания, взятого в его логически обобщенном виде, которые характеризуют его как *диалектический* объект, или, как иногда говорят, диалектику объекта. К таким чертам и особенностям объекта познания

относится то, что это диалектически противоречивый предмет, претерпевающий процесс развития, законы которого раскрываются в диалектике, предмет, представляющий собой целостную структуру взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, имеющий качественные и количественные характеристики, форму и содержание, связанные определенным образом (как именно, это устанавливается в диалектике) друг с другом, и т. д.

В связи с этим возникает вопрос: нельзя ли для изучения познания в определенном аспекте, для выявления его особенностей и закономерностей использовать получаемые в диалектике знания об объекте познания?

Ответ на данный вопрос во многом зависит от истолкования природы познания и его взаимоотношения с объектом познания. Так, например, если познание истолковывать лишь как определенную деятельность исследователя с терминами языка науки или как деятельность «упорядочивания» субъективных ощущений, за которыми не скрывается ничего реально существующего, и т. д., то знания об объекте познания (в том числе и те, которые получаются в диалектике) оказываются просто «лишними», «ненужными» при изучении познания.

Дело обстоит совершенно иначе, если познание рассматривать прежде всего как отражение объекта, существующего вне и независимо от сознания субъекта. При таком истолковании процесса познания — а это и есть ленинский подход, который, как обосновывается в многочисленных трудах советских философов (см., например, 185, 210), является единственно верным, — учет особенностей, закономерностей объекта познания, использование знаний, получаемых о нем в диалектике, оказываются совершенно необходимыми для изучения познания.

Значит, выясняется правомерность проведения в диалектике при разработке ее как логики, гносеологии и методологии науки такого — содержательно-генетического — исследования познания (в том числе его эволюции), при котором учитываются особенности и закономерности объекта познания, выясняемые в диалектике и характеризующие этот объект, взятый в его всеобщей форме, как диалектический.

Такая характеристика целей и задач содержательно-генетического исследования познания в диалектике яв-

ляется, конечно, также еще чрезвычайно общей, поскольку в ней не указываются конкретные пути и способы его осуществления и, в частности, ничего не говорится о том, каким образом и для чего при анализе познания нужно учитывать выясняемые в диалектике особенности объекта научного познания. В литературе встречаются самые различные подходы к решению этого вопроса, центрального с точки зрения определения задач содержательно-генетического исследования познания в диалектике. Некоторые философы при его решении приходили, например, к выводу о том, будто диалектику интересует только содержание познания, а не формы, методы и закономерности познания. Но что же это за логика и методология науки, которые не занимаются изучением форм и методов мышления?!

Более правильным в этом отношении представляется такой подход к проведению содержательно-генетического исследования познания в диалектике, при котором ее задачи не ограничивают изучением содержания познания, а полагают, что на основе теории диалектики может быть выделен и изучен особый тип (и одновременно этап развития) мышления — *диалектическое мышление*. Под последним при этом понимается мышление, которое воспроизводит изучаемый объект как диалектический или которое воспроизводит *диалектику объекта*.

Впервые в советской философской литературе задача анализа в диалектической логике (на основе тех знаний об объекте познания, которые получаются в диалектике) процесса теоретического воспроизведения мышлением изучаемого объекта как диалектического была сформулирована, рассмотрена и обоснована (причем по-разному) Э. Ильенковым в его диссертации «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса «К критике политической экономии»» и А. Зиновьевым в его диссертации «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (На материале «Капитала» К. Маркса)», хотя, естественно, отдельные подходы к этому имели место и раньше.

Начиная с середины 50-х годов проблемы, связанные с анализом диалектического мышления, привлекают к себе все большее внимание советских философов и логиков. Именно эти проблемы в настоящее время занимают центральное место среди других проблем в совет-

ской философской литературе, посвященной диалектике как логике, гносеологии и методологии.

Так, в предисловии к книге «Диалектическая логика», написанной группой авторов Ростовского инженерно-строительного института, отмечается, что диалектическая логика «изучает законы, формы и методы разумного диалектического мышления» (120, стр. 5). В книге М. Алексеева «Диалектическая логика (Краткий очерк)» отстаивается положение о том, что диалектика мышления составляет лишь часть предмета исследования диалектической логики. Другую ее часть составляет так называемое диалектическое мышление, которое воспроизводит изучаемый предмет как сложное органическое целое в системе его связей и отношений, как изменяющийся и развивающийся, диалектически противоречивый предмет, представляющий собой единство противоположностей, сущности и явления, формы и содержания и т. д. (см. 25, стр. 19, 30—31 и др.).

Аналогичным образом — с некоторыми видоизменениями, дополнениями, уточнениями — задача диалектики как логики и гносеологии характеризуется и во многих других работах.

При этом иногда в качестве предмета диалектической логики указывается мышление о «диалектическом объекте», хотя фактически имеется в виду несколько иное — мышление, постигающее объект как диалектический, т. е. «диалектическое мышление», что, по-видимому, не одно и то же. Так, В. Вазулиным обосновывается положение о том, что «предмет диалектической логики — мышление о развивающемся предмете. Диалектическая логика есть наука о мысленном воссоздании развивающегося предмета» (64, стр. 6). Однако фактически в данной работе в качестве предмета диалектической логики рассматривается мышление, воссоздающее изучаемый предмет как развивающийся. Это разные вещи, ибо одно дело мышление, изучающее предмет в процессе его развития, а другое дело мышление, хотя и являющееся мышлением о развивающемся предмете, но не воспроизводящее процесс его развития. Например, мышление буржуазных экономистов, как и мышление Маркса, было мышлением о развивающемся предмете — капиталистическом обществе. Но если Маркс воспроизводил его как развивающийся предмет, т. е. рассматривал данное общество в процессе раз-

вития, то буржуазные экономисты, напротив, изображали данный объективно развивающийся предмет как неизменный.

Итак, в соответствии с рассматриваемой концепцией при разработке диалектики в ее логико-методологической и гносеологической функции задача состоит не только и не столько в том, чтобы обосновать наличие изменения и развития изучаемого объекта, его сложного системного характера, противоречий и других его диалектических особенностей. Она заключается прежде всего в том, чтобы использовать получаемые в диалектике знания о них для анализа самого процесса их познания (например, процесса выражения движения в логике понятий).

Основная трудность при конкретизации такого подхода к разработке диалектики как логики, гносеологии и методологии состоит в том, чтобы конкретно указать, какого рода «логические процессы», имеющие место в ходе познания реальной диалектики изучаемых явлений и в своей совокупности составляющие диалектическое мышление, должны рассматриваться в диалектической логике.

При ответе на этот вопрос в литературе наиболее часто указывают на то, что диалектическая логика должна изучать те «приемы», «формы» и «методы», с помощью которых исследователь получает знания об изменении и развитии объекта, о его противоречиях, воспроизводит объект как сложную систему взаимосвязанных элементов и т. д. К таким приемам, методам, формам диалектического мышления, как правило, относят метод восхождения от абстрактного к конкретному, логический и исторический методы, прием исследования явления в «чистом» виде и др.

О приемах, способах, «операциях» диалектического мышления как о предмете диалектической логики говорится во многих работах советских философов и логиков. В частности, о них упоминается еще в книге В. Асмуса «Диалектический материализм и логика», вышедшей в 1924 г. В работе Б. Грушина «Очерки логики исторического исследования» говорится о том, что логика исторического исследования, составляющая часть диалектической логики, изучает приемы и способы воспроизведения процессов развития объекта (см. 105, стр. 4). По мнению Е. Войшвилло, диалектическая логика должна рассматривать «законы развития мысли, приемы исследования

предметов и явлений действительности, приемы воспроизведения в мысли процессов развития предметов и явлений» (75, стр. 16). Как отмечает Б. Кедров, материалистическая диалектика при разработке ее как логики должна изучать «те познавательные способы и приемы, которые применяются при изучении того или иного предмета исследования» (171, стр. 217).

Во многих других работах советских философов и логиков в качестве основной задачи диалектической логики также указывается анализ тех приемов, способов, форм и методов мышления, которые применяются при воспроизведении реальной диалектики изучаемых явлений. В настоящее время имеется довольно значительное число работ — монографий, коллективных трудов, статей, брошюр, диссертаций, в которых эти приемы, формы и методы диалектического мышления подвергаются специальному анализу. Так, например, специфическая для диалектического мышления форма — метод восхождения от абстрактного к конкретному специально рассматривается в монографиях В. Вазюлина, Э. Ильенкова, М. Розенталя (см. 64, 144, 301) и др.

Приемы, методы и формы мышления, связанные с воспроизведением изменения и развития изучаемых явлений, специально рассматриваются в работах Д. Горского, Б. Грушина, И. Нарского, Г. Подкорытова (см. 102, 105, 254, 281, 341) и др.

В работах советских философов и логиков рассматриваются также приемы, методы и формы изучения системно-структурного анализа объектов, в ходе которого они воспроизводятся как целостные системы, приемы и методы изучения качественных и количественных параметров объекта, а также их единства — меры, пространственно-временных свойств изучаемых явлений и т. д.

Советским философам и логикам предстоит еще большая работа по дальнейшему анализу приемов, форм и методов диалектического мышления. В частности, требуют уточнения и разъяснения сами понятия «прием», «метод» и «форма» диалектического мышления. Кратко эти понятия можно разъяснить следующим образом. В процессе познания исследователь осуществляет (по крайней мере на определенном этапе данного процесса) некоторые действия по отношению к тем или иным предметам и явлениям (объектам). Исследователь «включает»

их в сферу своей познавательной деятельности или «исключает» из этой сферы, а именно: он выбирает их в качестве предмета познания (т. е. того, на познание чего направлена его деятельность), в связи с чем он ставит и решает определенные задачи; он изучает (с помощью органов чувств, искусственно созданных приборов и т. д.) по крайней мере некоторые предметы и явления, получая на основе этого определенные знания о данных предметах и явлениях, а также о других; учитывая наличие какого-либо явления и возможность выбора его в качестве предмета познания, возможность изучения его, исследователь отвлекается от него (путем создания — в эксперименте — таких реальных условий, при которых оно отсутствует, или путем мысленного предположения данных условий) и т. д. Эти действия носят, таким образом, различный характер, и исследователь проводит их по отношению к различным предметам и явлениям. Ученый может изучать, например, только внешние свойства предмета, а может анализировать и его внутреннюю структуру; он может абстрагироваться от изучения развития предмета, а может сделать его предметом анализа; он может рассматривать качественные и количественные параметры какого-либо предмета, процесса, не учитывая и не изучая их связь, а может подвергнуть ее специальному исследованию и т. д.

С помощью понятий «прием», «метод», «форма» диалектического мышления фактически и характеризуются те познавательные действия исследователя с объектом (или, как иногда говорят, «абстракции»), которые позволяют ему воспроизвести данный объект как диалектический. А именно прием диалектического мышления — это некоторое отдельное познавательное действие с объектом, осуществляемое исследователем при воспроизведении его как диалектического (например, изучение какой-либо зависимости, отвлечение от форм ее проявления, анализ процесса изменения, воспроизведения структуры предмета и др.); форма диалектического мышления — некоторая совокупность этих познавательных действий, связанных между собой и осуществляемых в определенном порядке, другими словами, определенная система таких познавательных действий с объектом (например, изучение какой-либо зависимости в «чистом» виде при отвлечении от форм ее проявления, анализ процесса изменения

при отвлечении от причин данного процесса, отвлечение от некоторых связей предмета и учет — изучение — их при дальнейшем познании предмета, осуществляемые в ходе восхождения от абстрактного к конкретному, и т. д.); метод диалектического мышления — то или иное познавательное действие с объектом или их совокупность (система), выступающие как средство решения некоторой задачи, получения определенных знаний при воспроизведении объекта как диалектического (например, исторический метод — воспроизведение истории объекта, используемое как средство решения некоторых познавательных задач).

Значит, приемы, методы и формы диалектического мышления, изучаемые в диалектике, — это вовсе не те произвольные, «абстрактные действия», «операции» исследователя, о которых говорят прагматисты, неопозитивисты и т. п. Система познавательных действий, составляющая диалектическое мышление, обусловлена изучаемым объектом, его особенностями и закономерностями и, следовательно, адекватна им, хотя и не совпадает непосредственно с ними, не тождественна им.

С точки зрения определения других задач диалектики в ее функции логики, гносеологии и методологии науки важное значение имеет следующий факт, устанавливаемый при содержательно-генетическом исследовании познания. В процессе познания какого-либо объекта исследователь не только одновременно, но и последовательно проводит познавательные действия по отношению к различным его сторонам. Он последовательно изучает объект в различных аспектах, в определенном порядке делает предметом познания, материалом изучения различные его стороны, получает о них некоторые знания, решает соответствующие задачи и т. д. Тем самым мысленно он как бы «движется по объекту» «от содержания к содержанию» (по терминологии Гегеля), изучая все новые и новые его стороны, получая о нем все более полные, глубокие и многосторонние знания. Как отмечал известный советский психолог С. Рубинштейн, «ведущее звено всякой мыслительной деятельности», «основной нерв процесса мышления» состоит в том, что «объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в

новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства, которые фиксируются в новых понятийных характеристиках» (309, стр. 70—71).

Для диалектики как логики, гносеологии и методологии науки важно в первую очередь выяснить особенности и закономерности того познавательного движения по объекту, которое осуществляет исследователь при воспроизведении данного объекта как диалектического. Вопрос об этом был поставлен в литературе не только при изучении форм и методов диалектического мышления, но и в связи с анализом *категорий* диалектики.

За последние годы советские философы провели большую работу по разработке категорий материалистической диалектики. Их усилия были направлены прежде всего на то, чтобы «привести содержание категорий материалистической диалектики в соответствие с данными современной науки» (115, стр. 129). Особенно это относится к категориям причины и следствия, которые были в центре внимания в связи с новыми данными физической науки, в частности квантовой механики (см. 276, 316, 333). Уточняются, переосмысливаются — на основе учета новых данных современной науки — и такие категории диалектики, как свойство, качество, количество, мера, форма и содержание (см. работы В. Ильина, Б. Кедрова, В. Кузьмина, И. Тимофеева, В. Тюттина и др.).

В некоторых работах советских философов предпринимаются попытки использовать при анализе категорий материалистической диалектики системно-структурный подход (см., например, 135, 288, 331). В этой связи следует отметить, что в работах В. Афанасьева, И. Блауберга, Т. Длугач, М. Руткевича, Ю. Сачкова, В. Свидерского, Г. Югая и других детально анализируются категории «элемент», «структура», «часть», «целое», «система», «вероятность», которые приобрели особенно важное значение в современной науке и которые авторы относят, как правило, к категориям диалектики (см. 35, 47, 315, 319, 318, 401).

Советские философы настойчиво работали и над вопросами *системы* категорий материалистической диалек-

тики. Их усилия были направлены на уяснение взаимосвязи различных категорий, их взаимоотношения с законами диалектики, на выработку основных принципов изложения материалистической диалектики в виде стройной, целостной системы взаимосвязанных категорий. Эти вопросы специально рассматриваются в работах В. Библера, М. Макарова, В. Тугаринова, А. Шептулина, Д. Широканова, а также в коллективных трудах (см. 46, 220, 356, 388, 390) и др.

В связи с решением упомянутых выше проблем, связанных с анализом категорий материалистической диалектики, особое внимание советских философов привлекает положение, высказанное и обоснованное Лениным, о том, что категории диалектики являются ступенями, моментами или узловыми пунктами процесса познания. Анализируя «Логiku» Гегеля, в которой категории изображаются как ступени, моменты развития абсолютной идеи, Ленин в «Философских тетрадах» подчеркивал, что на самом деле «категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (2, т. 29, стр. 85).

Анализу категорий диалектики как ступеней познания посвящены работы Б. Кедрова, П. Копнина, А. Шептулина, коллективный труд «Категории диалектики как ступени познания» (см. 167), подготовленный сотрудниками Института философии АН СССР, и др. В ходе этого анализа было установлено, что категории диалектики, фиксирующие в логически обобщенном виде различные стороны объекта познания, характеризуют вместе с тем определенные ступени, этапы отражения объекта в ходе функционирования и развития научного познания. Это связано с тем, что не все стороны изучаемого объекта сразу познаются исследователем, поскольку существует некоторая зависимость в получении знаний о них, в их исследовании. Например, прежде чем изучать изменения какого-либо предмета, надо предварительно, как отмечал Энгельс, получить хотя бы некоторые знания о том, что представляет собой этот предмет. Аналогичным образом, прежде чем выяснить причины изучаемого изменения, надо сначала установить само это изменение, прежде чем изучать формы проявления некоторого закона, нужно предварительно обнаружить этот закон и т. д.

Вследствие этого в процессе познания с необходимо-

стью происходит «движение по объекту познания», например переход от явления к сущности изучаемого предмета, от фиксирования изменения к анализу его причин, от раскрытия закона к рассмотрению различных форм его проявления и т. д. Поэтому можно выделить определенные этапы процесса познания, на каждом из которых изучаются и отражаются те или иные стороны объекта при отвлечении от других его сторон. Категории диалектики «изменение», «качество», «закон» и другие характеризуют поэтому определенные ступени познания.

С точки зрения задач материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии науки при рассмотрении категорий в качестве ступеней познания важное значение имеет тот факт, что указанное движение по объекту познания характеризует, как было установлено в работах советских философов, и историю *развития* научного познания. Причем на основе получения знания о новых сторонах изучаемого объекта меняется вся *структура* знаний о нем, происходит возвращение к ранее познанным сторонам его, дается иное изображение этих сторон с учетом их связи со вновь отраженной стороной и их места в изучаемом объекте в целом.

Одна из важнейших задач диалектики как логики и гносеологии и состоит в том, чтобы рассмотреть, как общие закономерности познавательного движения по объекту, выявляемые в диалектической логике, действуют и проявляются в ходе развития научного познания. При этом возникают важные проблемы: какова последовательность отражения различных сторон объекта в ходе истории его познания; чем обуславливается эта последовательность и совпадает ли она с логической последовательностью их изучения на современном этапе познания; какое влияние на всю структуру имеющихся знаний об изучаемом объекте оказывает тот факт, что на каком-то этапе истории познания начинается воспроизводиться новая его сторона; каковы причины перехода к отражению новых сторон, аспектов изучаемых явлений, к формированию новых структур знания о них, какую роль в этом играют так называемые противоречия-антиномии (см. 253, стр. 4) и др. Поскольку каждая качественно определенная сторона объекта познания в логически обобщенном виде фиксируется в некоторой категории диалектики, постольку задача диалектики как логики и гносеологии

в связи с анализом этих проблем выступает как задача рассмотрения процесса развития познания в категориальном плане.

Некоторые аспекты указанных проблем уже рассмотрены в советской литературе в работах, посвященных анализу категорий диалектики как ступеней познания, истории научного познания и т. д. Вместе с тем нельзя не отметить, что данные проблемы относятся, пожалуй, к числу наименее разработанных проблем диалектики как логики и гносеологии.

При рассмотренном выше подходе диалектики к исследованию развития познания, во-первых, сама диалектика, ее учение, выступает как «итог, сумма, вывод *истории* познания мира» (2, т. 29, стр. 84), как «обобщение истории мысли» (2, т. 29, стр. 298). Во-вторых, выявляется специфика подхода диалектики к исследованию процесса развития познания, отличающая ее от других наук, рассматривающих данный процесс. Тем самым преодолеваются отмеченные выше трудности, возникающие в том случае, если без всяких оговорок утверждать, что диалектика в отличие от других наук о познании рассматривает процесс его развития.

Ряд вопросов, связанных с разработкой диалектики как логики и гносеологии в указанном аспекте, затрагивается в работах советских философов не только при рассмотрении категорий диалектики как ступеней функционирования и развития познания, но и при решении проблемы «системы категорий диалектики». Это связано прежде всего с необходимостью выявить принцип построения такой системы категорий. Некоторые советские философы доказывают, что при построении системы категорий они должны излагаться «в той последовательности, в которой происходило познание отражаемых ими всеобщих сторон и связей объективной действительности» (388, стр. 11), что «субординация категорий диалектической логики отражает наиболее общие связи материального предметного мира в той последовательности, — выстроенной и логически осмысленной, — в которой эти связи раскрывались (отражаясь в категориях) в истории человеческого познания и трудовой практики» (46, стр. 154).

Итак, основные задачи содержательно-генетического исследования познания в диалектике при разработке ее

как логики, гносеологии и методологии науки состоят в использовании получаемых в диалектике знаний об объекте познания для изучения особенностей и закономерностей мысленного (познавательного) движения по объекту при воспроизведении его как диалектического, для анализа различных приемов, форм и методов диалектического мышления, для рассмотрения категорий диалектики как ступеней функционирования и развития научного познания*.

При анализе литературы, в которой разработка диалектики как логики и гносеологии так или иначе связывается с содержательно-генетическим исследованием познания в диалектике, нельзя не заметить наличие различных подходов к его конкретному осуществлению. Они связаны прежде всего с различным решением вопроса об отношении закономерностей, форм и методов мышления, познания в целом, к тому объекту, который изучается и отражается. В зависимости от того, как понимается это отношение, складывается соответствующее представление о целях и задачах диалектики как логики и гносеологии в изучении диалектического мышления, о путях и направлениях изучения познания на основе получаемых в диалектике знаний об объекте познания.

Г. Батищев, Н. Вахтомин, Э. Ильенков, А. Касымжанов, Л. Науменко, Г. Югай и другие авторы придерживаются, например, той точки зрения, что «о диалектических законах бытия и познания можно сказать, что это одни и те же законы» (69, стр. 81), что «способ развития мыслей» «тождествен способу движения содержания», что «все специфические определения мышления оказываются специфическими определениями предмета» и что, следовательно, имеет место «совпадение» «форм и законов познающего мышления с формами и законами объективной реальности» (257, стр. 11, 17).

Отрицается наличие и правомерность изучения в диалектике каких-либо специфических форм и законов мыш-

* Обратим внимание на то, что, конечно, не все философы и логики, которые фактически именно таким образом подходят к разработке диалектики как логики и гносеологии, обязательно употребляют термин «содержательно-генетическое исследование познания». С другой стороны, не все те, кто употребляет этот термин, действительно являются сторонниками того подхода к разработке диалектики в указанном направлении, который мы обозначаем таким образом.

ления: поскольку «законами познания оказываются... всеобщие определения действительности», постольку надо «распрощаться с пресловутой «спецификой» мышления, которая всегда все портит даже при самой «скромной» оценке ее роли, а ведь вместе с этой «спецификой» падает как лишенное основания также и представление о диалектической логике как об исследующей «приемы» мысли *в отличие* от всеобщих форм бытия...» (37, стр. 8, 87).

Напротив, в работах Б. Грушина, Б. Кедрова, П. Копнина, М. Мамардашвили, И. Нарского, В. Тюттина, А. Шептулина и автора данной статьи такой подход оценивается как не вполне правомерный и как до некоторой степени напоминающий гегелевскую концепцию тождества бытия и мышления. Гегель, отмечает, например, М. Мамардашвили, «не смог правильно использовать принцип содержательного рассмотрения в качестве средства решения задачи исследования форм мышления, и прежде всего потому, что он отождествил субъективные логические связи деятельности со связями реальными, объективными (и, следовательно, не дал понятия ни тех, ни других)... Гегель вообще не признает общей зависимости мышления от предметов и обрывает всякую связь мысленного содержания с ними. Но Гегель делает и дальнейший шаг, отождествляя изображаемое научным знанием движение предмета и движение научной мысли, этот предмет изображающей» (223, стр. 127, 129).

В работах упомянутых авторов обосновывается положение о том, что нет полного совпадения форм и законов познающего мышления с формами и законами объекта познания, ибо «не все связи и отношения познания соответствуют действительности, в познании есть такие связи, отношения, которые свойственны только ему и отсутствуют в действительности» (115, стр. 41). Существуют такие особенности и закономерности мысленного (познавательного) движения по объекту, которые обусловлены объектом познания, его особенностями и закономерностями (адекватны ему и в этом смысле отражают его), но не тождественны, не совпадают непосредственно с ними (см. 210). В процессе познания, в частности, сначала фиксируется некоторый процесс изменения и лишь потом анализируются его причины, сначала изучается развитое состояние предмета, потом его неразвитое состояние, сначала качественные характеристики предмета, потом коли-

чественные параметры и т. д. Эти особенности и закономерности мысленного (познавательного) движения по объекту хотя и обусловлены определенными особенностями объекта познания, реальным взаимоотношением изучаемых явлений, но свойственны только познанию, специфичны для него. Их анализ, по мнению упомянутых авторов, и составляет одну из основных задач содержательно-генетического исследования познания в диалектике.

При таком подходе к разработке диалектики как логики, гносеологии и методологии науки речь идет не только о применении диалектического метода к изучению познания, не только об анализе действия всеобщих законов диалектики в сфере познания, но и о рассмотрении в диалектике специфических законов познания — законов мысленного (познавательного) движения по объекту в процессе функционирования и развития познания, а также специфических форм и методов мышления, познавательных процедур. Познание при этом рассматривается в его соотношении с объектом познания как его отражение, и потому проблема истины — центральная проблема гносеологии, отличающая ее от других наук о познании, оказывается и внутренней проблемой диалектики. Все это в полной мере позволяет оценить диалектику как логику (диалектическую логику), теорию познания и методологию науки.

Подход к разработке диалектики как логики, гносеологии и методологии науки на основе содержательно-генетического исследования познания позволяет выяснить и ее специфический предмет в изучении познания, отличающий ее от других наук о познании, в частности от формальной логики. Речь идет не только о том, что при содержательно-генетическом исследовании познания в диалектике выясняются некоторые специфические приемы, методы и формы мышления (как, например, метод восхождения от абстрактного к конкретному, логический и исторический методы, диалектический метод в целом), составляющие предмет ее рассмотрения как диалектической логики, которые не изучались и не изучаются в формальной логике. Не менее важно и то, что определяется специфический подход диалектики к анализу тех «традиционных» форм и методов мышления, познавательных процедур, которые издавна служили предметом изучения

формальной логики и которые анализируются в ней и в настоящее время. Этот специфический подход диалектики состоит в том, что данные формы и методы мышления, познавательные процедуры интерпретируются как познавательные действия исследователя с объектом при воспроизведении его как диалектического.

Взять, например, процедуру объяснения, анализу которой посвящена большая логическая литература. Для определенных целей вполне оправдано интерпретировать ее как познавательное действие исследователя с объектом, а именно рассмотреть ее, например, как такую процедуру, в ходе которой выясняется, почему некоторое явление А имеет место, т. е. благодаря наличию каких других явлений Б, В... оно имеет место. Используя получаемые в диалектике знания об объекте познания при анализе процедуры объяснения в этом аспекте, можно установить, в частности, что в различных случаях объяснение осуществляется на основе воспроизведения различных «сторон» изучаемого объекта (в логически обобщенном виде они фиксируются в таких категориях диалектики, как «изменение», «структура», «функция» и др.). Тем самым, в частности, можно провести очень важное для практики научного познания различие между историческим (генетическим) объяснением, основанным на воспроизведении истории объекта, и структурным объяснением, связанным с воспроизведением структуры, структурных связей предмета, а также между субстанциональным, атрибутивным, причинным и следственным (в частности, функциональным) объяснением (см. 262, 341). Аналогичным образом могут быть выделены и изучены соответствующие типы описаний, например структурное, функциональное и генетическое описания (см. 375, стр. 133).

В содержательно-генетическом плане в диалектике могут быть исследованы и такие традиционные формы мышления, как понятие и суждение. В частности, при таком исследовании их на основе использования получаемых в диалектике знаний об объекте познания можно выделить различные (по содержанию) типы понятий и суждений (например, понятия и суждения об изменении, о противоречиях, о качественных и количественных характеристиках объекта), рассмотреть особенности их получения и установления истинности, а также исследовать

«их изменения в зависимости от изменения содержания (углубления знания)» (75, стр. 47). Примером такого исследования может служить анализ Энгельсом процесса развития суждений в ходе истории знаний о превращении энергии.

Различные действия с понятиями и суждениями в определенном отношении также могут быть интерпретированы как познавательные действия с объектом и на основе этого подвергнуты содержательно-генетическому исследованию в диалектике. Например, определение понятий может быть рассмотрено как такое познавательное действие с объектом, при котором выясняются его сущность и специфика, отличие от других объектов. На основе такой его интерпретации, используя получаемые в диалектике знания об объекте познания, можно выделить и исследовать различные (по содержанию) типы определений (например, генетические определения, характеризующиеся тем, что сущность и содержание изучаемого явления, определяемого понятия раскрываются через указание на способ возникновения предмета, отражаемое этим понятием, на его историческую или преемственную связь с предшествующими ему во времени формами, на его порождение последними; определение понятий через закон, определение через противоположность) и в связи с этим рассмотреть, когда при определении понятий необходимо воспроизводить развитие предмета, его структуру и т. д. При этом должны быть сформулированы соответствующие правила определений (см. 169, стр. 349; 186, стр. 321—323; 175, стр. 66).

Выводные процессы в определенном отношении могут быть рассмотрены как такие связи познавательных действий с объектом, когда на основе познания одного объекта (его стороны) делается вывод о другом объекте (стороне) без его (ее) непосредственного изучения, а на основе учета их реального взаимоотношения. В связи с этим открывается возможность рассмотрения в диалектике и такой формы мышления, как умозаключение, которая традиционно считалась предметом исследования формальной логики и рассмотрению которой придается важнейшее значение и в настоящее время*. А именно

* Необходимо отметить, что по вопросу исследования выводных процессов в диалектике среди советских философов и логиков нет

речь идет о том, чтобы, используя учение диалектики, в котором раскрывается объективное взаимоотношение различных явлений (например, изменения и тождества предмета, причины и следствия, изменения, совершающегося в одних условиях, и изменения, происходящего в других условиях, изменения и структуры предмета и т. д.), выяснить правомерность получения знаний об одном явлении (например, о причине) из имеющихся (получаемых) знаний о другом явлении (следствии) на основе учета реального взаимоотношения этих явлений (см. 340).

Содержательно-генетическое исследование в диалектике различных форм и методов мышления, познавательных процедур, связанное с интерпретацией их как познавательных действий с объектом, предполагает, как мы видели, учет особенностей и закономерностей объекта познания, а вместе с тем отвлечение от физиологической организации субъекта (структуры его органов чувств, его мозга и всей нервной системы), от особенностей психики исследователя — его памяти, воли, внимания, эмоций и т. д., от особенностей используемого исследователем языка, его структуры и т. д.

Иные задачи решаются и иные абстракции применяются в современной формальной логике при анализе строения науки, при изучении знаний и познавательной деятельности по их получению. Как показал, в частности, А. Зиновьев, суть этих абстракций состоит прежде всего в том, что все составляющие науку знания сводятся к высказываниям и их совокупностям (сложным высказываниям). Структуры высказываний выступают при этом как схемы правильно построенных предложений. На основе этих абстракций в качестве основной задачи современной формальной логики выступает анализ «правил построения языка науки и правил оперирования им»

единой точки зрения. Некоторые из них, как, например, П. Копнин, считают, что диалектика вообще не должна изучать выводные процессы, ибо это не ее предмет (см. 186, стр. 92, 326). В работах М. Алексеева, В. Черкесова и В. Мальцева отстаивается иная точка зрения, согласно которой в диалектике должны изучаться так называемые «диалектические умозаключения» типа «имманентной дедукции», «имманентной индукции» и т. д. Некоторые же философы, например М. Розенталь, занимают в этом вопросе промежуточную позицию (см. 307, стр. 380).

(141, стр. 228), установление таких законов, которые «суть правила оперирования высказываниями и терминами» (140, стр. 129). В связи с решением этой задачи современная формальная логика изучает правила соединения простых высказываний в более сложные, зависимость истинности этих сложных высказываний от истинности составляющих их простых высказываний и на этой основе формулирует правила получения одних высказываний из других, правила вывода (теория вывода и доказательства), а также правила установления значения терминов языка науки (теории определений). Для этих целей в современной формальной логике успешно применяются абстрактно-теоретические методы математики, основанные на построении исчислений и формальных знаковых систем. На основе такого подхода различные методы и формы мышления, познавательные процедуры рассматриваются в современной формальной логике не в плане познавательных действий исследователя с объектом, а в плане его действий с терминами и высказываниями (предложениями) языка науки. Так, понятие рассматривается как «термин, значение которого устанавливается посредством определения (который вводится, создается определением)», определение — как «образование термина посредством соглашения об отношении его значения и значений других терминов» (см. 142, стр. 35, 31), объяснение — как процедура, в ходе которой устанавливается логическая связь между отображением объясняемого объекта в языке и законом науки (см. 262, стр. 19) и т. д. Наиболее ярко такой подход современной формальной логики к анализу методов познания проявляется в рассмотрении аксиоматического метода построения научного знания.

На том основании, что в качестве основной задачи современной формальной логики выступает анализ правил построения языка науки и правил оперирования с ним, ошибочно было бы делать вывод о том, что она вообще не является наукой о мышлении, который иногда делают. Как отмечается в ряде работ советских философов и логиков, введение терминов, формулирование высказываний, оперирование с ними — важная сторона познавательной деятельности исследователя, процесса мышления.

Понимаемые указанным выше образом формально-

логический и диалектико-логический подходы к познанию не исключают, а дополняют друг друга (если, конечно, четко осознаются смысл, значение и границы каждого из них). При этом речь идет именно о *современной* формальной логике. Ибо если говорить о «традиционной» формальной логике, то, во-первых, для нее, как уже отмечалось, во многом характерен метафизический подход к познанию. Во-вторых, различные формы и методы мышления, познавательные процедуры рассматривались здесь не только в плане действий исследователя с терминами, предложениями языка науки, как это делается в современной формальной логике, но и как познавательные действия с объектом. Причем, как показывает анализ истории логики, эти два аспекта исследования познания, методов и форм мышления нередко смешивались, недостаточно четко различались, отождествлялись. Вот почему важно отличать отношение диалектики к современной формальной логике и к традиционной формальной логике. На это обращают внимание многие советские философы и логики.

Вопрос об отношении формальной и диалектической логики весьма сложный и до сих пор до конца не решенный во всех его аспектах и деталях. Наряду с изложенным выше пониманием данного вопроса в литературе высказываются и другие точки зрения. В частности, уже упоминалась — и была показана как несостоятельная — точка зрения, отождествляющая формальную логику с метафизикой и на основе этого противопоставляющая формальную и диалектическую логику по их методу. Иногда полагают, что диалектическая логика изучает содержание мышления, а формальная логика — формы мышления, что диалектическая логика рассматривает мышление в развитии, а формальная логика отвлекается от изменения и развития форм мышления. Эти точки зрения также уже отмечались выше.

Широко распространено в литературе и понимание формальной логики как «логики покоя», «логики относительной устойчивости вещей». Сторонники такого понимания предмета формальной логики исходят из того, что хотя эта наука в отличие от диалектической и не исследует форм мышления, особенностей познания, связанных с отражением изменения и развития предметов, их противоречий, но она якобы рассматривает в полном объеме,

во всех аспектах те формы и особенности познания, которые связаны с отражением предметов как относительно устойчивых, постоянных, неизменных (см., например, 222, стр. 16).

На основе такого понимания предмета формальной логики диалектика как логика нередко сводится лишь к учению «о формах и законах мышления, отражающих движение и развитие объектов действительности, их взаимопереходы, тождество противоположностей» (222, стр. 36). Но это вряд ли правомерно. Ведь диалектика не сводится к релятивизму кратиловского типа, признающему только изменчивость вещей. Необходимым составным элементом ее учения является положение о том, что предметы не только постоянно изменяются, развиваются, но вместе с тем сохраняют относительную устойчивость, которая выражается, в частности, в том, что в течение определенного времени они имеют некоторую постоянную структуру, устойчивые законы, связи, сохраняют тождество. В диалектике специально формулируются категории для отражения этих особенностей предметов, в частности такие категории, как «тождество», «покой», «структурная связь», «относительно устойчивая система» и др. (см. 319, 401). Поэтому совершенно несправедливо исключать из сферы рассмотрения диалектики как логики анализ тех форм мышления, тех особенностей познания, которые связаны с отражением не изменения и развития предметов, а их относительной устойчивости: их тождества, их структурных связей и т. д. В ряде работ советских философов и логиков, вышедших в последние годы, специально анализируются с позиций диалектики эти вопросы, и тем самым заполняется тот пробел, который до недавнего времени действительно существовал в анализе данной проблематики в рамках диалектической логики (см. 341 и др.).

Учитывая это обстоятельство, многие философы и логики при истолковании формальной логики как «логики относительной устойчивости вещей» рассматривают ее просто как «часть», «сторону», «аспект» диалектической логики, полагая, что законы формальной логики представляют собой «предельный случай» законов диалектики, «определяемый особыми задачами и условиями познавательной деятельности», и что «те требования, которые выражаются законами формальной логики... со-

ставляют лишь определенные моменты более широких и глубоких требований диалектики» (53, стр. 171, 69).

Данная концепция, восходящая к высказыванию Г. В. Плеханова (см. 18, т. III, стр. 81), имела распространение уже в 20—30-е годы. Так, например, А. Варьяш вслед за Плехановым считал, что «формальная логика есть момент, частный случай диалектики» (66, стр. 363), что она является «составной частью диалектики» и «представляет собой низшую, более элементарную ее ступень» (66, стр. 3). Аналогичное понимание диалектической логики отстаивал и В. Сарабьянов в своей работе «В защиту философии марксизма» (314, стр. 166—167).

Данная концепция взаимоотношения диалектики (диалектической логики) и формальной логики в какой-то мере была оправдана в 20—30-е годы, когда современная формальная логика делала только первые шаги и характер тех абстракций, с помощью которых она выделяет свой предмет в области познания, вырисовывался недостаточно четко. Но она вряд ли правомерна в настоящее время, когда процесс формирования предмета современной формальной логики в основном закончился, и потому гораздо легче «увидеть» тот факт, что с помощью определенных абстракций современная формальная логика и диалектическая логика «задают», как было показано выше, различные предметы исследования в области мышления. В этой связи одна из них не может быть просто «частью» другой.

В заключение рассмотрения вопроса об отношении диалектической логики к формальной логике нам хотелось бы особо подчеркнуть следующее. В настоящее время сложилась такая ситуация, когда существует целый ряд наук (отраслей науки), делающих предметом своего рассмотрения познание. При этом каждая из них выделяет в познании определенные стороны, аспекты, применяя для этого соответствующие абстракции.

В связи с такой ситуацией в литературе дискутируется довольно-таки много вопросов, касающихся специфики изучения познания в той или иной науке, в частности в диалектике и формальной логике. Часто все эти споры сводятся к выяснению вопросов о том, какие абстракции должны применяться в той или другой науке при изучении познания (должна ли, например, формальная логика обязательно абстрагироваться от рассмотрения процесса

развития познания или не должна, абстрагируется ли она от содержания знаний или не абстрагируется), как следует называть те науки, в которых применяются те или иные абстракции, и т. д. При этом довольно часто упускаются из виду наиболее важные и существенные ошибки, имеющие место в самых различных науках при изучении познания. Эти ошибки состоят в том, что, вычленив с помощью определенных абстракций какой-то аспект изучения познания, абсолютизируют его, не учитывают возможность рассмотрения познания в иных аспектах, отождествляют между собой эти различные аспекты.

Поэтому, на наш взгляд, в ходе дискуссии по вопросу о сфере, границах той или иной науки (например, формальной логики, диалектики) при изучении познания необходимо иметь в виду, что в конечном итоге суть дела, по-видимому, не в том, в какой науке о познании должны осуществляться те или иные абстракции, как должна называться та наука, в которой они применяются. Главное состоит в том, чтобы *учитывать возможность и необходимость осуществления самых различных абстракций в ходе анализа познания, рассматривать познание в самых различных аспектах, не смешивать, не отождествлять их друг с другом, учитывать их связь, четко осознавать смысл, значение и границы.*

Эта сторона дела потому является наиболее важной, что вообще «сама идея установить абсолютно строгое и окончательное разграничение сфер... наук нам представляется сомнительной: наука не стоит на месте, и вторжение одной из них в сферу другой вполне правомерно» (141, стр. 254). Эти слова, сказанные А. Зиновьевым относительно взаимоотношения формальной и диалектической логики, справедливы, по-видимому, по отношению ко всем наукам о познании.

В связи с обнаружением самых различных аспектов, сторон познания, выявляемых в самых различных науках, в настоящее время перед учеными встала задача построить такую теорию познания (в широком смысле слова), которая давала бы системное изображение познания, учитывая результаты его изучения во всех отраслях науки, в той или иной степени касающихся его.

Именно с этим связано возникновение в советской философской и логической литературе целого ряда исследований по так называемой логике научного исследова-

ния (см. 187, 350, 200), в которых используются теория и метод диалектики, общегносеологические представления, аппарат современной формальной логики, эмпирические наблюдения над историей науки, идеи, методы, понятия и принципы самых различных наук (см. 102, 262, 283, 391, 212, 213). В них обнаруживается стремление подвергнуть всестороннему, системному анализу логико-гносеологические проблемы научного знания. Однако детальное рассмотрение всех этих проблем выходит за рамки данной работы.

Таким образом, рассмотрение работ советских философов, посвященных разработке диалектики как логики, гносеологии и методологии, несомненно, выявляет различное понимание авторами предмета диалектической логики, путей и способов ее разработки и т. д. Нередко буржуазные идеологи обращают внимание лишь на это разнообразие взглядов, делая вывод о наличии якобы непримиримых разногласий среди советских философов по вопросам диалектической логики и «тупика» в его решении (см. 444).

При этом, во-первых, упускается из виду тот факт, что, несмотря на все различие точек зрения относительно разработки диалектики как логики, гносеологии и методологии, они имеют и некоторые общие моменты, объединяющие их. В частности, как уже отмечалось, со второй половины 50-х годов среди советских философов крепнет единое убеждение в том, что требуется специальный анализ логико-методологических и гносеологических проблем диалектики, не сводящийся к рассмотрению всеобщих законов диалектики.

Во-вторых, и это главное, те разные пути, способы и направления разработки материалистической диалектики в ее логико-методологической функции, которые предлагались и предлагаются разными советскими философами, в своем большинстве при их правильном понимании, как было показано выше, не исключают, а дополняют друг друга.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что довольно часто разногласия носят не принципиальный, а лишь терминологический характер. Например, много споров среди советских философов вызывает вопрос о том, имеет ли место тождество (совпадение) диалектики, логики и теории познания, или же они находятся в единстве. Внима-

тельное рассмотрение этих дискуссий показывает, однако, что нередко участники этих дискуссий по существу стоят на одних и тех же позициях, признавая необходимость анализа при разработке диалектического материализма не только всеобщих законов, но и — на основе этого — самого процесса познания (в определенном аспекте). Но в связи с тем, что одни философы называют диалектикой лишь тот аспект этой науки, который связан с анализом всеобщих законов, а другие все эти аспекты в целом, и рождаются указанные споры. Кроме того, сами термины «тождество (совпадение)» и «единство» довольно часто употребляются по сути дела в одном и том же значении.

Нередко разногласия возникают потому, что одни философы называют ту науку, которая на основе учения диалектики формулирует соответствующие методологические правила, «требования к познающему субъекту» диалектической логикой, а другие — методологией. Науку, изучающую с позиций диалектики структуру процесса познания, также называют по-разному — «логикой», «методологией», «диалектикой» и т. д. По-разному толкуется в литературе смысл термина «диалектический метод», а также взаимоотношение терминов «диалектический метод» и «диалектическая логика». Некоторые авторы считают, что эти термины одинаковы по смыслу и взаимозаменяемы, по мнению других, они не совпадают полностью и между ними существуют различия.

Это вовсе не значит, однако, что все разногласия советских философов носят чисто терминологический характер. Мы хотим подчеркнуть лишь то обстоятельство, что нельзя останавливаться на простом фиксировании разногласий, а в каждом конкретном случае необходимо учитывать, какой характер они имеют. При этом должно быть ясно, что суть дела не в названиях, не в терминах, которые применяют различные философы, а в том, насколько полно, глубоко, конкретно и всесторонне охватываются в той или иной концепции, в той или иной системе понятий, в тех или иных терминах (а они могут быть различными) различные аспекты, направления разработки материалистической диалектики, ставятся и решаются соответствующие проблемы. При таком подходе создаются условия для творческих дискуссий советских философов в процессе исследования этих проблем, для формулирования единой, целостной концепции диалек-

тики как логики, теории познания и методологии, синтезирующей в себе все позитивные стороны предшествующих концепций.

Следует отметить, что разработка диалектики как логики, теории познания и методологии в советской философии диктовалась не просто чисто «абстрактными» соображениями и внутренними потребностями развития самой диалектики. Она развивалась в этом аспекте советскими философами прежде всего для укрепления союза материалистической диалектики и частных наук, о котором Ленин писал в своей работе «О значении воинствующего материализма», для успешного выполнения ею методологической функции по отношению к частным наукам.

С другой стороны, по мере развития исследований в области логико-методологических и гносеологических проблем диалектики менялось, уточнялось и углублялось само представление о сущности, путях и «механизме» выполнения диалектикой ее методологической функции в научном исследовании.

3. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД И МЕТОДОЛОГИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ ДИАЛЕКТИКИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В первый период советским философам необходимо было прежде всего отстоять саму идею о важном методологическом значении материалистической диалектики для других наук. В ходе решения этой задачи им приходилось бороться не только с буржуазными идеологами Запада, но и преодолевать различные неверные взгляды среди философов внутри страны.

Достаточно вспомнить в связи с этим дискуссию так называемых диалектиков (А. Деборин, Я. Стэн, Г. Баммель, С. Левит, Б. Гессен, А. Максимов, И. Луппол и др.) и механистов (И. Степанов, А. Самойлов, А. Тимирязев, В. Сарабьянов, Г. Боссэ, С. Перов и др.), которая велась во второй половине 20-х годов. Механисты пытались противопоставить материалистической диалектике как науке о всеобщих законах природы, общества и мышления «механистическое понимание природы», которое было подвергнуто критике еще Ф. Энгельсом в его работах «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг». Нередко они

в совершенно искаженном свете представляли основные законы материалистической диалектики, например закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные, или вообще отрицали их значение.

Для теоретической линии механистов было характерным позитивистское отрицание всякой, в том числе и марксистской, философии. Они утверждали, что науке философия не нужна, наука сама по себе философия. Философия, по их мнению, не что иное, как наиболее общие выводы современного естествознания. «Материалистическая философия для марксистов, — писал, к примеру, И. Степанов, — последние и наиболее общие выводы современной науки» (337, стр. 55).

Аналогичные взгляды на отношение марксистской философии и естествознания высказывали в этот период и некоторые другие философы и естествоиспытатели. Так, известный физиолог-экспериментатор А. Самойлов в статье «Диалектика природы и естествознание» выступал против установления тесной связи материалистической диалектики с естествознанием. Диалектический материализм, по его мнению, не нужен естествоиспытателю будто бы из-за его близости к идеализму и из-за его органической связи с социальными науками, с социальной жизнью общества, т. е. с областью, в отличие от естествознания «не подчиняющейся эксперименту». А. Самойлов считал, что и без сознательного применения диалектики и даже вообще без диалектического метода естествоиспытатели способны достигнуть грандиозных успехов. Он оценивал как выдающиеся попытки Ф. Энгельса предсказать на почве диалектической философии ход и характер определенных явлений природы. Наиболее ценным и удивительным А. Самойлов считал предсказание Ф. Энгельса относительно второго закона термодинамики. «Мы имеем на указанном примере, — писал он, — в самом деле хорошо проведенное в порядке диалектики предсказание, подтвержденное впоследствии физиками» (312, стр. 70). Однако, по его мнению, «если бы не было работ Больцмана и Смолуховского по указанному вопросу, а имелось в распоряжении нашем только утверждение Энгельса, то закон энтропии не мог бы быть достаточно поколеблен» (312, стр. 70). На этом основании А. Самойлов и приходил к выводу о том, что естествознание делает все свои

завоевания не на основе применения диалектического метода, потому последний якобы и не нужен естествознанию.

Некоторые механисты, как, например, А. Тимирязев, правильно подчеркивая то обстоятельство, что знание основных законов диалектики не освобождает ученого от необходимости детального изучения предмета, что марксисты не могут и не должны игнорировать добытые естествознанием факты, на этом основании совершенно неправомерно отрицали методологическое значение диалектики.

Несомненная заслуга в критике антидиалектической сущности механицизма, в защите и пропаганде диалектики как науки о всеобщих законах, в раскрытии диалектического характера современного естествознания принадлежит, как уже отмечалось, А. Деборину и его сторонникам, хотя они сами допускали немало ошибок в трактовке материалистической диалектики, слишком сближая ее, например, с гегелевской диалектикой в понимании связи диалектики и естествознания и т. д.*

Большую роль в пропаганде материалистической диалектики как всеобщего метода научного познания сыграл журнал «Под знаменем марксизма», начавший выходить в 1922 г. Задачи этого журнала были определены Лениным в статье «О значении воинствующего материализма», в которой он писал о необходимости объединения всех последовательных материалистов, как коммунистов, так и некоммунистов, с целью создания прочного союза философов и естествоиспытателей. Этот союз крайне важен не только для философии, но и для естествознания, ибо, как отмечал Ленин, «естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае» (2, т. 45, стр. 31).

Ленинские идеи о союзе философии и естествознания неуклонно претворялись в жизнь. Советские философы, число которых росло из года в год, все в большей степени занимались изучением достижений естествознания и об-

* Более подробно об этих ошибках и вообще о дискуссии механистов и диалектиков см., например, в работах Л. Суворова, И. Нарского, П. Алексеева и др. (344, 256, 26).

ественных пауков, используя их для решения не только наиболее важных теоретических проблем самой диалектики, но и философских проблем различных наук. В 20—30-х годах в советской физической и философской науке происходили горячие дискуссии вокруг истолкования теории относительности (см. 111). Многие советские философы (В. Невский, С. Семковский, Б. Гессен, В. Егоршин, Э. Кольман и др.) вместе с физиками-материалистами (А. Фридман, В. Фредерикс, С. Вавилов, А. Иоффе, В. Фок, И. Тамм, Д. Блохинцев и др.) подчеркивали, что теория относительности подтверждает и углубляет идеи диалектического материализма. Вместе с тем среди советских физиков и философов были и такие, как, например, А. Тимирязев, В. Миткевич, Н. Кастерин, Э. Цейтлин, А. Максимов, которые отрицали или недооценивали физическую и диалектико-материалистическую значимость теории Эйнштейна*.

В рассмотренный период ученые интересовались философскими проблемами не только физики, но и других наук, например математики. Так, в 1936 г. была издана коллективная работа по философии математики, где в статьях А. Колмогорова, А. Куроша, С. Яновской и других рассматривались такие философские вопросы математики, как предмет и природа математического знания, проблема существования в математике, особенности конструктивного построения математического знания, проблема истины в математике и др.

Постепенно при обсуждении философских вопросов физики, математики и других наук все большее число советских ученых-естествоиспытателей сознательно становилось на позиции материалистической диалектики, овладевало мировоззрением и методом марксистской философии. Уже в первые годы Советской власти К. Тимирязев, И. Мичурин, А. Бах, В. Вернадский, С. Вавилов, А. Иоффе и многие другие видные ученые нашей страны стреми-

* Именно эти ошибочные взгляды некоторых советских философов и физиков использовались в дальнейшем буржуазными философами для утверждения того, что теория относительности отвергалась в СССР, ибо «она противоречила диалектическому материализму» (426, стр. 24). Такие утверждения содержатся в известной книге Ф. Франка «Философия науки» (см. 372, стр. 287), а также в работах многих других буржуазных философов (В. Бюхеля, Д. Журавского, З. Мюллера-Маркуса, Г. Веттера и др.).

лись использовать в своих работах метод материалистической диалектики. А. Иоффе указывал, что успехи новейшей физики «дали столько наглядных подтверждений марксистской философии, что они должны были бы вдумывающегося в ход этого развития физика привести к единственной возможной методологической позиции, к позиции диалектического материализма» (152, стр. 62).

Переход ученых-естествоиспытателей на позиции материалистической диалектики был сложным, противоречивым процессом, проходившим в постоянной борьбе с различными идеалистическими извращениями. С. Вавилов отмечал в начале 30-х годов, что борьба мировоззрения диалектического материализма с различными идеалистическими гипертрофиями современной ему физики еще далеко не закончена, что внедрение диалектики в физику неотложная, но еще не решенная задача.

Второй период в рассматриваемом отношении характеризуется тем, что подавляющее большинство, практически все советские ученые становятся на позиции материалистической диалектики и стремятся сознательно использовать ее как подлинно научный, всеобщий метод научного исследования. Выдающиеся советские ученые М. Келдыш, Н. Семенов, В. Амбарцумян, Л. Арцимович, Д. Щербаков, А. Иоффе, В. Фок, Л. Ландау, Д. Блохинцев, А. Колмогоров, А. Александров, С. Соболев, С. Яновская, В. Фесенков, Б. Куаркин, П. Анохин, Н. Дубинин, Н. Сисакян, А. Опарин и многие другие дали блестящие образцы применения материалистической диалектики для решения важнейших проблем естествознания, математики, кибернетики и других наук. В современной астрономической науке большую роль играет, например, разработанная В. Амбарцумяном и его школой идея о том, что нестационарные объекты во Вселенной — это не исключение среди наблюдаемых многочисленных объектов исследования, а закономерная фаза космической эволюции. В своем выступлении на II Всесоюзном совещании по вопросам естествознания (Москва, декабрь 1970 г.) В. Амбарцумян специально подчеркнул, что именно диалектическая концепция развития в сочетании с тщательным анализом фактического материала позволили сформулировать эту идею. В ходе решения проблем пространственно-временных и причинных соотношений в микромире при разработке идеи о том, что сущность общей

теории относительности Эйнштейна состоит не просто в обобщении относительности на ускоренные движения, а в установлении органической связи между полем тяготения и свойствами пространства-времени, советские ученые-физики (И. Тамм, Н. Боголюбов, Д. Блохинцев, В. Фок и др.) также сознательно опирались на материалистическую диалектику. Можно было бы указать и на другие примеры сознательного использования материалистической диалектики как метода советскими учеными-специалистами самых различных областей знания.

В связи с этим советским философам во второй период при обосновании методологического значения материалистической диалектики приходилось подвергать критике прежде всего открытых противников марксистской философии. Обстоятельная и аргументированная критика такого рода дается в работах Б. Кедрова, Т. Ойзермана, Г. Курсанова, Ю. Мельвиля, А. Богомолова, Н. Мотрошиловой, И. Нарского, Л. Резникова, М. Розенталя и других советских философов.

Центр внимания в связи с вопросом о методологической функции диалектики сместился в данный период на выявление сущности диалектического метода, раскрытие конкретного «механизма» выполнения диалектикой этой функции, на позитивную разработку проблем диалектики как методологии.

Актуальность именно этих проблем связана прежде всего с той важнейшей задачей, которая в рассматриваемый период встала перед советскими философами и стоит перед ними в настоящее время: добиться более эффективного выполнения диалектикой методологической функции за счет более глубокого решения проблем этой науки, разработки ее в новых аспектах и направлениях. Совершенно очевидно, что эту задачу невозможно выполнить без четкого и ясного представления о содержании и «механизме» осуществления материалистической диалектикой методологической функции в процессе научного познания. Этот вопрос выдвинулся на передний план и потому, что в ходе развития науки и философии выявились некоторые ошибочные понимания данной функции диалектики, а также связанное с этим ошибочное использование ее в научном исследовании. Анализ этих ошибок дан в ряде работ (см., например, 289, 146, 373, 374).

Одна из подобных ошибок состояла в том, что применение диалектики в частных науках сводилось к иллюстрации тех или иных положений, принципов, законов диалектики некоторыми примерами, взятыми из области частнонаучного познания (особенно часто имели место попытки «еще раз» подтвердить известные положения и выводы диалектики новыми фактами, полученными в ходе развития частных наук). Тем самым диалектика сводилась к сумме примеров известных диалектических истин.

В понимании методологической функции диалектики допускалась и та серьезная ошибка, что, рассматривая ее как метод, «средство решения вопросов, задач» и т. д., истолковывали это таким образом, будто исходя только из учения диалектики можно решить какую-либо конкретную проблему той или иной частной науки, обосновать истинность какого-либо теоретического положения, определенной частнонаучной концепции. Так, некоторые философы пытались, игнорируя анализ конкретных фактов, явлений, вывести непосредственно из учения диалектики, исходя лишь из общих «философских» соображений, ответы на вопросы о том, правильна ли генетика, учение Н. Марра о языке, биологическая концепция Т. Лысенко, верна ли кибернетика, квантовая механика, теория относительности и т. д. Другими словами, при решении вопроса об истинности той или иной теории, какого-либо теоретического положения пытались заменить анализ научного содержания теорий, конкретных фактов, практики ссылками на общие положения диалектики.

В основе такого подхода к методологической функции диалектики лежало натурфилософское отношение к ней, ставящее ее над другими науками, превращающее ее в «науку наук». Однако еще в трудах Маркса и Энгельса было показано, что материалистическая диалектика в отличие, например, от гегелевской философии вовсе не претендует на то, чтобы быть «наукой наук».

Но если ошибочно использовать материалистическую диалектику для того, чтобы непосредственно из ее учения, исходя лишь из общих философских соображений вывести ответ на какой-либо конкретный вопрос той или иной частной теории, обосновывать истинность какого-либо теоретического положения частной науки, то в чем же состоит методологическое значение материалистической

диалектики в научном исследовании, в чем она может помочь ученому?

Этот вопрос о методологической функции диалектики, ее законов и категорий, о взаимоотношении диалектического метода с методами частных наук, а также связанные с этим вопросы применения диалектической логики и диалектического метода в других науках рассматриваются во многих работах (см., например, 228, 123, 121, 166, 395 и др.). Правильный подход к их решению складывается у советских философов на основе интенсивного исследования проблем диалектики как логики, теории познания и методологии, а также на основе рассмотрения многочисленных философских проблем тех или иных наук.

Особенно важную роль в стимулировании исследований такого рода проблем сыграло I Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания, состоявшееся в 1958 г. На этом совещании было подвергнуто резкой критике догматическое и нигилистическое отношение некоторых философов к современным научным теориям.

За период, протекший со времени этого совещания, произошли существенные сдвиги в постановке и самом содержании исследований по философским проблемам естествознания и общественных наук. Достаточно сказать, что за это время было проведено более 50 научных конференций, симпозиумов по отдельным философским проблемам естествознания, таким, как «Философские вопросы физики элементарных частиц», «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии», «Проблемы взаимодействия наук при изучении Земли», международный симпозиум на тему «Диалектический материализм и современное естествознание», ряд симпозиумов по проблемам астрофизики, биологии и т. д.

В рассматриваемый период изучались философские проблемы буквально всех современных наук, и в первую очередь, конечно, таких фундаментальных наук, как физика, биология и математика. Применительно к области физических наук изучались, например, проблемы структуры физических теорий, их связи с экспериментом, со структурой предмета исследования (см., например, работы И. Кузнецова, Ю. Румера, П. Дышлевого, А. Зотова, Э. Чудинова); проблема специфики объектов современ-

ной микрофизики и развития в этой связи понятийного аппарата теории исследована, например, В. Готтом (см. 104), исследовались гносеологические проблемы измерения (см. 236, 94), гносеологические и мировоззренческие проблемы, возникающие при интерпретации квантовой механики (см. работы В. Фока, М. Омеляновского, Д. Блохинцева, С. Вонсовского и Г. Курсанова, Б. Пахомова, Г. Свечникова и др.), философские проблемы современных концепций пространства и времени (см. работы Я. Аскина, Э. Андреева, А. Мостепаненко, М. Мостепаненко, В. Свицерского и А. Кармина и др.).

Достаточно широко обсуждались философские проблемы биологического знания. Методы научного познания закономерностей живой природы рассматриваются, например, в монографиях И. Фролова (см. 374), А. Ильина (см. 146) и др. Особое внимание при этом обращалось на анализ системного подхода в биологии. Этот вопрос специально рассматривался в работах В. Афанасьева, Н. Депенчука, В. Кремянского, Г. Коротковой, М. Сетрова, К. Хайлова, Г. Югая, а также в коллективных трудах (см. 286, 287, 343 и др.). Вместе с тем плодотворно обсуждались философские вопросы, связанные с определением критериев прогресса живого, с анализом проблем направленности эволюции, факторов эволюции, целесообразности живого и т. д. Эти проблемы обсуждались, например, в работах К. Завадского, М. Камшилова, А. Мамзина, Ю. Оленова, С. Шварца, А. Яблокова, а также в коллективных монографиях (см. 332, 294, 292 и др.).

Проводились также интенсивные исследования философских проблем медицины, химии, различных общественных наук и т. д. * Важно отметить при этом, что такие исследования проводились философами совместно с учеными-специалистами. Можно привести много примеров совместной успешной работы философов и естествоиспытателей. Так, творческое исследование ленинского философского наследия и анализ его значения для естествознания XX в. предприняты коллективом советских и зарубежных ученых-естественников и философов в кни-

* Подробный анализ работ советских философов и ученых, проведенных в этом направлении за последние пять лет, содержится в статье «Советская философская наука перед XXIV съездом КПСС» (см. 328).

ге «Ленин и современное естествознание» (М., 1970). С интересными статьями выступали на страницах журнала «Вопросы философии» многие известные советские ученые. Ни один симпозиум, ни одно совещание по философским проблемам современной науки не обходилось без участия ученых — ведущих специалистов различных областей науки.

На основе совместного обсуждения различных философских проблем современной науки учеными и философами складывался правильный подход к пониманию методологического значения материалистической диалектики в научном познании. Этот подход основывается прежде всего на признании того факта, что в процессе познания всякий исследователь не только решает вопросы, касающиеся изучаемых им явлений (выясняет их свойства, структуру, законы и т. д.), но вместе с тем он поставлен перед необходимостью искать такой способ (метод) познавательной деятельности, который позволял бы ему решать непосредственно стоящие перед ним проблемы, получать истинные знания об изучаемых им предметах и явлениях. В связи с этим он вынужден решать, что и как он должен делать для получения истинных знаний, т. е. определенные методологические проблемы.

Особую важность решение этих проблем имеет в настоящее время, ибо сама познавательная деятельность, требования, предъявляемые к ней, чрезвычайно усложнились. Вот почему буквально во всех науках обсуждаются в настоящее время, например, вопросы о том, как правильно подходить к изучаемому объекту, чтобы получить истинные знания о нем, когда, для каких познавательных целей нужно изучать изменение и развитие объекта, осуществлять его системно-структурное исследование, в какой последовательности надо рассматривать различные элементы и состояния изучаемого объекта, как осуществлять абстрагирование от той или иной стороны предмета и др. В этой связи можно вспомнить, например, дискуссию о месте и значении исторического метода в биологии, споры о соотношении исторического и «пространственного» методов в географии и геологии. В языкознании обширная литература посвящена выяснению соотношения синхронного анализа и исторического изучения языков. Здесь ставятся и разбираются вопросы о том, какую роль играет историческое изучение языка и

для каких целей оно необходимо, в каких случаях можно абстрагироваться от такого изучения, «возможно ли чисто синхронное описание языка... Включает ли анализ синхронного среза изучение тенденций развития, показ исторического соотношения элементов системы, или синхронный анализ ограничивается установлением только системных связей; обязателен ли при этом исторический комментарий?» (267, стр. 3). В ряде наук обсуждаются проблемы методов измерения изучаемых явлений, проведения системно-структурного исследования, изучения пространственно-временных свойств различных процессов и т. д.

Успешное решение всех этих методологических проблем предполагает уточнение, анализ важнейших теоретических положений, принципов, понятий самых различных наук, изучение закономерностей возникновения и эволюции уже существующих и оправдавших себя в практике научного исследования теорий, выявление принципов их построения, логической структуры, соотношения с предметом исследования, анализ различных методов, приемов и форм мышления и так далее, т. е. комплексное исследование целого ряда теоретических, логико-методологических и гносеологических проблем современной науки.

Именно с этим и связано важнейшее методологическое значение материалистической диалектики как науки, раскрывающей наиболее фундаментальные понятия (категории) любого научного исследования, как науки, выясняющей законы познания, изучающей формы, приемы и методы мышления.

Конечно, ошибочно использовать ее для того, чтобы исходя лишь из общефилософских соображений давать ответ на какой-либо конкретный вопрос той или иной специальной научной теории. Но как наука о всеобщих законах, как логика, теория познания и методология материалистическая диалектика позволяет ученому наметить единственно правильный подход к изучаемым явлениям, верный путь их познания, выбрать правильный способ (метод) познавательной деятельности, умело организовать ее и решить соответствующие методологические проблемы. Именно таким образом материалистическая диалектика позволяет исследователю решить непосредственно стоящие перед ним конкретные проблемы, получить непосредственно интересующие его знания об

изучаемых предметах и явлениях. Конкретные знания не могут быть выведены чисто дедуктивным путем из теории диалектики.

Такой подход к пониманию методологической функции материалистической диалектики в научном познании преобладает среди советских философов в настоящее время и встречает одобрение со стороны ученых. Об этом свидетельствуют, в частности, выступления виднейших советских ученых и специалистов самых различных областей знания на специальном заседании президиума АН СССР, посвященном обсуждению методологических проблем науки (18 октября 1963 г.), на симпозиуме «Диалектика и современное естествознание» (Москва, октябрь 1966 г.), на II Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания (декабрь 1970 г.).

Вместе с тем по мере развития исследований в области философских вопросов естествознания и общественных наук, в ходе конкретных попыток методологического использования материалистической диалектики в самых различных областях познания все отчетливее начинает осознаваться тот факт, что для эффективного выполнения диалектикой ее методологической функции в процессе познания нельзя ограничиваться разработкой ее лишь как науки о всеобщих законах. Кроме этого необходимо (что обосновывается в целом ряде рассмотренных выше работ советских философов и логиков) проводить в диалектике содержательно-генетическое исследование познания, изучать особенности, закономерности, методы и формы мышления, связанные с воспроизведением изучаемого объекта как диалектического.

Вместе с тем в ряде работ советских философов и логиков предлагается сделать еще один шаг в ее разработке — формулировать на основе теории материалистической диалектики «требования», которые она «предъявляет» к некоторой системе истинных знаний об объекте (с точки зрения отображения в ней диалектики объекта) и к той познавательной деятельности в отношении объекта, которую осуществляет исследователь для получения этих знаний. Данные «требования» должны быть сформулированы в виде определенных правил, предписаний, «алгоритмов», раскрывающих плодотворные пути в познании истины, определяющих методы воспроизведения изучаемого объекта как диалектического и позволяющих

определить систему знаний, адекватно отражающих объект (его диалектику).

На необходимость формулирования такого рода «требований», правил неоднократно обращали внимание еще классики марксизма-ленинизма. В работах Маркса, например, можно найти многочисленные указания о том, какой должна быть последовательность изучения сторон, элементов, состояний, явлений, как исследователь должен осуществлять абстрагирование от тех или иных явлений, которые он формулировал на основе теории материалистической диалектики.

Ленин неоднократно обращал внимание на правила научного исследования, вытекающие из теории диалектики. «Самое первое и основное правило научного исследования вообще, марксовой диалектики в особенности, — писал он, например, — требует от писателя рассмотрения *связи* теперешней борьбы *направлений* в социализме... с той борьбой, которая шла перед этим *целые десятилетия*» (2, т. 26, стр. 243—244). В работе «Еще раз о профсоюзах...» он специально отметил требования диалектической логики, которые исследователь должен выполнить, «чтобы действительно знать предмет», т. е. получить объективно истинные знания об этом предмете. Наиболее полно и всесторонне правила диалектического метода, принципы, требования такого рода или, как еще их называл Ленин, «элементы» диалектики, соблюдение которых необходимо для достижения истины в процессе познания, для воспроизведения изучаемого объекта как диалектического, Ленин перечисляет и раскрывает в «Философских тетрадах». Диалектика, отмечает он здесь в частности, требует объективности исследования, изучения всей совокупности многообразных отношений данной вещи (явления) к другим, ее развития и внутренне противоречивых тенденций вещи (явления); рассмотрения ее как единства и борьбы противоположностей; соединения анализа и синтеза; бесконечного процесса раскрытия новых сторон и отношений; изучения переходов каждого качества, свойства, явления в каждое другое (в свою противоположность); бесконечного углубления познания от явления к сущности, от менее глубокой к более глубокой сущности, от сосуществования к каузальности; учета повторения в высшей стадии известных свойств и черт низшей, возврата якобы к старому (отрицания отрица-

ния); анализа «борьбы» содержания с формой, сбрасывания формы и переделки содержания; перехода количества в качество и т. д. (см. 2, т. 29, стр. 203) *.

Конечно, и в этом перечне лишь в общих чертах очерчены контуры тех основных методологических правил, предписаний, требований, касающихся того, какие стороны, аспекты диалектики изучаемого объекта должен воспроизводить исследователь в процессе познания, как он должен это делать, в какой последовательности. Данные правила должны быть детальнейшим образом и по возможности точно сформулированы в диалектике.

В чем важность такого аспекта разработки диалектики для эффективного выполнения ею методологической функции в процессе познания? Если не формулировать достаточно четко указанные правила или требования, то при решении методологических проблем ученым трудно использовать те общие теоретические положения и принципы диалектики, которые непосредственно отвечают на вопрос о том, что представляет собой объект познания (что такое изменение, развитие, структура и т. д.), а не на вопросы, интересующие ученого, как надо подходить к изучаемому объекту для воспроизведения его как диалектического, когда и каким образом надо изучать его изменение и развитие, в какой последовательности рассматривать различные явления. Напротив, в том случае, если в диалектике формулируются такие правила, ученые, сталкиваясь в процессе познания с конкретными методологическими проблемами, получают возможность использовать для их решения не просто «онтологические» утверждения диалектики об объекте познания, а принцип решения этих проблем, даваемый в диалектике в логически обобщенном виде и требующий поэтому — при его применении в научном исследовании — учета специфики изучаемых объектов, условий познания и т. д.

* В работах Ленина неоднократно можно встретить формулировку и других методологических предписаний, правил, вытекающих из учения диалектики, например: «Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств случай и уже затем от его решения чтобы восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства» (2, т. 6, стр. 328).

В советской философской и логической литературе разработка диалектики как логики, теории познания и методологии в указанном направлении началась относительно недавно. На необходимость данного аспекта разработки диалектики обращается внимание в работах, например, Б. Кедрова, П. Копнина, А. Шептулина и В. Столярова. В связи с этим Г. Курсановым был поднят вопрос о разработке системы «Нового диалектического Органона» (см. 200) *. В ряде работ советских философов и логиков была сделана попытка сформулировать некоторые правила исследования изменения и развития объекта, системно-структурного анализа, изучения качественных и количественных характеристик объекта, его противоречий, восхождения от абстрактного к конкретному и т. п. В некоторых работах делается попытка рассмотреть требования объективности, всесторонности и конкретности анализа, выдвигаемые диалектикой и необходимые для достижения истины при изучении любого явления. Особо здесь следует отметить коллективный труд «Ленин об элементах диалектики» (см. 205), подготовленный в Институте философии АН СССР. В этом труде в систематической форме и в их методологическом значении рассматриваются те элементы диалектики, которые, как упоминалось, были сформулированы Лениным.

По мере разработки материалистической диалектики в новых аспектах и направлениях менялось и развивалось само понимание диалектического метода.

В течение длительного времени в советской философской и логической литературе в качестве диалектического метода, как правило, понималась сама теория диалектики, взятая в ее методологической функции. При этом рассуждали следующим образом. Материалистическая диалектика — наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления, как и всякая другая наука, формулирует некоторые теоретические положения, законы, которые имеют важное методологическое значение в процессе познания. Поэтому теория диалектики является одновременно методом познания, она формулирует всеобщие законы, выступает как всеобщая методология познания в отличие от физических, химических и других

* См. также «Вместо заключения» к данной работе.

частных методов. Материалистическая диалектика есть научная философская теория и одновременно всеобщий метод научного мышления, познания и практической деятельности.

Но мы считаем целесообразным сделать следующее дополнение к такому, бесспорно правильному в своей основе, пониманию диалектического метода. В логико-методологической литературе, как отмечалось выше, под методом познания нередко понимают не просто совокупность теоретических положений, используемых для организации познавательной деятельности (по отношению к ним говорят о методологической функции данных теоретических положений). Чаще всего под методом познания понимают правила познавательной деятельности или способ (структуру) познавательной деятельности (систему действий исследователя, применяемых для решения некоторой задачи).

На основе проведения содержательно-генетического исследования познания в диалектике открывается возможность охарактеризовать и разработать диалектический метод и в этих аспектах. При таком исследовании познания, как было показано выше, в диалектике, во-первых, анализируются те способы (методы) познавательной деятельности, которые реально применяются учеными в практике научного познания. Во-вторых, здесь выясняется тот правильный в научном отношении способ мысленного движения по объекту в процессе познания, на основе которого достигается воспроизведение изучаемого объекта как диалектического. Этот способ познавательной деятельности и следует называть диалектическим методом.

При таком понимании диалектического метода он выступает не только как учение диалектики, выполняющее методологическую функцию, но и как единственно правильная форма развития мыслей (см. 1, т. 13, стр. 497), как определенный способ познавательной деятельности, представляющий собой некоторую систему приемов, форм и правил диалектического мышления.

Важно подчеркнуть, что диалектический метод в таком его понимании — это вовсе не какая-то система произвольных действий, «операций» исследователя, не имеющих никакого отношения к изучаемому объекту, к содержанию познания, как это нередко утверждают против-

ники материалистической диалектики *. Напротив, это система познавательных действий исследователя с объектом, которая, как уже отмечалось выше, обусловлена изучаемым объектом и, следовательно, адекватна ему.

Вместе с тем диалектический метод выступает не только как диалектическое учение, выполняющее методологическую функцию, не только как определенный способ познавательной деятельности, но и как та система правил, «требований», предписаний познавательной деятельности, которая формулируется в теории диалектики. В отличие от других рассмотренных выше аспектов диалектического метода их можно назвать правилами диалектического метода.

Итак, материалистическая диалектика в полном смысле этого слова выступает как логика и методология науки, всесторонне и плодотворно развиваемая советскими философами и логиками, несмотря на все трудности, различные подходы и точки зрения, наличие еще многих нерешенных вопросов.

* Например: «Претензия, с которой диалектический инструмент выступает в качестве «единственно верного научного метода», несостоятельна. Диалектический метод работает, как захотят глаза и руки того, кто им пользуется» (439, стр. 196).

Глава восьмая

ДИАЛЕКТИКА И БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. СУДЬБЫ ДИАЛЕКТИКИ В БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ЗАПАДА

Несколько противоречивых тенденций определяют судьбы диалектики в буржуазной философии XX в. В ее рациональной форме, развитой марксизмом-ленинизмом, диалектика неприемлема для буржуазной идеологии, так как она по самому существу своему критична и революционна, на что указывал Маркс. Она неприемлема для апологетической буржуазной философии и потому, что утверждает необходимость новой, коммунистической общественно-экономической формации, призванной заменить капитализм новым этапом на пути общественно-исторического прогресса. Поэтому оборотной стороной буржуазной апологетики выступает «гиперкритицизм», призванный — раз уж не удастся идеологически отстоять «вечность» и «естественность» капитализма — размыть позитивные основы нового общественного устройства.

Существенно отметить, что спекулятивная философская система, в форму которой была облечена диалектика Гегелем, не выдержала испытания временем, и прежде всего революционным временем. Консервативная сторона гегелевской философии наложила неизгладимый отпечаток и на диалектический метод Гегеля, органически связанный с идеализмом системы. Возникновение революционной марксистской диалектики, ее применение в практике революционного процесса означало по существу смертный приговор той ограниченной исторической форме, которую диалектика приняла у Гегеля, что отнюдь не означает отрицания ее великих прогрессивных идей. Но был здесь и еще один важный аспект. Как писал Энгельс, «после революции 1848 г. «образованная» Германия дала отставку теории и перешла на практическую почву... Но в той же мере, в какой спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе храм на фондовой бирже, в той же мере и образованная Германия теряла тот великий интерес к теории, который составлял славу Германии в эпоху ее глубочайшего политического унижения, — ин-

интерес к чисто научному исследованию, независимо от того, будет ли полученный результат практически выгоден или нет, противоречит он полицейским предписаниям или нет» (1, т. 21, стр. 316).

Рудольф Гайм «перевел» эту мысль на высокопарный язык буржуазного либерализма, признав, что гегелевская философия «не выдержала предложенного ей испытания. Интересы, потребности нашего времени пересилили ее. Она более чем опровергнута, она осуждена. Она вытеснена не системой, но, покамест, *поступательным движением мира, живой историей*» (85, стр. 6). Характерно при этом, что упадок гегелевской философии, означавший исчерпание прогрессивных возможностей *буржуазной философии*, Гайм связал «с изнеможением философии вообще».

Наконец, претензии спекулятивной диалектики Гегеля на статус «науки наук» восстановили против нее мир естествоиспытателей, колоссальные успехи которых в развитии естествознания и разработке естественнонаучной картины мира заставляли и их самих, и вообще «образованных людей» того времени иронически относиться к «натурфилософским фантазиям», рожденным спекулятивной философией природы. Правда, натурфилософия немецкого классического идеализма была им знакома в лучшем случае по изложениям ее эпигонов и сводилась к цитированию — в «посрамление» диалектики — действительно встречающихся там нелепостей.

В то же время Ленин не случайно отмечал, что важнейшая идея диалектики, идея *развития*, вошла в общественное сознание не через философию Гегеля. И здесь роковую роль сыграла идеалистическая форма его диалектики, окончательно выявившая свою несостоятельность после того, как в естествознании возникает теория развития, подчеркнувшая реальность и объективную значимость тех изменений во времени, которые, согласно натурфилософии Гегеля, якобы не имеют ничего общего «с философским рассмотрением» (87, т. II, стр. 355, ср. § 249). Потребовалось немало времени для того, чтобы реальный смысл гегелевской диалектики был уяснен и представлен миру. Но это свершилось лишь в материалистической диалектике Маркса, Энгельса и Ленина.

Что же касается буржуазных идеологов, то они, как правило, отказываются от диалектики. Именно так посту-

пают кумир реакционного мещанства А. Шопенгауэр, узревший в Гегеле просто «шарлатана», Э. Гартман, считающий, что диалектический метод Гегеля вносит в мышление только «неясность и путаницу», буржуазный либерал Р. Гайм, по мнению которого средствами диалектики Гегеля «все, что есть верного, обезображивается и получает вид подлога», А. Тренделенбург, видящий в диалектическом методе «грандиозную ошибку», и многие другие.

Но этому противостоят иные обстоятельства, другие тенденции. Да, *рациональная* диалектика внушает идеологам буржуазии страх и ужас. Но нельзя ли использовать против нее диалектику *мистифицированную*? Революция «отменяет» ту систему, в которую облечена идеалистическая диалектика. Но почему бы не обратить ее *против революции*? Естествознание XIX в. приводит к торжеству естественнонаучного «механического» мировоззрения. Так почему бы не обратить идеалистическую диалектику против этого мировоззрения, против научного мышления вообще?

Такова — осознанная или бессознательная — направленность различных интерпретаций диалектики в буржуазной философии конца XIX — начала XX в. Возможности для такого истолкования коренились в самой исторической форме гегелевской диалектики, и реализация этих возможностей получила название «гегелевского ренессанса».

«Возрождение» диалектики неогегельянством XX в.

Процесс, известный под названием гегелевского ренессанса, не случайно совпал с переходом капитализма в его высшую, последнюю стадию развития — империализм. Диалектика, как отмечал Ленин, есть изучение противоречия, а эта проблема никогда не была столь насущной, как в период решительного обострения социальных противоречий, в преддверии революций, сметающих старые, отжившие общественные условия. Но если революционный класс и его идеологи видят в диалектике «алгебру революции», учение о *разрешении* противоречий старого общества, выводящее за пределы этого общества, то «охранительные» силы стремятся или прикрыть

и замаскировать, сгладить эти противоречия, или — в крайнем случае! — обосновать их «роковую неразрешимость». Вот почему с замалчиванием и решительным отрицанием диалектики в XX в. соседствует «трагизм» якобы неразрешимых социальных противоречий, антиномическое и иррационалистическое их истолкование, вырождающееся в косвенную апологию существующего строя.

Примирение Гегелем противоречий социальной жизни, имеющееся у него как тенденция, за которую его решительно критиковал еще Маркс, выступило как средство апологии капитализма и примирения, хотя бы в мысли, его глубочайших противоречий, ставших весьма наглядными в XX в. Но если в начале века еще можно было ограничиться такой разновидностью «диалектической», в реформистском духе, апологии, то первая мировая война, революционные потрясения, последовавшие за нею, экономические и политические кризисы 20—30-х годов заставили изменить сам тип диалектического подхода к социальным явлениям. Диалектика принимает «трагический» образ, и такое понимание ее, основанное на провозглашении мнимой неразрешимости и неустранимости «роковых» противоречий общественной жизни, так или иначе господствует в истолкованиях диалектики идеалистическими школами нашего времени.

Но не только социальные причины вызывают интерес к диалектике. Анализируя причины и ход революции в естествознании на рубеже XIX и XX вв., Ленин отмечал, что современная физика рождает диалектический материализм. Проблема диалектики встает поэтому в рамках самого естествознания, как и в ходе философского осмысления достигнутых им результатов. Эти результаты, в известном смысле слова отрицавшие механические по своей общей направленности методологические установки естествознания XIX в., вновь и вновь заставляют обращаться к диалектике. Но там, где на основе материализма марксистская философия разрабатывает научный, диалектический метод, буржуазная философия создает межеумочные, псевдодиалектические построения. Их господствующая направленность — критика *науки* под флагом критики механицизма, являющегося якобы неизбежным следствием научного познания, как такового. В результате вместо подлинной диалектики перед нами выступают различные разновидности иррационализма, релятивизм,

«негативная диалектика». Непосредственным «онтологическим» следствием отсюда оказывается отрицание диалектики природы, а изгнание диалектики из естествознания завершает всю картину. И здесь мы сталкиваемся с тем фактом, что прогресс естествознания нередко сопровождается, как отмечал Ленин, реакционными поползновениями, к числу которых следует отнести крайнюю субъективизацию современной идеалистической диалектики.

Превратившись, таким образом, в орудие борьбы против науки и научной философии, эта «диалектика» неизбежно переходит на другой полюс — она смыкается с религиозным мировоззрением. В диалектике Гегеля и классической немецкой философии ищут, например, английские неогегельянцы орудие борьбы против «революционного скептицизма», разрушившего «нравственную и религиозную основу человеческого существования» (см. 201, стр. 239). Ибо «явно выраженная миссия Канта и Гегеля на деле... не имела иной цели, кроме той, чтобы восстановить веру — веру в бога, веру в бессмертие души и свободу воли, более того, веру в христианство как религию откровения» (488, стр. XII). Как ни произвольно и односторонне такое истолкование немецкой классической философии, оно знаменует важную линию «возрождения» диалектики: ее пытаются возродить в надежде авторитетом диалектики подкрепить пошатнувшийся авторитет религии и церкви. Но подлинный смысл этой религиозной «диалектики» раскрывается в ее антиматериалистической, прежде всего антимарксистской, направленности.

Впрочем, последнее характерно для всей буржуазной идеологии. Специфика «возрождаемой» диалектики здесь в том, что она выступает как сознательная *мистификация*. То, что прежде отвергалось в качестве мистификации бессознательной, а потому ведущей к ненаучным выводам, теперь принимается в качестве орудия борьбы против научной марксистской диалектики. Возникновение марксизма означало торжество *научной* диалектики; единственной надеждой противников марксизма одержать над ней победу в рамках самой диалектики было принципиально ненаучное, религиозно-мистическое или иррационалистическое ее истолкование. Причем возможность *привлечь* посредством такого истолкования диалектики религиозно мыслящих людей или мыслителей,

склонных к иррационализму, сопровождается возможностью *оттолкнуть* от научной диалектики, якобы родившейся из религиозной мистики и иррационализма, людей научно мыслящих. Обе эти возможности самым широким образом используются буржуазными философами, иной раз принадлежащими к одному и тому же направлению *.

Итак, «возрождение» диалектики в современной буржуазной философии имеет своими причинами: *во-первых*, обострение противоречий капитализма, которое или прикрывается разработкой «примирающих» противоречия концепций диалектики, или оправдывается и увековечивается «трагической» диалектикой; *во-вторых*, развитие научного познания, рождающее не только научную диалектику материализма, но и побочные продукты в виде односторонне релятивистской, субъективистской и иррационалистической псевдодиалектики; *в-третьих*, задачи защиты религиозного мировоззрения всеми средствами, в том числе и средствами соответственно препарированной диалектики; *в-четвертых*, необходимость для буржуазной идеологии так или иначе реагировать на возникновение революционной диалектики марксизма и в условиях, когда становится невозможным ее замалчивать, фальсифицировать диалектику, заменяя ее псевдодиалектическими построениями. Наконец, нельзя не учитывать роль и значимость диалектической традиции в истории философии, традиции, которая не может быть устранена и постоянно напоминает о себе.

«Ренессанс» диалектики в буржуазной философии уходит своими корнями к 60-м годам прошлого столетия. Первые признаки его появляются в Англии, где возникает школа «абсолютного идеализма» (Джеймс Х. Стёрлинг, Фрэнсис Брэдли, Томас Хилл Грин, Б. Бозанкет, Джон Мак-Таггарт). На протяжении примерно шестидесяти лет это течение развивает логику как учение о «конкретном мышлении», отличном от абстрактного мышления фор-

* Так, итальянский неотомист Ф. Морандини отстаивает необходимость неотомистского истолкования диалектики в противоположность марксистскому: в томизме проблема диалектики якобы «находит надлежащую постановку и определение» (482, стр. 341). С другой стороны, немецкий неотомист Я. Гоммес видит в томистской философии человека «спасительный противоположный человеческому бытию, противостояние «объективной, естественноправовой и теистической метафизики диалектическому, т. е. чисто человеческому, изложению истины вещей» (442, стр. 307—308).

мальной логики; «метафизику» с таким основным понятием, как Абсолют, в котором растворяется все индивидуальное и отдельное, а эмпирически наблюдаемые противоречия и конфликты «снимаются» в «абсолютном опыте»; этику, утешающе фиксирующую «бесконечную незначительность» мирового зла по сравнению с вечной благостью Абсолюта (см. 329, гл. V; 330, Введение). В США наиболее крупным представителем этого движения выступил Дж. Ройс. В Италии в 70-е годы возникает школа «неаполитанского неогегельянства» (Б. Спавента, Ф. де Санктис), к концу века переросшая в «классическое» неогегельянство Б. Кроче и Дж. Джентиле (см. 330, гл. VI, § 2; 400).

В 20-е годы неогегельянское движение разворачивается в Германии, принимая форму то иррационалистической «диалектики» Р. Кронера, то «критической диалектики» Й. Кона или З. Марка, то «трагической диалектики» А. Либерта. Движение это завершается в 30-е годы в надуманной и откровенно апологетической «диалектике» «народного сообщества» (Volksgemeinschaft) позднего, полуфашистского неогегельянства Ю. Биндера, Т. Хэринга, Г. Фрайера и др. (см. 329, гл. VI, § 1; 30; 261). Свое завершение «гегелевский ренессанс» получает в работах французских неогегельянцев — Ж. Валя, А. Кожева и Ж. Ипполита. Однако французское неогегельянство быстро перерождается в экзистенциализм, а «возрожденная» в его рамках диалектика в «трагизм» неразрешимых антиномий человеческой «экзистенции».

Наряду с этой основной линией развития идеалистической интерпретации диалектики в XX в. существовали и другие тенденции, связанные как с традицией немецкой классической философии, так и с осознанием некоторых задач, ставившихся научным познанием. Диалектика — в односторонне идеалистическом плане — развивалась в этой связи Марбургской школой неокантианства; главное здесь состоит в разработке теории «конкретного всеобщего». Некоторые проблемы диалектики как логики ставятся и в «логике исследования» прагматистов, и — что еще более важно — в логических и философских работах мыслителей, идущих к диалектике от физических теорий (Ф. Гонсет, Г. Башляр, П. Дегуш-Феврие).

Нельзя, однако, не отметить сразу же, что все эти попытки разработать диалектическую проблематику имеют

ряд общих черт, закрывающих перспективу действительно научной ее разработки. Во-первых, это — субъективизация диалектики, лишение ее объективной основы в диалектике объекта. Во-вторых, апологетический в общем и целом характер современных идеалистических интерпретаций диалектики.

Если гегелевский объективный идеализм представлял собой, как отмечал Энгельс, на голову поставленный материализм и диалектика Гегеля выражала законы развития природы, общества, познания, *угаданные* им в движении мысли, то субъективистское истолкование диалектики современным идеализмом практически лишает ее этой функции. Вызвано это тем, что идея социальной закономерности, тем более идея прогресса не устраивает ныне буржуазных идеологов: всякая закономерность, а в первую очередь закономерность исторического прогресса, оборачивается для них признанием конечности и обреченности конкретной общественно-экономической формации, капитализма. Избавиться от этого вывода проще всего можно, — если хочешь «сохранить» диалектику в ее урезанной, ограниченной, а следовательно, мистифицированной форме, — посредством ее субъективизации.

Именно по этому пути пошло неогегельянство. «Абсолютный идеализм» англо-американского неогегельянства осуществлял субъективизацию диалектики путем расчленения и противопоставления противоречивой «видимости», истоком которой является конечное человеческое мышление, и неизменного, неподвижного, гармонического Абсолюта. Мир, как он выражен в понятиях человеческого ума, считал Ф. Брэдли, «противоречит себе; и поэтому он — видимость, а не реальность» (411, стр. 9). Итальянское неогегельянство идет по пути отрицания диалектики природы, сохраняя, правда в существенно видоизмененной форме, диалектическую логику Гегеля. Кроче считал, что в диалектике Гегеля «необходимо сохранить первую часть, а именно новое понятие понятия, конкретной универсалии, вместе с доктриной степеней реальности и диалектикой противоположностей; надо отвергнуть, опираясь на это новое понятие и развивая его, всякий панлогизм, всякое спекулятивное построение индивидуального и эмпирического, истории и природы» (423, стр. 139). Но почему же? Справедливо отмечая несостоятельность *спекулятивной* философии природы, Кроче в то же время

объявляет область природы, а следовательно, естествознание эмпирической, т. е. априори недиалектической.

Конечно, вывод этот несостоятелен, поскольку само естествознание представляет собой, как отмечал Энгельс, пробный камень и источник диалектики. В еще большей степени справедливо это применительно к историческому процессу. Но в буржуазной философии XX в. вывод о «недиалектичности» природы и естествознания становится общим местом. В его формулировке немалую помощь оказывает ей философский ревизионизм. Так, в опубликованной в 1923 г. книге «История и классовое сознание» Д. Лукач объявил, что сфера диалектического метода Маркса — это «исторически-социальная действительность». «Недоразумения, которые возникают из изложения диалектики Энгельсом, — писал он, — покоятся по существу на том, что Энгельс, следуя ложному примеру Гегеля, распространяет диалектический метод также на познание природы» (463, стр. 17). Между тем «метод естественных наук, методический идеал всякой рефлексивной науки и всякого ревизионизма, не знает в своем материале никаких противоречий, никаких антагонизмов» (463, стр. 23).

Положения эти, от которых сам Лукач вынужден был впоследствии отказаться, вытекают из того, что их автор, борясь против политического ревизионизма с его отрицанием социально-классовых противоречий, связывает это отрицание с абсолютизацией естественнонаучного метода. Но ведь естественнонаучный метод не может стоять в стороне от диалектики, и объявлять его в принципе механистическим — значит *историческую* ограниченность методологии естествознания, свойственную XVII—XVIII вв., превращать в принципиальную и неустранимую.

В руках правых социал-демократов и буржуазных философов это противопоставление диалектики и природы, а следовательно, диалектики и эмпирических наук принимает самые различные формы и используется с различными целями. Так, ревизионист правый социал-демократ З. Марк в своей работе «Диалектика в философии современности» (1929—1931 гг.) трактует диалектику только как «диалектику самосознания, а с ним — познавательного процесса» и обрушивается на Энгельса и Ленина за распространение ими диалектики на природу. Материа-

лизм, теория отражения, считает он, несовместимы с диалектикой. Так, «динамика диалектического понятия познания и статика материалистической догмы об отражении, — заявляет Марк, — на каждом шагу сталкиваются друг с другом и ни в коем случае не могут быть увязаны» (467, стр. 121). В свою очередь неогегельянец Р. Кронер в своей книге «От Канта к Гегелю» отвел диалектике место в области спекулятивного, объявив, что эмпирическое познание не знает и не может знать противоречий: «...оно должно избегать противоречия». Но тем самым реальное содержание гегелевской диалектики — анализ противоречий действительности, отражаемых познанием, — оставляется в стороне. Диалектика изгоняется из действительности и познающего ее научного мышления.

Наконец, во французском неогегельянстве, а затем и в экзистенциализме противоположность диалектики и природы (естествознания) оказалась связанной с противоположностью мышления и социальной деятельности человека природе. Так, А. Кожев писал, что «следует различать, с одной стороны, природную реальность, тождественную себе и не являющуюся, следовательно, диалектической в себе, не отрицающую самое себя, и, с другой стороны, человеческую реальность, которая диалектически отрицает как самое себя, так и... природную реальность» (455, стр. 472). Эта мысль была принята и развита Ж.-П. Сартром. Видя в диалектике в первую очередь отрицание, он отказывает в диалектике природе, ибо в ней якобы нет отрицания (см. 483, стр. 169).

И для Сартра, и для Кожева, как для многих других сторонников современной идеалистической диалектики, субъективизация диалектики выступает как средство борьбы против марксизма, диалектического материализма.

Буржуазные и ревизионистские интерпретаторы диалектики нередко сводят ее к релятивизму, игнорируя ее конструктивную функцию, понимание диалектики как *теории*. Подобно тому как Бернштейн отрицал осуществимость социалистической цели, подменяя ее бесконечным движением к ней, современные интерпретаторы диалектики усматривают в ней «путь. Уже в слове «диалектика» заложено это представление о *dià*, сквозь. Диалектика — скорее путь, чем тот пункт, куда надо прибыть» (491, стр. 696—697). Под благопристойным флагом борь-

бы против догматизма диалектическую процедуру нередко представляют как «разложение всех введенных и как бы кристаллизованных понятий, с тем чтобы воспрепятствовать их мумифицированию, которое проистекает из их неспособности постичь движение реальных целостностей, и принимать во внимание эти целостности одновременно с их частями» (436, стр. 22). Естественно, что такое одностороннее понимание диалектики тут же ведет к убеждению, будто диалектика в таком случае не может быть чем-то позитивным: «Она не всеблагое средство примирения человечества с самим собой. Она не может быть ни спиритуалистической, ни материалистической, ни мистической. Она не может быть спроецирована ни на дух, ни на природу. Как метод и как реальное движение диалектика принадлежит человеческому существованию, а тем самым социальному существованию» (436, стр. 22).

Но так ли это? Конечно, диалектика — это *метод*, «*путь*». Но метод всегда есть также и определенная строгая *теория*. Диалектическое движение необходимо подразумевает достижение позитивных результатов, только основываясь на которых мы сможем продвинуться дальше. Социальное движение и познание, революционная практика и развитие науки подразумевают не только периоды бурных переворотов, но и периоды постепенного развития, становления и расширения устойчивых, относительно стабильных образований. В науке это сложившиеся теории, каждая из которых, представляя собой относительную истину, есть в то же время этап в познании истины абсолютной. В обществе — это общественно-экономические формации, каждая из которых развертывает всю полноту своих возможностей и не уходит с мировой арены, не исчерпав их. И задачи научного познания и фактического преобразования мира на каждой из таких ступеней различны.

Что же касается буржуазных и ревизионистских толкователей диалектики, то они, апеллируя к Марксу, зачастую усматривают в диалектике «в первую очередь оружие социального критицизма, средство объяснения существующей реальности, которое непосредственно указывало бы путь революционного действия» (470, стр. 85). Но какого действия? Изменения какой реальности? И в каком направлении? Только так ставит вопрос диалектика: абстрактных истин не бывает. Для ревизиониста же

главное — как бы диалектика не превратилась «в орудие рационального оправдания данной исторической формы человеческого существования, т. е. в инструмент идеологии» (469, стр. 43). Но опять-таки: какой формы существования? Инструмент какой идеологии? Отказать философии пролетариата в праве «оправдывать», т. е. научно обосновывать и защищать социализм, — значит становиться на позиции защиты и оправдания капитализма. Твердить о «пути революционного действия» применительно к становящемуся социалистическому обществу — значит в конечном счете проповедовать *контрреволюционное* действие. Вряд ли следует далеко ходить за историческими примерами...

Итак, суть «реформы» диалектики, осуществившейся в ходе ее «возрождения» буржуазной философией XX в., состояла, с одной стороны, в радикальной субъективизации диалектики, перенесении ее в сферу *мысли*. «Диалектика — отношение, выступающее в мысли; без мысли, следовательно, диалектика немыслима», — формулирует итоговое положение этой тенденции И. Кон (421, стр. 179). С другой стороны, вытекающее отсюда отрицание диалектики природы и, следовательно, признание несовместимости диалектики и материализма рождает идею «реальной диалектики» и «диалектики практики», где объективное содержание диалектики связывается с духовной реальностью, т. е. с гипостазированной в виде «объективного духа» общественной жизнью. Эта линия вырастает в утверждение о том, что о диалектике может идти речь только применительно к практике как *субъективной* человеческой деятельности, т. е. к идеалистически понимаемому историческому процессу человеческой деятельности. Дальнейшее углубление идеализма в понимании диалектики оказалось в XX в. неразрывно связано с *иррационализмом*.

Проблемы «философской» (диалектической) логики в современном идеализме

Богатая логическая проблематика, разрабатывавшаяся идеалистами-диалектиками XIX в., не может не привлекать внимания многочисленных авторов, писавших о логике. В диалектике Гегеля, Канта, Фихте они находят

средства преодоления абстрактности, формализма и других слабостей и односторонностей позитивистской и неопозитивистской трактовки логики, преобладавшей в логической литературе конца XIX — начале XX в. Отказ от гносеологического обоснования логики, вытекавший из формалистической ее трактовки; односторонняя теория абстракции, видевшая в общем понятии тощее отвлечение от всего конкретного богатства действительности; узкий позитивистский эмпиризм, низводивший логику до степени бессодержательных тавтологических операций, волновали многих философов и логиков, вслед за Гегелем видевших в логике науку, требующую привлечения к мыслительному рассмотрению «не только того, что обыкновенно причисляется к внешней форме, но вместе с тем также и содержания» (87, т. V, стр. 14).

Однако попытки осуществления этой задачи в идеалистической форме, причем значительно более плоской и поверхностной, чем то было у Гегеля, не могли привести к успеху. Тем не менее сами по себе эти попытки представляют определенный интерес с точки зрения истории диалектики.

Центральное место в проблематике «философской логики» занимает в идеалистической диалектике проблема *конкретности понятия*. Выдвинутая на идеалистической основе Гегелем и разрешенная в материалистической диалектике марксизма, она принимает в идеализме XX в. многообразные формы, но исходный пункт ее анализа — это критика одностороннего позитивистского, формалистического истолкования логики. Так, начавшаяся в XIX в. математизация логики, превращение ее в логику символическую, имела одним из своих последствий истолкование всех логических операций как бессодержательного процесса, не ведущего к увеличению, развитию знания. Игнорируя тот факт, что формальные логические операции могут давать новое знание, поскольку «даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному» (1, т. 20, стр. 138), некоторые из теоретиков формальной логики (в том числе такой выдающийся логик, как Стэнли Джеворнс) истолковывали суждение и умозаключение как тавтологии. С другой стороны, односторонняя трактовка обобщения на основе закона обратного отношения объема и содержания поня-

тий вела к крайне обедненному представлению о развитии познания: чем выше степень абстракции, т. е. чем далее зашло познание, тем беднее оказывается понятие.

Именно эти представления подвергаются критике в логических работах английских неогегельянцев. Так, Т. Х. Грин писал в своих «Лекциях по логике», что сущность реального мыслительного процесса состоит в развитии знания. Формальная же логика, истолковавшая суждения, особенно подвергнутые квантификации предиката как простые тавтологии, делает мышление совершенно бессодержательным. «Когда суждения выражены в квантифицированной форме, — пишет он, — формальный вывод из них сводится к нулю» (434, т. II, стр. 64). Между тем, продолжает эту мысль Ф. Брэдли, суждение есть «форма различия, объединенная тождеством» (413, т. I, стр. 373). Тем более бессодержательным оказывается формально истолкованное умозакключение. Например, «косвенный метод» умозакключения, разработанный Джевонсом, на деле есть лишь использование посылки для истолкования ее самой, т. е. *круг* в заключении.

Когда же речь заходит о формально-логической абстракции, то она просто сводится неогегельянами к абсурду: «Если функция мысли — это отвлечение, то высшая идея... имела бы наименьшую реальность: короче говоря, чем больше мы мыслим, тем меньше мы будем знать» (434, т. II, стр. 193).

Хотя и явно преувеличенная, эта критика содержит в себе рациональный момент. Действительно, нельзя свести познание к совокупности формально-логических операций. Оно включает в себя также наблюдения, эксперимент, анализ и синтез, конкретизацию и т. д. Необходимо связанные с формально-логическими операциями, они тем не менее выходят за их сферу, в том числе и в собственно логической области — области *мышления*. Поэтому философия, ставящая перед собой задачу разработки методологии в целом, неизбежно оказывается шире и богаче формальной логики. Более того, философия ставит перед собой задачу гносеологического обоснования логики, а поступая так, она неизбежно ставит вопрос о *развитии* последней, о перспективах выработки новых, более совершенных средств мышления.

Однако, фиксируя действительную ограниченность формальной логики, сторонники «философской логики»

приходят к фактическому отрицанию первой как формы развития знания. В крайних формах это приводит к иррационализму, но даже у тех, кто до этой крайности не доходит, наблюдается серьезная недооценка формальнологического мышления. Так, в английском неогегельянстве рассуждение об ограниченности формальной логики завершается утверждением, что формальная логика в состоянии дать нам лишь все возможные комбинации предикатов, совместимые с исходной посылкой. Все остальное — дело фактического исследования и содержательного мышления. Следовательно, формальная логика рассматривается как область лишь формальной правильности, но не истинности.

Но что понимается в таком случае под содержательным мышлением? Развивающееся знание как «действие мыслительной функции, которая расширяет *данное* посредством идеального синтеза» (413, т. II, стр. 408), т. е. *диалектики*. Особенность этой диалектики состоит, по Брэдли, в том, что ее содержание и движущая сила происходят из самого разума. Каким же образом? Диалектика Гегеля видела источник этого движения разума во внутренних противоречиях бытия — мышления. Брэдли, напротив, исходит из того, что начало познания — это одностороннее, фрагментарное понятие. «Объект передо мною не есть ни целостная Реальность, ни целостность испытываемого мною. Универсум (я должен здесь это допустить) един с моим духом (*mind*), и дело обстоит не только таким образом, но и так, что Универсум действительно испытывается мной как находящийся по ту сторону объекта. Ибо, кроме того, что он является объектом, мир актуально чувствуется не просто в его общих чертах, но и более или менее в специальных деталях. Следовательно, по сравнению с этим более полным содержанием, наличным в чувстве, объект, находящийся передо мной, может испытываться как дефектный» (412, стр. 225). Эта «дефектность», фрагментарность объекта послужила основой для утверждения, что истинная Реальность, *чувствуемая* разумом, и наличная реальность, *данная ему* в ограниченной и фрагментарной форме, образуют *противоположность*, т. е. «движущую причину того беспокойства, которое возбуждает диалектический процесс» (413, т. II, стр. 409).

Таким образом, это не внутренняя противоречивость

самого бытия — мышления, как думал Гегель, и не внутренняя противоречивость самой реальности, диалектически отражаемой человеческим разумом, но противоречие между Универсумом, т. е. «абсолютным опытом», и фрагментарным, конечным на любом этапе его развертывания человеческим знанием. И хотя этот момент, несомненно, налицо в процессе познания, представляющем собой бесконечное приближение к реальности, мысль Брэдли оказывается обесцененной — теоретически и практически — его идеализмом. В самом деле, теоретическая посылка взгляда Брэдли, исходящего из допущения единства Универсума и «моего духа», не выдерживает критики, тогда как развитие и конкретизация знания на основе «чувствуемой разумом Реальности» просто невозможны, ибо «основа» эта не имеет какой бы то ни было эвристической ценности. Действительным источником диалектического процесса является объективная действительность, которая должна, как указывал Маркс, постоянно находиться в нашем представлении как предпосылка.

Существенный шаг вперед в осуществлении идеи конкретности понятия делает марбургская школа неокантианства. Она попыталась соединить традиции гегелевской логики с «ориентированием философии на математическое естествознание». Эта попытка в силу исходных идеалистических и агностических установок неокантианства была, однако, обречена на провал. Состояла же она в следующем. Уже основоположник марбургской школы Герман Коген в своей «Логике чистого познания» (1902 г.) сформулировал тезис о «логике первоначала (Logik des Ursprungs)»: «Первоначало — не только необходимое начало (Anfang) мысли, но оно должно участвовать во всем процессе как побуждающий принцип» (420, стр. 33). Первоначало — это источник всего многообразия логических определений объекта знания. Как принцип, лежащий в основе познания и бытия, он может быть... только *мышлением*. «Только само мышление может произвести то, что может иметь значение в качестве бытия» (420, стр. 67). Таким образом, Первоначало получает статус, аналогичный «чистому бытию» Гегеля: из него развертывается вся полнота определений бытия.

Очевидный идеализм «логики первоначала» не может заслонить от нас ее диалектическую тенденцию. Понятая как *саморазвитие* знания, она ведет к диалектике *поня-*

тий, а точнее, *суждений* (ибо Коген считает не понятие, а суждение основной формой мышления). На место кантовской таблицы категорий Когеном ставится система суждений, образующих субординированные группы. Коген исследует генезис групп и типов суждений, их переходы. Главный момент здесь — заимствованная из математического анализа идея *функции*.

Развитая П. Наторпом и Э. Кассирером на основе «логики чистого познания» Когена, эта идея приобретает такой вид. Современная математика и математическое естествознание, утверждают они, пользуются специфическим способом образования понятий. Если традиционно всякие понятия, в том числе и математические, рассматривались как результат отвлечения от индивидуальных признаков вещей и выделения общих им признаков, то ныне математика истолковывает свои понятия и в первую очередь числа как частные случаи некоторых математических отношений, определяющих собой упорядоченно построенные ряды. С этой точки зрения ряд как целое, т. е. как совокупность закономерно связанных между собой чисел, логически первичнее каждого отдельного его члена. Но ведь сам этот ряд лишь развертывание определенной математической *функции*, выражающей закон формирования этого ряда и образования всех его членов. Таким образом, понятие-функция оказывается конкретным понятием, т. е. понятием, содержащим в себе в «снятой» форме особенное и индивидуальное.

На основе критики абстрактных понятий, подчиняющихся закону обратного соотношения объема и содержания, выявляются действительные черты понятий, использующихся математикой и математическим естествознанием: по своей форме, т. е. принципу соединения признаков, они отличаются от традиционных понятий, изучающихся формальной логикой. Однако Кассирер, наиболее подробно развивавший концепцию «функционализма» в книге «Понятие о субстанции и понятие о функции» (1910 г.), не останавливается на этом. Во-первых, он противопоставляет понятие-функцию абстрактному понятию, не замечая того, что развитие познания невозможно как без первых, так и без вторых, дающих основу для формирования самих функциональных понятий. Во-вторых, идеалистическая абсолютизация понятия-функции приводит Кассирера, как и всю марбургскую школу

неокантианства, к убеждению, будто математизация науки означает «устранение» объективной реальности, материи и замену ее математическими формулами. Иначе говоря, неокантианцы и в истолковании конкретного понятия становятся на позиции «математического» идеализма. Объекты науки теряют свои объективные характеристики, заменяемые математическими параметрами. Выражая суть физического идеализма, вызванного кризисом в физике, Кассирер пишет далее: «Сама материя становится идеей по мере того, как ее содержание все отчетливее сводится к идеальным концепциям, созданным и испытанным математикой» (164, стр. 222).

Можно сказать, что разработка идеалистической диалектики марбургской школой зашла в тупик по той же причине, по которой потерпела крушение диалектика Гегеля: способ *воспроизведения* конкретной действительности, понятие-функцию, эта школа отождествила с развитием самой действительности.

Попытка распространения понятия-функции на область *культуры* привела далее к построению «философии символических форм», где «постулат чисто функционального единства заменяет постулат единства субстанции и происхождения» (418, т. I, стр. 77). С «изгнанием» «субстанции и происхождения», т. е. объективных основ и генетического анализа явлений общественной жизни, «философия культуры» Кассирера, несмотря на диалектический замысел, превращается в метафизическую, антиисторическую типологию символов.

Проблема конкретного понятия лишь одна из сторон диалектики как логики. Ее научное разрешение невозможно вне рассмотрения ее в комплексе с другими проблемами диалектики, и прежде всего с проблемой *противоречия*. И здесь идеалистическая диалектика XX в. обнаруживает свою полную несостоятельность. Для философии марбургской школы, например, формально-логический закон противоречия выступает как универсальный закон познания, обеспечивающий тождество — этот высший закон связи элементов мысли. Противоречие не может, считает Коген, пониматься и как побуждение к деятельности, как движущая сила познания. «Побуждение и деятельность к чему? К истине и нравственности? К истине на основе математического естествознания? И равным образом к нравственности, не предполагающей

исторических условий в мифологии и религии?» (420, стр. 95). Так это «романтическая авантюра», ведущая к отказу от законов формальной логики как основы «истины математического естествознания» и «нравственности исторических наук».

Коген и не подозревает, что диалектика не посягает на значимость законов тождества и противоречия в их подлинной сфере — в формальной логике как науке об инвариантной передаче мысли и в научной процедуре, состоящей в формальной дедукции по ее правилам. При всей важности такого рода процедур они не исчерпывают, однако, развития познания. Всякое качественное изменение знания, переход его на новую, более высокую ступень с необходимостью рождает диалектические противоречия, которые могут быть разрешены (а не устранены) лишь путем нового синтеза, выработки новых исходных понятий и аксиом, развертывания новой системы знания как «узлового пункта» в безостановочном движении познания вперед. У Когена же всякое упоминание о позитивном значении противоречия вызывает *охранительную* реакцию, рождает в нем страх за судьбы «истины нравственности и естествознания».

Но и в тех случаях, когда в рамках идеалистической диалектики XX в. осознается важность противоречия и отрицания, их понимание далеко от научного. Мы встречаемся здесь с несколькими направлениями метафизического искажения проблемы противоречия. Прежде всего это замена противоречия и отрицания *дополнением*. Так. Ф. Брэдли писал: «Диалектический метод не необходимо подразумевает тождество противоположностей в том смысле, что один элемент, утверждая себя, дополняет себя посредством самоотрицания... Мы можем предположить... что реальность имеет перед собой и созерцает себя в изолированном *данном*. Затем это *данное* воспринимается как недостаточное, и, как таковое, отрицается. Но в этом отрицании и посредством него реальность производит то... дополнение, которое предчувствовалось в уме и было активной основой неудовлетворения и последующего отрицания» (413, т. II, стр. 410). В работах другого английского неогегельянца, Б. Бозанкета, концепция «дополнения» заменяется родственным неокантианскому пониманию функции утверждением, что развитие познания осуществляется исходя из места исследуемого эле-

мента познания (или, что то же, «реальности») в структуре той целостной реальности, на которую указывает данная система мысли.

В свою очередь критерием истинности этой системы мысли, как и критерием реальности вообще, считается формально-логический закон противоречия. Отсюда рождается онтология английского неогегельянства, покоящаяся на той мысли, что обнаружение противоречий в наших понятиях о реальности свидетельствует, что понятия эти выражают лишь *видимость*, а не реальность.

В определенном отношении родственно «негативной диалектике» такое понимание противоречия, как *антиномизм*. Восходя к кантианскому пониманию противоречий, он настаивает на неразрешимости противоречий познания. Антиномизм составляет содержание так называемой критической диалектики немецкого неогегельянства XX в. Излагая основную ее позицию, З. Марк писал: *«Смысл критической диалектики как усмотрения неуничтожимости противоречия в философском основании, а не «снятия» противоречия в результате уже ясен здесь для всякого сведущего»* (467, стр. III). Систематическое изложение «критической диалектики» в работах И. Кона, А. Либерта, З. Марка показывает, что проблема противоречия как неразрешимой антиномии встает у них как в связи с анализом познавательного процесса, так и на основе обострения социальных противоречий. Так, Йонас Кон исходит в своем понимании диалектики из того, что попытки решения основной философской задачи — постижения мира как целого неизбежно ведут к антиномиям. Эти антиномии — следствие того факта, что «единство действительности находится в противоречии с дискурсивной природой познания... Единая взаимосвязь всего познания не достижимая цель, но идеал в строгом смысле этого слова (422, стр. 306—307; см. также 421). Это единство достижимо только посредством интуиции, непосредственного созерцания «мирового целого», но оно выходит за границы науки и потому не может исследоваться философией. В рамках последней можно говорить лишь об антиномическом характере всего познания. В том же плане рассматривал проблему противоречия и А. Либерт в своей книге «Как вообще возможна критическая философия?» (1919 г.). Основная мысль этой работы та, что «из познания этой имманентной диалектики и антиноми-

ки разума должно следовать признание антиномий в том смысле, что понятие антиномии представляет собой необходимый конструктивный принцип критицизма» (461, стр. 131). И сама диалектика в этой связи выступает как «систематическое установление... противоположностей. В ходе, в процессе антитетики антиномии возникают и определяют себя как символы этого антитетического движения разума. Они — симптомы, путевые знаки и камни, результаты, поражения диалектики» (461, стр. 216).

При таком понимании диалектики кантовская идея антиномий как противоречий, необходимо рождаемых разумом, в попытке постичь «вещь в себе» сочетается с гегелевской идеей универсальности противоречия как движущей силы познания. Но если гегелевская диалектика — гимн торжеству человеческого разума, в котором Абсолютная идея возвращается к самой себе, осуществив абсолютное познание, то антитетика немецкого неогегельянства пронизана духом резиньяции: «Диалектическое мышление не смеет позволить себе быть мыслью Абсолюта. Для единичного диалектического процесса мысли это ясно уже из его линейности, одномерности, тогда как истинное многомерно. Но и диалектическая система не есть абсолютное, поскольку она дискурсивна и связана с дискурсивным субъектом» (421, стр. 349).

Гносеологический смысл этого рассуждения очевиден: признав противоречие и его частичное, условное разрешение сущностью познавательного процесса, «критическая диалектика» отрывает его от того конкретного *единства*, воспроизведение которого является целью диалектического процесса разума, определенного К. Марксом как восхождение от абстрактного к конкретному. «Диалектический синтез», согласно Кону, относится только к понятию, и потому он не может охватить реальности. Так, оторвав подобно всей идеалистической диалектике XX в. познание от действительности, немецкое неогегельянство в форме «критической диалектики» приходит к конечной невыразимости действительности рациональными средствами диалектического мышления.

Но этого мало. Как мы видели, «критическая диалектика» отличается от классической своим пафосом обреченности: вечное движение разума через антиномии не дает устойчивых положительных результатов. Но если в

первых произведениях «критической диалектики» это приводило к тому, что критическая философия, говоря словами А. Либерта, мыслима лишь как «метафизика разума», а не в форме «догматизма бытия», то с течением времени дело меняется. «Критическая диалектика» приобретает форму диалектики «трагической».

А. Либерт, которому эта разновидность современной идеалистической диалектики обязана своим названием, связывает «трагический» характер этой трактовки противоречий с «кризисом современности». В книге «Духовный кризис современности» (1923 г.) он отмечал универсальность этого кризиса, в котором сливаются воедино философские, индивидуально-психологические и исторические элементы. Значение нашего времени, думает он, это трагическая разорванность и конечность эмпирического бытия современного человека, дисгармония нравственной жизни, разложение объективных благ культуры, катастрофы исторической жизни. Отсюда рождается необходимость осознания противоречий человеческого бытия и потребность в новых средствах для этого. В прошлом кризис находил свое разрешение; противоречия примирялись, разрешались, и это породило «гуманистически-примиряющую» диалектику классического типа (Платон, Гегель, Шлейермахер, Шеллинг). Сегодня она не годится. «Поскольку... с современностью мы вступили в новую духовную ситуацию, полную величайших кризисов и антиномий, та диалектика, которую мы защищаем, должна приобрести новые черты... Измененный тип диалектики... должен... отказаться от любого гармонизирующего устремления и гуманистически-гуманизирующих тенденций. Он должен, иными словами, иметь трагический характер; в соответствии с этим, мы можем говорить о *трагическом типе диалектики*» (460, т. I, стр. XIV).

«Трагическая диалектика» Либерта — утверждение *непримиримости* противоречий, непосредственно вытекающее, как отмечал и сам Либерт, из осознания непримиримости социальных противоречий, характеризующих кризис капиталистического общества в эпоху империализма. Либерт усмотрел и действительную тенденцию гегелевской диалектики — наличное в ней стремление к примирению противоречий. Однако он отождествляет непримиримость и *неразрешимость* диалектических противоречий. Между тем материалистическая диалектика

различает их, считая, что непримиримые противоречия могут тем не менее быть *разрешены* путем выхода за пределы той системы, в рамках которой противоречия возникли, развились и достигли высшей ступени. Именно так, например, решается в материалистической диалектике вопрос о разрешении противоречий капиталистического общества: они разрешаются путем *революции*, кладущей конец этому обществу и его противоречиям. Утверждать в этих условиях неразрешимость и «трагичность» противоречий — значит увековечивать их, превращая «трагическую диалектику» в род косвенной апологетики капитализма. Именно таков социальный смысл этого типа диалектики.

«Реальная диалектика» и «диалектика практики»

Если основным направлением «реформы диалектики» в буржуазной философии XX в. является радикальная субъективизация диалектики, то «диалектика практики» представляет собой путь сближения с объективно-идеалистической диалектикой. Здесь мы наблюдаем и наиболее тесную связь с проблематикой гегелевской диалектики. Здесь диалектика оказывается коренящейся исключительно в *духовной* реальности. Этим обусловлено искажение диалектики, противопоставление диалектики познания и общественной практики (также трактуемой как духовный процесс) диалектике природы.

Освещенные в «Экономическо-философских рукописях» К. Маркса проблемы диалектики практической деятельности человека и общества занимают важное место в дискуссиях и идеологической борьбе. Категория практики и теория диалектики играют фундаментальную роль в марксистской философии, поэтому они усиленно искажаются идеалистами. Вместе с тем повышенный интерес современных интерпретаторов идеалистической диалектики к социальным проблемам, и прежде всего к общественным противоречиям — в целях ли их сглаживания и «гармонизации» или, наоборот, выявления их «трагической» неразрешимости, — заставляет обратиться как раз к *практике* как сфере, в которой эти противоречия наиболее явственны.

Именно этим объясняется распространение претензий на создание «философии практики», «диалектики практики», «действия» как единственно возможной интерпретации диалектики вообще. Смысл ее состоит в соединении по меньшей мере трех исходных тезисов: 1) о диалектике может идти речь только применительно к *практике*, 2) практика, будучи человеческой деятельностью, тем самым является *субъективной*, и 3) практика как сущность человеческого (=субъективного) отношения к миру исключает «предшествующую реальность», подлежащую познанию, или во всяком случае ее диалектический характер.

«Диалектика практики» получила особое распространение во французской и итальянской философии, имея там довольно длительную традицию. Так, во Франции пользовалась значительным влиянием «философия действия» М. Блонделя (1861—1949), еще в 1893 г. выдвинувшего в работе «Действие» («L'Action») положение о противоречивом характере действия, ведущего, с одной стороны, к отчуждению свободы, с другой — к освобождению, состоящему в подчинении «воле божьей». В этом плане Блондель рассматривает проблемы свободы и необходимости, свободы и истины, существования и истины (см. 417). В Италии «философия практики» Б. Кроче и «философия действия» («актуализм») Д. Джентиле также касаются ряда важных проблем диалектики, но их отличительной чертой является попытка трактовать саму практику как одну из основных форм жизнедеятельности «универсального духа» (см. 400, стр. 54—56). К тому же их построения содержат неустранимый существенный элемент *иррационализма*.

Можно сказать, что наиболее развитой формой «диалектики практики» является позиция, занятая Ж.-П. Сартром в его поздних произведениях. Если в «Бытии и ничто» (1943 г.) он рассматривал диалектику (прежде всего диалектику отрицания) в духе экзистенциализма, довольствуясь «изгнанием» диалектики из сферы «бытия-в-себе», то в «Критике диалектического разума» (1960 г.) он попытался построить «диалектику практики» на основе размежевания с диалектикой природы. Мы упоминали выше о сартровской «критике» диалектики природы. Ее очевидная несостоятельность (см. 346, стр. 346—359) не означает, однако, несостоятельности и

позитивной концепции Сартра, требующей специального рассмотрения и оценки.

«Диалектика практики» требует, считает Сартр, для оправдания самой своей возможности ответа на следующие вопросы. Как может *практика* сама по себе быть одновременно опытом необходимости и свободы, хотя, согласно тезису классической логики, ни та ни другая не могут быть постигнуты в эмпирическом процессе? Если верно, что диалектическая рациональность есть логика тотализации, то как может история, эта толкучка индивидуальных судеб, выступать как тотализирующее движение и не впадем ли мы в странную апорию: для тотализации необходим уже объединяющий принцип, тогда как мы предпочитаем взгляд, что целостности могут тотализировать себя лишь в действии? Если диалектика есть постижение настоящего через прошлое и будущее, то как возможно тогда историческое будущее? Если диалектика должна быть материалистической, то как следует тогда понять материальность *практики* и ее отношение ко всем другим формам материальности? (См. 483, стр. 165).

Собственно, на эти вопросы (если освободить их от туманной формы выражения) уже дан научный ответ материалистической диалектикой марксизма. Практика есть единство необходимости и свободы в том смысле, что свободная деятельность людей, деятельность на основе познанной необходимости, все более актуализируется в истории человеческого общества. Познание этого факта вовсе не противоречит логике, как и то, что объективная закономерность исторического процесса складывается на основе сплетения индивидуальных действий миллионов людей. Апория «свободной воли» индивидов, участвующих в историческом процессе, и социальной необходимости разрешается в выдвинутом Ф. Энгельсом положении о том, что «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств... Но из того обстоятельства, что... эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю» (1, т. 37, стр. 395—396). Сле-

довательно, «объединяющий принцип» рождается самими социальными действиями народных масс. Историческое будущее возможно как осуществление социальной закономерности в результате этой деятельности. Наконец, материальность (объективность) практики состоит в том, что в истории действует материальное, наделенное сознанием существо — человек, и, действуя в рамках объективных общественных отношений с другими людьми, он с помощью материальных средств производства преобразует материальный мир, природу и общество. Познание и сознание человека выступает как неотъемлемый элемент этой практики, выражая, направляя и ориентируя ее. Но как понимает практику сам Сартр?

В сартровском анализе практики явственно чувствуется попытка использовать идеи марксизма. «С этой новой точки зрения подвергаются переосмыслению такие фундаментальные понятия экзистенциалистской философии, как проект, выбор, даже само «существование» (экзистенция)» (193, стр. 189). Так, в «Критике диалектического разума» Сартр определяет проект как «постоянное созидание самого себя трудом и *практикой*» (483, стр. 95). В свою очередь в практике Сартр видит «организуемый проект, целенаправленно преодолевающий материальные условия» (483, стр. 687). Он много говорит о практике как «объективации», «материализации», «опредмечивании» и т. д. И все же в понимании практики он далек от марксизма. Это сказывается, во-первых, в отождествлении *практики* и *проекта*. Переосмысление экзистенциалистского «проекта» как свободного выбора, определяющего становление субъективности, по существу состоит в отождествлении его с практикой, и последняя в результате подвергается субъективизации. В то же время в противоположность марксизму, признающему в цели, проекте, целенаправленной деятельности выражение — осознанное или неосознанное — объективных тенденций и факторов общественной жизни, Сартр делает исходным именно проект, цель. Во-вторых, концепция Сартра проигрывает от того, что он отождествляет практику и познание, диалектику практики (иногда он даже говорит о *труде*) и диалектику познания. Абсолютизируя верное положение о том, что познание тесно сплетено с практической деятельностью и немислимо без нее, Сартр игнорирует факт относительной самостоятельно-

сти познания, тот факт, что оно не следует слепо за практикой, но и само ориентирует и направляет ее. В то же время и практика, отождествляемая с познанием, превращается в субъективность. Та «материализация», которую Сартр считает сущностью практики, вовсе не есть объективное преобразование *материи*, — она представляет собой «очеловечение» ее, уподобление исследуемого исследователю, и наоборот. «В конечном счете для того, чтобы такие понятия, как овеществление или отчужденные, приобрели полную осмысленность, нужно было, чтобы исследователь и исследуемое составляли нечто неразрывное» (483, стр. 108—109). Наконец, это отождествление познания и практики приводит к тому, что Сартр противопоставляет «диалектический разум» как «понимание» интеллектуальному, рациональному познанию как «позитивистскому» разуму. Конкретное познание, утверждает он, может быть понято только как «понимание», т. е. «диалектическое движение, которое объясняет действие через его конечное значение, исходя из его начальных условий» (483, стр. 96). Заимствованное из «понимающей психологии» Дильтея, Шпрангера и других, «понимание» противостоит интеллектуальному познанию, как «моя реальная жизнь, т. е. тотализирующее движение, которое объединяет моего ближнего, меня самого и окружение в синтетическом единстве текущей объективации» (483, стр. 97), абстрактному мышлению, якобы не связанному с этой жизнью.

Нетрудно видеть здесь общую идею иррационалистической философии XX в., отождествляющей научный метод вообще с тем — метафизическим — способом мышления, который составлял существенную ограниченность естествознания XVII—XVIII вв. Не в состоянии найти выход за его пределы в диалектике как логике, иррационализм апеллирует к «непосредственному знанию» — интуиции, пониманию и т. д. Однако Сартр отличается тем, что «понимание» связывается им не просто с потоком психических переживаний, а с «реальной жизнью» — практикой. В результате возникает своеобразный гибрид: с одной стороны, Сартр воспринял тезис Маркса относительно практики как основы познания, с другой — оторвал интеллектуальное познание от «постижения», т. е. практики. В результате снимается вопрос о *диалектике как логике*, о том единственно возможном для чело-

веческого ума способе теоретического освоения мира, необходимо *отличающемся* от практически-духовного освоения этого мира.

Но в чем же состоит, собственно, «диалектика практики» по Сартру? На этот вопрос можно ответить, рассмотрев анализ им движения от индивидуальной практики к «практико-инертному» и от группы — к истории. Сартр считает, что начинать изучение практики следует с *индивидуальной* практики, ибо *«вся историческая диалектика покоится на индивидуальной практике, поскольку последняя уже диалектична*, то есть поскольку действие само по себе представляет собой отрицающее снятие противоречия, определение наличной тотализации во имя будущей тотальности, реальную и эффективную обработку материи» (483, стр. 165—166). Не отрицая того, что *можно* начинать исследование с индивидуальной практики, мы должны все же констатировать, что исследование это осуществляется Сартром ошибочным образом. Ибо, если с точки зрения марксизма начинать с индивидуального, с деятельности отдельного индивида — значит переходить от этой индивидуальной деятельности к ее социальной определенности, то для Сартра это означает истолкование общества на основе индивидуальной практики. Не удивительно, что в ходе такого исследования он приходит к выводу, что «единственный конкретный фундамент исторической диалектики — это диалектическая структура индивидуальной деятельности» (483, стр. 279).

Здесь Сартр уже заблуждается. Структура индивидуальной деятельности не есть нечто данное, исходное и необъяснимое. Она сама исторически развивается в зависимости от социальной структуры, от характера общественных отношений. Сартр же ограничивается здесь выявлением самой общей диалектической структуры действия. Если перевести на общепонятный язык приведенную выше характеристику действия, то получится, что оно выступает так. Человек испытывает *потребность*. Она — отрицание существующего состояния, поскольку ее предмет еще не существует, выступая как цель, реализуемая практикой. Возникшее новое состояние в свою очередь есть некоторое позитивное состояние и, как таковое, отрицание отрицания. «По отношению к данному *практика* представляет собой отрицательность: но речь

всегда идет об отрицании отрицания; по отношению к намеченному объекту она — позитивность. Но эта позитивность выходит к «несуществующему», к тому, *чего еще нет*» (483, стр. 64). Так практика воплощает единство противоположностей, положительности и отрицательности, существующего и несуществующего.

Имеет ли такая характеристика практики философский, диалектический смысл? Да, конечно. Однако видеть в этом универсальный, всеобщий, а главное единственный принцип обоснования исторической диалектики — это явное упрощение. Человеческая деятельность диалектична, и ее изучение с необходимостью выявляет ее диалектику, обнаруживает в ней проявление законов диалектики. Но обосновать последние одной индивидуальной практикой нельзя. И получается, что «у Сартра уже имеется определенная модель диалектики, и он заранее знает от Гегеля, Маркса и Энгельса, каковы ее главные законы. Руководствуясь этой моделью, он стремится при анализе человеческого действия выявить в нем соответствующие характеристики. Это означает, что обращение к индивидуальной практике в действительности лишь иллюстрирует универсальность диалектики, а не обосновывает диалектику как необходимость» (193, стр. 235—236).

Важнейшим *социальным* выводом из анализа Сартром индивидуального действия является утверждение конфликтности, антагонистичности человеческих отношений. Это связано, считает Сартр, по меньшей мере с двумя факторами: «объективацией» человека человеком и с недостатком средств существования, их «редкостью (*gâché*)». Объективация состоит в том, что человеку «невозможно *существовать среди людей*, не делая их объектами для себя и для них, не превращаясь в объект для них, без того, чтобы посредством них его субъективность завоевывала их объективную реальность как интериоризацию его человеческой объективности» (483, стр. 186). Объективность же означает, по Сартру, отчуждение, превращение другого в инструмент для достижения своих целей, а следовательно, борьбу, конфликт. Недостаток средств существования — это «фундаментальное человеческое отношение (к природе и людям)» (483, стр. 201) — тоже рождает невозможность сосуществования людей, социальную борьбу, конфликт. «Недостаток» как основ-

ное отношение человека к «материи» рождает «человека недостатка (*l'homme de la gareté*)». «Его отношение к другому, *поскольку* оно затронуто материей, есть внешнее отношение... В чистом взаимоотношении Другой — *такой же, как и я*. Во взаимоотношении, *модифицированном недостатком* (*gareté*), таковой проявляется как против-человек (*le contre-homme*), *поскольку такой же человек* выступает как радикально Другой (то есть как носитель смертельной угрозы для нас)» (483, стр. 207, 208).

Таким образом, первый из аспектов конфликта человеческих отношений непосредственно связан с традиционной экзистенциалистской трактовкой объекта и объективации, выступая в качестве описательной характеристики общественных отношений эксплуататорского общества, не затрагивающей ни его сущности, ни путей его преобразования. Второй можно понять как натуралистическое — на манер Гоббсова «естественного состояния» как сферы «борьбы всех против всех» — объяснение социальных конфликтов. Ни то ни другое не раскрывает специфики формирования антагонистических общественных отношений, приравнивая их к общественным отношениям вообще. Более того, антагонизм оказывается неустранимым свойством общественных отношений.

Последнее связано с близкой к гегелевской трактовкой отчуждения как универсального явления, связанного с объективацией. В ходе практики как объективации человек «открывает себя в мире объективности в качестве *Другого*; тотализированная материя как объективация, инертная и в силу инертности сохраняющаяся, есть на деле *не-человек* или даже, если хотите, *противо-человек*» (483, стр. 285). А отсюда вытекает и еще одна важнейшая для понимания «диалектики практики» постановка вопроса: в практике человек неизбежно отчуждает свою свободу, превращая ее во внешнюю необходимость, в судьбу. «Человек, который отсылает свою свободную практику к своей вымышленной сущности и узнает себя как в той, так и в другой, — это тот именно, кто в непосредственном диалектическом движении постигает необходимость как *судьбу во внешности свободы*. Скажем ли мы, что речь идет тут об отчуждении? Несомненно, потому что *он возвращается к себе в качестве Другого*» (483, стр. 285).

В этом — объективации, отчуждении, порождении антагонизма — и состоит сущность перехода от индивидуальной практики к «практико-инертному», к «коллективу» или «серии», т. е. «фундаментальному образованию социальности». Здесь Сартр, пользуясь экзистенциалистскими понятиями «бессилия», «скандала», «большого страха», дополненными политико-экономическими понятиями «образования цены на свободном рынке», «инфляции», социологическим понятием «общественного мнения» и т. д., создает картину эксплуататорского общества как общества, в котором господствует рабство. В этом состоянии «все люди — рабы, поскольку их жизненный опыт разворачивается в практико-инертной сфере, и в той мере, в какой это поле изначально определено недостатком» (483, стр. 369). Это в то же время сфера необходимости, т. е., по Сартру, антидиалектики.

Таким образом, Сартр считает, что диалектика индивидуального действия рождает антидиалектику «коллектива» («серии»). Их синтез рождает новую социальную общность, группу, и новую, «конституированную диалектику». При этом «в каждом отдельном случае группа конституирует себя на основе определенных специфических противоречий, которые определяют особый сектор поля активной пассивности, причем нельзя *априори* утверждать, что дело всегда обстоит именно так. Когда возникают эти противоречия, мы видим, как диалектическая практика индивида, в рамках антидиалектики, которая похищает ее результаты, ставит самое себя под вопрос и обнаруживает себя в другом социальном пространстве... Поэтому первоначальные диалектики переходят в иную диалектику, которую они конституируют, исходя из антидиалектики как непреодолимой невозможности» (483, стр. 376). Так формируется новая структура диалектического опыта, «только в которой свобода и необходимость едины» (483, стр. 377).

Содержание этого абстрактно-спекулятивного построения состоит в том, что Сартр пытается отыскать абстрактную, годную для любого исторического периода «диалектическую» схему развития общества: от индивидуальной практики к «инертной» практике «коллектива» и от нее — к «свободно-необходимой» практике «группы». И хотя Сартр обнаруживает здесь определенные важные стороны общественной жизни (связь историче-

ской необходимости с практикой, объективация практики и ее обратное влияние на человека, независимость объективированной практики от сознания людей как деятелей и т. д. (см. 193, стр. 255—257), он остается на уровне спекулятивной диалектики Гегеля, не идя дальше.

Вместе с тем Сартр формулирует сугубо метафизическое понимание связи необходимости и свободы. Не единство свободы и необходимости в историческом процессе, но или замена свободы необходимостью в «практико-инертном поле» коллектива, или механическое объединение свободы группы в отношении других групп с отчуждением и порабощением (несвободой) ее членов.

Таким образом, формулировка Сартром идеи «диалектики практики», означая важный шаг вперед в развитии идей самого Сартра (она по сути означает отказ его от ряда экзистенциалистских установок в «Бытии и ничто»), не представляет собой прогресса в понимании диалектики исторического процесса, как и диалектики мышления, диалектической логики.

Своеобразной разновидностью «диалектики практики» явилась концепция диалектики, разрабатываемая под влиянием неогегельянства и экзистенциализма группой немецких философов, сложившейся в конце 20-х годов во Франкфурте. Франкфуртская школа, крупнейшими представителями которой являются Т. Адорно, Г. Маркузе и М. Хоркхаймер, представляла собой группу мелкобуржуазных теоретиков, которые «стремились на левогегельянской основе осуществить соединение Маркса и Гегеля с целью развить критическую теорию социальных и культурных явлений» (486, стр. 24). При всех своих отличиях от существовавших к тому времени буржуазных концепций диалектики франкфуртская школа разделяла их ведущие тезисы, и прежде всего отрицание диалектики природы, всеобщности диалектики как метода, противопоставление «недиалектического» естествознания диалектическим «наукам о духе», признание антиномичности диалектического мышления. Интерпретируя марксистскую диалектику, представители франкфуртской школы заимствуют у Д. Лукача противопоставление разработанной Марксом «диалектики исторически-социальной действительности» (которой Маркс якобы ограничивался) изложению объективной диалектики Энгельсом,

чрезмерное сближение, если не отождествление диалектики Маркса и Гегеля, сведение диалектики к «диалектической связи субъекта и объекта в диалектическом процессе», т. е. к диалектике практической деятельности субъекта.

Распавшаяся в годы фашизма, эта группа после войны снова приобретает влияние в буржуазной идеологии, особенно в ФРГ. Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас публикуют ряд работ, посвященных анализу диалектики современного капиталистического общества, его идеологии и политики. В США продолжает свою деятельность Г. Маркузе. Несмотря на определенные расхождения, даже полемику, сторонники «критической теории», как ее называют с легкой руки М. Хоркхаймера, пустившего этот термин в оборот в статье «Критическая и традиционная теория» (1937 г.), едины в утверждении, что эта теория должна прийти на место прежней философии, целью которой была апология существующего строя. «Критическая теория» в отличие от старой философии высказывается в пользу нового строя.

Центральная проблема для всей «критической теории» состоит в том, как понять тот факт, что этот новый строй не реализуется в капиталистических странах, хотя их экономическое и политическое развитие уже создало все условия и предпосылки для такой реализации. И ответ сторонников «критической теории» на этот вопрос в общем таков: момент для реализации упущен; силы, противостоящие прогрессу, сумели «интегрировать» революционные слои общества в систему существующего. Нужно искать новые революционные силы, способные возродить революционное движение: молодежь, студенчество. Отсюда неверие в возможности рабочего класса и... мелкобуржуазный «революционаризм», обосновываемый средствами «негативной диалектики».

Концепция «негативной диалектики» исходит из непримиримости социальных противоречий. Уже гегелевская диалектика, считает Т. Адорно, основывалась на опыте капитализма как «антагонистической целостности (Totalität)». Антагонистическое общество существует лишь постольку, поскольку оно воспроизводит свои противоречия, не будучи в состоянии их примирить, сгладить или смягчить. Однако, выдвинув формулу тождества противоположностей, Гегель создал идеологическую концеп-

цию, истина которой коренится в неистинности того общества, которое составляет субстрат его философии. Между тем «история непримиренного века не может быть гармоническим развитием: таковым делает ее лишь идеология, которая отрицает ее антагонистический характер. Противоречия, ее истинная и единственная онтология, составляют формальный закон самой этой, противоречиво, с несказанными страданиями прогрессирующей истории» (404, стр. 98).

Мысль Адорно, несомненно, содержит значительную долю истины: «непримиренный век» неизбежно рождает антагонизмы, борьбу, революционные взрывы, порождает перерывы постепенности. Но материалистическая диалектика, подчеркивая непримиримость противоречий антагонистического общества, утверждает, что, хотя эти противоречия не могут быть примирены, они могут и должны быть разрешены революционным путем, путем создания нового, коммунистического общества. Для Адорно это невозможно — он знает или антагонизм, или идеологическое примирение, но не разрешение противоречия. Теоретически это выражается в исключении самой возможности «отрицания отрицания»: отрицание абсолютно. Практически — в отказе от позитивного содержания революционной деятельности, в «критике» революционной теории марксизма «слева». Ведь поскольку диалектика выступает у Адорно «последовательным осознанием не тождественности (*konsequente Bewusstsein von Nichtidentität*)», всякое положительное выглядит нетерпимой «тотальностью». И «не один только Гегель, но также Маркс и Энгельс... отвергли сомнение в неизбежности такой (тотальности)... как смертельно опасное нападение на их собственную систему вместо господствующей. Маркс даже опасается, с недоверием, всякой антропологии, пытающейся перенести антагонизм в человеческую сущность или в первобытные времена, которые изображаются охотнее по образцу золотого века, настаивая, однако, тем решительнее на его исторической необходимости» (405, стр. 313).

Как видим, вопрос поставлен здесь с ног на голову. Несомненно, отказ Маркса и марксистов перенести источник социального антагонизма в «человеческую сущность» связан с тем, что те, кто поступает таким образом, по существу защищают апологетическую концепцию, имею-

щую целью увековечить антагонистические социальные противоречия как нечто отвечающее «природе человека». Борьба же марксистов против анархического отрицания социальной целостности, возникающей в процессе революционного преобразования мира, основана на научном понимании законов общественного развития, говорящих, что человечество — это общность людей, объединяемых общественными отношениями конкретно-исторического типа. Если капитализм характеризуется антагонистическими общественными отношениями, то его уничтожение в ходе пролетарской революции означает замену этих отношений другими, социалистическими. Последние в свою очередь отнюдь не суть отношения, лишенные каких бы то ни было противоречий; но очевидно, что антагонистические противоречия капитализма в них превзойдены, разрешены.

Однако в «критической теории» осуществляется как раз попытка возвести антагонизмы капиталистического общества к «структуре инстинктов (Triebstruktur)». Именно это попытался сделать Г. Маркузе в своей книге «Эрос и цивилизация» (1955 г.). Заимствуя основные идеи этой книги у Фрейда, он «объясняет» отчуждение труда, характерное для капитализма, исходным конфликтом между никогда не насыщаемыми инстинктивными потребностями человека и скудностью окружающей среды. Выход из этого состояния — изменение структуры наших инстинктов.

Однако если бы это было верно, то следовало бы ожидать другого: всякая революция в силу устойчивости структуры человеческих инстинктов влекла бы за собой «термидор» не только в исторически-социальном, но и в психологическом смысле. Поэтому социальная революция была бы обречена на неудачу уже по внутренне-психологическим причинам, тем более что в том обществе, которое она должна создать, именно индивиды регулируют свою жизнь сообразно своим потребностям (см. 474, стр. 47). Но это значило бы, что социальной революции явно недостаточно для освобождения человека; необходимо в первую очередь радикальное изменение психологической структуры человека. Такой вывод и делается Маркузе.

Наконец, марксистская идея социальной революции отвергается Маркузе на основе концепции так называе-

мого одномерного человека. В книге под этим названием (1964 г.) он выдвигает тот взгляд, что в современном «индустриальном обществе» нет больше оппозиции, ибо она «интегрирована» им. «В капиталистическом мире есть еще основные классы. Однако капиталистическое развитие изменило структуру и функции этих двух классов таким образом, что они не выступают больше агентами исторического преобразования» (473, стр. XII—XIII). Отвергая реальную силу современного общественного преобразования — пролетариат и его высшее достижение — социалистическую мировую систему, Маркузе теряется в поисках «новых сил». То это были студенческое и молодежное движение, то «непривилегированные» слои капиталистического общества, то национально-освободительное движение или «революции в гетто». Однако везде он говорит об одном: «живом, человеческом отрицании системы».

Но что значит это «живое, человеческое отрицание», прямо противопоставляемое диалектическому отрицанию марксистской философии? «Естественно, логически остается лишь один выход: тотальная революция, отрицание без отрицания отрицания, «негативная» диалектика... того типа, какую сегодня систематически представляет Адорно. Тотальная революция не реального базиса, но нашей психической структуры составляет нашу центральную задачу. Так «радикализировал» Маркузе Гегеля и Маркса», — справедливо пишет Р. Штайгервальд (486, стр. 245).

Смысл аргументации Т. Адорно в пользу «негативной диалектики» сводится к тому, что «сила целого», действующая в каждом отдельном определении, в каждой стороне действительности, не только ведет к отрицанию этого целого, этой действительности, но и сама представляет собой нечто негативное, неистинное. «Это негативное, ложное и в то же время, однако, необходимое представляет собой арену диалектики» (405, стр. 173). Другая сторона дела — антагонистический, непримиримый характер всех противоречий, связанный с универсальностью негативного. На этой основе отвергается единство особенного и всеобщего, необходимости и свободы, теории и практики. Эти формулы представляются «критической» теории Адорно подавлением особенного во имя общего, свободы во имя необходимости, теории во имя

практики. И главным своим врагом Адорно считает здесь именно материалистическую диалектику*.

Т. Адорно разъясняет свою негативную диалектику с помощью «моделей», которые должны раскрыть центральное в ключевых понятиях философии. Так, моделью, объясняющей мораль, служит у него «диалектика свободы», объясняющей историю, — «мировой дух и естественная история» (405, стр. 8). Рассматривая «модель свободы», построенную Кантом, сравнивая ее затем с моделями, выдвинутыми Гегелем и марксизмом, Адорно видит в них выражение антагонистического характера общества вообще. Адорно подвергает интересной критике фрейдистское и экзистенциалистское понимание свободы, апологетическое учение об отчуждении, видящее путь к ликвидации последнего в возвращении к «подлинному», «неотчужденному» человеку. Но ничего позитивного о свободе он сказать не может: «Свободу следует постигать только в определенном отрицании, согласно конкретному образу несвободы... Если свобода утверждается позитивно, как данное или неизбежное среди данного, она непосредственно становится несвободой» (405, стр. 228—229). Свобода — это «возможность нетождественного», связанная в условиях реального бессилия всего единичного только с сознанием.

Иными словами, и Адорно не может дать другой «модели», кроме модели «интеллектуальной свободы», свободы сознания, давно уже дискредитированной самой историей. Видя слабости идеалистической трактовки свободы и в то же время отвергая опыт и теорию нового, социалистического общества, реально решающего проблему свободы, Адорно остается на распутье: он стоит перед лицом неразрешимой антиномии. «Все индивиды

* Показательно отношение Адорно к теории отражения. Отстаивая против экзистенциализма Хайдеггера «примат объективного», Адорно тем не менее отвергает теорию отражения как якобы теорию, отрицающую «спонтанность субъекта, двигателя объективной диалектики производительных сил и производственных отношений» (405, стр. 203). С другой стороны, признание единства теории и практики он выводит из «нерефлексивности» отражающей мысли, из ее бессилия и видит в нем источник «репрессивного общества» (405, стр. 204). Неспособность применить диалектику к теории отражения, связанная в то же время с явным непониманием тезиса Маркса о единстве теории и практики, здесь очевидна.

в обобществленном (vergesellschafteten) обществе неспособны к моральному [поведению], которого требует общественное, хотя оно было бы возможно только в освобожденном обществе» (405, стр. 292). Но как возможно это «освобожденное общество»? Что такое «необобществленное», а буквально «необщественное» общество? Очередная идеалистическая фикция, абсурдное противоречие...

Аналогичным образом рассматривает Адорно «модель» мирового духа и естественной истории. Она основана, по его мнению, на гегелевской концепции мирового духа, в которой «во имя мирового духа дух утверждается и гипостазирован как то, чем он уже был в себе; в нем... общество поклоняется самому себе, своему насилию, как чему-то всемогущему» (405, стр. 308). Равным образом и в марксистской теории общества как «естественноисторического процесса» Адорно видит объективацию исторической жизни. Являясь идеологическим (т. е., с точки зрения Адорно, искаженным) представлением об обществе, понятие общества как естественноисторического процесса отражает в то же время закон движения бессознательного общества. «Модель мирового духа и естественной истории» вновь приводит Адорно к мысли, что человек бессилен перед лицом «тотальности» исторического процесса. «Что бы ни предпринимали индивид или группа против тотальности, часть которой они составляют, они подвержены ее злу, и тот, кто бездействует, подвержен ему не меньше» (405, стр. 239). Выход — в подвергнутой абсолютному отрицанию «тотальности» современного общества.

Однако позитивной программы Адорно опять-таки не дает. И этический пафос его пессимизма коренится в протесте против обезчеловечивающего подчинения индивида обществу, особенно всеобщему, перерастающего в условиях империализма в зловещую практику освенцимов. Именно здесь индивиды «уравниваются», «интегрируются» смертью. «Освенцим утверждает философу чистого бытия как смерти» (405, стр. 353). Поэтому после Освенцима, считает Адорно, вообще невысказано утверждение позитивности человеческого бытия: оно лишь болтовня, оскорбление памяти жертв. Социальная катастрофа, нашедшая свое резюме в зверствах фашизма, несравнимо страшнее лиссабонского землетрясения,

достаточного, по Вольтеру, для того, чтобы опровергнуть любую теодицею.

Однако Освенцим доказывает лишь бесчеловечность и обреченность империализма. Но это не означает, что общественная практика и социальная теория не знают ничего позитивного, вырастающего из подлежащего разрушению старого. И если для Адорно надежда — это возможность отрицания, то для научной диалектики — возможность, воплощающаяся уже в действительность нового, социалистического общества.

Сказанное определяет общую оценку негативной диалектики. Мелкобуржуазный протест, выраженный в терминологии негативной диалектики, превращает реальную проблему преобразования капиталистического общества в коммунистическое в чисто теоретическую проблему, отгороженную от действительного классового движения. Вместе со всей «критической теорией» она на деле становится апологетикой. Диалектика в этой связи «из научного самосознания революционных сил буржуазного общества превращается в созерцательное сознание универсальных, непрекращающихся «ложных связей». Она сводится к диалектике идентичного и неидентичного» (376, стр. 522). Кризис идеалистической диалектики выражается и в этой ее форме.

Иррационализм и диалектика

Проблема «иррационализм и диалектика» весьма важна для понимания идеалистической диалектики XX в. Мы уже отмечали выше двоякую направленность иррационалистических истолкований диалектики: привлечь людей, склонных к мистике и иррационализму, и в то же время оттолкнуть научно мыслящих. И то и другое становится возможным лишь в результате извращенного, неадекватного определения основного принципа диалектики — закона единства и борьбы противоположностей.

В. И. Ленин определял диалектику как «учение о том, как могут быть и как бывают... *тождественными противоположностями*» (2, т. 29, стр. 98). И одно из исторических «решений» этого вопроса — как ни парадоксально на первый взгляд — *мистика*. В своем логиче-

ском содержании мистика, восходящая к неоплатонизму, тесно связана с представлением о непосредственном единстве противоположностей, достигаемом в состоянии религиозного экстаза. В экстатическом акте, согласно этому, сливаются противоположности: человек и божество, т. е. конечное и бесконечное, относительное и абсолютное, временное и вечное, единичное и всеобщее. Все это — проблемы диалектики, но решаемые в духе, исключающем единство противоположностей как *рациональное* их соединение, т. е. иррационалистически. Историческая традиция мистики тянется через все средневековье, и в ней переплетаются глубокие прозрения в суть диалектики (например, у Якоба Бёме, которого высоко ценил Маркс) с приниженным и уничижительным пониманием человеческого ума, который в состоянии постигать только-де конечные и несовершенные вещи.

После того как Гегель попытался понять рациональный смысл мистического учения о единении человека с богом (*Unio mystica*) как выражения конкретного единства определений, «которые рассудком признаются истинными лишь в их раздельности и противоположности», т. е. как проявление диалектики (см. 87, т. I, стр. 141—142), буржуазные противники диалектики нередко используют этот факт для «разоблачения» гегельянства, а заодно и марксизма и уподобления их мистицизму (см. 489). Но ведь это лишь одно, причем явно ведущее в тупик направление исторического развития диалектики. Его несостоятельность была четко выражена Йонасом Коном в его книге «Теория диалектики». «Мистика, — писал он, — непосредственно восходит от противоречия к Абсолютному, в котором оно мыслится разрешенным. Ей недостает процесса; и все же она не остается при противоречии как таковом, но использует его только в качестве трамплина, с которого она влетает в поток Всеединства». Именно поэтому «мистика представляет собой разрушение мышления мышлением, мышлением достигнутое отсутствие мысли. . . Рассмотренная теоретически, мистика есть конец теории как теории» (421, стр. 218, 327).

С мистическим основным замыслом современный иррационализм, воспринявший традицию мистического истолкования диалектики, связывает убеждение относительно «недостаточности» научного мышления, трактуемого в смысле метафизического метода. Строгое подчинение

этого метафизического метода абсолютизированному им формально-логическому мышлению рассматривается как универсальная его ограниченность.

Одним из первых, не используя, однако, самого термина «диалектика», пришел к этой мысли А. Бергсон. Во «Введении в метафизику» он требовал, чтобы выразить процессы, освободиться «от понятий неподатливых, вполне законченных, чтобы создавать понятия иные, совершенно не похожие на те, какими мы обычно пользуемся, — я хочу сказать, создавать представления гибкие, подвижные, почти текущие...». На всякую конкретную реальность, продолжает Бергсон, можно и нужно иметь разом две точки зрения: «...понятия возникают обыкновенно парами и представляют собой две противоположности». Воссоздать процесс можно, только соединив эти две противоположные точки зрения, синтезировав их. Однако «это соединение, — заключающее в себе к тому же нечто чудесное, ибо непонятно, как две противоположности могут соединиться вместе, — не сможет представить собой ни многообразия степеней, ни изменчивости форм: как все чудеса, оно может быть только принято или отвергнуто». Всякая такая операция соединения противоположного — «операция таинственная, совершающаяся во мраке и не позволяющая различать ни оттенков, ни степеней» (38, т. 5, стр. 13, 21, 30).

Приведенное рассуждение — типичный пример того, как из диалектического *запроса*, диалектической постановки вопроса вырастает иррационализм. Однако Бергсон к тому же сознательный и последовательный антидиалектик, противопоставляющий интуицию рациональному мышлению. В неогегельянстве, попытавшемся «возродить» гегелевскую диалектику, тот же диалектический запрос приводит к отождествлению диалектики и иррационализма. Решающий шаг на этом пути сделал Рихард Кронер, утверждавший, будто «диалектика — *превращенный в метод, сделанный рациональным иррационализм*» (456, стр. 272). Отождествив рациональное с рассудочным, Кронер неизбежно приходит к отождествлению диалектического («спекулятивного») с иррациональным. А отношение диалектики и иррационализма оказалось у него поставленным с ног на голову: ведь не диалектика есть сделанный рациональным иррационализм, но, наоборот, — иррационализм есть извращенное, неадекватное

выражение диалектики, основанное на отождествлении диалектического противоречия с «иррациональным» *.

Эта сторона дела, выдвинутая на первый план неогегельянским движением, развернувшимся в Германии в 20-е годы XX в., была воспринята экзистенциализмом. Однако последнему пришлось испытать еще и воздействие истолкования диалектики С. Кьеркегором. Уже Кьеркегор объявил противоречивый, скачкообразный характер развития человеческой личности («экзистенции») «скандалом для рассудка». Развитие экзистенции парадоксально, но «парадокс — страсть мышления, и мыслитель без парадокса — то же, что любящий без страсти: посредственный покровитель... Высший же парадокс мышления состоит в том, чтобы открывать нечто такое, чего само оно не может мыслить», «экзистенцию» как выражение «внутреннего» в человеке (454, т. 6, стр. 34). «Высший пункт внутреннего экзистирующего субъекта есть страсть, ей соответствует истина как парадокс; и то, что истина становится парадоксом, покоится как раз на ее отношении к экзистирующему субъекту» (454, т. 6, стр. 274).

От Кьеркегора идут линии к современной идеалистической диалектике: одна — собственно к экзистенциалистской диалектике, другая — к «диалектической теологии», составляющей как бы теологическую ветвь современного иррационализма. Ее трактовка диалектики касается прежде всего соотношения человека и «откровения». «...Откровение или слово божье представляет собой противоречащее очевидности (парадоксальное) событие. О таком парадоксе можно подходящим образом говорить лишь посредством парадоксов. Парадокс — логическое противоречие, которое, однако, не может быть диалектически разрешено. Более того, через парадокс события оно просто дано как таковое... Логический закон противоречия поэтому снят в области высказываний о парадоксе и не имеет значения для парадоксов» (481, стр. 47). В переводе на общепонятный язык это означает лишь: «верую, ибо это абсурдно».

* Здесь, конечно, идет речь не о гносеологических корнях иррационализма, как такового, но лишь о его взаимоотношениях с диалектикой. Более того, иррационализм чаще возникает как альтернатива диалектике, а не превратное ее истолкование.

В этом прекрасно выражен смысл теологической «диалектики», исключающей рациональное понимание религии, веры и тем самым пытающейся защитить ее от всепроникающей критики со стороны научного знания. Поэтому «диалектическую теологию» К. Барта, Э. Брунера, Р. Бультмана и других нельзя оценить иначе как свидетельство того тупика, в который заходит идеалистическая диалектика в XX в.* Несколько иное понимание диалектики экзистенциализмом, в частности, у К. Ясперса.

Следуя Кьеркегору, Ясперс уже в первой своей философской работе «Психологии мировоззрений» (1919 г.) рассматривает любую жизненную ситуацию как противоречивую, антиномичную. Это в первую очередь касается «пограничных ситуаций», т. е. критических положений, в которых постоянно оказывается личность в век кризисов и социальных катастроф, в эпоху, когда неразрешимые противоречия раздирают капиталистический мир. «В каждом из конкретных случаев: *борьба, смерть, случай, вина*, — писал Ясперс, — заложена в качестве его основы антиномия. Борьба и взаимная помощь, жизнь и смерть, случай и смысл, вина и искупление греха связаны друг с другом так, что одно не существует без другого» (448, стр. 256). В реальных коллизиях, в которые попадает человек, рождается антиномическая структура его поступков: с желанием связано противоположное желание, с осуществлением желания — реализация нежелательного и непредвидимого, в любом действии рождается сознание греховности, заброшенности, сломленности. . . «Мы сами и мир антиномически расколоты», мы погрязли в противоречиях. «Там, где в рациональном обнаруживается противоречащее себе, там должно быть налицо ложное; и если во всем рациональном обнаруживаются противоречия, то это переживается как разрушение знания. . . Такие противоречия — а такова самая общая формула всех пограничных ситуаций — человек обнаруживает всякий раз, когда он выходит за пределы конечной ситуации, пытаясь увидеть ее в целом». Отсюда ро-

* Применительно к собственно теологии этот тупик выражен словами К. Барта: «В качестве теологов мы должны говорить о боге. Но мы люди и как таковые не можем говорить о боге. Мы должны осознать и то, и другое, долженствование и неспособность, и именно этим оказывать почтение богу» (408, ч. I, стр. 199).

ждается «пафос самого себя разрушающего мышления» (448, стр. 231).

Нетрудно увидеть в этой выразительной картине приведенное выше мистическое понимание диалектики. «Пограничные ситуации», ставящие человека «на границу бытия», по своей сущности родственны религиозному экстазу (иногда последний выступает как одна из «пограничных ситуаций»). Но они обращены не к богу, а к «экзистенции». «В качестве экзистирующего я могу, однако, прийти к себе только в антиномической пограничной ситуации» (447, т. II, стр. 251). И здесь пока еще не видна реальная основа этого псевдодиалектического построения. Нагляднее она выступает в произведениях Ясперса, написанных после второй мировой войны, особенно в книге «Об истине» (1947 г.). Отмежевываясь там от крайностей иррационализма, которые он связывал с фашистской идеологией, Ясперс хотел создать, под сильным влиянием немецкой классической философии, новую «философскую логику». Замысел ее состоял в том, что истина, согласно Ясперсу, не дается ни рассудком (формально-логическим мышлением), ни чувством, инстинктом, стремлением (иррационализм). «Я не могу ни апеллировать к чувству, инстинкту, стремлению, враждебно относясь к рассудку, ни видеть в этом темном стремлении, гордясь рассудком, только дурное отсутствие мысли... Чувство лишь тогда становится истинным, когда то, что в нем лежит, становится ясной мыслью, осмысленным деянием и зримым образом» (449, стр. 2). Но это можно сделать, только выйдя за пределы рассудка, совершив «трансцензус», «прорыв» (*Durchbruch*) к самому бытию. На этом пути мы сталкиваемся с неразрешимыми противоречиями. Их можно замаскировать, прикрыть, но тогда наше познание будет тусклым и смутным: если мы попытаемся их разрешить, то они неизбежно возникнут в новой форме.

Иными словами, «противоречие используется для того, чтобы с его помощью порвать окружающее нашей мысли или сознание вообще. Человек стремится выйти из тюрьмы мысли и мыслимости в само бытие. Трансцендирование с помощью разрушенной мысли есть мистика в мышлении» (449, стр. 301).

Следовательно, Ясперс подобно другим сторонникам мистического истолкования диалектики понимает разре-

шение противоречия, ведущее к истине, как таинственный «скачок», «прорыв» к «самому бытию». В научной диалектике вопреки Ясперсу скачок не «крушение» (Scheitern), но обогащение мысли, переход ее на качественно новый, более высокий уровень развития, разрешение противоречия в ходе развития познания, возникновение нового понятия (системы понятий).

Такое понимание дела позволяет увидеть, что Ясперс лишь усугубил гегелевское отождествление спекулятивного (диалектического) мышления с рациональным содержанием мистического. В результате диалектические моменты «философской логики» Ясперса оказались обесцененными его исходными иррационалистическими установками, его принципиальным противопоставлением философского мышления мышлению научному. И очень мало помогает здесь тот факт, что он апеллирует не к чувству, инстинкту, слепым порывам, как то делала иррационалистическая философия жизни (Ф. Ницше, А. Бергсон, В. Дильтей, Л. Клягес), а к противоречию в его абсолютной противоположности формально-логическому мышлению, т. е. к иррационалистически толкуемой диалектике.

Иными словами, иррационализм не может не завести диалектическое мышление, стремящееся постичь, как могут быть тождественны противоположности, — эту классическую проблему диалектики — в тупик мистицизма.

* *
*

Уже в XIX в. идеализм наглядно продемонстрировал, что он выступает неадекватной основой для развития диалектики. В условиях кризиса буржуазной идеологии, отражающего общий кризис капиталистического общества, реальные проблемы диалектики находят выражение в еще более неадекватных, превратных формах. Будь то рецепции немецкого классического идеализма, или возрождение в новых условиях и новыми средствами мистической традиции в истории диалектики, или «гиперкритицизм» различных вариантов «негативной диалектики» современных буржуазных и ревизионистских «неомарксизмов», они не содержат сколько-нибудь серьезного нового слова. Но не менее очевидно и то, что диалектическая проблематика вновь и вновь возникает в

современной буржуазной философии, отражая глубину и непримиримость противоречий капиталистического общества в эпоху его крушения, диалектику борьбы противоположных социальных сил современности.

2. ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА РУССКОГО ИДЕАЛИЗМА

Идеализм XX в. — гибнущая форма философствования. Русскому идеализму крах всех его иллюзий принесла Великая Октябрьская социалистическая революция. Ощущение же кризисного состояния системы и способа философствования пришло к мэтрам российского идеализма значительно ранее, еще во второй половине прошлого века, когда Вл. Соловьев провозгласил отказ от рационального мышления спасением для иррационального по содержанию и мистического по форме разума человека.

Социально-экономические причины кризиса русского идеализма — особые условия запоздалого перехода от феодально-крепостнических к буржуазным отношениям и крайнее обострение всех социальных противоречий в эпоху империализма. Возникновение ленинизма и развитие классовой борьбы, достигшей огромного размаха в трех русских революциях XX в., было воспринято пророками мятущегося идеалистического сознания как канун гибели человеческой культуры и начало конца мировой цивилизации.

В теоретико-познавательном смысле кризис русского идеализма отражал свойственный буржуазной философии эпохи империализма общий поворот от рационализма и рационалистических методов познания к иррационализму и интуитивизму. Обнаружилось бессилие рационалистического идеализма понять и объяснить человека как деятельное существо, общество и его историю.

В идеалистическом мышлении возникающая объективная ситуация была осознана как бесперспективная для рационалистической философии, которая, по словам Бердяева, «обнаружила роковое свое бессилие познать бытие, соединить с бытием познающего субъекта» (41, стр. 5). В действительности это была констатация рокового бессилия идеализма вообще. Что касается русского

идеализма, то его теоретическое бессилие во многом произошло из непонимания им сущности диалектики.

Материалистическая диалектика, это подлинно научное отражение закономерностей мира и мышления о мире, была оценена субъективистски — как вульгаризация гегелевского метода познания, как недопустимое распространение некоторых специфических законов движения духа на материю, на внешнюю природу, на «мир вещейности».

С другой стороны, еще Вл. Соловьев оценил диалектику как закономерный негативный итог развития западного строя мышления. Западные мыслители предприняли-де попытку рационализировать познание, придав ему диалектическую завершенность. Реализация этой попытки завела западных рационалистов в гносеологический тупик (см. 334) *.

Интерпретация диалектики в русском идеализме XX в. не была однозначной. Неокантианцы (А. Введенский, И. Лапшин) отвергали диалектику на том основании, что ее метод «вовсе не оправдал на деле своей пригодности к расширению нашего знания и не дал ничего общеобязательного» (70, стр. 22). Среди представителей других направлений русского идеализма заметно стремление «принять» диалектику, мистифицировав ее в еще большей мере, чем это сделал Гегель, и сохранив какие-то внешние признаки гегелевской манеры. Правда, удручающая абстрактность Гегеля вызвала критику. Так, С. Трубецкой сетовал, что для Гегеля «мировой процесс есть в своем существе логический процесс» (354, т. II, стр. 340) **, ему вторил «персоналист» Л. Лопатин, замечавший, что «абсолютная идея Гегеля — только мысль, только отвлечение разума» (215, ч. I, стр. 360).

В русском идеализме более или менее разработанные версии «улучшенной» диалектики были предложены И. Ильиным (*конкретная диалектика*), Н. Лосским и С. Франком (*интуитивная диалектика*), а также Н. Бердяевым (*экзистенциальная диалектика*).

* Бердяев выразился еще грубее, сказав, что рационалистические «гносеологи — паразиты науки» (41, стр. 69).

** «Есть ли на свете что-нибудь, кроме логики?» — вопрошал Трубецкой. И отвечал: «По Гегелю, строго говоря, нет» (354, т. II, стр. 340).

«Конкретная диалектика»

Разработка так называемой конкретной диалектики связана в русской идеалистической философией XX в. главным образом с именем И. Ильина, который исследовал диалектику «бога и человека» в духе консервативной гегельянской традиции конца XIX — начала XX в. (Б. Чичерин, С. Гогоцкий, Н. Страхов, Н. Дебольский) *.

Гегелевская диалектика русскими неогегельянами была признана за высшее достижение философского духа. Дебольский вплоть до 1918 г. (см. его перевод «Науки логики») добровольно придерживался табу в отношении всякой попытки подвергнуть критике «универсальный» диалектический метод, выражая недовольство лишь тем, что у Гегеля идея мирового разума не была доведена до признания бога как конкретного существа. Этот метод, по его словам, дает возможность понять движение и развитие бесконечного в отличие от его предельного случая — формально-логического метода, с помощью которого можно оперировать лишь с понятиями, выражающими конечное. Сходные взгляды на идеалистическую диалектику понятий развивали И. Ильин, И. Яковенко, а еще раньше, в конце XIX в., Стасов и Гогоцкий. Лишь Чичерин со свойственной ему догматической самоуверенностью «развивал» диалектику (как часть метафизики), настаивая на необходимости замены ограниченной диалектики триады более емкой четвериадой. Исходным пунктом развития в этой схоластической конструкции является *единство* (общего и частного). Три другие ступени движения, полагающего себя и выделяющего противоположности духа, — *сочетание, отношение, множество*. Последняя ступень — *множество* в свою очередь является предпосылкой появления нового единства. Эта диалектическая игра Чичерина осталась своего рода курьезом истории диалектики.

Тем не менее, подводя итоги эволюции консерватив-

* В советской историко-философской литературе консервативное гегельянство было уже кратко рассмотрено и оценено в шеститомной «Истории философии» (см. 156, т. IV, стр. 65—70). Более детальный анализ его содержится в «Истории философии в СССР» (см. 157, т. III, стр. 312—321). Имеются работы специального характера по этому вопросу.

ного гегельянства, его историографы, например Яковенко, с особым удовлетворением отмечали теологическую коррекцию Гегеля, как им казалось, удачно осуществленную на рубеже XIX—XX вв. Чичериным и Дебольским. Обратное превращение гегелевской абсолютной идеи в идею христианского бога восхищало Яковенко: «...видимая вселенная представляется осененной божественной сущностью, которая проникает ее со всех сторон и связывает ее внешними, невидимыми узами» (402, стр. 82). Но Яковенко не замечал логического следствия такой интерпретации: гегелевский *панлогизм* был заменен *креационизмом*. Это можно подтвердить тем, что Чичерин в последний период своей деятельности прямо говорил об ошибочности гегелевской концепции религии как низшей сферы проявления духа сравнительно с философией, предлагая принять представление о их равнозначности (см. 382, стр. 271).

Между 1900 и 1917 гг. объективно-идеалистическая версия диалектики была, пожалуй, с наибольшей претенциозностью развита И. Ильиным. Уже в 1912 г. он отмечает новую тенденцию в западной философии — поворот от неокантианства к Гегелю, становление европейского неогегельянства (см. 148). Эта тенденция затронула и русский идеализм, хотя и не развилась, решительно оборванная в 1917 г. Наивная вера русских неокантианцев в разрешение всех философских проблем благодаря «критическому» методу философствования уже не пользуется кредитом у тех представителей идеализма первых десятилетий XX в., которым претит ясно выраженный субъективизм неокантианства. Возникает идея синтеза кантианства с гегельянством. Мысль о необходимости «синтеза» Канта и Гегеля лежит, в частности, в основе работы П. Новгородцева «Кант и Гегель», оказавшей сильное влияние на формирование Ильиным метода «конкретной диалектики». Новгородцев указывает, что, с точки зрения Гегеля, в его «Логике» отражено «самое существо абсолютного духа» (263, стр. 200). В этом смысле нет какого-либо различия между Логикой и Наукой, ибо Наука (с большой буквы, т. е. скорее Философия Науки в новгородцевском понимании) — это царство абсолютного духа, в котором выражается его сущность и которое абсолютный дух «создает по самой своей природе» (263, стр. 199).

Соглашаясь в этом пункте с Новгородцевым, Ильин отвергает мнение о Гегеле как абстрактном панлогисте*. Для него Гегель не абстрактный панлогист, а конкретный идеалист, предпринявший «героическую попытку рационализировать религию и влить мистическое содержание в понятия метафизической логики, правда уже вполне освобожденной от всякого антропоцентризма» (147, стр. 344). В известном противоречии с этой «героизацией» Гегеля Ильин упрекал немецкого мыслителя за «отвращение к иррациональному», за «своеобразную слепоту», не указывая, правда, конкретных проявлений такой слепоты. Зато иррационалистическая слепота самого Ильина, не понявшего «перевернутой» Гегелевой логики, была видна отчетливо.

Поскольку Ильин теологизировал Гегеля, он склонен был отождествлять провозглашенный им принцип конкретной диалектики с принципом конкретности бога. Бог проявляет себя в действительности, доступной человеческому разумению, конкретно — в истине (познании), добре (морали) и красоте (эстетическом переживании). Эта конкретизация трансцендентной сущности и есть основание для спекулятивного мышления, изучающего конкретные стороны действительности как производные от трансцендентной сущности. В этой связи Ильин упрекал Гегеля в «спекулятивном оптимизме», уверенности, что он благодаря своей диалектике «созерцает только совершенные осуществления божества» (150, стр. 298).

Один из решающих выводов из гегелевского учения есть тот, что «учение о мире должно быть прежде всего предметно» в том смысле, что идея овеществляется, дух проявляет себя в предметном, вещественном мире. Философия и должна заняться поисками «предметного знания». В этих поисках конкретное знание имеет для человека едва ли не первенствующее значение. Но предметное знание, за которое ратует Ильин, не есть опытное знание чувственно-предметной действительности. Это — иррациональное знание как «творческий выход из предметной пустоты» материализма и материалистического истолкования человека. В этом случае от «предметности»

* Это мнение было широко распространено. Например, Платонов-Гиляров отмечал, что первое гегелевское *Sein* — это такое «ничто», о котором и «сказать нечего».

и «конкретности» фактически ничего не остается. Человек, согласно этой *idea fixe* иррационализма, есть не что иное, как *«самооблечение бога в чувствующую душу»*, а внутренняя рефлексия познающего субъекта выступает в качестве *«созерцания душой своей божественной природы»* (150, т. I, стр. 275; см. также 147).

Ильин считал, что «переживаемый объект» есть вовсе не объект в смысле эмпирической теории познания, а понятие. Понятие — это «абсолютная реальность», «единая всеобщая субстанция», «живой творческий субъект», «божество». Эта «абсолютная» (понятийная) реальность созидает себя сама — «по законам *всеобщности, диалектики, конкретности*». Различая законы всеобщности, диалектики и конкретности, Ильин ограничивал сферу диалектики; в этом, пожалуй, гносеологический смысл его понятия конкретности. Диалектика, с его точки зрения, не всеобща.

Так, закон всеобщности не является законом диалектики. Всеобщность — это такое самоопределение Понятия, благодаря которому (чисто спекулятивное представление Ильина) «единичное входит во всеобщее как его живая часть, а всеобщее входит в единичное как его живая сущность». Таким образом, закон всеобщности — это, собственно, иррационалистически толкуемый закон взаимопроникновения категорий всеобщего и единичного; Ильин выводит его из-под юрисдикции диалектики. Ограничивая сферу диалектики, он «предупреждает» против свойственной, по его мнению, материалистической теории познания «слепой переоценки диалектики». Ограничение сферы диалектики проявляется и в том, что, признавая вслед за С. Трубецким на словах «объективный характер диалектического процесса», он исключает из этого процесса эмпирическую действительность. Диалектика — это область самораспадения Понятия на противоположные определения, которые затем приходят «ко взаимному творческому приятию». Противоречие имманентно Понятию. И диалектика есть не что иное, как «интуитивно узренный ритм самого предмета. Ее расхождения не контрадикторны, а ее примирения — нерасторжимы».

Настаивание на компромиссности диалектики и отторжение от нее законов «всеобщности» и «конкретности» есть следствие влияния на Ильина критики диалектики со стороны неокантианцев и интуитивистов. Он, в

общем сочувственно, цитирует Э. Гартмана, который писал об «абсурде диалектического метода» (в гегелевском понимании). Ограничение диалектики областью противоречия и преувеличение значения «непротиворечивых» законов всеобщего и конкретного является, однако, не только следствием влияния противников из идеалистического лагеря. Начало XX в. — время распространения влияния материалистической диалектики, и Ильин пытается бить по ней, ограничивая узкими рамками сферу действия метода, который диалектиками-материалистами отстается как всеобщий.

«Ограниченность» диалектики усматривается и в том, что ей не подвластен «закон конкретности» (специфическое изобретение Ильина). Этот «закон» заключается в том, что противоположности не преодолевают, а *усиливают друг друга*. Ильин настаивает, разумеется, не на предметно-чувственной, а на спекулятивной конкретности, имея в виду «максимальное богатство органически сращенных единичных определений, слагающих всеобщую ткань единого Понятия». Он, правда, различает понятия конкретно-спекулятивного и конкретно-эмпирического, используя, в частности, мысль Новгородцева, что у Гегеля «на место абстрактных определений ставилось конкретное созерцание» (263, стр. 190). Критикуя взгляд С. и Е. Трубецких и Л. Лопатина на диалектику как учение об «отвлеченном понятии», Ильин солидаризовался с Новгородцевым в понимании термина «конкретность» как выражающего полноту определений Понятия, хотя и замечает, что такое понимание еще не затрагивает вопроса о характере внутренней связи определений.

Ильин принимает и гегелевское представление о развитии мира через противоречия, но считает, что основная идея диалектики Гегеля только поверхностному взгляду может представляться как диалектика борьбы противоречий. Конкретность диалектики бытия (в том числе и общественного бытия) как раз и заключается-де в признании взаимного обогащения противоречий, «перемирий» в борьбе, непрерывных компромиссов в развитии. Этот же дух компромисса характерен и для «конкретной диалектики» человека и общества.

Человеческое общежитие, по Ильину, основано на противоречии, суть которого заключается в решительном расхождении целей и средств человеческого существова-

ния. Человечество ставит перед собой целью достижение всеобщего счастья, «царства божия» на земле. Но эта благая цель не может быть примирена с теми в высшей степени несовершенными средствами, с помощью которых человечество стремится достигнуть ее. Данная антиномия целей и средств не случайность, а необходимость человеческого существования: она наличествует не потому, что человечество еще не нашло подходящих средств достижения цели, а потому, что искомым средств не существует. Они не могут быть ни выработаны теоретическим разумом человечества, ни найдены практикой.

Это решающее обстоятельство и является основанием моральной трагедии каждой отдельной личности (см. 149). В этом пункте Ильин расходится с Новгородцевым, хотя в других случаях он подчеркивает свое единомыслие с ним. Он несравненно более склонен был считаться с конкретной нравственностью «несовершенного общества». Правда, Ильин лишь констатировал это несовершенство и меньше всего допускал возможность его исправления несовершенными человеческими средствами. Конкретность обращается в абстрактность, дело не в несовершенстве общественных порядков, а в ограниченности человека как исторического субъекта. Человеку остается лишь с олимпийским спокойствием взирать на одолевающий его рок мирового несовершенства, — «философское приятие мира не может состоять ни в бунтующем изобличении того, что мир «лежит во зле» (Платон), ни в восторженном изображении его мнимого совершенства (Лейбниц)» (150, стр. 258). В чем же оно состоит? В понимании противоречий мира, но не для того, чтобы его отвергнуть или преобразовать, а чтобы его принять.

Перед нами — весьма робкая «диалектика», философия приспособления к существующему порядку, философия оправдания любого порядка ради «высшей» цели, изначально данной человечеству. В сущности представления Ильина в этом пункте мало отличаются от бердяевской эсхатологии, которую мы рассмотрим ниже. По своей философской природе диалектические размышления Ильина — размышления иррационалиста, но этот иррационалист еще отделяет себя от интуитивизма.

Интуитивная «диалектика»

Слово «диалектика» ставится здесь в заголовке в привычку потому, что, во-первых, интуитивистская «диалектика» имеет мало общего с диалектикой в научном смысле слова (хотя и заимствует кое-что из категориального аппарата диалектики), а во-вторых, наиболее влиятельные интуитивисты решительно возражали против объективированной диалектики.

Об объективированной диалектике интуитивистов можно говорить лишь в условном смысле теологической метафизики, предлагающей различные определения «божественной сущности». Ссылки на эту сущность у интуитивистов довольно часты, но они того рода, о котором писал еще Гёте, высмеивавший манеру современных ему метафизиков заменять «недочет в понятиях» словами, а из слов создавать системы. Тем не менее, поскольку русские интуитивисты настаивали на диалектическом характере иррациональной в своей основе философии, постольку есть основания показать подлинное теоретическое содержание их «диалектики».

Философское мировоззрение невозможно разрабатывать вне теории познания, — это было очевидно не только для неокантианцев, но и для интуитивистов. Признавая это значение теории познания, интуитивисты, так же как и неокантианцы, стремились осуществить синтез логики и гносеологии.

Но если для неокантианцев методологической основой такого синтеза был рационалистический критицизм, то для Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, Б. Вышеславцева и других предпосылкой создания «новой» теории познания был иррационализм в форме интуитивизма.

Анализируя процесс познания, они следовали в общем скорее платоновской, чем какой-либо иной, классической традиции, но с тем существенным отличием, что в качестве метафизической идеальной основы бытия принимали не объективированные «чистые сущности», а понятия и категории «интуитивной логики субъекта». В качестве познания, способного достичь истинного знания, утверждалась интуиция в ее трех основных видах — «чувственной», «интеллектуальной» и «мистической». Разумеется,

высший род интуиции — это интуиция мистическая, «не-противоречивая», «единая», «целая» и т. д. *

Объективная реальность трактовалась интуитивистами с известной осторожностью, как «единство рациональности и иррациональности, т. е. необходимости и свободы» (370, стр. 68), как «жизнь вообще», «не разорванная на внешний и внутренний мир» (370, стр. 96). Эта реальность складывается из органически единых внешнего и внутреннего бытия, но внутреннее бытие («внутренний опыт») следует рассматривать как реальность подлинную, хотя субъекту она и может казаться призрачной и нереальной. Внешнее бытие имеет свои рациональные аспекты, и эти аспекты являются объектом для рационального мышления субъекта, которое ими и ограничивается. Но внешнее рациональное само является лишь элементом, моментом более широкой сферы иррационального (и во внешнем, и во внутреннем мире). Поэтому иррациональное мышление является по своей природе более глубокой, даже всеобъемлющей формой познания мира. Оно в состоянии раскрыть то, что недоступно рациональному мышлению, — реальность в ее многообразии, в «единстве», в совокупности внешнего и внутреннего, рационального и иррационального. Такое интуитивное мышление не может не быть мышлением «диалектическим» (370, стр. 53).

Оговоримся, что трактовка диалектики у русских интуитивистов неоднозначна. Если Лосский и Франк отождествляют «истинную» диалектику с диалектическим интуитивным мышлением, которое противопоставляется формально-логическому, рациональному мышлению как начальной (или более элементарной) фазе познавательного акта, то Лосев в своих ранних работах придерживался иной, более широкой точки зрения. У него формальная логика — это логика расчленения и разъединения «реального организма вещи» на основе соблюдения закона противоречия (или не-противоречивости). Диалектика, или диалектическая логика, — это род абстрактного познания, но она основывается не на законе

* Мистическая интуиция в ее «диалектизированной» форме располагает (по Булгакову, «развивавшему» Вл. Соловьева) и своеобразным категориальным аппаратом вроде противоположных начал — «мужского» и «женского», единство которых образует «божественную Софию», «софийный дух человека» и т. п.

противоречия, а на законе тождества противоположностей.

Как видим, все интуитивисты признавали логическое (формально-логическое) познание за низший род познания. Будучи познанием абстрактным, оно добывается лишь различения объектов, в частности посредством отрицания (см. 371, стр. 220). Такое познание можно назвать созерцательной интуицией, имеющей дело с миром постижимого, объективного бытия. На этой ступени внешнего познания («понятийного познания») нельзя открыть истинную природу объектов. Истинное познание в его высшей форме — достояние «мистического опыта».

Различаются, следовательно, два рода познания: абстрактное (с помощью понятий и суждений) и «непосредственная интуиция». Первое имеет дело со «стабильным» содержанием объекта, второе — с «динамическим», «становящимся» (которое, в частности, является потенциальным основанием «свободы»; этот взгляд перенял и Бердяев в «экзистенциальной диалектике»). Интуитивная «гносеологическая координация» имеет «непричинный характер». При этом оказывается, что интуитивное познание развивается с помощью старого знакомого — гегелевского закона отрицания отрицания. То, что при абстрактном, рациональном мышлении лишь различается через отрицание, при переходе на ступень интуитивного созерцания в свою очередь отрицается и субъект возвышается до интуитивного постижения истинной сущности объекта. Лосский объясняет это неожиданное вторжение «нехорошей» рациональной диалектики в иррациональное царство сущностей вполне в гегелевском духе: «...его цель (закона отрицания отрицания в интуитивистской обертке. — В. М.) состоит не только в устранении *разрушительного* действия или эффекта обычного отрицания, но и в сохранении его *положительного* значения — связи между обособленными дифференцированными сущностями» (218, стр. 274). Парадоксально, но один из законов столь поносимой интуитивистами рациональной диалектики оказывается как бы *deus ex machina* интуитивистской теории познания, доказательством возможности полного познания бытия!

Лосский определял интуитивизм как учение о непосредственном восприятии транссубъективной реальности: «познанный объект, даже если он составляет часть внеш-

него мира, включается непосредственно сознанием познающего субъекта, так сказать, в личность и поэтому понимается как существующий независимо от акта познания» (218, стр. 235). Франк, соглашаясь в общем с такой «личностной» трактовкой интуиции, полагал, что Лосский не отрицает онтологические условия интуиции как непосредственного восприятия реальности. Он лишь допускал гносеологическую координацию, благодаря которой субъект сливается с объектом (см. 371, стр. 177).

Только на этой интуитивно-онтологической основе якобы возможно и абстрактно-логическое познание. Мышление объявляется разновидностью интуиции. При этом допускается, что свойства объекта, воспринимаемые органами чувств субъекта, — тепло, звук, цвет, запах — реальны («транссубъективны»). Чувственная интуиция возникает благодаря воздействию внешнего предмета на наше Я. Но это воздействие-де не причина, а стимул, благодаря которому Я начинает дифференцирование реальных объектов.

В духе Бергсона различается идеальное бытие (вневременное и внепространственное) и реальное бытие. Понятие идеального бытия у интуитивистов платоновское: это бытие общих понятий (единство, множество, число и т. д.).

В отличие от Бергсона, считавшего и реальное бытие иррациональным в своей основе, Лосский и Франк подчеркивали системность реального бытия, его своего рода рациональную структуру, которая может быть познана (и здесь они вновь впадали в противоречие) только интеллектуальной интуицией (умозрением), которая непосредственно соединяет субъекта с объектом и в котором логическое составляет подчиненный элемент. И идеальное, и реальное бытие, открываемые интуитивно, подчиняются формально-логическим законам тождества, противоречия и исключенного третьего. Зато, как они считают, металогическое бытие (бог), к которому законы формальной логики неприменимы и которое определяет низший род бытия, подчиняющийся логике, может быть познано только при посредстве мистической (внелогической) интуиции.

В интуитивистской диалектике субъект познания иногда называется субстанциональным деятелем, толкуется как вне- или, точнее, сверхвременной и сверхпростран-

ственный. Как сверхвременное познавательное начало он способен, устанавливая соотношение между прошедшим, настоящим и будущим, осуществлять целенаправленную деятельность, быть источником целеустремленных психологических процессов, создавать свои формы проявления. Деятели творят многочисленные системы пространственно-временных отношений, которые не распадаются на отдельные миры, а составляют одну-единую систему космоса. Во главе этой системы стоит высокоразвитый субстанциональный деятель — мировой дух (см. 218, стр. 257—258).

Вне этой системы существует сверхкосмический принцип, открываемый интеллектуальной интуицией (его существование) и мистической интуицией (его сущность).

Такова в самом общем виде «диалектика» интуитивизма. Ее можно оценить как интуитивистскую теоретико-познавательную схоластику, прикрываемую диалектизированными понятиями. Но эта диалектизация не может скрыть решительного противоречия между рациональной философией и той разновидностью религиозного философствования, которую отстаивали русские интуитивисты. Это противоречие, хотя и в иной форме выраженное, характерно и для другой разновидности диалектизированного иррационалистического философствования — экзистенциальной диалектики Бердяева.

Экзистенциальная «диалектика»

Н. Бердяев (1874—1948) начал свою идейную эволюцию в конце XIX в. в лоне неокантианства, но уже в начале XX в. отказался от рационализма критической метафизики. С позиций персоналистского философствования он предпринял пересмотр некоторых общепринятых представлений о субъекте, в том числе и о характере познавательной деятельности субъекта («гносеологический реализм», по определению Бердяева, который правильнее назвать «гносеологическим иррационализмом»).

Согласно Бердяеву, самая большая проблема философии — это нахождение верного соотношения между рациональным и иррациональным. Смысл своих собственных философских исканий Бердяев видел в «преодолении европейского рационализма на почве высшего созна-

ния» (39, стр. 187). Вся «современная философия», т. е. иррационалистические течения в буржуазной философии первой половины XX в., построена, по его мнению, на парадоксе: она «признает иррациональность бытия и она же гносеологически утверждает рационализм» (41, стр. 85). Отсюда драма рационалистической теории познания: оторванность «рационализированного» субъекта от иррационального по своей сути бытия. Иррациональность же бытия требует и иррационального метода познания этого бытия, к которому нельзя подходить с рассудочными мерками. Поэтому объективированная диалектика (и идеалистическая, и материалистическая) не подходит для иррационального познания (скорее даже постижения), иррационального бытия. Объективированная рациональная диалектика страдает отвлеченностью и поэтому должна быть отброшена.

Переосмысление рациональной диалектики у Бердяева шло в основном двумя путями: через метафизику персоналистской диалектики и через «диалектическую» философию истории. Различение этих двух путей было только логическим, ибо в сочинениях Бердяева они наслаиваются один на другой так, что можно говорить об их известном единстве в рамках общей экзистенциальной диалектики. Для метафизики персоналистской диалектики Бердяева в большей мере характерны работы: «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916 г.), «Я и мир объектов» (1933 г.), «Дух и действительность» (1949 г.), «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1951 г.), «Самопознание» (1953 г.). «Диалектическая» (эсхатологическая по своему смыслу) философия истории в основном изложена им в работах: «Философия свободы» (1911 г.), «Смысл истории» (1923 г.), «Судьба человека в современном мире» (1934 г.), «Рабство и свобода» (1944 г.) и др.

Отвергая объективированную рациональную диалектику, Бердяев отвергает и феноменологический метод Гуссерля по той причине, что при феноменологическом методе «происходит объективация, которая закрывает тайну жизни, мира и бога» (41, стр. 9).

Истинно философским методом, который не допускает сокрытия сущности жизни и мира, является у него метод «экзистенциально-антропологический». Этот метод адекватно-де отражает диалектику переживаний реального

субъекта — человека, т. е. диалектику состояний его сознания. Личное бытие, по Бердяеву, и должно быть предметом философского исследования.

Предшествующая диалектика именно потому, что она стремилась быть обьективированной, так якобы и не смогла разрешить проблем, которые являются ключевыми «для всякой философии» — реальности, свободы и личности (40, стр. 13). Она неверно-де поняла и смысл противоречия. Противоречие, по Бердяеву, надо «переживать» и «изживать», а не анализировать, «логически разложить».

С точки зрения экзистенциально-антропологического метода подлинная проблема (и решение проблемы) заключается не в обьективации, не в переходе от индивидуального к общему, от субъективного к обьективному, от идеального к материальному, а в самом субъективном, в раскрытии «универсального в индивидуальном». Индивидуальное, субъективное следует рассматривать как субстанциональное. При таком методе существенно меняется понимание метафизики. Теперь это уже не компендиум обьективно существующих реальностей, фиксируемых философским сознанием, а философское воспроизведение реальностей, существующих внутри человеческого существования, т. е. присущих в первую очередь субъекту.

В обьективной диалектике категории необходимости, свободы, причинности, противоречия, качества, количества, меры, сущности, явления, возможности, действительности фиксируют наиболее существенные свойства вечно развивающегося бытия. Субъективное здесь рассматривается как производное от обьективного, будь это обьективное идеальным или материальным по своей природе. Категории экзистенциальной диалектики фиксируют «диалектические моменты богопознания» (универсальное) через познание субъективного (единичного). Поэтому для такой диалектики характерны принципиально новые категории: страх («страх лежит в основе жизни этого мира») (42, стр. 78), страдание («страдание есть основной факт человеческого существования») (42, стр. 88), зло, человечность, духовность, красота. Бердяевская диалектика из науки или во всяком случае из логического системного рационального построения превращается в своего рода диалектическую лирику. В ка-

кой-то мере это диалектика морализирующая, или скорее аморализованная в смысле сознательного противопоставления «независимого» морального сознания субъекта всем «безжизненным абстракциям» общественного бытия.

Понятно, что призывы пересмотреть историю мысли, переписать ее заново, выделив в первую очередь искания в диалектике «человеческой души» Руссо, романтиков, Достоевского (провозгласившего, что «страдание — закон планеты»), Кьеркегора, Ницше, являются в этом смысле логичными*.

Бердяев решительно расходился с Гегелем в понимании категорий духа. Согласно Гегелю, мировой разум, проходя последовательные, диалектически взаимосвязанные фазы, выражает себя как дух субъективный, объективный и абсолютный. Субъективный дух можно рассматривать как человеческое мышление, объективный — как формы общественного сознания и общения, свойственные гражданскому обществу, а абсолютный дух — явление государства, этого являющегося бога, живого единства субъективного и объективного. Бердяев считал, что гегелевское учение об объективном духе — бессмыслица. Это, по его мнению, доказал уже русский идеализм, начиная с Хомякова, давшего «острую критику отвлеченного идеализма и рационализма Гегеля» (39, стр. 188). В действительности «существует лишь субъективный дух или дух, стоящий по ту сторону субъективного и объективного» (42, стр. 160). Иными словами, Бердяев упрощает сложную гегелевскую конструкцию шествия мирового разума на всех его ступенях, оставляя лишь одно отношение — «бог — субъект».

Претенциозность бердяевского понимания собственно философии видна из его заявления: «...я основал свое дело на свободе» (42, стр. 7). Социальным импульсом рационалистического в своей основе истолкования свободы был, по словам Бердяева, факт «искаженного» представления о свободе в среде русской интеллигенции. Интеллигенция исповедовала «философию обиды», т. е. философию отрицания господствующего порядка, в то время

* Нелогично, конечно, и даже комично то, что Бердяев полагает возможным с помощью своего метода исследовать «диалектику души» «в начале XX века в поколении коммунистов» (42, стр. 78).

как она должна была исповедовать «философию вины, т. е. философию свободы» (39, стр. 4). Этот не диалектический, а вполне софистический прием в интерпретации свободы позволяет Бердяеву поучать передовую интеллигенцию, уличая ее в «исторической безответственности». Эта мифическая историческая безответственность проявилась в том, что она боролась со своим противником справа, в то время как он был слева («максимализм» и «максималисты», т. е. русские марксисты, большевики).

Материалистическое понимание свободы отвергается Бердяевым по причине допущения марксистами приоритета необходимости. Это-де философия масс, «философия рабов». Философия же иррационально понимаемой свободы — это «философия свободных», философия интеллектуальной элиты, до которой-де массе еще надо было бы подняться, если бы она была в состоянии это сделать.

Объединяя материализм и позитивизм, схоластику и рационалистическую метафизику кантианцев, Бердяев объявляет, что всем им присуща «философия послушания необходимости», «экономическое приспособление к мировой данности», логическим следствием которого является духовная пассивность, нетворческий характер мышления.

Иррационалистический поборник «свободы» убежден, что материалистическое истолкование свободы есть развитие и логическое завершение гегелевской «рационалистической диалектики»; поэтому он строит свою иррационалистическую концепцию свободы на противопоставлении ее гегелевскому рационалистическому пониманию диалектики необходимости и свободы. Бердяев критикует такое понимание свободы, используя прием гегелевской же критики его предшественников, указанием на метафизику гегелевского рационализма. Он считает бесплодным и в основе своей неверным гегелевское определение свободы как познанной необходимости. Бердяев настаивает на том, что свобода не итог, не результат, а исходный пункт развития мира, «свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь пребывать» (41, стр. 111). Свободная воля, по его мнению, не результат естественных склонностей и влечений, а исходный пункт всех влечений и намерений субъекта, это волюнтаристское в сущности понимание свободы воли. Там, где наличествует свобода (собственно, она не может не наличествовать,

ибо является изначальной данностью), «там нет необходимого процесса» (41, стр. 160). Тем самым на место объективно-диалектических, полагающих друг друга категорий необходимости и свободы Бердяев водружает взаимноисключающие друг друга категории.

Гипертрофия свободы как определяющей константы мирового развития связана с признанием ее духовности: «...свобода есть ничто в смысле реальностей природного мира, не есть что-то» (42, стр. 7). Мировой материальной необходимости эмпирического бытия противопоставляется свобода в духе. В понимании свободы как свойства реального мира, как следствия его необходимости Бердяев видит «ошибку» и рационалистического идеализма, и диалектического материализма. Диалектический материализм, рассуждает он, наделяет материю «качествами духа — творческой активностью, свободой, разумом», в то время как на самом деле все это присуще лишь субъективному духу; вернее считать, что «материальная зависимость есть порождение нашей свободной воли» (41, стр. 61).

Материалистическая диалектика настаивает, что свобода (экономическая, политическая, духовная) различна на различных этапах истории. Отсюда необходимо раскрывать конкретное содержание и общественную многослойность свободы. Бердяев был противником такого понимания. Абсолютизируя понятие духовной свободы, он не мог понять «хитрости» истории, полагающей различные (конкретные) определения свободы. «Философ свободы» считал большой ошибкой рационалистическую объективацию свободы, но его субъективация свободы была несуразным заблуждением иррационалиста.

Еще Гегель считал чересчур ограниченным сведение свободы к свободе мысли, т. е. к субъективности. «Свобода мысли имеет лишь *чистую мысль* в качестве своей истины, которая лишена жизненного наполнения, — писал Гегель, — следовательно, эта свобода есть также лишь понятие свободы, а не сама живая свобода» (87, т. IV, стр. 108). Это возражение верно, хотя мы и знаем, что гегелевское требование «наполнения жизнью» понятия свободы осталось у него в пределах абстрактного пожелания. Согласно Бердяеву, свобода — начало всему, она имеет субстанциональное значение. Не сотворена она и богом, ибо в действительности (или, точнее, в духовной

недействительности) предшествует ему, неся в самой себе и добро, и зло.

Если Трубецкие, Новгородцев и Ильин трактуют о свободе как зависимости от бога, о свободе в боге, то Бердяев предлагает другую концепцию. Будучи началом всему, свобода не имеет никакой основы, в том числе, разумеется, и материальной, она не может быть выведена из наличного бытия. Напротив, она сама основа всему, и материальному, и духовному. Мировая данность, необходимость — это, по Бердяеву, «план духа» (40, стр. 7).

Свобода, по Бердяеву, не может быть детерминирована. Объективированное истолкование категории причинности является-де плодом закоренелой метафизичности мышления. Причинность следует понимать как акт волевой активности (см. 41, стр. 61). Или, как выражает Бердяев ту же мысль другими словами: «...причинение... есть акт свободы, будучи творческим актом субстанции» (41, стр. 61) *.

Отрицая представление о диалектической взаимосвязи необходимости и свободы, бердяевская концепция постулирует метафизическое противопоставление свободы и необходимости. Принимая свободу за решающую сторону антиномии, Бердяев связывает свободу как сущность бытия с творчеством или, вернее, выводит акт творчества из свободы **.

«Творческий акт свободы есть прорыв в природном феноменальном мире, он идет из ноуменального мира. Творческий акт свободы не есть результат развития, развитие есть результат творческого акта свободы, которая объективируется» (42, стр. 71) ***.

* В этом пункте концепция Бердяева совпадает со взглядом Лопатина, у которого также «осмысленная» связь причины и следствия не может быть ничем иным, как связью между волевой активностью (причинением) и ее результатом (следствием).

** В свете такого понимания свободы становится понятным несогласие Бердяева с Сартром, которого он характеризует как «раба объективности, мира вещей». Это подмеченное Бердяевым «рабство» Сартра происходит, по его словам, из отрицания французским философом «тайны» трансцендентной реальности и конечной причины творческой активности человека, т. е. из непризнания бога.

*** Если у Гегеля свободная воля есть в конечном счете результат естественных склонностей и влечений, то у Бердяева она — исходный пункт всех влечений и намерений субъекта.

В основе бердяевского понимания человека ощущается кантовский дуализм (сам он характеризует его как «почти манихейский дуализм»). Признавая существование материального мира с его естественными, необходимо присущими ему законами, он подчеркивал, что к этому миру человек привязан своими качествами биосоциального существа. Это нижний, «необходимый», «злой» уровень человеческого существования. Более высокий его уровень — мир духовной сущности человека. В этой своей сущности человек относится к другому миру, миру «свободы», миру «любви». Бердяев не прошел систематической школы гегельянского философствования, хотя и называл Гегеля «величайшим из философов в собственном смысле этого слова» (41, стр. 5). Но если следовать бердяевскому ходу мысли, диалектика Гегеля, величайшего из философов, плоха, а «экзистенциальная диалектика» самого Бердяева — подлинная находка для человечества. Отсюда сверхкритичное (до выражения личных антипатий) отношение к диалектике Гегеля, филиппики против рационалистической объективности гегельянства и пр. (41, стр. 24). Однако эта критика не может обманывать относительно косвенного влияния на Бердяева «метафизической диалектики». В конце концов его «экзистенциальную диалектику» трудно понять вне оппозиции к диалектике объективного идеализма.

Философия истории русского идеализма необходимо должна была соотнести себя с философией истории немецкого идеализма хотя бы потому, что авторитет последней довлел над умами русских идеалистов. С оттенком национализма Бердяев писал, что «в нашу эпоху только русский и германский народы имели свою философию истории» (42, стр. 213). Разумеется, «русская» философия истории, по Бердяеву, выше «германской», ибо последняя «пантеистична и космична» в то время как первая «богочеловечна и эсхатологична». Общим концепциям присущи динамизм и активизм, но германская философия истории лишена «человеческого» содержания, в то время как русская, т. е. бердяевская, интерпретация философии истории «человечна». Первая приносит конкретному человеку, личность в жертву теоретическим абстракциям и практическим отношениям с их господствующей волей государства, вторая вскрывает иллюзорный характер всех теоретических абстракций, не связанных

с непосредственно человеческими переживаниями, и вместо фетишизации государства предлагает веру в личность. Эти две философии истории различны и в своем исходном, и в конечном пункте, и в понимании основного противоречия. Основное противоречие истории, по Гегелю, заключается в противоречии между мировым разумом и общественными отношениями, которые есть и отчуждение богатства мирового разума, но в то же время не выражают его полной сущности. Личности в системе этого противоречия места нет. В общественном мире, по Бердяеву, «конфликт личности и мировой истории есть основной конфликт человеческой жизни» (42, стр. 216). Личность для экзистенциалистской аксиологии выше, ценнее «метафизических абстракций» общества и государства.

В свете признания мирового, если не космического значения конфликта личности и общества можно понять и смысл мировой истории. Такой смысл существует, и его определение возможно. Этот смысл разъясняется благодаря предварительному пересмотру идеи прогресса. Идея прогресса, как полагает Бердяев, явно погрешая против исторических фактов, была впервые выдвинута христианством, а уже потом, со времени Кондорсэ и Гегеля, стала считаться основой философии истории. И эти философии истории, принимая идею прогресса, пытались обнаружить имманентный смысл истории. Причина неудачи и Кондорсэ, и Гегеля, и Фихте, и многих других гигантов «добердяевской» философии истории заключалась, по мнению их экзаменатора, не в том, что они обнаружили неумение найти смысл истории, а в другом: имманентного смысла истории не существует — «смысл ее трансцендентный» (42, стр. 207). Поиски смысла обыденной истории якобы так же бессмысленны, как и сама история. Значит, заключает Бердяев, должен существовать высший смысл. Что же это за смысл? Поскольку мир имеет начало, он должен иметь и конец. Хилиастические утопии библейских пророков уже не удовлетворяют эсхатологического энтузиаста XX в. Эсхатологическое представление о мире правомерно с философской точки зрения и тем более удачно (с точки зрения Бердяева), что «фетиш материалистов», материя, исчезает.

Утверждая, что «философия истории может быть только профетической, разгадывающей тайны грядущего»,

Бердяев настаивал на вполне христианской и мистической идее, что история может быть понята только как подготовка к метаистории (см. 42, стр. 8). В этом ее трансцендентность и в этом ее смысл, «смысл истории в искуплении греха». Реальная история кончится, кончится потому, что с «прогрессом» нарастает сумма зла в мире, — манихейская идея, которая у Бердяева обращается в последнее «доказательство» эсхатологического смысла исторического процесса.

Так, антинаучная, экзистенциальная диалектика приводит Бердяева к проповеди еще более антинаучной и реакционной: отрицанию смысла истории, прогресса человечества и апологетике его трагической гибели.

* *
*

Подведем некоторые итоги. Иррационалистическая диалектика русского идеализма XX в., бесспорно, является небезынтересным этапом в идеалистической интерпретации смысла и характера диалектики. Для этой интерпретации характерны внешне убедительный уровень профессиональной философской культуры, разнообразие проблематики и сложные ходы теоретических решений. Тем не менее это род бесплодного, чисто схоластического диалектизирования на грани или даже в рамках религиозной мистики. Оно было скоординировано с насущными проблемами философского знания лишь внешне. Проблемы философии как науки, философии истории, человека и общества получили такое «решение», которое не подвинуло познание подлинных закономерностей ни на шаг вперед, хотя и составляло заметную веху в развитии иррационалистического в своей основе теоретизирования. И пусть это может быть воспринято в качестве парадокса, отметим все же, что мы стремились к внесению ясности в трактовку иррациональной диалектики в том смысле, что иногда суммарно описывали то, что в пределах иррационалистической философии опосредовано и затемнено мистико-теологическими элементами. Это следует учитывать, чтобы не возникло впечатления ясности постановки и решений проблем у самих иррационалистов, у которых этой ясности постановки и в еще большей мере решений не было и не могло быть. В настоящее время все эти концепции имеют значение лишь историческо-

го реликта, являя собой этап в развитии представлений идеализма о диалектике мира и человека и иллюстрируя тщету иррационалистического подхода к познанию.

3. ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ В ОСВЕЩЕНИИ «СОВЕТОЛОГИИ»

Проблемы материалистической диалектики приковывают внимание не только буржуазных философов и социологов-профессионалов, но и являются объектом критики со стороны теоретиков современного антикоммунизма, «советологов».

Социальной функцией «советологии» является наукообразный антикоммунизм и антисоветизм, порой претендующий на утонченность: генеральная линия «советологии» — фальсификация теоретических, особенно философских, основ коммунизма, стремление опровергнуть марксизм-ленинизм с позиций будто бы «объективной» и «беспристрастной» науки. Весьма примечательно, что сама «советология» не имеет какой-то единой собственной философской позиции: последняя в значительной мере эклектична — в ней переплетаются неотомизм с экзистенциализмом и неопозитивизмом, ибо различные «советологи» принадлежат к тем или иным философским направлениям. То же относится и к ее методу: основной методологической позицией «советологии» является антидиалектика, точнее, отрицание материалистической диалектики. В силу этого материалистическая диалектика, ее основные принципы, законы и категории служат предметом разнообразных извращений и нападок в многочисленных «исследованиях» критиков марксизма-ленинизма, ведущихся с позиций различных идеалистических школ и направлений.

Их особый «интерес» к материалистической диалектике, разумеется, не случаен: общеизвестно, что она является одной из теоретических основ коммунизма, универсальным методом научного познания и революционного преобразования объективного мира, надежным оружием в борьбе против идеализма и метафизики. «Ведь именно при помощи основного закона материалистической диалектики, — отмечал Г. Веттер в заключении к своему первому «исследованию» о диалектическом мате-

риализме, сетуя на диалектику, — закона единства и борьбы противоположностей как источника движения должен быть исключен перводвигатель, творец-бог» (492а, стр. 577).

Вследствие этого проблемы материалистической диалектики служат объектом многообразных извращений и фальсификаций со стороны «советологов» — и в ФРГ, и в США, и в других странах. Особую активность в этом отношении проявляют западногерманские «советологи» Ю. Бохеньский, Г. Веттер, Т. Блекли, Г. Дам, Г. Ингензанд, М. Ланге, Ф. Левенталь, К. Марко, Г. Огирман, Г. Фальк, И. Фетчер, В. Хофман и др. В связи с этим критика «советологических» интерпретаций материалистической диалектики ведется на основе анализа «исследований» главным образом «советологов» ФРГ.

«Советологической» критике материалистической диалектики присущи следующие характерные черты и особенности:

1. Уровень «советологической» критики совершенно не соответствует тому теоретическому уровню, на котором ведется разработка проблем теории материалистической диалектики в Советском Союзе. Как правило, при этом объектом критики выступают популярные работы, в то время как серьезные исследования советских ученых замалчиваются или вообще игнорируются.

2. В своей критике теории материалистической диалектики «советологи» вращаются в узких рамках традиционных буржуазных идей и представлений, эклектически смешивая в своих «исследованиях» аргументы различных философских течений и школ, в разное время выдвигавшиеся против диалектико-материалистической философии и материализма в целом.

3. «Советологическая» критика материалистической диалектики ведется с позиций идеализма и метафизики, которые у ряда критиков сочетаются с откровенной теологией (это особенно характерно для таких теоретиков «советологии», как Бохеньский и Веттер). Вследствие этого «советологи» отрицают объективную диалектику, присущую природе и обществу, объявляя дух единственным носителем диалектики.

4. Критике «советологов» весьма не хватает объективности. Их критический метод сводится к следующей схеме: тенденциозное изложение теоретических положений,

ний материалистической диалектики в интерпретации и с комментариями самого «советолога», в результате которых исходные положения настолько изменяются (главным образом примитивизируются и вульгаризируются), что зачастую становятся просто неузнаваемыми. «Советологи» при этом не в состоянии преодолеть рамки собственной догмы, в которой они воспитаны сами и воспитывают других и согласно которой материалистическая диалектика, равно как и марксистско-ленинская философия в целом, представляет собой лишь примитивную и догматическую концепцию.

5. В критике «советологов» отсутствует научная обоснованность. Они, как правило, не рассматривают сложившуюся в нашей философской науке систему материалистической диалектики как теории, ограничиваясь критикой отдельных положений и пытаясь обнаружить в ней «непреодолимые» противоречия. Их аргументы против теории диалектики носят, как правило, умозрительный характер, зачастую являются попросту софистическими и по сути дела игнорируют не только общественно-историческую практику, отрицая ее как критерий истины, но и данные современной науки. К тому же их критика носит декларативный характер и является негативной по своему существу, ибо «советологи» не в состоянии предложить собственное позитивное решение рассматриваемых проблем.

Далее кратко рассматриваются «советологические» интерпретации сущности материалистической диалектики и некоторых ее актуальных проблем.

«Советологические» интерпретации сущности материалистической диалектики

«Советологи» единодушно отмечают огромное значение диалектики для теории и практики ленинизма. Авторы широко известного «Руководства по мировому коммунизму» утверждают, что «лучше всего она (диалектика. — И. Я.) может быть определена как основная коммунистическая метафизика связи и развития всех вещей» (409, стр. 30). А несколько ниже, говоря о многозначности прилагательного «диалектический» в нашей революционной теории («советологи» выделяют пять, по их мнению, основных его значений), они отмечают, что «важ-

нейший смысл прилагательного «диалектический» относится к закону скачков», благодаря которым существуют различные виды вещей. Характеризуя последнее его значение, критики пишут: «Наконец, коммунисты называют «диалектическим» метод, который ведет к борьбе или спору, дискуссии» (409, стр. 31).

Обращает на себя внимание, что, при столь подробном анализе и объяснении термина «диалектический», «советологи» совершенно обошли то, что вытекает из самой сущности диалектики — закона единства и борьбы противоположностей: внутреннюю противоречивость предметов, процессов и явлений.

Ю. Бохеньский в своем «Советско-русском диалектическом материализме» не может не отметить чрезвычайно значительную роль диалектики в марксизме-ленинизме. Но за пределами констатации этого бесспорного факта его утверждения не соответствуют действительности. Совершенно не обосновано замечание Бохеньского о том, что понимание сущности диалектики советскими философами соответствует гегелевскому: они следуют не Гегелю, а Марксу и Энгельсу (кстати, само определение диалектики как науки принадлежит, как известно, Энгельсу, а советские философы исходят из него), которые неоднократно подчеркивали принципиальное различие между материалистической и гегелевской диалектикой.

Для большинства «советологических исследований» характерно истолкование материалистической диалектики — антикоммунисты зачастую называют ее «советской диалектикой» — как простого заимствования диалектики Гегеля. В «Руководстве...» прямо подчеркивается, что «коммунизм есть по существу гегельянство» (409, стр. 31) *. Та же оценка дается в «советологическом» сло-

* Следует отметить, что в «советологии» придают весьма большое значение проблеме соотношения марксистской и гегелевской диалектики и шире — Маркса и Гегеля вообще. В этой связи И. Фетчер пишет: «Скажи мне, как ты определяешь отношение Маркса к Гегелю, и я могу сказать тебе, что за марксизм ты избрал, — так можно было бы модифицировать знаменитое изречение Фихте» (428, стр. 45). Поэтому некоторые «советологи», например авторы статьи о Гегеле в «Сравнительной энциклопедии», отмечают, что «отношения между гегелевской и Марксовой диалектикой значительно более сложны, и здесь также нельзя удовольствоваться формулой, согласно которой гегелевский абсолютный идеализм и Марксов диалектический материализм представляют собой противоположности...» (433, т. II, стр. 1212).

варе К. Марко, где также утверждается, что «советская диалектика совершенно очевидно находится во власти гегелевской концепции» (468, стр. 88).

Среди «советологов» есть и другая столь же неправомерная точка зрения, сторонники которой считают, что материалистическая диалектика и диалектика Гегеля по своему существу и философским основам полностью исключают друг друга.

Сторонники данной точки зрения подчеркивают при этом несовместимость диалектики с материализмом, отмечая, как, например, делает это Г. Фальк, что «в рамках спиритуалистической системы (у Гегеля. — И. Я.) диалектика была уместна, а в материализме она противоречит здравому смыслу... Действительная диалектика — метод развития человеческого духа, а не материи» (425, стр. 123).

«Советологи», видимо, не желают понять, что между материалистической диалектикой и диалектикой Гегеля имеются как общность, так и принципиальные различия, которые были достаточно четко определены самими основоположниками марксизма. И если гегелевская диалектика явилась одним из теоретических источников марксизма, то материалистическая диалектика представляет его составную часть, его научный метод и теорию развития.

Критики ленинизма повторяют тезис философов-идеалистов о том, что нет и не может быть объективной диалектики, что диалектика применима лишь к явлениям духовной сферы и обнаруживается лишь в сознании индивида, а посему признание диалектики в природе и в материальных сторонах общественной жизни будто бы совершенно неправомерно. «Таким образом, типично человеческая, то есть духовная деятельность, — пишет Фальк, — диалектична. Маркс мог бы по праву применить диалектику к народнохозяйственному, то есть созданному главным образом действиями людей, сектору, если бы прежде путем своего онтологического материализма не подверг отрицанию дух — единственный носитель диалектики» (425, стр. 122).

В своих рассуждениях Фальк под типично человеческой деятельностью понимает лишь деятельность в области духа, «забывая» о том, что не менее типичной, специфически человеческой формой деятельности является об-

шественно-историческая практика, составляющая основу духовной жизни людей, что общественный человек не только мыслящее, но и действующее существо, ибо, говоря словами гётевского Фауста, «вначале было дело».

Попытку аргументации рассматриваемого тезиса предпринимает также Г. Веттер: «Коренная ошибка учения о материалистической диалектике, — пишет он, — заключается в том, что здесь перенимается гегелевская концепция, которая, может быть, и имеет смысл, когда она основывается на предпосылках гегелевской философии (хотя, вероятно, и с этим нельзя будет согласиться), но которая теряет всякий смысл, если в ее основании лежит «материалистическое перевертывание» Гегеля, которым хвалились Маркс и Энгельс, а после них вся советская философия» (494, стр. 116).

«Советологическая» концепция сущности материалистической диалектики, равно как и ее оценка в целом, не отличается ни оригинальностью, ни основательностью, ни объективностью, — она, как правило, негативна. В обобщенной форме ее можно представить следующим образом: диалектика — это якобы устаревшая и ненаучная система; основные положения ее не доказываются и не обосновываются, а лишь постулируются; она методологически порочна и поэтому будто бы не способна дать творческое решение философских проблем; эта система внутренне противоречива и в целом ошибочна и т. п.

Так, например, австралийский «советолог» Е. Каменка в своем докладе «Советская философия в 1917—1967 гг.» на VI международном «советологическом» конгрессе в сентябре 1967 г. утверждал: «Что же касается диалектического материализма, то он не внес никакого значительного творческого вклада... советский диалектический материализм... невероятно устарел... Улучшение советской философии, которое, как я считаю, имеет место, заключается исключительно в постепенном разрушении диалектического материализма как специфически особой философской точки зрения, а также в отказе от большевистского стиля» *. В том же духе рассуждает и его западногерманский коллега Г. Ингензанд, который в заключении своей книги заявляет, что «главные, основ-

* Этот доклад базируется в основном на статье автора (см. 450, стр. 80—98).

ные идеи диамата ложны» (446, стр. 76). «Советологи» выдвигают против материалистической диалектики различные, порой противоречащие друг другу обвинения, суть которых систематизировал Веттер (см. 494, т. I).

Несостоятельность их предопределяется тем, что диалектика вопреки всем сомнениям и возражениям «советологов» присуща самому материальному миру, что доказано всем ходом развития общественной практики и неопровержимыми данными самой науки. И именно потому, что все в мире движется и развивается диалектически, человеческое мышление, диалектичность которого признают сами «советологи» и многие философы-идеалисты, может в целом правильно отображать мир. Именно поэтому, как справедливо отмечал Энгельс, люди мыслили диалектически задолго до того, как появилось слово «диалектика».

Главной линией, по которой идет фальсификация материалистической диалектики «советологией», выступает, на наш взгляд, примитивизация ее сущности, вульгаризация ее основных принципов, законов и категорий, отрицание ее научного характера и стремление представить диалектику как «псевдонауку», «спекулятивную догматическую систему». Расчеты наших противников, равно как и логика подобных фальсификаций, очевидны: даже людям, не очень сведущим в марксизме-ленинизме, известно, что диалектика является одной из его теоретических основ, поэтому наши критики стремятся любыми способами и средствами вульгаризировать и скомпрометировать ее, чтобы тем самым оттолкнуть мыслящего человека не только от материалистической диалектики, но и от коммунизма вообще.

Веттер, например, говорит об этом без всяких обиняков: «Учение о материалистической диалектике является той частью в диалектическом материализме, в которой прямо-таки решается его судьба. Ибо если материалистическая диалектика окажется несостоятельной или ничего не говорящей, то рухнет здание всего учения» (494, т. I, стр. 115).

Примитивизация и вульгаризация диалектики осуществляется «советологами» чрезвычайно многопланово и многообразно. Вместе с тем в этом антикоммунистическом потоке можно выделить несколько основных характерных направлений, которые, как в этом легко убедить-

ся, далеко не оригинальны, повторяя в основном давнишние возражения и обвинения против марксизма традиционной буржуазной философии и социологии, а также стереотипные антиленинские вымыслы.

Одно из таких направлений — изображение диалектики не как науки, имеющей собственный предмет и представляющей систему принципов, законов и категорий, а как механического конгломерата ограниченного числа «догм», тривиальных и просто ошибочных положений. Если поверить подобным утверждениям «советологов», напрашивается вывод о том, что диалектика не является наукой или научной системой — она представляет якобы какую-то механическую конструкцию, состоящую из нескольких, причем разнородных, частей. Само собой разумеется, что марксизм-ленинизм никогда не рассматривал диалектику столь упрощенно. Напротив, общеизвестно, что Марксу и Энгельсу принадлежит разработка основных принципов, законов и категорий диалектики, ее системы как науки. Ленин, творчески развивая материалистическую диалектику, отмечал, что она является учением о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде. Он, как известно, никогда не отрицал основных законов и категорий диалектики. Выделяя шестнадцать элементов ее, Ленин не мог подменить ими эти законы хотя бы потому, что сами элементы диалектики определяются основными законами, вытекают из них, в свою очередь дополняя и раскрывая их и занимая свое место в системе ее как науки.

Другое направление фальсификации и вульгаризации диалектики — сведение ее «советологами» к сумме тривиальных примеров, отрицание научного характера ее основных принципов, законов и категорий. «Советологи» утверждают, что материалистическая диалектика не имеет научного обоснования, а ее основные положения будто бы просто декларируются, доказываясь лишь различными примерами, которые сами по себе не могут служить доказательством. Вот как это делает Веттер: «Диалектический материализм хочет доказать... три основополагающих закона диалектики путем приведения целого ряда примеров (более или менее удачно подобранных). Впечатление о всеобщности и необходимости этих законов должно затем достигаться в результате того, что примеры привлекаются обычно из всех сфер действительно-

сти... Однако можно ли доказать что-либо примерами? На это следует со всей решительностью ответить отрицательно» (494, т. I, стр. 119—120). В том же плане идут рассуждения М. Ланге, который утверждает, что материалистическая диалектика представляет собой ненаучную теорию, поскольку ее сторонники, будто бы «преподавая беспочвенные формулировки, подыскивают факты, которые должны подтвердить их» (457, стр. 159).

Действительно, примеры сами по себе не способ доказательства. Между прочим, об этом неоднократно говорил еще Ленин, предостерегая от сведения диалектики к сумме примеров и подчеркивая, что «фактики» и «примерчики», взятые сами по себе, ровно ничего не стоят. «В области явлений общественных, — писал он в работе «Статистика и социология», — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное» (2, т. 30, стр. 350).

Более того, в «Философских тетрадах» Ленин ставит и решает вопрос о критерии диалектики. Конспектируя Гегеля, Ленин обращает внимание на «нечаянно проскользнувший критерий диалектики у Гегеля: „во всем природном, научном и духовном развитии“: вот где зерно глубокой истины в мистической шелухе гегельянщины!» (2, т. 29, стр. 139). К этой идее Ленин возвращается и в своем фрагменте «К вопросу о диалектике»: «Правильность этой стороны содержания диалектики (раздвоение единого и познание противоречивых частей его. — И. Я.) должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* [например, зерно]; „например, первобытный коммунизм“. То же у Энгельса. Но это „для популярности“...], а не как *закон познания* (и закон объективного мира)» (2, т. 29, стр. 316).

Сам Ленин, а также ученые-марксисты, на деле развивающие философскую науку, глубоко и тщательно аргументируют выдвигаемые теоретические положения, приводя примеры, как это и делается обычно в науке, *не для доказательства, а лишь для их иллюстрации*. Тезис

наших критиков о «неоправданности» главных положений диалектики совершенно несостоятелен. Если взять, к примеру, идею внутренней противоречивости предметов и явлений, то ее истинность подтверждается по сути дела любой наукой, проявляясь в любой области бытия и сознания. Причем это не отдельные иллюстрации, а именно фундаментальные объективные закономерности, действующие в различных областях объективного мира и самого человеческого сознания, которые, видимо, известны и «советологам»: единство корпускулярных и волновых свойств микрочастиц, устойчивости и изменчивости систем, ассимиляции и диссимиляции у живых организмов, классовая борьба в антагонистическом обществе и др. Вряд ли для здравомыслящего человека все это может быть лишь удачным примером. Поэтому нет никакой нужды «оправдывать» основные положения материалистической диалектики: ее объективная истинность доказана не только теоретически, но и подтверждена всем ходом развития общественно-исторической практики независимо от того, признают это ее многочисленные критики или нет.

Третье направление вульгаризации диалектики — сведение ее сущности к небольшому числу схематичных и примитивных положений, количество и характер которых обусловлены не спецификой диалектики, а авторскими особенностями того или иного ее критика. Так, в «советологическом» словаре К. Марко существо диалектики сводится к двенадцати положениям, подкрепляемым ссылками на наши источники (преимущественно на «Основы марксизма» и первый том Философской энциклопедии), причем приводимые цитаты логически не связаны друг с другом и совершенно не дают представления о сущности и системе диалектики как науки. Они используются критиком для иллюстрации им же самим сконструированной, но выдаваемой за основополагающую в диалектическом материализме «диалектической ритмики». «Философия марксизма-ленинизма, — пишет Марко, — называется диалектическим материализмом (диамат), потому что ее основополагающими утверждениями являются: а) материальность бытия, сущего... б) диалектическая ритмика (единого) бытия» (468, стр. 88). В итоге у читателя после ознакомления с этими положениями и разъяснения автора, по замыслу Марко, видимо, должно создаться впечатление, что материалистическая диалектика

не наука, а какая-то логически нестройная и схоластическая конструкция. Эту же идею, только в более грубой форме, проводит в своей книге «Коммунистический эксперимент. Теория и практика марксизма-ленинизма» другой западногерманский критик коммунизма, Ф. Левенталь, утверждающий, что в Советском Союзе материалистическая диалектика будто бы превратилась в... «мыслительную акробатику» (462, стр. 38). Эти и им подобные «определения» диалектики и характеристики ее сущности наглядно иллюстрируют действительную «объективность» и «научность» «советологии» и носят столь произвольный и тенденциозный характер, что вряд ли стоит их специально рассматривать.

Несколько иначе характеризует сущность материалистической диалектики западногерманский антикоммунист Г. Ингензанд, который сводит ее к девяти принципам, подчеркивая, что она есть лишь учение о развитии (см. 446, стр. 44). Не входя в полемику по самим этим положением, отметим, что они не могут дать читателю объективного представления о материалистической диалектике как науке, о системе ее основных принципов, законов и категорий. Вместе с тем они не выделяют ее из многочисленных учений о развитии, всячески замалчивая и извращая научный характер марксистско-ленинской диалектики. «Советологи» всячески избегают именно объективного описания системы материалистической диалектики как науки, которая сложилась и развивается в марксистско-ленинской философии, чтобы тем легче извращать ее суть и представлять каким-то наукообразным примитивом.

Наряду с этим «советологи» пытаются убедить читателя в примитивности и антинаучности диалектики не только путем подобного «беспристрастного» изложения ее сущности, а и наивными примерами «триад», будто бы иллюстрирующими это.

Небезынтересно отметить, что «советологи» в своих обвинениях против материалистической диалектики пользуются несостоятельной аргументацией почти столетней давности. Ведь общеизвестно, что Маркс, Энгельс и Ленин еще в XIX в. показали и доказали полную несостоятельность этих шаблонных обвинений в «триадах»: они никогда не помышляли о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, признавая

единственным объективным критерием теории общественно-историческую практику.

«Советологи», разумеется, могут быть любого мнения о материалистической диалектике, однако она от этого не перестает быть тем, чем является с момента своего возникновения, — наукой о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и мышления. И вероятно, поэтому даже некоторые из идеологов антикоммунизма по-своему отмечают это, говоря о революционной деятельности основоположников марксизма-ленинизма. Так, известный американский «советолог» А. Мейер в одной из своих ранних книг «Ленинизм» писал: «Ленин был убежден в том, что диалектика, по крайней мере в ее «материалистическом» или марксистском понимании, является ключом к правильному пониманию действительности и выбору правильной линии действий, квинт-эссенцией философии, а следовательно, самым важным творением разума для революционного деятеля. Однако, являясь тончайшим орудием разума, диалектика трудно воспринимается и ее трудно объяснить. Отсюда повышенный интерес Ленина к ней. В отличие от многих других марксистов он не имел желания играть диалектической терминологией в своих трактатах и выступлениях. Для него диалектика не игрушка, не философская абстракция, о которой можно поспорить... Для него это — неоценимое практическое оружие, *agapum impregi* в полном смысле слова, о котором не нужно рассуждать, которое нужно брать на вооружение и неукоснительно применять, как применяют обычно на практике свою основополагающую неписаную философию» (476, стр. 8—9).

Весьма любопытно также признание, сделанное Веттером в отношении материалистической диалектики в первых двух изданиях его известной работы «Диалектический материализм»: «Все эти положительные моменты идейного содержания диалектического материализма так или иначе связаны с одной из двух его составных частей, с диалектикой. Она вносит в действительность творческую силу, живость, целеустремленность, даже духовную деятельность» (492, стр. 569) *.

* Следует заметить, что в четвертом и пятом изданиях вторая фраза снята.

Приведенные рассуждения Мейера и Веттера очень важны для уяснения несостоятельности обвинений материалистической диалектики в примитивизме и ненаучности: они, хотя и в «советологической» форме, по сути дела вынуждены отмечать универсальность диалектики как метода научного познания и революционного преобразования объективного мира.

Фальсифицируя материалистическую диалектику, «советологи» уделяют особое внимание критике диалектико-материалистической концепции развития, стремясь всеми способами «доказать» ее неправомочность и несостоятельность.

«Советология» и проблема развития

Проблема развития издавна волновала человечество, и каждое новое поколение пыталось по-своему осмыслить и решить ее. В силу этого в истории философской мысли возникали и развивались самые различные точки зрения, которые, как это обосновал Ленин, можно свести к двум основным концепциям развития — диалектической и метафизической, обстоятельно рассмотренным выше. Напомним только, что принципиальное различие между ними начинается с понимания сущности процесса развития: если диалектическая концепция трактует развитие как особый тип движения, сложный и противоречивый процесс, характеризующийся определенной направленностью, источник которого заключен не в какой-то потусторонней силе, а в нем самом, выражаясь в единстве и борьбе противоположных сторон, тенденций в развивающемся объекте, то метафизическая, напротив, истолковывает его как процесс циклический, повторяющийся и характеризующийся лишь количественными изменениями, процесс, источник которого находится вовне, выражаясь в каком-то внешнем воздействии. При этом диалектическая концепция исходит из бесконечного многообразия конкретных процессов развития, в то время как метафизическая стремится втиснуть это многообразие в какую-то априорную схему. Это напоминание необходимо потому, что критика «советологами» диалектической концепции развития при всем разнообразии оттенков и особенностей ее ведется по сути дела с позиций метафизики, которую отбрасывает как научная философия, так и сама

наука. Рассмотрим характерные «советологические» интерпретации развития.

Основные тенденции, характерные здесь для «советологии», могут быть сведены к следующим:

— распространение развития на всю материю, подмена им движения как формы существования материи с выходом в конечном счете к «первоначалу» и «творцу»;

— отрицание объективности и закономерности процесса развития, который-де противоречит принципу причинности;

— примитивизация и вульгаризация многообразия процесса развития, сведение его к триаде, что особенно типично для «советологического» истолкования марксистско-ленинского понимания общественного прогресса.

Авторы «Руководства...» обнаружили в материалистической диалектике даже особый «закон оптимистического эволюционизма», подчеркивая, что «под развитием понимается все, что ведет всегда к лучшему» (409, стр. 31). Эту же идею подробно развивают в своих «исследованиях» другие «советологи» — Бохеньский, Веттер, Фальк, Ингензанд, Левенталь и другие, всячески обходя многообразие форм развития и раздувая ими самими сконструированное движение «от худшего к лучшему».

«Советологи», как правило, отождествляют понятия «движение» и «развитие». «Особой диалектической чертой энгельсовского материализма, — пишет в этой связи Ланге, — является утверждение, что материя существует только в форме движения... К формам движения материи Энгельс относит все изменения... Развитие материи, по Энгельсу, есть процесс превращения низших форм движения в другие, более сложные» (457, стр. 80).

Следует заметить, что тезис о том, что материя существует только в движении, был сформулирован еще до марксовскими материалистами. Другое дело, что Маркс и Энгельс поставили проблему «самодвижения» материи. Материалистическая диалектика преодолела односторонность механистического материализма в понимании движения, понимая его как противоречивый процесс всякого изменения вообще, присущий как всей материи в целом, так и каждому отдельному материальному объекту. Говоря о развитии, Энгельс, как известно, не отождествлял его с движением и не считал формой существования

материи, относя к таковым движение, пространство и время.

«Советологи» стремятся представить дело так, будто бы в действительности никаких объективных оснований — критериев деления на «низшее» и «высшее» не существует, что подобные понятия (они дополняют их и особенно много говорят о развитии как движении «от худшего к лучшему») не объективны, а субъективны, относясь к сфере нравственности, а не науки. Прежде всего основоположники диалектического материализма отнюдь не ставили вопрос о «худшем и лучшем» как характеристиках процесса развития. «Советологической» постановке вопроса присуща внутренняя несостоятельность. Когда в материалистической диалектике говорится о каком-то определенном процессе развития и отмечается, что он идет от простого к сложному, от низшего к высшему, то эти понятия имеют совершенно конкретное содержание и обоснование в самой объективной действительности. К примеру, если имеется в виду развитие живых организмов, то основанием деления здесь может быть структура (одно- или многоклеточный организм), наличие нервной системы, головного мозга и другие объективные признаки, которые не имеют ничего общего с субъективизмом и нравственными оценками, о которых говорят «советологи». То же самое целиком применимо и к общественной жизни: уровень и темпы развития производительных сил, тип и форма производственных отношений, господствующая форма собственности на средства производства, тип и форма государства и т. д. Не случайно для характеристики развития общества имеется категория «прогресс», высшим объективным критерием которого является развитие производительных сил, что предполагает наличие в каждой сфере общественной жизни специфических объективных критериев прогресса.

Рассуждения «советологов» относительно развития материи преследуют цель доказать следующее: если материя в целом развивается, а каждый процесс развития конечен, следовательно, было «начало мира», стало быть, неизбежен и его конец. В итоге получается, будто старая религиозная догма о сотворении мира получает свое философское обоснование в... диалектическом материализме. А на этой основе его легче обвинить в ненаучности,

выдать диалектику за какую-то схоластическую систему и утверждать подобно Бохеньскому, что «в действительности она является его религией» (410, стр. 98).

Вот характерные рассуждения Веттера на этот счет, которые он выдвигает в качестве одного из основных возражений против материалистической диалектики: «Как мы видели, — пишет он, — ее (диалектики. — *И. Я.*) задача в системе диалектического материализма заключается в том, чтобы философски объяснить поступательное развитие в мире, не признавая внемировой причины. Для диалектического материализма развитие в мире представляет собой в основном прогресс. Общая тенденция развития — поступательное движение, хотя в отдельных областях может быть регресс и упадок. Однако против такого взгляда говорят трудности как философского, так и естественнонаучного порядка. С философской точки зрения нельзя понять, как можно связать тезис о постоянном поступательном развитии с другим основным тезисом — о безначальности мира... Возникает трудность также и с точки зрения естественнонаучной. Следует... считаться с тем, что жизнь на нашей Земле не всегда будет возможна... В соответствии с этим процесс развития природы в своей совокупности не представлял бы восходящую линию» (494, т. I, стр. 121).

По существу Веттер отождествляет движение материи не только с развитием, но даже с прогрессом, что совершенно не соответствует их диалектико-материалистическому пониманию: способом и объективной формой существования материи в целом является не развитие и тем более не прогресс (из чего исходят и на чем основывают свои возражения «советологи»), а движение.

Несостоятельны также и естественнонаучные возражения, приводимые Веттером. Гибель Земли отнюдь не обязательно приведет к гибели человечества, которое, возможно, сумеет переместиться на другие небесные тела. К тому же уже сегодня наука исходит из того, что во Вселенной, вероятно, есть другие мыслящие существа. Гибель Земли, о которой говорит Веттер, отнюдь не будет означать прекращения процесса развития, как такового, — он будет идти, так же как идет сейчас и происходил до возникновения жизни на Земле и самой Земли в других космических системах.

Одной из характерных для «советологии» общих тен-

дений является отрицание не только объективности и закономерности развития, но и самой его возможности. Так, Ингензанд, резюмируя свои рассуждения на этот счет, прямо утверждает: «1. Общественное развитие не является закономерно определяемым. 2. Не имеется закономерного для природы развития от худшего к качественно лучшему порядку, уровню» (446, стр. 76).

О том, что развитие общества определяется объективными закономерностями, равно как и об их сущности и специфике по сравнению с законами природы, говорит наука об обществе и наиболее общих законах его развития — исторический материализм, положения которого проверены и подтверждены всей совокупностью общественно-исторической практики независимо от того, соглашались или возражают против этого «советологи». Общественный прогресс, который отрицается критиком, является непреложным историческим фактом, неопровержимо свидетельствующим об объективности и закономерности развития общества. Что же касается последнего тезиса Ингензанда, то надо еще раз отметить, что материалистическая диалектика не оперирует понятиями «худшее» и «лучшее» применительно к природе.

Иngenзанд выступает и против закономерного характера развития: «Все что развивается, должно быть причинно обусловлено. Однако само признание всеобщей причинности не дает еще оснований... говорить о закономерности развития. Это было бы возможно только тогда, если бы человеку по мере надобности были известны все факторы, которые воздействуют на развитие» (446, стр. 58).

При таком подходе получается, что закономерность развития — явление не объективное, а субъективное: если человеку будут известны все воздействующие на него факторы, развитие будет закономерным, если же нет, то нет оснований говорить о такой закономерности. Но ведь существование объективных закономерностей развития и их познание общественным человеком — вещи разные. Развитие живых организмов на Земле происходило задолго до появления человека, не говоря уже о познании им этого процесса, равно как и закономерность общественного развития была объективной независимо от познания ее людьми. Вместе с тем говорить о необходимости знания всех факторов, воздействующих на развитие,

видимо, просто нельзя, ибо этот процесс, протекая в самых различных условиях, обуславливается поэтому различными факторами, которые вряд ли могут быть известны или предусмотрены а priori да еще целиком и полностью. Поэтому, выдвигая такое явно невыполнимое условие, наш «советолог» по сути дела просто отрицает объективную закономерность развития как процесса.

Отрицание возможности и объективности развития «советологи» пытаются мотивировать еще и таким аргументом — из меньшего не может возникнуть большего. «Но так как развитие, «к несчастью», идет от низшего к высшему, от меньшего к большему, исключение из этого процесса бога приводит коммунизм к непреодолимым трудностям. Ведь ему надо как-то объяснить, *как из меньшего получается большее*, если ничего не добавляется. Если мы... обозначим вечно существующую первичную материю... буквой *A*, а ее нынешнюю ступень развития (с растениями, животными и людьми) будем считать $A+B$, то следует объяснить, откуда взялось это *B*, которого прежде явно не существовало» (425, стр. 125; курсив мой. — И. Я.), — заключает свои рассуждения о сущности диалектики Фальк.

Прежде всего наш критик вводит новые понятия — «меньшее» и «большее», которые не тождественны употребляемым в диалектическом материализме «простое» и «сложное». Делается это, видимо, для того, чтобы легче доказать необходимость творца, а если он отрицается, — противоречие развития как процесса, противоречащего фундаментальным закономерностям природы (закону сохранения материи и движения), ибо, по мнению Фалька, *B* должно возникнуть из ничего. Если рассматривать развитие какого-то единичного объекта, то в нем новое возникает не на голом месте, а в рамках и на основе старого, преемственно сохраняя все то, что способствует этому, в результате диалектического отрицания. То же, что последнее является фактом, видимо, не секрет даже для «советологов», в частности для Фалька.

Далее наш критик исходит из конечности материи во времени и пространстве, говоря о «первичной материи», в то время как диалектический материализм утверждает нечто прямо противоположное: материя вечна и бесконечна, несотворима и неуничтожима, она находится в постоянном движении, не уменьшаясь и не увеличиваясь

количественно, а изменяясь от одной формы к другой, что, как доказывает наука, совершается без участия творца. При этом, сам того не замечая, «советолог» впадает в логическое противоречие: с одной стороны, он говорит о вечно существующей материи, которая, очевидно, потому и вечна, что никем не сотворена и не может быть уничтожена; с другой, он признает бога-творца, который сотворил, согласно канонам религии, все существующее, т. е. саму материю.

Отрицание возможности объективного поступательного развития «советологи» пытаются обосновать также и тем, что единство и борьба противоположностей в действительности якобы не существуют; поэтому, дескать, отрицательность, которая у Гегеля была вполне уместной, поскольку он исходил из принципа тождества мышления и бытия, в диалектическом материализме утрачивает свой смысл. Так, Веттер говорит: «Таким образом, основной предпосылкой диалектической концепции становления является, как мы только что видели, то, что предполагается реальная, имеющаяся в самой действительности отрицательность. Однако с точки зрения философии, стоящей на точке зрения теоретико-познавательного реализма, как и с точки зрения естественного мышления, это полностью невозможно. Придавать реальность «не», отрицанию, как таковому, означает то же, что и предполагать бытие небытия» (494, т. I, стр. 118).

Не рассматривая сейчас вопроса о реальной отрицательности, отметим лишь, что, как и противоречие, диалектическое отрицание столь же объективно, как реальные сами явления и процессы объективного мира. Но именно этого Веттер не хочет признать, предлагая «вместе с теизмом признать, что весь этот восходящий эволюционный процесс мира в конце концов как-то проникнут внемировой творческой силой» (494, т. I, стр. 118).

Извращение диалектико-материалистического понимания процесса развития «советологами» идет еще в одном направлении: они упорно твердят, что всякое развитие независимо от того, где и как оно происходит, идет обязательно по триаде, которая выдается ими за какой-то универсальный способ и механизм его. «Советская идеология учит, — отмечает в этой связи Ингензанд, — что из положения и отрицания возникает синтез, в веч-

ной диалектической трехступенчатости, троичности, поднимается ступень за ступенью каждый высший порядок, уровень. Триада есть такт прогресса» (446, стр. 59).

Говорилось уже много раз, что Маркс, Энгельс и Ленин неоднократно критиковали гегелевскую триаду, доказав ее несостоятельность как какого-то универсального механизма развития и показав, что диалектико-материалистическое понимание его принципиально противоположно ей. Поэтому возникает вопрос, почему критик упорно игнорирует все это и с упорством, достойным лучшего применения, приписывает советской философии, марксистско-ленинской теории в целом то, чему она не учит и что сама критикует как явно несостоятельное.

Что касается обвинений в адрес Маркса, Энгельса и всех коммунистов в том, что они используют триаду для теоретического обоснования исторического материализма и марксизма в целом, то, как указывалось выше, их несостоятельность давно доказана марксизмом и подтверждена общественно-исторической практикой. Между тем «советологи» продолжают оперировать этим фальшивым аргументом и сегодня, хотя и не столь категорично, как Ингензанд. «В марковом понимании истории, — утверждает, например, Ланге, — в целом заметна даже гегелевская «триада»» (457, стр. 58). Для подкрепления этого тезиса он использует старый прием: поскольку материалистическое понимание истории обосновывает неизбежность гибели капиталистического, классового общества и замены его коммунистическим, бесклассовым, постольку здесь будто бы и использована гегелевская триада: бесклассовое — классовое — бесклассовое общество. В действительности, как хорошо известно, Маркс и Энгельс пришли к выводу о неизбежности гибели капитализма, анализируя те конкретные социальные процессы и антагонизмы, которые присущи ему как формации, те объективные закономерности, которые определяют его возникновение, развитие и гибель, не нуждаясь при этом ни в какой «триаде».

Характерно, что некоторые «советологи» сами по сути дела возражают против обвинений Маркса и марксизма в гегелевских триадах. Вот что пишет в этой связи западногерманский «советолог» В. Хофман, рассматривая идею развития применительно к историческому процессу: «*Диалектика истории вообще протекает у Маркса иначе, чем*

у Гегеля: 1) В известной гегелевской «триаде» (тезис, антитезис, синтез) тезис и антитезис равноценны; у Маркса же один момент определяющий, а другой зависящий от него... 2) У Гегеля тезис и антитезис образуют совместно синтез; и это будет новой ступенью развития по отношению к тезису. У Маркса положительный элемент («положение») будет не соответствующей больше развитию стороной... 3) Так же как у Гегеля, и у Маркса все развитие в перспективе является единым смешанным процессом. Но у Гегеля это находит однажды конец, приходит к синтезу, который никогда не является тезисом. У Маркса диалектическое развитие не заканчивается» (441, стр. 97—98).

В трактовках «советологами» развития имеется еще один прием, с помощью которого они стремятся опровергнуть понятие общественного прогресса и отрицать его как таковой: утверждается, что развитие как процесс является «нейтральным» — нельзя поэтому говорить о том, что в действительности имеют место прогресс или регресс, ибо эти категории не объективны, а субъективны по своему содержанию. «Всякое развитие, всякое движение, — пишет в этой связи Ингензанд, — само по себе свободно от оценки (wertfrei). Называется ли оно позитивным или негативным, это в конечном счете решает личное мнение. Каждый прогресс, каждое изменение прежде всего нейтрально в отношении оценки (wertneutral). Является ли оно хорошим или плохим, зависит исключительно от масштаба, которым я измеряю происходящее изменение. Т. е. оценка всего возникающего и прошлого есть вопрос любой выбранной точки зрения» (446, стр. 59; курсив мой. — И. Я.).

Выходит, что развитие как процесс не имеет объективных критериев, которые бы отражали его объективную направленность и могли бы служить основанием для определения его сущности: прогрессивно или регрессивно оно, является ли оно восходящим или нисходящим процессом. Однако такая позиция является не только субъективистской, но и не оригинальной: ведь многие современные буржуазные социологи, даже не являющиеся антикоммунистами, отрицают общественный прогресс, выдвигая именно такую аргументацию и подчеркивая объективный характер «социальных изменений» при отрицании их закономерности, направленности и самого по-

нения прогресса. Несостоятельность подобных «доказательств» подробно проанализирована в нашей философско-социологической литературе. Общественный прогресс не чье-либо субъективное пожелание или «личное мнение», а общеизвестный и непреложный исторический факт: в каждой сфере общественной жизни имеются свои специфические объективные критерии прогресса; общим и высшим его критерием служит, как отмечал Ленин, развитие производительных сил общества, которое объективно обуславливает поступательность и восходящий характер исторического процесса и опровергает всевозможные его отрицания, обнажая их субъективистскую суть.

Видимо, чувствуя слабость своей позиции, Ингензанд вводит в свои рассуждения о «нейтральности развития» и такое движение, в отношении которого понятия «прогрессивного» и «регрессивного» действительно неприменимы. «Советолог» использует при этом испытанный прием, объединяя верное с неверным в полуправде, которая создает видимость объективности «советологических исследований» и используется нашими противниками для воздействия на неквалифицированного читателя.

Таким образом, от отождествления развития и движения до отрицания объективного и закономерного характера развития и обвинений материалистической диалектики в «субъективизме» и «примитивизме» — таков диапазон «советологических» интерпретаций процесса развития и его диалектико-материалистической концепции, что в значительной мере обуславливает извращения ее основных законов.

«Советологические» трактовки основных законов материалистической диалектики

Наиболее общими и характерными тенденциями, присущими «советологии» в освещении и истолковании основных законов материалистической диалектики, по нашему мнению, являются следующие:

— отрицание объективного характера этих законов, представление их не иначе как «мнимых» и «так называемых» и т. п.;

— отрицание всеобщности законов материалистиче-

ской диалектики, точнее, их действия в природе и обществе, ограничение сферы их применимости лишь областью духа, мышления;

— обвинения в необоснованности этих законов, в том, что современное естествознание якобы не подтверждает, а опровергает их;

— утверждения о том, будто законы материалистической диалектики противоречат принципу причинности;

— вульгаризация и примитивизация основных положений этих законов, сведение их сущности к тривиальным и примитивным положениям, которые якобы не обосновываются теоретически, а доказываются лишь примерами, подобранными из различных областей.

Авторы «Руководства...», характеризуя законы материалистической диалектики, пишут: «Самое важное при этом может быть резюмировано в следующих пяти мнимых» «законах»: (1) *закон связи...* (2) *закон оптимистического эволюционизма...* (3) *закон необходимости...* (4) *закон скачков...* (5) *закон противоречия...*» (409, стр. 31).

Здесь обращает на себя внимание не столько отрицание объективности законов диалектики, ибо это один из традиционных приемов их интерпретации «советологами», сколько сам субъективистский подход — произвольное их переименование и даже нумерация, которые никак не вяжутся с объективным и беспристрастным изложением, все время обещаемым читателю «советологами». Каждому, кто мало-мальски знаком с материалистической диалектикой, хорошо известно, что основных ее законов отнюдь не пять да и называются они совсем не так, как именуют их «советологи». Кроме того, обращает на себя внимание совершенно произвольное и неправомерное смешение основных законов, принципов и категорий диалектики, которое допускают ее критики.

Отрицая объективность ее основных законов, «советологи» выдвигают и всячески муссируют тезис, будто доказательство, подтверждение ее основных положений данными современного естествознания является неправомерным. Ланге в этой связи отмечает: «Даже новейшие данные корпускулярной и волновой теорий света интерпретируются ими (коммунистами. — И. Я.) как доказательства правильности диалектического материализма... Но это самообман. Попытка рассматривать добытые

естественными науками знания как подтверждение основных черт «диамата» противоречит всем правилам научного познания» (457, стр. 163).

В данном рассуждении вызывают возражения два момента. Во-первых, частный — о «неправомерности» подтверждения внутренней противоречивости предметов и явлений двойственной природой света: как известно, единство корпускулярных и волновых свойств микрообъектов является фундаментальным фактом, объективной закономерностью, подтвержденной данными современной физики, что неопровержимо свидетельствует об истинности данного положения диалектики, равно как и о беспочвенности возражений Ланге. Во-вторых, общий — будто бы подтверждение тех или иных положений диалектического материализма данными современного естествознания «противоречит всем правилам научного познания». Известно, что каждая наука имеет специфические формы и методы проверки своих положений: в одном случае это преимущественно логические доказательства, в другом — научные эксперименты и наблюдения и т. д. Применяя такие собственные формы и методы проверки, она в то же время использует и данные других наук, и прежде всего познанные ими объективные закономерности. Поэтому совершенно непонятно, почему диалектическому материализму «запрещается» использовать для доказательства своих положений данные естествознания и вообще современной науки. Тем более, что он, как убедительно показано выше, оперирует при этом не какими-то субъективно надерганными «фактиками» и «примерчиками», а именно фундаментальными закономерностями природы, отражаемыми в соответствующих естественнонаучных законах. По-видимому, «советологи» не случайно столь категорично выступают против естественнонаучных доказательств положений материалистической диалектики: природа постоянно и повсеместно подтверждает ее объективную истинность, будучи пробным камнем диалектики.

Как было специально показано выше, признание объективности и реальности процесса развития от низшего к высшему отнюдь не противоречит, как это утверждают «советологи», принципу причинности, который является одним из важнейших принципов материалистической диалектики как науки. И это вполне естественно. Ведь пере-

ход от низшего к высшему, о котором так много распространяются «советологи», есть отнюдь не какое-то механическое перемещение, не прямолинейное движение, происходящее в каком-то вакууме — вне взаимосвязи и взаимодействия с другими явлениями и процессами, равно как и не какая-то элементарная причинно-следственная связь. Если так представлять себе суть процесса перехода от низшего к высшему — а именно так трактуют его от имени материалистической диалектики «советологи», — вероятно, может возникнуть мнение, что подобный процесс противоречит принципу причинности и попросту невозможен, так же как, скажем, сегодня невозможен непосредственный переход от обезьяны к человеку или от неорганического вещества к живому существу.

Дело в том, что переход от низшего к высшему — это процесс, который происходит под влиянием не какой-то одной, а огромного числа различных причин — внутренних и внешних, главных и неглавных и т. д. На каждый объект воздействует множество причин, и потому его развитие нельзя свести к элементарной причинно-следственной связи, где низшее — причина (в другой терминологии — «меньшее») порождает высшее — следствие (в другой терминологии — «большее»). Принцип самодвижения отнюдь не противоречит и не исключает принцип причинности — напротив, они взаимосвязаны и дополняют друг друга: самодвижение есть результат действия прежде всего внутренних причин, но не только и не исключительно их, ибо любой движущийся и развивающийся объект связан и взаимодействует с другими объектами, испытывая тем самым воздействие внешних причин. Поэтому принцип самодвижения исключает не принцип причинности, а «внемировую творческую силу», которую провозглашают те «советологи», которые принадлежат к клерикальному лагерю.

Рассмотрим теперь хотя бы в самых общих чертах «советологические» трактовки и опровержения закона единства и борьбы противоположностей как сути и ядра диалектики. Говоря об этом законе, Ланге отмечает: «Эта самая интересная теорема диалектического материализма включает определенное толкование структуры вещей, явлений и процессов, которое восходит к гегелевской философии; все они рассматриваются как единство противоположностей... Естественно, что она (борьба против-

положностей. — И. Я.) прекращается с преодолением «старого». Здесь действует универсальный закон (причем ничем не подтвержденный), что противоположности внутри единства — безразлично, идет ли речь о вещах или социальных явлениях, — становятся все более резкими. Когда противоположность достигает известного предела, который в каждом отдельном случае зависит от качества единства, противоречие преодолевается и место старого качества занимает новое» (457, стр. 162, 163—164).

В приведенных рассуждениях содержится весьма важное признание, выраженное, разумеется, в «советологической» форме: признание содержательности данного закона, его важности и огромной роли в диалектике и диалектико-материалистической философии вообще. Однако за пределами такой констатации Ланге по сути дела извращает и примитивизирует сущность и значение данного закона. Это касается прежде всего его сущности: вопреки Ланге одна из центральных идей закона единства и борьбы противоположностей — относительность единства и абсолютность борьбы противоположностей делает невозможным «прекращение» борьбы противоположностей, о котором говорит «советолог», ибо она имеется во всех без исключения явлениях и процессах.

Далее Ланге пытается обосновать типичное для «советологии» обвинение в ненаучности и неистинности основных законов диалектики, что следует будто бы из того, что универсальность закона единства и борьбы противоположностей «ничем не подтверждена». Однако это просто повторение стереотипного антидиалектического тезиса, отрицающего внутреннюю противоречивость предметов, явлений и процессов объективного мира, полная несостоятельность которого была показана выше. Отрицание реальности самих диалектических противоречий, характерное для «советологии», отнюдь не является ее изобретением — оно просто заимствовано из буржуазной философии и имеет более чем столетнюю историю. С подобными обвинениями в адрес Маркса выступал, как известно, еще Дюринг, а их несостоятельность доказал еще Энгельс.

Американский «советолог» А. Вильдман, характеризуя философские взгляды Ленина, утверждает: «По его мнению, закон о «единстве противоположностей» является ключом к Гегелю. Для Ленина он представлял уни-

версальный закон природы, то, что диалектика господствует во всей объективной реальности, включая функции человеческого духа» (496, т. 4, стр. 8).

Бросается в глаза типичная для «советологии» попытка представить Ленина таким правоверным гегельянцем, что, как это хорошо известно, совершенно не соответствует действительности. Вильдман извращает самую суть дела, упуская из виду принципиальное отличие ленинского понимания данного закона диалектики от гегелевского. У Гегеля это — закон единства противоположностей, из которого в конечном счете вытекает, что противоположности примиряются, а само противоречие нейтрализуется. У Маркса, Энгельса и Ленина это закон единства и борьбы противоположностей, из которого вытекает, что противоположности не примиряются, а борются, вследствие чего противоречие разрешается, т. е. данное единство уничтожается и на смену ему приходит новое единство противоположностей. Именно поэтому Ленин подчеркивал относительность единства и абсолютность борьбы противоположностей, что, кстати, отмечают и некоторые «советологи».

Чрезвычайно распространенным в буржуазной философии и заимствованным «советологами» способом «опровержения» закона единства и борьбы противоположностей служит противопоставление понятий «противоречие» и «движение», и в особенности отрицание противоречивости движения как процесса. Особенно подробно останавливается на этом Веттер: «Сколь смутны понятия, столь же смутен смысл формулируемого с помощью этих понятий закона. В итоге остается неясным, является ли движение результатом противоречия, или же оно воплощает формально в себе самом противоречие. Если речь идет о движущемся теле... то в этом случае движение в себе самом представляет противоречие. Однако если в других случаях движение (изменение) должно осуществляться в результате того, что внутри изменяющегося предмета выявляются противоположные стороны и между ними возникает борьба... то в этом случае изменение этого предмета есть результат противоречия внутреннего. И это совсем иное положение вещей, чем в первом случае» (494, т. I, стр. 124; см. также 493, т. II, стр. 1229).

Стало быть, Веттер ставит вопрос «жестко»: либо

движение есть противоречие, либо оно представляет результат противоречия. Между тем такое жесткое противопоставление неверно, оно присуще одностороннему метафизическому мышлению, которое не принимает и не понимает «и ... и», а исходит лишь из «либо ... либо». В действительности движение и противоречие неразрывно связаны между собой, причем сущность всякого движения состоит в постоянном возникновении и разрешении противоречий, которые потому и являются его источником. Поэтому правильный подход состоит не в противопоставлении одного другому, а в признании их органического единства и многогранности их соотношений.

Следующее возражение против этого закона сводится к отрицанию противоречивости движения как процесса. «Если же мы станем теперь понимать смысл этого закона, — пишет далее Веттер, — таким образом, что движение в самом себе представляет противоречие, то надо сказать, что здесь речь идет о ложном выводе. Противоречие, как утверждается, заключается в том, что движущееся тело одновременно находится и не находится в одной и той же точке. Но ошибка при этом кроется в том, что линия воспринимается как состоящая из точек и что посему в линии есть-де реальные точки, что, однако, не так. Линия — это протяженное в одном направлении образование. Точка же ни в одном измерении не обладает протяженностью, ее протяженность равна нулю. Ведь ясно, что, суммируя непротяженное, никогда нельзя получить даже какой-нибудь минимум протяженности. Поэтому точка и линия относятся к различным порядкам. Итак, поскольку линия не состоит из точек, то нельзя и сказать, что движущееся (вдоль этой линии, как по своему пути) тело проходит через эти точки. Тем самым снимается и противоречие» (494, т. I, стр. 125).

И данное возражение столь же неосновательно, сколь и неоригинально: неумение или нежелание понять внутреннюю противоречивость движения характерно для многих философов-метафизиков самых различных времен. Сторонники подобной точки зрения не могут понять или совершенно игнорируют тот факт, что движение по своей природе противоречиво — оно есть единство прерывного и непрерывного, они абсолютизируют первое и отрицают нацело второе. В итоге при таком подходе движение представляется как сумма покоев и фактически

отрицается как таковое. Однако общественно-историческая практика неопровержимо свидетельствует о реальности и бесконечном многообразии движения в объективном мире, опровергая все подобные «аргументы» против движения. Впрочем, поскольку многие «советологи» склонны отрицать практику как критерий истины, следует сказать, что несостоятельность рассматриваемой аргументации доказана и теоретически. Это было сделано на идеалистической основе еще Гегелем в его «Лекциях по истории философии», а затем материалистически обосновано Энгельсом в «Диалектике природы» и Лениным в «Философских тетрадах».

Дело в том, что движущееся тело, находясь в какой-то точке пространства, отнюдь не покоится в ней, оно находится в данной точке, поскольку проходит через нее, и не находится в ней, поскольку не останавливается в этой точке. Ленин показывает внутреннюю несостоятельность отрицания движения: «Это возражение *неверно*: (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено» (2, т. 29, ст. 232).

«Советологи» выдвигают еще одно обвинение против закона единства и борьбы противоположностей, утверждая, что понятия, которыми он оперирует, определены недостаточно точно. «Однако что же это за диалектические противоречия? Точного определения не дается, — пишет Веттер, — лишь весьма смутно говорится о «противоречивых свойствах» предметов» (494, т. I, стр. 123—124). А австралийский «советолог» Каменка в упоминавшейся выше статье идет еще дальше, подчеркивая, что «понятие противоречия, занимающее столь важное место в советской философии, так и не было подвергнуто тщательному анализу» (450, стр. 85—86).

Данные обвинения «советологов» совершенно неосновательны, ибо категория «противоречие», равно как и другие понятия, которыми оперирует этот закон (противоположность, различие, единство, борьба), определены в нашей философской литературе, причем не только научной, но и учебной. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки любое учебное пособие по фи-

лософии. В них черным по белому написано, что такое противоречие, что такое противоположность, т. е. имеется то, что «советологи» объявили несуществующим.

Повышенный интерес «советологов» к закону единства и борьбы противоположностей отнюдь не случаен. Ведь данный закон является сутью, ядром диалектики, что прекрасно понимают и сами «советологи». Различные их возражения и обвинения преследуют поэтому одну общую цель — опровергнуть этот закон материалистической диалектики, используя для этого все методы и средства, не забываясь особенно об их объективности и добросовестности.

В заключение следует остановиться еще на том обвинении «советологов» против законов диалектики, будто между ними имеет место противоречие. Веттер, например, делает это, критикуя закон отрицания отрицания: «Дело в том, что этот закон находится в противоречии с основным законом — законом о единстве и борьбе противоположностей. Разбирая этот закон, мы видели, что борьба противоположностей разрешается не примирением, а тем, что один из борющихся элементов одерживает победу над другим. В «синтезе» гегелевской диалектики усмотрели тенденцию к примирению противоположностей и выражение «буржуазного характера» философии Гегеля, а также его нежелание извлечь из диалектики все революционные социальные выводы. Но теперь невозможно не признавать, что отрицание отрицания с его кажущимся возвратом к прежнему состоянию также означает «снятие», т. е. примирение, противоположностей, как и гегелевский «синтез» — снятие тезиса и антитезиса. Может быть, этот возврат советской философии к отрицанию отрицания следует расценивать еще и как выражение «обуржуазивания» советской идеологии...» (494, т. I, стр. 128).

Основное возражение Веттера в том, что по закону единства и борьбы противоположностей противоположности борются, а по закону отрицания отрицания якобы примиряются, несостоятельно, что обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего раздвоение единого на противоположные части, их борьба и разрешение противоречия, равно как и само диалектическое отрицание, выражают органическое единство обоих законов, их взаимобогащение и дополнение, ибо они раскрывают различные

стороны одного и того же процесса — развития: первый из них раскрывает его источник и движущую силу, а второй — общую тенденцию и направление как процесса. Далее, «снятие» в диалектико-материалистическом смысле отнюдь не тождественно «синтезису» Гегеля, так как у него всякое развитие идет лишь по триаде, в то время как материалистическая диалектика в полном соответствии с действительностью утверждает, что реальный процесс развития может проходить через бесконечное количество ступеней (скажем, развитие эмбриона в материнском организме). Но даже если конкретный процесс развития проходит через три ступени, «примирения» противоположностей не происходит, ибо отрицание отрицания не есть просто возврат к исходному пункту (а только в этом случае можно было бы говорить о «примирении» их), а *якобы возврат*, когда на высшей ступени развития повторяются какие-то черты и особенности низшей. Вследствие этого и противоположности в развивающемся объекте здесь уже не те, что были прежде, а иные: в противном случае не было бы поступательного развития — оно шло бы не по спирали, а по кругу. Наконец, примирение противоположностей у Гегеля проистекало отнюдь не из диалектики, а диктовалось требованиями его идеалистической системы.

Что же касается рассуждений «советолога» об «обуржуазивании» советской идеологии, то его целенаправленность весьма очевидна. Известно, что одним из основных тезисов современных догматиков — «левых» оппортунистов, прежде всего «китаизированных марксистов», — служит обвинение в «обуржуазивании» советского общества, его материальных и идеологических отношений. Характерно, что именно «советологи» стремятся всячески разжечь и углубить имеющиеся в коммунистическом движении разногласия, по существу блокируясь с «левыми» ревизионистами для совместной борьбы против марксизма-ленинизма.

Итак, от отрицания объективности основных законов диалектики и обвинений в противоречии их принципу причинности и современным данным естествознания, от отрицания реальности противоречий в природе и обществе до утверждений о противоречиях между самими законами диалектики, от неточного воспроизведения отдельных их положений до прямых извращений их сущ-

ности и чистой софистики — таков диапазон средств и приемов критики «советологией» основных законов материалистической диалектики.

Анализ «советологических» интерпретаций сущности и коренных проблем материалистической диалектики показывает, что критики марксизма-ленинизма всячески фальсифицируют их, стремясь доказать «ненаучность» и «примитивизм» диалектики. Вместе с тем рассмотрение их аргументации свидетельствует о несостоятельности подобных «доказательств», ибо «советологам» в их критике марксистско-ленинской теории не хватает ни объективности, ни реалистичности, ни научности.

Вместо заключения

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Диалектика глубоко пронизывает все мировоззрение марксизма-ленинизма, она есть и будет всегда его революционной сущностью, его душой — это ленинское положение является краеугольным камнем, определяющим ее место и значение в борьбе социальных сил современной исторической эпохи. Диалектика как метод революционного мышления и действия выступает в качестве могучего оружия борьбы сил социализма и прогресса против империалистической реакции и гнета монополий.

Действенная, революционная роль материалистической диалектики определяется ее подлинно научным характером, ее *объективной истинностью*, органическим единством со всем сложным и противоречивым процессом научного познания мира, ее неразрывной связью с *практикой* жизни и борьбы прогрессивных и революционных сил истории. Диалектика марксизма-ленинизма есть величайший итог развития мировой научной, философской и логической мысли, глубокое теоретическое обобщение закономерностей мирового общественного развития, всей социально-исторической практики человечества. Диалектика как наука, как метод познания и действия прошла гигантский исторический путь — от ее зарождения в далекую античную эпоху вплоть до наших дней.

I

Идеи диалектики возникли на заре человеческой культуры — в философско-научных и философско-религиозных взглядах и представлениях Египта, Вавилона, Индии, Китая. Здесь был высказан ряд своеобразных и в точном смысле слова *оригинальных* идей и положений в понимании *движения* окружающего мира, свидетельствующих о стихийно-диалектическом характере мышления человека уже в ту эпоху.

В Греции, перефразируя Гегеля, свет ударяет молнией мысли и *диалектический разум* совершает свой пер-

вый исторический шаг. В лице эфесского мудреца Гераклита диалектическое мышление поднялось на высшую ступень своей эпохи, стремясь раскрыть рациональную сущность мирового космоса. Идеи диалектически-рационального понимания мира и самого сознания человека накладывают свой отпечаток на все или почти все мышление времени, включая и его мистифицированные формы поздней греческой, а затем и римской культуры.

Но здесь, в Греции, в развитии человеческого мышления раскрылась чрезвычайно характерная закономерность, присущая ему в течение многих последующих столетий. Диалектические идеи и принципы не стали каноническим научным мышлением, не получили значения логических начал познания. Эти последние развивались самостоятельной ветвью человеческой мысли и достигли своей вершины в «Органоне» и «Метафизике» великого Стагирита. Значение Органона мышления получили не золотые искры его диалектических идей, рассыпанные повсюду в его сочинениях, а его логические принципы, законы, категории. Именно они составили содержание науки логики, созданной Аристотелем и получившей значение канона для всякого научного исследования и построения дедуктивных рациональных систем на многие века вперед. «Начала» Евклида, созданные столетие спустя, по своей логической структуре могут рассматриваться в качестве геометрического варианта «Органона». Конечно, это частный вариант, отнюдь не исчерпывающий богатства логических идей последнего, но бессмертие Евклидовых «Начал» демонстрирует и бессмертие аристотелевского «Органона».

Функция диалектики как орудия спора, дискуссий получила свое развитие в Греции, что, естественно, было обусловлено и общими социальными основаниями, и уровнем самой диалектической мысли.

Для последующей эпохи характерной явилась тенденция именно использования и применения схоластической логики — «формальной диалектики», по меткому определению Гегеля, в практических целях и интересах римско-католической церкви, для оправдания и создания видимости обоснования ее догматов и утверждений. Принципы аристотелевской логики были трансформированы в систему формальных категорий и лишенных содержания словесных форм, получившую значение квази-

абсолютного канона рассуждений, неизбежно подменяющего своими формальными правилами реальный процесс мышления. Эти правила оперировали категориями «за» и «против», устанавливали связи между ними и отношения взаимного исключения, выражающие противоположность элементарных суждений истины и лжи.

Все это вписано в структуру схоластической логики, откуда, однако, не следует, что ее как «формальную диалектику» надо образно представить вслед за Гегелем как «свинью в золотом ожерелье», т. е. как нечто нелепое. В ней налицо конкретизация формального аппарата аристотелевской логики, уточнение смысла и значения ее терминов и определений, построение иллюстративных схем, например логического квадрата. Поэтому ее никак нельзя определять как «нуль истины». Но тем не менее именно формально-схоластический ее характер в целом не позволяет рассматривать эту «формальную диалектику» как ступень в развитии действительно диалектического мышления, что органически связано с ее отчужденностью от научного познания.

Мыслители-материалисты средних веков Ибн-Сина, Ибн-Рушд, Роджер Бэкон, Дунс Скотт, Вильям Оккам в своих научных и философских трудах неизбежно высказывали различные диалектические идеи в понимании природных явлений. Но они не получили логической кристаллизации и оформления в виде именно идей и положений диалектики как метода мышления. Поэтому они также не могут рассматриваться в качестве этапа ее развития. «Канон медицины» великого таджикского ученого и философа не стал канонем логико-диалектического мышления.

Новая эпоха и гигантский взлет научного познания закономерно привели к новым логическим идеям и стремлению создать новый логический синтез науки. Это нашло свое выражение и в рационалистической логике Декарта, и в индуктивной логике английского эмпиризма, причем и то и другое имело своим источником идеи «истинной науки» Леонардо. Создание нового логического Органона было исторически необходимым и неизбежным. Таким явился «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона, представлявший собой попытку всесторонне разработанной системы логики науки нового времени. Последнее четко выражено в знаменитых бэконовских определе-

ниях: «великое становление наук», «истинные указания истолкования природы», «инструмент для отыскания истины».

Здесь снова проявляется та же закономерность, хотя, разумеется, на другом витке спирали развития мысли: идеи диалектики, высказанные многими мыслителями Возрождения (Леонардо, Бруно, Телезио), не получили необходимого логического выражения, и вследствие общего характера мышления эпохи, в особенности естественно-научного, роль логического синтеза и Органона сыграли идеи и принципы индуктивной логики. К тому же альтернативность последних в отношении формально-схоластической логики закономерно привлекала к себе ученых естествоиспытателей.

Как известно, определяющим принципом бэконовского «Органона» выступает соединение рационального метода с опытными данными, что приводит к созданию индуктивной логики как логики «подлинных наук», обеспечивающих «истинное истолкование природы». Под этим понимается не только система методически проводимых экспериментов и наблюдений, но и раскрытие действительных причин изучаемых явлений. Отсюда и логическая форма: бэконовские таблицы, обобщенные впоследствии Миллем как специальные методы индуктивного исследования. Одним из ярких выражений этих идей является афоризм Бэкона: логика как искусство открытия должна расти вместе с самими открытиями. Здесь в соответствующей форме заключена глубокая мысль о единстве новой логики и процесса познания, получившая развитие и новое содержание много позднее — в диалектической логике Гегеля.

Свои триумфы бэконовские принципы празднуют в великих результатах опытного естествознания XVII—XVIII вв., невысказанных без теоретических обобщений. Механика Галилея, великие открытия Ньютона, физические труды Гука, астрономические изыскания Гершелей, в значительной мере научные деяния Ломоносова — все это основано в конечном счете на принципах индуктивной логики бэконовского Органона, получивших в плодотворных результатах познания природы свою действительную жизнь и рациональное значение.

Исключительно важным представляется в связи с этим следующий факт. Крупнейшие ученые той эпохи со-

знательно применяли в своих исследованиях определенные логические принципы, которые были в своей основе не чем иным, как принципами индуктивной логики. В Ньютоновых «Математических началах натуральной философии» имеются специальные «Философские правила» (*regulae philosophandi*), формулирующие принципы и правила плодотворных научных исследований. Последние направлены на изучение причин явлений природы, на анализ общих причин и общих свойств многообразных тел физического мира, что позволяет дать им математическое выражение и установить математические начала процессов природы, которые становятся тем самым математическими началами натуральной философии. Заметим попутно, что ньютоновское высказывание «гипотез не сочиняю» (*hypotheses non fingo*) отнюдь не направлено против научных гипотез, а только против гипотез неосновательных, априорных, не имеющих под собой экспериментального или математического фундамента. Как известно, сам Ньютон развивал немало идей, имевших характер научных гипотез: гипотезы тяготения, эфира, корпускулярного истечения света.

В плане тех же идей необходимо отметить и труд Дж. Гершеля «Рассуждения об изучении естественной философии», где формулируется ряд правил научных исследований, опирающихся на бэконовские принципы и отчасти на декартовские правила.

Можно без преувеличения сказать, что в значительной мере все развитие классической физики, несмотря на возникновение в начале прошлого века диалектической логики Гегеля и создание далее материалистической диалектики, питалось на протяжении двух столетий плодотворными идеями и принципами бэконовского «Органа». Но его определенная историческая и методологическая ограниченность не могла не сказаться рано или поздно и на самой классической физике.

Диалектическая мысль достигла высочайших вершин в немецкой классической философии. При всем значении диалектических идей в системах Канта, Фихте, Шеллинга особое место принадлежит обоим историческим полюсам этой цепи — Лейбницу и Гегелю.

В мировоззрении Лейбница идеи диалектики пронизывают все философские принципы и построения и, что в особенности важно, в значительной мере сливаются,

именно в их методологическом значении, с характером его научного творчества. Последнее наиболее ярко раскрылось в идеях дифференциального и интегрального исчисления, созданного им на основе диалектико-математических представлений в отличие от Ньютона, шедшего от механико-физических закономерностей движения.

Гегель явился творцом первого в истории человеческой мысли диалектического Органона познания в виде системы *науки логики*, приобретающей до известной степени значение *логики науки*. Эта последняя есть диалектическая логика познания в ее действенной методологической функции, имеющей всеобщий смысл и характер. Отсюда и слияние логики, диалектики и теории познания — принцип, *определяющий* роль и значение диалектики как всеобщей методологии и логики науки. Идеалистические основы и противоречивость самих диалектических идей у Гегеля не позволили его диалектическому Органону стать подлинным Органом научного мышления, но прогрессивные идеи и рациональные принципы его Органона сохраняют свое непреходящее значение — и в системе материалистической диалектики как единственной всеобщей методологии, адекватной законам научного познания, и в развитии самих человеческих знаний, необходимо и закономерно рождающих диалектические идеи и представления.

В определенной мере идеи и принципы диалектической логики Гегеля превзошли исторический уровень познания его эпохи — и познания природы, и в особенности познания социальных отношений. Во многом они адекватны новой, неклассической физике XX в., а в логике «Капитала» — на принципиально иной основе — они празднуют свои триумфы в анализе противоречий целой исторической эпохи. Но в конкретно-историческом плане, именно в данный период, и здесь не было необходимого соответствия, полной и подлинной адекватности развитых принципов и положений диалектического Органона характеру и уровню научного познания. Функции диалектики как методологии не могли в этих условиях раскрыть свою необходимую эффективность.

Действительно диалектика немецкой классической философии и, естественно, в ее гегелевском «завершающем звене» прежде всего глубоко противоречива. Она оказала сильнейшее влияние на общий характер мышле-

ния своей эпохи и тем самым на всю духовную культуру времени. Прогрессивные исторические силы — и просветительская интеллигенция, и революционный демократизм, и далее пролетарское революционное движение — использовали ее и делали политические выводы, соответствующие их социальным целям и интересам. Высшее историко-практическое значение диалектики Гегеля состоит в революционном характере ее исходных принципов, получивших в марксизме их истинный смысл и в новом виде соединенных с революционной борьбой пролетариата.

Консервативные и реакционные силы подчиняли идеи диалектики требованиям гегелевской системы философии в целях обоснования и оправдания *status quo* и тем самым своего господства. В знаменитой формуле Гегеля о тождестве разумного и действительного как в фокусе раскрывается противоречивый смысл его диалектики, именно ее практически-действенного значения. Если одни видели в диалектике Гегеля «алгебру революции», то другие стремились превратить ее в «евангелие реакции».

Историческим результатом развития мировой диалектической мысли стало создание Марксом и Энгельсом *истинной диалектики*, действительно адекватной научному познанию и отсюда задачам теоретического обоснования революционно-преобразующей деятельности рабочего класса и всех трудящихся масс по созданию новых социальных порядков. Создание материалистической диалектики явилось исторической необходимостью для обеспечения глубокого прогресса научного знания и решения назревших социальных проблем. Ее действенно-практические функции приобрели качественно новое историческое значение.

Научное познание располагает с этого момента мощным методологическим оружием, обеспечивающим ему определяющие ориентиры прогрессивного развития, раскрывающие реальные перспективы достижения объективной истины и в познании природы, и в исследовании общественных явлений, и в изучении сущности, роли и перспектив развития самого человека. Историческая деятельность людей получает глубокое теоретическое освещение в плане ее революционных перспектив, раскрытия действительных факторов социального развития, законо-

мерно приводящего к победе коммунистических общественных отношений. Диалектика получает тем самым значение не только Органона мышления, но и «Органона революционного действия».

Закономерно, что именно в таком значении, или, как писал Маркс, в своем рациональном виде, диалектика внушает буржуазии ужас, ибо она по самому своему существу критична и революционна. Поэтому также закономерно, что марксистская диалектика подверглась и подвергается ожесточенным атакам со стороны буржуазных и ревизионистских идеологов.

Создание материалистической диалектики отнюдь не означало возникновения второй, завершенной, как у Гегеля, системы. Принципы и положения материалистической диалектики непрерывно развиваются и обогащаются новыми результатами прогресса познания и быстро развивающейся общественно-исторической практики. Это органически присуще именно марксистско-ленинской диалектике, неразрывно связанной со всеми сложными, противоречивыми многообразными процессами бесконечно развивающегося материального мира и его научного познания.

Новая историческая эпоха — эпоха ленинизма есть эпоха крушения и гибели капитализма, победы и утверждения социализма и коммунизма в результате героической и гигантской борьбы рабочего класса и всех трудящихся под водительством коммунистических партий. Эта эпоха потребовала глубокого и всестороннего развития, обогащения, конкретизации принципов и всех положений материалистической диалектики как мощного революционного оружия в борьбе против капитала, против всех сил реакции и консерватизма. На историческом рубеже революционного перехода от капитализма к социализму высится исполинская фигура Ленина — гениального мыслителя и революционера, величайшего диалектика во всей истории мировой социальной, философской и научной мысли.

Ленин приступил к научному анализу характера новой исторической эпохи во всеоружии диалектического арсенала Гегеля, Маркса и Энгельса. Используя все его богатство, Ленин одновременно глубоко и всесторонне разрабатывает и развивает диалектику, поднимая ее на уровень требований эпохи и задач грандиозной револю-

ционной борьбы, которую возглавила созданная им большевистская партия. Опираясь на основные положения марксизма, Ленин разработал подлинно научную теорию социалистической революции, имеющую мировое значение. Она является теорией революционного обновления мира, перехода общества от капитализма к коммунизму во всемирном масштабе.

Ленинская теория социалистической революции *глубоко диалектична* во всем своем содержании. Она основана, как выше отмечалось, на проникновении в самую суть новой исторической эпохи, на раскрытии ее решающих противоречий, на анализе главных тенденций и закономерностей революционного процесса. Ленинская теория исходя из изучения движущих сил революции показывает место и роль каждой из них в общей борьбе, устанавливая соответствующие связи между ними, и дает всестороннее обоснование гегемонии рабочего класса и необходимости его союза с крестьянством и другими социальными силами, выступающими против капитала.

На основе диалектического анализа взаимодействия объективного и субъективного факторов в революционном процессе ленинская теория показывает необходимость руководящей роли партии как боевого авангарда рабочего класса, дает обоснование научного характера ее политики, стратегии и тактики.

Громадное значение для всей современной борьбы рабочего класса имеет глубоко обоснованное в ленинской теории диалектическое единство общих закономерностей в развитии социалистической революции и конкретных, особенных, своеобразных форм, путей и методов ее осуществления в различных зонах и странах.

Ленинская теория рассматривает мировое революционное движение как единый, сложный, комплексный процесс, анализирует взаимодействие всех его основных потоков и движущих сил, определяет роль и особенности каждого из них, выделяет решающее значение мировой системы социализма.

Все содержание ленинской теории социалистической революции проникнуто духом диалектического анализа, основано на подлинно научной методологии, что обеспечивает ей объективно истинный характер и громадную практическую действенность. Ленинская теория определила стратегию и тактику большевистской партии, при-

ведшую ко всемирно-исторической победе Октября, явилась основой политики коммунистических партий, одержавших победу в социалистических революциях ряда других стран. Каждый тезис, каждая мысль ленинской теории социалистической революции стоят и сейчас на вооружении рабочего класса и его партий всех стран мира — при всем своеобразии и особенностях их революционных задач и условий борьбы. Ленинская теория, и это обусловлено самим ее творческим характером, диалектической сущностью, непрерывно и всесторонне развивается, конкретизируется, обогащается новой практикой революционной борьбы, развитием всего мирового революционного процесса во всей его сложности и противоречивости.

В ленинской теории социалистической революции материалистическая диалектика раскрывает свою сущность как мощное теоретическое оружие революционно-практического преобразования мира.

Выполнить такую исключительно важную историческую роль диалектика может только в ее глубоком, подлинно научном содержании. Именно так ее и рассматривал Ленин. Диалектика в его понимании — это универсальная теория развития, богатое и многогранное учение, неразрывно связанное со всей общественно-исторической практикой, со всеми социальными процессами, развертывающимися в мире, с решающими результатами научного познания действительности. Последнее определяет новое по сравнению с Гегелем последовательно материалистическое в своих принципиальных основах понимание единства диалектики, логики и теории познания, раскрывающее значение диалектики как всеобщей методологии и логики познавательного процесса.

Этим определяется и ленинская непримиримость ко всем видам и формам фальсификации диалектики со стороны буржуазных и ревизионистских идеологов.

Ленин дал теоретическое обобщение закономерностей общественного развития не только эпохи империализма, но и открывшейся с победой первой социалистической революции эпохи созидания нового общественного строя, раскрыл ее объективную диалектику в ее новом конкретном содержании. Он разработал основные положения диалектики переходного периода, открыв тем самым новую страницу в теории материалистической диалектики.

Главным здесь является развитие теории диалектических противоречий, проблема связи социального единства и противоречий общества, анализ путей и форм перехода от старого к новому, анализ и обогащение новым содержанием принципа конкретно-исторического подхода к познанию действительности, проблемы взаимосвязи старых форм и нового содержания, взаимодействие и переплетение многообразных форм и проявлений диалектических законов развития. Ленин развил основные идеи и положения *теории диалектики социализма*, сделав громадный шаг в разработке материалистической диалектики вообще как универсальной теории развития.

Тем самым Ленин дал философам-марксистам целую программу творческого развития проблем материалистической диалектики в органическом единстве с объективными социальными процессами новой исторической эпохи. В процессе реализации ленинской программы советские философы, как это показано в соответствующих разделах данного труда, достигли немалых результатов, дав разработку целого ряда проблем диалектики эпохи строительства социалистического и коммунистического общества.

Важнейшей особенностью развития *науки* марксизма-ленинизма является разработка коммунистическими партиями политических документов, решений съездов и пленумов центральных комитетов, выступления руководящих деятелей. Эти документы имеют и практически-политическое, и теоретическое значение, что обусловлено научным характером всей политики коммунистических партий, основанной на объективном анализе каждого данного исторического периода, на вскрытии диалектических связей и закономерностей происходящих процессов, на конкретном подходе ко всему комплексу экономических, политических, идеологических проблем, требующих соответствующего решения. Здесь глубокое и творческое *применение принципов диалектического анализа* означает вместе с тем и *развитие диалектики* как методологии, как теории изменения мира, ее обогащение конкретным содержанием развивающейся и сознательно направляемой деятельности людей, совершающих историческое преобразование действительности.

Таков характер и смысл деятельности коммунистических партий в этом отношении, в этом состоит теоретиче-

ское значение партийных документов и решений, представляющих собой научные документы марксизма-ленинизма, глубоко пронизанные идеями диалектического понимания действительности.

Большая роль в развитии марксистско-ленинской диалектики принадлежит решениям XXIV съезда нашей партии, являющимся важнейшими политическими и теоретическими документами нашего времени, имеющим вместе с тем *общепринципиальное, общеметодологическое значение.*

Документы съезда раскрывают объективную диалектику современной исторической эпохи, ее внутренне противоречивую сущность, совокупность ее многообразных противоречий в их конкретных проявлениях в данный исторический момент; определяющие закономерности ее развития, реальные движущие силы, их взаимодействие, различные тенденции в развитии важнейших социальных процессов; противоположный характер диалектического развития и перспектив социалистической и капиталистической мировых систем; связь и переплетение трех основных потоков революционного движения, их конкретную роль и значение в общей борьбе против сил мирового империализма; динамику всех сторон мировой общественной жизни. Тем самым общие диалектические понятия и категории наполняются новым реальным, конкретным содержанием.

В документах съезда раскрываются диалектические закономерности развитого социалистического общества в СССР, характер его противоречий, богатство и многообразие конкретных диалектических связей во всех областях жизни нового общества. Диалектика социализма раскрывается в качественно новом ее содержании, отличном не только от диалектики капитализма, но и от диалектики переходного периода, что отнюдь не снимает связи и «преемственности» с диалектическими закономерностями в развитии рождающихся новых социальных отношений того периода.

Диалектика развитого социалистического общества есть вместе с тем диалектика перерастания социалистического общества в коммунистическое. XXIV съезд нашей партии анализирует проблемы закономерностей развитого социализма в исторической перспективе перехода к коммунизму. Именно на этой научно-методологи-

ческой базе им принимаются важнейшие практические решения, обеспечивающие реальный процесс коммунистического строительства. При этом, что важно с общеметодологической точки зрения, в документах съезда специально отмечено, что в решении целого ряда конкретных задач, в практике планирования большое значение имеют специальные методы: экономико-математическое моделирование, системный анализ и т. д. Эти последние применяются в их единстве с общими принципами диалектического метода.

Диалектика как орудие революционного преобразования мира, как общеметодологическая основа практических решений исторических задач может выполнить свою роль только в качестве теории и методологии, адекватной самой развивающейся действительности, выражающей ее внутреннюю динамическую, противоречивую сущность. Этим, т. е. *самой логикой вещей*, определяется ее действительность и подлинно научный характер — в противоположность идеям и принципам современной идеалистической философии.

II

В современных условиях научной революции, в сложном процессе взаимодействия идей конкретных наук и философских обобщений закономерным и неизбежным становится самое пристальное внимание всех философов, в том числе стоящих на идеалистических позициях, к методологическим проблемам научного познания. Закономерно также, что последние преследуют здесь свои определенные цели — утвердить принципы и идеи идеалистической философии, оправдать претензии многих ее школ и течений на создание «истинной» философии и логики современной науки.

Принципы идеалистической философии по своей природе не являются и не могут быть адекватными сущности и закономерностям развития научного познания. Вместе с тем в гносеологических концепциях современной идеалистической философии был поднят ряд действительных проблем в понимании познавательного процесса, в анализе методологических и логических проблем науки. К ним в первую очередь следует отнести широкую постановку вопроса о месте, роли и значении логико-мате-

матических методов в исследовании знания, вопросы связи эмпирического и логического уровней познания, проблемы базисного знания и методов построения научных систем и теорий, о методологическом значении искусственных и естественных языков, о понятиях и функциях в познании истин факта и истин логических, о роли и границах применимости общефилософских идей и принципов в специальных сферах научного знания и некоторые другие.

Гносеологически все рациональные моменты в идеалистических концепциях обусловлены наличием соответствующих компонентов сложного и многогранного процесса научного познания, имманентной логикой его движения, с необходимостью требующей специального анализа путей и методов обоснования знаний, способов доказательства истинности как знания в целом, так и его компонентов, выявления перспектив его дальнейшего развития. В целях сохранения своих позиций идеалистические философские и гносеологические учения неизбежно должны стремиться дать соответствующие ответы на все эти вопросы.

Несмотря на ряд важных постановок конкретных проблем методологии познания, в целом гносеологические теории современного идеализма не смогли дать адекватных ответов и научных решений фундаментальных методологических проблем научного познания. Независимо от их многообразных различий все гносеологические построения философов-идеалистов базируются на ненаучных принципах, неадекватных природе действительного знания. Поэтому закономерно рано или поздно, в явном или неявном виде подобные построения приводят *к противоречию с объективным содержанием развития науки и всего познавательного процесса.*

Концепции современной буржуазной философии основаны на идеалистическом мировоззрении, на метафизической методологии и неизбежно приводят к отрицанию объективной истинности познания. И процесс научного познания в целом, и специальное развитие логики, математики, кибернетики, в сферу которых весьма широко и настойчиво стремились проникнуть современные гносеологи с их идеалистическими концепциями, — все это показало несостоятельность их принципов. Метафизический подход в особенности продемонстрировал свою «не-

эвристичность» и неубедительность в анализе проблем взаимосвязи эмпирического и рационального уровней познания, в определении границ и в оценке познавательной роли логической формализации, столь характерной для современного этапа научного познания, в вопросе о характере и взаимоотношении содержательного и формального методов, в исследовании проблемы истины как центральной проблемы гносеологии, имеющей большое методологическое значение.

В трактовке проблемы истины современные буржуазные философы поставили ряд существенных вопросов, наметили многие специальные решения, достигли определенных результатов в анализе этой сложной и многогранной проблемы. Но ахиллесовой пятой их концепций является тенденция отрицания объективной истины, неизбежно приводящая к субъективистским и агностическим следствиям.

На протяжении всего XX в., в особенности в связи с непрерывно развивающейся научной революцией, различные гносеологические теории претендовали на решение методологических проблем науки, стремясь выработать соответствующие принципы и методы получения истинных результатов в научном познании. Многие из этих теорий претендовали на создание той или иной разновидности Органона истинного знания.

В начале и первой трети нашего века значительным влиянием пользовались *гносеологические идеи неокантианства*. К числу заслуживающих внимания методологических положений, выдвигавшихся неокантианскими гносеологами, несомненно, принадлежит стремление многих из них (П. Наторп, Р. Кронер, Г. Риккерт, Э. Кассирер) показать роль теоретического мышления в познании, место высоких абстракций в познавательном процессе. С этим связан и другой аспект: подчеркивание активности разума в познании, приобретающей решающее значение, поскольку именно разум является творцом и носителем высших теоретических форм. Этим формам — у Кассирера они становятся символическими формами — подчиняются серии понятий конкретных наук, получающих смысл благодаря некоторому закону, имеющему универсальное значение.

В гипертрофированном виде здесь проявляется вполне реальное содержание познавательного процесса, в значи-

тельной мере выступающего как совокупность многообразных теоретических форм и категорий в их относительно имманентном движении и логической взаимозависимости.

Вследствие, однако, субъективно-идеалистических принципов, лежащих в основании философии и гносеологии неокантианства, эти рациональные идеи не только не получили своего логического развития, но привели к ряду противоположных по своему гносеологическому значению следствий.

Гипертрофирование активной роли разума в создании теоретических форм познания приводит к характерному для кантианской философии априоризму, ставшему одним из определяющих принципов ее гносеологии. Присущее кантианству стремление установить границы познания не менее логично превращается в агностицизм, столь характерный для неокантианских гносеологов. Процесс естественнонаучного образования понятий осуществляется путем последовательной элиминации «интенсивного и экстенсивного многообразия», в результате чего создаются максимально общие понятия, которые лишаются познавательной силы и становятся чистыми формами вне реального содержания. Понятия социальных наук, являющихся только идеографическими, также лишаются познавательной ценности, ибо они могут в лучшем случае лишь фиксировать исторические события и не в состоянии раскрыть ни сущность, ни закономерность социальных явлений.

В гносеологию позднего неокантианства (30—40-е годы) все более стали проникать идеи философии ценностей, что обусловило крайний релятивизм в трактовке истины — категории, отнюдь не занимающей в этот период значительного места в арсенале кантианских идей.

Все это привело неокантианство к явному противоречию с мощным прогрессом научного познания последних десятилетий и обусловило неизбежность падения его влияния. Возник, по выражению Кассирера, *hiatus*, разрыв между научным прогрессом и принципами неокантианской гносеологии. Отсюда неизбежно терпят фиаско и методологические принципы, предлагаемые неокантианскими теоретиками.

Весьма значительным движением в развитии современных гносеологических идей явились, бесспорно, *неопо-*

зитивистские концепции. Различные виды современного позитивизма абсолютизируют соответствующие стороны познавательного процесса — опытные данные, физические факты, логические категории, лингвистические формы. Вместе с тем позитивизму в целом присущи определенные общие черты, имеющие решающее значение для всех его гносеологических и соответственно методологических принципов.

Во-первых, это эмпиризм, выступающий в современном позитивизме в многообразных формах: в признании чувственных данных — ныне знаменитых *sense data* — в качестве основы познавательного процесса, в сведении системы предложений к протокольным предложениям, непосредственно основанным на описании чувственного опыта, во введении специального принципа верификации. Разумеется, непосредственно-чувственная сторона познания играет необходимую роль в сложном процессе установления истинности предложений, в поисках путей действительного познания свойств материальных предметов. В элементарных случаях чувственная верификация может служить и непосредственным реальным критерием истинности.

Но эмпиризм как методологический и гносеологический принцип в целом является несостоятельным. Не говоря о том, что чувственный опыт здесь рассматривается всецело с субъективной стороны и игнорируется независимая от него реальность, весь сложный и многогранный критерий истинного познания сводится к непосредственному сопоставлению предложения с чувственно воспринимаемым фактом (или к серии соответствующих операций). Объективно это означает игнорирование главного: решающего значения общественно-исторической практики как подлинного критерия истины, взятой во всем многообразии ее сторон и проявлений.

Эмпиризм — именно как принцип — несостоятелен и в отношении всей сферы логико-теоретического познания, категории которого лишены «вещества чувственности» и их развитие подчинено своим имманентным закономерностям, лишь в последнем счете зависимым от практики, но именно в ее широком значении, а не в ограниченном смысле «чувственного факта».

Во-вторых, современный позитивизм в значительной мере в связи со все более выявлявшейся несостоятель-

ностью эмпиризма выдвинул в качестве гносеологического принципа логический формализм. Анализ логической сферы познания, ее специфики и форм имеет громадное — и общее, и специальное — значение, что в особенности в свете современного знания ни у кого не может вызвать никаких сомнений. Несомненно также, что разработка системы формальных правил является не только рациональной вообще, но и необходимой в построении дедуктивных систем, играющих исключительную роль в развитии познания.

Однако трактовка этого принципа в позитивизме привела к его крайней формализации и элиминированию содержательных оснований логически построенных систем. Становилось все более очевидным, что подобный путь не приведет к истинным результатам в познании. Логический формализм именно как позитивистский гносеологический принцип приходит в противоречие с реальным познавательным процессом, отражающим богатое содержание действительности. Не случайно поэтому внутри самого позитивизма возникла семантическая реакция на формализм логического синтаксиса языка, а затем и на формализованные системы языков — со стороны Витгенштейна и его последователей, сторонников концепций «естественных языков».

Присущий позитивистской гносеологии агностицизм уже по своему понятию не позволяет наметить правильные пути и методы истинного познания. Для позитивизма характерно прежде всего ограничение познания сферой непосредственно данного, внешних свойств являющихся предметов. Отсюда логичным явилось провозглашение позитивистами в манифесте Венского кружка ныне хорошо известного агностического тезиса: в науке нет никаких «глубин», повсюду существует только «поверхность».

С этим связано в позитивизме отрицание объективной истины, проявляющееся в различной форме: и в общем релятивистском подходе к истине, и в «принципе толерантности», провозглашающем произвольное построение логических и лингвистических систем с полной элиминацией всякого содержания, и в конвенционализме, столь характерном для построений современных позитивистов.

На новейшей фазе эволюции позитивистских идей — в современном лингвистическом анализе — отрицание

объективной истинности познавательных форм выступает в еще более явном виде. Смысл и значение предложений определяется их употреблением в контексте речи; само понятие значения определяется свободным установлением правил языка, часто уподобляемым правилам игры; предложения не выражают никакого объективного знания, являясь только носителями мнений людей, преследующих те или иные практические цели; отрицание всякого референта как реального критерия истины означает сведение ее к различным употреблениям термина «истинный» (Строусон) и закономерно приводит к представлению о ней как об «иллюзорном идеале» (Остин).

Не случайно, что некоторые наиболее крупные буржуазные философы под влиянием объективной логики научного познания постепенно приходят к отрицанию позитивистских гносеологических принципов. В своей обобщающей работе «Человеческое познание» Б. Рассел выдвинул постулаты познания, означающие по существу почти полное отрицание позитивистских идей и принципов. Во-первых, расселовские постулаты, несмотря на рудименты отдельных позитивистских формулировок, фактически исходят из признания объективного существования предметов внешнего мира и, во-вторых, эти постулаты ориентируют на познание причинных отношений вещей, на основе которых рассматриваются и пространственно-временные связи (см. 298, стр. 522—529). Для самого Рассела это означает крушение его собственных воззрений. В целом этот факт свидетельствует о внутренней несостоятельности позитивистской гносеологии, пришедшей к своему отрицанию во взглядах одного из крупнейших ее представителей.

В связи с проблемой истины не менее знаменательной явилась реакция К. Поппера, предложившего в докладе на XIV Международном философском конгрессе «О теории объективного разума» свою альтернативу субъективистским воззрениям на природу истинного знания. Он выдвигает идеи объективного смысла и объективной истинности форм познания, связывает их с идеей развития знаний, выступает против субъективистского подхода к историческим явлениям, критикуя идеалистические позиции английского историка Р. Коллингвуда. Все это также объективно говорит о несоответствии гносеологических принципов позитивизма требованиям научного анализа (см. 406, стр. 26—46).

Развивавшаяся в русле неопозитивистских идей общая семантика стремится решить гносеологические и методологические проблемы познания с позиций примата лингвистических форм и категорий. По мнению ее представителей, именно игнорирование решающего значения языка в анализе всех проблем бытия и познания определило несостоятельность методов традиционных науч-

ных дисциплин в понимании сущности и путей достижения истины.

С. Хайакава утверждает, что «человек, который говорит на языке, резко отличном по своей структуре от английского языка, например японском, китайском или турецком, может мыслить совсем не теми мыслями, которыми мыслит человек, говорящий на английском языке» (437, стр. 21). Формы логического мышления являются зависимыми от языковых форм и законов. А. Рапопорт отмечает: «Правильность силлогизма и других логических умозаключений целиком зависит от лингвистических правил, но ни в коем случае не зависит от «фактов»» (480, стр. 43).

Такие позиции неизбежно приводят общих семантиков к агностическим выводам и следствиям. Общие понятия и все абстрактные логические категории рассматриваются вне их реального отношения к предметному миру; они не что иное, как «термины», и поскольку им ничто не соответствует, то от них свободно можно отказаться (Кожибский). Семантический *принцип нетождественности* понятий и слов с предметами ведет к их двойному разрыву и лишает их тем самым познавательного смысла. *Принцип неполноты* безграничность и неисчерпаемость предметного мира противопоставляет конечным и ограниченным познавательным категориям, лишая последние содержательного смысла; неопределенное «ЕТС» находится вне сферы достижения познания. *Принцип самоотражаемости* невозможность абсолютно исчерпывающего описания явлений превращает в невозможность адекватного отражения вообще объектов действительности с помощью понятий и слов в силу неосуществимости бесконечного процесса самоотражения. Момент относительности познания абсолютизируется и по старым позитивистским схемам ведет к агностическим следствиям.

Смертельным ударом, coup de grâce, самой себе общей семантики явился ее отказ от пользования *языком слов*. Экстенциональная ориентация, заменяющая интенциональное языковое мышление, и есть мышление вне общих логических форм и их языковых выражений. Эта ориентация на бессловесное мышление, оперирующее изменчивыми и единичными чувственными данными, гносеологически есть движение по нисходящей линии и действительно демонстрирует самоотрицание общей семантикой первоначально провозглашенного примата языка.

Отсюда и отрицание смысла истинности и языковых, и логических категорий, получающих у представителей общей семантики иллюзорный характер. Плюралистический релятивизм приводит к полному отрицанию объективной истинности. Истина, говорит Лоувилл, каждому представляется по-разному. Она лежит на дне колодца, и тот, кто смотрит вниз в поисках ее, видит на дне лишь свой собственный образ.

Следовательно, и методологические построения общих семантиков — прежде всего схема «унифицированной науки» Кожибского и другие — лишаются содержательно-познавательного смысла и служить каким бы то ни было Органом познания не могут. Методы развития знания, не ведущие к достижению его объективной истинности, не есть действительные методы.

Весьма интересным и знаменательным явлением философской мысли XX в. явилось *гуссерлианство*, гносеологические идеи которого в особенности претендуют на оригинальность и решение всех познавательных проблем, перед которыми пасуют все другие гносеологические учения.

Феноменология представляет собой определенную альтернативу психологизму, релятивизму и другим формам субъективизма, а также и априоризму, переводящему гносеологические категории в трансцендентную для мышления сферу, фактически отрывающему эти категории от реального мыслительного процесса. Выступив первоначально с критикой подобных систем, она провозгласила гносеологическую программу, претендуя на создание новой теоретической дисциплины как «строгой науки», имеющей значение гносеологического фундамента для всего — и общефилософского, и специально научного — знания. Эта программа развивалась, конкретизировалась, трансформировалась и в настоящее время выступает с еще более широкими целями, нежели у самого Гуссерля.

Современный американский феноменолог М. Фарбер в книге «Цели феноменологии» отмечает следующие задачи, подлежащие решению с помощью феноменологического метода. Во-первых, обеспечить создание единой теории познания и науки; во-вторых, установить базис мышления и основания логики; в-третьих, определить роль в познании интеллекта и эксперимента; в-четвертых, определить универсальное «поле философских исследований» и осуществить «идеал полной дескриптивной философии» (427, стр. 14).

Сам Гуссерль конечной целью феноменологической программы объявил создание *Органона трансцендентального познания*, основанного на чистых, внеэмпирических, априорно-теоретических принципах, предшествующих всякому конкретному познавательному процессу. «Великий Органон трансцендентального познания», как его представляет сам Гуссерль, это и есть феноменология «как наука о трансцендентальном сознании». Такой Органон должен обеспечить теоретическое единство всего познавательного процесса и открыть пути достижения истины.

Несомненно, феноменологическая альтернатива крайнему субъективизму и метафизическому априоризму имеет некоторое рациональное значение. Она не только показывает их гносеологическую несостоятельность, но и выдвигает: (а) идею объективной значимости теоретических категорий и (b) идею предметности сознания, направленности познания на предмет, наполнения феноменов сознания предметным содержанием.

Идея объективности в гуссерлианской феноменологии претерпела определенную трансформацию. Последняя идет по линии отказа от понимания объективности как антитезы субъективизму. Формально гуссерлианский Органон выражает некоторое единство объективного и субъективного, но в этом единстве постепенно доминирующей становится идея субъективности познания. Предмет истинного знания конституируется в процессе неокартезианского *cogitationes*.

Вполне логичным явился и следующий шаг в эволюции гуссерлианских идей — введение поздним Гуссерлем понятия «жизненного мира». Это — мир обыденного опыта познающего субъекта, его мнений, представлений, верований, это — мир субъективного и релятивного.

Характерно, что современные последователи Гуссерля выделяют именно этот аспект его идей.

В последнее время имеет место еще большее усиление субъективистских тенденций в феноменологии. Они весьма явственно проявились на коллоквиуме во время XIV Международного философского конгресса по теме «Брентано, философская психология и феноменологическое движение».

В центре дискуссий на коллоквиуме стояли проблемы феноменологической психологии, связанные, так же как и проблемы «жизнен-

ного мира», с идеями позднего Гуссерля. Главное внимание было уделено идеям «психогнозиса», идущим от Brentano, согласно которым, как это сформулировал в своем докладе Л. Ландгребе, «все вопросы познания должны получить окончательное обоснование в психологии» (406, т. II, стр. 151).

Из этих идей всецело исходили и другие докладчики — Р. Чисхолм, К. Фишер, Д. Сэнфорд. Они подчеркивали решающее значение психических «актов познания», необходимость «психологических предпосылок» для определения критериев истинности суждений, роль психологии вообще, обладающей, по словам Фишера, «высшей ценностью по сравнению со всеми другими науками» (406, т. II, стр. 207).

Это возвращение к Brentanovскому психологизму в значительной мере обесценивает гуссерлианскую критику психологизма вообще. Теоретическая несостоятельность гносеологических идей феноменологии заключается, разумеется, не в самом факте анализа субъективного аспекта познания, в том числе и анализа психических актов, а в том *приоритете*, который в конце концов отводится этому аспекту. Субъективизм, хотя и в своеобразной форме, выступающий даже в некотором единстве с «новой объективностью», определяет сущность гуссерлианского Органона, который, непосредственно к тому же направленный *против научных истин*, не может выполнить функции «науки о трансцендентальном сознании», не может стать поэтому канонem теоретического знания.

На новое философское и методологическое откровение, в последнее десятилетие в особенности, предъявил свои претензии *структурализм*. Мы подчеркиваем в контексте нашего рассмотрения этих вопросов его претензии именно на универсальную методологию познания.

Как определенный метод анализа структурализм восходит корнями к идеям теоретической лингвистики Ф. де Соссюра, Н. Трубецкого, Р. Якобсона. В работах де Соссюра, созданных еще в начале века, была развита методологическая схема, в значительной мере определившая главные черты современного метода структурального анализа.

К. Леви-Стросс дает следующую его характеристику. Во-первых, необходимо собрать и проанализировать отдельные, частные факты, составить их максимально полный перечень; во-вторых, установить взаимные связи между фактами, сгруппировать их и выявить внутренние коррелятивные отношения; в-третьих, синтезировать все в единое целое, составить системы соответствующих элементов, создавая таким путем единый тотальный объект исследования (см. 459, стр. 18—23).

Логически следующим шагом становится расширение сферы этой методологии, что Леви-Стросс осуществляет, отправляясь от лингвистических объектов исследования. Сначала создается некоторая модель языковых связей, затем на ее основе устанавливаются соответствующие отношения в сфере родственных связей, далее происходит переход к анализу форм мышления, создается «теория разума», от нее следует переход к теории мифов и, наконец, к созданию теории общества в целом. При этом он допускает, что генерализация метода возможна и от других элементов как исходных.

М. Фуко примерно с тех же позиций подходит к анализу широкого круга вопросов истории, языка, науки, культуры, искусства. Его главная мысль состоит в том, что лингвистические структуры как внутренние согласованные системы выражают и определяют состояние культуры в разные века истории человечества. Он рассматривает лингвистические структуры в качестве автономных, в которых различные элементы определяют соответствующие стороны общественной жизни. Весь первый том «Капитала», по его мнению, представляет собой раскрытие смысла и значения термина «стоимость»; «весь Ницше» сводится к нескольким терминам греческого языка; Фрейд базируется на «немых фразах», на мечтах, фантазмах, на «являющейся речи» (см. 431, стр. 311). В новой работе «Археология знания», вышедшей в 1969 г., Фуко еще сильнее подчеркивает значение лингвистических структур как определяющих объектов познания, на основе которых единственно возможно адекватное знание социальных и экономических отношений. Он отрицает в истории наличие общих законов, истории в целом не существует-де вообще, налицо только частные «истории» или различные виды «практики» — медицинской, технической, экономической, политической и т. д. Решающим видом практики выступает практика речи, ее познание есть ключ к познанию всех социально-исторических явлений (см. 430).

Так структурализм превращает свой специальный метод в универсальную методологию знаний, объективно претендуя на ее значение в качестве новейшего Органона современной науки.

Вне всякого сомнения, структуральный анализ при всей его противоречивости имеет определенное позитивное значение как один из специальных методов исследования конкретных явлений.

Во-первых, изучение различных структур, их элементов, характера связей между ними и со всей системой в целом является не только рациональным, но и необходимым в анализе сложных совокупностей предметов, явлений, процессов. Для настоящего времени достаточно

назвать проблему анализа структуры элементарных частиц материи, чтобы убедиться в этом.

Во-вторых, гносеологически метод структурального анализа, требующий целостного подхода к изучению объектов, выражает идеи концепции когеренции истины. Принцип внутренней согласованности, лежащий в ее основе, весьма важен в исследовании, если не допускать его абсолютизации и не формализировать, игнорируя содержание изучаемого объекта. В этих гносеологических рамках структуральный анализ может служить одним из частных методов в сложном процессе искания истины.

В-третьих, очевидной является важность изучения лингвистических структур в анализе социальных процессов. Можно сказать, что всесторонний анализ сложных социальных проблем невозможен без изучения сферы языковых связей и отношений. При этом необходимо лишь не допускать ее абсолютизации.

Но структурализм претендует на несравненно большее — на создание нового, всеобщего метода анализа и в философском, и в специально научном плане. В таком понимании структурализм оказывается несостоятельным.

Прежде всего он абсолютизирует центральное понятие, лежащее в его основе, — само понятие структуры. Он рассматривает социальные структуры как самодовлеющие, автономные, фактически вне внутренних связей с действительно определяющими социальными факторами. Отсюда структурализм неизбежно оказывается не в состоянии раскрыть внутренние причины социальных явлений вообще, в том числе и причины возникновения самих структур.

Далее, структурализм рассматривает социальные структуры как данное, в качестве готовых объектов, не вскрывая закономерностей их развития. В связи с этим структурализм фактически игнорирует классовую природу социальных отношений, классовое содержание самих социальных структур. Этим в значительной мере определяется объективистский характер его принципов, что не позволяет рассматривать структурализм в качестве научной основы теории общества.

Многие представители структурализма фактически отрицают развитие социальных структур, придерживаются синхронического, а не диахронического подхода к ним, не

выходя за рамки статических взглядов на социальные явления.

Статический структурализм был подвергнут критике со стороны известного ученого-психолога Ж. Пиаже, принадлежащего к генетическому структурализму. Он упрекает и Леви-Стросса, и Фуко за разрыв между генезисом и структурой, за игнорирование процесса возникновения (см. 478). В этом Пиаже, безусловно, прав. Однако и он не смог в силу ограниченности своего понятия генезиса показать действительные причины и характер общественного развития. К тому же он приходит к биологизации социальных явлений, метафизически игнорируя качественное отличие их от явлений природы. В целом можно сказать, что, несмотря на наличие некоторых диалектических элементов в воззрениях представителей генетического структурализма, методология структурализма во многом оказывается антидиалектической.

Антидиалектизм весьма явственно проступает в новой книге Ж. Моно, специалиста в области молекулярной биологии, провозгласившего идеи структурализма в качестве научного метода. Он фактически отрицает в духе статического структурализма эволюцию и самих структур, и их элементов внутри структурных образований, абсолютизирует лингвистические модели в биологических исследованиях, определяет сущность человека через понятие языка, диалектику отождествляет с эволюционизмом Спенсера (см. 477).

Наконец, весьма существенным методологическим дефектом структурализма является отсутствие в нем анализа активной деятельности человека, общественно-исторической практики, в процессе которой создаются все социальные структуры, их элементы, связи и т. п. Всесторонняя критика структурализма с этих позиций была проведена французскими марксистами, выступившими с целой серией статей, наиболее важные из которых были опубликованы наряду с материалами прогрессивных философов-немарксистов в специальном номере журнала «La Pensée».

В целом, как и все основные принципы большинства концепций современной идеалистической гносеологии, методология структурализма *антидиалектична* по своей природе, что неизбежно приводит к ее внутреннему конфликту с глубокой *диалектичностью реального процесса научного познания*.

III

Перед марксистской мыслью с настоящей необходимостью стоит задача дальнейшей разработки философско-исторической концепции современной эпохи, раскры-

тия логики эволюции общественного бытия, что Ленин считал одной из высших задач человечества. Это означает всестороннюю разработку проблем диалектики общественного развития, многообразных и противоречивых процессов современности, что является необходимым теоретическим условием создания *научной картины современной исторической эпохи*.

Современная эпоха характерна новыми процессами, вызванными величайшей в истории научно-технической революцией, оказывающей мощное воздействие на развитие важнейших социальных явлений наших дней. Научное познание охватывает всю совокупность происходящих в мире изменений — и в природе, и в обществе, и в жизни человека со всей его материальной и духовной культурой. Поэтому закономерно, что диалектика современной эпохи выступает как универсальная теория развития; именно в этом состоит, как уже отмечалось неоднократно, ленинское понимание ее смысла и значения.

Все это предопределяет необходимость, как пишет академик П. Федосеев, решения сложной и трудной задачи *развития теории материалистической диалектики, разработки целостной системы ее законов и категорий* (см. 362, стр. 75). Это есть в известном смысле разработка диалектического органа научного мышления, синтезирующего все главные идеи и положения логики науки диалектического материализма, представляющего собой концентрированное выражение логико-методологических идей и принципов познавательного процесса, выступающего как высшее достижение мировой философской и логической мысли.

К необходимости развития системы логических оснований науки, адекватной ее высокому современному уровню, приходят и крупнейшие ученые наших дней. Физика XX в. глубоко революционизировала наши представления об окружающем нас мире. Новые теории все сильнее проникают в диалектическую сущность природных явлений. Перед человеком открылись величественные перспективы познания и практического использования могучих сил природы во имя его интересов. Закономерно, что выдающиеся ученые нашей эпохи не могли пройти мимо логических проблем науки, не могли не попытаться установить принципы научных исследований, необходимые для плодотворного развития знаний. Как знамение времени

мы должны отметить исключительное внимание творцов новейших физических теорий к логическим и гносеологическим проблемам научного познания.

Всей своей научно-теоретической деятельностью великие ученые современности выразили общую, чрезвычайно мощную тенденцию научного мышления нашей эпохи: дифференциация и возникновение новых частных научных дисциплин находится в глубоком единстве с процессами искания *синтеза в познании*, что необходимо ставит все соответствующие проблемы логических оснований знания.

История философских и научных идей XX в. показала, что влияние идеалистической философии и гносеологии отрицательно сказывается на постановке и особенно решении учеными проблем логики и методологии науки. Поэтому большое значение имеет анализ этих проблем учеными, сознательно стоящими на позициях диалектического материализма. Исключительно важными в этом отношении являются труды и выступления выдающихся советских ученых по методологическим вопросам современного естествознания, в особенности по философским и логическим проблемам физики, математики, кибернетики, биологии, бионики, физиологии, психологии, по общим принципиальным проблемам науки.

В специальном разделе данной работы были рассмотрены вопросы развития диалектики как логики и методологии науки в трудах советских ученых-специалистов. Главный результат этих работ и выступлений состоит в признании и обосновании — с их конкретно-научных позиций — эвристической роли диалектики как методологии и логики науки для анализа содержания, структуры и путей плодотворных научных исследований.

Как было показано в соответствующих разделах предлагаемой работы, философы-марксисты Советского Союза, а также других стран (что является задачей специального рассмотрения) провели важные исследования целого комплекса проблем диалектики, ее законов и категорий. В последние два примерно десятилетия появились ценные труды, исследующие актуальные проблемы логики науки исходя из применения диалектических принципов к анализу познавательного процесса эпохи современной научной революции. В ряде работ поставлены задачи развития системы диалектической логики

на основе ленинских планов диалектики, данных в «Философских тетрадах» и других ленинских трудах. Анализу этих планов посвящена специальная работа академика Б. Кедрова «Из лаборатории ленинской мысли», вышедшая в 1972 г. Речь идет о всесторонней разработке, опираясь на ленинские идеи и положения, обобщающего труда нашего времени, учитывающего новейшие научные достижения, в котором в концентрированной форме были бы представлены диалектико-материалистические принципы логики научного познания, развита тем самым теория материалистической диалектики.

Остановимся прежде всего на общем характере такой системы методологических идей и принципов диалектики.

В узком смысле она может быть сведена к системе основных законов и категорий диалектики, рассматриваемых в их методологическом значении в отношении к современной науке. В таком понимании имеется, на наш взгляд, известный элемент ограничения материалистической диалектики как логики науки. С подобной тенденцией мы сталкиваемся, когда авторы просто объявляют диалектику логикой познавательных форм и категорий. При такой процедуре происходит абсолютизация узкого смысла диалектической системы, вполне рационального и необходимого самого по себе, но полностью не соответствующего глубокому и всестороннему значению диалектики как универсальной методологии познания и анализа практического действия.

В полном и широком смысле понятие такой диалектической системы совпадает с понятием диалектики в ее универсальном гносеологическом и методологическом значении — в полном не в смысле завершенности, а в плане включения всех наличных компонентов диалектики в данном ее значении. Диалектика как высшая теория мышления, как всеобщая методология охватывает весь комплекс ее идей и принципов, законов и категорий плюс выводов и следствий из них в их эвристическом значении для всего познавательного процесса, для научного познания в его полном объеме — от истоков и низших форм до высших абстрактно-теоретических построений.

Материалистическая диалектика как теория и всеобщая методология является высшим достижением и результатом развития мировой философской и логической

мысли; концентрированным выражением методологических выводов — и в историческом, и в логическом планах — всего познавательного процесса; обобщением наиболее рациональных логико-методологических идей и принципов современного этапа научного познания, включая общие результаты логико-математических форм и методов.

В таком понимании, всецело определенном ленинскими идеями, современная диалектико-материалистическая система мышления, или система диалектической логики, выступает в качестве мощного орудия познания мира, эффективного фактора прогресса человеческих знаний. Этим обеспечиваются и ее практически действенный смысл и значение.

В отношении самого познавательного процесса, взятого во всем многообразии его конкретных сфер, теорий и концепций, понятийного аппарата, выраженного в форме соответствующего научного языка, система диалектической логики получает *значение метатеории в ее широком смысле и понимании*. На основе ее идей и принципов, с помощью ее понятийного аппарата анализируются принципы, структура, категории, методы всех научных теорий и других познавательных форм, их место и роль во всем процессе научного познания.

В связи с этим естественно, что диалектическая логика приобретает значение *металогической системы* идей, принципов, категорий, необходимой для анализа структуры, логических форм, предлагаемых конкретными научными теориями и концепциями. С позиций и с помощью принципов и понятий диалектической логики анализу подлежат теории и концепции естественных, математических, социальных наук — именно как определенные структуры, системы научного знания во всем конкретном многообразии их связей, отношений, содержания и форм.

Нет необходимости говорить об исключительно плодотворном значении *логической формализации* научного познания, под знаком которой в значительной мере разворачивается научный процесс в современную эпоху. Достаточно сослаться на ее важнейшую роль в прогрессе кибернетики, методы которой демонстрируют громадное значение логической формализации в самых различных сферах научного познания. Это значение состоит не толь-

ко в строгом анализе структуры, элементов, взаимосвязей данной научной теории, но и в постановке новых вопросов познания, выдвижении новых задач, требующих конкретного решения в данной области знания, в выявлении новых путей искания истины, выработке средств и способов ее обоснования и доказательства.

Было бы ошибочным, на наш взгляд, рассматривать систему диалектической логики в качестве просто нового этапа в развитии логической формализации знания. Она глубоко и последовательно *динамична* в своей сущности — и в целом, и во всех своих компонентах. Поэтому строгая формализация, необходимо требующая определенности и стабильности ее объекта, не может выступать необходимым и жестким требованием к такой системе.

Вместе с тем диалектическая логика обладает определенной структурой, представляя собой некоторую систему идей, принципов, категорий диалектики как науки, как всеобщей методологии знания. С полным основанием можно говорить о выполнении диалектической логикой таких функций логической формализации — в ее методологическом значении, — как выявление и уточнение содержания рассматриваемых научных теорий путем анализа их логических (диалектических) форм, выяснение диалектических связей элементов этих теорий между собой и со всей научной системой в целом (в плане диалектики целого и части), определение значения и рамок данной теории в общем познавательном процессе и на этой основе — постановка новых проблем и указание наиболее эффективных путей их решения (отнюдь не подменяя функции данной теории осуществить эти решения). Как убедительно показывает развитие научных теорий, в особенности в XX в., именно диалектические пути их развития открывали наиболее плодотворные перспективы, где и были получены максимально значимые результаты. Все рациональные идеи и принципы логической формализации, доказавшие свою эффективность в прогрессе современного знания, аккумулируются в соответствующей форме и получают новое значение в идеях и принципах диалектической логики.

Точно так же можно отметить и важные идеи в понятии *метаязыка*, прочно вошедшего в арсенал современного знания. Главным здесь представляется требова-

ние точности и конкретности смысла терминов, выражающих диалектические понятия и категории, что важно не только для логической структуры самого Органона, но и для анализа логико-лингвистических категорий научных теорий в целях выяснения их диалектического смысла и конкретизации их значения. Очевидно, что функции метаязыка здесь выполняет диалектическая терминология, строгости и точности которой еще не уделяется достаточно внимания в работах о методологическом значении диалектики.

Все эти общие характеристики относятся к системе идей и принципов диалектики не просто в ее методологическом значении вообще, но именно как к *всеобщей методологии знания*, что присуще именно диалектике и только ей, вопреки ошибочным мнениям, с которыми иногда приходится встречаться. Этим определяется и ее отношение ко всем частным и специальным методам, получившим в современной науке — и в естествознании, и в математике, и в комплексе социальных дисциплин — широкое и плодотворное применение и развитие.

Это отношение *не является*: (а) ни отношением их взаимного *исключения*; (б) ни отношением их подчинения и *поглощения*; (с) ни отношением *параллельного*, независимого применения. Сущность взаимоотношения диалектики как всеобщей методологии и совокупности специальных методов состоит, как это показывает реальный процесс познания, в его конкретном и многообразном содержании, в их *гармоничном взаимодействии в процессе непрерывно развивающегося знания*. Всеобщие методологические принципы материалистической диалектики рационально и гармонически взаимодействуют со всеми специальными методами, место, роль и значение которых в познании объективной истины могут быть установлены на основе всеобщих методологических идей и положений диалектики и в связи с ними.

Обобщающие методы кибернетики, математического моделирования, системно-структурные методы, охватывающие своими категориями и социальные, и природные явления, и процессы мышления, тем не менее не заменяют и не могут заменить диалектику. Эти методы выражают определенные общие стороны, связи, отношения различных совокупностей предметов. Но все подобные методы по самому своему характеру и смыслу не рас-

крывают внутренне противоречивой, динамической сущности окружающего мира, его явлений и процессов; они не анализируют и не устанавливают закономерностей бесконечного развития мира, в том числе и непрерывного развития самого человеческого познания во всей его сложности и противоречивости. *Все это компетенция диалектики как универсальной и единственной в этом отношении теории и методологии знания.*

На основе вышеизложенных положений остается сформулировать в обобщенном виде основные идеи и *принципы* системы диалектической логики как теории и методологии развивающегося знания.

I. Исходный принцип построения научных систем, как этого требует диалектическая логика в отличие от формальной, состоит в признании решающей роли практики в познании, взятой во всем многообразии ее сторон и проявлений, в их диалектическом взаимодействии. В построении, содержании и развитии научных систем и теорий принципиально решающая роль практики раскрывается в качестве: (а) источника, основы и важнейшей движущей силы познания; (б) главной цели познавательного процесса, всей активной познавательной деятельности людей; (с) определяющего и в конечном счете единственно объективного критерия истинности познания.

Признание такой роли практики в научном познании нисколько не противоречит имманентной логике развития научных систем, теорий, идей, концепций, обладающих высокой степенью абстракции и соответствующим уровнем относительной самостоятельности. И если, например, Лобачевский (и Больяи) осуществил собственно логическое построение новой геометрии, заделав «логическую брешь в параллельных линиях», то тем не менее конечным основанием математики, по словам самого Коперника геометрии, являются «несомнительные для нас истины, первые наши понятия о природе вещей».

В классическом труде «Основания геометрии» Д. Гильберт глубоко обобщил идеи своих предшественников в области геометрической аксиоматики и сформулировал пять групп аксиом геометрии, предложенных им в качестве логических оснований построения различных геометрических систем. Вместе с тем Гильберт ясно и определенно говорит об общей философской основе геометрических и логических категорий. В известном докладе «Обоснования математики» он отмечал: «Математика, как и любая другая наука, не может быть основана только на логике; наоборот, в качестве предварительного

условия для применения логических умозаключений и приведения в действие логических операций нам в нашем представлении уже должно быть дано нечто, а именно — определенные внелогические конкретные объекты, которые существуют наглядно» (91, стр. 365—366). Такой подход он определяет в качестве «основной философской установки», необходимой как для математики, так и для всякого научного мышления.

Признание решающей роли практики в качестве исходного принципа построения и развития научных систем приобретает тем самым методологическое значение, направляющее мысль на исследование необходимых оснований познания, на определение плодотворных путей его дальнейшего развития и выявление действительного и решающего критерия истинности как знания в целом, так и всех его компонентов. Одновременно такая ориентация знаний, определяемая идеями материалистической диалектики, определяет эффективность их в применении к требованиям самой развивающейся исторической практики.

II. Все построение и содержание системы диалектической логики — в ее общеносеологическом и специально методологическом значении — пронизывает принцип объективности познания, объективности истины. Научная картина мира создается человеком как познающим субъектом в его активном, творческом отражении в сознании объективных закономерностей, отношений, свойств движущейся материи. Творческий процесс создания научных теорий — это отнюдь не кантианская «игра свободных духовных сил» (Кассирер), не конструирование правил игры значений слов (поздний Витгенштейн), не произвольное построение «собственной логики языка» (Карнап), не субъективный «проект» (Гароди).

В активной познавательной деятельности человека раскрывается логика общественной эволюции, логика всемирной истории, логика эпохи со всей ее сложностью, противоречивостью, динамичностью. Диалектические категории общественного бытия в таком понимании получают значение категорий его объективной сущности в ее противоречивости, динамичности. Трансформация категорий бытия в сферу категорий познания приводит к созданию системы диалектических понятий и форм, являющихся продуктом деятельности человеческого интеллекта, составляющих сферу субъективности в ее связи с объек-

тивной сущностью общественного бытия, следовательно, практики как общественно-исторической деятельности людей.

Объективность категорий диалектической логики раскрывается и через формулу Ленина: логика (диалектика) есть итог, сумма, вывод истории познания мира. Содержание и объективный смысл категорий диалектической логики, их объективная истинность определяются здесь их значением как концентрированного выражения результатов научного познания. Научная революция XX в. позволила глубоко проникнуть в сущность материальных процессов и к настоящему времени в несравненно большей степени, чем когда бы то ни было, наука раскрыла богатейшее многообразие диалектических закономерностей окружающего мира. Это получает соответствующее отражение в сфере научных категорий, приобретающих все более глубокий и всесторонний диалектический смысл и характер, что тождественно углублению их объективно истинного значения.

Категориальный аппарат научных теорий по своему логико-лингвистическому выражению не тождествен аппарату диалектической логики в ее чистом, т. е. специально диалектическом, виде. И даже в случае совпадения понятий, таких, как категория причинности (в физике и диалектике), их содержание, будучи *единым*, в то же время *различно*: как категория диалектики понятие причинности носит обобщающий и в определенном смысле всеобщий характер, в то время как физическая категория имеет конкретный смысл, соотносительный с содержанием и характером причинных отношений сферы физического бытия.

В общем виде диалектические категории выступают как концентрированное выражение многообразия понятийных форм специальных областей научного познания, воплощающих в себе в имплицитной форме объективные диалектические связи. Вместе с тем они образуют собственную сферу категорий диалектической логики, в определенной мере — другую сферу абстракции и в силу этого получают значение метатеоретических категорий, сформулированных на соответствующем языке, что и обуславливает их место и значение в общей системе научных знаний.

III. Таким образом, в качестве главного объекта диа-

лектической логики выступают научные теории и концепции как системы идей, постулатов, принципов, законов, понятий и других познавательных форм, выражающих в онтологическом плане свойства и отношения предметов материального мира. В логическом плане — это системы многообразных внутренних связей всех теоретических элементов: понятий, суждений, умозаключений, законов, гипотез, доказательств, концепций, отдельных теорий, входящих в более абстрактные теории обобщающего характера. Выявление сложной логической структуры научных систем, установление диалектических связей и взаимоотношений их главных и побочных элементов, раскрытие содержательно-познавательного смысла теорий в целом и конкретного значения их компонентов, анализ единства гносеологических — логических — лингвистических сторон и элементов теории и одновременно их специфики и конкретного места и значения в системе знания — это *методологически первая функция диалектической логики*.

Ее *второй методологической функцией*, реальный смысл и значение которой органически связаны с первой, является *содействие дальнейшему прогрессу познания*, раскрытие наиболее эффективных путей познания истины, без чего весь познавательный процесс теряет смысл. В этом мы видим не только исключительное, но и *особое* значение принципов диалектической логики как мощного оружия достижения истины. Ленин специально указывал на особую важность положения Гегеля, что именно логика, а не психология и не феноменология есть учение об истине.

Диалектическая логика как высшая логика познания в силу своей сущности, *по своему понятию* есть *логическая теория истины*, что проявляется и в выполнении ею первой функции — выявление истинности и значения компонентов научной теории в ее данном виде, и в особенности второй — раскрытие действительных путей и методов достижения истинного знания. Это еще не есть полная теория истины, но это теория истины в ее логико-методологическом аспекте и содержании.

Диалектическая логика как логическая теория истины, что фактически совпадает по своему внутреннему смыслу с ее второй функцией, в особенности раскрывает свое эвристическое значение в отношении развивающих-

ся теорий и концепций в периоды их становления. Достаточно в настоящее время указать на процесс создания теории элементарных частиц, сложный и противоречивый процесс исканий, вариантов, гипотез, концепций, в отношении которого оказываются несостоятельными построения позитивистской логики науки, имеющие определенный, хотя и ограниченный, смысл в отношении данных, установившихся научных систем, не терпящие фиаско в отношении новых, возникающих теорий.

Р. Карнап в последней работе «Философские основания физики», высказавший немало интересных и правильных положений по вопросам логики научных теорий, некоторые из которых находятся в определенном противоречии с его прежними установками, не случайно опускает сложную проблематику, связанную с исканиями путей построения теории элементарных частиц. Это характерно для его созерцательно-констатирующей концепции логики науки.

Отсюда естественно его отношение к попыткам Эйнштейна построить единую теорию поля. Карнап ограничивается констатацией трудностей на этом пути, отмеченных еще самим Эйнштейном, но никаких возможных путей их решения не стремится указать (см. 163, гл. 15. Пуанкаре против Эйнштейна).

По своей природе, по всему своему характеру и смыслу идеи и принципы диалектической логики призваны способствовать дальнейшему прогрессу человеческого знания. Если взглянуть на это их значение «с точки зрения вечности», охватить развитие человеческой мысли через столетия, то можно сказать, что марксистская диалектическая логика — на несравненно более высокой исторической ступени познания, на основе достижений современной научной революции, — продолжает линию бэконовского «Нового Органона» как системы истинных указаний истолкования природы и одновременно как инструмента для отыскания истины и, быть может в еще большей степени, гегелевской «Феноменологии», раскрывающей грандиозный процесс становления истинного знания, явившейся в единстве с бессмертными идеями «Науки логики» первым диалектическим Органомом в истории философской и логической мысли.

IV. Научные системы при всей их определенной завершенности и полноте (в точном логическом смысле) не могут рассматриваться в качестве замкнутых, законченных, закрытых систем. Они всегда являются продуктом и выражением конкретно-исторического этапа в познании.

Естественно, это всецело сохраняет силу и в отношении развития логических теорий и концепций, в отношении самой методологии развивающегося знания. Диалектическая логика как система по своему понятию адекватная сущности и закономерностям процесса научного познания, необходимо должна развиваться, изменяться, наполняться новыми идеями и содержанием новых знаний о бесконечно многообразном и непрерывно развивающемся мире. Диалектическая логика является *динамической* и в этом отношении *открытой* научной и методологической системой соответствующих компонентов.

Динамизм пронизывает всю систему диалектической логики. Он присущ самой ее сущности, всем ее идеям и принципам, законам и понятиям. Непрерывно развиваются и обогащаются новым содержанием познания и бытия основные ее компоненты понятия, получающие многократное подтверждение своей истинности в развитии науки и практики, составляющие золотой фонд его содержания. Этот процесс, выступающий в форме активной деятельности человека как познающего субъекта, закономерно ведет к обогащению, конкретизации и созданию новых категорий и элементов его структуры. Принцип синтетических истин, обогащающих познание новыми положениями и понятиями, в особенности присущ диалектическим теориям и идеям.

Динамизм диалектической логики отнюдь не противоречит ее определенности как данной структуры, конкретности смысла, содержания и форм ее выражения. Относительность познания есть вместе с тем определенность истины всех его компонентов, истины как конкретно-исторического результата, достигнутого уровня познания. Динамизм диалектической логики как открытой системы есть динамизм подлинно научных идей и принципов, законов и категорий, получивших в развитии мировой научной мысли, во всем процессе научного познания многократное подтверждение своей истинности. Все развитие диалектической логики происходит на ее собственной, объективно-истинной основе, и в этом состоит одно из важнейших условий ее эвристической ценности в отношении и настоящего, и — в общепринципиальном плане — будущего знания, в отношении всех развивающихся и сменяющих одна другую научных систем и теорий.

В своем докладе на XIV Международном философ-

ском конгрессе известный швейцарский философ и логик Ф. Гонсет провозгласил необходимость «открытой методологии», основанной на более широкой «открытой философии». Он характеризует ее тремя признаками: (а) философия должна охватить все формы человеческого опыта во всех его проявлениях и «открытиях»; (b) все результаты опыта должны получить описание с помощью «открытой дискурсивной системы»; (с) общезначимость результатов устанавливается на широком философском форуме, в процессе свободного диалога, охватывающего все формы опыта (см. 406, т. I, стр. 555, 559).

Идеи, бесспорно, смелые и весьма «антидогматические», но совершенно неопределенные, аморфные. Если принять в определенной мере негативную оценку Гонсетом известных ему идеалистических методологических систем, то его позитивная программа должна быть признана крайне слабой и абстрактно-неопределенной. С такой программой буржуазным философам нечего и думать о решении современных научных и методологических проблем.

* *
*

Великую историческую роль выполняет в настоящее время марксистско-ленинская диалектика, раскрывающая сущность и закономерности мирового общественного процесса, действительную логику эволюции современного бытия, дающая адекватный анализ человеческого познания эпохи научно-технической революции XX в. Марксистско-ленинская диалектика основана на подлинно научных принципах материалистического понимания мира, органически связана со всей практикой реальной жизни, с высшими достижениями научного познания, имеет глубоко творческий характер. Именно поэтому она является мощным теоретическим оружием революционного изменения мира, революционной душой марксизма — великой философии современной эпохи, философии коммунизма, философии всего прогрессивного человечества.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ, УПОМИНАЕМОЙ И ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2, т. 1—46. М., 1955—1969.
2. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5, т. 1—55. М., 1958—1965.
3. Ленинский сборник, т. I—XXXVI. М., 1925—1959.
4. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1956.
5. «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий». М., 1959.
6. «Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий». — «Коммунист», 1960, № 17.
7. «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969.
8. «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I—IV. М., 1954—1960.
9. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971.
10. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969.
11. «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967.

* *
*

12. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1—3. М., 1970—1972.
13. *Брежнев Л. И.* Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971.
14. *Брежнев Л. И.* Речь на V съезде Польской объединенной рабочей партии 12 ноября 1968 г. — «Правда», 13 ноября 1968.
15. *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения в двух томах, т. I. М., 1957.
16. *Калинин М. И.* Статьи и речи. 1919—1935. М., 1936.
17. *Киров С. М.* Задачи партии на теоретическом фронте. — «Проблемы марксизма», 1931, № 3.
18. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения, т. 1—5. М., 1956—1958.
19. *Сталин И. В.* Сочинения, т. 1—13. М., 1946—1951.
20. *Суслов М. А.* Общественные науки — боевое оружие партии в строительстве коммунизма. — «Коммунист», 1972, № 1.

* *
*

21. *Агудов В. В.* Количество, качество, структура. — «Вопросы философии», 1967, № 1.

22. Айер А. Дж. Философия и наука. — «Вопросы философии», 1962, № 1.
23. Аксельрод-Ортодокс Л. И. В защиту диалектического материализма. М.—Л., 1928.
24. Алексеев М. Н. Диалектическая логика как наука. М., 1961.
25. Алексеев М. Н. Диалектическая логика (Краткий очерк). М., 1960.
26. Алексеев П. В. Дискуссия с механистами по проблеме взаимосвязи философии и естествознания. — «Вопросы философии», 1966, № 4.
27. «Анализ развивающегося понятия». М., 1967.
28. Андреев И. Д. Пути и трудности познания. М., 1968.
29. Андропов Ю. Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистов. — «Коммунист», 1964, № 14.
30. Аржанов М. Гегельянство на службе германского фашизма. Критика неогегельянских теорий национализма. М., 1933.
31. Архипцев Ф. Т. Материя как философская категория. М., 1961.
32. Аскин Я. Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966.
33. Асмус В. Ф. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киев, 1924.
34. Афанасьев В. Г. Диалектика в современных процессах общественного развития. — В кн.: «Марксизм и наша эпоха». М., 1968.
35. Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964.
36. Багиров З. Закон отрицания отрицания. Баку, 1960.
37. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963.
38. Бергсон А. Собрание сочинений, т. 1—5. СПб., 1913—1914.
39. Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
40. Бердяев Н. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1916.
41. Бердяев Н. Философия свободы. М., 1911.
42. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952.
43. Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. М., 1902.
44. Бернштейн Э. Социальные проблемы. СПб., 1906.
45. Бернштейн Э. Теория и практика современной социал-демократии. СПб., 1906.
46. Библер В. С. О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958.
47. Блауберг И. В. Проблема целостности в марксистской философии. М., 1963.
48. Блауберг И. В., Садовский В. Н. и Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969.
49. Богданов А. Вопросы социализма. М., 1918.
50. Богданов А. Пределы научности рассуждения. — «Вестник Коммунистической Академии», 1927, кн. XXI.
51. Богданов А. Философия живого опыта. М., 1920.
52. Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. М., 1962.

53. *Борисов В. Н.* Уровни логического процесса и основные направления их исследования. Новосибирск, 1967.
54. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963.
55. *Борцов С. Г.* К вопросу о структуре диалектического противоречия. — «Вопросы философии», 1965, № 3.
56. *Босенко В. А.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966.
57. *Бронин Я.* К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний. — «Пролетарская революция», 1930, № 5.
58. *Брушлинский А.* Психология творчества: некоторые итоги и перспективы. — «Коммунист», 1967, № 5.
59. *Брушлинский В.* О категории меры у Гегеля. М., 1929.
60. *Бухарин Н.* Теория исторического материализма. М., 1925.
61. *Быстрянский В.* Ленин как материалист-диалектик. Л., 1925.
62. *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма. М.—Л., 1930.
63. *Вавилов С. И.* Физика в России и в СССР. — «Природа», 1932, № 12.
64. *Вазюлин В. А.* Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.
65. *Варьяш А.* Диалектика у Ленина. М.—Л., 1928.
66. *Варьяш А.* Логика и диалектика. М.—Л., 1928.
67. *Варьяш А.* Формальная и диалектическая логика. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7.
68. *Васецкий Г., Сидоров М. и Яковлев М.* (Рец. на кн. «История философии», в шести томах, т. VI, кн. I—II). — «Коммунист», 1967, № 2.
69. *Вахтомин Н. К.* Законы диалектики — законы познания. М., 1966.
70. *Введенский А.* Новое и легкое доказательство философского критицизма. СПб., 1909.
71. «Взаимосвязь категорий». Свердловск, 1970.
72. «Великий Октябрь и мировой революционный процесс». М., 1967.
73. *Власов Н.* К вопросу о движущем противоречии социалистического общества. — «Под знаменем марксизма», 1940, № 3—4.
74. *Войшвилло Е. К.* Понятие. М., 1967.
75. *Войшвилло Е. К.* Предмет и значение логики. М., 1960.
76. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». М., 1951.
77. «Вопросы философии», 1947, № 1; 1969, № 5.
78. *Воробьев Л. В., Каганов В. М. и Фурман А. Е.* Основные категории и законы материалистической диалектики. М., 1962.
79. *Воробьев М. Ф.* Закон отрицания отрицания. М., 1958.
80. *Воронин Л. Г.* О некоторых формах логической взаимосвязи категорий материалистической диалектики. — «Ученые записки Шахтинского Государственного педагогического института», т. III, вып. I, 1959.
81. *Востриков А. В.* Теория познания диалектического материализма. М., 1965.
82. *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963.
83. *Габриэлян Г.* Марксистская логика как диалектика и теория познания. Ереван, 1963.
84. *Габриэлян Г.* Основы марксистской логики. Ереван, 1968.
85. *Гайм Р.* Гегель и его время. СПб., 1861.
86. *Гарбер Л. Е.* Исследование В. И. Лениным вопросов диалектики

- общественного развития (в период первой мировой войны). Ташкент, 1966.
87. Гегель. Сочинения, т. 1—14. М.—Л., 1929—1958.
 88. Гейден Г. Антикоммунизм и формы его проявления. — «Проблемы мира и социализма», 1971, № 6.
 89. Георгиев Ф. И. Категории материалистической диалектики. М., 1960.
 90. Георгиев Ф. И. и Петровица Л. Ф. Проблема противоречия. М., 1969.
 91. Гильберт Д. Основания геометрии. М.—Л., 1948.
 92. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959.
 93. Глезерман Г. Е. О законах общественного развития. М., 1960.
 94. «Гносеологические аспекты измерений». Киев, 1968.
 95. Гониман С. Исторический материализм. М.—Л., 1931.
 96. Горбач В. И. О видах противоречий. Минск, 1964.
 97. Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972.
 98. Горлянский В. А. Диалектическое противоречие и его структура. — «Вопросы философии», 1965, № 10.
 99. Горлянский В. А. К вопросу о характеристике единства противоположностей. — «Философские науки», 1963, № 5.
 100. Горохов Ф. Ленин и исторический материализм. М., 1934.
 101. Горский Д. П. Применение диалектической логики к изучению процессов мышления. — В кн.: «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962.
 102. Горский Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966.
 103. Горский Д. П. и Петров Ю. А. Об определениях формальной и диалектической логики и их взаимосвязи. — «Философские науки», 1967, № 4.
 104. Готт В. С. Философские вопросы современной физики. М., 1967.
 105. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования (Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М., 1961.
 106. «XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории». Материалы научной конференции. — «Коммунист», 1971, № 14, 15.
 107. Деборин А. М. Гегель и диалектический материализм. — В кн.: Гегель. Сочинения, т. I. М.—Л., 1930.
 108. Деборин А. М. Диалектика и естествознание. Изд. 2. М.—Л., 1929.
 109. Деборин А. М. Ленин как мыслитель. М.—Л., 1924.
 110. Деборин А. М. Философия и марксизм. М.—Л., 1930.
 111. Делокаров К. Х. Борьба за материалистическое истолкование теории относительности в советской науке (1920—1930 годы). — «Философские науки», 1967, № 4.
 112. Джеванс С. Элементарный учебник логики. СПб., 1881.
 113. Джунусов М. С. Интернациональное и национальное в мировом коммунистическом движении. Алма-Ата, 1971.
 114. «Диалектика и логика. Законы мышления». М., 1962.
 115. «Диалектика и логика научного познания». М., 1966.
 116. «Диалектика и современное естествознание». Вып. 1—2. М., 1966.
 117. «Диалектика общественного развития». Днепропетровск, 1969.
 118. «Диалектика строительства коммунизма». М., 1968.
 119. «Диалектика — теория познания. Проблемы научного метода». М., 1964.

120. «Диалектическая логика». Под ред. А. Минасяна. Ростов-на-Дону, 1966.
121. «Диалектическая логика в экономической науке». М., 1962.
122. «Диалектический и исторический материализм», в двух частях, ч. I. Диалектический материализм. Под ред. М. Митина. М., 1934.
123. «Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания». Минск, 1965.
124. Домрачев Г. М., Ефимов С. Е. и Тимофеев А. В. Закон отрицания отрицания. М., 1961.
125. Дудель С. П. Законы материалистической диалектики. М., 1971.
126. Дудель С. П. Некоторые актуальные вопросы закона единства и борьбы противоположностей. М., 1965.
127. Дудель С. П. О внутренних антагонистических и неантагонистических противоречиях. — «Вопросы философии», 1953, № 2.
128. Дудель С. П. и Штракс Г. М. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967.
129. Евменов Л. Ф. Диалектика и революция (Критический очерк). Минск, 1969.
130. Ельмеев В. Я. и Казаков А. П. Закон отрицания отрицания и преемственность в развитии. — «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 23.
131. Жбанкова И. И. О развитии в неорганической природе. Минск, 1964.
132. Жданов Ю. А. Закон единства и борьбы противоположностей, как суть, как ядро диалектики. М., 1967.
133. «За поворот на философском фронте». М.—Л., 1931.
134. Зак С. Е. Качественные изменения и структура. — «Вопросы философии», 1967, № 1.
135. Зелькина О. С. Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970.
136. Зелькина О. С. Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Автореферат докторской диссертации. Л., 1972.
137. Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. СПб., 1885.
138. Зиновьев А. А. Комплексная логика. М., 1970.
139. Зиновьев А. А. Логика высказываний и теория вывода. М., 1962.
140. Зиновьев А. А. О логике микрофизики. — «Вопросы философии», 1970, № 2.
141. Зиновьев А. А. О структуре научного знания в диалектике и формальной логике. — В кн.: «Диалектика и логика формы мышления». М., 1962.
142. Зиновьев А. А. Основы логической теории научных знаний. М., 1967.
143. Зиновьев А. А. Философские проблемы многозначной логики. М., 1960.
144. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960.
145. Ильенков Э. В. К вопросу о противоречии в мышлении. — «Вопросы философии», 1957, № 4.
146. Ильин А. Я. О диалектико-материалистических основах развития современной биологии. М., 1967.
147. Ильин И. А. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте старшего. — «Вопросы философии и психологии». 1912, № 111—112 (II).

148. *Ильин И. А.* О возрождении гегельянства. — «Русская мысль». М.—Пг., 1912, № 6.
149. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силой. Берлин, 1925.
150. *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека, т. I. М., 1918.
151. *Иовчук М. Т.* Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970.
152. *Иоффе А. Ф.* Развитие атомистических воззрений в XX в. — «Под знаменем марксизма», 1934, № 4.
153. *Исаев И. К.* Всеобщность закона отрицания отрицания и особенности его проявления. — «Ученые записки Хабаровского педагогического института», т. III. Магадан, 1958.
154. «История Коммунистической партии Советского Союза», в шести томах, т. 4, кн. 1—2. М., 1970—1971.
155. «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа». М., 1971.
156. «История философии», в шести томах, т. IV, VI, ч. 1. М., 1959, 1965.
157. «История философии в СССР», в пяти томах, т. 3. М., 1968.
158. «К вопросу о структуре и свойствах материи». Саратов, 1966.
159. *Камари М.* Против действительных носителей эклектизма. — В сб. «За поворот на философском фронте». М.—Л., 1931.
160. *Карев Н.* За материалистическую диалектику. М., 1929.
161. *Карев Н. К.* вопросу о теоретических корнях правого уклона. — «Большевик», 1930, № 2.
162. *Кармин А. С. и Хайкин Е. П.* Творческая интуиция в науке. М., 1971.
163. *Карнап Р.* Философские основания физики. М., 1971.
164. *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб., 1912.
165. *Касымжанов А. Х.* Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания. Алма-Ата, 1962.
166. «Категории диалектики и методология современной науки». Воронеж, 1970.
167. «Категории диалектики как ступени познания». М., 1971.
168. «Категории диалектического материализма». — «Ученые записки Ярославского государственного педагогического института им. Ушинского», кафедра философии. 1954, вып. XVI (XXVI).
169. «Категории материалистической диалектики». М., 1957.
170. *Каутский К.* О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск, 1923.
171. *Кедров Б. М.* Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963.
172. *Кедров Б. М.* Ленинское завещание разрабатывать диалектику. — «Вопросы философии», 1972, № 3.
173. *Кедров Б. М.* О количественных и качественных изменениях в природе. М., 1946.
174. *Кедров Б. М.* О повторяемости в процессе развития. М., 1961.
175. *Кедров Б. М.* Оперирование научными понятиями в диалектической и формальной логике. — В кн.: «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962.
176. *Кедров Б. М.* Постепенность как одна из форм перехода от старого качества к новому качеству. — «Вопросы философии», 1954, № 2.

177. *Кедров Б. М.* Предмет и взаимосвязь естественных наук. Изд. 2. М., 1967.
178. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1946.
179. *Ковальчук А. С.* Диалектика образования нового качества в социалистическом обществе. М., 1964.
180. *Ковальчук А. С.* Становление нового качества в развитии общества. М., 1968.
181. *Ковальчук А. С.* Характер скачка от социализма к коммунизму. М., 1962.
182. *Козловский В. Е.* Развитие В. И. Лениным марксистского учения о противоречиях. М., 1966.
183. *Кон А.* Критика «критиков». — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6.
184. *Константинов Ф. В.* Великий мыслитель нашей эпохи. — В кн.: «Ленин и современная наука», кн. 2. М., 1970.
185. *Копнин П. В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев. 1966.
186. *Копнин П. В.* Диалектика как логика. Киев, 1961.
187. *Копнин П. В.* Логика научного исследования и ее основные понятия. — «Вопросы философии», 1964, № 3.
188. *Копнин П. В.* Логические основы науки. Киев, 1968.
189. *Копнин П. В.* О структуре курса диалектического материализма. — «Философские науки», 1961, № 2.
190. *Копнин П. В.* Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969.
191. *Косолапов В. В.* Информационно-логический анализ научного исследования. Киев, 1968.
192. *Крылова В. Г.* Научный эксперимент, его место и роль в процессе познания. Саратов, 1969.
193. *Кузнецов В. Н.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969.
194. *Кузнецов В. Н.* Французская буржуазная философия XX века. М., 1970.
195. *Кузьмин В. П.* Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966.
196. *Кузьмин Е. С.* Система онтологических категорий. Иркутск, 1958.
197. *Куликов Л. А.* Основные законы материалистической диалектики. М., 1958.
198. *Курсанов Г. А.* Диалектический материализм о понятии. М., 1963.
199. *Курсанов Г. А.* Ленинизм и кризис буржуазной философской мысли. М., 1971.
200. *Курсанов Г. А.* О значении логических оснований для прогресса науки. — В кн.: «Методологические проблемы науки». М., 1964.
201. *Кэрд Э.* Гегель. М., 1898.
202. *Лебедев С. П.* К вопросу о содержании закона отрицания отрицания. — «Вопросы философии», 1958, № 7.
203. *Лем Г. П.* О переходе от старого качества к новому в общественном развитии. М., 1958.
204. «Ленин как философ». М., 1969.
205. «Ленин об элементах диалектики» (серия «Диалектика — теория познания»). М., 1965.
206. «Ленинизм и мировой революционный процесс. Материалы Международной теоретической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». М., 1970.
207. «Ленинизм и современность». Опыт Октября и современный революционный процесс». Под ред. Г. А. Курсанова и С. П. Новоселова. М., 1969.

208. «Ленинизм и философские проблемы современности». Под общей редакцией М. Т. Иовчука и В. В. Мшвениерадзе. М., 1970.
209. «Ленинская теория отражения и современная наука». М., 1966.
210. «Ленинская теория отражения и современность». София, 1969.
211. *Лернер А.* Начала кибернетики. М., 1967.
212. «Логика и методология науки». М., 1967.
213. «Логическая структура научного знания». М., 1965.
214. «Логические исследования». М., 1959.
215. *Лопатин Л. М.* Положительные задачи философии, ч. I. М., 1911.
216. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
217. *Лосский Н.* Введение в философию. СПб., 1911.
218. *Лосский Н.* История русской философии. М., 1954.
219. *Луппол И.* Ленин и философия. М.—Л., 1927.
220. *Макаров М. Г.* О систематизации категорий диалектического материализма. — «Ученые записки Тартуского госуниверситета», вып. 124, Труды по философии, 1962, т. VI.
221. *Малинин В. А.* Русский неогегельянец Б. Н. Чичерин. — «Философские науки», 1961, № 3.
222. *Мальцев В. И.* Очерк по диалектической логике. М., 1964.
223. *Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М., 1968.
224. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 1—2. М., 1952—1953.
225. «Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм». М., 1969.
226. «Марксистско-ленинская философия и современный общественный прогресс. Материалы к Всесоюзной межвузовской теоретической конференции». М., 1969.
227. «Материалистическая диалектика», ч. I. Под ред. И. Широкого и Р. Янковского. М.—Л., 1932.
228. «Материалистическая диалектика и методы естественных наук». М., 1968.
229. «Международное революционное движение рабочего класса (К столетию I Интернационала)». Под ред. Б. Н. Пономарева. М., 1964.
230. *Мельников В. В.* О взаимосвязи скачка, противоречия и отрицания. — «Труды Самаркандского университета». Вып. 122, 1963.
231. *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966.
232. *Мелюхин С. Т.* Методологические проблемы единства научного знания. — «Философские науки», 1967, № 5.
233. *Мелюхин С. Т.* О диалектике развития неорганической природы. М., 1960.
234. «Методологические проблемы науки». М., 1964.
235. «Методологические проблемы современной науки». М., 1970.
236. «Методологические проблемы теории измерений». Киев, 1966.
237. *Минин С.* Философию за борт. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6.
238. *Минасян А. М.* Категории содержания и формы. М., 1961.
239. *Митин М. Б.* Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936.
240. *Митин М. Б. В. И. Ленин и актуальные проблемы философии.* М., 1971.
241. *Митин М. Б.* Некоторые проблемы развития диалектического ма-

- тернализма в послеоктябрьскую эпоху. — «Вопросы философии», 1968, № 1.
242. Михайлова И. Б. Методы и формы научного познания. М., 1968.
 243. «Моделирование как метод научного исследования». М., 1965.
 244. Модржинская Е. Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970.
 245. Мороз К. В. Закон единства и борьбы противоположностей. Изд. 1—2. М., 1957, 1963.
 246. Мороз К. В. Закон отрицания отрицания. Изд. 1—2. М., 1957, 1962.
 247. Мороз К. В. О характере противоречий при социализме и путях их преодоления. М., 1952.
 248. Мороз К. В. Развитие как переход количественных изменений в коренные качественные изменения. М., 1951.
 249. Морозов В. Закон отрицания отрицания. Минск, 1960.
 250. Мочалов И. И. Об одном моменте борьбы противоположностей. — «Вопросы философии», 1960, № 9.
 251. Мюллер Ф. и Геккель Э. Основной биогенетический закон. М.—Л., 1940.
 252. Нарский И. С. Вопросы диалектики познания в «Капитале» К. Маркса. М., 1959.
 253. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.
 254. Нарский И. С. К вопросу об отражении диалектики движения в понятиях. — В кн.: «Формальная логика и методология науки». М., 1964.
 255. Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969.
 256. Нарский И. С. и Суворов Л. Н. Позитивизм и механистическая ревизия марксизма. М., 1962.
 257. Науменко Л. К. и Югай Г. А. «Капитал» К. Маркса и методология научного исследования. М., 1968.
 258. «Научно-техническая революция и социальный прогресс». М., 1972.
 259. Невский В. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 7—8.
 260. «Некоторые категории диалектики». М., 1963.
 261. «Немецкая буржуазная философия после Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1960.
 262. Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. М., 1970.
 263. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901.
 264. Новинский И. И. Понятие связи в марксистской философии. М., 1961.
 265. Нурматов М. Х. Диалектическое противоречие в научно-техническом исследовании. — В сб. «Проблемы материалистической диалектики». Ташкент, 1967.
 266. «О закономерностях возникновения и развития социалистического общества». М., 1960.
 267. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960.
 268. Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения. М., 1966.
 269. Окулов А. Ф. Советская философская наука и ее проблемы. М., 1970.

270. Орловский П. К истории марксизма в России. М., 1919.
271. Оруджев З. М. Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968.
272. Оруджев З. М. К. Маркс и диалектическая логика. Баку, 1964.
273. «Основы марксистско-ленинской философии». М., 1971.
274. «Очерки исторического материализма». Под ред. А. Медведева и И. Ширвиндта. Л., 1931.
275. «Очерки теории и истории развития науки». М., 1969.
276. Парнюк М. А. Детерминизм диалектического материализма. Киев, 1967.
277. Пахомов Б. Я. О характере качественных изменений. — «Философские науки», 1962, № 4.
278. Петров Ю. А. Логические проблемы абстракций бесконечности и осуществимости. М., 1964.
279. Пилипенко Н. Ф. Необходимость и случайность. М., 1965.
280. «Под знаменем марксизма», 1930, № 10—12.
281. Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967.
282. Познер В. Диалектический материализм — философия пролетариата. М.—Л., 1933.
283. Попович М. В. О философском анализе языка науки. Киев, 1966.
284. «Применение логики в науке и технике». М., 1960.
285. «Проблема развития в современном естествознании». М., 1968.
286. «Проблема целостности». Л., 1968.
287. «Проблема целостности в современной биологии». М., 1968.
288. «Проблемы детерминизма в свете системно-структурного анализа». Саратов, 1970.
289. «Проблемы диалектической логики». Алма-Ата, 1968.
290. «Проблемы логики». М., 1963.
291. «Проблемы методологии системного исследования». М., 1970.
292. «Проблемы прогрессивного развития в живой природе и технике». Л., 1969.
293. «Проблемы развития в природе и обществе». М.—Л., 1958.
294. «Проблемы эволюции». Новосибирск, 1968.
295. «Противоречия в развитии естествознания». М., 1965.
296. Ракитов А. Анатомия научного знания (Популярное введение в логику и методологию науки). М., 1969.
297. Ракитов А. Курс лекций по логике науки. М., 1971.
298. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1957.
299. Рожин В. П. Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Л., 1957.
300. Рожин В. П. Марксистско-ленинская диалектическая логика. Л., 1956.
301. Розенталь М. М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М., 1956.
302. Розенталь М. М. Диалектический материализм об общих и специфических законах развития. — «Коммунист», 1954, № 9.
303. Розенталь М. М. Ленин и диалектика. М., 1963.
304. Розенталь М. М. Ленин о задачах и принципах разработки диалектической логики. — «Вопросы философии», 1955, № 2.
305. Розенталь М. М. Ленинская диалектика сегодня. М., 1970.
306. Розенталь М. М. Материалистическая диалектика. Популярный очерк. М., 1937.

307. Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960.
308. Розенталь М. М. и Ильенков Э. В. Ленин и актуальные проблемы диалектической логики. — «Коммунист», 1969, № 12.
309. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
310. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. Курс лекций для естественных факультетов. М., 1959.
311. Руткевич М. Н. Развитие, прогресс и законы диалектики. — «Вопросы философии», 1965, № 8.
312. Самойлов А. Ф. Диалектика природы и естествознание. — «Под знаменем марксизма», 1926, № 4—5.
313. Сарабьянов В. Н. Беседы о марксизме. М., 1925.
314. Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма. М.—Л., 1929.
315. Сачков Ю. Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. М., 1971.
316. Свечников Г. А. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971.
317. Свечников Г. А. Причинность и современная физика. М., 1963.
318. Свидерский В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965.
319. Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962.
320. Сеитов П. Д. Об объективной основе систематизации категорий. М., 1963.
321. Селезнев М. А. Социальная революция. М., 1971.
322. Сивоконь П. Е. Методологические проблемы естественнонаучного эксперимента. М., 1968.
323. Симонов К. Разговор с товарищами. М., 1970.
324. Ситковский Е. П. Категории марксистской диалектики. М., 1941.
325. Ситковский Е. П. Принципы научной систематики категорий диалектической логики. М., 1964.
326. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
327. Соболев Л. На главном курсе. М., 1969.
328. «Советская философская наука перед XXIV съездом КПСС». — «Вопросы философии», 1971, № 2, 3.
329. «Современная буржуазная философия». М., 1972.
330. «Современная идеалистическая гносеология». М., 1968.
331. «Современные проблемы материалистической диалектики». М., 1971.
332. «Современные проблемы эволюционной теории». Л., 1967.
333. «Современный детерминизм и наука». Новосибирск, 1971.
334. Соловьев Вл. Кризис западной философии. Против позитивизма. М., 1874.
335. Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1958.
336. Степанов И. Диалектический материализм и дебординская школа. М.—Л., 1928.
337. Степанов И. Исторический материализм и современное естествознание. Изд. 2. М.—Л., 1926.
338. Столяров А. Диалектический материализм и механисты. Л., 1930.
339. Столяров А. Субъективизм механистов и проблема качества. М., 1929.
340. Столяров В. И. Закономерности познания движения и логика. — В кн.: «Пространство, время, движение». М., 1971.

341. *Столяров В. И.* Процесс изменения и его познание (Логико-методологические проблемы). М., 1966.
342. «Структура и формы материи». М., 1967.
343. «Структурные уровни биосистемы». М., 1967.
344. *Суворов Л. Н.* Борьба марксистско-ленинской философии в СССР против буржуазной идеологии и ревизионизма в переходный период от капитализма к социализму. М., 1961.
345. *Суворов Л. Н.* Роль философских дискуссий 20-х — 30-х годов в борьбе за ленинизм против механицизма, формалистических и идеалистических ошибок в философии. М., 1969.
346. *Сэв Л.* Современная французская философия. М., 1968.
347. *Сюсюкалов Б. И.* Закон отрицания отрицания. М., 1963.
348. *Сюсюкалов Б. И.* Основные законы материалистической диалектики. М., 1958.
349. *Таванец П. В.* Об основных направлениях разработки проблем логики научного познания. — «Вопросы философии», 1966, № 2.
350. *Таванец П. В.* и *Швырев В. С.* Логика научного познания. — В кн.: «Проблемы логики научного познания». М., 1964.
351. *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972.
352. *Топорков А. К.* Элементы диалектической логики. Изд. 2. М., 1928.
353. *Трахтенберг О.* Диалектический материализм. Вып. 2. М., 1931.
354. *Трубецкой С. Н.* Собрание сочинений, т. II. М., 1908.
355. *Тугаринов В. П.* Марксистская диалектика как теория познания и логика. Л., 1952.
356. *Тугаринов В. П.* Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956.
357. *Тымянский Г. С.* Введение в теорию диалектического материализма. М.—Л., 1931.
358. *Уёмов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
359. *Украинцев Б. С.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм и другие особенности действия основных законов диалектики. М., 1963.
360. *Урсул А. Д.* Теория информации и религия. М., 1968.
361. «Устав Общества воинствующих материалистов». — Сб. «Воинствующий материалист». М., 1924, № 1.
362. *Федосеев П. Н.* XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук. — «Коммунист», 1972, № 1.
363. *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1966.
364. *Федосеев П. Н.* Идеи Ленина и методология современной науки. — В кн.: «Ленин и современное естествознание». М., 1969.
365. *Федосеев П. Н.* Коммунизм и философия. Изд. 2. М., 1971.
366. *Федосеев П. Н.* Философия и современность. — В кн.: «Октябрь и научный прогресс», кн. 2. М., 1967.
367. «Философия, методология, наука». М., 1972.
368. Философская энциклопедия, т. 1—5. М., 1960—1970.
369. *Фингерст Б.* и *Ширвиндт М.* Краткий учебник исторического материализма. М.—Л., 1928.
370. *Франк С. Л.* Непостижимое. Париж, 1937.
371. *Франк С. П.* Обоснование интуитивизма. СПб., 1906.
372. *Франк Ф.* Философия науки. М., 1960.
373. *Фролов И. Т.* Методологические проблемы генетики. М., 1967.

374. *Фролов И. Т.* Очерки методологии биологического исследования. М., 1965.
375. *Фролов И. Т.* Система методов биологического исследования. — В кн.: «Материалистическая диалектика и методы естественных наук». М., 1968.
376. *Хайзе В.* В плену иллюзий. М., 1968.
377. *Харин Ю. Р.* О разнообразии типов отрицания. — «Философские науки», 1965, № 1.
378. *Церетели С.* Диалектическая логика. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
379. *Черкесов В. И.* Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962.
380. *Чертков В. П.* Отрицание отрицания в условиях перерастания социализма в коммунизм. — В кн.: *Украинцев Б., Ковальчук А. С. и Чертков В. П.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1963.
381. *Чертков В. П.* Ядро диалектики. М., 1965.
382. *Чичерин Б. Н.* Основания логики и метафизики. М., 1894.
383. *Швырев В. С.* Некоторые проблемы применения символической логики к анализу естественнонаучного знания (На материале эволюции неопозитивистской «Логике науки»). — В кн.: «Проблемы методологии и логики наук». Томск, 1962.
384. *Швырев В. С.* Основные направления логико-методологического анализа науки. — «Политическое самообразование», 1969, № 6.
385. *Шептулин А. П.* Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1963.
386. *Шептулин А. П.* О некоторых спорных трактовках основных законов диалектики. — «Философские науки», 1964, № 5.
387. *Шептулин А. П.* Основные законы диалектики. М., 1966.
388. *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики. М., 1967.
389. *Шинкарук В. Н.* Качество и сущность. — «Вопросы философии», 1963, № 9.
390. *Широканов Д. И.* Взаимосвязь категорий диалектики. Минск, 1969.
391. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М., 1966.
392. *Штофф В. А.* Модель и эксперимент. — В кн.: «Некоторые вопросы методологии научного исследования». Вып. I. М., 1965.
393. *Штракс Г. М.* О развитии объективных законов. — «Вопросы философии», 1961, № 7.
394. *Штракс Г. М.* Об особенностях противоречий общественного развития. — «Вопросы философии», 1962, № 7.
395. *Шугайлин А. В.* Диалектическая логика и современная физика. Киев, 1966.
396. *Шур Э. Б.* Марксистская диалектика о взаимопревращении противоположностей. — «Философские науки», 1960, № 1.
397. *Щеголов А. В.* Из истории борьбы В. И. Ленина за диалектический материализм. Пермь, 1960.
398. *Щеголов А. В.* Философские дискуссии в СССР в 20-х и начале 30-х годов. — «Философские науки», 1967, № 5.
399. *Эфиров С. А.* Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968.
400. *Эфиров С. А.* От Гегеля к... Дженнаро. (О судьбах диалектики в буржуазной философии). М., 1960.
401. *Югай Г. А.* Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965.
402. *Яковенко Б.* Очерки русской философии. Берлин, 1922.

403. Якушевский И. Т. Лениннизм и «советология». Ленинский принцип единства теории и практики и «советология». Л., 1970.

* * *

404. Adorno T. Drei Studien zu Hegel. Frankfurt am Main, 1966.
405. Adorno T. Negative Dialektik. Frankfurt am Main, 1966.
406. «Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie». Bd. I—II. Wien, 1968.
407. Aron R. Les désillusions du progrès. Essais sur la dialectique de la modernité. P., 1969.
408. Barth K. Das Wort Gottes als Aufgabe der Theologie. — In: «Anfänge der dialektischen Theologie». T. 1. München, 1966.
409. Bochenski J., Niemeyer G. Handbuch des Weltkommunismus. Freiburg — München, 1958.
410. Bochenski J. Der Sowjetrussische dialektische Materialismus (Diamat). Aufg. 1—5. Bern — München, 1960—1968.
411. Bradley F. H. Appearance and Reality. Oxford, 1966.
412. Bradley F. H. Essays on Truth and Reality. Oxford, 1962.
413. Bradley F. H. The Principles of Logic. Vol. I—II, L., 1922.
414. Brailsford H. N. The War of Steel and Gold. L., 1914.
415. Bridgman P. W. The logic of modern physics. N.—Y., 1954.
416. Calvez L. V. La pensée de Karl Marx. P., 1956.
417. Cartier A. Existence et vérité. Philosophie blondélienne de l'Action et Problématique existentielle. P. U. F., 1955.
418. Cassirer E. The philosophy of symbolic form, vol. 1. New Haven and London, 1966.
419. Chambre H. Le marxisme en Union Soviétique. P., 1955.
420. Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. B., 1902.
421. Cohn J. Theorie der Dialektik Formenlehre der Philosophie. Leipzig, 1923.
422. Cohn J. Voraussetzungen und Ziele des Erkennens. Leipzig, 1907.
423. Croce B. Saggio sullo Hegel. Bari, 1913.
424. Cromer E. B. Ancient and modern imperialism. L., 1910.
425. Falk H. Die ideologischen Grundlagen des Kommunismus. München, 1961.
426. Falk H. Die Weltanschauung des Bolschewismus. Würzburg, 1956.
427. Farber M. The aims of phenomenology. The motives, methods, and impact of Husserl's thought. N. — Y., 1966.
428. Fetscher J. Karl Marx und der Marxismus. Von der Philosophie des Proletarischen Weltanschauung. München, 1967.
429. Foucault M. L'archéologie du savoir. P., 1969.
430. Foucault M. Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines. P., 1967.
431. Faunce W. Problems of an Industrial Society. N. — Y., 1968.
432. Garaudy R. Marxisme du XXe siècle. Paris — Genève, 1966.
433. Goerdts W., Hyppolite Y. und Kern W. Hegel. Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. II. Freiburg — Basel — Wien, 1968.
434. Green T. H. Works, vol. II, L., 1900.
435. Grünbaum A. Operationism and Relativity. — «Scientific Monthly» (Lancaster), 1954, vol. 79, N 4.
436. Gurwitsch G. Dialektik und Soziologie. Neuwied und B., 1965.
437. Hayakawa S. I. Language in thought and action. N. — Y., 1949.

438. *Havemann R.* Dialektik ohne Dogma? Hamburg, 1964.
439. *Heiss R.* Die grossen Dialektiker des 19 Jahrhunderts Hegel, Kierkegaard, Marx. Köln — Berlin, 1963.
440. *Hobson I. A.* Imperialism. A study. L., 1902.
441. *Hofmann W.* Ideengeschichte der sozialen Bewegung des 19 und 20 Jahrhunderts. B., 1970.
442. *Hommes I.* Krise der Freiheit. Hegel — Marx — Heidegger. Regensburg, 1958.
443. *Hook S.* Dialectical materialism and scientific method. A special supplement to the Bulletin of the Committee on science and freedom. Manchester, 1955.
444. *Huber E.* Um eine «dialektische Logik». Diskussionen in der neuen Sowjetphilosophie. München und Salzburg, 1966.
445. «Industrialism and industrial Man». L., 1962.
446. *Ingensand H.* Die Ideologie des Sowjetkommunismus. Philosophische Lehren. Hannover — Bremen, 1968.
447. *Jaspers K.* Philosophie. Bd. II, 3 Aufl. Berlin — Göttingen — Heidelberg, 1956.
448. *Jaspers K.* Psychologie der Weltanschauungen. 5 Aufl. Berlin — Göttingen — Heidelberg, 1960.
449. *Jaspers K.* Von der Wahrheit. 2 Aufl. München, 1958.
450. *Kamenka E.* Philosophy: The Bolshevik Period. — «Survey», 1967, N 64.
451. *Kautski K.* Der Imperialismus. — «Die Neue Zeit». (Stuttgart), 1914, Jrg. 32, Bd. 2, N 11, 21.
452. *Kautski K.* Nochmals die Abrüstung. — «Die Neue Zeit», 1912, Jrg. 30, Bd. 2, N 6, 49.
453. *Kautski K.* Zwei Schriften zum Umlernen. — «Die Neue Zeit», 1915, Jrg. 33, Bd. 2, N 4, 23.
454. *Kierkegaard S.* Gesammelte Werke. Bd. 6, Jena, 1925.
455. *Kojève A.* Introduction à la lecture de Hegel. Leçons Leçons sur la phénoménologie de l'esprit, 6-e éd. P., 1947.
456. *Kroner R.* Von Kant bis Hegel. Bd. II, Tübingen, 1924.
457. *Lange M. G.* Marxismus, Leninismus, Stalinismus. Stuttgart, 1957.
458. «La Pensée». (Paris), 1967, N 135.
459. *Lévi-Strauss C.* Le totémisme aujourd'hui. P., 1965.
460. *Liebert A.* Geist und Welt der Dialektik. Bd. 1, Grundlegung der Dialektik. Berlin, 1929.
461. *Liebert A.* Wie ist kritische Philosophie überhaupt möglich? 2 Aufl. Leipzig, 1923.
462. *Löwenthal F.* Das Kommunistische Experiment. Theorie und Praxis des Marxismus — Leninismus. Köln, 1957.
463. *Lukács G.* Geschichte und Klassenbewusstsein. B., 1923.
464. *Lucas C. P.* Greater Rome and Greater Britain. Oxford, 1912.
465. *Luxemburg R.* Die Akkumulation des Kapitals. Ein Beitrag zur ökonomischen Erklärung des Imperialismus. B., 1913.
466. *Luxemburg R.* Die Krise der Sozialdemokratie. Zürich, 1916.
467. *Marck S.* Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart. Bd. I, Halbband. 1, Tübingen, 1929.
468. *Marko K.* Sic et non. Kritisches Wörterbuch der sowjetrussischen Marxismus — Leninismus der Gegenwart. Wiesbaden, 1962.
469. *Marković M.* Dialektik der Praxis. Frankfurt am Main, 1968.
470. *Marković M.* Humanism and dialectic. — In: «Socialist Humanism. An international symposium». Garden City, 1966.

471. *Marcuse H.* An Essay on Liberation. Boston, 1969.
472. *Marcuse H.* Kultur und Gesellschaft, I, Frankfurt am Main, 1965.
473. *Marcuse H.* One-dimensional Man, Boston, 1968.
474. *Marcuse H.* Psychoanalyse und Politik. Frankfurt am Main, 1968.
475. *Merleau-Ponty M.* Les Aventures de la dialectique. P., 1955.
476. *Meyer A.* Leninism. Cambridge, Massachusetts, 1957.
477. *Monod J.* Le hasard et la nécessité. Essai sur la philosophie naturelle de la biologie moderne. P., 1970.
478. *Piaget J.* Le structuralisme. 4-e éd. P., 1970.
479. *Popper K. R.* Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge. L., 1963.
480. *Rapoport A.* Operational philosophy. Integrating knowledge and action. N. — Y., 1953.
481. *Rust H.* Dialektische und kritische Theologie. Görlitz, 1933.
482. «Sapientia Aquinatis». Vol. 1, Roma, 1955.
483. *Sartre J.-P.* Critique de la raison dialectique. P., 1960.
484. *Sorokin P. A.* The Basic trends of our times. New Haven, Conn., 1964.
485. *Steffen G.* Weltkrieg und Imperialismus. Sozial-psychologische Dokumente und Beobachtungen vom Weltkrieg 1914—1915. Jena, 1915.
486. *Steigerwald R.* Herbert Marcuses «dritter Weg». B., 1969.
487. *Steinberg H.* Marxismus, Leninismus, Stalinismus. (Der geistige Angriff des Ostens). Hamburg, 1956.
488. *Stirling J. H.* The Secret of Hegel. Vol. 1, L., 1865.
489. *Topitsch E.* Sozialphilosophie zwischen Ideologie und Wissenschaft. Neuwied, 1961.
490. *Ulbricht E.* Weltmacht und Nationalstaat. Leipzig, 1910.
491. *Wahl J.* Traité de Métaphysique. P., 1953.
492. *Wetter G. A.* Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte in der Sowjetunion. 2 Agfl. Wien, 1953.
- 492-a. *Wetter G. A.* Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte in der Sowjetunion. Wien — Freiburg, 1960.
493. *Wetter G. A.* Dialektischer Materialismus. Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. II. Freiburg — Basel — Wien, 1968.
494. *Wetter G. A.* Dialektischer und historischer Materialismus. Sowjetideologie heute. Bd. I. Frankfurt am Main, 1963.
495. *Wetter G. A.* Sowjetideologie heute. Frankfurt am Main — Hamburg, 1962.
496. *Wildman A.* Lenin. Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. 4, 1971.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Авенариус Р. 262
 Адлер М. 103
 Адоратский В. В. 204
 Адорно Т. 60, 61, 467—469, 471—474
 Айер А. Дж. 20—22, 573
 Аксельрод Л. И. 201, 329
 Александров А. Д. 423
 Александров Г. Ф. 278, 279
 Алексеев М. Н. 397, 411
 Алексеев П. В. 421
 Амбарцумян В. А. 423
 Андреев И. Д. 381
 Андреев Э. 427
 Андропов Ю. В. 304
 Анохин П. К. 338, 423
 Аристотель 24, 536
 Арманд И. 184, 185
 Арон Р. 46, 49—51
 Арсеньев А. 312
 Арцимович Л. А. 423
 Аскин Я. Ф. 427
 Асмус В. Ф. 211, 365, 366, 388, 398
 Аудов В. 315
 Афанасьев В. Г. 402, 427

 Баммель Г. 419
 Барт К. 478
 Батищев Г. С. 311, 406
 Бауэр О. 111
 Бах А. Н. 422
 Башляр Г. 442
 Бёме Я. 475
 Бергсон А. 41, 476, 480, 492
 Бердяев Н. А. 481, 482, 491, 493—502
 Бернштейн Э. 15, 56, 65, 66, 274, 275, 445
 Библер В. С. 312, 334, 403
 Биндер Ю. 442
 Блауберг И. В. 402
 Блекли Т. 504
 Блондель М. 459
 Блохинцев Д. И. 422—424, 427
 Богданов А. А. 80, 197, 198, 200
 Боголюбов Н. Н. 424
 Богомолов А. С. 424
 Бозанкет Б. 441, 454

 Больян 567
 Больцман Л. 420
 Борн М. 86, 87
 Боссэ Г. 419
 Бохеньский Ю. М. 12, 378, 504, 506, 516, 518
 Брежнев Л. И. 126, 291, 305, 339, 352
 Брейлсфорд Г. 110
 Brentano Л. 557
 Бриджмен П. 85, 93
 Бронин Я. 275
 Бруннер Э. 478
 Бруно Дж. 538
 Брэдли Ф. Г. 441, 443, 449—451, 454
 Бультман Р. 478
 Бутенко А. П. 343, 344
 Бухарин Н. И. 28, 133, 157, 162, 191, 198, 200, 206, 251, 268, 269, 329, 330
 Быстрянский В. 211
 Быховский Б. Э. 212
 Бэкон Р. 537
 Бэкон Ф. 537, 538
 Бюхель В. 422

 Вавилов С. И. 422, 423
 Вазюлин В. А. 397, 399
 Валь Ж. 442
 Вандервельде Э. 179, 190, 191
 Варьяш А. 206, 367, 369, 415
 Вахтомин Н. К. 381, 406
 Введенский А. 482
 Вернадский В. И. 422
 Веттер Г. А. 378, 422, 503, 504, 508—510, 514—516, 518, 521, 529—532
 Вильдман А. 528, 529
 Винер Э. 47
 Витгенштейн Л. 552
 Власов Н. 277, 280
 Войшвилло Е. К. 377, 398
 Вольтер Ф. М. 474
 Вольфсон С. Я. 367
 Вонсовский С. В. 427
 Востриков А. В. 382
 Вышеславцев Б. 489

¹ Указатели составлены Е. А. Сафроновой.

Габриэльян Г. Г. 369
 Гайм Р. 437, 438
 Гак Г. 276
 Галилей Г. 538
 Гароди Р. 24, 25, 42
 Гартман Н. 262
 Гартман Э. 438, 487
 Гегель Г. В. Ф. 8, 11, 24, 25, 27, 31, 34—37, 43, 60, 61, 68, 70—76, 78, 79, 91, 97, 102, 106, 107, 114—116, 135, 149, 191, 197, 203, 204, 235, 278, 327—329, 335, 367, 368, 388, 392, 401, 403, 407, 436, 438—440, 443, 447, 448, 450, 451, 453, 457, 467—468, 472, 475, 482—485, 487, 496, 498—501, 506—507, 511, 521, 529, 531, 533, 535—542, 544, 570
 Гедё А. 61
 Геккель Э. 324
 Генес С. 366
 Георгиев Ф. И. 333
 Гераклит Эфесский 99, 326, 536
 Гершель В. 538
 Гершель Дж. 538, 539
 Гессен Б. 419, 422
 Гёте И. В. 489
 Гильберт Д. 567
 Гильфердинг Р. 103, 111, 112
 Гоббс Т. 465
 Гобсон Дж. А. 108, 109
 Гогоцкий С. С. 483
 Гомес Я. 441
 Гоникман С. 208
 Гонсет Ф. 94, 442, 573
 Горбач В. И. 311
 Георгий из Леонтин 99
 Горохов Ф. А. 212, 213
 Горский Д. П. 376, 381, 388, 389, 392, 399
 Готт В. С. 338, 427
 Гредескул Н. 366
 Грин Т. Х. 441, 449
 Гропп Р. О. 333
 Грушин Б. А. 398, 399, 407
 Гук Р. 538
 Гуссерль Э. 494, 555—557
 Гэлбрейт Дж. 46
 Дам Г. 504
 Даниэльсон (Даниельсон) Н. Ф. 193

Дарвин Ч. 67, 324
 Дебольский Н. Г. 483, 484
 Деборин А. М. 202—204, 214, 225, 330, 366, 367, 370, 419, 421
 Декарт Р. 537
 Депенчук Н. П. 427
 Детуш-Феврие П. 442
 Джевонс Ст. У. 448, 449
 Джентиле Дж. 442, 459
 Джунусов М. С. 277
 Дзержинский Ф. Э. 242
 Дильтей В. 462, 480
 Достоевский Ф. М. 496
 Дудель С. П. 311
 Дубинин Н. П. 423
 Дунс Скотт (Иоганн Дунс Скотт) 537
 Дьюн Дж. 262
 Дынник М. А. 205
 Дышлевой П. С. 426
 Дюринг Е. 162, 317, 528
 Евклид 536
 Егоршин В. 422
 Енчмен Э. С. 196—198
 Жданов А. А. 278, 279
 Жоза А. 563
 Журавский Д. 422
 Завадский К. М. 427
 Зак С. Е. 315
 Захаров Ф. И. 358
 Зибер Н. И. 68, 76
 Зиновьев А. А. 377, 393, 396, 411, 416
 Зомбарт В. 65
 Зотов А. Ф. 426
 Ибн-Рушд (Ибн-Рошд) 537
 Ибн-Сина 537
 Ильенков Э. В. 277, 375, 376, 396, 406
 Ильин А. Я. 427
 Ильин В. В. 402
 Ильин И. А. 482—488, 499
 Ингензанд Г. 504, 508, 513, 516, 519, 521—524
 Иоффе А. Ф. 422, 423
 Ипполит Ж. 442
 Калинин М. И. 235, 236
 Калтахчян С. Т. 277
 Каменка Е. 508, 531

Каммари М. Д. 249
 Камшилов М. М. 427
 Кан Г. 47
 Кант И. 440, 447, 472, 484, 539
 Карев Н. 205, 227
 Карл Великий 109
 Кармин А. С. 427
 Карнап Р. 571
 Карсавин Л. П. 489
 Кассирер Э. 452, 453, 549, 550
 Кастерин Н. 422
 Касымжанов А. Х. 406
 Каутский К. 16, 42, 43, 66, 104,
 111, 112, 118, 127, 135, 136,
 154, 179, 190, 191, 274, 275
 Кедров Б. М. 312, 313, 338, 376,
 381, 383, 388, 390, 399, 402,
 403, 407, 424, 433
 Кейнс Дж. М. 109, 110
 Келдыш М. В. 423
 Керр К. 46
 Киров С. М. 234
 Клагес Л. 480
 Ковальчук А. С. 315
 Коген Г. 451—454
 Кожев А. 442, 445
 Кожибский А. 555
 Козловский В. А. 312
 Коллингвуд Р. Дж. 553
 Колмогоров А. Н. 422, 423
 Кольман Э. 422
 Кон А. 198
 Кон Я. 442, 447, 455, 456, 475
 Кондорсэ (Кондорсе) М. Ж.
 501
 Константинов Ф. В. 205
 Коперник Н. 567
 Колпин П. В. 334, 376, 392,
 403, 407, 411, 433
 Короткова Г. П. 427
 Красин Ю. А. 358
 Кратил 99
 Кремянский В. И. 427
 Кромер Э. Б. 118
 Кронер Р. 442, 445, 476, 549
 Кроче Б. 442, 443, 459
 Кузнецов И. В. 426
 Кузьмин В. П. 315, 402
 Кукаркин Б. 423
 Кунов Г. 113, 135
 Кураев В. И. 392
 Курош А. Г. 422
 Курсанов Г. А. 390, 424, 427,
 433

Курчатова И. В. 324
 Курылев А. 276
 Кьеркегор С. 61, 477, 478, 496

Ланге М. 504, 511, 516, 522,
 525—528
 Ландау Л. Д. 423
 Ландгребе Л. 557
 Лансбург А. 125
 Лапшин И. И. 482
 Лафарг Л. 322
 Лафарг П. 40
 Левенталь Ф. 504, 513, 516
 Леви-Стросс К. 557, 558, 560
 Левит С. 419
 Лейбниц Г. В. 488, 539
 Лекторский В. А. 276
 Лем Г. П. 315
 Ленин В. И. 3, 4, 7—19, 21—
 40, 42—45, 51, 53, 57, 58,
 63—76, 78—85, 87—92, 94, 96,
 97, 99—109, 111, 113—120,
 122—139, 141—143, 145—200,
 203, 204, 207, 209—214, 217,
 218, 222—225, 228, 230, 231,
 233, 235, 237, 240, 245, 246,
 248, 256, 260, 261, 269—273,
 275, 286, 287, 290, 293, 295,
 296, 302, 303, 314, 317, 318,
 320, 323, 326, 328, 329, 334,
 336, 339, 341, 344, 345, 352—
 355, 357, 361, 362, 368, 374,
 376, 379, 382, 385, 386, 389,
 403, 419, 421, 431—433, 437—
 440, 444, 474, 510, 511, 513,
 515, 522, 524, 528, 529, 531,
 542—545, 561, 569, 570
 Ленч П. 135
 Леонардо да Винчи 537, 538
 Либерт А. 442, 455, 457
 Ллойд-Джордж Д. 175
 Лобачевский Н. И. 567
 Ломоносов М. В. 538
 Лопатин Л. М. 482, 487, 499
 Лосев А. Ф. 490
 Лосский Н. О. 482, 489—492
 Лоувилл 555
 Лукач Д. 444, 467
 Луппол И. К. 212, 226, 419
 Лысенко Т. Д. 425
 Люберсак Ж. де 174
 Люкас Ч. П. 118
 Люксембург Р. 113

- Макарова М. Ф. 402
 Максимов А. А. 419, 422
 Мак-Таггарт Дж. Э. 441
 Мальцев В. И. 411
 Мамардашвили М. К. 407
 Мамзин А. С. 427
 Мао Цзэ-дун 16, 58, 59, 302—304
 Марек Ф. 13
 Марк З. 442, 444, 445, 455
 Марко К. 504, 507, 512
 Маркс К. 7—10, 13, 16, 17, 24, 27, 31, 39, 43, 45, 48, 56, 58, 61, 64, 66—71, 75—79, 94, 101, 102, 108, 111, 114—118, 127, 134, 136, 138, 139, 147—149, 152, 159, 164, 186, 197, 203, 204, 207, 209, 211, 215, 217, 245, 272, 278, 286, 303, 316, 317, 319, 322, 326—329, 336, 341, 365, 367, 368, 378, 379, 392, 397, 425, 431, 436, 437, 439, 444, 446, 451, 456, 458, 462, 467—469, 472, 475, 506, 510, 513, 516, 522, 523, 529, 541, 542
 Маркузе Г. 60, 61, 467, 468, 470, 471
 Марр Н. Я. 425
 Мейер А. Г. 514, 515
 Мельвиль Ю. К. 424
 Менделеев Д. И. 323, 324
 Милль Дж. С. 538
 Минасян А. К. 381
 Минин С. К. 196, 198
 Митин М. Б. 204, 211, 212, 312, 313, 338, 368
 Миткевич В. 422
 Михайловский Н. К. 317
 Мичурин И. В. 422
 Модржинская Е. Д. 277
 Моно Ж. 560
 Морандини Ф. 441
 Мостепаненко А. М. 427
 Мостепаненко М. В. 427
 Мотрошилова Н. В. 424
 Мюллер Ф. 324
 Мюллер-Маркус З. 422
 Наполеон I 109
 Нарский И. С. 384, 399, 407, 421, 424
 Наторп П. 452, 549
 Науменко Л. К. 406
 Невский В. И. 196, 198, 422
 Ницше Ф. 61, 480, 496
 Новгородцев П. И. 484, 485, 487, 488, 499
 Ньютон И. 538, 539
 Огирман Г. 378, 504
 Ойзерман Т. И. 424
 Оккам В. 537
 Окулов А. Ф. 205
 Оленов Ю. 427
 Омельяновский М. Э. 427
 Опарин А. И. 423
 Остин Д. Л. 553
 Пахомов Б. Я. 427
 Перов С. 419
 Петров Ю. А. 377, 392
 Петрович Г. 57
 Пиаже Ж. 560
 Платон 457
 Платонов-Гиляров Н. П. 485
 Пленгс 103
 Плеханов Г. В. 18, 19, 68, 135, 190, 203, 327, 415
 Подкорытов Г. А. 399
 Пономарёв Б. Н. 340, 356, 357
 Пономарёв Н. А. 347
 Поппер К. Р. 15, 16, 378, 553
 Потресов А. Н. 154
 Ральцевич В. 204
 Рапопорт А. 554
 Рассел Б. 553
 Резников Л. О. 424
 Риккерт Г. 549
 Розенталь М. М. 206, 277, 311, 331, 375, 381, 388, 399, 411, 424
 Рубинштейн С. Л. 401
 Румер Ю. 426
 Руссо Ж.-Ж. 496
 Руткевич М. Н. 321
 Садовский В. Н. 393
 Садуть Ж. 174
 Самойлов А. Ф. 419, 420
 Санктис Ф. де 442
 Сарабянов В. Н. 198, 200, 313, 415, 419
 Сартр Ж.-П. 24, 445, 459—464, 466, 467, 499
 Сачков Ю. В. 402
 Свечников Г. А. 427
 Свидерский В. И. 402, 427
 Сеитов П. Д. 333

Семенов Н. Н. 423
Семковский С. Ю. 367, 422
Сетров М. И. 427
Симонов К. М. 299
Сисакян Н. М. 423
Ситковский Е. П. 313, 331, 334,
369

Скрыпник П. А. 204
Смолуховский М. 420
Соболев А. И. 345
Соболев Л. С. 320
Соболев С. Л. 423
Соловьёв В. С. 481, 482, 490
Солодухин Ю. Н. 393
Сорокин П. А. 46
Соссюр Ф. де 557
Спавента Б. 442
Спенсер Г. 40, 67, 560
Спиноза Б. 326
Спокойный Л. 367
Стагирит см. Аристотель
Сталин И. В. 16, 209, 210, 222,
224, 235, 257, 277, 280, 281,
288, 321, 330, 331, 373, 374

Стасов 483
Степанов И. И. 419, 420
Степанян Ц. А. 279, 281, 308
Стёрлинг Дж. Х. 441
Стеффен Г. Ф. 110
Столяров А. 313
Столяров В. И. 433
Страхов Н. Н. 483
Строусон П. Ф. 553
Струве П. Б. 42, 68, 385
Струков Э. 276
Стэн Я. Э. 366, 419
Суворов Л. Н. 421
Суслов М. А. 290, 340, 354
Сэнфорд Д. 557

Таймер В. 56
Тамм И. Е. 422, 424
Телезио Б. 538
Тимирязев А. К. 419, 421, 422
Тимирязев К. А. 422
Тимофеев И. С. 315, 402
Топорков А. К. 367
Трахтенберг О. В. 206, 226
Тренделенбург А. 438
Трубецкой Е. Н. 487, 499
Трубецкой Н. С. 557
Трубецкой С. Н. 482, 486, 487,
499
Туган-Барановский М. И. 68

Тугаринов В. П. 333, 403
Тымянский Г. С. 207
Тюхтин В. С. 402, 407

Уёмов А. И. 315, 393
Ульбрихт Э. 110

Фальк Г. 504, 507, 516, 520
Фарбер М. 555
Федосеев П. Н. 60, 287, 336,
340, 341, 348—350, 353, 358
Фейербах Л. 77, 204
Фесенков В. Г. 423
Фетшер И. 504, 506
Филипс М. 55
Фингер В. 206
Фихте И. Г. 447, 501, 539
Фишер К. 557
Фишер Э. 13
Фок В. А. 422—424, 427
Фоунс У. 47
Фрайер Г. 442
Франк С. Л. 482, 489, 490, 492
Франк Ф. 422
Фредерикс В. 422
Фрейд З. 470, 558
Фридман А. А. 422
Фролов И. Т. 427
Фуко М. 558, 560

Хабермас Ю. 60, 468
Хайакава С. И. 554
Хайдеггер М. 262, 472
Хайлов К. 427
Хомяков А. С. 496
Хоркхаймер М. 60, 467, 468
Хофман В. 504, 522
Хук С. 19, 371, 378
Хэрбинсон Ф. Г. 46
Хэринг Т. Л. 442

Цейтлин Э. 422

Чагин Б. А. 205
Черемных П. С. 205
Черкесов В. И. 386, 411
Чернышев Б. С. 368
Чернышевский Н. Г. 318
Чертков В. П. 311
Черчилль У. 175
Чисхолм Р. 557
Чичерин Б. Н. 67, 483, 484
Чудинов Э. М. 426

Шварц С. 427
Швырёв В. С. 393, 394
Шеллинг Ф. В. Й. 457, 539
Шептулин А. П. 333—335, 338,
403, 407, 433
Ширвандт М. 206
Широканов Д. И. 403
Шлейермахер Ф. Д. Э. 457
Шопенгауэр А. 438
Шпрангер Э. 462
Штайгервальд Р. 62, 471
Штейнберг Г. 362
Штракс Г. М. 311
Шульц-Геверниц (Шульце-Ге-
верниц) Г. 103

Щедровицкий Г. П. 393
Щербаков Д. И. 423

Эйнштейн А. 92, 93, 422, 424, 571

Энгельс Ф. 7—9, 13, 14, 18, 27,
34, 39, 43, 45, 57, 64, 69, 79, 94,
108, 134, 138, 149, 162, 193,
195, 200, 203, 204, 215, 245,
263, 266, 272, 317—319, 322,
325, 328, 365, 368, 378, 379,
387, 403, 410, 419, 420, 425, 436,
437, 443, 444, 460, 467, 506,
509, 510, 513, 516, 522, 528,
529, 531, 541, 542

Югай Г. А. 402, 406, 427
Юдин П. Ф. 204, 368

Яблоков А. 427
Якобсон Р. 557
Яковенко И. 483, 484
Яновская С. А. 422, 423
Ярославский Е. М. 204
Ясперс К. 478—480

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абстракция 415, 416

- в современной формальной логике 387, 411
- и язык науки 411

Возможность и действительность

- как категории диалектики 183
- и превращение возможности в действительность 184

Восхождение от абстрактного к конкретному 30, 77

- и движение от конкретной действительности к научной абстракции 81, 117

Гегельянство

- как тенденция в русском идеализме 483
- как тенденция в советской философской литературе 20-х годов 204, 329, 330, 421

Гуссерлианство 555

- эволюция гносеологических принципов 556

Движение 99, 265

- механическое 98, 265, 266
- и противоречия 529, 530
- и развитие 265—267, 322, 516, 518
- и самодвижение 98, 115, 149, 199, 516
- в логике понятий 99, 398

Диалектика

- как итог, сумма, вывод истории познания 405, 535, 569
- как логика и методология науки (научного познания) 106, 361, 371, 373, 375, 379, 421, 424, 429, 430, 433, 435, 540, 562, 566, 567
- как логика и теория познания 8, 27, 30, 38, 64, 70, 79, 361, 370, 376, 388, 389
- как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления (как учение о развитии бытия и

мышления) 13, 18, 23, 27, 39, 63, 79, 148, 149, 364, 369—372, 384, 388, 544, 561

- как научная методология революционного мышления и революционного действия 260, 535—542
- как система законов, понятий и категорий 18, 23—27, 31, 34, 561
- как учение об относительности человеческого знания 18, 83, 572
- как учение о противоречиях 32, 311, 438, 545
- предмет 384, 388, 389, 408
- и естествознание 11, 12, 420, 439
- и историческая практика 16, 17, 33, 70, 541, 542, 544
- и метафизика 387
- и формальная логика 263, 362, 365, 366, 386, 387, 414, 415 (см. материалистическое понимание истории, мистика, неотомизм)
- ленинская теория 117—120, 122—125, 127, 133
- неравномерность экономического и политического развития 123, 132, 137
- противоречия 109, 117—123, 127, 139—140
- и буржуазные и оппортунистические теории империализма 112, 118, 136, 157
- и переход к социализму 124, 125
- и социалистическая революция 117, 123, 137

Диалектика мирового коммунистического движения

- и марксизм-ленинизм 130

Диалектика мирового революционного процесса (перехода от капитализма к социализму) 356, 357

- как переход от старого качества к новому 179, 194
- как скачок 181, 245
- закономерности 146—149

- общие принципы и своеобразные условия их применения 354
- основные теоретические проблемы 358, 359
- противоречия 150, 151, 207, 208, 219, 232, 343, 349
- и ее извращения в маоизме 355
- Диалектика мировой системы социализма**
 - закономерности 343
 - единство и противоречия 302, 304, 305, 307, 344—346, 349
 - основные тенденции развития 344
- Диалектика научно-технического прогресса**
 - и мировой революционный процесс 124
 - и социалистическая революция 126
 - и социальный прогресс 124, 561
 - в условиях капитализма 350
 - в условиях социализма 126
- Диалектика национально-освободительных движений** 121, 130, 341
- и тенденция некапиталистического пути развития 144, 351
- Диалектика общественного развития** 561, 568
 - восходящая и нисходящая линии 357, 360
 - и ленинская методология анализа общественных процессов 354
 - и развитие диалектики как науки 359
- «Диалектика практики» («философия практики»)** 458
 - и «философия действия» 459
 - и экзистенциализм 459, 460, 463, 465, 467
- Диалектика природы**
 - отрицание в современной буржуазной и ревизионистской философии 440, 443—447, 467, 507
- Диалектика современного капитализма**
 - характер противоречий 285, 291, 343, 349—351
- Диалектика современной исторической эпохи** 339, 340, 546
- Диалектика развитого социалистического общества**
 - как диалектика перерастания социализма в коммунизм 271, 283, 288, 308—311, 348, 353, 546
 - специфика противоречий и их преодоление 268, 269, 277—281, 283, 290—292, 295, 297—301, 310, 343, 349
 - и практика социализма 277
 - и социальное единство общества 150, 172, 194, 272—274, 279, 281, 286, 287, 290, 293, 294, 299
 - и теория диалектики социализма 195, 216, 217, 233, 235, 253, 256, 257, 259, 545
- Диалектика социалистической революции** 140, 354, 356, 357, 544
 - как историческая закономерность 48, 52, 128, 132
 - как процесс 48
 - как скачок в развитии общества 52, 53
 - как форма разрешения антагонистических противоречий 141, 164
 - и взаимодействия объективных и субъективных факторов 543
 - и оппортунистические теории 162—163
 - и руководящая роль партии рабочего класса 543
 - и социальная стратегия 128—131
- Диалектика субъективного и объективного**
 - в познании 82—85
 - в революционном процессе 543
 - в социальном развитии 170, 300, 301, 305
- Диалектика в философской системе Гегеля**
 - как «алгебра революции» 541

- как логика 71, 73, 74, 106, 328, 392
- как «наука наук» 437
- и истолкование закона единства противоположностей 528, 529, 533
- и идеализм 73—75, 102, 149, 436, 437, 533, 540, 541
- Диалектическая логика 29, 32, 33, 68, 71—73, 75, 88, 94, 95, 97, 98, 102, 103, 106, 149, 185, 187, 360, 361, 367, 369, 376, 380, 382, 388, 391, 394, 414, 453, 564, 567
- предмет 397—399
- структура 34—36
- и формальная логика 191, 192, 362, 366, 368, 413, 415
- «Диалектическая теология» 477, 478
- Диалектический метод
 - как метод научного познания 17, 260, 385, 386, 388, 419, 434
 - как система приемов, форм и правил диалектического мышления 434
 - как способ мысленного движения по объекту 434
 - и методы частных наук 260, 264, 426, 428, 444
 - и системно-генетический анализ 326
 - и системно-структурный анализ 260, 326, 399, 402, 566
 - и формальные методы исследования 260, 390
- Отрицание диалектическое 91, 244
 - интерпретации в идеалистической диалектике 454
- Единство и борьба противоположностей
 - как закон развития природы и общества 98, 133, 151, 165, 278, 285—287
 - как закон познания 22, 98, 99, 115, 202, 211, 383
 - как ядро диалектики 32, 101, 328
 - относительность единства и абсолютность борьбы противоположностей 286, 289

- и вульгаризация в современной «советологии» 527—529
- и механистические трактовки 201
- и теория «двух диалектик» 287
- Законы диалектики 23, 24, 27, 267, 327, 372
 - проявление и действие 148, 322, 323
 - связь и взаимозависимость 327—329
 - и вульгаризация их в «советологии» 524—527
 - и позитивистское толкование их 22
 - и проблема тождества законов бытия и мышления 80, 406, 407
 - и специфика действия в сфере познания 379—384, 408 (см. также единство и борьба противоположностей, категории диалектики, отрицание отрицания, переход количественных изменений в качественные)
- Интернациональное и национальное
 - как общее и специфическое 344, 345
- «Интуитивная диалектика» 489, 490—493
- Информация
 - как философская категория 336
- Истина 115
 - как диалектический процесс 37, 88, 89
 - историческая конкретность 33, 117
 - объективность 100
 - абсолютная и относительная 100
 - и заблуждение 89, 100 (см. практика)
- Историзм
 - как историческая конкретность истины 33
 - как методологический принцип 192
 - и конкретно-исторический подход 185, 186, 193

Историческая эпоха

— как понятие и принципы периодизации истории 154—156

— и переходный период 218

История диалектики

— как философская наука 83, 98, 103, 216, 329

— этапы развития 536—541

— и диалектическая традиция в истории философии 441

— и история развития научно-логического мышления 394, 536—539

Критерии диалектики 97

— как система 267, 333, 334, 402, 403, 405

— как ступени познания 94, 95, 403—405

— развитие и разработка 327, 329—335, 402

— и законы диалектики 331, 394, 403

— и категории естественных и общественных наук 335—337, 569

Качество как категория 198

Кибернетика 377, 387, 391, 564, 566

Класс, классы 154, 156, 189, 190

— интерпретации в современной буржуазной философии 471

Классовая борьба

— содержание и формы 152, 157, 161, 162, 166, 168, 176, 231, 292, 307

Классовый анализ

— как методологический принцип 193

Комплексный подход

— как методологическое требование 326

«Конкретная диалектика» 483—487

Конкретность (конкретное) 487, 488

— диалектическая (предмета и знания о нем) 78, 84 (см. общее)

«Критическая диалектика» 455—457

«Критическая теория»

— и «негативная диалектика» 468, 474

Ленинизм

— как методология революционного мышления 353, 354

— как теория революционного действия 354

— как теория революционного преобразования мира 357

— основа и сущность метода 210, 338

Ленинская программа разработки материалистической диалектики 4, 545

Ленинский этап в развитии марксистской философии 3, 5, 17, 203, 204, 210, 211, 214, 215

Логический формализм

— как гносеологический принцип в современном позитивизме 552 (см. также формальная логика)

Логическое и историческое

— совпадения в диалектической логике 34, 35, 91, 95

Марксизм-ленинизм, современный марксизм 10, 14, 16, 69, 130

— как наука 545

— метод и система 15

— фальсификации в современной буржуазной философии и реформизме 15, 16, 64, 65

— и революционная практика 145

Материалистическое понимание истории

— и диалектика 65, 66

Материя

— как исходный пункт и объект познания 36

— интерпретации в современной буржуазной философии 462

Метафизика (метафизический метод) 387, 462, 475

(см. также диалектика, фальсификации и ненаучные толкования диалектики, мышление)

Методы частных наук

- системно-генетический 326
- системно-структурный 260, 326, 399, 402, 566
- Механицизм как метод 4, 41, 200—202, 312, 329, 419, 420, 421
- Мистика 474
 - и мистические истолкования диалектики 475, 479, 502
- Мышление
 - логическая структура 96, 102
 - уровни 96
 - формы и методы 371, 385, 386, 399—401
 - диалектическое 81, 85, 396—401, 406, 535, 536
 - критическое 97
 - метафизическое 82, 98, 136
 - мифологическое 95
 - стихийно-диалектическое 535
 - эклектическое 85
- Наука 89, 90, 94, 446, 565, 572
 - дифференциация наук и синтез в познании 562
 - логика развития 91, 567
 - философские проблемы 426, 428
 - эмпирические и теоретические основания 561
 - и практика 567, 568
 - и развитие познания 91, 390, 547—549
- Необходимость (см. свобода, случайность)
- «Негативная диалектика» 445, 455, 468, 471, 474, 480 (см. свобода)
- Неогегельянство
 - интерпретации диалектики 442, 443, 445, 450, 454—456
 - и критика позитивистской гносеологии 448, 449
 - и экзистенциализм 442, 445, 477
- Неокантианство
 - гносеологические идеи 549, 550
 - интерпретации логики и диалектики 442, 451—455
- Неопозитивизм, логический позитивизм
 - гносеологические принципы 551—553
 - логика и методология науки 92, 260, 388, 389, 571
 - и абсолютизация формально-логических методов 260, 389, 447, 448
 - и отрицание всеобщей значимости диалектических законов 20, 21
- Неотомизм
 - интерпретации диалектики 441
- Несоответствие
 - как вид противоречия 238
 - и соответствие 238, 239, 243
- Общее (всеобщее) 88
 - и единичное 30, 147, 158, 216
 - и конкретное 116, 117, 182
 - и особенное 116, 147, 148, 158, 216, 289
 - и частное 77
- Общественно - экономическая формация 77, 151
- Объект познания
 - как единая объективная система 84, 393
 - диалектический (диалектика объекта) 394—397, 400, 402, 406, 411
 - и субъект 84, 85
- Объективность рассмотрения
 - как единство онтологического и гносеологического моментов 261
 - как исходный методологический принцип (элемент) диалектики 29, 84, 85, 101, 192, 262
- Объяснение как познавательная процедура 409
- Операционализм 85, 86, 93
- Органон логического мышления
 - Органон мышления Аристотеля 536
 - «Новый Органон» Фр. Бэкона 537—539
 - диалектический Органон Гегеля 540
- Отрицание отрицания
 - как всеобщий закон развития 29, 316, 317, 321—323, 326, 328

- как выражение исторической преемственности 316
- интегральный характер 316, 317
- действие в истории философского мышления 325—327
- действие в развитии общества 177, 318—323
- действие в развитии природы 323, 324
- разработка в марксистской литературе 317—326
- циклы действия закона 318—320
- и переход к синтезу 318
- и «триада» Гегеля 316, 317
- Переход**
 - как понятие 151, 178, 218
 - механистическая трактовка 201
- Переход количественных изменений в качественные**
 - как закон диалектики 29, 328
 - в развитии общества 208, 313—315
 - в развитии природы 312, 313
 - в сфере познания 383
- Познание**
 - как движение от субъективной идеи к объективной истине 81
 - как движение от явления к сущности 37
 - как логический процесс 35, 38, 81, 82, 91, 96, 97, 99, 395, 398, 401—403, 407
 - научное 404, 561
 - теоретическое 115
 - активность 80, 81, 568
 - логика и история развития 35, 36, 96, 102, 104
 - логические начала (принципы) 536
 - социальная обусловленность 88
 - структура 385
 - ступени 36, 37, 116
 - и объект познания 84, 393—396, 408
 - и опыт общественного познания 88, 89
 - и содержательно-генетическое исследование познания 394, 395, 401, 405, 406, 408, 430
 - (см. диалектика объективного и субъективного)
- Понятие**
 - как категория познания 569
 - логическое 82
 - научное 89
 - анализ в диалектике 409, 410
 - диалектика развития 70, 90, 105, 188, 190, 191, 385, 390, 398
- Прагматизм**
 - интерпретации диалектики 442
- Практика**
 - как источник и основа познания 567—569
 - как категория диалектики 37, 107, 458, 460, 461
 - как критерий истины 32, 33, 38, 81, 567
 - как определитель связи предмета с конкретной потребностью человека 33
 - как цель познавательного процесса 567
 - и чувственно-предметная деятельность 80
 - (см. наука, субъективное должествование)
- Противоположности** 163
 - как категория 286, 287
 - соединение, сочетание 172—176, 296, 298
- Противоречие**
 - как источник и движущая сила развития 29, 78, 283—285, 290
 - как категория познания 29—31, 99, 100
 - как процесс 157
 - как система 152, 157
 - и тождество 31
- Противоречие социальное**
 - антагонистическое 122, 139—142, 164, 165, 171
 - внутреннее и внешнее 159—162, 228, 229, 306, 342
 - неантагонистическое 142—144, 150, 165—170, 171
 - основное, главное и специфическое 152, 153, 155—158, 237, 308

Развитие (процесс)

- как переход из старого качественного состояния в новое 43, 52
- как переход от низшего к высшему 526
- как принцип материалистической диалектики 265, 267, 360
- источник 29, 32, 43
- мышления 30, 35, 81, 397
- общества 39, 42, 48
- природы 32, 39, 41, 323
- преемственность 177, 245, 247, 316
- спиралевидность 29, 316, 320, 324, 325
- и принцип причинности 527
- и саморазвитие 102, 193

Революционная ситуация

- как единство объективных и субъективных факторов 357

Свобода 467, 472

- и необходимость 97

Семантика 553, 554

Семиотика 378, 387, 390

Скачок

- как перерыв постепенности 141, 314
- как форма качественных изменений 181, 208, 314
- революционный 52, 53, 181
- в форме постепенности 181, 247, 313, 314

Случайность 446

- и необходимость 30, 330, 337

Структура

- как научная категория 336
- как структуралистская категория 559
- и система 558

Структурализм

- методологические и гносеологические принципы 557—560

Субъект 36, 38, 88, 261

- активность 81, 116
(см. объект познания)

Субъективное долженствование

- и практика 116

Сущность

— уровни 90, 99

(см. явление)

Схоластическая логика

- как «формальная диалектика» 536
- структура 537

Теория информации 391

Теория относительности

- и диалектический материализм 422, 424

Теория отражения 12, 263, 472

Теория познания 22, 30, 69, 80

- современная 388, 416

- и историческая «практика» познания 95

- и старая (догегелевская) гносеология 388

- и формальная логика 388

«Трагическая диалектика» 50, 439, 441, 457, 458

- и «диалектика пессимизма» 51

Фальсификации и ненаучные толкования диалектики

- иррационалистическая 447, 459, 462, 474—488, 502
- маоистская 57—59, 105, 163, 164, 275, 302—304
- метафизическая 49, 62, 198
- ревизионистская 24, 25, 66, 196, 197, 200, 274, 444—446
- религиозно-мистическая 440
- субъективистская 439—441, 443, 445, 447
- релятивистская 25
- в «советологии» 504—513, 533, 534
- и эклектика и софистика 59, 64, 66, 100, 101, 113, 114, 118, 135, 136, 156, 179, 186, 187, 190, 249

Феноменология

- гносеологические принципы 555—557

Философия как наука 23

- и естествознание 201, 202, 264

Форма

- и содержание 164, 182, 208, 209, 240—243

Формальная логика

- современная 362, 390, 414, 449
- традиционная 412
- законы 366
- методы 377, 393, 394
- ограниченность 387, 393, 394
- основные понятия 392
- предмет 387, 412, 413, 415 (см. диалектика, диалектическая логика)
- Франкфуртская школа
- интерпретации диалектики 467

Целостность и всесторонность рассмотрения как методологический принцип диалектики 115, 136, 185—187

— и решающее звено 188

Эвристика 378, 387

Экзистенциализм

- интерпретации диалектики 442, 445, 459, 477 (см. «диалектика практики», неогегельянство, свобода и необходимость)

Элементы диалектики

- как методологические правила научного познания 28—30, 101, 115, 431—433

Эмпиризм

- как методологический и гносеологический принцип 551

Явление

- и сущность 79

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	3

Глава первая

Постановка и разработка Лениным вопроса о предмете диалектики как науки	7
1. Эпоха и общие задачи диалектики	—
2. Постановка В. И. Лениным проблем теории диалектики	18
3. Многогранность диалектики как науки. Ее структура и элементы	27
4. Две концепции развития и значение критики Лениным «новометафизического» метода	39

Глава вторая

Разработка Лениным диалектики как логики и теории познания	64

Глава третья

Исследование Лениным диалектики империализма. Диалектика стратегии и тактики социалистической революции	108
1. Ленинский анализ диалектики общественного развития в эпоху империализма	114
2. Диалектика стратегии и тактики социалистической революции	127
3. Развитие В. И. Лениным учения о диалектических противоречиях на опыте социального развития начала XX в.	138

Глава четвертая

Развитие Лениным материалистической диалектики в послеоктябрьский период. Начало исторического перехода от капитализма к социализму	146
1. Историческая обстановка переходного периода и ленинская методология ее познания	—
2. Развитие Лениным марксистского учения о противоречиях	150
3. Ленин о соединении противоположностей	172
4. Разработка Лениным путей и форм перехода от старого к новому в условиях переходного периода	177
5. Конкретно-исторический подход к познанию действительности	184
6. Ленин о диалектике развития понятий	188

Глава пятая

Проблемы теории диалектики в переходный период от капитализма к социализму в СССР 195

1. Защита диалектики, борьба против ее подмены антинаучными методами —
2. Борьба за ленинский этап в развитии материалистической диалектики 202
3. Разработка проблем теории диалектики социализма. Анализ новых видов противоречий 216
4. Категории несоответствия — соответствия в теории диалектики социализма 238
5. Вопросы качественных изменений и преемственности в развитии 244
6. Разработка проблемы субъективного фактора 249

Глава шестая

Диалектика в СССР в период победившего социализма и постепенного перехода к коммунизму 255

1. Развитие материалистической диалектики как целостной системы принципов, законов, категорий в условиях победившего социализма —
2. Принципы объективности рассмотрения, взаимосвязи, развития 261
3. Анализ законов материалистической диалектики. Закон единства и борьбы противоположностей 268
4. Диалектические противоречия и социальное единство советского общества 272
5. Диалектические противоречия и мировое социалистическое содружество 302
6. Закон перехода количественных изменений в качественные 312
7. Исследование закона отрицания отрицания 316
8. Разработка проблемы категорий материалистической диалектики 329
9. Вопросы диалектики мирового общественного развития 339

Глава седьмая

Развитие материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии науки 361

1. Первые подходы к разработке диалектики как логики, гносеологии и методологии науки 363
2. Дальнейшее развитие и реализация ленинских идей о диалектике как логики и теории познания 374
3. Развитие взглядов на диалектический метод и методологическую функцию диалектики в научном познании . . 419

Глава восьмая

Диалектика и буржуазная философия	436
1. Судьбы диалектики в буржуазной философии Запада	—
2. Иррационалистическая диалектика русского идеализма	481
3. Проблемы материалистической диалектики в освещении «советологии»	503
Вместо заключения. Некоторые проблемы теории материалистической диалектики	535
Список цитируемой, упоминаемой и используемой литературы	574
Указатель имен	590
Предметный указатель	596

История марксистской диалектики. Ленинский
И 90 этап. Отв. ред. Г. А. Курсанов. М., «Мысль», 1973.
606 с. (АН СССР. Ин-т философии).

Эта книга представляет собой обобщающее исследование ленинского этапа истории развития марксистской диалектики.

В ней рассматривается огромный вклад, внесенный Лениным в историю диалектики, ее дальнейшее творческое развитие в периоды перехода от капитализма к социализму, построения развитого социалистического общества и перехода к строительству коммунизма.

Книга снабжена именным и предметным указателями.

ИСТОРИЯ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП

Редактор А. В. Мамонтов
Младший редактор И. Танана
Оформление художника В. А. Масленникова
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор Т. Г. Усачёва
Корректор Л. Ф. Кирилина

Сдано в набор 29 декабря 1972 г. Подписано в печать 15 мая 1973 г. Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{32}$, № 1. Условных печатных листов 31,92. Учетно-издательских листов 33,86. Тираж 17 000 экз. А 03782. Заказ № 3. Цена 2 р. 31 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 «Союз-полиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

ИСТОРИЯ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ